С. Булгаковъ.

КАПИТАЛИЗМЪ и ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1900.

С. Булгаковъ.

КАПИТАЛИЗМЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

1903

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1900.

МЗК

...niên sĩ anh
...ện sản xu
...cường r
...bo ... giao thông
...s mà ... mặt hình nào
...ng bất kỳ tình hình nào
...ăng lợi. Chúng ta ra
...tiêm lực kinh tế, cải tiế
...ng kinh tế địa phương
...lan và chuẩn bị điều kh
...ất với nhiệt độ cao trong

ĂN 40 năm nay, giai
lịch sử giao thông
cách mạng. Mỗi l
s tích là mỗi lần giải
...ải trở tiên

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Крупное производство въ земледѣліи.

(Продолженіе).

ГЛАВА IV.

Исторія германскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

1) Развитіе земледѣлія въ Пруссіи въ XIX вѣкѣ до эпохи теперешняго аграрнаго кризиса (до 70-хъ годовъ).

Изученіе исторіи германскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ представляетъ большія трудности сравнительно съ англійскимъ. Эти трудности проистекаютъ изъ трехъ главныхъ причинъ. Первая изъ нихъ лежитъ въ общей невыясненности экономическаго развитія Германіи XIX вѣка, безъ пониманія котораго, очевидно, невозможно и выясненіе развитія земледѣлія. Между тѣмъ какъ промышленное развитіе Англіи въ основныхъ своихъ чертахъ настолько изучено, что можно было предположить ходъ его извѣстнымъ и достаточно было лишь общихъ указаній, экономическое развитіе Германіи, особенно первой половины XIX вѣка, во многихъ отношеніяхъ представляетъ родъ tabula rasa. Безпримѣрные успѣхи экономической науки въ современной Германіи до сихъ поръ не привели еще къ общему синтезу, не дали цѣльной картины всего хода экономическаго развитія; изученіе, согласно общему духу исторической школы, устремилось главнымъ образомъ на детальныя изслѣдованія, давшія не мало цѣнныхъ спеціальныхъ монографій, но еще не было сдѣлано попытки подвести

итоги этого изученія [1]). Можно сказать безъ преувеличенія, что въ современной наукѣ ходъ экономическаго развитія нѣкоторыхъ весьма удаленныхъ эпохъ средневѣковья яснѣе, чѣмъ экономическая исторія XIX вѣка. Авторъ, не могъ, конечно, взять на себя трудную задачу выясненія общаго хода развитія въ XIX вѣкѣ въ полномъ объемѣ, для чего ему пришлось бы черезчуръ расширить рамки своего изученія, хотя ему и не удалось уклониться отъ задачи установленія хотя бы въ самыхъ грубыхъ чертахъ основныхъ моментовъ этого развитія.

Однако задача эта оказывается не вполнѣ выполнима по характеру источниковъ,—и въ этомъ заключается вторая причина трудности изученія германскаго земледѣлія сравнительно съ англійскимъ. Парламентскихъ изслѣдованій, подобно англійскимъ, англійской статистики и, наконецъ, литературы не имѣетъ въ первую половину вѣка ни одна европейская страна. Источники, по которымъ могла бы быть написана исторія развитія Германіи, недостаточны, отрывочны, случайны. Приходится идти во многихъ случаяхъ путемъ догадокъ, аналогій и конструкцій, тамъ, гдѣ измѣняютъ твердыя фактическія данныя. Естественно, это затрудняетъ работу установленія общаго хода развитія даже въ тѣхъ узкихъ границахъ, которыя поставилъ для себя авторъ. Въ третьихъ, та же невыясненность присуща не только исторіи XIX вѣка, но и исторіи происхожденія новаго народнохозяйственнаго строя, которая лежитъ еще за границей того пункта, гдѣ историкъ передаетъ продолженіе работы экономисту. При изученіи развитія земледѣлія приходится имѣть дѣло съ готовыми уже формами, которыя экономисту приходится принять какъ фактъ, не подвергая собственному изслѣдованію. Но тѣмъ не менѣе прошлое этихъ формъ должно быть ясно, какъ необходимое условіе пониманія ихъ даннаго состоянія. Порогъ отъ XVIII вѣка къ XIX въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ составляетъ освобожденіе крестьянъ со всей его экономической обстановкой. И какъ исторія освобожденія крестьянъ, такъ и въ особенности помянутая экономическая ея обстановка далеко не выяснены относительно различныхъ областей Германіи. Не нужно забывать, что теперешняя Германія существуетъ только съ 1871 года. Каждое изъ многочисленныхъ союзныхъ государствъ имѣетъ свою самостоятельную

[1]) Къ этой работѣ намѣренъ, повидимому, приложить свою мастерскую руку В. Зомбартъ, какъ можно судить по напечатанной въ русскомъ

исторію, представляющую рѣзкія отличія какъ въ политическомъ такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Это вообще очень затрудняетъ изученіе исторіи Германской имперіи до 1871 года, потому что большая часть статистическихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ союзнымъ государствамъ, несогласуема и несравнима, между собою (конечно, кромѣ статистики Таможеннаго Союза). Но съ особенной силой это различіе историческаго развитія сказывается на томъ первоначальномъ состояніи, въ которомъ застаетъ ихъ XIX вѣкъ, и которое образуетъ для насъ отправную точку изученія. Мы имѣемъ, правда, капитальныя изслѣдованія Кнаппа относительно восточной Пруссіи, и нѣкоторыхъ его учениковъ относительно другихъ мѣстностей [1]), но цѣлыя области остаются неизученными [2]). Конечно, это заставляло насъ сосредоточить изученіе больше всего на Пруссіи, дѣлая лишь отдѣльные экскурсы относительно другихъ союзныхъ государствъ.

Оффиціальная статистика Пруссіи ведетъ свое начало съ 1816 года, когда было основано Прусское статистическое бюро, первымъ директоромъ котораго былъ извѣстный въ свое время

переводѣ главѣ изъ его обширнаго труда: Германія наканунѣ экономическаго переворота. Спб. 1900.

[1]) *Knapp*, Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887; 2 тома (первый переведенъ и по русски). Ср. его же статью Bauernbefreiung (in Preussen) въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (русскій переводъ въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ на западѣ"). *Его же.* Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit 1891 (русскій переводъ въ „Исторіи труда"). *Его же.* Grundherrschaft und Rittergut. 1897. Изъ старыхъ сочиненій. *Georg Hansen.* Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich bauerlichen Verhaltnisse überhaupt in den Herzogthümern Schleswig und Holstein. 1861. St. Petersburg. *Sugenheim.* Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft St. Petersburg 1861. Изъ школы Кнаппа вышли работы: *J. C Fuchs.* Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften. Strassburg, 1888, Также *L Hausmann.* Die Grundentlastung in Bayern. Strassburg. 1892. Непосредственно къ работамъ Кнаппа примыкаютъ и изслѣдованія Грюнберга объ Австріи. См. главнымъ образомъ *Carl Grunberg.* Die Bauernbefreiung und die Auflosung des gutsherrlich bauerlichen Verhaltnisses in Bohmen Mähren und Schlesien. 2 Bde. Leipzig 1893—94.

[2]) Для характеристики состоянія историческаго изслѣдованія сошлюсь хотя бы на то, что вопросъ о причинахъ различія аграрнаго строя въ Баваріи, странѣ крестьянства, и восточной Пруссіи, странѣ крупнаго землевладѣнія, впервые ставится въ литературѣ въ 1899 году, именно

статистикъ Гофманъ [1]). Раньше этого времени статистическія свѣдѣнія (черпавшіяся изъ оффиціальныхъ донесеній чиновниковъ, списковъ населенія, актовъ и т д.) собирались большей частью частными лицами. Главнымъ источникомъ нашего познанія о состояніи Пруссіи въ началѣ XIX вѣка являются сочиненія нѣмецкаго физіократа Круга, искусною рукой нарисовавшаго самую подробную картину промышленной жизни своей эпохи. Сочиненіямъ Круга присущи недостатки, проистекающіе изъ его физіократическихъ воззрѣній (его вычисленія національнаго валового и чистаго дохода являются, напр., статистическимъ курьезомъ, въ которомъ черезчуръ явственно отпечатлѣлось вліяніе Tableau économique); данныя его очень различаются по качеству и всѣ приблизительны. Но за нѣкоторыми изъ нихъ нельзя отрицать пригодности для характеристики эпохи, въ чемъ особенно убѣждаетъ ихъ соотвѣтствіе даннымъ позднѣйшихъ изслѣдованій статистическаго бюро [2]) [3]).

Пруссія стараго состава (слѣдовательно, съ герцогствомъ Варшавскимъ, которое отошло отъ нея по Тильзитскому миру) имѣла 9,3 милліоновъ населенія, изъ которыхъ 2,3 милл. живутъ въ

проф. *Брентано* въ статьѣ Warum herrscht in Altbayern bäuerlicher Grundbesitz (см. *Brentano*. Gesammelte Aufsatze. Erbrechts-politik. Stuttgart. 1899).

[1]) Обзоръ перваго 50-лѣтія дѣятельности Прусскаго Статистическаго бюро см. у *R. Bock*. Geschichtliche Entwickelung der amtlichen Statistik das preussischen Staats. Berlin. 1863.

[2]) Кругъ написалъ два сочиненія, посвященныя описанію Прусскаго Государства *Leopold Crug* Abriss der neuesten Statistik des preussischen Staats. Halle. 1804. И затѣмъ Betrachtungen uber den Nationalreichthum des preussischen Staats und uber den Wohlstand seiner Bewohner. Berlin 1805, 2 тома. Кругъ называетъ второе сочиненіе комментаріемъ къ первому. Нужно замѣтить однако, что данныя Abriss и Betrachtungen иногда разногласятъ между собою (напр относительно статистики городскаго и сельскаго населенія и др.) Трудно сказать, является-ли это послѣдствіемъ общей шаткости данныхъ или же какихъ-либо другихъ причинъ. Мы придерживались въ случаяхъ разногласія данныхъ Abriss. Изъ другихъ сочиненій ср еще *J. D. F. Rumpf und P. Simhold*. Neueste geographisch statistische Darstellung des Preussischen Staats Berlin, 1816. *C. G. Stein*. Handbuch der Geographie und Statistik des Preussischen Staats. Berlin. 1818.

[3]) Основной принципъ Круга относительно государственнаго управленія состоитъ въ „устраненіи всѣхъ препятствій которыя стоятъ на пути развитія физическаго, экономическаго, нравственнаго и интеллектуальнаго благосостоянія націи". (Betrachtungen, I, 2). Вопреки мнѣнію теперешнихъ экомистовъ Кругъ считаетъ, что „Wohlstand in ökonomischer Hinsicht in

городахъ и остальные 7 милл. въ деревняхъ. Этого одного достаточно, чтобы считать Пруссію того времени деревенской страной [1]). Характеръ Пруссіи какъ деревенской страны станетъ для насъ еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе, что это были за города. Если вычесть пять болѣе значительныхъ городовъ: Берлинъ, Варшаву, Бреславль, Кенигсбергъ и Данцигъ [2]), то среднее населеніе каждаго изъ оставшихся городовъ (которыхъ было 1006 противъ 41,000 деревень) равняется всего 1880 человѣкъ [3]). Города эти были, такимъ образомъ, крупными деревнями, не болѣе того (теперешняя статистика minimum'омъ, выше котораго начинаются городскія поселенія, считаетъ 2000 жителей).

Сказать, что главнымъ занятіемъ прусскаго населенія было земледѣліе, значитъ только придать иное словесное выраженіе факту значительнаго преобладанія сельскаго населенія надъ городскимъ. Если можно придавать какую-нибудь цѣну подробнымъ свѣдѣніямъ, которыя приведены у Круга относительно числа рабочихъ и цѣнности производства ихъ—а эти данныя могутъ имѣть значеніе, по крайней мѣрѣ, иллюстраціи,—то число рабочихъ, профессіонально занятыхъ въ промышленности, равняется въ это время 164,244, которые произвели товаровъ на 51,169,289 талеровъ [4]). Выдѣляются своимъ особеннымъ развитіемъ лишь шер-

---

der Regel da am grössten, wo Erzeugniss roher Producte Hauptzweig ist, am geringsten wo die Menschen blos von den Fabrikarbeiten leben" (Abriss, 85).

[1]) Самъ Кругъ справедливо видитъ въ этомъ „ein Zeichen von Verfall der Städte gegen das platte Land" (Abriss 15).

[2]) Берлинъ имѣетъ 170,000 жителей, Варшава 75 тыс., Кенигсбергъ 63 т., Бреславль—62 т., Данцигъ—47 т.

[3]) По даннымъ Betrachtungen кромѣ 18 городовъ съ населеніемъ выше 10 тысячъ, было два города съ населеніемъ 9—10 тыс.; 6 городовъ имѣющихъ 8—9 т., 7 городовъ отъ 8—7 т., 7 городовъ 7—6 т., 13 городовъ 6—5 т., 18 городовъ 5—4 т., 45 городовъ 4—3 т., 124 города 2—3 т., 377 городовъ 2—1, *393 города имѣли менѣе одной тысячи жителей* Сельскій характеръ страны отражаетъ и статистика домовъ. Число „massive Häuser" было 24,143, число домовъ съ кирпичной или черепичной крышею—145,763, число домовъ съ кровлей изъ соломы или коры—119,236, и наконецъ, число очаговъ (Feuerstellen) безъ всякаго дальнѣйшаго обозначенія было было 1,164,833 (Betracht. 297).

[4]) Вотъ подробныя данныя (пользуюсь подсчетомъ Дитериці, приведеннымъ въ Tabellen und amtliche Nachrichten über den Preussischen Staat für das Jahr 1849. Berlin. 1855. Стр. 997):

стяныя мануфактуры, на развитіе которыхъ потратилъ столько усилій Фридрихъ Великій [1]), льняныя, бумажныя и шелковыя мануфактуры. Эти товары составляютъ и предметъ экспорта.

Нужно, однако, не забывать, что не только въ данное время, но, какъ мы увидимъ, и въ позднѣйшую эпоху обрабатывающая промышленность гнѣздится въ деревняхъ, составляя подсобное занятіе къ земледѣлію и уклоняясь отъ статистической регистраціи. Теперешняго раздѣленія общественнаго труда еще не знаетъ тогдашняя Пруссія. По свидѣтельству Круга, „въ различныхъ мѣстностяхъ Вестфаліи, Помераніи, отчасти Силезіи и во многихъ другихъ мѣстахъ существуетъ побочный трудъ (Nebenarbeit) и въ домахъ многихъ крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей имѣются ткацкіе станки. Въ Силезскихъ горахъ существуютъ даже тысячи лицъ, единственнымъ занятіемъ которыхъ

	Число станковъ.	Число рабочихъ.	Сумма фабрикацій.
I Шерстяные товары	14,039	52,140	13 046,975
II Льняные товары.	48,315	66,747	11.557,573
III. Бумажные товары	7,323	11,355	—
IV Шелковые товары	4,383	7,906	2.831,492
V. Кожа и кожаные товары . . .	—	4 038	3 223,492
VI. Металлическіе товары	—	8,503	4 596.065
VII Маслобойни, крупитчатыя и пильныя мельницы	—	1,030	882,927
VIII. Бумажныя мельницы	—	966	318,174
IX. Табачныя фабрики.	—	3,192	3.344,268
X. Сахароварни	—	478	2 502,980
XI. Стеклянныя фабрики	—	589	218,062

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько мелкихъ производствъ.

[1]) Любопытны для характеристики эпохи критическія замѣчанія Круга относительно порядковъ, представляющихъ pendant соотвѣтственнымъ эпохамъ англійской исторіи: „можно думать съ полнымъ основаніемъ, что законодательныя опредѣленія цѣнъ ручного труда и заработной платы (Dienstlohn) слишкомъ низки и недостаточно вознаграждаютъ служащій классъ. Но можно вполнѣ основательно утверждать, что тѣ самые законы, которые установляютъ плату за трудъ и оказанныя услуги, рѣдко соблюдаются и довольно часто обходятся. Въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ очень дурно, если существуютъ законы, вредъ которыхъ смягчается посредствомъ ихъ нарушенія, и если тѣ учрежденія, которыя должны слѣдить за исполненіемъ закона, допускаютъ изъ чувства справедливости его нарушеніе или, по меньшей мѣрѣ, его игнорируютъ'. (Betracht., II, 213).

является ткачество и пряденье на продажу“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть потребностей удовлетворялась собственнымъ производствомъ, не только относительно продуктовъ питанія, но и другихъ потребностей, очень несложныхъ, вела, другими словами, натуральное хозяйство.

Замѣчательно, что, если мы обратимся къ статистикѣ ввоза и вывоза, насколько, конечно, надежна эта послѣдняя, мы съ удивленіемъ видимъ, что, наряду съ экспортомъ земледѣльческихъ продуктовъ, самая значительная относительно доля вывоза состоитъ изъ продуктовъ обрабатывающей промышленности. Экспортъ имѣетъ такой видъ, какъ будто бы мы имѣемъ дѣло съ „промышленной страной“ въ теперешнемъ смыслѣ слова. У насъ есть данныя о цѣнности внѣшней торговли Пруссіи, относящіяся къ 1795/6 (включая и транзитъ) [2]) въ талерахъ.

	Ввозъ.	Вывозъ.
1) Мѣстные продукты и жизненныя средства	10.398,393	9.960,203
Въ томъ числѣ хлѣбъ, главнымъ образомъ пшеница и рожь.	2.900,909	4.715,106
2) Напитки	3.809,926	1.719,461
3) Колоніальные товары . . .	14.537,708	8.918,992
Сахаръ и сиропъ	6.466,871	4.321,777
4) Фабричные матеріалы. . .	9,803,732	6.042,367
Шелкъ, шерсть, хлопокъ, ленъ, нитки, пряжа	6,519,728	4,074,415
5) Фабрикаты	14.748,974	24.851,597
6) Особо не обозначенные товары.	43,223	74,433
Всего . .	53.341,956	51.567,053

[1]) *Krug.* Abriss, 70. Кругъ замѣчаетъ далѣе относительно силезскихъ кустарей: „заработокъ ихъ колеблется и зависитъ отъ иностранныхъ конъюнктуръ... Здѣсь возникаетъ уже нужда, разъ только хлѣбъ или картофель хоть нѣсколько поднимаются въ цѣнѣ“.

[2]) Заимствуемъ эту таблицу изъ сочиненія *Viebahn.* Statistik des zollvereinten und nordlichen Deutschlands. Band I. Berlin. 1858. Это трехтомное сочиненіе составляетъ самую полную и добросовѣстную сводку всего статистическаго (а также историческаго, географическаго и т. д.) матеріала, который имѣется въ литературѣ первой половины XIX вѣка Не будучи, конечно, въ состояніи замѣнить знакомство съ первоисточниками, Viebahn даетъ тѣмъ не менѣе весьма удобную группировку

Съ этимъ фактомъ мы встрѣтимся еще не разъ ниже. Потому дадимъ ему теперь же посильное объясненіе. Статистическая иллюзія, производимая этими цифрами, разсѣевается, если мы обратимъ вниманіе на незначительность общихъ размѣровъ внѣшней торговли, показывающую, что ея вліяніе касается лишь верховъ народнаго хозяйства, не затрагивая народнаго потребленія въ собственномъ смыслѣ, которое носитъ еще натуральный характеръ. Въ составѣ экспорта есть только одна статья, до извѣстной степени характеризующая и основные устои народнаго хозяйства,— перевѣсъ вывоза жизненныхъ продуктовъ надъ ввозомъ. Это значитъ, что страна удовлетворяетъ своими силами не только собственныя потребности, но производитъ даже избытки (велики они или малы, второстепенный вопросъ; низкая цѣнность вывоза жизненныхъ средствъ понятна, если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, громоздкость земледѣльческихъ продуктовъ, а, съ другой, тогдашніе пути сообщенія и низкую цѣну земледѣльческихъ продуктовъ). Этихъ признаковъ достаточно, чтобы увѣренно сказать, что мы имѣемъ дѣло съ земледѣльческой и въ значительной мѣрѣ натурально-хозяйственной страной.

Что касается всетаки значительной роли промышленнаго экспорта, тонкое объясненіе этому даетъ въ новѣйшее время *Зомбартъ*, который видитъ въ первенствующей роли экспорта признакъ младенческаго состоянія промышленности и слабаго развитія внутренняго рынка [1]). Я могу добавить къ этому лишь

статистическаго матеріала Въ области аграрной статистики сочиненіе Viebahn'a имѣетъ pendant въ видѣ монументальной сводки (а частью и самостоятельнаго изслѣдованія) Августа Мейцена. Grund und Boden des Preussischen Staats. 4 тома (выходили, начиная съ 1868 года).

[1]) Слова Зомбарта относятся къ 40-мъ годамъ Германіи, но могутъ быть a fortiori примѣнены къ разсматриваемой эпохѣ: «.. характернымъ признакомъ недостаточнаго развитія промышленности (является) *зависимость отъ внѣшняго производства и первенствующая роль экспорта.* Такъ, напр. большая часть пряжи, перерабатывавшейся тогда на ткацкихъ фабрикахъ Германіи, привозилась изъ-за границы. Разумѣется, потребность въ желѣзѣ, сталп и машинахъ тоже покрывалась, главнымъ образомъ, привозомъ изъ-за границы Съ другой стороны, очень значительная часть изъ общей суммы произведеній тогдашней нѣмецкой индустріи *вывозилась за границу*; мы убѣждаемся въ этомъ изъ цифръ экспортной статистики, которыя, какъ бы то ни было, всетаки очень велики въ сравненіи съ несомнѣннымъ убожествомъ тогдашней промышленности. До сихъ поръ наука не обращала должнаго вниманія на этотъ признакъ младенческаго

то, что, поскольку вывозъ состоитъ изъ фабрикатовъ, значительность его размѣровъ обусловлена обширнымъ ввозомъ полуфабрикатовъ: цѣнность ввоза полуфабрикатовъ прошлаго года проявляется и соразмѣрно повышаетъ цѣнность вывоза фабрикатовъ нынѣшняго года. Такъ или иначе, но остается безспорнымъ, что статистика внѣшней торговли не способна характеризовать положительнымъ образомъ народное хозяйство, значительная часть котораго остается еще натуральнымъ; самое большее она можетъ дать лишь отрицательную характеристику.

Обращаясь къ земледѣлію, мы должны отмѣтить, что оно испытываетъ въ это время особенный подъемъ. Это выражается въ различныхъ симптомахъ,—самымъ яркимъ и самымъ наглядным является поднятіе цѣнъ на землю и арендныхъ платъ. Одинъ авторъ конца прошлаго вѣка свидѣтельствуетъ: [1]) „нѣтъ ни одной провинціи въ Прусскомъ государствѣ, въ которой за послѣдніе примѣрно 24 года не поднялись бы въ цѣнѣ всѣ земельные участки. Съ особенной силой наблюдается это въ задней Помераніи. Многіе городскіе и сельскіе участки, главнымъ образомъ сельскія имѣнія, безъ различія мѣстоположенія, оплачиваются вдвое выше, чѣмъ въ предшествующую эпоху, а равно и сдаются въ аренду“. Судя по отдѣльнымъ примѣрамъ, приводимымъ Кругомъ (см. въ примѣчаніи) [2]), ростъ арендъ и цѣнъ на землю

состоянія промышленности: послѣдняя долгое время ищетъ сбыта на чужихъ рынкахъ и лишь впослѣдствіи обращается къ туземному рынку. Впрочемъ, если вспомнить плачевное состояніе тогдашнихъ путей сообщенія, насъ нисколько не удивитъ, что зонингенскіе фабриканты находили болѣе удобнымъ вывозить свои произведенія въ Египетъ или Южную Америку, нежели въ Саксонію или Силезію. Мы должны всегда имѣть въ виду это преобладаніе экспорта въ примитивной промышленности, чтобы не ошибиться въ оцѣнкѣ тогдашняго экономическаго развитія Германіи“. (*Зомбартъ.* Германія наканунѣ экономическаго переворота, 28—29) По оцѣнкѣ Круга, внутреннее потребленіе мануфактуратовъ никоимъ образомъ не можетъ однако быть признано незначительнымъ. Общая ихъ цѣнность по даннымъ Fabriktabellen и Steuerbehorden опредѣляется въ 51.169,289 талеровъ, изъ этой суммы вывезено было на 18.237,499 т., остается для внутренняго потребленія 32.931,790 тал., т. е. около $^2/_3$ всего производства.

[1]) Versuch uber das Steigen der Preise von allen Grundstucken, besonders der Landguter in Hinterpommern. Stargard. 1798. Стр. 1.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ повышенія арендной платы (данныя извлечены Кругомъ изъ актовъ и потому достовѣрны): лютеранская цер-

былъ просто головокружительный, чудовищный, особенно, если принять во вниманіе, что тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни другихъ условій стремительнаго поднятія цѣны земельныхъ участковъ, какія знаетъ новое время (значительнаго измѣненія въ цѣнности денегъ за это время также не произошло).

Само собою разумѣется, что источникомъ повышенія цѣнъ на землю является поднятіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства; въ прилагаемой таблицѣ [1]) приведены цѣны на Берлин-

---

ковъ въ Страссбургѣ сдавала земли въ 1798 году въ среднемъ по 250 тал. 10 гр за гуфу, въ 1800 по 304 т. 22 гр., въ 1804 по 515 т. (Betrachtungen. 244) Deutschhemsche Stiftung въ Кальбѣ (въ Магдебургскомъ округѣ) сдавали свои 95 морг въ 1798 году за 102 т. 12 гр. золотомъ и 320 т. 23 гр. размѣнной монетой, въ 1804 году она сдавала тѣ же земли за 220 т. 21 г. золотомъ и 662 т 13 гр. размѣнной монетой Монастырь святого Іоанна въ Гальберштадтѣ до 1804 года сдавалъ свои $590^1/_2$ морг. за 754 т., королевская коммиссія сдала ее съ 1805 по 1811 годъ за 1836 т. золотомъ ежегодно Подобныхъ примѣровъ можно найти большое количество у Круга. Онъ же приводитъ длинный рядъ примѣровъ повышенія цѣнъ на землю, изъ которыхъ приводимъ нѣкоторые для иллюстраціи Имѣніе Генгвицъ въ Силезіи было продано въ 1770 году за 6,000 талеровъ.

„ 1776 „ „ 8,000 „
„ 1790 „ „ 11,000 „
„ 1795 „ „ 20,000 „
„ 1796 „ „ 30,000 „

Имѣніе Таукиттенъ въ восточной Пруссіи было продано.

въ 1772 году за 9,333 талеровъ
„ 1793 „ „ 13,500 „
„ 1794 „ „ 17,000 „
„ 1799 „ „ 20,250 „

Имѣніе Паульвицъ въ Силезіи было продано:

въ 1754 году за 10,000 талеровъ.
„ 1794 „ „ 20,000 „
„ 1799 „ „ 19,500 „
„ 1800 „ „ 46,000 „ и т. д. (Betr. I, 404 сл.)

[1]) *Ucke.* Die Agrarkrisis in Preussen während der Krisis zwanziger Jahre dieses Jahrhunderts Halle 1888. Таблица I Подъемъ цѣнъ чувствителенъ уже въ срединѣ XVIII вѣка. Такъ въ сочиненіи „Zufällige Gedanken über die Frage: warum der heutige Landmann, obgleich die Landguter gegen die Zeiten unserer Vorfahren eine weit stärkere Einnahme gewahren, dennoch bei deren Bewirtschaftung mehr arm als reich wird von dem Verfasser der Oekonomiae forensis (Бенкендорфъ). Halle. 1786, стр. 10, читаемъ: „я самъ очевидецъ, что послѣднія 50—60 лѣтъ въ Неймаркѣ очень часто вынуждены бывали продавать хлѣбъ по 8 грошей за шеффель, тогда какъ теперь и уже съ довольно давняго времени за шеффель платится не менѣе

скомъ рынкѣ. Цѣна прусскаго шеффеля въ зильбергрошахъ и пфенигахъ была:

	Пшеница.		Рожь.		Горохъ		Ячмень.	
	Згр.	Пф.	Згр.	Пф.	Згр.	Пф.	Згр.	Пф
1776—1770	—		33	7	24	7	19	—
1771—1780	51	4	39	2	27	8	21	11
1781—1790	50	10	38	6	29	2	22	11
1791—1800	59	10	43	8	35	9	27	—
1801—1810	96	4	72	8	57	10	41	5

Мы видимъ сильный и почти непрерывный ростъ цѣнъ на всѣ хлѣба, достигающій своего кульминаціоннаго пункта въ эпоху войнъ начала XIX вѣка.

Причина такого необычайнаго роста цѣнъ не могла лежать во внутренней экономической жизни страны. Хотя вліяніе расширенія внутренняго рынка для земледѣльческихъ продуктовъ въ видѣ растущаго неземледѣльческаго населенія, вѣроятно, играло здѣсь роль, но это расширеніе было слишкомъ медленно, чтобы вполнѣ объяснить повышеніе цѣнъ. Быть можетъ, здѣсь оказала вліяніе 7-лѣтняя война, которая, разрушивъ много хозяйствъ и разрѣдивъ населеніе (ея вліяніе чувствуется долго спустя недостаткомъ рабочей силы), сократила предложеніе хлѣба. Но главная и основная причина поднятія цѣнъ была внѣшняго характера, лежала въ экономическомъ развитіи не Пруссіи, а Англіи. Мы знаемъ уже, что около этого времени населеніе въ Англіи обгоняетъ собственное производство земледѣльческихъ продуктовъ, и они начинаютъ ввозиться изъ-за границы. Естественно, что Пруссія, какъ близлежащая страна, приняла большое участіе въ этомъ ввозѣ, особенно же приморскія ее провинціи. По донесенію британскаго консула Якоба [1]), вывозъ хлѣба изъ гаваней Данцига и Эльбинга составлялъ:

---

20 грошей и до 1 талера, это поднятіе цѣнъ наблюдается не только относительно одного хлѣба, но и относительно всѣхъ другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства".

[1]) Report on the trade in foreign corn and on the agriculture of the north of Europa. London. 1826. Appendix 10.

1791—95 гг. 212,960$^{3}/_{5}$ ластовъ, въ среднемъ ежегодно 42,584$^{3}/_{25}$
1796—1800 гг. 255,374$^{1}/_{5}$ „ „ „ „ 51,074$^{24}/_{25}$
1800—1805 гг. 382,735$^{7}/_{10}$ „ „ „ „ 76,547$^{7}/_{50}$

Чрезвычайное поднятіе цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи въ началѣ вѣка вслѣдствіе войнъ намъ уже извѣстно, и, конечно, это поднятіе непосредственно отразилось и на Пруссіи. Послѣдняя принимаетъ мало по малу характеръ земледѣльческаго округа Англіи.

Развитіе англійскаго рынка было немаловажнымъ толчкомъ къ тѣмъ техническимъ и соціальнымъ измѣненіямъ, которыя произошли въ началѣ XIX вѣка въ прусскомъ земледѣліи. До сей поры способъ воздѣлыванія полей отличался здѣсь крайнимъ убожествомъ и экстенсивностью. Послѣднее лучше всего подтверждается свидѣтельствомъ Круга, что культивируемое поле составляетъ всего $^{3}/_{10}$ площади или 18,75%. (Въ 1893 году это поле составляло 42,57%). Господствующей системой полеводства было наше исконное трехполье, которое „приблизительно съ IX до первой трети XIX вѣка, слѣдовательно примѣрно тысячу лѣтъ, являлось господствующей системой полеводства“ [1]).

„Наиболѣе широко распространенной системой земледѣлія — читаемъ мы у Кнаппа,—было, какъ извѣстно, трехпольное хозяйство. Поле (Flur) дѣлилось на три части, которыя въ экономическомъ смыслѣ были равны, т. е. были такихъ размѣровъ, что производили равное количество хлѣба. Каждый хозяинъ, крестьянинъ также какъ и помѣщикъ такъ распредѣлялъ свои разсѣянные участки, что, вмѣстѣ взятые, въ каждомъ изъ трехъ полей они были экономически приблизительно равны... На одномъ полѣ производилось озимое, на другомъ яровое; третье же поле въ это время оставалось подъ паромъ“ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ царила страшная черезполосица: господскія поля были перемѣшаны съ крестьянскими, каждый владѣлецъ имѣлъ свои поля разсѣянными во многимъ участкахъ, въ результатѣ чего былъ принудительный сѣвооборотъ (Flurzwang). Пастбище для скота было общее; оно отличалось, конечно, весьма низкимъ качествомъ; оттого скотъ питался скверно, а „недостаточное питаніе скота вызывало постоянный недостатокъ въ удобреніи, и это, въ свою очередь, обусловливало чрезвычайную экстенсивность хозяйства“ [3]).

[1]) Статья ф. д. Гольца „Ackerbausysteme“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ 2-te Ausg. I, 40.

[2]) *Knapp* Bauernbefreiung, I, 6.

[3]) Ibid. 7.

Въ началѣ XIX вѣка пробуждается стремленіе къ поднятію уровня сельскаго хозяйства [1]). Теоретическимъ выразителемъ этого стремленія явился Albrecht Thaer. [2]) Онъ систематизировалъ и далъ посильное научное объясненіе эмпирическимъ наблюденіямъ относительно разныхъ системъ полеводства въ своихъ Grundsätze der rationellen Landwirtschaft 1810—12, въ своемъ журналѣ Moglinsche Annalen der Landwirtschaft и т. д. Оставляя въ сторонѣ теоретическія воззрѣнія Таэра, въ настоящее время представляющія лишь историческій интересъ (теорія гумуса), отмѣтимъ его практическую дѣятельность. И собственнымъ примѣромъ въ своемъ Меглинскомъ имѣніи, и литературной дѣятельностью, и чрезъ посредство своихъ учениковъ Таэръ явился ревностнымъ пропагандистомъ многопольныхъ и болѣе интенсивныхъ системъ земледѣлія (главнымъ образомъ четырехполья по англійскому образцу). Роль Таэра ограничивается главнымъ образомъ Пруссіей, за предѣлы которой его вліяніе переходило мало. Естественно, что техническій прогрессъ въ то время былъ доступенъ только крупному хозяйству (не крѣпостное же или только что раскрѣпощаемое населеніе могло явиться его носителемъ!). Къ потребностямъ и условіямъ этого крупнаго хозяйства приспособлено и ученіе Таэра. [3])

---

[1]) „Многіе землевладѣльцы старались ввести англійскую систему сельскаго хозяйства въ Германіи; другіе—поднять его отдѣльныя вѣтви, третьи улучшить породу овецъ“ и т. д. (*Gulich.* Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaues der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit Band II. Jena. 1830. Стр. 324).

[2]) Характеристику воззрѣній и значенія Таэра см. въ статьяхъ Ackerbau, Landwirtschaft въ Handw. d. St, а также общихъ сочиненіяхъ по исторіи и теоріи сельскаго хозяйства: *Goltz* Handbuch der gesammten Landwirtschaft (3 тома 1889—90) *Fraas.* Geschichte der Landwirtschaft 1852 и др.

[3]) Эта особенность тонко подмѣчена и охарактеризована французскимъ агрономомъ „Таэръ былъ представителемъ крупнаго хозяйства (l'homme de la grande culture), и предметомъ его теоретической и практической дѣятельности было управленіе обширными имѣніями или производство зерновыхъ хлѣбовъ, искусственныхъ пастбищъ, корнеплодовъ и промышленныхъ растеній, въ соединеніи съ пастбищнымъ хозяйствомъ. Слѣдуетъ особенно отмѣтить этотъ фактъ, потому что онъ оказалъ значительное вліяніе на всѣ сочиненія Таэра. Легко понять, въ самомъ дѣлѣ, что мелкой культурѣ мало дѣла до тѣхъ многочисленныхъ и различныхъ комбинацій, которыми балансируетъ крупное хозяйство и распредѣляетъ

Но главнымъ и непримиримымъ препятствіемъ къ улучшенію земельной культуры является крѣпостное право, отмѣна котораго образуетъ поэтому не только эпоху въ исторіи человѣчества, но и переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, могущій быть смѣло поставленнымъ рядомъ съ великими открытіями и изобрѣтеніями въ промышленности. Экономическая необходимость отмѣны крѣпостного права была слѣдующимъ образомъ охарактеризована ф. д. *Гольцемъ*. „ранѣе существовавшая несвобода и зависимость рабочаго класса съ необходимостью обусловливала низкую производительность труда; поэтому она могла существовать, лишь пока система хозяйства требовала мало рабочей силы и сохраняла примитивныя формы. Какъ трехполье, такъ и травяное хозяйство, которыя господствовали, за небольшими исключеніями, въ теченіе ряда столѣтій въ Германіи, одинаково характеризуются тѣмъ, что они требовали очень мало рабочей силы и незначительнаго искусства рабочихъ. Съ появленіемъ новыхъ системъ полеводства и съ преобразованіемъ формы сельскохозяйственнаго предпріятія вообще выяснилась и необходимость улучшенія положенія работника. Является не случайнымъ совпаденіемъ, но соединено глубокой внутренней связью то, что, въ одно и то же время, когда Таэръ писалъ свои безсмертные Grundsätze der rationellen Landwirtschaft, въ Пруссіи и въ другихъ нѣмецкихъ странахъ было отмѣнено крѣпостное право, и были устранены ограниченія свободы пользованія землей. Необходимость введенія раціональнаго хозяйства вынуждала отмѣну личной несвободы низшаго населенія, также какъ, съ

свои силы Мелкое хозяйство оперируетъ на ограниченной площади; оно не нуждается въ тѣхъ вычисленіяхъ, которыя въ крупномъ хозяйствѣ необходимы въ каждый данный моментъ, чтобы извлекать наибольшій доходъ изъ земельныхъ участковъ, обладающихъ различными свойствами. Оно не имѣетъ въ одномъ и томъ же хозяйствѣ нѣсколькихъ различныхъ сѣвооборотовъ, эксплуатаціи земли подъ пашнями, подъ пастбищами, подъ лугами и лѣсами. Оно не имѣетъ доходовъ, соединенныхъ съ фермой. Потому наука о пропорціяхъ (science des proportions), наука сельскохозяйственной экономіи теряетъ здѣсь значительную часть своего значенія, и было вполнѣ естественно, что Таэръ, въ виду общаго положенія своей страны, гдѣ крупнымъ національнымъ интересомъ являлось улучшеніе обширныхъ хозяйствъ, имѣлъ въ виду въ своемъ руководствѣ сельскохозяйственной экономіи крупное хозяйство въ гораздо большей степени, чѣмъ мелкое. Этимъ онъ характеризуется, какъ человѣкъ своей страны и своей эпохи". *Eduard Lecouteux.* Cours d'économie rurale, t. I, 20).

другой стороны, возникновеніе класса свободныхъ рабочихъ вело нерѣдко къ измѣненію прежней системы хозяйства". [1]) Таэръ считалъ трудъ двухъ свободныхъ рабочихъ равнымъ, по крайней мѣрѣ, труду трехъ крѣпостныхъ.

Свобода отъ крѣпостной зависимости дана была сельскому населенію королевскимъ эдиктомъ 1807 года. Но этотъ эдиктъ, естественно, явился только началомъ ликвидаціи старыхъ отношеній, самую трудную часть которой составляло распредѣленіе хозяйственныхъ правъ и обязанностей между бывшими помѣщиками и крѣпостными. Отсылая за подробностями къ Кнаппу, раскрывшему исторію „Штейнъ-Гарденберговскаго законодательства" (нѣмецкаго Смитіанизма), ограничимся лишь изложеніемъ основныхъ экономическихъ результатовъ реформы, явившейся весьма сложнымъ компромиссомъ различныхъ стремленій.

Крестьянскія хозяйства при господствѣ крѣпостного права были далеко не одинаковыхъ размѣровъ: различались Vollbauern, Halbbauern, Viertelbauern и т. д., затѣмъ „spannfahige Nahrungen" и „unspannfahige", хозяйства, имѣвшія рабочій скотъ,— обычно пару лошадей, и его не имѣвшія; по характеру правъ на землю различались полные собственники, наслѣдственные арендаторы, временные арендаторы и т. д. Реформа коснулась только тѣхъ крестьянъ, которые были spannfahig и, кромѣ того, alten Bestands (т. е. не принадлежали къ числу хозяйствъ, созданныхъ законодательствомъ Фридриха Великаго). Эдиктомъ о регулированіи 1811, видоизмѣненнымъ декларацією 1816 года, было опредѣлено, что наслѣдственные и ненаслѣдственные арендаторы получаютъ право собственности на свою землю и освобождаются отъ барщинныхъ повинностей и сервитутныхъ правъ помѣщика на землю, теряя въ то же время право на поддержку и покровительство со стороны помѣщика; за это они уступаютъ помѣщикамъ часть своей земли, третью часть, если крестьянинъ былъ наслѣдственнымъ владѣльцемъ, и цѣлую половину, если не былъ наслѣдственнымъ. Регулированіе было, такимъ образомъ, довольно беззастѣнчивой экспропріацією части земли у ея фактическихъ владѣльцевъ, что̀ представляло особый интересъ для помѣщика въ эту эпоху растущей земельной ренты. Никакихъ сроковъ для совершенія регулированія, совершавшагося по прошенію одной

---

[1]) *v. d. Goltz.* Die landliche Arbeiterfrage. 1874. Стр 5.

изъ заинтересованныхъ сторонъ, установлено не было, и революція 1848 года застала еще много барщинныхъ повинностей крестьянъ, такъ что потребовалось въ 1850 году законодательное подтвержденіе закона о регулированіи. „Положеніе о выкупѣ“ (Ablosungsordnung) 1821 года, касающееся одинаково домаціальныхъ и частныхъ крестьянъ (во всемъ предыдущемъ изложеніи рѣчь идетъ о частныхъ крестьянахъ, положеніе которыхъ было вообще хуже, чѣмъ домаціальныхъ), опредѣлило порядокъ выкупа барщинныхъ повинностей тѣхъ крестьянъ, которые имѣли прочныя права на землю (собственности или наслѣдственной аренды) и не были регулированы изложенными закопами. Хотя они удерживали свою землю, но должны были выкупить повинности. Вообще говоря, центръ тяжести для помѣщика лежалъ не въ денежныхъ и натуральныхъ рентахъ, но именно въ этихъ повинностяхъ. „Помѣщикъ живетъ не полученіемъ ренты, платимой ему крестьянами, но онъ самъ является сельскимъ хозяиномъ, имѣетъ обширное хозяйство, значительно превосходящее по размѣрамъ крестьянское, живетъ доходомъ отъ своего имѣнія и получаетъ съ крестьянина главнымъ образомъ не деньги и не плоды, но трудъ. Устройство помѣстныхъ крестьянъ есть по самому глубокому своему смыслу организація труда, именно спеціальная организація труда въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ тогдашняго времени“ [1]). Естественно, что помѣщикъ не хотѣлъ даромъ лишиться своихъ правъ на трудъ даже крестьянъ-собственниковъ. Выкупъ другихъ повинностей, кромѣ барщины, совершался уплатой ежегодной ренты, отъ которой можно было освободиться посредствомъ единовременнаго взноса въ пользу помѣщика суммы, въ 25 разъ превышающей ренту. Право выкупать барщинныя повинности имѣли только „spannfähige“; взамѣнъ повинностей они также могли уступать часть земли или же платить ренту, которая погашалась уплатой суммы, превосходящей ее въ 25 разъ. (Въ 1850 году учрежденъ былъ рентный банкъ). По вычисленіямъ Мейцена, помѣщики получили съ крестьянъ круглую сумму въ 213,861,035 талеровъ [2]); реформа дала имъ, такимъ образомъ, и деньги и землю. Но она же дала имъ и то, что такъ необходимо для процвѣтанія крупнаго хозяй-

[1]) Knapp, I, 20

[2]) Meitzen, op. cit., I, 386.

ства,—рабочую силу. Источникомъ ея явился столь обиженный законодательствомъ классъ крестьянъ всевозможныхъ наименованій (ласситовъ, коссэтовъ и т. д.) и разнообразныхъ правъ, кромѣ подвергнувшихся регулированію (а также spannfähige Nahrungen, ведущія начало отъ Фридриха Великаго). Земли этого класса составили новую прибавку къ помѣщичьему землевладѣнію, барщинныя повинности (конечно, пѣшія) остались на немъ въ прежнемъ видѣ. На мѣсто прежняго хозяйства, хотя и небольшого, но всетаки занимавшаго рабочую силу крестьянина, изобрѣтательные помѣщики стали сдавать избу съ прилежащимъ къ ней участкомъ на тотъ срокъ, на какой заключался съ нимъ рабочій договоръ, опредѣлявшій ихъ обязанности; когда законъ 1850 года постановилъ регулированіе земельныхъ правъ и этой категоріи крестьянъ, регулировать было уже нечего, потому что большая часть старыхъ ласситовъ переведена была на новое положеніе инстовъ (Instenverhaltniss, Dienstleute). Классъ инстовъ, существующій и въ настоящее время, хотя и идущій на убыль, представляетъ уродливое образованіе, пережитокъ крѣпостной эпохи, приспособленный къ требованіямъ новаго времени. Это организація наемнаго сельскохозяйственнаго труда въ странѣ съ рѣдкимъ населеніемъ, съ отсутствіемъ большихъ деревень [1]). Но далеко не вся пролетаризированная часть крестьянскаго населенія превращена была въ инстовъ, которые явились еще аристократіей среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ; тамъ, гдѣ это не вызы-

---

[1]) „Установленіе особаго состоянія сельскохозяйственнаго труда,—именно положенія инстовъ,—оказалось необходимо повсюду тамъ, гдѣ имѣнія обширны, населеніе рѣдко и деревни попадаются нечасто... Здѣсь крупный землевладѣлецъ не могъ обезпечить рабочей силы, нужной для своего хозяйства, иначе какъ поселяя людей на собственной землѣ и обязывая ихъ по контракту на продолжительный срокъ работы. Эти обстоятельства наблюдались лишь въ сѣверной Германіи, а въ южной Германіи уже въ эпоху отмѣны крѣпостного права имѣнія были меньше, деревни многочисленнѣе, а населеніе большей частью гуще. Потому мы находимъ классъ инстовъ почти исключительно на сѣверѣ Германіи“ (*Goltz.* Die landliche Arbeiterfrage, 1874. Стр. 15). Въ прусскихъ провинціяхъ Пруссіи, Познани, Помераніи, Бранденбургѣ и Шлезвигъ-Голштейнѣ, также въ Мекленбургѣ они составляютъ главный контингентъ поденщиковъ; въ провинціяхъ Силезіи, Саксоніи, Ганноверѣ, а также въ Брауншвейгѣ они составляютъ значительную долю. Въ меньшемъ количествѣ они встрѣчаются въ королевствѣ Саксоніи, а также въ сѣверныхъ частяхъ Вестфаліи и Рейнской провинціи и рѣдки на югѣ Германіи.

валось необходимостью, потребность въ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, отчасти удовлетворялась не контрактовыми (kontraktlich gebundene) рабочими, а нанимавшимися на короткій срокъ по свободному найму (freie, Hausler, Einlieger и под.).

Естественнымъ восполненіемъ изложенныхъ мѣръ является законодательство о раздѣлѣ общинныхъ полей (Gemeinheitstheilung-Ordnung 1821 г.) и размежеваніи полей (Separation) такъ, чтобы прекратилось чрезполосица и принудительный сѣвооборотъ (Flurbereinigung).

Подвести статистическіе результаты реформы нѣтъ возможности за отсутствіемъ удовлетворительныхъ статистическихъ данныхъ [1]). Несомнѣнно однако, что „въ восточныхъ провинціяхъ, особенно четырехъ старыхъ, перешло въ новую организацію много менѣе крестьянъ, чѣмъ было ихъ при условіяхъ 1756 года, которыя поддерживались закономъ до 1807 года, потому что благодаря отчасти войнѣ, отчасти закономъ дозволенной экспропріаціи исчезло много ласситскихъ крестьянъ (Lassbauern), не говоря уже о позднѣйшей скупкѣ такихъ имѣній, которыя или сначала обладали лучшими правами владѣнія или получили ихъ путемъ регулированія. Невѣроятно, чтобы такое же количество крестьянскихъ владѣній возникло вновь благодаря другимъ причинамъ, напр. дробленію господскихъ имѣній. Четыре восточныя провинціи являются теперь бѣднѣе, чѣмъ прежде крестьянами“ [2]). Помѣщики получили, слѣдовательно, новыя земли для своего хозяйства, изрядную денежную сумму и классъ свободныхъ рабочихъ, болѣе соотвѣтствовавшій требованіямъ новѣйшей техники; были устранены, наконецъ, остатки средневѣкового пользованія полями. Въ конечномъ итогѣ мы имѣемъ крупное земледѣльческое хозяйство въ современномъ смыслѣ; его происхожденіе сводится, такимъ образомъ, къ экспропріаціи непосредственныхъ производителей, къ акту въ извѣстномъ смыслѣ насильственному, а не является результатомъ побѣды крупной формы производства въ борьбѣ

---

[1]) Ср. Knapp, I, VI Кар. § 2. Meitzen, l. c. B IV, стр. 302. Denkschrift des Ministeriums fur Landwirtschaftliche Angelegenleiten въ Zeitschrift des kgl. preussischen statistischen Bureaus, 1865, стр. 5. Самое понятіе Spannfähigkeit различно понимается въ разныхъ мѣстахъ, въ однихъ мѣстностяхъ требуется пара лошадей или быковъ, въ другихъ лишь одна лошадь (Knapp, l. c., I, 259).

[2]) Knapp, I, 325.

конкурренціи. Крупное капиталистическое предпріятіе въ земледѣліи долгое время стоитъ одиноко, не имѣя подобныхъ себѣ въ области промышленности, въ которой господствуетъ мелкое производство; оно принадлежитъ по свому происхожденію прошлому, его появленіе является лишь предвѣріемъ новаго времени, а не его продуктомъ.

Нѣкоторыя добавочныя характерныя черты выяснятся, можетъ быть, изъ сопоставленія историческихъ судебъ Англіи и Пруссіи. Происхожденіе крупнаго земледѣлія въ Англіи, хотя тамъ и не существовало крѣпостного права въ разсматриваемую эпоху, сводится какъ и въ Пруссіи къ экспропріаціи непосредственнаго производителя и превращенія его въ наемнаго рабочаго. Но несмотря на это отсутствіе крѣпостного права, экспропріація произведена была въ Англіи беззастѣнчивѣй и безпощаднѣй, нежели въ Пруссіи, гдѣ ею была, по крайней мѣрѣ, отчасти пощажена цѣлая категорія крестьянъ, общее количество которыхъ, поэтому, гораздо обильнѣй даже въ восточной Пруссіи нежели въ Англіи. Причиной этого различія является отсутствіе здѣсь того политическаго фактора, который въ Пруссіи въ рѣшительныя минуты склонялъ вѣсы болѣе или менѣе въ пользу крестьянъ и умѣрялъ классовый эгоизмъ помѣщиковъ, въ Англіи не знавшій никакого удержа. Факторомъ этимъ была сильная королевская власть, которая въ лицѣ Фридриха Великаго становится на сторону крестьянъ (см. объ этомъ у Кнаппа). Дальнѣйшимъ различіемъ между Англіей и Пруссіей является то, что въ Пруссіи по завершеніи экспропріаціи почти всѣ землевладѣльцы, оставаясь въ деревнѣ, сами продолжали заниматься сельскимъ хозяйствомъ, между тѣмъ какъ въ Англіи веденіе его перешло въ руки крупныхъ арендаторовъ. Это различіе обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ, коренящихся въ экономической и политической исторіи Пруссіи и Англіи. Прежде всего, въ Пруссіи не было того класса болѣе или менѣе состоятельныхъ арендаторовъ, которые могли бы замѣстить собственника: развитію такого класса совершенно не оставляло мѣста крѣпостное право; къ тому же помѣщики получили на веденіе хозяйства капиталъ въ видѣ выкупа, остальное дали гипотеки [1]); полити-

[1]) Гипотечные банки были основаны при Фридрихѣ Великомъ, и отсюда уже ведетъ свое начало гипотечная задолженность крупнаго землевладѣнія, въ которой видятъ иногда признакъ уже развитого капитализма.

ческія условія, требовавшія нерѣдко присутствія англійскаго землевладѣльца въ Лондонѣ, склоняли, наоборотъ, прусскаго оставаться въ деревнѣ, юнкерское имѣніе „должно было продолжать свое существованіе по причинамъ политическаго характера“ (Кнапп). Это первоначальное различіе кладетъ свой отпечатокъ на всю дальнѣйшую исторію крупнаго хозяйства въ Пруссіи и Англіи, какъ мы будемъ въ этомъ убѣждаться не разъ. Наконецъ, заслуживаетъ упоминанія и чисто количественная разница въ размѣрахъ экспропріаціи: тогда какъ въ Англіи она коснулась въ большей или меньшей степени всего острова, вездѣ превращая крестьянство въ пролетаріатъ, въ Пруссіи она имѣла мѣсто только на востокѣ, да и то въ слабѣйшей степени; во всемъ составѣ Германской Имперіи (гдѣ по условіямъ къ востоку Пруссіи подходятъ болѣе всего оба Мекленбурга) это составитъ значительно менѣе половины страны. Это количественное различіе дѣлаетъ понятнымъ всю разницу въ интенсивности процесса эмиграціи въ города и роста городского населенія, какъ онъ совершался въ XIX вѣкѣ въ Германіи и въ Англіи.

Освобожденіе крестьянства знаменуетъ начало новой эры въ развитіи народнаго хозяйства, переходъ къ свободному труду. Начинающуюся съ 1807 года эпоху развитія можно подѣлить—въ грубыхъ, конечно, чертахъ—на три части: первая эпоха до 1849 года — развитіе аграрнаго государства, непосредственно связанное съ освобожденіемъ крестьянъ; періодъ съ 1850 примѣрно до 70-хъ годовъ,—переходная эпоха, и, наконецъ, съ 70-хъ годовъ и до нашего времени, — періодъ земледѣльческо-промышленнаго государства, съ растущимъ преобладаніемъ индустріи; этому ходу развитія всего народнаго хозяйства въ общемъ соотвѣтствуетъ и ходъ развитія земледѣлія.

Само собою понятно, что у насъ отсутствуютъ достаточныя свѣдѣнія о первомъ періодѣ. При отсутствіи удовлетворительныхъ прямыхъ данныхъ, приходится обратиться къ косвеннымъ. Прочной статистической основой для сужденія у насъ являются дан-

---

Отдѣльные примѣры задолженности см. у Круга: Betr. I, 453. Бухенбергеръ (Grundzuge der deutschen Agrarpolitik Berlin. 1897. стр. 103) приводитъ примѣры задолженности имѣній: въ 1775 году $^1/_8$ всѣхъ рыцарскихъ имѣній въ Мекленбургѣ находилась въ конкурсѣ. Въ Пруссіи въ 1805 году процентъ задолженности колеблется отъ 25,9% до 75,4% цѣнности (по доходности или по оцѣнкѣ) въ среднемъ для всѣхъ провинцій 58,0%.

ныя статистики движенія населенія, которыя съ 1816 года (годъ основанія статистическаго бюро) собираются каждое трехлѣтіе (съ 1816 по 1822 жители исчислялись ежегодно); при всѣхъ недостаткахъ, эти данныя являются всетаки самымъ надежнымъ, а вмѣстѣ и самымъ обильнымъ источникомъ поученія о народнохозяйственныхъ судьбахъ Пруссіи первой половины XIX вѣка. Къ этому присоединяются данныя статистики скотоводства и нѣк. др.

Періодъ до 1849 года характеризуется:

a) *значительнымъ приростомъ деревенскаго населенія, при слабомъ, относительно почти неподвижномъ состояніи городского населенія.*

b) *слабымъ развитіемъ промышленности, хотя цифра экспорта фабричныхъ издѣлій сравнительно довольно значительна.*

c) *перевѣсомъ вывоза продуктовъ земледѣлія надъ ввозомъ.*

d) *абсолютной бѣдностью населенія, которая усиливается благодаря тому, что значительный приростъ населенія далеко не сопровождается соотвѣтственнымъ ростомъ народнаго богатства и производительности народнаго труда.*

Въ началѣ XIX вѣка какъ вся теперешняя Германская Имперія, такъ и въ особенности Пруссія обнаруживаютъ такой приростъ населенія, котораго не наблюдается даже въ послѣднюю четверть этого вѣка, эпоху изумительнаго промышленнаго подъема и колоссальнаго роста народнаго богатства. Вотъ цифры, показывающія процентъ средняго ежегоднаго прироста населенія [1]).

---

[1]) Подсчетъ заимствованъ у *W. Kahler*. Die Zunahme der Bevölkerung in den hauptsächlichen Kulturstaaten въ Conrad's Jahrbücher, III F. B. 16, 1898. Быстрый ростъ населенія вызывалъ безпокойство у современниковъ, и вопросъ о перенаселеніи возбуждался и въ литературѣ. См. напр. сочиненія мальтузіанца Weinhold'a, который зашелъ въ проэктѣ полицейской регламентаціи прироста населенія до геркулесовыхъ столбовъ, предлагая „инфибуляцію“ (См рядъ его брошюръ. Von der Uebervolkerung in Mitteren Europa. Halle 1827. Von der überwiegenden Reproduktion des Menschenkapitals gegen das Betriebskapital etc. Leipzig 1828. Das Gleichgewicht der Bevolkerung, als Grundlage der Wohlfahrt. Leipzig 1829 и др. соч. Вейнгольду возражалъ Ernst Wahrhold). Тому же вопросу посвящена и брошюра Гофмана. Ueber die Besorgnisse, welche die Zunahme der Bevolkerung erregt. Berlin. 1835 (вошло и въ Kleine Schriften).

Годы.	Германская имперія.	Годы.	Пруссія.
1816	—	1816	—
1820	1,43	1822	2,11
1825	1,34	1831	1,31
1830	0,98	1840	1,61
1835	0,94	1849	1,04
1840	1,16	1858	0,95
1850	0,76	1867 *)	1,21
1860	0,64	1867	—
1870	0,79	1875	0,85
1880	1,03	1880	1,20
1885	0,70	1885	0,75
1890	1,07	1890	1,12
1895	1,11	1895	1,22

Если даже откинуть цифру за первый счетный періодъ, такъ какъ высокій процентъ можетъ объясняться здѣсь неполнотою перваго подсчета, всетаки остается неоспоримымъ фактъ чрезвычайнаго прироста населенія въ началѣ вѣка, особенно въ Пруссіи.

Характернымъ симптомомъ является то обстоятельство, что этотъ приростъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не только высокой рождаемости (которой соотвѣтствовала, однако, и высокая смертность), но и иммиграціи, на долю которой приходится изъ общаго прироста населенія, равнаго за 24 лѣтній періодъ 1816—1843 гг. 4.579,470 человѣкъ, 1.053,833 или 20,94%. Правда, значительная доля этого числа должна быть отнесена (помимо недостатковъ статистики) на счетъ выселенія жителей изъ областей, отошедшихъ отъ Пруссіи по Тильзитскому миру, но эта причина имѣла силу, самое большее, на 10-лѣтіе [1]), между тѣмъ перевѣсъ иммиграціи продолжается почти до 1846 года. Это показываетъ слѣдующая таблица прироста населенія:

---

*) Стараго состава.

[1]) См. *Hofman.* Sammlung kleiner Schriften des staatswirtschaftlichen Inhalts. Berlin. 1843. Статья Uebersicht der im Preussischen Staate im Jahre 1841 vorgekommenen Geburten, Trauungen und Todesfalle, und Wurdigung ihrer staatswirtschaftlicher Bedeutung, verglichen mit den ahnlichen Ereignissen in dem Zeitraume von 1816 bis 1840. Стр. 2.

Годы.	Перевѣсъ рожденій надъ смертностью.	Иммиграція.
1816—19	72,01%	27,99%
1819—22	86,86	13,14
1822—25	94,97	5,03
1825—28	89,95	10,05
1828—31	77,24	22,76
1831—34	67,32	32,68
1834—37	75,92	24,08
1837—40	58,64	41,36
1840—43	96,58	3,42

Иммиграція составляется, по словамъ Гофмана, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ, работоспособныхъ людей, которые отправляются въ Пруссію въ цѣляхъ обученія или заработка и остаются затѣмъ на постоянное жительство [1]).

Фактъ этотъ можетъ показаться прямо загадочнымъ, если мы припомнимъ еще, что теперешнія самыя промышленныя страны, обладающія гораздо большей емкостью населенія, какъ Англія и та же самая Пруссія, не принимаютъ иммиграціи, а, наоборотъ, сами отдаютъ избыточное населеніе. Какъ ни уменьшаются дѣйствительные количественные размѣры перевѣса иммиграціи съ принятіемъ во вниманіе политическихъ событій и недостатковъ статистики, все-таки приходится признать, что сравнительно съ другими государствами Пруссія того времени представляла, очевидно, большее поле приложенія труда. Но мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, изъ какихъ странъ направлялась иммиграція, поэтому и должны отказаться отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ заключеній. Фактъ перевѣса иммиграціи надъ эмиграціей интересенъ для насъ не положительнымъ, а отрицательнымъ своимъ значеніемъ: онъ показываетъ, что при тогдашнемъ состояніи населенія Европы — а эмиграція въ Америку была незначительна благодаря несовершеству путей сообщенія—другія страны, кромѣ Пруссіи, были склонны

[1]) Гофманъ дѣлаетъ патріотическое замѣчаніе: „какое бы сужденіе относительно несовершенствъ, которыя тяготѣютъ еще на Прусскомъ государствѣ, ни имѣлъ каждый отдѣльный человѣкъ, нельзя всетаки игнорировать, что въ отмѣченномъ перевѣсѣ иммиграціи обраружвается благопріятное сужденіе общественнаго мнѣнія“. (Hofman, l. c. 29).

отдавать, а не принимать избыточное населеніе, что изъ числа тѣхъ странъ, которыя обмѣнивались между собою населеніемъ, Пруссія была наименѣе перенаселенная страна, а потому и быстрый приростъ населенія, отвѣчалъ или не отвѣчалъ онъ темпу развитія производительныхъ силъ страны, осаживался здѣсь же, подъ давленіемъ болѣе плотнаго (относительно) населенія другихъ странъ. Объясненіе это, конечно, гипотетично, но оно есть единственное, какое можно дать. Самое же простое объясненіе, будто перевѣсъ иммиграціи свидѣтельствуетъ о столь быстромъ ростѣ производительныхъ силъ страны, что за нимъ не поспѣваетъ собственный ростъ населенія, противорѣчитъ всему, что мы знаемъ объ экономическомъ развитіи Пруссіи въ разсматриваемую эпоху; несообразность этого предположенія, надѣемся, выяснится на ближайшихъ страницахъ.

Чтобы дать самую суммарную характеристику экономическаго развитія Пруссіи, насколько оно явствуетъ изъ статистики населенія, приведемъ данныя о ростѣ городского и сельскаго населенія [1]).

	1817 годъ.		1831 годъ.		1837 годъ.		1843 годъ.	
	Абсолютно	На 10,000	Абсолютно	На 10,000	Абсолютно	На 10,000	Абсолютно	На 10,000
Городское населеніе .	2,895,818	2,348	3,592,355	2,756	3,854,496	2,734	4,263,413	2,756
Сельское населеніе .	7,640,753	7,252	9,446,605	7,244	10,243,629	7,266	11,207,352	7,244
Общее количество населенія . . .	10,536,571	1,1000	13,037,960	10,000	14,098,125	10,000	15,47 ,765	10,000

Городское населеніе за 26 лѣтъ увеличилось не болѣе чѣмъ на 0,3%. Ростъ городскаго населенія нѣсколько усиливается лишь съ конца 40-хъ годовъ. И пусть не думаютъ, чтобы значительная часть этихъ городовъ сильно отличалась отъ деревни.

---

[1]) См. сопоставленія у *Schubert.* Handbuch der allgemeinen Staatskunde von Europa. Der Preussische Staat. Band I. Königsberg 1846. Стр. 377 и сл. См. тамъ же подробныя вычисленія прироста населенія по регирунгсбециркамъ.

Для сужденія объ этомъ приведемъ для примѣра свѣдѣнія о неселеніи различныхъ городовъ для 1837 года [1]).

Свыше 100,000 былъ 1 городъ (Берлинъ) съ населеніемъ.							365,394	жит.
Отъ 50,000 до	100,000	было	5	город.	съ	насел.	329,721	„
20,000 „	50,000	„	11	„	„	„	305,424	„
10,000 „	20,000	„	26	„	„	„	326,859	„
6,000 „	10,000	„	59	„	„	„	447,338	„
3,500 „	6,000	„	126	„	„	„	569,541	„
2,500 „	3,500	„	177	„	„	„	577,185	„
1,500 „	2,500	„	298	„	„	„	577,185	„
600 „	1,500	„	239	„	„	„	268,044	„
Ниже 600		„	24	„	„	„	10,869	„

Немалая доля городскаго населенія экономически должна быть причислена къ сельскому населенію.

Дальнѣйшее выясненіе характера экономическаго развитія Пруссіи первой половины вѣка позволяютъ данныя о распредѣленіи прироста населенія для разныхъ прусскихъ провинцій. Мы знаемъ, какое рѣзкое различіе, во многихъ отношеніяхъ даже контрастъ представляютъ собою востокъ и западъ Пруссіи: первый характеризуется значительной долей земледѣльческаго населенія, сравнительной рѣдкостью населенія и относительно слабымъ развитіемъ промышленной жизни; противоположными чертами характеризуется западъ. Различіе это обусловлено прежде всего разницей естественныхъ условій: на западѣ сосредоточены каменноугольныя копи, которыя имѣютъ способность уплотнять кругомъ себя, по совершенно понятнымъ причинамъ, населеніе [2]); тамъ болѣе мягкій климатъ, позволяющій болѣе интенсивное и разнообразное воздѣлываніе земли; тамъ проходитъ великій водный путь—Рейнъ, важнѣйшая въ прежнія времена торговая артерія западной Европы, пересѣкающая богатыя государства запада; между тѣмъ какъ восточная Пруссія имѣетъ своей со-

[1]) Die Bevolkerung des Preussischen Staats. 1839. Стр. 107—8. Для 1848 года см. цифры у Зомбарта, l. c. 39.

[2]) Гольдштейнъ справедливо замѣчаетъ относительно Англіи: „если сравнить приростъ населенія съ дѣленіемъ населенія по профессіямъ, ясно выступаетъ такое обстоятельство, что графства, обнаруживающія наибольшій приростъ населенія, обладаютъ въ то же время и наибольшимъ обиліемъ угля“. (*Goldstein* Berufsgliederung etc., 55).

сѣдкой Польшу и Россію, и невыгодность ея положенія смягчается лишь близостью къ морю, что имѣетъ особенное значеніе для хлѣбной торговли съ Великобританіей. Вдобавокъ къ этимъ естественнымъ различіямъ, соціальныя условія сложились далеко не въ пользу востока: достаточно указать, что въ то время какъ востокъ только стряхивалъ съ себя крѣпостное право, западъ былъ уже свободенъ отъ него. Другія различія мы еще увидимъ. Различіе въ плотности населенія восточныхъ (вост. и зап. Пруссія, Бранденбургъ, Познань, Померанія) и западныхъ провинцій (Рейнландъ и Вестфалія) замѣтно уже въ началѣ XIX вѣка; Силезія и Саксонія и географически, и экономически занимаютъ между ними промежуточное мѣсто. Вотъ нѣсколько цифровыхъ иллюстрацій. Въ 1817 году [1]) вост. Пруссія имѣла 1,308 человѣкъ на квадратную милю, зап. Пруссія 1,249, Познань—1,574, Бранденбургъ—1,732 (Берлинъ!), Померанія—1,237, Силезія—2,767, Саксонія—2,651, Вестфалія—2,929, Клевебергъ—5,902, Нидеррейнъ — 3,377. Преобладающій земледѣльческій характеръ востока явствуетъ изъ слѣдующаго сопоставленія, показывающаго, на какое число лицъ приходятся каждые 100 человѣкъ, занятыхъ земледѣліемъ какъ главнымъ промысломъ, въ 1849 году: въ Пруссіи (вост. и зап.)—184, Познани—198, Помераніи—211, Силезіи—255, Рейнландѣ—260, Вестфаліи—281, Саксоніи—321, Бранденбургѣ—338.

Изъ статистики движенія населенія вытекаетъ съ несомнѣнностью, что приростъ населенія въ первой половинѣ вѣка въ гораздо большей степени падаетъ на земледѣльческій и деревенскій востокъ, чѣмъ западъ. Вотъ цифры, характеризующія это въ самыхъ общихъ чертахъ. Процентъ прироста населенія съ 1816 до 1849 года равнялся:

Восточная Пруссія . .	65%
Западная Пруссія . .	80%
Бранденбургъ	57%
Померанія	75%
Познань	65%
Силезія.	57%

[1]) Uebersicht der Bodenflache und Bevolkerung des Preussischen Staats. 1817. Стр. 19. Ср. еще данныя Круга: Abriss, 14—15.

Саксонія	50%
Вестфалія	37%
Рейнландъ.	55%

Картина движенія населенія [1]) діаметрально противоположна той, какую мы имѣемъ теперь. Она полнѣе выяснится намъ съ принятіемъ къ свѣдѣнію слѣдующихъ деталей. Хотя перевѣсъ восточныхъ провинцій относительно прироста населенія свидѣтельствуетъ уже самъ по себѣ о преобладаніи роста деревенскаго и главнымъ образомъ земледѣльческаго населенія, но и въ этихъ восточныхъ провинціяхъ относительный приростъ деревенскаго населенія значительнѣе чѣмъ городского. Если принять состояніе населенія въ 1816 году за 1000, то цифра всего населенія, а затѣмъ городской и деревенской его части въ 1840 году для отдѣльныхъ округовъ будетъ такова. (См. стр. 28).

Кто дастъ себѣ трудъ всмотрѣться въ эту таблицу [2]), увидитъ, что, во-первыхъ, приростъ населенія совершается вполнѣ противоположнымъ способомъ, чѣмъ въ настоящее время, когда городъ обгоняетъ деревню въ своемъ ростѣ, а во-вторыхъ, что именно въ восточныхъ провинціяхъ деревня страшно обгоняетъ городъ, между тѣмъ какъ во многихъ округахъ запада городское населеніе обнаруживаетъ нѣкоторое превышеніе надъ сельскимъ, въ чемъ обнаруживается уже тогда намѣчавшійся характеръ ихъ промышленнаго развитія. Способъ прироста населенія, изображен-

---

[1]) Интересно, что даже распредѣленіе иммиграціи въ общемъ слѣдуетъ распредѣленію прироста населенія. Въ промежутокъ 1840—1843, за который мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія относительно распредѣленія иммиграціи по провинціямъ, изъ общаго числа иммигрантовъ 18,595 на долю Пруссіи приходится 10,405, Познани—1,913, Бранденбурга 10,051, Силезіи 2,831, Рейнланда 5,624; напротивъ, Померанія потеряла 2,084. Саксонія—4,864, Вестфалія—4,864. Также и свѣдѣнія относительно эмиграціи, которыя приводитъ Бедикеръ (*T. Bodiker.* Die Auswanderung und die Einwanderung des preussishen Staates въ Zeitschrift des kon. preussischen statistischen Bureaus, 1873 № 1) за періодъ 1844—59, показываютъ, что изъ восточныхъ провинцій эмиграція въ это время наинизшая, и ее рѣшительно превосходитъ и абсолютно и относительно эмиграція изъ западныхъ округовъ. Подлинныя цифры см. ниже.

[2]) Составлена на основаніи подсчетовъ въ статьѣ о движеніи населенія въ Zeitschr. d. kon. pr. st. Bur. Jahrgang I, 1861 (стр. 8) и Котельмана (*Kotelmann.* Die preussische Landwirtshaft nach den amtlichen Quellen statistisch dargestellt. Berlin. 1853).

		Всего	Городское.	Сельское
Пруссія	Кенигсбергъ .	1,494	1.296	1,576
	Гумбиннень . .	1,690	1,266	1,764
	Данцигъ . . .	1,540	1,248	1,709
	Маріенвердеръ.	1,644	1,371	1,739
Познань	Позенъ	1,433	1,340	1,474
	Бромбергъ . .	1,670	1,392	1 777
Бранденбургъ.	Франкфуртъ . .	1,344	1 386	1,327
	Потсдамъ с. Берл	1,529	1,563	1,462
Померанія	Штеттинъ. . . .	1,554	1,537	1,563
	Кеслинъ. . . .	1,698	1,572	1 680
	Штральзундъ. .	1,329	1,289	1,353
Силезія.	Бреславль . . .	1,426	1,360	1,449
	Оппельнъ	1.726	1,634	1,746
	Лигницъ.	1,321	1,353	1,315

		Всего.	Городское	Сельское
Рейнландъ.	Кёльнъ	1,365	1,534	1,306
	Дюссельдорфъ .	1,370	1,652	1,230
	Кобленцъ . . .	1,388	1,302	1,410
	Триръ. . . .	1,572	1,383	1,604
	Аахенъ . .	1,251	1,366	1,217
Саксонія.	Магдебургъ . .	1,345	1,450	1,346
	Мерзебургъ. . .	1,391	1,464	1,358
	Эрфуртъ . .	1,288	1,374	1.353
Вестфалія.	Мюнстеръ. . . .	1,303	1,015	1,223
	Минденъ . .	1,173	1,110	1,358
	Арнсбергъ . .	1,408	1,341	1,432
	Все государство	1,447	1,411	1,461

ный въ этой таблицѣ, настолько характеренъ, что ея одной безъ всякихъ комментаріевъ было бы достаточно для экономиста, чтобы опредѣлить, какой экономической формаціи онъ соотвѣтствуетъ.

Слѣдуетъ однако не забывать, что если городское населеніе въ ту эпоху является нерѣдко земледѣльческимъ, то и сельское населеніе во многихъ случаяхъ является промышленнымъ (на это энергично указывалъ и Дитерици, замѣститель Гофмана въ статист. бюро). Того отдѣленія города отъ деревни, которое состоитъ прежде всего въ отдѣленіи промышленности отъ земледѣлія, тогда почти не существовало, какъ это станетъ ясно изъ слѣдующихъ статистическихъ иллюстрацій. Въ 1837 году въ льняномъ производствѣ въ Пруссіи было занято 35,877 станковъ „gewerbsweise“ и 246,294 какъ подсобное занятіе. Почти $^5/_7$ всего льнянаго ткачества производилось въ деревнѣ, и даже изъ профессіонально употребляемыхъ станковъ болѣе $^2/_3$ стояли въ деревняхъ или мѣстечкахъ (Flecken) или небольшихъ горо-

дахъ сельскаго характера. Шерсть перерабатывалась въ томъ же году на 16,937 профессіонально употребляемыхъ станкахъ и 4,085 въ качествѣ подсобнаго занятія, причемъ большая часть стояла въ деревнѣ и т. д. [1]). Несмотря на то, что многія отрасли промышленности производили даже для вывоза [2]), господствующей формой промышленности является кустарная и ремесленная. Нѣсколько цифръ пояснятъ это въ достаточной степени. Въ 1849 году для машиннаго ткачества изъ хлопка было 132 заведенія съ 5,201 рабочихъ, въ мелкомъ же производствѣ надъ тѣмъ же работали 57,981 мастеровъ и 26,305 подмастерьевъ, всего 84,286 человѣкъ. (Уже это соотношеніе между числомъ мастеровъ и подмастерій показываетъ, что господствовалъ одиночный трудъ). Въ льняномъ ткачествѣ машинное производство занимало 2,963 человѣкъ, работавшихъ на 46,074 веретенахъ, между тѣмъ какъ во всемъ этомъ производствѣ было занято 25,420 рабочихъ, работавшихъ на 697,466 веретенахъ. Для общей характеристики всей ткаческой промышленности могутъ послужить слѣдующія цифры: въ 1849 году занимались ткачествомъ на 178,933 станкахъ, 106,662 мастеровъ и 103,785 подмастерьевъ и учениковъ, причемъ на долю машиннаго ткачества приходится 25,420 рабочихъ. Характеристику прусской промышленности

---

[1]) См Die Bevolkerung des Preussischen Staats. Berlin. 1839. Стр. 156 и сл. Статистика промышленности въ первой половинѣ вѣка въ Германіи отрывочна и чрезвычайно недостаточна Имѣющіяся данныя сгруппированы у Viebahn I, 181 и сл., ср. также *G. Schmoller.* Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert. Halle, 1870. Болѣе или менѣе удовлетворительныя данныя о числѣ промышленниковъ приводитъ Дитерици въ издаваемыхъ имъ „Die statistischen Tabellen des Preussischen Staats“ лишь начиная съ 1843 года, причемъ данныя эти прямо сравнимы только съ данными 1852 года и уже несравнимы съ данными за 1858 годъ. Но и здѣсь требуется спеціальное изслѣдованіе и критика матеріаловъ, чтобы придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ.

[2]) „Шелковыя мануфактуры Крефельда, Эльберфельда, Фирсена, Берлина, Бранденбурга завоевали не только внутренній рынокъ, вывозъ ихъ расширяется—причемъ полушелковые товары выдерживали побѣдоносно конкурренцію даже съ французскими—настолько, что цѣнность ихъ превзошла всю цѣнность ввознаго сырого шелка. Нитяныя фабрики въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Эльберфельдѣ, Гладбахѣ и Мюльгаузенѣ занимали рабочія руки въ Силезіи, Лаузицѣ, Эйхсфельдѣ. Суконныя мануфактуры Аахена, Леннепа, Вердена, Гюккесвагена, Лигница, Коттбуса, Люккенвальда, Бурга значительно возросли“. и т. д. (Viebahn, I, 182)

нужно дополнить слѣдующими общими цифрами: число фабрикъ (подъ которыми разумѣется или производство въ помѣщеніи фабрики или же раздача фабрикантомъ работы на домъ) въ 1849 году было 14,058 заведеній съ 180,684 рабочими (въ среднемъ около 12 человѣкъ на заведеніе), въ ремесленномъ же производствѣ было занято 942,373 человѣкъ, изъ которыхъ было 535,232 мастеровъ и 407,141 подмастеревъ. Число паровыхъ машинъ и лошадиныхъ силъ пара было:

	Число машинъ.	Лошадиныхъ силъ.
1837	423	7,513½
1840	634	12,278½
1843	1,090	27,240½
1846	1,491	41,129½
1849	1,964	67,149

Чтобы показать сравнительную ничтожность этихъ цифръ, причемъ значительная доля лошадиныхъ силъ пара падаетъ еще на начинавшееся въ это время развитіе желѣзнодорожной сѣти [1]), а не промышленность, припомнимъ, что въ 1879 году Пруссія располагала 35,337 машинами съ 934,884 лошадиныхъ силъ, а въ 1897 году машинъ было 81,060 съ 2,881,799 лошадиными силами [2]).

Характеръ промышленности Пруссіи былъ въ то время, слѣдовательно, преимущественно ремесленный и въ этомъ отношеніи Пруссія мало различалась отъ другихъ частей Германіи. Характеристика промышленнаго развитія Германіи, геніальною рукою набросанная въ вышедшемъ тогда (1847) *Коммунистическомъ Манифестѣ*, представляетъ поэтому лишь пророчество относительно будущаго, но совершенно невѣрно изображаетъ экономическую дѣйствительность. Это касается какъ изображенія борьбы различныхъ формъ промышленности въ то время (мы видимъ, напримѣръ, что ремесло въ это время еще успѣшно „поворачиваетъ назадъ колесо исторіи“, число ремесленниковъ и под-

[1]) Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи начинается съ 1838 года, когда длина линіи равнялась 34,7 километрамъ, чрезъ 10 лѣтъ она была равна 3390,5 Въ 1897 году вся сѣть составляла 29367,1. (Statistisches Handbuch für den Preussischen Staat. Band. III. Berlin. 1898. Стр. 315).

[2]) Ibid. 309)

мастерьевъ за періодъ 1849—52 увеличивается на 56 тысячъ), такъ и общей роли, которую играла тогда промышленность во всей экономіи страны. О томъ, какъ незначительна цифра промышленнаго населенія, сравнительно съ общей цифрой населенія, можно судить уже по приведеннымъ даннымъ. Дитерици для 1843 года дѣлаетъ гипотетическій подсчетъ всего прусскаго населенія, существующаго отъ промышленности (онъ принимаетъ при этомъ средній размѣръ семьи въ 4 человѣка, при двухъ дѣтяхъ, и считаетъ, что половина промышленниковъ неженаты).

		%
Механическіе мастера и ремесленники (mechanische Kunstler und Handwerker).	2,040,566	13,19
Фабричные рабочіе.	331,224	2,15
Пивовареніе и винокуреніе.	179,443	1,16
Горное производство	262,443	1,69
Мельницы всякаго рода	237,177	1,53
Машинное ткачество	58,356	0,38
Ткачество	505,161	3,27
	3,614,370	23,37

Такимъ образомъ, отъ промышленности (понятіе которой берется здѣсь довольно широко) существовало въ то время немного болѣе $^1/_5$ населенія. Напротивъ, отъ земледѣлія, какъ отъ главнаго промысла въ 1849 году существовало 6,591,695 человѣкъ, какъ отъ добавочнаго 1,776,300. Для 1852 года Дитерици подводитъ такіе итоги: изъ мужского населенія выше 15-лѣтняго возраста добывало средства существованія въ земледѣліи — 50,95%, въ промышленности 30,94%, торговлѣ — 6,05, не имѣющихъ непосредственнаго заработка (nicht unmittelbar erwerbende) — 12,06%.

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ, что несмотря на усилія Пруссіи вмѣстѣ со всей Германіей развить собственную промышленность, въ ряду которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить основаніе таможеннаго союза, бывшее весьма благотворной и цѣлесообразной мѣрой, но неспособной всетаки привести къ немедленнымъ результатамъ, прусская промышленность представляется въ половинѣ XIX вѣка на весьма низкомъ уровнѣ техническаго развитія при господствѣ земледѣлія и натуральнаго хозяйства, производства для собственнаго потребленія [1]). Этому

[1]) Подробности относительно положенія ремесла см. у Зомбарта, l. c.

не противорѣчитъ, какъ уже было замѣчено, то обстоятельство, что мануфактурные продукты играютъ весьма большую роль въ экспортѣ, напротивъ, при данныхъ условіяхъ это подтверждаетъ характеристику [1]).

На основаніи приведенныхъ данныхъ можетъ быть сдѣлано два вывода.

Во-первыхъ, значительный приростъ населенія не сопровождался измѣненіями въ промышленной техникѣ; увеличеніе промышленнаго населенія, если оно и совершается, то лишь благодаря чисто количественнымъ измѣненіямъ въ числѣ промышленниковъ, при неизмѣнности общественной и технической организаціи промышленнаго труда. Ремесло, а также и весь народохозяйственный укладъ эпохи съ трудомъ допускали расширеніе; отсюда болѣе медленный приростъ населенія въ промышленныхъ провинціяхъ запада; территорія представляется здѣсь уже насыщенной населеніемъ, ибо земледѣльческое населеніе плотно, а ремесло даетъ мало простора для увеличенія населенія. Контрастъ между ремесленной и капиталистической организаціей производства относительно емкости территоріи разителенъ: достаточно сравнить (см. ниже) приростъ населенія въ западныхъ провинціяхъ въ первую и вторую половину XIX вѣка.

Второй выводъ тотъ, что, если промышленное населеніе къ концу разсматриваемаго періода составляетъ лишь небольшую долю всего населенія, и, сверхъ того, нѣтъ основаній вообще предполагать его значительнаго роста, необходимо отнести главную долю

---

[1]) По даннымъ, которыя приводитъ Дитерици относительно внѣшней торговли Пруссіи за 1828 годъ (*Dieterizi.* Der Volkswohlstand im Preussischen Staat. 170—1) вывозъ мануфактуратовъ составлялъ болѣе половины всего вывоза. Статистика внѣшней торговли Пруссіи за періодъ 1829—31 имѣется еще у *Lengerke.* Landwirtschaftliche Statistik der deutschen Bundesstaaten. Band I 232—3. Со времени учрежденія Таможеннаго Союза статистика внѣшней торговли исчисляется относительно всего союза (для начала 40-хъ годовъ см. *Frhr. v. Reden.* Werth und Richtung des auswärtigen Handels Deutschlands въ Zeitschrift des Vereins für die deutsche Statistik, 1847 стр. 65. *O. Hübner* въ Jahrbuch für Volkw. u. Stat. Leipzig 1852, 1856, 1857. Ср. также Dieterizi, l. c. Для дальнѣйшаго времени *Bienengraber.* Statistik des Verkehrs und Verbrauchs im Zollverein für die Jahre 1842—1864. Berlin. 1868). Но эта статистика мало примѣнима въ нашихъ цѣляхъ, такъ какъ территорія Союза весьма обширна и включаетъ весьма разнообразныя экономическія части, которыя нѣтъ возможности выдѣлить и разсмотрѣть особо.

прироста населенія насчетъ земледѣлія [1]). Это вполнѣ подтверждается и всѣми имѣющимися у насъ данными о распредѣленіи прироста населенія, какъ они были изложены выше. *Ростъ Прусскаго населенія въ первой половинѣ XIX вѣка падаетъ большей своей частью на счетъ деревни* (а также сельскохозяйственныхъ городовъ). Этотъ фактъ имѣетъ капитальную важность не только для пониманія разсматриваемой эпохи, но и всего экономическаго развитія Пруссіи (а отчасти и Германіи) въ XIX вѣкѣ.

Чѣмъ же обусловливается этотъ прогрессъ населенія? Является-ли онъ результатомъ развитія производительности земледѣлія или другихъ причинъ? Прогрессъ земледѣлія игралъ здѣсь, несомнѣнно, извѣстную роль; мы охарактеризуемъ его ниже. До извѣстной степени приростъ населенія самъ по себѣ сопровождался повышеніемъ производительности почвы, что понятно какъ результатъ приложенія большаго количества труда на единицу площади вслѣдствіе увеличенія числа рабочихъ рукъ Но есть основаніе думать, что ростъ населенія въ эту эпоху перешелъ границы, опредѣляемыя ему средствами существованія, и покупался цѣною пониженія уровня потребностей населенія, его обѣднѣнія, которое въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ вело къ голодному вымиранію населенія.

Великія потрясенія въ жизни народовъ выражаются иногда въ необычайномъ приростѣ населенія, несообразующимся ни съ какими хозяйственными условіями. Мы видѣли, что такимъ толчкомъ въ Англіи была массовая экспропріація и пролетаризація сельскаго населенія, за которыми послѣдовали самыя прискорбныя явленія перенаселенія. Такимъ толчкомъ для Пруссіи послужила *отмѣна крѣпостнаго права* (наибольшій приростъ населенія падаетъ именно на тѣ области, гдѣ оно ранѣе господствовало). Значеніе этой отмѣны для прироста населенія слишкомъ понятно.

[1]) Это понималось и современниками. Такъ напр. Котельманъ (фритрэдеръ) говоритъ: „насколько представляется поразительнымъ прогрессъ населенія Пруссіи, мы должны приписать его лишь прогрессу земледѣлія, подъему тѣхъ сельскохозяйственныхъ округовъ, которые столь удалены отъ фабричныхъ округовъ и столь недостаточно связаны съ ними искусственными путями сообщенія, что значительная торговля трудно транспортируемымъ хлѣбомъ между ними можетъ происходить лишь въ незначительной степени“ (*Kotelmann.* Die preussische Landwirtschaft. Berlin 1853, стр. 16).

Крѣпостной составляетъ орудіе производства для своего господина; послѣдній опредѣляетъ, въ какомъ количествѣ нужно это орудіе, свободы размноженія крѣпостной не имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ съ раскрѣпощеніемъ населенія Европа вступила въ новую фазу популяціонистическаго развитія, когда свобода размноженія (и его регулированія) вошла неотъемлемой частью въ полноту правъ свободной, но экономически самоотвѣтственной личности. Война, голодъ, болѣзни производили опустошенія въ рядахъ крѣпостного населенія, нерѣдко слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ (иногда этотъ недостатокъ обусловливаетъ цѣлую хозяйственную революцію, вспомнимъ Черную Смерть въ Англіи), но здѣсь нѣтъ мѣста перенаселенію. Кнапп говоритъ о Пруссіи: „Въ рыцарскихъ имѣніяхъ всегда жалуются на значительный недостатокъ въ людяхъ; это можетъ проистекать и оттого, что подданный не имѣетъ права свободно вступать въ бракъ; требуется дозволеніе помѣщика. Хотя законъ и говоритъ, что въ этомъ согласіи можетъ быть отказано только при извѣстныхъ условіяхъ, но сколько средствъ имѣется въ распоряженіи у помѣщика, чтобы затруднить женитьбу! Въ особенности если онъ нуждается въ холостыхъ рабочихъ, онъ умѣетъ прогнать охоту жениться у своихъ людей“ [1]).

Когда путы, насильственно связывавшія движеніе населенія, порвались, населеніе неизбѣжно должно сдѣлать скачокъ, какъ освободившаяся отъ давленія пружина. При этомъ является, конечно, дѣломъ случайнаго совпаденія, позволяютъ или непозволяютъ условія экономическаго развитія этотъ скачекъ. Сюда присоединяется еще и то, что съ отмѣной крѣпостного права населеніе вступаетъ какъ бы въ новый экономическій міръ, условія котораго ему еще неизвѣстны, а потому и болѣе или менѣе сознательное приспособленіе размноженія къ средствамъ существованія невозможно; новый экономическій modus vivendi, въ которомъ не послѣднюю роль играетъ относительное количество населенія, еще предстоитъ создать. Эта неизвѣстность сходитъ за положительное условіе для способности человѣка къ размноженію, которая всегда вообще, а при крѣпостномъ правѣ въ особенности находится въ подавленномъ состояніи, въ положеніи упругой пружины, придавленной тяжестью борьбы за существованіе и поль-

[1]) Кнарр, I, 67.

зующейся всякой возможностью расправиться. Наконецъ, къ числу условій, поощряющихъ быстрое размноженіе, слѣдуетъ еще присоединить то обстоятельство, что нѣкоторая часть крестьянства была не только освобождена, но и обезземелена (nicht spannfahige и нѣкоторые изъ spannfahige), превращена въ пролетаріевъ. А извѣстно, что пролетаріи, безъ всякаго настоящаго и будущаго, размножаются быстрѣе всѣхъ другихъ классовъ населенія,—психологически это вполнѣ понятно, какъ результатъ безнадежности ихъ положенія. Пролетарское размноженіе въ промышленныхъ городахъ еще имѣетъ экономическій raison d'être; но въ деревняхъ, если излишнее населеніе не имѣетъ отлива въ города, оно образуетъ самый тяжелый соціальный осадокъ, создаетъ язву аграрнаго пауперизма, единственнымъ средствомъ излеченія которой является голодная смерть. Мы будемъ еще изучать явленіе аграрнаго пауперизма; здѣсь укажемъ только, что пауперы и составляли именно ту категорію, которая размножалась съ наибольшей энергіей. Энергію размноженія у другихъ, менѣе обиженныхъ при освобожденіи, крестьянъ усиливало обстоятельство, что они также были если не вполнѣ, то полуобезземелены и, слѣдовательно, сдѣлали крупный шагъ въ сторону пролетаріата, въ ряды котораго и попадали менѣе счастливые изъ нихъ.

У насъ есть драгоцѣнное свидѣтельство относительно характера роста населенія въ эту эпоху, проистекающее отъ одного изъ авторитетовъ статистики того времени, проф. Шуберта. Правда, свидѣтельство это относится только къ провинціи Пруссіи, слѣдовательно, имѣетъ въ виду ограниченную территорію. Но эта территорія находится въ среднихъ условіяхъ прусскаго востока, и выводы относительно ея могутъ быть съ нѣкоторымъ правомъ распространены на весь востокъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ утверждаютъ насъ свидѣтельства другого сельскохозяйственнаго авторитета того времени Александра фонъ-Ленгерке. Но за то относительно провинціи Пруссіи мы имѣемъ двѣ мастерскія картины, относящіяся къ моментамъ, отдѣленнымъ 10-лѣтіемъ, и потому дающимъ превосходный матеріалъ для сравненія [1]).

[1]) *Prof. Schubert.* Statistische Beurtheilung und Vergleichung einiger früherer Zustande mit der Gegenwart für die Provinz Preussen mit besonderer Berücksichtigung des jetzigen Nothstands dieser Provinz въ Zeitschrift des Vereins fur deutsche Statistik. Berlin. 1847. Стр. 28 слл. Далѣе см. Prof. *Schubert.* Statistische Darstellung der fortschrittlichen Entwickelung der Landwirtschaft

Населеніе деревни (des platten Landes) въ Пруссіи, несмотря на холеру (1831 годъ) и другія мѣстныя эпидеміи (1829) возрастало въ гораздо сильнѣйшей степени чѣмъ городское. Въ декабрѣ 1843 года на 100 городскихъ жителей въ Пруссіи приходилось 380 сельскихъ; если сравнить эту цифру съ цифрой 1819 года, то за 24 года городское населеніе возросло лишь на 27%, а сельское на 53%. (Въ регирунгсбециркѣ Гумбинненѣ на 100 городскихъ жителей въ 1843 году приходилось 822 сельскихъ, и приростъ населенія съ 1819 года составлялъ для городского населенія 24%, а для сельскаго 54%). Приростъ этотъ въ незначительной степени падаетъ на долю помѣщиковъ, число которыхъ увеличилось благодаря дѣлежамъ имѣній всего на нѣсколько сотенъ; за то уменьшилось число крестьянскихъ владѣльцевъ, по мнѣнію Шуберта, по крайней мѣрѣ, на 20%. Число инстовъ, садовниковъ и сельскихъ ремесленниковъ также увеличилось мало. Такимъ образомъ, вся масса прироста падаетъ на категоріи Eigenkathner (имѣющихъ въ собственности одну хату), Hausler (не имѣвшихъ даже и хаты и селившихся у другихъ крестьянъ) и Losleute (безземельныхъ и неимущихъ), слѣдовательно, на самые бѣдные классы общества, земледѣльческій пролетаріатъ („Ackerbauproletarier“), главныя средства къ жизни получающій отъ воздѣлыванія картофеля. Послѣдній воздѣлывается, конечно, худо, а въ случаѣ неурожая наступаетъ голодъ. Вотъ данныя относительно питанія этого населенія. Въ 1802 году на площади въ 1,178 кв. миль (безъ водъ 1,116) кормилось 1,573,000 жителей, въ 1819—1,638,000, а въ 1843 году уже 2,406,000. Если мы будемъ считать продовольственную норму только въ 4 шеффеля хлѣба на душу (въ оффиціальномъ актѣ того времени эта норма опредѣлена въ 6 шеффелей), то Пруссія за 24 года должна была бы увеличить свое потребленіе на 3,072,000 шеффелей хлѣба, чтобы прокормить въ 1843 году населеніе также какъ въ 1819 году. Но какъ ни были

---

und des auswärtigen Handelsverkehrs in der Provinz Preussen in den letzteren zehn Jahren въ Archiv fur Landeskunde der preussischen Monarchie 4-er Band. IV Quartal. Berlin 1856. Стр. 252 слл. Имѣющееся въ виду сочиненіе *Lengerke*: Die landliche Arbeiterfrage. Beantwortet durch die bei dem Konigl. Landes-Oeconomie Collegium aus allen Gegenden der preussischen Monarchie eingegangenen Berichte landwirtschaftlicher Vereine über die materiellen Zustände der arbeitenden Klassen auf dem platten Lande. Berlin. 1849.

значительны успѣхи сельскохозяйственной культуры за это время, всякій скажетъ, что увеличеніе это недостигнуто и на половину. Къ тому же увеличился вывозъ хлѣба изъ Пруссіи. За періодъ 1829—43 имѣются надежныя данныя, показывающія, что никогда вывозъ хлѣба не былъ такъ великъ какъ именно въ этотъ періодъ. Кенигсбергъ въ самый цвѣтущій періодъ своей хлѣбной торговли, отъ американской освободительной войны до 1802 года, отправлялъ въ среднемъ ежегодно прусскаго хлѣба около 10,000 ластовъ, Эльбингъ за тотъ же періодъ—7,000 ластовъ, Данцигъ въ цвѣтущій періодъ 1797—1802 ежегодно 16,000 ластовъ. Слѣдовательно ежегодно изъ трехъ главныхъ гаваней страны вывозилось хлѣба собственнаго производства 33,000 ластовъ. Напротивъ, за періодъ 1829—1843 эта средняя для Кенигсберга выше 17,000 ластовъ, Данцига—20,000 ластовъ, Эльбинга — 7,000 ластовъ, всего изъ трехъ гаваней, стало быть, 44,000 ластовъ (не считая Браунсберга, Мемеля, Фишгаузена).

Пособить себѣ въ случаѣ нужды можетъ только тотъ, кто имѣетъ сторонніе заработки, какъ это показываетъ примѣръ Вестфаліи и Рейнланда. Въ провинціи же Пруссіи „безъ преувеличенія цѣлая треть всего сельскаго населенія питается картофелемъ и лишена хлѣба, въ качествѣ обычной повседневной пищи“ [1]).

Уменьшеніе благосостоянія населенія пров. Пруссіи Шубертъ доказываетъ и на основаніи статистики скотоводства; число коровъ, напр., относительно уменьшилось: въ 1802 году было 100 коровъ на 379 человѣкъ, въ декабрѣ 1825 уже на 548 человѣкъ, а въ декабрѣ 1843 года на 565 человѣкъ. Относительное уменьшеніе произошло и въ количествѣ лошадей.

Замѣтимъ здѣсь, что относительное количество коровъ и рогатаго скота (о лошадяхъ скажемъ ниже) понижается вообще для

---

[1]) *V. d. Goltz* замѣчаетъ: „характеристика тогдашняго положенія вещей, данная Шубертомъ, по существу справедлива, хотя, можетъ быть, онъ и изобразилъ положеніе сельскаго населенія черезчуръ мрачными красками. Аграрнымъ законодательствомъ 1807 — 21 годовъ была предоставлена возможность и побужденіе къ необыкновенно значительному приросту низшихъ классовъ сельскаго населенія, между тѣмъ какъ въ то же время техника сельскаго хозяйства и сельскохозяйственное производство прогрессировали съ большой постепенностью“. (Die Entwickelung der ostpreussischen Landwirtschaft въ Jahrbuch für Volkswirtschaft und Verwaltung, hrsg. von G. Schmoller. 1883, стр. 812).

всего Прусскаго государства, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Одна штука приходилась на:

Годы	Рогатаго скота.		Коровъ.	
1816	4,8	человѣкъ.	2,58	человѣкъ.
1819	4,75	„	2.57	„
1822	4,94	„	2,75	„
1825	4,97	„	2,81	„
1828	5,09	„	2,91	„
1831	5,18	„	2,93	„
1834	5,13	„	2,83	„
1837	5,18	„	2,91	„
1840	5,34	„	3	„
1843	5,38	„	3,07	„

Приведя эти данныя, оптимистичный Дитерици не рѣшается объяснить относительное уменьшеніе скота улучшеніемъ его породы, а допускаетъ, что таблица эта „правильно изображаетъ дѣйствительное положеніе вещей“. Пониженіе народнаго благосостоянія выражается и въ уменьшеніи средняго потребленія спирта на душу населенія [1]).

Естественнымъ результатомъ такого развитія были голодовки и эпидеміи, благодаря которымъ смерть уносила избыточныя существованія. Яркую характеристику этого трагическаго процесса, который слишкомъ знакомъ русскому человѣку и—увы!—въ удесятеренной пропорціи, даетъ свидѣтельство того же Шуберта 10 лѣтъ спустя. Общее положеніе дѣла улучшилось за это время, пропорція городского населенія увеличилась,—на 100 городскихъ

---

[1]) Изслѣдуя производство спирта до 40-хъ годовъ, оптимистичный Гофманъ (см. Sammlung der kleinen Schriften des staatswirtschaftlichen Inhalts, статья „Darstellung des Zustandes, worin sich die Bereitung und der Verbrauch des Branntweins in Bezug auf Staatswirtschaft und sittliche Verhaltnisse dermalen im Preussischen Staat befindet“ Berlin. 1843. Стр 480) приходитъ къ выводу, что, несмотря на значительное производство спирта, потребленіе его не увеличилось. Напротивъ, Котельманъ (Die Preussische Landwirtschaft, 188 слл.) доказываетъ для 40-хъ годовъ, сопоставляя цифры уменьшившагося производства и увеличившагося вывоза, рѣшительное уменьшеніе потребленія спирта на голову населенія. Подробную статистику производства спирта см. въ цитированныхъ сочиненіяхъ Гофмана и Котельмана, а также у Мейцена

жителей въ 1855 году приходится уже 365 сельскихъ. противъ 380 въ 1843 году. Но улучшеніе это, по словамъ самого Шуберта, объясняется нестолько приростомъ городского населенія, сколько *вымираніемъ* сельскаго. Въ округѣ Гумбинненѣ за десятилѣтіе 1820—30 г. былъ сильнѣйшій въ государствѣ приростъ населенія, по переписи же 1855 года сравнительно съ 1852 г. обнаруживается *убыль*, хотя и незначительная (0.07% въ годъ). Причиной этого являются, „несомнѣнно, голодные года съ опустошительными болѣзнями, какъ ихъ послѣдствіемъ“.

Изъ оффиціальной статистики извѣстно, что уже за трехлѣтіе 1846—49 населеніе уменьшилось въ обоихъ округахъ восточной Пруссіи (Кенигсбергъ и Гумбинненъ), гдѣ былъ голодъ въ 1847 году; въ Познани (въ обоихъ округахъ: Познани и Бромбергѣ), гдѣ былъ голодъ въ 1847 году, а въ 1848 была особенно чувствительна политическая буря; въ Силезскомъ округѣ Оппельнъ, гдѣ тифъ похитилъ много жертвъ. Изъ памяти современниковъ совершенно изгладилось, что теперешняя Пруссія всего полстолѣтія тому назадъ была опустошаема въ аграрныхъ своихъ округахъ голодовками и въ результатѣ ихъ эпидеміями.

Характеристика Шуберта вполнѣ подтверждается въ анкетѣ Landes-Oekonomie-Collegium, изданной Ленгерке. Заслуживаетъ замѣчанія, что свѣдѣнія туда были доставлены сельскохозяйственными союзами, состоящими исключительно изъ предпринимателей [1]), потому, если они и могутъ быть тенденціозны, то только въ сторону оптимизма. И тѣмъ не менѣе картина, рисуемая этими отчетами, поражаетъ своей мрачностью, по крайней мѣрѣ, относительно восточныхъ провинцій.

Рѣзко различаются двѣ категоріи сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Положеніе инстовъ, имѣющихъ постоянный заработокъ, рисуется повсемѣстно удовлетворительными чертами. „Инсты въ Прусской монархіи повсюду могутъ удовлетворять свои потребности своими заработками достаточно, хотя и не вездѣ постоянно“ [2]). За то положеніе „свободныхъ“ т. е. нанимаемыхъ не по контракту, а сдѣльно рабочихъ, какъ живущихъ въ соб-

---

[1]) Отвѣты на циркуляръ Landes-Oekonomie-Collegium были получены всего отъ 168 ферейновъ, именно изъ Пруссіи 39, Бранденбурга 18, Помераніи 18, Силезіи 38, Саксоніи 14, Вестфаліи 13, Рейнланда 25.

[2]) *A. v Lengerke.* Die landliche Arbeiterfrage 14.

ственныхъ избахъ такъ и въ чужихъ весьма тяжело. Относительно первыхъ говорится, что ихъ положеніе „въ общемъ менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе инстовъ во многихъ мѣстностяхъ и во многихъ случаяхъ оно даже не лучше, чѣмъ положеніе бездомовныхъ“ (14), а относительно послѣднихъ сообщается, что „ихъ существованіе въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ скудное и безнадежное“ (17). Приведемъ нѣсколько деталей относительно нѣкоторыхъ округовъ.

Положеніе Einlieger (бездомовныхъ) въ округѣ Кенигсбергъ рисуется слѣдующими чертами. Лѣтомъ они обыкновенно находятъ работу, зимою въ нѣкоторыхъ дистриктахъ ея нѣтъ. Въ работѣ принимаютъ участіе и женщины, и дѣти. Заработная плата мужчины колеблется отъ 4 до 10 зильбергрошей [1]) и женщины отъ 4 до 6. На вопросъ, увеличивается-ли этотъ классъ, данъ отвѣтъ: „происходитъ прогрессивное увеличеніе“. (92).

Еще худшими чертами рисуется положеніе этого же класса въ Гумбинненѣ: постоянную работу этотъ классъ находитъ лишь въ немногихъ округахъ и притомъ рѣдко; какъ правило, онъ имѣетъ ее только лѣтомъ, и притомъ весьма нерегулярно, часто лишь во время жатвы; во время жатвы работаютъ также и жены ихъ, которыя зимой прядутъ (какъ и въ Кенигсбергѣ), дѣти употребляются лѣтомъ въ качествѣ пастуховъ. Обычная заработная плата мужчины 5—6 зильбергрошей, женщины 3—5; зимой заработная плата понижается еще на 1 згр. и даже болѣе.

Увеличивается-ли число этихъ рабочихъ сравнительно съ инстами? „Сепарація, благопріятные годы, склонность къ независимости и заключеніе легкомысленныхъ браковъ послужили условіями, благопріятствующими прогрессивному увеличенію этого класса сравнительно съ инстами; за послѣднее время однако недороды и дороговизна снова положили предѣлы растущему увеличенію. Ростъ населенія соотвѣтствуетъ въ общемъ непосредственно урожаямъ картофеля“. Это относится ко всѣмъ свободнымъ рабочимъ вообще. Въ частности что касается бездомовныхъ, то „картофель имѣетъ для нихъ то же значеніе. Положеніе ихъ всегда и повсюду ненадежное (prekär), худшее, чѣмъ всѣхъ другихъ категорій. Не родится это главное средство ихъ питанія, они тотчасъ же впадаютъ въ голодъ и нищету“ (102).

---

[1]) Зильбергрошъ—около 4—5 коп.

Въ округѣ Данцигѣ „хотя положеніе отдѣльныхъ представителей этого класса различается соотвѣтственно различной возможности заработка, трудолюбію и искусству, но въ общемъ оно представляется тяжелымъ, невѣрнымъ, отяготительнымъ для общества“ (105). Заработная плата мужчины поднимается до 15 згр. лѣтомъ, женщины до 7.

Въ Маріенвердерѣ заработная плата мужчины 6 — 10 згр., женская — 4—6 згр. лѣтомъ. Положеніе рабочихъ жалкое, хотя особеннаго недостатка въ работѣ нѣтъ.

Въ Штеттинѣ работа находится также только лѣтомъ, зимою не всегда. Заработная плата колеблется для мужчины отъ 5 до 15 згр.; для женщинъ отъ 5 до $7^1/_2$ згр. и т. д.

Читатель видитъ, что нищенскія условія существованія этого класса сельскаго населенія могли бы быть улучшены только значительнымъ отливомъ населенія въ города, въ промышленность, но мы видѣли уже по задержанному приросту населенія городовъ и промышленныхъ провинцій, что они вполнѣ насыщены населеніемъ. Излишекъ населенія аграрныхъ округовъ при слабости эмиграціи долженъ поэтому оставаться на мѣстѣ, порождая аграрный пауперизмъ. Мы вправѣ характеризовать состояніе Пруссіи къ концу сороковыхъ годовъ, какъ *состояніе общаго перенаселенія*, которое могло быть устранено только переходомъ къ высшей хозяйственной формѣ, допускающей большую емкость территоріи относительно населенія. Емкость территоріи при старыхъ способахъ производства была исчерпана, въ этомъ смыслѣ старая организація народнаго хозяйства достигла мертваго пункта, съ котораго необходимо должна была сойти, движеніемъ впередъ (какъ это фактически и произошло) или назадъ (какъ мы будемъ это наблюдать въ Ирландіи) [1]).

[1]) Ср. Зомбартъ: „въ срединѣ XIX столѣтія экономическое развитіе Германіи дошло до мертвой точки: старыя организаціонныя формы отказывались служить, а новыя еще не окрѣпли. Этимъ объясняются тѣ жалобы на „нужду“ и „бѣдность“, которыя мы слышили тогда со всѣхъ сторонъ Германіи. Перенаселеніе, излишекъ рабочихъ въ деревняхъ, безработица въ городахъ, вѣчное исканіе работы въ городѣ и деревнѣ— вотъ характерныя черты того времени“ (l. c. 17). Зомбартъ не поясняетъ однако этой черезчуръ общей характеристики выдѣленіемъ основныхъ моментовъ, дѣлавшихъ положеніе вещей переходнымъ и критическимъ. Я лично вижу основной моментъ въ состояніи населенія какъ Пруссіи, такъ и всей Германіи въ эту эпоху.

Характеристика Пруссіи въ первую половину XIX вѣка какъ аграрнаго государства приложима, въ общемъ, и къ остальной территоріи Таможеннаго Союза, которая приблизительно совпадаетъ съ территоріей теперешней Германской имперіи. Разумѣется, и здѣсь представляются тѣ же различія между болѣе и менѣе промышленными частями страны, какъ между западомъ и востокомъ Пруссіи. Самой промышленной частью Союза съ наибольшимъ преобладаніемъ городскаго населенія является тогда, какъ и теперь, Саксонія. Уже въ 1834 году здѣсь считалось на 1,595,668 жителей общаго населенія 523,771, т. е. около $^1/_3$ городского [1]). Въ 1849 году населеніе распредѣлялось здѣсь по профессіямъ такъ: на сельское хозяйство, лѣсоводство и т. под. 32,27%, на горное дѣло, промышленность и т. под. 47,62%, на торговлю и средства сообщенія 4,63% [2]). Дитерици писалъ о промышленномъ развитіи Саксоніи [3]), что „эта склонность населенія къ занятіямъ промышленностью въ Саксоніи весьма древняго происхожденія и ведетъ его, можетъ быть, уже съ 5-го и 6-го столѣтія“. Хотя земледѣліе находится здѣсь и въ цвѣтущемъ состояніи, однако „несмотря на заботливое воздѣлываніе собственныхъ полей, благодаря плотности населенія, не хватаетъ хлѣба, въ особенности же нуждается въ привозѣ хлѣба изъ другихъ государствъ переполненный рудокопами и промышленниками горный округъ“. Хотя Саксонія была и наиболѣе промышленной частью Германіи, но характеръ промышленности остается и здѣсь одинъ и тотъ же, т. е. преобладаетъ мелкая форма промышленности. За то всѣ остальныя части Таможеннаго Союза носятъ рѣзко выраженный аграрный характеръ. Напримѣръ, въ Тюрингенѣ [4]) процентъ городскаго населенія, равный въ 1834 г.

---

[1]) Statistisches Jahrbuch fur das Konigreich Sachsen fur das Jahr 1877 Dresden. Стр. 110.

[2]) *Langsdorf.* Die Landwirtschaft in Konigreich Sachsen und ihre Entwicklung in den Jahren 1876 bis einschliesslich 1879. Dresden. 1881. Стр. 46. Ср. также Das Konigreich Sachsen in statistischer und staatswirtschaftlicher Beziehung von *E. Engel* Dresden. 1853. Band I, 608—9.

[3]) *Dieterici.* Statistische Uebersichten der wichtigsten Gegenstande des Verkehrs und Verbrauchs im Preussischen Staat und im deutschen Zollverbande in dem Zeitraum von 1831 bis 1836 Berlin, Posen und Bromberg 1838 Стр. 67.

[4]) *Hildebrand.* Statistik Thüringens. Jena. 1866 Стр. 105. Дитерици въ цитир. сочиненіи говоритъ о Тюрингенѣ: „земледѣліе и скотоводство находятся въ Тюрингенѣ въ цвѣтущемъ состояніи и вполнѣ удовлетворяетъ

30,05%, въ 1849 равняется лишь 20,38%, за 15 лѣтъ приростъ на $^1/_3$%. Въ Баваріи въ 1840 году городское населеніе равно 766,623 при 4,370,977 общаго населенія; за промежутокъ 1834—40 городское населеніе остается относительно неподвижно, между тѣмъ какъ сельское увеличивается на 0,27% [1]). Нечего и говорить о мелкихъ государствахъ,—Баденѣ, Вюртембергѣ, которыя и до сихъ поръ носятъ въ значительной степени аграрный характеръ [2]). Для всего Союза является знаменательнымъ фактомъ превышеніе вывоза продуктовъ земледѣлія надъ ввозомъ, которое, при данныхъ условіяхъ, является самымъ несомнѣннымъ признакомъ аграрнаго характера страны [3]).

потребности густого населенія, хотя хлѣбъ и не составляетъ важнаго предмета вывоза“ (70).

[1]) См. Jahrbuch fur Statistik Bayerns 1894—95 Для болѣе раннихъ эпохъ см. въ особенности *Ignaz Rudhart.* Ueber den Zustand des Konigreichs Bayern. Stuttgart. 1825 I—III.

[2]) Въ Баденѣ, напр, уже въ 1864 году приходилось на 1,428,035 населенія 370,878 городскихъ жителей (Statistisches Jahrbuch fur das Grossherzogthum Baden, томъ 20, стр 14—15, также томъ 27, стр. 30—31)

[3]) Вотъ данныя о ввозѣ и вывозѣ разныхъ хлѣбовъ (въ шеффеляхъ) относительно таможеннаго Союза, а параллельно и Пруссіи.

Годы	Ввозъ.		Вывозъ.	
	Союзъ.	Пруссія.	Союзъ.	Пруссія
1832	1,691,442	—	4,878,278	—
1833	593.231	—	4,599,378	—
1834	697,247	—	5,330,603	—
1835	485,090	—	4,381,864	—
1836	729,343	—	8,110,710	—
1837	1,040,878	174,236	8 811,623	6,563,121
1838	1,922,020	202,310	8,462,501	6,368,102
1839	2,304,726	305,471	11,997,861	9,083,479
1840	1,549 874	410,099	11 348,234	9,067,909
1841	1 031,757	186 837	13,693,354	11,353,026
1842	1 356,370	202,846	9,976,600	8,561,002
1843	2,755.239	1,378,330	6,693,225	4,538,995
1844	3,256,634	890,138	7,625,530	5,801,985
1845	2,857,949	1,140,487	7,835.957	5,636,498
1846	5,861,139	3.972,127	7,083,088	4,938,453
1847	8.058,844	6,251.183	6,902,185	5,255,884
1848	850,422	313,575	12,901,204	10,250,227
1849	889,561	194,525	13,959,814	10,430,212
1850	1.149.773	229,198	16,653,107	12,725,006

(Kotelman, l. c. 25—26).

Но возвратимся къ прусскому земледѣлію. Не взирая на общій народнохозяйственный застой, прусское земледѣліе въ эту эпоху испытываетъ чрезвычайное оживленіе, обнаруживаетъ значительные успѣхи, возможность которыхъ создана была освободительнымъ законодательствомъ. *Ф. д. Гольцъ* слѣдующимъ образомъ характеризуетъ прогрессъ земледѣлія въ первой половинѣ XIX вѣка. „Благодаря аграрному законодательству и усиліямъ отдѣльныхъ выдающихся представителей науки и практики нѣмецкое земледѣліе и сельское населеніе въ первой половинѣ XIX вѣка испытали полный переворотъ. Каждый землевладѣлецъ отъ мелкаго владѣльца одной лишь усадебной земли до владѣльца рыцарскаго имѣнія могъ располагать теперь свободно собою, а также и своею землею... Чистое трехполье исчезло; оно было замѣнено улучшенной трехпольной системой или же плодоперемѣннымъ хозяйствомъ. Точно также полный переворотъ испытало и травяное хозяйство, которое стало вестись на основаніи правилъ относительно послѣдовательности разныхъ растеній. Были введены новыя и лучшія орудія и машины, землю не вспахивали уже какъ прежде, на глубину 4—5 дюймовъ, но на 8—10 дюймовъ. Заведенъ былъ болѣе работоспособный скотъ; кормленіе скота стало обильнѣе и болѣе приспособлено къ спеціальной цѣли. Чрезъ это достигалось вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе обильное производство удобренія, а при этомъ и возможность интенсивнѣе воздѣлывать поле и получать съ него большій доходъ. Прогрессъ, сдѣланный нѣмецкимъ земледѣліемъ за полстолѣтіе 1800—1850, больше чѣмъ тотъ, который былъ имъ испытанъ за предшествующее тысячелѣтіе“ [1]).

Прогрессъ этотъ, поскольку онъ распространялся на всѣ слои населенія, былъ прямымъ результатомъ роста населенія и соотвѣтствующаго роста натуральнаго потребленія, которому и отвѣчало расширеніе производства. Связь этихъ явленій понятна сама собою. Но есть всѣ основанія думать, что земля въ это время (даже еще и въ предшествующую эпоху) разсматривается все болѣе и болѣе какъ источникъ дохода; черты натуральнохозяйственной, самодовлѣющей организаціи общества уступаютъ все болѣе чертамъ хозяйства мѣнового, крупное хозяйство становится постепенно капиталистическимъ предпріятіемъ, производящимъ на ры-

[1]) *v. d. Goltz.* Vorlesungen uber Agrarwesen und Agrarpolitik, 42.

нокъ, ради дохода, и отъ рынка зависящимъ. Внѣшнимъ событіемъ, раздѣляющимъ эпоху преобладанія натуральнаго хозяйства въ земледѣліи и мѣнового, явилось освобожденіе крестьянъ, бывшее, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ капиталистическаго земледѣльческаго предпріятія и ликвидаціей старинныхъ обязанностей помѣщика относительно крестьянъ. Если крестьянское хозяйство могло усиливать производство въ цѣляхъ своего потребленія, то помѣщичье хозяйство стало производить спеціально для обмѣна (само собою разумѣется, за вычетомъ натуральнаго потребленія рабочихъ, которое могло составлять, конечно, различную долю всего производства, въ зависимости отъ общей производительности сельскаго хозяйства). Но было бы даже для этого періода неправильно разсматривать и крестьянское хозяйство только какъ потребительское. И къ нѣмецкому крестьянину того времени примѣнимо удачное выраженіе Щербины, сказанное о русскомъ крестьянинѣ, что онъ можетъ не покупать, но онъ не можетъ не продавать. Хотя нѣмецкій мужикъ былъ въ весьма малой степени потребителемъ рыночныхъ продуктовъ, но это не мѣшало ему быть плательщикомъ—не только налоговъ, но и выкупныхъ платежей, составлявшихъ сумму не малую [1]).

---

[1]) Поэтому неправъ Зомбартъ, давая слѣдующую характеристику (уже для конца 40-хъ годовъ): „тоже... что о крестьянскихъ хозяйствахъ, въ сущности можно сказать и о помѣщичьихъ хозяйствахъ того времени. Помѣщичьи хозяйства являются еще автономными производительными и потребительными единицами. Производство излишка еще слишкомъ незначительно: вывозъ хлѣба играетъ лишь второстепенную роль въ сравненіи съ общими цифрами урожая Въ то время какъ вывезено было 2,6 милл. шеффелей пшеницы, на мѣстное употребленіе ушло 10,3 милл. шеффелей; ржи было вывезено 2,4 милл, а потреблено на мѣстѣ цѣлыхъ 53 милл Изъ суммъ, приходящихся на мѣстное потребленіе, въ города отправлялось лишь нѣсколько болѣе одной четверти; остальной хлѣбъ потреблялся тамъ же, гдѣ былъ собранъ“ (l. c 54). Приведенныя цифры нисколько не подтверждаютъ выставленнаго положенія: мѣстное потребленіе населенія во всякомъ случаѣ составляетъ значительную долю земледѣльческаго продукта даже при самой высшей степени развитія земледѣлія; еще менѣе эти цифры способны подтвердить натуральный характеръ помѣщичьяго хозяйства, потому что по нимъ нельзя судить, какая доля отчуждаемаго хлѣба производится въ помѣщичьемъ и какая въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и, очевидно, первая доля будетъ много выше второй. Не думаю, чтобы современное крупное земледѣльческое хозяйство, которое и Зомбартъ не признаетъ за натуральное, отчуждало относительно

Прогрессъ земледѣлія шелъ, такимъ образомъ, какъ со стороны натуральнаго потребленія, такъ и производства для обмѣна. Но онъ обнаруживается по преимуществу въ мѣновыхъ хозяйствахъ, т. е. хозяйствахъ крупныхъ.

Необходимымъ условіемъ этого прогресса было, очевидно, расширеніе рынка Но рынокъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, былъ необходимо ограниченъ, и отдѣльныя части территоріи могутъ быть болѣе удалены другъ отъ друга чѣмъ государства. Расширеніе рынка проистекало изъ двухъ основныхъ условій. Первымъ былъ ростъ городского неземледѣльческаго населенія. Мы знаемъ, что относительно городское населеніе было почти неподвижно, но для насъ имѣетъ здѣсь значеніе *абсолютный* ростъ городского населенія, ибо, если относительная цифра городского населенія характеризуетъ общій характеръ народнаго хозяйства, то для земледѣльческаго производства, имѣющаго дѣло съ опредѣленной площадью, важно и абсолютное число потребителей продуктовъ земледѣлія. Наибольшее количество городского населенія было на западѣ Германіи, и это отражалось на уровнѣ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства, причемъ разница между цѣнами въ разныхъ провинціяхъ, соотвѣтственно слабому развитію путей сообщенія, была очень велика. Вотъ для примѣра данныя о среднихъ цѣнахъ на пшеницу въ 1831 году: среднее для государства 78,9 згр., въ Пруссіи 75,5, Познани 78,2, Померапіи и Бранденбургѣ 74,9, Силезіи 71,9 Саксоніи 67, Вестфаліи 92,11, Рейнландѣ 91,2 [1]). Высокій уровень цѣнъ на западѣ объясняется, впрочемъ, не только значительнымъ городскимъ населеніемъ, но и сосѣдствомъ густонаселенныхъ мѣстностей Европы, куда и Вестфалія и Рейнская провинція въ это время еще вывозятъ хлѣбъ [2]).

большую долю производимыхъ имъ хлѣбовъ, нежели тогда. Добавимъ, что цифры эти весьма проблематичны, за отсутствіемъ статистики посѣвовъ, урожайности и т. д., такъ что, строго говоря, не могутъ служить въ качествѣ аргумента pro или contra. Наконецъ, вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства не исчерпывается хлѣбомъ, а включаетъ шерсть, водки и т. д.

[1]) Kotelmann, 18. Къ 50-мъ годамъ эта разница цѣнъ уже нѣсколько сглаживается. Въ 1851 году напр.: при средней цѣнѣ 62.10 наивысшая цѣна (въ Рейнской пров.) была 68,5, наинизшая 60,3 (въ Познани)

[2]) Дитерици (Statistische Uebersichten etc., 29) въ 1834 году писалъ о Рейнландѣ и Вестфаліи, что, несмотря на чрезвычайную густоту населенія, „почти повсемѣстно плодородная почва прокармливаетъ при заботливомъ воздѣлываніи населеніе“. А въ 1847 году еще Ленгерке пишетъ, что

Сомнительно, чтобы вліяніе высокихъ цѣнъ запада достигало восточныхъ провинцій, только что стряхнувшихъ съ себя крѣпостное право: ихъ раздѣляло слишкомъ обширное пространство, при отсутствіи непрерывнаго воднаго пути. Источникъ своего благополучія эти провинціи нашли, какъ мы уже знаемъ, въ англійскомъ рынкѣ; экономическое развитіе Англіи обусловило разцвѣтъ прусскаго капиталистическаго земледѣлія; восточныя провинціи Пруссіи составляютъ въ это время аграрный округъ Англіи, и дѣлятъ радость и горе вмѣстѣ съ англійскимъ земледѣліемъ [1]). Извѣстно, въ чемъ состояли радости: это былъ подъемъ цѣнъ, вызываемый постепеннымъ ростомъ рынка и дозволявшій прогрессивное повышеніе производительности почвы [2]). Движенію цѣнъ на англійскомъ рынкѣ, въ общемъ, соотвѣтствовало повышательное движеніе на прусскомъ рынкѣ, хотя и безъ такихъ колебаній обусловленныхъ таможенной политикой. Среднія цѣны въ Берлинѣ за шеффель пшеницы были: 1821 — 30 гг. 55 згр. 1831 40 гг.—63 згр., 1841—46 гг. 69,2 згр.; на рожь за тѣ же періоды: 36,1,—42,11,—48,10 згр.; на ячмень 23,—26,6,—28.3. Вмѣстѣ съ тѣмъ, частью подъ вліяніемъ повыше-

---

главнымъ продуктомъ рейнскаго земледѣлія былъ хлѣбъ, особенно пшеница,—„которая не только вполнѣ удовлетворяютъ значительныя потребности самой провинціи, но въ сѣверозападной ея части, гдѣ земледѣліе особенно процвѣтаетъ, производится даже для вывоза“ (A. von *Lengerke*. Beitrage zur Kenntniss der Landwirtschaft in den Konglich Preussischen Staaten B. II. I Abth. Entwurf einer Agrikulturstatistik des preussischen Staates. Berlin. 1847, стр. 187). О высокой доходности западнаго земледѣлія см. у Рейхеншпергера (*Reichensperger*. Die Agrarfrage Trier. 1847. 410 стр.) Когельманъ въ 1850 году причисляетъ Рейнскую провинцію уже къ числу ввозящихъ хлѣбъ, въ разрядъ которыхъ она несомнѣнно попадаетъ во второй половинѣ XIX вѣка

[1]) Листъ смѣялся надъ этой ролью Пруссіи относительно Англіи, явно карикатуря экономическую сторону этихъ отношеній. „нѣмецкое земледѣліе снабжаетъ англичанъ на 1 день и 9 часовъ жизненными припасами, чтобы они дали нѣмцамъ 1 лотъ шерсти для одежды (слѣдовательно, удовлетворили ихъ потребность въ шерсти на одинъ только день въ году) и позволили каждому лицу мужского пола ежегодно выпить 10 капель рейнвейна“ (*Friedrich List*. Gesammelte Schriften, II, 283. Статья „Ueber die Beziehung der Landwirtschaft zur Industrie und zum Handel“).

[2]) Статистика вывоза съ 1837 года была уже дана выше. Свѣдѣнія о вывозѣ въ Англію см. въ цитированномъ отчетѣ консула Якоба (Appendix X). За періодъ 1823—28 перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ пшеницы и полбы изъ Пруссіи равенъ 7,068,268 шеффелей, въ среднемъ 1,178,044$^2/_3$ шеффелей.

нія дохода отъ земли, а частью спроса на нее со стороны возрастающаго населенія расли цѣны на землю [1]).

Прусское земледѣліе должно было отчасти дѣлить и горести англійскаго, что̀, пожалуй, еще характернѣе для пониманія ихъ взаимныхъ отношеній. Мы знаемъ уже, какую острую болѣзнь пережило въ 20-хъ годахъ XIX вѣка англійское земледѣліе; эту же болѣзнь пережило по своему и прусское земледѣліе, въ исторіи котораго кризисъ 20-хъ годовъ составляетъ весьма яркую страницу [2]). Паденіе цѣнъ въ Англіи въ результатѣ прекращенія войнъ тѣмъ острѣе почувствовалось въ сѣверовосточныхъ провинціяхъ Пруссіи, что совпало съ рядомъ необыкновенно благопріятныхъ урожаевъ; благословеніе неба здѣсь, какъ и въ Англіи, послужило источникомъ бѣдствій для капиталистическаго земледѣлія, которое, естественно, являлось главнымъ поставщикомъ на англійскій рынокъ. Между тѣмъ предшествовавшее повышеніе цѣнъ придало земледѣлію чрезмѣрно быстрый темпъ развитія. Цѣны упали такъ, что въ Берлинѣ въ 1824 году 100 килограммовъ пшеницы стоили 9,98 марокъ, между тѣмъ какъ средняя цѣна за 10 лѣтіе 1801 — 1810 была 23,24 марки [3]). Вывозъ хлѣба въ Англію изъ Данцига и Эльбинга,

---

[1]) По мнѣнію Гольца, „можно утверждать, что уже съ 30-хъ годовъ 19 вѣка продажная цѣна земли опредѣлялась выше нежели въ соотвѣтствіи цѣнности ея по доходу. Какъ покупатели, такъи продавцы расчитывали съ вѣроятностью, что въ будущемъ можно ожидать еще дальнѣйшаго роста чистаго дохода, а вмѣстѣ и капитальной цѣнности, и соотвѣтственно опредѣляли свои предложенія и требованія. Этотъ расчетъ оказывался для 30—40 годовъ удовлетворительнымъ“ (l. c. 43).

[2]) Исторія кризиса 20-хъ годовъ нашла исчерпывающее изложеніе въ монографіи *Ucke.* Die Agrarkrisis in Preussen während der zwanziger Jahre dieses Jahrhunderts Halle 1888 (На этой работѣ основано изложеніе Конрада въ статьѣ Agrarkrisis въ Handw. d. Staatsw.). Изъ сочиненій того времени важнѣйшія: цитированный отчетъ Якоба, далѣе цит. работы Шуберта; особенно *Avenarius* Ueber den Verkauf zahlreicher adeliger Güter in der Provinz Preussen. Halberstadt. 1828. Изъ новой литературы ср. еще *Carl Jentsch.* Die Agrarkrisis. Leipzig 1899, глава I.

[3]) Въ началѣ кризиса процвѣтало овцеводство, поощряемое пониженіемъ пошлины на шерсть въ Великобританіи. Въ 1816 году ввозъ прусской шерсти въ Англію оцѣнивался въ 3 милл. ф. ст., въ 1823 году уже выше 12 м. ф. ст., въ 1824 году выше 15 м., еще выше въ 1825 году, когда всего было ввезено шерсти въ Англію на 44 м. ф. ст. и прусскій ввозъ составлялъ около половины. Но съ 1825 года падаютъ цѣны и на шерсть,

въ 1800—05 гг. составлявшій 382,735$^{7}/_{10}$ ластовъ, въ 1821—1825 въ среднемъ составлялъ всего 52,958$^{1}/_{10}$. Въ результатѣ страшнаго пониженія цѣнъ на продукты земледѣлія въ Англіи, „въ лежащихъ у Остзе странахъ, привыкшихъ опредѣлять цѣну своихъ продуктовъ соотвѣтственно сбыту въ Англію, цѣна сельскихъ имѣній пала невѣроятно, уплата процентовъ за долги въ значительной степени прекратилась; большая часть землевладѣльцевъ не могли удержать своихъ задолженныхъ имѣній; кромѣ того, многіе поспѣшили продать свои имѣнія, чтобы благодаря ихъ бездоходности не впасть въ полнѣйшую бѣдность; субгастаціи еще болѣе увеличивали предложеніе имѣній, и покупатели находились только за самыя ничтожныя цѣны“ (Шубертъ). Высокую задолженность крупнаго землевладѣнія, оказавшуюся для него гибельной во время кризиса, Авенаріусъ объясняетъ тѣмъ, что у помѣщиковъ, расширившихъ свое землевладѣніе насчетъ крестьянскаго въ результатѣ реформы, не хватало капитала на воздѣлываніе, тѣмъ болѣе, что и на прежнихъ своихъ земляхъ, раньше воздѣлывавшихся крестьянскимъ инвентаремъ, теперь приходилось уже работать своимъ собственнымъ. Осложняющимъ и обостряющимъ кризисъ моментомъ явился поэтому переходъ отъ хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, къ хозяйству, основанному на свободномъ трудѣ и затратѣ предпринимательскаго капитала [1]). Кризисъ поднялъ цифру роста задолженности за 10-лѣтіе 1815 — 1825 до 21 милл. марокъ, противъ 10 милл. предыдущаго 10-лѣтія и 17 милл. послѣдующаго (несмотря на паденіе цѣнъ на землю).

Кризисъ этотъ, имѣвшій характеръ острой болѣзни, не оказалъ глубокаго вліянія на прусское земледѣліе; слѣды его изглаживаются уже въ 30-хъ годахъ. Онъ имѣетъ скорѣе симптоматическое значеніе, являясь, до извѣстной степени, капиталистическимъ крещеніемъ для прусскаго земледѣлія. Естественно, что онъ коснулся гораздо болѣе крупнаго земледѣлія, производившаго на вывозъ

и перестаетъ быть доходнымъ и овцеводство, кромѣ какъ въ крупныхъ хозяйствахъ.

[1]) „Переходъ отъ старыхъ патріархальныхъ отношеній въ новое положеніе былъ связанъ съ большими издержками и затратами, что было для землевладѣльца тѣмъ тяжеле, чѣмъ ограниченнѣе было его состояніе... чѣмъ болѣе онъ былъ обремененъ ипотекой и другими долгами“ (Avenarius, 17).

въ Англію, но, если количественно его разрушительное вліяніе было наиболѣе сильно для крупнаго хозяйства, то оно было зато гораздо гибельнѣе для мелкихъ хозяйствъ, которыхъ только оно коснулось. У насъ есть лишь единичныя указанія (по даннымъ Шмальца, въ литаускомъ департаментѣ въ 1822 году изъ 1,600 крестьянскихъ имѣній не менѣе 1,000 было продано съ торговъ за самыя низкія цѣны, потому что владѣльцы ихъ не въ состояніи были платить налоговъ). Но нетрудно понять, что тамъ, гдѣ крупный хозяинъ могъ спастись, войдя въ новые долги, мелкое хозяйство гибло, особенно хозяйство, только что возникающее послѣ крѣпостной зависимости крестьянъ и потрясенное еще войнами начала вѣка [1]).

Мы коснулись важнаго и интереснаго вопроса объ отношеніяхъ крупнаго и мелкаго хозяйства въ первую половину вѣка. При разсмотрѣніи этого вопроса слѣдуетъ рѣзко разграничить востокъ, гдѣ господствовало крѣпостное хозяйство, и западъ Пруссіи, въ которомъ XIX вѣкъ застаетъ уже значительную парцелляцію земли и мелкое крестьянское хозяйство. Шнееръ [2]) даетъ такую характеристику земледѣлія въ Рейнской провинціи: „крупныя имѣнія (рыцарскія имѣнія въ смыслѣ восточныхъ провинцій) въ Рейнской провинціи очень рѣдки, а тамъ, гдѣ они и существуютъ какъ извѣстныхъ размѣровъ земельная собственность, воздѣлываніе ихъ въ цѣломъ уже прекратилось, и его мѣсто заступила сдача въ аренду большей части принадлежащихъ къ имѣнію земель. Равнымъ образомъ и крупныя крестьянскія имѣнія уже давно уменьшились въ размѣрѣ благодаря отчужденію

[1]) О томъ, какъ разорительны были эти войны для сельскаго хозяйства, даютъ понятіе слѣдующія цифры. По свидѣтельству Шуберта, восточная Пруссія одна потеряла въ 1807 году 22% лошадей и 37% рогатаго скота цѣнностью всего въ 23 милл. талеровъ, а въ 1813 году 40% лошадей и 30% рогатаго скота цѣнностью въ 14 милл. талеровъ. Въ другихъ провинціяхъ количество скота уменьшилось вслѣдствіе войнъ еще болѣе, на половину или, по крайней мѣрѣ, на треть Само собою разумѣется, что такая значительная потеря скота разоряла въ гораздо большей степени крестьянъ, чѣмъ крупныхъ хозяевъ.

[2]) *Schneer.* Die Dismembrationsfrage, mit Benutzung der amtlichen Quellen des koniglich Preussischen Ministeriums des Innern въ Archiv der politischen Oeconomie und Polizeiwissenschaft, herausgegeben von Rau und Hanssen. 1845, стр. 33. Характеристика эта подтверждается всѣми писателями того времени, напр. Ленгерке, а также Марксомъ и Энгельсомъ (въ Deutsch-franzosische Jahrbucher).

или сдачѣ въ аренду мелкихъ участковъ земли. Напротивъ, быстро увеличивается число мелкихъ хозяйствъ, въ особенности же такихъ, которыя воздѣлываются или только одной лошадью или же руками". У насъ нѣтъ статистики для сужденія объ измѣненіяхъ въ характерѣ хозяйствъ въ различные періоды времени (ниже будетъ приведена статистика *владѣній*, которая не вполнѣ совпадаетъ съ статистикой хозяйствъ). Однако, увѣренно можно сказать, что Рейнская провинція, конечно, не безъ колебаній въ ту и другую сторону, сохраняетъ въ общемъ свой характеръ страны мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ теченіе всего XIX вѣка, и до нашихъ дней. То же слѣдуетъ сказать и о Вестфаліи гдѣ преобладающимъ типомъ является крупнокрестьянское хозяйство, система хуторовъ [1]). Экономически сюда же подходятъ и мелкокрестьянскія страны Баденъ и Вюртембергъ, а также крестьянская Баварія, которыя и въ первой половинѣ XIX вѣка носятъ въ общемъ такой же характеръ какъ и въ настоящее время, хотя, разумѣется у насъ нѣтъ данныхъ для характеристики всѣхъ уклоненій и колебаній [2]). Крестьянское хозяйство въ этихъ странахъ укрѣпилось сыздавна, и конкурренція крупнаго хозяйства здѣсь почти не чувствуется.

Не то на востокѣ, гдѣ мелкое крестьянское хозяйство было создано вмѣстѣ съ крупнымъ путемъ ликвидаціи стараго крѣпост-

---

[1]) Въ 1858 году Рейнская провинція и Вестфалія имѣли слѣдующее распредѣленіе (въ относительныхъ цифрахъ)·

	Вестфалія		Рейнская пров.		Государство.	
	Число	Площадь.	Число	Площадь.	Число.	Площадь
Ниже 5 морг.	49,59	3,65	68,63	10.26	51,33	2,38
5—30 „	30,75	15,20	24,97	26,64	28,83	8,99
30—300 „	18,8	56,37	6,02	33,70	18,29	38,32
300—600 „	0,57	8,13	0,2	6,77	0,7	6,45
Выше 600 „	0,29	16,65	0,68	22,63	0,85	43,46

[2]) Для Вюртемберга Меммингеръ (1841) опредѣляетъ число парцеллъ до 4 милліоновъ, причемъ каждая имѣетъ по $^3/_4$ моргена, оно распредѣляется между 154,000 семействъ, живущихъ земледѣліемъ, такъ что на каждое приходится въ среднемъ 26 парцеллъ (18 моргеновъ). Въ 1858 году число владѣній опредѣлялось въ 449,594, которыя распредѣлялись такъ:

ного хозяйства. Взаимное отношеніе ихъ въ первой половинѣ XIX вѣка (или даже нѣсколько долѣе) можетъ быть въ общемъ охарактеризовано какъ рѣшительный перевѣсъ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ, причемъ послѣднее теряло свою территорію въ пользу крупнаго. Фактъ этотъ объясняется, съ одной стороны, условіями освободительной реформы, а съ другой, общимъ состояніемъ народнаго хозяйства.

Условія, неблагопріятствовавшія крестьянскому хозяйству, настолько, многочисленны, что нужно еще удивляться устойчивости послѣдняго сохранившаго въ цѣлости значительную часть своей территоріи. Вотъ главныя изъ этихъ условій. Послѣ реформы, крестьянинъ вышелъ полуобезземеленнымъ; земля его, составлявшая прежде цѣльный хозяйственный комплексъ, расположинена, причемъ

718	владѣній	свыше	200	моргеновъ
2,895	„	„	100—200	„
11,727	„	„	50—100	„
16,795	„	„	30— 50	„
61,098	„	„	10— 30	„
73,243	„	„	5— 10	„
283,124	„	ниже	5	моргеновъ

Если считать имѣнія ниже 30 моргеновъ „nichtspannfähig“, то число имѣній, обладающихъ упряжнымъ скотомъ, составляетъ лишь 7%, остальные 93% не обладаютъ имъ. Фридрихъ Листъ имѣлъ въ виду прежде всего Вюртембергъ, въ которомъ жилъ, въ своемъ памфлетѣ о карликовомъ хозяйствѣ (Die Ackerverfassung, die Zwergwirtschaft und die Auswanderung). Рюмелинъ въ изслѣдованіи о Вюртембергѣ (Das Konigreich Wurtemberg. Herausgeg vom. K. stat.-topogr. Bureau Stuttgart. 1863, стр 312), относительно наиболѣе населеннаго Неккарланда говоритъ, что характерной чертой его населенія является преобладаніе сельскаго населенія, въ которыхъ „главнымъ элементомъ являются мелкіе земледѣльцы и сельскіе ремесленники“.

Въ Баваріи по Zierl'ю въ 1839 году было слѣдующее распредѣленіе имѣній·

34,722	владѣнія	ниже	5	тагеверковъ.
24,582	„	„	5— 15	„
13,007	„	„	15— 30	„
17,955	„	„	30—100	„
3,352	„	„	100—200	„
481	„	„	200—300	„
244	„	„	300—600	„
102	„	„	600—1,000	„
96	„	выше	1,000	„

(См. *Viebahn*, op. cit., II).

на долю крестьянина достались, если судить по русскому образцу, навѣрно не лучшія и не удобнѣйшія земли; къ тому же раздѣлъ общинныхъ полей лишилъ ихъ пастбищъ. Ослабленный сравнительно съ прежнимъ своимъ положеніемъ, вчерашній крѣпостной сегодня долженъ былъ превратиться, по крайней мѣрѣ, отчасти въ товаропроизводителя. Понятно безъ дальнихъ объясненій, что приспособленіе къ новому строю не могло обойтись безъ многихъ жертвъ, остались лишь хозяйства наиболѣе крѣпкія и наиболѣе приспособленныя къ товарному пропзводству. Процессъ этого приспособленія тянется десятилѣтія. Къ этому слѣдуетъ добавить, что на голову крестьянина обрушивались еще такія чрезвычайныя бѣдствія какъ опустошительныя войны и не менѣе опустошительный кризисъ 20-хъ годовъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи для крестьянскаго хозяйства весьма губительнымъ оказался черезчуръ быстрый приростъ населенія, который велъ къ чрезмѣрной парцелляціи земельныхъ участковъ, подрывавшей жизнеспособность крестьянскихъ хозяйствъ. Съ другой стороны,—для крестьянства восточныхъ провинцій, поскольку ему приходилось имѣть дѣло съ рынкомъ, болѣе важнымъ является внѣшній, англійскій, нежели внутренній, мѣстный, рынокъ, чѣмъ судьбы его невыгодно отличаются отъ западнаго крестьянства. Очевидно, крестьянству, воспитывавшемуся въ экономической школѣ крѣпостного права и только что ее оставившему, не подъ силу было владѣть такимъ рынкомъ, не подъ силу было обозрѣвать состояніе тогдашняго мірового рынка и избирать въ соотвѣтствіи съ этимъ систему полеводства. Слѣдуетъ принять во вниманіе еще тогдашніе пути сообщенія; немаловажно, кромѣ того, и то, что отправка заграницу хлѣба возможна только оптомъ, въ большихъ количествахъ, слѣдовательно, на шею крестьянству садится еще посредникъ — скупщикъ; при этомъ всѣ выгоды, очевидно, на сторонѣ крупнаго производства и крупнаго капитала (напр., возможность кредита). Чему же удивляться, если выросшее въ крѣпостномъ состояніи крестьянство является несостоятельнымъ въ роли поставщика на англійскій рынокъ и, подъ вліяніемъ всѣхъ перечисленныхъ условій, оказывается во многихъ случаяхъ неустойчивымъ?

Злоключенія крестьянскаго хозяйства сами по себѣ вовсе не предполагаютъ, что на мѣсто погибающихъ мелкихъ хозяйствъ становится крупное хозяйство; этого можетъ и не быть, и въ

такомъ случаѣ на мѣсто разрушающихся мелкихъ хозяйствъ становятся другія, болѣе крѣпкія, но мелкія же; происходитъ индивидуальная смѣна хозяевъ, но она не сопровождается соціальнымъ видоизмѣненіемъ типа хозяйства. Процессъ же замѣщенія мелкаго хозяйства крупнымъ есть двусторонній: онъ предполагаетъ, съ одной стороны, наличность условій, нарушающихъ устойчивость крестьянскаго хозяйства, но съ другой стороны, условій, благопріятствующихъ крупному хозяйству. Въ Пруссіи первой половины XIX вѣка для крупнаго хозяйства имѣлись чрезвычайно благопріятныя условія. Со стороны сбыта, мы уже знаемъ, для прусскаго земледѣлія раскрывался необъятный и прогрессивно растущій англійскій рынокъ, цѣны на продукты сельскаго хозяйства расли, вмѣстѣ съ земельною рентой. Рядомъ съ этими внѣшними благопріятными условіями не менѣе благопріятны были и внутреннія. Какъ мы уже знаемъ, въ результатѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній помѣщики получили и землю, и деньги, и обезпечили себѣ трудъ наемныхъ рабочихъ. Свои капиталы они восполнили кредитомъ; цифра задолженности землевладѣнія растетъ въ это время вмѣстѣ съ ростомъ ренты, который гарантируетъ возможность получить добавочное количество капитала. Что касается труда, то прусскіе юнкера располагали тѣмъ же источникомъ благополучія крупнаго хозяйства въ земледѣліи, что и ихъ англійскіе коллеги въ нѣсколько болѣе раннюю эпоху: *аграрнымъ перенаселеніемъ*. Мы уже видѣли, какое существованіе влачили сельскохозяйственные рабочіе, какъ дешевъ былъ трудъ; „рабочимъ вопросомъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ тогда и не пахло [1]). При такой совокупности благопріятныхъ условій, очевидно, было весьма выгодно расширеніе землевладѣнія, въ особенности насчетъ разоряющагося крестьянства, продававшаго свои земли за безцѣнокъ. „Значительная часть—говоритъ проф. Шубертъ относительно провинціи Пруссіи—крестьянскихъ дворовъ, перешедшихъ въ это время въ свободную собственность, была выкуплена сосѣдними землевладѣльцами за самую ничтожную цѣну, другая часть была раздроблена, чтобы затѣмъ по частямъ сдѣлаться принадлежностью крупнаго же землевладѣнія. Помѣстья, принадлежавшія цѣлымъ деревнямъ крестьянъ, были въ это время выкуплены такимъ же образомъ“ [2]).

[1]) Schubert, l. c. 28

[2]) Несмотря на весь технической прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ, употребленіе машинъ въ половинѣ XIX вѣка въ прусскомъ земледѣліи

Единственныя статистическія данныя, какъ мы уже знаемъ, весьма ненадежныя, имѣются относительно измѣненій въ числѣ хозяйствъ, имѣющихъ упряжной скотъ (Spannfahige Nahrungen) въ 1816 и 1859 году[1]). Вотъ эти данныя.

Число крестьянскихъ „Spannfahige Nahrungen“ за періодъ 1816—59 въ свободномъ оборотѣ уменьшилось слѣдующимъ образомъ.

			Потеряли землю въ пользу Мелкаго хоз.		Крупнаго хоз.		
		%	Моргеновъ. *)	%	Моргеновъ	%	Всего %
Пруссія . . .	1,920	2,27	224,549	2,2	143,237	1,3	3,5
Померанія (безъ Штральзунда) . .	1,704	7,97	180,776	6,0	123,025	4.1	10,1
Бранденбургъ .	2,196	4,29	202,850	3,6	69,393	1,2	4,8
Познань . . .	208	0,43	129,753	3,7	24,191	0,7	4,4
Силезія. . . .	852	1,22	372,305	7,9	66,277	1,4	9,3
Сумма .	6,880	2,50	1,110.233	4,2	417,123	1,6	5.8

совершенно ничтожно, какъ ясно изъ слѣдующихъ данныхъ: во всемъ прусскомъ государствѣ было:

	1848 г	1849 г.	1852 г.	1855 г.	1861 г
Число машинъ . . .	48	63	74	97	242
Число лошадиныхъ силъ (по 480 Fusspfund въ секунду) . . .	504	598	836	1,262	4.172
Средняя производительность каждой машины въ лошадиныхъ силахъ .	10,5	9,5	11 3	13	17.2

(*Meitzen*, l. c. II, 76).

Причина этому лежитъ столько же въ слабомъ развитіи машиннаго производства вообще, сколько и въ экономическихъ условіяхъ: перенаселеніе дѣлало всякія машины излишними, потому что понижало цѣну рабочей силы дешевле всякой машинной работы. Начиная съ 60-хъ годовъ, когда экономическія условія начинаютъ измѣняться, машины вводятся гораздо быстрѣе.

[1]) Кромѣ журнала прусскаго статистическаго бюро, гдѣ напечатана подлинная Denkschrift, а также сочиненія Мейцена, въ весьма удобномъ для обозрѣнія видѣ данныя эти сгруппированы у Зеринга (Die innere Kolonisation im ostlichen Deutschland. Leipzig. 1893. Приложеніе).

*) Моргенъ (прусскій) составляетъ около $^1/_4$ гектара (1 ha = 3,92 моргенамъ).

Напротивъ, Саксонія и Вестфалія, хотя потеряли въ числѣ своихъ Spannfahige Nahrungen, первая 1,744 или 4,26%, вторая 12 или 0,03%, за то увеличили ихъ площадь, первая на 67,829 или 1,76%, вторая на 360,877 или 9,94% (различіе характерное!). Эти цифры, конечно, не характеризуютъ судьбы *всего* крестьянскаго хозяйства. Но нужно замѣтить, что убыль мелкаго хозяйства въ пользу крупнаго совершенно незначительна и, во всякомъ случаѣ, гораздо меньше чѣмъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе всѣ неблагопріятныя условія.

Обслѣдованіе сельскохозяйственныхъ владѣній было произведено Прусскимъ статистическимъ бюро въ 1849, 1852, 1855 и 1858 годахъ. Сравненіе данныхъ этого обслѣдованія не позволяетъ заключить о существованіи процесса концентраціи хозяйства (наши данныя относятся къ владѣніямъ, но можно, въ виду слабой распространенности аренды въ Пруссіи, характеризовать хотя и съ грубой приблизительностью измѣненія въ хозяйствахъ измѣненіями во владѣніяхъ). Цифры свидѣтельствуютъ объ одновременномъ увеличеніи площади всѣхъ категорій хозяйствъ, — причины чего въ точности неизвѣстны, но, вѣроятно, относятся, главнымъ образомъ, къ расширенію сельскохозяйственнаго землевладѣнія воздѣлываніемъ новыхъ земель и, быть можетъ, еще объясняются болѣе точнымъ подсчетомъ. Но приростъ этотъ распредѣляется неравномѣрно: крупныя хозяйства растутъ значительнѣе чѣмъ мелкія, такъ что общее относительное распредѣленіе площади измѣняется въ пользу крупныхъ, другими словами, относительная доля крупнаго хозяйства становится больше. Процессъ этотъ, при поверхностномъ взглядѣ носящій всѣ черты процесса концентраціи, на самомъ дѣлѣ не характеризуется выясненной выше двусторонностью этого послѣдняго процесса: разрушеніе мелкаго хозяйства при этомъ отсутствуетъ, оно удерживаетъ свою старую позицію, но зато увеличивается территорія крупнаго хозяйства. Процессъ этотъ свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о значительной жизнеспособности въ разсматриваемый періодъ крупнаго хозяйства, превосходящей таковую же мелкаго. Не невозможно, что причины этого лежали и въ техническихъ условіяхъ, — во многихъ случаяхъ новыя земли могутъ воздѣлываться только въ крупныхъ размѣрахъ, напр. требуютъ дренажа или орошенія и т. под.

Мы приведемъ для сравненія цифры, относящіяся къ 1852 и 1858 годамъ (цифры 1849 года, по настоятельнымъ заявленіямъ самого Дитерици, совершенно не заслуживаютъ довѣрія въ виду того, что обслѣдованіе производится первый разъ и, слѣдовательно, представляетъ возможность ошибокъ) [1]).

Число хозяйствъ разныхъ размѣровъ въ 1852 и 1858 году было:

	1852		1858	
	абсол	относ.	абсол.	относ.
Ниже 5 моргеновъ .	990,846	50,20 %	1,099,332	51,33
Отъ 5 до 30 морген .	565,208	28,76 „	617,420	28,83
„ 30 — 300 „	382,785	19,46 „	391,596	18,29
„ 300 — 600 „	14,111	0,71 „	15,079	0,70
Выше 600 „	17,048	0,87 „	18,302	0,85

Площадь распредѣлялась слѣдующимъ образомъ (въ относительныхъ цифрахъ):

	1852	1858	Абсолютныя цифры (моргеновъ). 1852	1858
Ниже 5 моргеновъ. . .	2,52	2,38	2,220,369	2,227,812
Отъ 5 до 30 морген. .	9.13	8,99	8,013,169	8,428,751
„ 30 — 300 „	40,76	38,32	35,424,291	35,918.047
„ 300 — 600 „	6,52	6,45	5,687,062	6,648,222
Выше 600 „	41,07	43,86	37,121,410	41,117,312

(Цифръ для отдѣльныхъ провинцій здѣсь не приводимъ, такъ какъ онѣ мало измѣняютъ общую картину и представляютъ

---

[1]) Для 1849 года въ оффиціальныхъ источникахъ не приводится также данныхъ о площади и, слѣдовательно, о среднихъ размѣрахъ имѣнія каждой категоріи. Сравненіе данныхъ 1849 и 1852 года даетъ совершенно тѣ же результаты, что и послѣдующихъ годовъ, т. е. болѣе быстрый ростъ крупнаго хозяйства. Надо замѣтить, что число владѣній и собственниковъ не совпадаетъ. Число собственниковъ измѣнилось съ 1852 года до 1855 съ 902,811 до 884,815, слѣдовательно, уменьшилось, но что значитъ это уменьшеніе, на счетъ чего его нужно отнести, сказать рѣшительно невозможно, въ виду отсутствія всякихъ детальныхъ данныхъ. То обстоятельство, что группировки владѣній совершенно не совпадаютъ здѣсь съ тѣми группировками, которыя приняты въ позднѣйшей сельскохозяйственной статистикѣ, дѣлаетъ эти данныя совершенно несравнимыми съ позднѣйшими, благодаря чему научное ихъ значеніе почти обезцѣнивается.—Всѣ приводимыя въ текстѣ данныя взяты изъ Tabellen und amtliche Nachrichten uber den Preussischen Staat, а цифры 1858 года см. въ Jahrbuch für amtliche Statistik des Preussischen Staats, I. 1863.

тотъ же самый процессъ лишь съ разной степенью интенсивности) [1]).

Послѣдніе слѣды этого процесса мы можемъ уловить въ вост. Пруссіи еще въ 60-хъ годахъ [2]). За время послѣ 1859 года не существуетъ данныхъ, но они есть для періода 1865—67 гг. За этотъ періодъ въ пров. Пруссіи „spannfähige bäuerliche

---

[1]) Viebahn (op cit, II, 561) слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое впечатлѣніе отъ этихъ цифръ: „характерно, что крупныя и средніе имѣнія, въ которыя крупный капиталистъ охотнѣе вкладываетъ свои фонды и на которыхъ рациональное хозяйство и планомѣрное раздѣленіе труда можетъ повышать доходность, увеличились значительнѣе, нежели крестьянскіе дворы"

[2]) Этотъ фактъ нашелъ отраженіе и въ литературѣ. Въ 1873 году Рудольфъ Мейеръ, интересный здѣсь для насъ больше всего своимъ нервнымъ и впечатлительнымъ темпераментомъ, писалъ (*R. Meyer*. Die landliche Arbeiterfrage in Deutschland. Berlin. 1873. Стр. 51). „хотятъ снова создать на востокѣ крестьянское сословіе. Это, по моему воззрѣнію, невозможно Крупное хозяйство есть единственно возможное на будущее время и для земледѣлія.. Я предвижу, что наше крестьянство будетъ мало по малу исчезать и даже рыцарскія имѣнія востока окажутся слишкомъ малы для той формы хозяйства, которой принадлежитъ будущее и притомъ не особенно отдаленное". „Недостатокъ рабочихъ, разсуждаетъ далѣе Мейеръ, приводитъ обыкновенно къ употребленію машинъ. Но если значительная часть—положимъ 20—30% обработанной земли—будетъ воздѣлываться машинами, то прочіе владѣльцы не въ состояніи уже конкуррировать съ тѣми, которые примѣняютъ машины въ большихъ размѣрахъ Въ настоящее время хозяйства ниже 600—800 моргеновъ въ Померанія и Пруссіи страдаютъ уже оттого, что они слишкомъ малы для примѣненія сѣялокъ, косилокъ и молотилокъ.. Крупныя имѣнія (Complexe), управляемыя по единому плану, позволяютъ и болѣе цѣлесообразное пользованіе естественными различіями разныхъ участковъ, между тѣмъ какъ мелкій владѣлецъ долженъ включать въ свой оборотъ и неподходящія парцеллы . Крупныя владѣнія требуютъ относительно мало построекъ... Далѣе, скоро уже никто не въ состояніи будетъ конкуррировать съ обладателемъ пароваго плуга"... затѣмъ Мейеръ упоминаетъ о выгодахъ скотоводства, страхованія, кредита и т. д. для крупнаго хозяйства и заключаетъ. „довольно; мнѣ кажется, что дни мелкаго производства въ земледѣліи сочтены; мелкое землевладѣніе исчезаетъ, также какъ исчезаетъ ремесло". Въ этой интересной діатрибѣ соединено все, что приводилось впослѣдствіи въ пользу крупнаго хозяйства, кончая Каутскимъ Но Р. Мейеръ подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній оказался способенъ измѣнить свою точку зрѣнія и въ 1892—3 гг. написалъ рядъ статей о „близкомъ концѣ крупнаго земледѣльческаго хозяйства" (Das nahende Ende des landwirtschaftlichen Grossbetriebes. Neue Zeit. 1892—3)

Nahrungen“ потеряли 43,958 моргеновъ. Потеря приходится главнымъ образомъ, на счетъ дробленія крестьянскихъ хозяйствъ, благодаря же консолидаціи съ рыцарскими имѣніями или прочими некрестьянскими владѣніями крестьянское хозяйство потеряло лишь 9,036 моргеновъ. Ф. д. Гольцъ, изъ работы котораго мы заимствуемъ эти данныя, добавляетъ: „какъ ни мало надежны эти данныя, но изъ нихъ вытекаетъ, что крестьянскія хозяйства, обладающія упряжнымъ скотомъ, постепенно уменьшаются, но это уменьшеніе совершается однако болѣе въ пользу мелкаго, нежели крупнаго землевладѣнія“ [1]).

На тотъ же характеръ преобладанія крупнаго хозяйства указываютъ и нѣкоторые второстепенные признаки, касающіеся самаго веденія хозяйства, въ частности направленія скотоводства [2]). Тогда какъ количество рогатаго скота и коровъ относительно убываетъ, чрезвычайно быстро увеличивается количество овецъ; при этомъ наиболѣе увеличиваются мериносы, улучшенныя породы овецъ и полуулучшенныя, т. е. имѣющія наиболѣе тонкіе сорта шерсти.

Общее количество овецъ съ 1816 года до 1852 увеличилось съ 8,260,396 до 16,530,964, въ частности мериносовъ съ 719.200 до 4,821,057, полуулучшенныхъ овецъ съ 2,367,010 до 7,897,072, число же обыкновенныхъ уменьшилось съ 5,174,186 до 3,812,835. Сопоставленіе роста овцеводства съ ростомъ населенія показываетъ, насколько послѣднее опережалось первымъ. Вотъ цифры. (См. стр. 60).

Быстрѣе всего, сравнительно съ населеніемъ, увеличивается число мериносовъ, за ними слѣдуютъ полуулучшенныя овцы; напротивъ, обыкновенная крестьянская овца все время отстаетъ отъ роста населенія (это служитъ лишней иллюстраціей къ тому, что сказано было выше о пониженіи народнаго благосостоянія въ этотъ періодъ).

---

[1]) *v. d Goltz.* Die Entwickelung der ostpreussischen Landwirtschaft wahrend der letzten 25 Jahre (1856—1881) въ Schmoller's Jahrbuch, 1883, стр. 841.

[2]) Статистика скотоводства велась съ 1816 года чрезвычайно обстоятельно и подробно; это самая разработанная область сельскохозяйственной статистики того времени. Удобная для обозрѣнія сводка матеріала, разбросаннаго въ оффиціальныхъ статистическихъ изданіяхъ, дана въ книгѣ *E. Hauser.* Die Entwickelung der Viehzucht in Preussen von 1816 bis 1863. Halle. 1887. Для того же періода см. также Мейцена, op. cit. Общія цифры даны также въ Statistisches Handbuch fur den Preussischen Stat

	Одинъ мериносъ на—человѣкъ.	Полуулучшенная овца—на челов	Обыкновенная овца на—челов.	Всякая овца на—челов
1816	14,4	4,4	2	1,2
1819	13,1	3,7	2,1	1,2
1822	10,4	3,2	2,2	1,2
1825	7,1	2,7	2,3	1,1
1828	5,3	2,5	2,5	1,0
1831	5,4	2,5	3,2	1,1
1834	4,8	2,3	3,4	1,1
1837	3,9	1,97	3,3	0,94
1840	3,6	1,90	3,4	0,91
1843	3,7	1,98	3,6	0,91
1846	3,7	1,97	4	0,98
1849	3,7	2,05	4,2	1,0
1852	3,5	2,14	4,42	1,02

Такое чрезвычайное увеличеніе числа тонкорунныхъ овецъ обязано, безъ сомнѣнія, въ значительной степени развитію вывоза шерсти въ Англію, которое послѣдовало вслѣдъ за отмѣной запрещенія вывоза шерсти въ 1809 году. Гофманъ предполагалъ, что около $^1/_4$ всей шерсти вывозится; изъ 97,371 тюковъ шерсти, которые ввезла въ 1831 году Великобританія, на долю Германіи приходится 60,822 тюка, почти двѣ трети всего ввоза [1]). Когда развивается ввозъ шерсти въ Англію и изъ другихъ странъ, кромѣ Пруссіи [2]), прусское овцеводство сначала замедляется въ своёмъ развитіи, а затѣмъ (съ 1867 года) рѣшительно идетъ назадъ [3]). Съ другой стороны, развитіе овцеводства

---

[1]) *Nebenius.* Der deutsche Zollverein, sein System und seine Zukunft. Carlsruhe. 1835. Стр. 26 и сл. Небеніусъ приводитъ расчетъ, по которому Германія вывозила заграницу около половины своей шерсти, слѣдовательно, опредѣляетъ эту долю вдвое выше чѣмъ Гофманъ (правда, расчетъ относится только къ Пруссіи, но она была главнымъ поставщикомъ шерсти). Это показываетъ, насколько приблизительны оба расчета.

[2]) Объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цифры: въ 1825 году было ввезено въ Великобританію изъ Австраліи, Южной Америки, Капланда, Остъ-Индіи и Испаніи 8,903,000 фунтовъ, а въ 1849 уже 51,581,000 фунтовъ.

[3]) Въ 1858 году въ Пруссіи (стараго состава) было 15,374,717 овецъ, въ 1861—17,457,228, въ 1864—19,329,035, въ 1867—18,820,023, въ 1873—16,762,617, въ 1883—12,342,509, въ 1892—8,231,668 и въ 1897—6,245,340.

служитъ признакомъ экстенсивнаго еще характера земледѣлія, въ Англіи соотвѣтствующій періодъ былъ пережитъ еще въ XVI—XVIII вѣкахъ. Съ ростомъ населенія и болѣе интенсивнымъ воздѣлываніемъ почвы овцеводство въ цѣляхъ производства шерсти исчезаетъ само собою, переходитъ въ колоніи. „Schaf weicht der Kultur“,—овцы исчезаютъ съ культурой,—этотъ нѣмецкій афоризмъ хорошо характеризуетъ описанный ходъ развитія.

Это же самое можно наблюдать и въ распредѣленіи овцеводства по разнымъ провинціямъ Прусскаго государства, гдѣ оно въ наибольшей степени распространилось въ малокультурныхъ и рѣдконаселенныхъ провинціяхъ Познани, Помераніи, Бранденбургѣ, Силезіи, Саксоніи и гораздо менѣе въ промышленныхъ Вестфаліи и Рейнландѣ [1]).

Насъ интересуетъ здѣсь особенно то обстоятельство, что развитіе овцеводства связано обыкновенно съ крупнымъ хозяйствомъ и является поэтому спутникомъ послѣдняго. Фибанъ приводитъ его прямо въ связь съ латифундіями [2]), и это мнѣніе подтверждается и тѣмъ, что центромъ овцеводства являются провинціи, въ которыхъ господствуетъ крупное хозяйство. Разведеніе тонко-

---

[1]) Въ 1837 году, напр., на квадратную милю приходилось овецъ: въ Пруссіи—1,816, Познани—4,035, Бранденбургѣ—3,406, Помераніи—3,687, Силезіи—3,737, Саксоніи—4,703, Вестфаліи—1,495, Рейнландѣ—1,250 Сравненіе количества овецъ въ разныхъ регирунгсбециркахъ за 1825—1849 гг. см. у Котельмана, l. c. 115—117.

[2]) Viebahn (l. c. III, 181) даетъ слѣдующую тонкую характеристику развитія скотоводства въ связи съ общимъ развитіемъ сельскаго хозяйства и движеніемъ населенія: „I Потребности населенія и, при неизмѣнномъ уровнѣ этихъ потребностей, его плотность опредѣляютъ главное направленіе скотоводства. II. При возрастающей плотности населенія число лошадей остается неизмѣнно, число овецъ, разводимыхъ для шерсти, уменьшается, козъ и свиней—увеличивается, также какъ и рогатаго скота, но послѣдняго болѣе по качеству, чѣмъ количеству III. Число стадъ овецъ зависитъ отъ крупныхъ имѣній, увеличеніе свиней, козъ, а также и коровъ поощряется увеличеніемъ мелкихъ хозяйствъ и семействъ „свободныхъ“ „поденщиковъ“. Измѣненіемъ общихъ экономическихъ условій объясняетъ уменьшеніе овцеводства и Шубертъ. „Овцеводство требуетъ незначительнаго капитала и небольшого числа рабочихъ рукъ, слѣдовательно наиболѣе подходитъ къ экстенсивному хозяйству и именно крупному. То и другое, экстенсивность хозяйства и крупные его размѣры имѣются на прусскомъ востокѣ“ (*Backhaus*. Agrarstatistische Untersuchungen, Berlin. 1898 стр. 193).

рунныхъ овецъ есть симптомъ преобладанія крупнаго хозяйства, ведущагося сравнительно экстенсивнымъ способомъ.

Развитіе крупнаго хозяйства и упадокъ мелкаго свидѣтельствуется и характеромъ развитія другой и притомъ важнѣйшей отрасли сельскохозяйственнаго скотоводства—именно коневодства. Хотя число лошадей и растетъ, но гораздо медленнѣе чѣмъ растетъ населеніе: въ 1816 году одна лошадь приходилась на 8,32 человѣка, а въ 1849 уже на 10,37 [1]). Сопоставляя это явленіе съ общимъ развитіемъ народнаго хозяйства за это время и, въ частности, съ преобладаніемъ прироста сельскохозяйственнаго населенія, мы должны отнести его насчетъ обезлошадѣнія части крестьянства; а повышеніе качества лошадей, о которомъ свидѣтельствуетъ и Дитерици и Шубертъ, слѣдуетъ отнести насчетъ успѣховъ крупнаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ округахъ крестьянское хозяйство обнаруживаетъ даже абсолютную убыль лошадей; такъ въ злосчастныхъ округахъ, описанныхъ Шубертомъ, за 41 годъ число лошадей убыло на 11,6%, тогда какъ населеніе возросло на 52%. „Если принять во вниманіе,—говоритъ Шубертъ, приведя этотъ фактъ,—что современное состояніе лошадей въ общемъ теперь лучше, чѣмъ было въ 1802 году, то уменьшеніе ихъ числа является очевиднымъ свидѣтельствомъ, сколько мелкихъ хозяйствъ погибло за это время, причемъ, благодаря присоединенію ихъ къ крупнымъ, стало возможно значительное сбереженіе въ числѣ лошадей“ (33). Но положеніе дѣлъ въ восточной Пруссіи является только крайнимъ выраженіемъ того процесса, который шелъ по всему прусскому востоку и центру [2]); при этомъ

---

[1]) Несмотря на колоссальное развитіе желѣзнодорожной сѣти мы замѣчаемъ во второй половинѣ XIX вѣка болѣе значительное развитіе коневодства нежели въ первой. Вотъ цифры: въ 1816 году было 1,243,261 лошадей, въ 1822—1,363,249, въ 1831—1,374,594, въ 1840—1,512,429, въ 1849—1,575,417, въ 1858—1,622,400, въ 1861—1,680,624, въ 1873—1,877,639, въ 1883—1,983,728, въ 1897—2,312,273 (все время имѣется въ виду Пруссія стараго состава).

[2]) Надо замѣтить, что, несмотря на густоту населенія, при которой много сельскохозяйственныхъ работъ выполняются руками, Рейнландъ и Вестфалія не обнаруживаютъ меньшаго количества лошадей нежели востокъ. Такъ въ 1837 году на квадратную милю было лошадей въ пров. Пруссіи—375, въ Познани—250, въ Бранденбургѣ—246, Помераніи—235, Силезіи—244, Саксоніи—320, Вестфаліи—324, Рейнской провинціи—251, во всемъ государствѣ—290.

убыль лошадей вовсе не возмѣщается прибылью рогатаго скота, приростъ котораго также, какъ мы уже видѣли, отстаетъ отъ роста населенія [1]).

Слѣдующимъ признакомъ процвѣтанія крупнаго хозяйства приходится считать процвѣтаніе винокуренія, которое соединяется съ значительнымъ вывозомъ спирта за границу [2]) (сопровождаемымъ, однако, какъ мы уже знаемъ, уменьшеніемъ внутренняго потребленія). Роль вывоза спирта въ составѣ общаго сельскохозяйственнаго экспорта охарактеризована Котельманомъ [3]) такъ: „Большое значеніе винокуреннаго дѣла для нашихъ восточныхъ провинцій основывается, какъ извѣстно на томъ, что черезъ это воздѣлываніе картофеля, который благодаря своему значительному вѣсу годится для обращенія часто лишь въ предѣлахъ данной округи, въ формѣ спирта съ значительной легкостью и дешевизной можетъ быть пересылаемъ, и благодаря этому становится возможно воздѣлываніе обширныхъ песчаныхъ равнинъ нашихъ восточныхъ провинцій, между тѣмъ, будучи засѣяны хлѣбомъ, онѣ принесли бы ничтожный доходъ или же никакого. Сюда относятся въ особенности Бранденбургъ, задняя Померанія и правый берегъ Одера въ Силезіи“. Большинство винокуренъ находится въ деревняхъ, по словамъ Котельмана, только $^1/_5$ всѣхъ

---

[1]) Viebahn говоритъ о прусскомъ коневодствѣ этого времени: „лошади потому уменьшились сравнительно съ другими видами скота, что естественные луга, которые ранѣе повсемѣстно были общедоступны, благодаря раздѣлу общинныхъ земель, выкупу пастбищъ и обращенію ихъ подъ пашню уменьшились или исчезли, что значительная часть воздѣлыванія почвы въ густо населенныхъ мѣстностяхъ съ садовой культурой перешла на долю человѣческихъ рукъ, что, хотя разведеніе быковъ и уменьшилось, но большее количество коровъ привлекается къ упряжкѣ и то, что лошади, прежде содержавшіяся для обширнаго транспорта, теперь большей частью замѣнены локомотивами“ (Band III, 405).

[2]) Вотъ данныя о ввозѣ и вывозѣ всякихъ водокъ въ Пруссію (надо замѣтить, что ввозились въ Пруссію главнымъ образомъ тонкія водки). Въ 1825 году было вывезено 45,960 прусскихъ центнеровъ, ввезено 19,295, въ 1830 году вывезено 66,208 центнеровъ, ввезено 19,303, въ 1840 вывезено 116,323 ц., ввезено 19,367, въ 1845 вывезено 169,108 центн., ввезено 28,475, въ 1849 вывезено 246,348 ц., ввезено 34,697. Пруссія была главной поставщицей водокъ на европейскій рынокъ въ это время; цифра вывоза всего Таможеннаго Союза повышается незначительно сравнительно съ цифрой одного прусскаго вывоза.

[3]) Kotelmann, l. c. 186.

винокуренъ помѣщается въ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ естественнаго хода вещей, а отчасти акцизнаго законодательства винокурни сосредоточивались главнымъ образомъ въ крупныхъ имѣніяхъ, были придаткомъ крупнаго хозяйства. „Ближайшимъ слѣдствіемъ теперешняго направленія въ винокуренной промышленности,—говоритъ Гофманъ [1]) въ качествѣ вывода изъ изслѣдованія положенія винокуреннаго дѣла въ Пруссіи,—является то, что выгоды, проистекающія для улучшенія почвы изъ соединенія винокуренъ съ сельскимъ хозяйствомъ, сосредоточиваются все болѣе и болѣе на *отдѣльныхъ* имѣніяхъ. Теперь этого преимущества лишена не только та часть земель, которая находится подъ крестьянскими владѣніями или даже входитъ въ составъ крупныхъ имѣній, не достигающихъ по оцѣнкѣ цѣнности 15 тысячъ талеровъ, но имъ не можетъ уже пользоваться значительная часть крупныхъ имѣній вслѣдствіе трудности найти добавочный сбытъ для новаго продукта“. Производство и рынокъ были монополизированы въ рукахъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ [2]).

Характеристика прусскаго земледѣлія въ первой половинѣ XIX вѣка будетъ неполна, если мы не заключимъ ее эпизодомъ, имѣвшимъ мѣсто много позднѣе, въ концѣ 60-хъ годовъ, но проливающимъ яркій свѣтъ на развитіе именно данной и ближайшей эпохи, это кредитный кризисъ (Creditnoth des Grundbesitzes), нашедшій своего историка и теоретика въ Родбертусѣ. Какъ мы видѣли во введеніи, ипотечная задолженность вытекаетъ изъ экономическихъ особенностей помѣщичьяго хозяйства, соединенія въ одномъ лицѣ землевладѣльца и капиталиста-предпринимателя. Насколько причины ипотечной задолженности не сводятся къ индивидуальнымъ свойствамъ землевладѣльца, напр. расточительности или под., она является совершенно нормальной функціей крупнаго хозяйства и, въ извѣстныхъ границахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, является условіемъ, а вмѣстѣ и результатомъ

---

[1]) Hoffmann, l. c. 489.

[2]) Напротивъ сахароваренie развивается туго, и ввозъ сахара перевѣшиваетъ вывозъ даже для 40-хъ годовъ. Разведеніе сахарной свеклы еще только начинается. Статистику для ранняго періода см., между прочимъ, у *Ferber*. Beiträge zur Kenntniss des gewerblichen und commerciellen Zustandes der Preussischen Monarchie. Berlin 1829, а для 40-хъ годовъ Котельманъ; ср. также Мейценъ, l. c. Band IV, 558 слл.

хозяйственнаго прогресса. Границы ея теоретически опредѣлить, конечно, трудно, но практически онѣ обыкновенно ясны; при ростѣ ренты сумма долга можетъ увеличиваться, составляя неизмѣнную долю общей цѣнности земли [1]); но самый ростъ ренты является результатомъ сельскохозяйственнаго прогресса. Причины гипотечной задолженности, какъ это выяснено тѣмъ же Родбертусомъ. двояки: она проистекаетъ или изъ мобилизаціи земли или изъ потребности въ капиталѣ въ цѣляхъ веденія хозяйства. Но и то и другое является слѣдствіемъ и условіемъ хозяйственнаго прогресса. Съ неподвижностью земельной собственности не мирится наша экономическая жизнь еще болѣе чѣмъ съ земельной спекуляціей, выражающейся въ черезчуръ быстромъ обращеніи земельной собственности, которое вызывается не хозяйственными, но спекулятивными соображеніями; а необходимость увеличенія размѣровъ капитала при увеличивающейся интенсивности хозяйства ясна сама собою, она не имѣетъ ничего общаго съ той жаждой кредита во что бы то ни стало, которая является у разоряющихся помѣщиковъ и пугаетъ теоретиковъ, мечтающихъ объ ограниченіи свободы наложенія гипотекъ. Обѣ эти причины дѣйствовали съ большой силой въ теченіе первой половины XIX вѣка, и гипотечная задолженность, которая расла въ это время, должна быть нами признана *хозяйственно прогрессивною*.

Мы знаемъ, что свобода земельнаго обращенія не пользуется полнымъ признаніемъ со стороны законодательства и въ настоящее время; еще менѣе, конечно, этой свободы было въ первой половинѣ XIX вѣка, но нужно всетаки указать, что свободная земельная собственность, въ отличіе отъ старой, феодальной, появляется именно въ XIX вѣкѣ, какъ одинъ изъ благодѣтельныхъ резуль-

---

[1]) Мейценъ приводитъ нѣкоторые примѣры чрезвычайно высокой, но относительно неповышающейся гипотечной задолженности. Для округовъ Niederung и Konitz въ Пруссіи, Lauenburg въ Помераніи, Wirsitz въ Познани, Sternberg въ Бранденбургѣ и Ribnik въ Силезіи сравненіе 1837, 1847 и 1857 годовъ даетъ слѣдующіе результаты. Заявленная цѣнность имѣній въ 1837 году—6,895,772 талера; долгъ составлялъ—5,498,824 или $^{8}/_{10}$ цѣнности. Въ 1847 году заявленная цѣнность 10,144,654 талера, долгъ—8.787,280 или $^{84}/_{100}$; въ 1857 году заявленная цѣнность 13,737,029, долгъ—11,076,974 или $^{8}/_{10}$ (Meitzen, l. c. Band III, 110). Задолженность расла (по Укке) для всей Пруссіи такъ: 1835—45 около 7 милл. талеровъ, 1845—55 ок 17 милл., 1855—65 ок. 47 милл, 1865—75 ок. 123 милл., 1875—85 ок. 132 милл

татовъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Родбертусъ собралъ статистику о переходахъ изъ рукъ въ руки разными способами рыцарскихъ имѣній въ періодъ 1835—64. Оказалось, что на 11,771 рыцарскихъ имѣній Пруссіи, Помераніи (за исключеніемъ Новопомераніи), Познани, Силезіи, обоихъ Марокъ, Саксоніи и Вестфаліи приходится 23,654 случая переходовъ имѣнія изъ рукъ въ руки, слѣдовательно въ общемъ каждое имѣніе перемѣнило собственника за этотъ періодъ болѣе *двухъ разъ*. Изъ этого числа 7,903 или 34,7% приходится на переходъ по наслѣдству, 14,404 или 60,2% на случаи добровольной продажи, а 1,347 или 5,1%—продажи съ молотка. Слѣдовательно, въ среднемъ за это время каждое имѣніе перемѣнило добровольно владѣльца $1^1/_3$ разъ; вопреки Родбертусу, который смотритъ на это съ предвзятой мрачностью, мы совсѣмъ не считаемъ этой цифры чрезмѣрно высокою. И характерно распредѣленіе этихъ добровольныхъ продажъ: въ Вестфаліи такимъ образомъ было продано лишь 23% имѣній, въ Силезіи 154%, въ Саксоніи—88%, въ Познани 117%. Мы видимъ, слѣдовательно, что процентъ продажъ повышается тамъ, гдѣ сильнѣе бьется пульсъ хозяйственной жизни въ это время и чувствительнѣе прогрессъ — на аграрномъ востокѣ; западъ, который находится, сравнительно, въ застоѣ, отличается и слабостью земельной мобилизаціи,—происходитъ ли она вслѣдствіе связанности имѣнія фидеикоммиссами, или же общей вялости хозяйственной жизни [1]).

Потребность въ кредитѣ въ хозяйственныхъ цѣляхъ самъ Родбертусъ видитъ въ томъ, что „лѣтъ 30 тому назадъ (писано

---

[1]) *Rodbertus-Jagetzow.* Zur Erklarung und Abhulfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. 2-te Auflage Berlin 1893. Стр. 28—29. На основаніи Agrarstatistische Untersuchungen Конрада Бакгаузомъ сдѣлано слѣдующее сопоставленіе:

	% дворянскихъ землевладѣльцевъ.	% площади.	% недворянскихъ землевладѣльцевъ.	Площадь
Восточная Пруссія. .	19	36	79	54
Западная Пруссія. . .	22	34	76	60
Померанія.	39	58	59	37
Познань.	42	66	56	33

(Backhaus, l. c. 31). Недворянское землевладѣніе есть, конечно, результатъ земельной мобилизаціи, отчужденія земельной собственности первоначальными дворянскими владѣльцами; мы видимъ, какъ высокъ процентъ такихъ земель.

въ 1867) сѣверногерманское земледѣліе перешло къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства, нежели существовавшія раньше. Такой болѣе интенсивный способъ воздѣлыванія полей всегда обусловливается общимъ хозяйственнымъ развитіемъ и находится съ нимъ въ органическомъ взаимодѣйствіи...“ Ростъ интенсивности хозяйства вызвалъ потребность въ увеличеніи капитала. Сначала эта потребность удовлетворялась на счетъ наступившаго съ половины 30-хъ годовъ повышенія цѣнъ. (Къ этому нужно еще добавить капиталъ, который былъ полученъ помѣщиками въ качествѣ выкупныхъ платежей). Но этого стало недостаточно. Поэтому землевладѣльцы „оказываются вынуждены налагать гипотеку для того, чтобы получить капиталъ для веденія хозяйства (Betriebskapital)... Можно сказать съ увѣренностью, что не только большая часть вновь заключенныхъ по закладнымъ записямъ долговъ, но и вновь налагаемыя обычнымъ порядкомъ гипотеки имѣютъ назначеніе послужить средствами для веденія хозяйства“ [1]).

Самый кредитный кризисъ состоялъ въ томъ, что, когда въ 60-хъ годахъ спросъ на капиталъ благодаря заключенію въ Германіи американскихъ долговъ, колоссальнаго расширенія желѣзнодорожной сѣти и т. д. усилился, и въ результатѣ почувствовался недостатокъ капитала, выразившійся въ подъемѣ заемнаго процента, то это отразилось тяжело на сельскомъ хозяйствѣ (конечно, крупномъ). Вліяніе этого удорожанія капитала было двусторонне: какъ должники, землевладѣльцы были принуждены платить болѣе высокіе проценты, а капитальная цѣнность ихъ земли должна была упасть, вслѣдствіе повышенія процента, изъ котораго капитализировалась рента. Въ то же время они получали на болѣе тяжелыхъ условіяхъ новый капиталъ или вовсе не получали, между тѣмъ какъ онъ былъ имъ необходимъ для веденія хозяйства. Кризисъ этотъ былъ вызванъ временнымъ состояніемъ денежнаго рынка и, будучи непродолжителенъ, оставилъ болѣе глубокіе слѣды въ экономической литературѣ (въ видѣ трактата Родбертуса), чѣмъ на сельскомъ хозяйствѣ. Но онъ представляетъ теоретическій интересъ именно для пониманія развитія земледѣлія въ изучаемую теперь эпоху, потому что нѣкоторыя особенности развитія 40—50-хъ годовъ проэцируются на будущее, и фокусомъ въ этой проэкціи является кредитный кризисъ. Какъ нерѣдко

[1]) Rodbertus, l. c., 64—67.

бываетъ, болѣзнь даетъ легче уразумѣть нормальное положеніе, нежели здоровое состояніе организма.

Теперь возвратимся снова къ прерванному изложенію общаго экономическаго развитія Пруссіи и Германіи. Намъ предстоитъ теперь изученіе эпохи, образующей переходъ отъ старой Пруссіи къ современной, которую нужно считать съ 70-хъ годовъ. Какъ переходная эпоха, періодъ отъ 50-хъ до 70-хъ годовъ во многомъ носитъ еще черты стараго времени, но уже можно распознать созидающіеся устои новаго народнохозяйственнаго строя. Начнемъ съ разсмотрѣнія движенія народонаселенія, статистика котораго и для этой эпохи даетъ самыя надежныя свѣдѣнія для сужденія объ общемъ экономическомъ развитіи. Популяціонистически порогъ между старой и новой Пруссіей образуетъ періодъ 1846—49 г., когда впервые эмиграція беретъ верхъ надъ иммиграціей и фактическій приростъ населенія становится ниже естественнаго. Перевѣсъ эмиграціи, который могъ бы быть объясненъ для этого періода соединеннымъ дѣйствіемъ революціи и холеры, остается съ тѣхъ поръ, однако, постояннымъ явленіемъ въ движеніи населенія, онъ служитъ какъ бы внѣшнимъ показателемъ, что старый экономическій строй исчерпываетъ свои потенціи, и государство въ многотрудномъ процессѣ перехода къ новымъ экономическимъ формамъ теряетъ прежній ростъ емкости территоріи относительно населенія.

Если мы обратимся къ статистикѣ движенія населенія въ разныхъ провинціяхъ, то увидимъ, что прежнее различіе между быстро населявшимся востокомъ и трудно увеличивавшимъ свое населеніе западомъ начинаетъ блѣднѣть, чтобы затѣмъ уступить мѣсто совершенно новой картинѣ движенія населенія.

Пусть читатель сравнитъ два слѣдующихъ ряда цифръ: (см. стр. 69).

Помимо общаго замедленія въ темпѣ прироста населенія сравнительно съ предшествующимъ періодомъ [1]),—результатъ переходной эпохи,—бросается въ глаза, что прежнее различіе между западомъ и востокомъ въ періодъ 1849—64 слабо, почти неуловимо; но уже въ послѣдующій періодъ движеніе населенія принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ и противъ одной изъ самыхъ

---

[1]) Съ 1844 по 1871 годъ Пруссія потеряла населенія путемъ эмиграціи 533,397 человѣкъ, или 19,755 человѣкъ ежегодно.

	Приростъ населенія въ періодъ 1849—64.		Приростъ населенія въ періодъ 1864—71.	
Восточная Пруссія .	20%	ежегодно 1,3%	3%	ежегодно 0,4%
Западная Пруссія .	22 „	„ 1,4 „	5 „	„ 0,7 „
Бранденбургъ (безъ Берлина)	16 „	„ 1,0 „	3 „	„ 0,4 „
Померанія	20 „	„ 1,3 „	—0,4 „	„ —0,05 „
Познань	13 „	„ 0,8 „	4 „	„ —0,5 „
Силезія	15 „	„ 1,0 „	5 „	„ 0,7 „
Саксонія . . .	15 „	„ 1,0 „	2 „	„ 0,2 „
Вестфалія	14 „	„ 0,9 „	6 „	„ 0,8 „
Рейнландъ	19 „	„ 1,3 „	7 „	„ 1,0 „

земледѣльческихъ провинцій востока—Помераніи появляется зловѣщій и знаменательный минусъ, между тѣмъ какъ приростъ населенія въ провинціяхъ запада (къ нимъ, до извѣстной степени присоединяется Силезія, а впослѣдствіи присоединится и Саксонія) становится самымъ значительнымъ въ государствѣ. Уже эта перемѣна въ движеніи населенія показываетъ, что въ народномъ хозяйствѣ происходитъ переломъ, и центръ тяжести его подвигается съ запада на востокъ. Характеръ этой перемѣны будетъ ясенъ изъ слѣдующихъ статистическихъ сопоставленій.

Намъ извѣстно уже, какъ туго расло городское населеніе въ первой половинѣ XIX вѣка; въ разсматриваемый періодъ ростъ его значительно ускоряется, хотя и не достигаетъ того темпа, который характеризуетъ Пруссію въ этомъ отношеніи въ новѣйшее время. Характеръ эпохи 50-хъ, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ какъ переходной выступаетъ съ полной ясностью, если мы сопоставимъ данныя (въ относительныхъ цифрахъ) о движеніи городского и сельскаго населенія втеченіе всего XIX вѣка.

	Городское населеніе	Сельское населеніе.
1816.	25,46%	73,50%
1849.	26,76 „	71,73 „
1871.	32,46 „	67,54 „
1895.	40,66 „	59,34 „

За 33-хлѣтіе 1816—49 относительная доля городского населенія увеличилась лишь на 1,3%, за 22-хлѣтіе 1849—1871 гг. уже на 5,7%, въ 24-хлѣтіе 1871—95 гг. уже на 8,2%.

Ростъ городского населенія, сопровождающійся, какъ было въ данномъ случаѣ, и ростомъ крупныхъ, неземледѣльческихъ городовъ, свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о томъ, что относительное значеніе земледѣлія уменьшается и начинаютъ получать большее значеніе неземледѣльческія занятія. Процентъ земледѣльческаго населенія, еще въ 1852 году составлявшій 50,95%, въ 1861 году составляетъ уже 46%. Число промышленниковъ,—ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ,—до этого года увеличивается вмѣстѣ съ населеніемъ, но съ этого года начинаетъ уже обгонять приростъ населенія, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія [1]).

		Абсолютно.	На 10,000 населенія
1858 г.	Число ремесленниковъ . .	1,414,372	800
	„ фабр. рабочихъ . .	651,935	369
	Сумма . . .	2,066,307	1,169
1861 г.	Число ремесленниковъ . .	1,455,465	790
	„ фабр. рабочихъ . .	699,101	379
	Сумма . . .	2,154,566	1,169
1875 г.	Число ремесленниковъ . .	1,683,742	797
	„ фабр. рабочихъ . .	905,817	429
	Сумма . . .	2,589,559	1,226

Сопоставленіе это показываетъ также, что господствующей количественно формой промышленности все еще остается ремесло, но, уступая ему количественно, его обгоняетъ въ относительномъ

[1]) Jahrbuch fur amtliche Statistik, 5. 1883.

ростѣ фабрика. Приведенныя цифры весьма ярко характеризуютъ періодъ борьбы между двумя экономическими формами, крупнокапиталистическимъ и мелкимъ ремесленнымъ производствомъ. Энгель, изслѣдовавшій германскую промышленность въ ту же эпоху, дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе прироста населенія съ одной стороны и промышленнаго населенія съ другой [1]). Принимая общее и промышленное населеніе 1861 года за 100, мы найдемъ, что эти 100 обращаются въ 1875 году въ

	Общее населеніе.	Промышленное
Пруссіи	113,46	130
Баваріи	107,09	120
Саксоніи	124,06	132
Вюртембергѣ . . .	109,34	112
Баденѣ. . . .	109,81	131
Таможенномъ Союзѣ .	112,51	127

Энгель дѣлаетъ справедливое общее заключеніе, что „промысловое населеніе возросло вдвое быстрѣе, чѣмъ общее населеніе, а это значитъ ни что иное, какъ то, что Германская имперія стала въ гораздо большей степени промышленнымъ государствомъ. И въ особенности можно это сказать про Пруссію“ [2]) [3]).

Приведенныхъ данныхъ хотя и недостаточно для характери-

---

[1]) *E. Engel.* Die deutsche Industrie 1875 und 1861. Berlin. 1880. Стр 208—9, 207, табл. 5, 6.

[2]) l. c., предисловіе, X.

[3]) Вотъ нѣкоторыя цифры относительно экономическаго развитія въ это время Баваріи и Саксоніи. Бавaрія за разсматриваемый періодъ также характеризуется абсолютнымъ и относительнымъ приростомъ городскаго населенія.

Періодъ.	% средняго прироста городскаго населенія.	% сельскаго.	% общаго прироста.
1852—58	1,25	0,30	0,20
1858—61	1,51	—	0,53
1861—64	2,41	0,44	0,84
1840—64	1,32	0,22	0,42

Городское населеніе Саксоніи съ 1834 по 1875 годъ выросло на 111,77%, а деревенское на 54,06%, приростъ для всего населенія 73%. По профессіямъ оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (въ процентахъ):

стики промышленнаго состоянія страны, но вполнѣ достаточно, чтобы намѣтить тѣ основныя условія развитія, которыя важны для пониманія судебъ земледѣлія, а именно растущую индустріализацію страны. Этотъ процессъ дѣлаетъ понятнымъ то измѣненіе въ распредѣленіи прироста населенія по разнымъ провинціямъ, которое мы отмѣтили выше. Ростъ индустріализаціи отразился повышеніемъ прироста населенія въ промышленныхъ и рудныхъ и каменноугольныхъ округахъ [1]). Въ то же время, въ аграрномъ востокѣ перенаселеніе ощущалось уже въ концѣ 40-хъ годовъ; хотя развивающееся земледѣліе и требовало растущаго числа рабочихъ рукъ, но все же приростъ населенія былъ, очевидно, чрезмѣренъ и не могъ быть поглощенъ земледѣліемъ; развитіе же городовъ шло здѣсь гораздо медленнѣе чѣмъ на западѣ [2]). Избыточное населеніе, вмѣсто того, чтобы умирать отъ голода (мы знаемъ, что это не гипербола), получило возможность эмигрировать. У насъ нѣтъ свѣдѣній для этого періода, происходило ли и въ какой мѣрѣ въ этотъ періодъ переселеніе изъ восточныхъ въ западныя провинціи; но развитіе путей сообщенія сдѣлало возможнымъ эмиграцію за океанъ, и эта эмиграція въ наибольшей степени отвлекаетъ земледѣльческое населеніе аграрныхъ округовъ,—въ полную противоположность первой половинѣ XIX вѣка, когда эмиграція шла въ гораздо большей степени изъ западныхъ округовъ. По изслѣдованію Бодикера [3]), на долю восточныхъ

	1849	1861	1871	1875
Сельское хозяйство, лѣсоводство и т. д.	32,27	25,14	16,21	15,26
Горное дѣло, промышленность и т. д. .	47,62	51, 8	51,83	53,21
Торговля и средства сообщенія	4,63	6,15	10,13	9,17

Уже въ это время Саксонія носитъ характеръ высокопромышленной страны.

[1]) Горное дѣло развивается довольно энергично уже въ началѣ изучаемаго періода. Все горное производство таможеннаго союза въ 1848 году равнялось 14,448,392 талерамъ, занимая 88,265 рабочихъ, а въ 1857 году составляло 45,759,845 талеровъ съ 169,151 рабочими.

[2]) На 100 городскихъ жителей приходилось деревенскихъ въ 1861 и и 1849 годахъ: въ Пруссіи 376 и 343, Познани 276 и 269, Бранденбургѣ 120 и 108, Помераніи 255 и 230, Силезіи 396 и 350, Саксоніи 175 и 166, Вестфаліи 338 и 290, Рейнландѣ 259 и 201, государствѣ 256 и 229.

[3]) Die Auswanderung und die Einwanderung des preussischen Staates von T. Bodicker въ Zeitschrift des Konig. Statist. Bureaus, 1873, № 1. Первый подсчетъ сдѣланъ Лейдигомъ (*Leidig.* Auswanderungswesen im Konigreich Preussen, 453. См. Schriften des Vereins fur Sociale Politik, Band 52).

провинцій въ періодъ 1845—54 падаетъ 59,191 эмигрантовъ, а западныхъ 87,462, въ періодъ же 1867—71 на долю восточныхъ 102,201, а западныхъ 35,598; несмотря на гораздо болѣе рѣдкое населеніе, востокъ потерялъ значительно больше жителей, чѣмъ западъ. При этомъ, изъ отмѣченныхъ профессій, всего болѣе потеряло земледѣліе, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго подсчета. Эмиграція 1862—71 года распредѣлялась по профессіямъ такъ:

1) Наука и искусство 2,690 или 1,1%.
2) Торговля, промышленность и ремесло 40,028 или 16,5%.
3) Земледѣліе 58,830 или 24,3%.
4) Слуги, поденщики, ручные рабочіе 28,823 или 11,9%.
5) Прочія профессіи 4,139 или 1,7%
6) Безъ профессіи 108,057 или 44,5%.

Эта выпуклая сторона рельефа дополняется вогнутой, данными статистики объ иммиграціи и ея распредѣленіи по профессіямъ; здѣсь мы имѣемъ, конечно, противоположную картину.

I	группа	1,659	3 %
II	„	19,343	35,2
III	„	6,521	11,9
IV	„	7,316	13,3
V	„	1,510	2,7
VI	„	18,654	33,9

(Надо замѣтить, что кромѣ 3-ей группы, земледѣліе, вѣроятно, не мало считаетъ представителей и въ неопредѣленныхъ 4-ой и 6-ой группахъ).

Такимъ образомъ, въ 60-ые годы мы имѣемъ начало, пока еще слабое, могущественнаго тока населенія съ востока на западъ и за океанъ, характеризующаго наше время.

Обращаясь къ характеристикѣ земледѣлія въ эту эпоху, мы должны, вмѣстѣ съ Гольцемъ, признать ее „счастливѣйшимъ временемъ для нѣмецкаго земледѣлія втеченіе всего XIX вѣка“ [1]) или даже „втеченіе всего его существованія“ [2]). Цѣлый рядъ

[1]) *v. d. Goltz* Die Landwirtschaftslehre und die jetzige Krisis in der deutschen Landwirtschaft. Berlin 1886. Стр. 5.

[2]) *Его же.* Vorlesungen uber Agrarwesen etc., 43

благопріятныхъ условій соединился, чтобы вызвать это благополучіе. Начнемъ съ самаго существеннаго—рынка. Въ эту эпоху въ Пруссіи, да и во всей Германіи развивается *внутренній рынокъ* на сельскохозяйственные продукты. Это обусловливается, съ одной стороны, относительнымъ и абсолютнымъ (который въ данномъ случаѣ еще важнѣе) ростомъ населенія, съ другой развитіемъ путей сообщенія, въ особенности желѣзнодорожной сѣти, которая для одной Пруссіи за періодъ 1850—75 гг. выросла съ 3,868,6 километровъ до 16,877,1. Еще важнѣе направленіе желѣзнодорожныхъ путей: до 1850 года (въ этомъ легко убѣдиться, заглянувъ въ статистику распредѣленія желѣзнодорожной сѣти по регирунгсбециркамъ) они проводились почти исключительно въ густо населенномъ и промышленномъ западѣ; теперь они прорѣзаютъ аграрные округа востока и, соединяя его съ западомъ, фактически создаютъ внутренній рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Но восточная Пруссія не теряетъ черезъ это сосѣдняго англійскаго рынка, соединеннаго съ ней болѣе дешевымъ морскимъ путемъ. Какъ показываютъ англійскія статистическія данныя [1]), ввозъ хлѣба въ Англію изъ Германіи довольно значителенъ даже въ то время, когда Германія сама становится импортирующей хлѣбъ страной вплоть до настоящаго времени, что является, очевидно, результатомъ разницы издержекъ транспорта морскимъ и сухимъ путемъ [2]); благодаря этому оказывается выгоднѣй вывозить хлѣбъ съ одного конца имперіи и ввозить съ другого (насколько здѣсь не присоединяется еще транзитная торговля).

Непосредственнымъ результатомъ роста рынка, при отсутствіи конкурренціи новыхъ странъ, былъ дальнѣйшій ростъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты.

	Пшеница.	Рожь (въ тоннахъ).	Масло (центнеръ).	Говядина.	Свинина.
1841—50	167,8	123	120	56,6	73,6
1851—60	211,4	165,4	146,6	70	91,6
1861—70	204	154,6	178,4	86,6	105
1871—75	235,2	179,2	231,3	114,7	126

[1]) См. Statistical Abstracts за отсутствующіе годы.

[2]) Отпускная торговля хлѣбомъ Кёнигсберга напр. расла слѣдующимъ образомъ: въ 1856 году—1,243,205 центнеровъ, 1857—2,313,045, въ 1880—

Эти цѣны (въ маркахъ) для Прусскаго государства показываютъ между прочимъ, что уже въ это время обнаруживается особенность конъюнктуръ на сельскохозяйственномъ рынкѣ, дѣлающая болѣе выгоднымъ скотоводство, нежели земледѣліе: продукты скотоводства обнаруживаютъ болѣе устойчивое и болѣе значительное поднятіе цѣнъ, вслѣдствіе, конечно, большей трудности заморской конкуренціи [1]).

Въ соотвѣтствіи съ цѣнами сельскохозяйственныхъ продуктовъ, естественно, шли въ гору и цѣны на землю, а равно и арендныя платы. Арендная плата за гектаръ въ 7 восточныхъ провинціяхъ, по Конраду, была на доманіальныхъ имѣніяхъ въ 1849 году 13,9 марокъ, въ 1869 году 26,1, а въ 1879 году 35,6 марокъ.

Все это обусловило ростъ производительности почвы [2])

3,825,994, а въ 1881—5,641,430, другими словами, за 25 лѣтъ по крайней мѣрѣ удвоилась.

[1]) Этотъ фактъ не замедлилъ найти отраженіе и въ теоріи Въ концѣ 70-хъ годовъ Зеттегастъ писалъ: „въ общемъ слѣдуетъ принять, что конъюнктуры новаго времени въ большинствѣ культурныхъ странъ говорятъ за расширеніе скотоводства, которое нѣсколько десятилѣтій тому назадъ неоспоримо повело бы къ уменьшенію чистаго дохода.. Точка зрѣнія сельскаго хозяина въ вопросѣ о направленіи производства является теперь существенно отличной отъ воззрѣній эпохи Таэра, когда производство кормовыхъ травъ и скотоводство разсматривались лишь какъ средство къ цѣли. Тогда ставился вопросъ, какіе размѣры слѣдуетъ дать кормовой площади, чтобы обезпечить производство удобреній, которое не только поддерживало бы плодородіе, но, по возможности, и увеличивало бы его... Наша эмансипація отъ неизбѣжнаго примѣненія навознаго хозяйства позволяетъ намъ вести производство кормовыхъ растеній и скотоводство ради таковыхъ, разъ только конъюктуры дѣлаютъ выгоднымъ ихъ расширеніе“ (*Settegast.* Die Landwirtschaft und ihr Betrieb. Dritte Auflage (въ одномъ томѣ) Breslau. 1885. Стр. 392). Ср. рѣшительное сужденіе Фюшинга: „ранѣе скотоводство разсматривалось какъ необходимое зло, которое терпѣлось ради необходимости производства удобренія, теперь оно является главнымъ факторомъ полученія чистаго дохода“. *Fuhling.* Oekonomie der Landwirtschaft. Berlin. 1889, стр. 298).

[2]) Баккаузъ приводитъ слѣдующій краснорѣчивый примѣръ повышенія производительности почвы въ имѣніи Friedrichshof (см. Кнебель въ Korrespondenz des Bundes der Landwirthe): здѣсь жали въ среднемъ: 1782—91 г. 1,010 шеффелей хлѣба, 1801—1811 г. 2,232 ш., 1821—31 г.—3,214 ш, 1841—51 г.—3,951 ш., 1861—51 г.—5,076. (См. *Backhaus.* Die Verbilligung der landwirtschaftlichen Production въ Festschrift zum 70-en Geburtstage von J. Kühn. 1895. Стр. 191).

и техническій прогрессъ земледѣлія, для котораго новая теоретическая основа создана была Либихомъ; теорія Либиха открываетъ эру минеральныхъ удобреній. Увеличеніе количества минеральныхъ удобреній отмѣчаетъ уже Шубертъ для 50-хъ годовъ, какъ-то мергеля, гипса, гуано и под. Онъ же констатируетъ и болѣе внимательную обработку почвы, и введеніе новыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ. Въ этотъ же періодъ развиваются особенно быстро „учрежденія, имѣющія задачей благо сельскаго хозяйства и сельскаго населенія. Сельскохозяйственные союзы растутъ и въ числѣ и въ энергіи своей дѣятельности; сельскохозяйственныя учебныя заведенія самаго различнаго рода вызываются къ жизни; основываются сельскохозяйственныя товарищества съ самыми разнообразными цѣлями; весьма распространяется страхованіе отъ пожаровъ и града; возникаютъ многочисленныя учрежденія для удовлетворенія потребности въ личномъ и реальномъ кредитѣ“ [1]).

У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ относительно того, является-ли этотъ прогрессъ дѣломъ только крупнаго хозяйства или же и мелкаго; повидимому (а также судя по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя приведены были выше) мелкое хозяйство все еще переживаетъ періодъ приспособленія къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ и, вѣроятно, не стоитъ на высотѣ сельскохозяйственной техники.

У насъ есть монографическое изслѣдованіе о сельскомъ хозяйствѣ того времени только о провинціи Пруссіи, принадлежащее авторитетному перу ф. д. Гольца. Наилучшій знатокъ прусскаго земледѣлія характеризуетъ здѣсь въ весьма яркихъ краскахъ прогрессъ послѣдняго. Въ это время въ Пруссіи развивается, между прочимъ, культура сахарной свеклы и усиливается скотоводство, насчетъ овцеводства. „Машины и орудія, рабочій, мясной и молочный скотъ имѣютъ теперь, по крайней мѣрѣ, въ большихъ имѣніяхъ самое меньшее двойную цѣнность сравнительно съ тѣмъ, какъ было 25 лѣтъ назадъ; и это благодаря тому, что соотвѣтствующія части инвентаря увеличились въ количествѣ и стали выше по качеству. Соотвѣтственно возросъ и оборотный капиталъ“ [2]).

[1]) *Goltz.* Vorlesungen etc., 43.

[2]) *v. d. Goltz.* Die Entwicklung der ostpreussischen Landwirtschaft während der letzten 25 Jahre (1856 bis 1881) въ Schmoller's Jahrbuch, 1883, стр. 839.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ условіи, которое дѣлаетъ счастье прусскаго крупнаго земледѣлія въ это время безоблачнымъ: это не исчезнувшее еще аграрное перенаселеніе, благодаря которому заработная плата оставалась низка. Лишь къ концу этого періода, въ началѣ 70-хъ годовъ, раздаются первыя жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ поднятіе заработной платы (если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ подобныхъ жалобъ); эмиграція изъ аграрныхъ округовъ не была на столько значительна и, къ тому же, покрывалась все еще довольно сильнымъ приростомъ населенія. Но слѣдуетъ однако различать двѣ категоріи рабочихъ.

Подъ вліяніемъ ли эмиграціи или же какъ результатъ и условіе техническаго прогресса земледѣлія положеніе постоянныхъ рабочихъ, извѣстныхъ намъ инстовъ, за это время нѣсколько улучшилось. Это отмѣтилъ для своего времени уже Шубертъ. Гольцъ характеризуетъ это улучшеніе для восточной Пруссіи слѣдующими чертами: „работоспособный мужчина зарабатываетъ теперь въ восточной Пруссіи столько, что онъ можетъ доставить своему семейству не только картофель, но и хлѣбъ въ качествѣ ежедневной пищи; большинство сельскихъ рабочихъ употребляетъ,

---

Общая характеристика, которую даетъ онъ земледѣлію вост. Пруссіи, такова: „поля теперь лучше обрабатываются и удобряются, количество земли подъ паромъ уменьшается, воздѣлываются болѣе разнообразныя культурныя растенія, содержатся болѣе доходныя животныя, а также болѣе раціонально вскармливаются, сбытъ для продуктовъ земледѣлія и скотоводства облегченъ благодаря улучшеннымъ и умножившимся путямъ сообщенія, цѣны на хлѣбъ возросли на 11—12%, а на главные животные продукты какъ мясо, масло, молоко даже на 50%. Конечно, значительно поднялись и издержки производства, но и абсолютно далеко не въ такой степени какъ валовой доходъ. Доказательствомъ тому является повышеніе цѣнъ на землю... Для всякаго, кто знаетъ положеніе дѣлъ въ вост. Пруссіи, очевидно, что теперь имѣнія въ среднемъ поднялись въ цѣнѣ по крайней мѣрѣ на 50%, очень часто на 75% или даже болѣе сравнительно съ тѣмъ какъ были 25 лѣтъ назадъ.. Главнымъ образомъ это зависитъ оттого, что теперь также земельная площадь вслѣдствіе болѣе раціональнаго воздѣлыванія а также вслѣдствіе болѣе благопріятнаго состоянія рынка и цѣнъ приноситъ высшій чистый доходъ“ (809).

О Западной Пруссіи ср. еще: Fünfzig Jahre der Landwirtschaft Westpreussens. Festschrift zum Feier des funfzigjährigen Bestehens des Hauptvereins Westpreussischer Landwirthe. Danzig. 1872

кромѣ того, если не ежедневно, то нѣсколько разъ въ недѣлю мясо, сало, молоко или другіе продукты скотоводства. Питаніе рабочаго восточной Пруссіи во всякомъ случаѣ въ среднемъ лучше, чѣмъ рабочихъ въ задней Помераніи, Познани и Силезіи“ [1]). Въ другомъ сочиненіи Гольцъ сопоставляетъ для разныхъ округовъ сумму, которую считалъ необходимой для содержанія рабочаго въ 1849 году Ленгерке, и ту, которую фактически получалъ рабочій въ 1873 году, моментъ наибольшаго поднятія заработной платы въ эту эпоху.

Округа.	1849.	1873.
Данцигъ . . .	303 марокъ.	530,7 марокъ.
Маріенвердеръ .	315 „	572,4 „
Кёслинъ . . .	339 „	652,5 „
Штеттинъ. . .	396 „	660,6 „
Познань . . .	300 „	531,15 „
Франкфуртъ . .	390 „	619,2 „
Потсдамъ . .	444 „	635,4 „
Штральзундъ .	428 „	646,8 „
Лигницъ . . .	321 „	510 „
Бреславль . .	288 „	478,5 „
Оппельнъ [2]) . .	288 „	433,5 „

Чтобы не преувеличивать дѣйствительнаго повышенія заработной платы, слѣдуетъ помнить, что за это время значительно поднялись цѣны на предметы первой необходимости, хотя и не въ такой пропорціи, какъ заработная плата.

---

[1]) l. c. 82

[2]) *v. d. Goltz.* Die landliche Arbeiterklasse und der Preussische Staat Jena. 1893 Стр 113. Гольцъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ различіе заработныхъ платъ въ разныхъ округахъ: „въ Штральзундѣ, бывшей шведской Помераніи, крестьянскіе дворы были массами присоединены къ господскимъ и исчезали, вмѣстѣ съ крестьянскими селами, въ пользу крупнаго землевладѣльца Тамъ, гдѣ есть крестьянскія села, по совершенно понятнымъ причинамъ, увеличивается и число бездомовниковъ, а также безземельныхъ, но имѣющихъ усадьбу рабочихъ. Обѣ группы представлены въ Штральзундѣ слабо, а потому и заработная плата стоитъ здѣсь высоко. Напротивъ, въ Силезіи число крестьянъ и крестьянскихъ селъ, а соотвѣтственно и число бездомовыхъ и безземельныхъ „рабочихъ очень велико, отсюда и низкій уровень заработной платы“.

Но это небольшое улучшеніе коснулось только нанимаемыхъ по контракту на круглый годъ рабочихъ или инстовъ, эту аристократію сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которая въ годы наибольшаго процвѣтанія сельскаго хозяйства имѣла черный хлѣбъ въ качествѣ даже ежедневной пищи. Не столь завидно было положеніе безземельныхъ (Losleute) и бездомовыхъ рабочихъ, составлявшихъ большинство. По совершенно опредѣленному (и двоекратному) свидѣтельству Гольца [1]), положеніе этой категоріи рабочихъ *нисколько не улучшилось* съ 1849 года: четверть вѣка безпримѣрнаго прогресса земледѣлія не внесли никакого улучшенія въ судьбы большинства сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, совершенно то же, что и въ Англіи. Эмиграція въ Америку пока оказалась способна только устранить голодовки, которыя въ этотъ періодъ уже не случаются.

Инсты появились, мы знаемъ, какъ суррогатъ крѣпостныхъ рабочихъ, которыхъ въ первое время иначе некѣмъ было бы замѣнить. Но помѣщики терпѣли ихъ какъ неизбѣжное зло, которое и стремились уменьшить при первой возможности, явившейся въ видѣ обширнаго класса бездомовыхъ рабочихъ. Хозяева были вдвойнѣ заинтересованы уменьшить число инстовъ: во-первыхъ, къ нимъ возвращались клочки земли, которые отдавались имъ подъ огородъ; хотя они были и не велики, но земля нредставляла все растущую цѣнность и возбуждала жадность помѣщика; во-вторыхъ, инстамъ приходилось платить (какъ въ деньгахъ, такъ и натурою,—такъ называемый депутатъ) круглый годъ, между тѣмъ какъ „свободнымъ“ рабочимъ оплачивались только рабочіе мѣсяцы. По вычисленію Гольца, свободный рабочій обошелся бы помѣщику на 14% дешевле нежели инстманъ [2]), и эта разница становилась все чувствительнѣй, по мѣрѣ того, какъ расла заработная плата инстовъ, между тѣмъ какъ для свободныхъ рабочихъ она оставалась безъ измѣненія. Отсюда становится понятнымъ слѣдующее: „является незыблемымъ фактомъ, что въ сѣверной Германіи число бездомовыхъ и безземельныхъ рабочихъ (Einlieger) все увеличивается, между тѣмъ какъ число инстовъ увеличивается слабо, мѣстами же и уменьшается. Причины этого явленія лежатъ большей частью въ образѣ дѣйствій

[1]) *v. d. Goltz.* Die Entw. d. ostpr. Landw., 82. *Его же.* Landliche Arbeiterfrage. Dresden. 1874. 2-oe изд., 61.

[2]) Landliche Arbeiterfrage, 74.

помѣщиковъ. Инсты представляютъ собою очень дорогую рабочую силу; сельскіе хозяева стараются поэтому обходиться, насколько возможно, свободными рабочими. Многіе заходятъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что оставляютъ пустыми часть прежнихъ жилищъ инстовъ или же занимаютъ ихъ Einlieger'ами. Несмотря на растущую потребность въ рабочей силѣ, въ общемъ рѣдко встрѣчается, чтобы увеличивалось число домовъ для инстовъ" [1]). Но въ разсматриваемую эпоху мы можемъ наблюдать только начало этого процесса, развитіе котораго относится къ позднѣйшему времени. И здѣсь мы видимъ полное подобіе тому, что совершалось въ Англіи: то же безцеремонное отношеніе къ рабочему и стремленіе свести, пользуясь перенаселеніемъ, издержки на содержаніе труда до послѣдняго minimum'а. Хотя отъ этого и страдало иногда производство, но всетаки въ общемъ это было выгодно благодаря роковой особенности сельскаго хозяйства, — отсутствію здѣсь „экономіи высокой заработной платы" и возможности возмѣщать высшее качество труда большимъ его количествомъ.

Началомъ 70-хъ годовъ заканчивается счастливая эпоха для сельскаго хозяйства Германіи и начинаются трудные дни аграрнаго кризиса, къ изученію котораго мы теперь и обратимся.

2. Эпоха аграрнаго кризиса въ Германіи.

Съ 70-хъ годовъ открывается новѣйшая исторія Германіи, эпоха ея безпримѣрнаго промышленнаго развитія, темпъ котораго быстрѣе въ настоящее время, чѣмъ во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ. Внѣшней гранью, съ которой начинается новая исторія, являются два политическихъ событія, — неравной важности, но каждое по своему, давшихъ толчокъ промышленному развитію. Первое изъ событій — объединеніе Германіи, великое дѣло Бисмарка; значенія этого событія для всей германской исторіи нельзя преувеличить. Другое событіе — франко-прусская война, послѣ которой опускается мало по малу промышленная звѣзда Франціи и все ярче и ярче разгорается — Германіи. Помимо подъема политическаго значенія и національнаго само-

[1]) Ib. 63.

сознанія, который принесла Германіи эта побѣдоносная война, благодаря военной контрибуціи на германскую почву вылился цѣлый золотой дождь, оплодотворившій ее. Начало теперешняго промышленнаго разцвѣта Германской Имперіи относится именно къ этому времени.

Такъ какъ здѣсь уже кончается исторія и начинается современность, мы можемъ ограничиться лишь самыми основными штрихами въ характеристикѣ этой эпохи развитія. Центральной проблемой новѣйшей экономической исторіи Германіи является борьба промышленнаго капитализма (или шире индустріализма) съ земледѣльческимъ капитализмомъ,—съ крупнымъ производствомъ въ земледѣліи. Борьба эта рѣшительно склоняется въ пользу промышленнаго капитализма, нашедшаго себѣ союзника въ аграрной конкурренціи Америки, и центръ тяжести народнаго хозяйства, поскольку рѣчь идетъ о Пруссіи, окончательно переносится съ востока на западъ.

Приведемъ прежде всего основные факты статистики населенія. Съ развитіемъ городского населенія Пруссіи мы уже знакомы; столь же быстро увеличивалось и относительно и абсолютно городское населеніе всей Германіи.

	Городское населеніе		Сельское населеніе	
1871	14,790,798	36,1%	26,219,352	63,9%
1880	18,720,530	41,4%	26,513,531	58,6%
1890	23,243,229	4,7%	26,185,241	53%

Ростъ городского населенія самъ по себѣ [1]) свидѣтельствуетъ о развитіи промышленности и торговли. Опредѣленное понятіе объ этомъ развитіи даютъ слѣдующія цифры промысловой переписи 1882 и 1895 года. Существовали (въ относительныхъ цифрахъ) отъ:

[1]) Параллельно съ развитіемъ городского населенія вообще идетъ и ростъ большихъ городовъ, который начинается собственно съ 1850—60 гг., съ 1870 же идетъ такимъ темпомъ, что многіе большіе города увеличиваютъ свое населеніе вдвое втеченіе 20—25 лѣтъ, тогда какъ общее населеніе страны возрастаетъ за это время едва на 20—25%. (См. *Bruckner*. Die Entwickelung der grosstädtischen Bevölkerung im Gebiete des Deutschen Reiches въ Mayr's Allgemeines Statistischer Archiv, Band I. Ср. также почтительныя сопоставленія, искусно сдѣланныя въ новѣйшемъ сочиненіи *A. F. Weber*. The growth of cities in the nineteenth century. A Study in Statistics. 1899. Columbia University Studies in Political Science, vol. XI).

	1882 г.	1895 г.
I. Земледѣлія, садоводства, скотоводства, лѣсоводства и рыболовства	42,51	35,74
II. Горнаго дѣла, промышленности и строительнаго дѣла	35,51	39,12
III. Торговли и средствъ сообщенія	10,02	10,52
IV. Домашнихъ занятій (личное услуженіе и пр.).	2,07	1,71
V. Военной, государственной службы, свободныхъ профессій	4,92	5,48
VI. Безъ опредѣленной профессіи.	4,97	6,43

Первая группа (земледѣліе и пр.) обнаруживаетъ за этотъ періодъ не только относительное, но и абсолютное уменьшеніе, изъ 19,225,455 лицъ, существовавшихъ отъ земледѣлія въ 1882 году, осталось лишь 18,501,307 въ 1895.

Уменьшающаяся роль земледѣлія и увеличивающаяся промышленности вызвала новый способъ распредѣленія прироста населенія. Такъ обращаясь прежде всего къ Пруссіи, мы видимъ здѣсь полную противоположность тому, что наблюдали въ началѣ XIX вѣка. Вотъ приростъ населенія по провинціямъ въ періодъ 1871—95 годовъ.

	Приростъ населенія	Распредѣленіе населенія по профессіямъ въ 1895 г.		
		I группа.	II группа.	III группа.
Восточная Пруссія . .	— 9.6%	69,56%	21,83%	8,61%
Западная Пруссія. . .	14,4 „	65,23 „	25,60 „	9,17 „
Брандербургъ (безъ Берлина)	30 „	44,61 „	43,19 „	12,20 „
Померанія	10 „	58.96 „	29,77 „	11,27 „
Познань	14 „	69,67 „	22,55 „	7,78 „
Силезія	19 „	46,99 „	43,29 „	9,72 „
Саксонія	28 „	42,51 „	44,94 „	12,55 „
Вестфалія.	52 „	30,95 „	43,07 „	10,33 „
Рейнландъ	43 „	30,64 „	56,22 „	13,14 „
Государство	29,36 „	43,90 „	43,66 „	12,44 „

Мы намѣренно сопоставили съ данными о приростѣ населенія свѣдѣнія о распредѣленіи послѣдняго по профессіямъ; оказывается, что самый низкій приростъ населенія обнаруживаютъ тѣ самыя провинціи восточной Пруссіи, которыя характеризуются преобладаніемъ земледѣлія (изъ числа ихъ переходитъ въ разрядъ промышленныхъ лишь Бранденбургъ, быть можетъ, благодаря вліянію такого центра какъ Берлинъ). Бросается въ глаза, что то различіе между аграрными и промышленными провинціями, которое было такъ велико прежде, теперь не только не стирается, но какъ будто становится еще глубже. Теперь оно превращается въ различіе между провинціями, отдающими избытокъ населенія съ одной стороны и принимающими его съ другой. Высокій приростъ населенія западныхъ провинцій получается насчетъ потери населенія восточными, какъ это очевидно изъ слѣдующихъ сопоставленій для 1885—90 годовъ [1]).

	Приростъ населенія абсолютно.	Ежегодно на 1,000	Приростъ благодаря раждаемости	Потеря путемъ эмиграціи на 1.000 человѣкъ.
Восточная Пруссія.	— 812	— 0,08	13,37	— 13,45
Западная Пруссія .	+ 25,452	+ 3,58	17,44	— 13,86
Берлинъ	+ 263,507	+ 36,42	10,73	+ 25,69
Бранденбургъ	+ 199,372	+ 16,33	11,39	+ 4,94
Померанія	+ 15,314	+ 2,02	14,09	— 12.02
Познань.	+ 36,024	+ 4,16	17,92	— 13,76
Силезія	+ 112,239	+ 5,39	11,41	— 6,02
Саксонія	+ 151,643	+ 12,11	14,19	— 2,7
Вестфалія.	+ 224,081	+ 19,35	16,02	+ 3,32
Рейнландъ	+ 365,864	+ 16,16	14,10	+ 2,07

Эта таблица вполнѣ наглядно рисуетъ ту тягу на западъ,

[1]) Schriften des Vereins für Soc. Pol. B. 58. Приложеніе къ реферату Майра. Данныя относительно 1885 года см. у *Schumann.* Die inneren Wanderungen in Deutschland въ Allg. Statist. Arch. 1890.

которая характеризуетъ движеніе населенія. А вотъ балансъ движенія населенія за періодъ 1890—95 годовъ.

	Прибыль или убыль населенія путемъ переселеній	
	мужчинъ	женщинъ.
В. Пруссія	— 40,103	— 47,504
З. Пруссія	— 31.608	— 35,987
Бранденбургъ	+ 53,885	+ 62.069
Померанія	— 26,163	— 28,345
Познань.	— 44,736	— 45,478
Силезія	— 40,163	— 37.093
Саксонія	— 41,773	— 27,363
Вестфалія	+ 21,426	+ 14,435
Рейнландъ	+ 8,618	+ 9,234

Къ восточнымъ прусскимъ провинціямъ, по характеру движенія населенія, подходятъ Мекленбурги (Шверинъ и Стрелицъ) которые въ періодъ 1885—90 годовъ теряютъ первый —8,55%, а второй 10,43% своего прироста населенія (во второмъ абсолютная убыль). Напротивъ, къ Рейнланду и Вестфаліи подходитъ кор. Саксонія, эта высокопромышленная страна (въ 1895 году здѣсь было 13,7% земледѣльческаго населенія). За періодъ 1885—90 г. ея приростъ населенія былъ на 4,79% выше естественнаго [1]). Я не буду утомлять читателя данными относительно движенія населенія въ другихъ частяхъ Германской имперіи, отчасти потому,

---

[1]) Весьма поучительныя сопоставленія относительно движенія населенія въ Саксоніи см. въ книгѣ *Lommatsch.* Die Bewegung des Bevolkerungsstandes im Konigreich Sachsen wahrend der Jahre 1871—90. Dresden. 1894. Для всего Саксонскаго королевства населеніе въ 1875 году равнялось для городовъ 1,123,179, для деревни—1,637,407, всего 2,760,586, а въ 1890 было въ городахъ 1,481.461, а въ сельскихъ общинахъ 2,021,233, всего 3,502,684. Увеличеніе въ городахъ—358,282, сельскихъ обществахъ 383,816, вмѣстѣ 742,098; это даетъ процентъ прироста для городовъ 31,9, для сельскихъ общинъ—23,4%, всего 26,9%. Перевѣсъ рождаемости надъ смертностью въ городахъ былъ 228,268, а сельскихъ общинахъ 424,477, въ обоихъ 652,745; % къ населенію 1875 года для городовъ—20,3%, для деревни—25,9, всего 23,7%. Перевѣсъ фактическаго прироста населенія въ городахъ надъ естественнымъ—130,014, потеря въ сельскихъ общинахъ въ 40,661, для всей страны перевѣсъ въ 89,353. Процентъ прибыли или убыли сверхъ естественнаго роста сравнительно съ населеніемъ 1875 года для городовъ + 11,6%, для деревни—2,5%, для всей страны + 3,2%.

что оно не такъ характерно, отчасти же потому, что его придется коснуться и въ другой связи. Достаточно здѣсь слѣдующаго общаго итога. По даннымъ 1890 года между *востокомъ*, считая въ немъ вост. и запад. Пруссію, Познань, Бранденбургъ, Померанію, Силезію, Мекленбургъ, Шлезвигъ-Голштейнъ, Любекъ и Гамбургъ, *западомъ*, считая здѣсь Ганноверъ и Липпе, Ольденбургъ, Бременъ, пров. Саксонію, Брауншвейгъ, Ангальтъ, королевство Саксонію, Тюрингенъ, Гессенъ-Нассау и Вальдекъ, Вестфалію и Рейнландъ, и, наконецъ, *югомъ* считая Гессенъ, баварскій Пфальцъ, Эльзасъ, Лотарингію, Баденъ, Вюртембергъ съ Гогенцоллерномъ, Баварію вправо отъ Рейна,—на основаніи свѣдѣній о происхожденіи наличнаго населенія, оказывается, происходилъ слѣдующій обмѣнъ населеніемъ [1]):

востокъ теряетъ . . .	— 156,132	или —	8%
западъ выигрываетъ . .	+ 159,024	„ +	8,1
югъ теряетъ	— 2,892	„ —	0,2

Такимъ образомъ, въ грубыхъ чертахъ характеризуя движеніе населенія всей Германской имперіи, можно сказать, что востокъ отдаетъ населеніе западу, что же касается населенія юга, то оно является самодовлѣющимъ, отдавая совершенно ничтожное количество.

Изъ приведенныхъ сопоставленій мы видимъ, что хотя вся Германія становится промышленной страной, промышленность локализуется, однако, въ нѣсколькихъ центрахъ, гдѣ образуются чрезвычайныя уплотненія населенія (Хемницкій округъ въ Саксоніи 678 жителей на кв. километръ, Ruhrkohlenbezirk—500 и под.)., а въ другихъ мѣстахъ въ то же время населеніе разрѣжается. относительно, но иногда и абсолютно. Географическое распредѣленіе промышленности (а соотвѣтственно и населенія) есть сложный результатъ цѣлаго ряда естественныхъ и соціальныхъ причинъ. Прежде всего, конечно, здѣсь имѣютъ значеніе вѣковые запасы солнечной энергіи, скрытые подъ землею въ видѣ каменнаго угля, а также другія минеральныя богатства; они вездѣ привлекали къ себѣ населеніе культурныхъ странъ. Но, съ другой стороны, здѣсь имѣютъ силу и соціальныя причины. Развитіе промышленности, въ особенности на капиталистической основѣ, требуетъ из-

[1]) Schr. d. V. f. Pol. B. 58, стр. 55. Приложеніе къ реферату Майра: die Bevolkerung des deutschon Reichs n. d. Geburtsort am. 1. I. 90.

вѣстной густоты населенія, обезпечивающей достаточное предложеніе труда. Такими рабочими рынками, а вмѣстѣ и первоначальными очагами капитализма, естественно, явились сыздавна густонаселенные округа запада Пруссіи и королевства Саксоніи. Напротивъ, ими *не могли* явиться округа крупнаго землевладѣнія на прусскомъ востокѣ по той простой причинѣ, что они подразумѣваютъ сами собою рѣдкое населеніе,—густое населеніе и крупное землевладѣніе исключаютъ другъ друга. Поэтому, насколько здѣсь сохранялось крупное землевладѣніе, оно являлось барьеромъ, не допускавшимъ сгущенія населенія; когда же создались въ другомъ мѣстѣ промышленные центры, то оно стало играть роль помпы, выкачивавшей въ эти округа свое населеніе [1]). И разъ создавшись, дѣленіе на промышленные и аграрные округа, даже помимо всякихъ естественныхъ различій, могло становиться лишь все болѣе и болѣе рѣзко выраженнымъ.

Приведемъ здѣсь основныя цифры, касающіяся промышленнаго развитія Германіи. Общій ходъ развитія не можетъ быть выраженъ въ одной простой формулѣ, здѣсь скрещиваются различныя и противоположныя тенденціи, не достаточно еще выясненныя въ наукѣ, несмотря на цѣлое море соціальноэкономической литературы. Нельзя его, конечно. характеризовать только какъ тенденцію къ концентраціи производства, какъ дѣлаютъ это прямолинейные марксисты, хотя *внѣшняя* цифровая картина способна внушить такое впечатлѣніе. Но все же неоспоримъ и несомнѣненъ фактъ, что развитіе крупнокапиталистической промышленности и по размѣрамъ, и по значенію, и по темпу составляетъ самую крупную и яркую черту экономическаго развитія Германіи за послѣднее время, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было ее считать единственной. Вотъ самыя общія цифры. (См. стр. 87).

Общее впечатлѣніе отъ этихъ цифръ таково, что *количественно* экономическая жизнь Германіи (торговля, промышлен-

---

[1]) Конечно, выраженія густота и рѣдкость населенія нужно понимать въ относительномъ смыслѣ, каковой они получаютъ изъ сравненія различныхъ районовъ одного экономическаго цѣлаго—Германской имперіи. Сопоставленіе плотности населенія и другихъ хозяйственныхъ моментовъ читатель найдетъ для восточныхъ провинцій у *Conrad'a*: Agrarstatistische Untersuchungen въ Jahrb. f. Nat Oek. u. St. N, F. B. 16, III F. B. 2, 3, 10, 15.

ПРЕДПРІЯТІЯ.	1895 Хозяйства. Абсолютно.	%	1882 Хозяйства. Абсолютно	%	1895 Лица. Абсолютно	%	1882 Лица. Абсолютно	%	Прибыль или убыль % предпр	% лицъ.
Мелкія предпріятія.										
Единичныя безъ двигателей .	1,714,351	54,5	1,877,872	62,5	1,714,351	16,7	1,877,872	25,6	— 8,7	— 8,7
Предпріятія съ 1—5 рабочихъ	1,220,372	38,8	1,004,896	33,4	3,056,318	29,8	2,457,950	33,4	21,4	24,3
Въ томъ числѣ съ 1 рабочимъ	166,480	5,3	107,836	3,6	166,480	1,6	107,836	14,7	54,4	54,4
Всего.	2,934,723	98,3	2,882,768	95,9	4,770,669	46,5	4,335,822	5,9	1,8	10,0
Среднія предпріятія.										
Отъ 6—10 рабочихъ	113,547	3,6	68,763	2,3	833,409	8,1	500,097	6,8	65,1	66,6
„ 11—50	77,752	2,5	43,952	1,5	1,620,848	15,8	891,623	12,2	76,9	81,8
Всего.	191,299	6,1	112,715	3,8	2,454,257	23,9	1,191,720	19	69,7	76,3
Крупныя предпріятія.										
Отъ 51—200 лицъ.	15,624	0,5	8,095	0,3	1,439,776	14,0	742,688	10,1	93,0	93,9
„ 201—1,000	3,076	0,1	1,752	0,0	1,155,836	11,2	657,399	9,0	75,6	75,8
Свыше 1,000	255	0,0	127	0,0	448,731	4,4	213,160	2,9	100,8	110,5
Всего	18,955	0,6	9,974	0,3	3,044,343	29,6	1,613,247	22	90,0	88,7
Общая сумма.	3,144,977	100	3,005,467	100	10,269,269	100	7,340,789	100	4,6	39,9

ность и т. д.) растетъ по всѣмъ направленіямъ [1]), причемъ умножаются предпріятія всѣхъ видовъ (кромѣ единоличныхъ, которыя терпятъ, именно въ индустріи, значительное сокращеніе), съ наибольшей быстротой однако самыя крупныя. Въ нашихъ цѣляхъ достаточно ограничиться этимъ общимъ выводомъ о развитіи промышленности, который, въ примѣненіи къ земледѣлію, обозначаетъ дальнѣйшее расширеніе рынка для земледѣльческихъ продуктовъ.

Для земледѣлія не наступило, однако, такого разцвѣта, какого можно было бы ожидать на основаніи расширенія рынка. Причина лежитъ въ появленіи въ это время на европейскомъ рынкѣ американскаго, русскаго и т. д. хлѣба, которое повело къ пониженію цѣнъ на земледѣльческіе продукты вообще. Германія начинаетъ ввозить рожь съ начала 60-хъ годовъ, а пшеницу съ начала 70-хъ годовъ; доля ввоза въ общемъ потребленіи страны даже для настоящаго времени не особенно велика, около седьмой—восьмой части всего потребленія, но это не могло, конечно, помѣшать иностранной конкурренціи понизить цѣны на сельскохозяйственные продукты [2]). Пониженіе это начинается, какъ и повсюду, съ половины 70-хъ годовъ, другими словами, оно является вѣрнымъ спутникомъ промышленнаго подъема гер-

[1]) Hausindustrie, которую иные считаютъ осужденной на близкую гибель даже въ Россіи, еще не думаетъ погибать въ Германіи, а напротивъ расширяется. Нѣкоторое уменьшеніе въ числѣ домашнихъ промышленниковъ за періодъ 1882—95 годовъ падаетъ на долю только *одной* отрасли промышленности—текстильной, въ которой машина нанесла тяжелый уронъ мелкому производству, но за то они увеличиваются во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ Такъ этотъ фактъ и трактовался въ дебатахъ по этому вопросу, имѣвшихъ мѣсто на послѣднемъ съѣздѣ Verein fur Socialpolitik въ Бреславлѣ. См. Verhandlungen der Generalversammlung des Vereins fur Sociale Politik uber die Hausindustrie und ihre gesetzliche Regelung etc. (Schriften, Band LXXXVIII. Leipzig. 1900 См. особенно рефератъ Вебера)—Всѣ приводимыя въ текстѣ цифры заимствуются изъ оффиціальной статистики, данныхъ изслѣдованій 1882 и 1895 года.

[2]) Сопоставленіе цифръ ввоза и вывоза для 80-хъ годовъ см. у Лексиса: *Lexis.* Die Wirkung der Getreidezolle въ Festgabe fur G. Haussen. Tübingen. 1889. Для 90-хъ годовъ см. сопоставленія у *Robert Drill* Soll Deutschland seinen ganzen Getreidebedarf an Getreide selbst produzieren. Stuttgart. 1895. (Münchener volkswirtschaftliche Studien, hrsg. von L. Brentano und W. Lotz. IX). *H. Thiel.* Kann die deutsche Landwirtschaft das deutsche Volk ernahren? Landw. Kalender von Mentzel und von Lengerke fur 1894, 2. Theil. 51 сл. *v. d. Goltz.* Vorlesungen и др. сочиненія.

манскаго народа. Вотъ самыя общія цифры для Прусскаго государства, (въ маркахъ за тонну хлѣбовъ и центнеръ мяса и масла).

	Пшеница.	Рожь.	Ячмень	Овесъ	Картофель.	Масло.	Говядина	Свинина.
1871—75	235,2	179 2	170,8	163,2	60,4	231,3	114 7	126
1875—80	211,2	166,4	162	152 6	60,6	224	114,8	124
1880—85	189,6	160	154,8	145,8	52,6	223,6	117,8	124.8
1886—90	175,3	143	138,4	135,3	45,7	211,5	117	121,8
1891	218,75	204,5	164,6	161,25	65,5	215,25	128	130
1892	188,3	176	155.2	149,4	61.7	222,6	126	130
1893	146,9	127,8	139,2	150,9	41,1	221,9	126	132
1894	135	118	132	139	46	217	124	131
1895	140	121	125	121	50	207	126	126
1896	153	118	130	126	44,5	210	124	120

Мы видимъ, что исключеніе изъ общаго пониженія цѣнъ составляютъ только продукты скотоводства. Пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты не замедлило сказаться сначала замедленіемъ поднятія цѣнъ на землю, затѣмъ полной его пріостановкой, а послѣднее время уже понижательнымъ движеніемъ. За отсутствіемъ прямыхъ статистическихъ свѣдѣній, объ этомъ можно судить по даннымъ о движеніи арендной платы на доменныхъ земляхъ въ 7 восточныхъ провинціяхъ. Она составляла за гектаръ въ маркахъ

1849 : 13,9
1869 : 26,1
1879 : 35,6
1891 : 38,9
1898 : 38,8

Тяжесть кризиса почувствовалась ранѣе всего на крестьянскомъ хозяйствѣ; въ концѣ 70 и началѣ 80-хъ годовъ раздаются тревожные голоса, что крестьянство стоитъ наканунѣ гибели

и поглощенія крупнымъ хозяйствомъ [1]). Въ отвѣтъ на эти голоса Verein fur Socialpolitik произвелъ въ 1883 году изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства [2]), въ общемъ показавшее, что опасенія, высказываемыя относительно него, были преувеличены; съ результатами этого изслѣдованія мы отчасти познакомимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Скоро выяснилось, что вліяніе кризиса оказывается гораздо разрушительнѣе для крупнаго хозяйства, которое начинаетъ чахнуть подъ гнетомъ кризиса, въ новой экономической атмосферѣ промышленной Германіи. Разрушительныя вліянія шли въ трехъ направленіяхъ: они поражали крупнаго хозяина и какъ землевладѣльца, и какъ капиталиста, и какъ предпринимателя. Разберемъ всѣ эти вліянія отдѣльно.

Особенность положенія помѣщика въ томъ, что онъ соединяетъ въ своемъ лицѣ и землевладѣльца и капиталиста-предпринимателя. Пониженіе ренты не можетъ поэтому быть частнымъ дѣломъ землевладѣльца, безразличнымъ для капиталиста-фермера. какъ при англійской системѣ. Оно поражаетъ помѣщика и какъ землевладѣльца и какъ предпринимателя, и притомъ совершенно своеобразнымъ образомъ.

Мы знаемъ уже, что извѣстная степень гипотечной задолженности является нормальнымъ условіемъ развитія помѣщичьяго хозяйства, въ нѣкоторомъ смыслѣ коррелатомъ этой системы. Но это при условіи растущихъ цѣнъ на землю; достаточно этому росту пріостановиться, даже только замедлиться, и это уже болѣзненно чувствуется должниками. Читатель безъ труда пойметъ все то замѣшательство, которое должно было водвориться, когда

---

[1]) Вотъ для примѣра такой отзывъ. Otto Boldt въ своей вышедшей въ 1883 году книгѣ Die agrarischen Fragen der Gegenwart. Berlin стр. 44, рѣшительно заявляетъ: „крестьянскій средній классъ болѣе уже не способенъ конкуррировать и потому идетъ навстрѣчу неотвратимой гибели. Это не есть предположеніе, основанное на возможностяхъ, но, къ сожалѣнію, положительная увѣренность... Естественный ходъ вещей со всей силой ведетъ къ развитію въ направленіи образованія латифундій. Въ высшей интеллигентности и спеціальномъ образованіи управляющаго хозяйствомъ, въ большемъ капиталѣ и кредитоспособности предпринимателя, возможности большаго раздѣленія труда, болѣе обширнаго примѣненія машинъ, лучшихъ условіяхъ для веденія побочныхъ техническихъ предпріятій крупный землевладѣлецъ имѣетъ, несомнѣнно, превосходство“.

[2]) Bauerliche Zustande in Deutschland. Три тома. 1883. (Schriften d. Ver. f. S. P; Bande XXII—XXIV).

цѣна на продукты сельскаго хозяйства, а затѣмъ и на землю стала падать. Существованіе многихъ и многихъ хозяйствъ было подкошено съ нѣсколькихъ сторонъ, для многихъ же создались серьезныя затрудненія.

Прежде всего, остановка роста цѣнъ на землю и ужъ тѣмъ болѣе пониженіе означали относительное повышеніе ранѣе существовавшихъ долговъ. Это ясно само собою. Одновременно съ этимъ изсякаетъ источникъ полученія новаго капитала на веденіе хозяйства безъ повышенія задолженности. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ безъ затраты новыхъ количествъ капитала, которыя съ ростомъ интенсивности хозяйства должны все увеличиваться, дальнѣйшее веденіе хозяйства невозможно; такіе помѣщики должны—volens-nolens—входить въ новые долги, дѣлаться все болѣе и болѣе арендаторами своей собственной земли у кредитныхъ учрежденій, которыя тѣмъ отличаются отъ англійскихъ лэндлордовъ, что контрактъ съ ними не можетъ быть разорванъ по желанію фермера. Съ другой стороны, высокая задолженность не позволяетъ понизить интенсивности хозяйства, какъ дѣлаютъ фермеры въ Англіи, потому что иначе понизившагося чистаго дохода не будетъ хватать для уплаты долговъ. Создается порочный кругъ, въ которомъ землевладѣлецъ вредитъ арендатору, а арендаторъ вредитъ землевладѣльцу, и изъ этого круга нерѣдко бываетъ только одинъ выходъ—продажа съ молотка заложеннаго имѣнія.

Итакъ въ результатѣ пониженія цѣнъ ипотечная задолженность становится страшнымъ бѣдствіемъ, вытекающимъ изъ основныхъ чертъ организаціи помѣщичьяго хозяйства. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ ф. д. Гольца, который относительно теперешняго аграрнаго кризиса говоритъ: „для каждаго непредубѣжденнаго наблюдателя несомнѣнно, что главную причину господствующаго угнетенія среди сельскихъ хозяевъ надо искать въ чрезмѣрной задолженности ихъ имѣній“ [1]).

Статистики задолженности не существуетъ. Но у насъ есть два частичныхъ изслѣдованія, относящихся къ 1883 и 1896 годамъ. Первое изслѣдованіе было предпринято Прусскимъ правительствомъ относительно 42 судебныхъ округовъ 7 восточныхъ провинцій, Шлезвигъ-Гольштейна, Ганновера и Висбадена

[1]) v. d. *Goltz*. Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart. Jena 1894. Стр. 45. У автора курсивъ.

(и нѣк. др. округовъ); отчетъ объ этомъ изслѣдованіи былъ составленъ Мейценомъ [1]). Въ 1896 году изслѣдованіе было повторено въ тѣхъ же округахъ [2]). Общіе итоги относительно 42 сравниваемыхъ округовъ таковы:

Общая задолженность		Приходилось на 1 марку чистаго дохода долговъ.	
1883.	1896.	1883.	1896.
407,275,586	485,166,480	23,59	29,54

Такимъ образомъ, общая задолженность за 13 лѣтъ возрасла и относительно и абсолютно. По провинціямъ приростъ этотъ распредѣлялся такъ. На 1 марку чистаго дохода приходилось долга въ

	1883 г.	1896 г.
восточной Пруссіи . . .	26,40	36,57
западной Пруссіи	25,95	31,70
Помераніи	21,27	25,11
Познани	36,09	42,54
Саксоніи	14,67	18,96
Ганноверѣ	14,43	20,23
Бранденбургѣ . . . . ,	24,64	31,50
Силезіи	28,36	32,61
Шлезвигъ-Голштейнѣ . .	12,09	16,20
Гессенъ-Нассау	10,99	24,19
Въ 10 провинціяхъ . . .	23,59	29,24

[1]) *A. Meitzen.* Ermittelungen uber die durchschnittliche Hohe der Grundbuchschulden der bauerlichen Besitzungen in 52 Amtsgerichtbezirken des Preussischen Staats nach dem Stande des Jahres 1883 (Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher 1885, Supplementband II). Изслѣдованіе это было также плодомъ тревоги относительно чрезмѣрной задолженности крестьянскихъ имѣній, между тѣмъ оно показало, что задолженность высока именно въ крупныхъ имѣніяхъ, и что „дѣйствительно тревожныя явленія въ состояніи ипотечной задолженности крестьянскаго землевладѣнія въ границахъ изслѣдованныхъ округовъ на самомъ дѣлѣ могутъ быть отнесены только къ отдѣльнымъ случаямъ и исключеніямъ“ (l. c. 22). Удовлетворительная статистика ипотечной задолженности въ Германіи существуетъ только относительно Ольденбурга (ср. *Kollmann.* Die landwirtschaftliche Verschuldung im Grossherzogthum Oldenberg въ Conrad's Jahrbucher, III F. B 13).

[2]) Результаты изслѣдованія 1896 года обнародованы въ Zeitschrift des kon. Preuss. Statist. Bureaus, Heft 1 und 2 fur 1898. Сопоставленіе данныхъ 1883 и 1896 года въ весьма удобной для сравненія формѣ см. у *Backhaus* Agrarstatistische Untersuchungen, 84 сл. и у *Goltz.* Vorlesungen, Kapitel VIII.

Задолженность выше и приростъ ея значительнѣе въ восточныхъ провинціяхъ или вообще провинціяхъ съ преобладаніемъ крупнаго хозяйства; уже это одно намекаетъ, что наибольшая тяжесть долговъ приходится именно на долю крупнаго хозяйства [1]). То же самое подверждаютъ и прямыя указанія относительно распредѣленія задолженности. Если условиться, вмѣстѣ съ Гольцемъ, считать *высокой* задолженностью — превышающую 60% оцѣночной цѣнности, средней отъ 30% до 60%, низшею менѣе 30%, то эти виды задолженности распредѣлятся слѣдующимъ образомъ:

	Вовсе незадолженныхъ или съ низкой задолженностью.	Съ высокой задолженностью.	Съ средней задолженностью.
I. Фидеикоммиссы . . .	85,9%	3,9%	10,3%
II. Крупныя имѣнія (свыше 1.500 мар. дохода). .	29,6	42.9	27,5
III. Крупнокрестьянскія имѣнія (300—1.500 мар. дохода)	56,9	14,6	28,5
IV. Среднекрестьянскія (90—300 марокъ). . . .	60,2	12,3	27,5
V. Мелкія хозяйства (менѣе 90 марокъ)	56,9	18,1	25

Эта таблица вполнѣ подтверждаетъ выводъ Гольца, что „задолженность имѣетъ внушающіе тревогу размѣры *только въ крупн-*

[1]) Тотъ же самый результатъ получается и при распредѣленіи задолженности по регирунгсбециркамъ (цифры см. у Гольца). „Тяжесть долга въ процентахъ ко всему земельному имуществу образуетъ въ 14 большей частью восточныхъ округахъ, по крайней мѣрѣ, вдвое большую долю, нежели въ 20 расположенныхъ на западъ округахъ, въ которыхъ перевѣшиваетъ крестьянское землевладѣніе. Въ первыхъ процентъ этотъ колеблется между 37,72 (Бреславль) и 57,29% (Бромбергъ), а въ послѣднихъ между 13,32% (Аахенъ) и 28,35 (Шлезвигъ). Самая высокая задолженность запада остается поэтому значительно ниже, чѣмъ самая низкая на востокѣ“ (*v. d. Goltz.* Vorlesungen, 125). Нужно замѣтить, что такая же разница между востокомъ и западомъ существуетъ и въ отношеніи задолженности къ капиталу, имѣющемуся въ деревнѣ, какъ его можно опредѣлить по даннымъ о подоходномъ налогѣ. Задолженность по отношенію къ капиталу, принятому за 100, выражалась въ слѣдующихъ относительныхъ цифрахъ: вост. Пруссія—226,5, зап. Пруссія—229,8, Померанія 181,0, Познань—238,9, Саксонія—72,4, Ганноверъ—46,8, Вестфалія 39,3, Рейнская пров.—26,5, Бранденбургъ—82,0, Силезія—83,0, Шлезвигъ-Голштейнъ—67,4,

номъ землевладѣніи; 70,4% обременены высокой или средней задолженностью, въ томъ числѣ 42,9% высокой“ [1]).

Эта задолженность именно крупнаго землевладѣнія является не случайностью, но, если можно такъ выразиться, функціональнымъ разстройствомъ, какъ это находится и Конрадъ: „ипотечная задолженность въ новѣйшее время несомнѣнно въ значительной степени сводится къ недостатку капитала на веденіе хозяйства“ [2]) (Defizit im laufenden Betriebe).

Итакъ тамъ, гдѣ англійскій лэндлордъ понижаетъ ренту, давая тѣмъ самымъ возможность фермеру приспособиться къ новымъ условіямъ рынка и, хотя сокративъ затраты капитала и

Гессенъ-Нассау—24,2, государство 82,0. (См. Berichte des landwirtschaftlichen Instituts der Universitat Konigsberg i. Pr. Hrsg von Prof. Backhaus. III. Agrarstatistische Untersuchungen uber den preussischen Osten im Vergleich zum Westen von Prof. Backhaus mit Assistenz von Dr. Steinbruck. Berlin 1898 Стр. 83. Это не разъ цитированное изслѣдованіе представляетъ превосходную сводку основныхъ статистическихъ данныхъ, служащихъ къ характеристикѣ востока сравнительно съ западомъ. Оно основано, кромѣ того, на частной анкетѣ, благодаря которой авторами были получены нѣкоторыя новыя данныя).

[1]) v. d. *Goltz*, l. c, 124.

[2]) *Conrad.* Agrarkrisis въ Handw. d. Staatsw. 2-te Ausg. I. 113. См. здѣсь же статистику принудительныхъ продажъ имѣній за долги въ Саксоніи, число которыхъ увеличивается вмѣстѣ съ суммой долга, а равнымъ образомъ статистику роста ипотечнаго долга въ сельскихъ округахъ 7 восточныхъ провинцій и для всего Прусскаго государетва, причемъ оказывается, что для всего государства за періодъ 1886—95 сумма долга возросла болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ милліарда марокъ „Такъ какъ за этотъ періодъ цѣнность земли не возрасла, но скорѣе упала, то слѣдовательно соотвѣтственно возрасла и чрезмѣрность задолженности“ (ib.).

Интересныя сопоставленія относительно принудительныхъ отчужденій встрѣчаемъ у Гольца (Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart, 89—90). Приходилось на долю каждаго класса владѣній въ государствѣ Пруссіи изъ всей площади (I) и изъ площади имѣній, принудительно отчуждаемыхъ (II).

	Ниже 2 ha.	2—10 ha.	10—50 ha.	Выше 50 ha.
I.	1,52%	14,68%	37,90%	45,90%
II. $18^{86}/_{87}$.	0,79 „	5,10 „	15,99 „	78,12 „
II. $18^{87}/_{88}$.	0,81 „	5,02 „	15,50 „	78,67 „
II $18^{88}/_{89}$.	0,77 „	5,87 „	15,72 „	77 64 „
II. $18^{86}/_{87}$—$^{88}/_{89}$	0,79 „	5,33 „	15,73 „	78,143 „

Между тѣмъ, какъ на долю владѣній ниже 50 гектаровъ приходится 54,1% площади, выше же 50 гектаровъ 45,9%, изъ всей площади прину-

понизивъ интенсивность хозяйства, все-таки устоять, континентальный помѣщикъ запутывается въ сѣтяхъ ипотечной задолженности, не имѣя возможности идти назадъ, но не имѣя силъ идти и впередъ. Англійская система оказывается болѣе приспособленной къ несенію тяжести аграрнаго кризиса, который на континентѣ чувствуется, къ тому же, гораздо слабѣе нежели въ Англіи. На континентальнаго хозяина тяжеле ложится и другая особенность переживаемой нами хозяйственной эпохи,—это пресловутый недостатокъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

До 70-хъ годовъ аграрные округа страдали, какъ мы знаемъ, перенаселеніемъ, причемъ заработная плата стояла на самомъ низкомъ уровнѣ. Съ средины 70-хъ годовъ и для сельскохозяйственныхъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе предпріимчивыхъ изъ нихъ открывается возможность улучшать свое состояніе путемъ оставленія прежней своей родины и переселенія въ западные округа или за океанъ. По мѣрѣ того какъ развивалась индустрія, разница между заработной платой въ промышленныхъ и земледѣльческихъ округахъ становилась все ощутительнѣе, она привлекала все большее число рабочихъ съ востока. Когда въ земледѣльческой странѣ развивается промышленность, то, вполнѣ естественно, деревня отдаетъ индустріи свое избыточное населеніе. Сельскохозяйственные рабочіе, какъ несвязанные съ землей собственностью, оказываются самымъ подвижнымъ элементомъ деревни, они прежде всего предлагаютъ свои услуги промышленности. Въ извѣстныхъ границахъ процессъ выселенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ города является неизбѣжнымъ и вполнѣ нормальнымъ явленіемъ хозяйственнаго развитія [1]). Особенностью, небла-

---

дительно отчуждаемыхъ имѣній приходится на 1-ую категорію—21,86% тогда какъ на вторую 78,4%. Характерно и распредѣленіе этихъ принудительно отчуждаемыхъ имѣній: наибольшая площадь падаетъ на 6 восточныхъ провинцій, съ крупнымъ землевладѣніемъ, затѣмъ слѣдуютъ провинціи Саксонія, Шлезвигъ Голштейнъ и Ганноверъ; въ наиболѣе благопріятномъ положеніи находятся, конечно, Рейнландъ и Вестфалія, а также Гессенъ-Нассау.

[1]) Совершенно правильно замѣчаетъ по этому поводу Маркардъ: „положеніе сельскаго хозяйства пришло бы въ самое печальное состояніе, если бы всѣ рабочія силы, которыя производитъ земледѣліе, должны были бы находить примѣненіе въ сельскихъ работахъ. Подобное положеніе существовало прежде, оно тяжело отражалось на сословіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ и дало, можетъ быть, первый толчекъ къ эмиграціи.

гопріятной для сельскаго хозяйства и вытекающей изъ всей хозяйственной исторіи Германіи, является то, что округа крупнаго землевладѣнія и промышленные округа территоріально раздѣлены. Мы уже говорили, что это является, до извѣстной степени, результатомъ того состоянія населенія, которое застаетъ капитализмъ; округа крупнаго землевладѣнія, которое сопровождается и наиболѣе рѣдкимъ населеніемъ, не мирятся, кромѣ какъ въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ, съ развитой промышленностью, требующей густого населенія и избирающей или города или густонаселенные округа [1]). Аграрные округа остаются поэтому обойденными цивилизаціей, а сельскохозяйственные рабочіе лишены ея благъ.

Въ этотъ мракъ безнадежности положенія сельскохозяйственнаго рабочаго пробиваетъ лучъ свѣта и надежды лишь эмиграція, то же самое средствво, какое было испытано и англійскими ходжами. Съ цифрами внутренней миграціи мы уже познакомились выше. Но округа крупнаго землевладѣнія являются и главными

Въ общемъ является поэтому счастливымъ положеніемъ вещей, если промышленность можетъ предъявлять постоянно повышающійся спросъ на рабочую силу деревни. Въ настоящее время она требуетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, болѣе, можетъ быть, чѣмъ способно дать земледѣліе" (*Marcard.* Ueber den Mangel an landlichen Arbeitern въ Landwirtschaftliche Jahrbucher, III. 1874. Стр. 209).

[1]) Справедливо говоритъ тотъ же Маркардъ: „фактически потеря населенія постигаетъ по преимуществу, быть можетъ, даже исключительно, бѣдные промышленностью округа; доказательствомъ тому, повидимому, могло бы послужить и то обстоятельство, что въ богатыхъ промышленностью округахъ недостатокъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ былъ ощутимъ далеко не въ такой степени, какъ въ бѣдныхъ промышленностью Объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что въ округахъ, богатыхъ промышленностью, заработная плата регулируется ея непосредственной конкурренціей къ выгодѣ и сельскихъ рабочихъ. Сверхъ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что имѣетъ значеніе и то, является-ли рабочій данной мѣстности пріуроченнымъ исключительно къ *одному* занятію, или же онъ можетъ выбирать между различными отраслями занятій Послѣднее положеніе болѣе благопріятно, оно дѣлаетъ рабочаго болѣе независимымъ и позволяетъ рабочему семейству распредѣлять силы своихъ членовъ соотвѣтственно ихъ способностямъ и индивидуальности" (210). Территоріальное раздѣленіе промышленныхъ округовъ и округовъ крупнаго землевладѣнія въ значительной степени исключаетъ возможность примѣненія general labourers, играющихъ такую роль въ Англіи, гдѣ нѣтъ столь рѣзкихъ различій, а, кромѣ того, менѣе значительны разстоянія.

источниками заокеанической эмиграціи. Лейдигъ [1]) даетъ слѣдующее сопоставленіе цифръ эмиграціи изъ Пруссіи для четырехъ группъ: 1) восточныхъ земледѣльческихъ провинцій: — вост. и зап. Пруссіи, Помераніи и Познани, 2) восточныхъ провинцій съ значительной промышленностью,—Бранденбурга, Силезіи, Саксонія, 3) среднихъ провинцій — Ганновера и Шлезвигъ-Голштейна, 4) Вестфаліи, Рейнланда, Гессенъ-Нассау:

Группы.	1880 годъ. Число эмигрант.	1 эмигр. на жител.	1885 годъ. Число эмигрант.	1 эмигр. на жител.	1890 годъ. Число эмигрант.	1 эмигр. на жител.
I.	33,886	194,3	32,582	202,2	29,618	225
II.	9,715	999,4	11,085	920	7,432	1471,4
III.	13,761	236	15,351	216,5	9,530	367
IV.	11,240	688,6	10,011	820	4,817	1841,3

Громадное преобладаніе—и относительное и абсолютное—эмиграціи именно изъ восточныхъ округовъ подтверждаетъ общепринятое въ литературѣ мнѣніе, съ особенной настойчивостью выставляемое Гольцемъ [2]), что крупное землевладѣніе враждебно населенію,

---

[1]) *Leidig.* Auswanderungswesen im Kön. Preussen, 453. Ср. еще цифры у Geffken (Bergman) Bevölkerungspolitik. Auswanderung. (Schonberg's Handbuch, 4-te Aufl. B. II. Tubingen. 1898, стр. 500.) Для періода 1891—95 мною произведенъ подсчетъ (по даннымъ Statistisches Handbuch fur den Preussischen Staat), изъ котораго слѣдуетъ, что изъ общей потери населенія восточными провинціями около половины (293,258 душъ) эмигрируетъ во внутреннія провинціи, и меньшая половина за океанъ (252,575 душъ). Но слѣдуетъ замѣтить, что данныя Handbuch'a объ эмиграціи, очевидно, неполны, потому что при сопоставленіи итоговъ оказывается необъясненнымъ огромный излишекъ въ 160,757 человѣкъ Подсчетъ этотъ даетъ основаніе, по крайней мѣрѣ, для самаго грубаго сужденія о соотношеніи миграціи и эмиграціи.

[2]) „Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что различная степень эмиграціи въ восточныхъ провинціяхъ если не исключительно, то въ высокой степени обусловливается способомъ распредѣленія землевладѣнія и большей или меньшей возможностью имѣть заработокъ посредствомъ несельскохозяйственныхъ занятій Чѣмъ больше перевѣсъ крупнаго землевладѣнія и менѣе число крестьянскихъ владѣній, тѣмъ сильнѣе эмиграція; точно также она получаетъ тѣмъ больше силы, чѣмъ менѣе имѣетъ распространенія промысловая или иная несельскохозяйственная дѣятельность“ (*v. d. Goltz.* Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat, 141). Сравнивая по округамъ распространенность крупнаго землевладѣнія и эмиграціи, Гольцъ приходитъ къ убѣжденію о существованіи прямой пропорціональности между этими явленіями. „Эмиграція и пере-

неспособно удержать его и является главной причиной эмиграціи. Яркое доказательство этому представляютъ оба Мекленбурга (Шверинъ и Стрелицъ), гдѣ рѣзко выражено преобладаніе крупнаго землевладѣнія. Они обнаруживаютъ самый слабый ростъ (періодъ 1890—5 Шверинъ 0,64%, Стрелицъ—0,72 въ годъ, а въ періодъ 1885—90 гг. 0,12% и—0,08%), и это обусловлено необыкновенно высокой эмиграціей и перенаселеніемъ во внутреннія провинціи, въ которомъ главную роль играютъ, конечно, сельскохозяйственные рабочіе [1]).

селеніе въ другія провинціи дополняютъ и взаимно замѣняютъ одна другую. Въ общемъ можно принять, что тамъ, гдѣ существуетъ значительная эмиграція, незначительно переселеніе и наоборотъ. Если эмиграція изъ провинцій Бранденбурга, Саксоніи, Силезіи меньше, чѣмъ изъ Помераніи, Зап. Пруссіи и Познани, то это объясняется не только преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія въ этихъ провинціяхъ, но и тѣмъ, что здѣсь чаще представляется возможность рабочему найти заработокъ въ городахъ и промышленности" и т. д. (147). „Въ Германіи—говоритъ проф. Филипповичъ—слѣдуетъ различать двѣ главныя области эмиграціи: юго-западъ и сѣверо-востокъ, для которыхъ можно установить вполнѣ специфическія причины эмиграціи,—тамъ условія заработка, опредѣляемыя промышленнымъ развитіемъ, здѣсь крупное землевладѣніе и особенности аграрныхъ отношеній. Въ Баденѣ, въ Вюртембергѣ, въ Пфальцѣ, въ южной Баваріи распредѣленіе землевладѣнія достигло той границы, какая только допустима для сохраненія самостоятельнаго крестьянскаго сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отъ мѣръ экономической политики ожидать такого развитія промышленной дѣятельности, которой былъ бы поглощенъ весь избытокъ населенія. На востокѣ отношеніе всего населенія къ земельной площади не таково, чтобы—говоря совершенно абстрактно—нельзя было путемъ соотвѣтственнаго дѣленія и созданія мелкокрестьянскаго хозяйства найти заработокъ и пропитаніе для растущаго населенія. Такое идеальное дѣленіе земли между населеніемъ есть однако совершенная иллюзія... Въ заработкахъ въ крупныхъ имѣніяхъ, которыя, часто будучи соединены съ сахарными и винокуренными заводами, стремятся къ болѣе интенсивному хозяйству, конечно, недостатка не было бы. Но условія труда, экономическое положеніе рабочихъ и все сильнѣе проявляющееся стремленіе къ свободному передвиженію и возможность получить самостоятельное хозяйство приводятъ къ тому, что тысячи рабочихъ минуютъ эту возможность приложенія своего труда на родинѣ и эмигрируютъ въ далекія страны". (Schr. d. V. f. S. P. B. 52. Auswanderung und Auswanderungspolitik in Deutschland. Einleitung von Prof. *von Philippovich*. Стр. XXIII—XXIV). Филипповичъ не безъ основанія замѣчаетъ: „дальнѣйшее развитіе эмиграціи будетъ зависѣть не столько отъ положенія вещей здѣсь, сколько отъ состоянія странъ, въ которыя направляется эмиграція" (XXV).

[1]) См. въ цитированной анкетѣ Ver. f. Soc. Pol. весьма обстоятельную

Такъ выражается одинъ изъ интереснѣйшихъ народнохозяйственныхъ пародоксовъ (или, по любимому выраженію Гегеля-Маркса. „противорѣчій"), по которому перенаселеніе чувствуется въ рѣдко населенныхъ округахъ и разрѣшается переселеніемъ въ густонаселенные; въ то же время въ этихъ округахъ ощущается не-

монографію *Lindig* Entwickelung und gegenwartiger Zustand der Auswanderung in Mecklenburg. 289 слл.

Связь между отливомъ населенія и крупнымъ землевладѣніемъ можно въ общихъ чертахъ установить и для Австріи, гдѣ наиболѣе теряютъ населеніе эмиграціей и миграціей провинціи съ крупнымъ землевладѣніемъ, напр. Богемія, Моравія, Силезія, Галиція и др. (Ср. съ одной стороны сопоставленія статистики населенія у *Rauchberg*. Die Bevolkerung Oesterreichs auf Grund der Ergebnisse der Volkszahlung von 31 Dezember 1890. Wien. 1895 и съ другой—данныя *Inama-Sternegg*. Zur Charakteristik des Grossgrundbesitzes in Oesterreich въ Statistische Monatsschrift, X, 1884). То же самое наблюдается и въ Венгріи, какъ это было показано еще въ 60-хъ годахъ Дитцемъ, сочиненіе котораго отличается крупными достоинствами и не для своего только времени (Die ungarische Landwirtschaft. Von Dr. *Heinrich Ditz*. Leipzig 1867). „Чистый доходъ въ крупныхъ имѣніяхъ — говоритъ онъ—въ среднемъ больше, чѣмъ на крестьянскихъ земляхъ; но этотъ доходъ не привлекаетъ населенія, которое могло бы пользоваться имъ, а прогоняетъ его. Крупныя имѣнія носятъ названіе Puszta или пустыни не безъ основанія, ибо они населены гораздо менѣе нежели крестьянскія земли". „Хотя крупное имѣніе съ равнаго участка земли приноситъ большій свободный доходъ, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ можетъ занимать въ городѣ больше производителей предметовъ роскоши, чѣмъ крестьянская община, за то, съ другой стороны, тѣ промыслы, которые удовлятворяютъ обыкновеннымъ потребностямъ жизни,—въ одеждѣ, платьѣ, жилищѣ и т. д., находятъ гораздо меньшій сбытъ въ районахъ крупныхъ общинъ, нежели крестьянскихъ имѣній. Что болѣе обширный свободный доходъ вотчинъ и проживаемыя въ городахъ ренты землевладѣльцевъ не особенно оживили промышленность, можно сразу видѣть по состоянію венгерскихъ городовъ Хотятъ разцвѣта и силы венгерскаго земледѣлія. Но для этого требуется близкій рынокъ, покупатели земледѣльческихъ продуктовъ въ собственной странѣ, требуется многочисленное промышленное сословіе и развитая индустрія. Промышленность и промышленники... могутъ привиться однако только тамъ, гдѣ многочисленное населеніе является покупателемъ" (102—5). „Прежде всего для процвѣтанія венгерскаго земледѣлія необходимо развитіе собственной промышленности. Оно ищетъ теперь потребителей въ отдаленныхъ чужихъ странахъ. Оно должно отказываться отъ значительной части цѣны, которая дается имъ за ихъ продукты, для оплаты издержекъ производства. Въ собственной странѣ венгерское хозяйство имѣетъ мало потребителей. Это было бы иначе, если на мѣстѣ развилась индустрія" (442). Положеніе дѣлъ въ Венгріи въ настоящее время не многимъ различается отъ нарисованной здѣсь картины

достатокъ рабочихъ рукъ, и именно рѣдкость ихъ населенія оказывается основной причиной хозяйственной ихъ отсталости, вызывающей перенаселеніе; согласно этому парадоксу, заработная плата и спросъ на трудъ всего выше тамъ, гдѣ наибольшее его предложеніе благодаря густому населенію, а всего ниже тамъ, гдѣ предложеніе труда наименьшее, но за то и наименьшій спросъ: спросъ на трудъ измѣняется прямо пропорціонально предложенію. Въ этомъ противорѣчіи движется новѣйшая хозяйственная исторія Германіи, и промышленный капитализмъ мало по малу поражаетъ на голову аграрный.

Нетрудно видѣть — мы знакомы съ этимъ уже по опыту Англіи,—что эмигрирующіе сельскохозяйственные рабочіе не только получаютъ надежду на улучшеніе собственнаго положенія, но и несомнѣнно улучшаютъ положеніе оставшихся товарищей. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ труда измѣняется въ пользу рабочихъ. Вотъ почему и въ Германіи, хотя и въ слабѣйшей степени, чѣмъ въ Англіи, мы наблюдаемъ одно и то же явленіе, коренящееся въ самыхъ основахъ экономики земледѣлія: положеніе труда, невыносимо тягостное въ эпоху наибольшаго процвѣтанія земледѣлія, становится болѣе благопріятнымъ въ эпоху аграрнаго кризиса. Интересы предпринимателя и рабочаго въ земледѣліи антагонистичны какъ ни въ одной изъ другихъ отраслей промышленности, гдѣ существуетъ извѣстная солидарность интересовъ труда и производства, выражающаяся въ экономіи высокой заработной платы. Антагонизмъ этотъ оказывается фатальнымъ для крупнаго производства, потому что повышеніе заработной платы настигаетъ его въ моментъ наименьшей платежеспособности.

Поднятіе заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ становится ощутительнымъ съ 70-хъ годовъ. „Наибольшей высоты заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ достигла— говоритъ Гольцъ—послѣ франко-прусской войны, въ началѣ 70-хъ годовъ. Вся экономическая жизнь испытала тогда необыкновенный подъемъ; значительное количество новыхъ предпріятій было впервые вызвано въ жизнь, уже существовавшія расширялись, спросъ на рабочую силу былъ выше предложенія, золото было въ изобиліи; цѣны какъ на растительные, такъ и животные продукты сельскаго хозяйства достигли такой высоты, какой они никогда не достигали прежде за исключеніемъ нѣсколькихъ голодныхъ годовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ возрасла заработная плата сна-

чала въ городахъ, въ промышленности. Сельскохозяйственные рабочіе изъ восточныхъ провинцій Пруссіи массами выселялись въ города и промышленные округа западной Германіи, чтобы заработать больше денегъ. Расширеніе желѣзнодорожной сѣти, которое произошло за послѣднее время и на востокѣ, сдѣлало это возможнымъ съ небольшими издержками. Если сельскіе хозяева хотѣли удержать у себя достаточное количество рабочей силы, они должны были значительно повысить цѣны“ [1]). Подобный же подъемъ заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ наблюдался и въ Баваріи въ 70-хъ годахъ [2]).

Начиная съ 70-хъ годовъ заработная плата сельскихъ рабочихъ — съ вполнѣ понятными колебаніями — растетъ, и, быть можетъ, не столько растетъ уровень заработной платы наилучше поставленныхъ рабочихъ, сколько уменьшается, а по мѣстамъ даже исчезаетъ тотъ классъ голодныхъ „свободныхъ“ рабочихъ, бездомовныхъ и безземельныхъ, который составлялъ соціальную язву, а вмѣстѣ условіе благополучія сельскаго хозяйства въ первыя три четверти XIX вѣка. Какъ ни разнится и экономическое и соціальное положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ отъ своихъ промышленныхъ собратьевъ, всетаки, подъ оздоровляющимъ вліяніемъ индустріи, въ общемъ оно улучшилось. Такое впечатлѣніе выносится изъ знакомства съ анкетой Союза Соціальной Политики [3]), предпринятой имъ въ началѣ 90-хъ годовъ для выясне-

---

[1]) *v. d. Goltz.* Die landliche Arbeiterklasse und der Preussische Staat. 113.

[2]) Die Landwirtschaft in Bayern Denkschrift nach amtlichen Quellen bearbeitet. Munchen. 1890. Стр 60 сл. Въ Саксоніи то же самое, по свидѣтельству Лангсдорфа, чувствовалось до 1875 года, когда условія предложенія труда снова измѣнились благопріятно для сельскихъ хозяевъ. Это свидѣтельство стоитъ нѣсколько въ разрѣзъ тому, что мы знаемъ о сельскомъ хозяйствѣ Германіи вообще; возможно, что для Саксоніи имѣли мѣсто спеціальныя условія. См. *Langsdorf.* Die sachsische Landwirtschaft in Jahren 1876—79 Стр. 90.

[3]) Schriften des Vereins für Socialpolitik, Bande LIII—V. Erster Band: Die Verhaltnisse der Landarbeiter im Nordwestdeutschland. 1892. Zweiter Band: Die Verhaltnisse der Landarbeiter in Hohenzollern, im Reg.-Bez. Wiesbaden, in Thuringen, Bayern, im Grossherzogthum Hessen, Reg.-Bez. Kassel, Konigreich Sachsen, in den Provinzen Schleswig-Holstein, Sachsen und Hannover Sudlicher Theil, in den Herzogthumern Braunschweig und Anhalt, in der Rheinprovinz und im Furstenthum Birkenfeld. 1892. Dritter Band: Die Verhältnisse der Landarbeiter im Ostelbischen Deutschland. Дебаты по вопросу о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ на общемъ собраніи Союза см. Schr d. V.

нія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ (хотя и справедливо, что изслѣдованіе, составленное на основаніи показаній однихъ только предпринимателей, рискуетъ придти къ выводамъ, чрезмѣрно оптимистичнымъ).

Но на основѣ этого общаго фона — постепеннаго улучшенія въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ—развиваются нѣкоторыя тенденціи, стоящія, до извѣстной степени, въ противорѣчіи съ этой общей тенденціей. Важнѣйшей перемѣной въ этомъ отношеніи является постепенная реорганизація сельскохозяйственнаго труда, стремящаяся уменьшить число инстовъ на счетъ свободныхъ рабочихъ и смести такимъ образомъ послѣдніе слѣды крѣпостнаго права въ организаціи труда, сдѣлавъ ее, хотя заднимъ числомъ, болѣе современной, болѣе „капиталистической“.

Процессъ этотъ, какъ мы уже знаемъ, ведетъ свое начало еще съ 70-хъ годовъ. Экономическое raison d'être его для предпринимателя—удешевленіе рабочей силы, для рабочаго—болѣе независимое положеніе, хотя далеко не всегда лучшее. Проф. Максъ Веберъ такъ говорилъ объ этой перемѣнѣ въ общемъ собраніи Союза Соціальной Политики, посвященномъ рабочему вопросу въ сельскомъ хозяйствѣ: „важнѣйшимъ результатомъ анкеты Союза является то, что неотвратимое разложеніе прежней организаціи труда отчасти уже наступило, отчасти происходитъ, и его окончательное наступленіе есть лишь вопросъ времени. Въ матеріальномъ отношеніи двѣ крупныхъ дезорганизующихъ причины вызываютъ это разрушеніе: первой и менѣе важной

---

f. Sos. Pol., Band LVIII. Основные результаты этой обширной анкеты въ удобной для обозрѣнія формѣ сведены и сопоставлены съ данными прежнихъ изслѣдованій въ книгѣ *Kuno Frankenstein* Die Arbeiterfrage in der deutschen Landwirtschaft. Mit besonderer Berücksichtigung der Erhebungen des Vereins für Socialpolitik über die Lage der Landarbeiter. Berlin. 1899

Нужно замѣтить, что, если вычислять по даннымъ анкеты Союза средніе заработные платы на востокѣ и западѣ, онѣ вовсе не такъ разнятся между собою, какъ это думаетъ напр. Гольцъ, и что „семейства поденщиковъ Востока въ общемъ поставлены также хорошо, въ Помераніи даже лучше, чѣмъ въ наиболѣе благопріятныхъ для нихъ мѣстностяхъ монархіи“ (Backhaus, 73). Если даже это и такъ, то одинаковость заработной платы вовсе еще не уравниваетъ тѣхъ выгодъ, которыя имѣетъ рабочій въ болѣе культурныхъ районахъ и которыя проистекаютъ именно изъ этой культурности

является паровая молотилка [1]), другою—сахарная свекла, которую я привожу здѣсь a potiori, какъ примѣръ интенсивной культуры вообще. Моментомъ, рѣшающимъ съ точки зрѣнія работодателя, является въ концѣ концовъ разница въ потребности въ рабочей силѣ лѣтомъ и зимою; она увеличивается настолько, что держать круглый годъ рабочія силы, нужныя лѣтомъ, является нецѣлесообразнымъ. Это и вызвало уменьшеніе постоянныхъ, осѣдлыхъ, прочно связанныхъ съ имѣніемъ рабочихъ въ пользу сезонныхъ рабочихъ и вообще капиталистическую реорганизацію стараго положенія рабочихъ и превращеніе ихъ въ настоящихъ наемныхъ рабочихъ“ [2]). А въ самой анкетѣ Веберъ слѣдующимъ образомъ высказывается о вліяніи этой перемѣны въ организаціи труда на его положеніе. „въ силу безсознательной телеологіи, присущей соціальнымъ отношеніямъ, капиталистическая реорганизація труда является естественнымъ противникомъ высокаго жизненнаго уровня рабочаго. Если прослѣдить уровень заработной платы въ отдѣльныхъ округахъ, то обнаруживается поразительный фактъ, что на сѣверѣ, именно въ районѣ интенсивной культуры (долина Вислы, Познань) уровень заработной платы *постоянныхъ* рабочихъ имѣетъ тенденцію падать. Это важное обстоятельство затемняется, большей частью, высокимъ уровнемъ платы сезонныхъ рабочихъ, но соотвѣтствуетъ тому, что было выяснено въ отдѣльныхъ монографіяхъ. Значительное примѣненіе женскаго труда, отсутствіе собственнаго скотоводства и вообще собственнаго хозяйства у безземельныхъ рабочихъ и ихъ казарменныя жилища въ „семейныхъ домахъ“ являются спутниками этого новѣйшаго крупнаго хозяйства“ [3]).

Положеніе рабочихъ уничтоженіемъ старой организаніи труда относительно ухудшается, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ

---

[1]) Паровая молотилка, лишивъ многихъ и многихъ рабочихъ зимнихъ занятій, была, несомнѣнно, значительнымъ зломъ для рабочихъ, которое не окупалось техническими выгодами. На это указываетъ, между прочимъ, и Гольцъ, который выставляетъ даже утопическое пожеланіе: „ограниченіе въ употребленіи молотилокъ, въ особенности паровыхъ молотилокъ составляетъ для всей Германской Имперіи существенное средство для улучшенія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, а также для уменьшенія эмиграціи и миграціи“. (Die ländliche Arbeiterklasse, 145).

[2]) Schr. d. V. f. s. P. B. 58, стр 68.

[3]) Die Verhältnisse der Landarbeiter in Deutschland. III, 792. Ср. *Sering.* Die innere Kolonisation, стр. 10.

смыслѣ, но едва ли какой-либо другъ рабочихъ пожалѣетъ объ исчезновеніи этого уродливаго ублюдка крѣпостного права, обращавшаго свободнаго рабочаго въ родъ временно-обязаннаго. Достаточно указать, что заинтересованныя лица, т. е. рабочіе, хотя и теряютъ матеріально отъ перемѣны своего положенія, но сами стремятся перейти въ сословіе „свободныхъ“ рабочихъ. „Ничто — справедливо замѣчаетъ Веберъ — не является болѣе уничтожающимъ сужденіемъ относительно будущности института инстовъ, какъ именно этотъ моментъ“ [1]).

Аналогію съ инстами представляетъ организація наемнаго труда въ Вестфаліи и Ольденбургѣ, гдѣ распространена система крупныхъ крестьянскихъ дворовъ. Потребность въ рабочихъ тамъ удовлетворяется посредствомъ такъ называемыхъ Heuerlinge, родъ рабочихъ-арендаторовъ. Эта форма представляетъ нѣчто среднее между самостоятельнымъ и несамостоятельнымъ хозяиномъ. Крупное крестьянство не можетъ здѣсь обезпечить себѣ рабочихъ иначе, какъ сдѣлавъ ихъ, по крайней мѣрѣ, полукрестьянами. Колльманъ, описавшій этотъ институтъ относительно ольденбургскаго Мюнстерланда, говоритъ: „главное отличіе мюнстерландскаго и, насколько этотъ институтъ существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, вообще сѣверозападнаго Heuermann'a отъ восточнаго инста состоитъ въ томъ, что отводимая ему земля лежитъ не внутри поля имѣнія и не воздѣлывается вмѣстѣ съ полемъ помѣщика и по его распоряженію, притомъ онъ не получаетъ депутата, именно части вымолоченнаго зерна. Напротивъ, Heuermann располагаетъ вполнѣ отдѣленнымъ полемъ и, сверхъ того, лугомъ, и онъ можетъ пользоваться ими по своему усмотрѣнію, обрабатывая руками своими и своихъ домочадцевъ. Также точно онъ можетъ произвольно расширять свое скотоводство въ соотвѣтствіи состоянію своего хозяйства. Поэтому онъ пользуется, насколько онъ является арендаторомъ, всѣми основными преимуществами, которыми пользуется временный арендаторъ. Конечно, значительную долю своего времени и силъ онъ долженъ отдавать въ пользу своего землевладѣльца. Но это не противорѣчитъ его собственному интересу, такъ какъ во всякомъ случаѣ небольшая аренда не можетъ занять всего его рабочаго времени и вполнѣ его прокормить. Какъ правило, онъ не могъ бы просуществовать безъ

[1]) Schr. d. V. f. S. P., Band 58, стр 70

добавочнаго заработка въ качествѣ рабочаго“ [1]). Общее положеніе рабочихъ Кольманъ рисуетъ достаточнымъ; положеніе рабочаго мало разнится отъ положенія хозяина, и здѣсь сохраняются патріархальныя отношенія въ лучшемъ смыслѣ слова. У насъ нѣтъ статистики относительно этого класса рабочихъ и данныхъ, чтобы судить объ его измѣненіяхъ. Повидимому, онъ до сихъ поръ сохраняетъ еще свою жизнеспособность. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что между положеніемъ инста и Heuerling'а существуетъ большая разница въ пользу послѣдняго; крестьянскіе хутора съумѣли лучше обезпечить себя рабочей силой, чѣмъ юнкерскія имѣнія, но это цѣною сокращенія собственнаго хозяйства до размѣровъ, почти равныхъ хозяйству своего рабочаго. Между тѣмъ однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ сокращенія числа инстовъ является, какъ уже было замѣчено, жадность къ землѣ. И если до сихъ поръ раздаются упрямые голоса (какъ напр. Гольца), что рабочій вопросъ на востокѣ Пруссіи можно разрѣшить созданіемъ класса надѣленныхъ землею рабочихъ, то ничего не можетъ быть утопичнѣе этихъ половинчатыхъ проэктовъ: съ одной стороны, крупному производству пришлось бы въ стремленіи къ повышенію интенсивности хозяйства, сопровождающемуся увеличеніемъ количества труда, отдавать все больше и больше до-

---

[1]) *Paul Kollmann.* Die Heuerleute im oldenburgischem Munsterlande (Conrad's Jahrbucher, Ш. F., Band 16, Heft 2, стр. 148). Этотъ же порядокъ существуетъ въ Вестфаліи и въ округѣ Оснабрюкѣ Для мюнстерской, теперь ольденбургской области Heuerlinge относятся къ позднѣйшему времени, по крайней мѣрѣ въ регистрахъ начала XIX вѣка нѣтъ о нихъ упоминанія. — Среднее между инстомъ и Heuermann'омъ представляетъ рабочій Бадена, описаніе котораго относится къ 60-мъ годамъ: „крестьянинъ, работы котораго сосредоточиваются на короткое время, нуждается для нихъ въ постороннихъ рукахъ и, несмотря на значительное населеніе, ихъ трудно бываетъ получить; онъ долженъ поэтому напередъ обезпечить себя ихъ помощью. Это происходитъ такъ, что кромѣ обыкновенной прислуги онъ держитъ еще поденщиковъ, которыхъ онъ поселяетъ обыкновенно на всю жизнь на своей землѣ, предоставляя имъ маленькій домъ и нѣсколько клочковъ земли для производства картофеля, вдобавокъ къ чему они сами піарендовываютъ нѣсколько, чтобы держать корову“. (Festschrift fur die Mitglieder der XXI Versammlung deutscher Land-und Forstwirthe. Beitrage zur Kenntniss der Land-und Forstwirtschaft im Grossherzogthum Baden. Heidelberg. 1860. Стр. 203). — Ср. еще *v. Miaskovsky.* Das Erbrecht und die Eigenthumsvertheilung im Deutschen Reiche. I. 1882 Стр. 94 сл.

рожающей земли рабочимъ, вести эту внутренне противорѣчивую и самоубійственную политику, съ другой стороны, это ничуть не удержало бы рабочихъ отъ того, что составляетъ идеалъ для всѣхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, — основанія собственнаго хозяйства, при извѣстныхъ размѣрахъ котораго онъ уже теряетъ свою цѣну какъ наемный рабочій, причемъ неудачники по прежнему бы эмигрировали. Вотъ почему попытки разрѣшить вопросъ о рабочихъ путемъ аграрнаго компромисса, а не прямого поднятія заработной платы, осуждены на неудачу. Такова была судьба и попытокъ колонизаціи рабочими прусскаго востока, результаты которой выражены Кнаппомъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: „колонизація рабочихъ не удается, колонизація крестьянъ удается“ [1]).

Такъ или иначе, фактъ постепеннаго исчезновенія инстовъ не подлежитъ сомнѣнію. Его можно приблизительно измѣрить даже статистически. По даннымъ переписей 1882 и 1895 года при общемъ и значительномъ *уменьшеніи* числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, занимающихся земледѣліемъ въ качествѣ главнаго занятія, съ 5,763,970 до 5,445,924,—уменьшеніе на 318,046,—категорія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, имѣющихъ собственную или наемную землю, уменьшилась съ 866,493 до 382,872, т. е. на 483,621 рабочихъ, зато увеличилась группа безземельныхъ рабочихъ—съ 1,373,774 до 1,445,300 или на 71,526. Цифры эти явственно показываютъ перемѣны, происшедшія въ организаціи сельскохозяйственнаго труда.

Для характеристики измѣненій въ положеніи труда слѣдуетъ еще указать на увеличеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ, занятыхъ земледѣліемъ какъ *побочнымъ* промысломъ, другими словами, раздѣляющихъ свое рабочее время, по крайней мѣрѣ, между двумя занятіями. Число такимъ рабочихъ съ 1882 по 1895 годъ возрасло съ 3,144,551 до 3,577,798, и особенно безземельныхъ рабочихъ, — съ 1,023,791 до 1,416,990. Съ принятіемъ во вниманіе этой категоріи общее число сельскохозяйственныхъ рабочихъ нѣсколько увеличивается въ періодъ 1882—95, именно съ 6,787,761 до 6,862,914. Къ сожалѣнію, статистика оставляетъ насъ въ невѣдѣніи касательно отношенія къ земледѣлію и промышленности послѣдней категоріи

[1]) *Knapp.* Grundherrschaft und Rittergut, 22.

рабочихъ. Можетъ быть, это соединеніе промысловъ съ земледѣліемъ (вмѣстѣ съ значительной эмиграціей, обусловливающей общій недостатокъ рабочихъ) объясняетъ необыкновенно низкій процентъ и колебанія безработицы въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя, несмотря на извѣстную неравномѣрность распредѣленія сельскохозяйственныхъ работъ въ разныя времена года, гораздо меньше, чѣмъ въ промышленности и торговлѣ, какъ это ясно изъ слѣдующаго сопоставленія [1]).

	Не имѣло занятія (въ процентахъ)					
	14 іюня 1895 г.			2 декабря 1895 г		
	Мужч	Женщ	Обоихъ	Мужч	Женщ	Обоихъ
A. Земледѣліе	0,76	0,56	0,67	3,06	4,39	3,61
B. Промышленность.	2,61	2,37	2,57	6,38	3,97	5,96
C. Торговля	2,82	1,55	2,50	4,49	2,06	3 88
D. Наемная работа измѣнчиваго характера	7,75	2,10	2,81	21,36	3,56	5,81
Сумма.	2,13	1,44	1,89	5,40	3,91	4,88

Превращеніе инстовъ въ свободныхъ рабочихъ было однимъ средствомъ удешевленія труда; другимъ средствомъ является употребленіе вмѣсто постоянныхъ или, по крайней мѣрѣ, мѣстныхъ рабочихъ, пришлыхъ рабочихъ, съ болѣе низкимъ уровнемъ потребностей, потому миривишихся на болѣе низкой заработной платѣ. Веберъ характеризуетъ это такъ: „указанное направленіе развитія (уменьшеніе числа инстовъ) ведетъ къ устраненію постояннаго мѣстнаго рабочаго сословія. Все больше и больше и повсюду оказывалось, что привлекались чужеземныя рабочія силы съ низшимъ уровнемъ потребностей, хотя большая производительность труда мѣстныхъ рабочихъ и стоитъ внѣ сомнѣнія, а тамъ, гдѣ она оспаривается, это основано на томъ

[1]) Vierterljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs. Jahrg. 1896. Erganzung zum Vierten Heft. Die beschäftigungslosen Arbeitnehmer im Deutschen Reich am 14 Juni und 2 Dezember 1895. Berlin. 1896. Стр. 4. Таблица по отдѣльнымъ производствамъ см. стр. 5.

простомъ законѣ, что одинъ рабочій съ нѣмецкими потребностями въ пищѣ, если онъ получаетъ лишь $^3/_4$ этого количества, сохраняетъ не $^3/_4$ своей производительности, но менѣе, и потому не такъ производителенъ, какъ напр. польскій рабочій, получающій полное удовлетвореніе своимъ меньшимъ потребностямъ въ пищѣ. Основаніемъ для привлеченія чужеземныхъ рабочихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются и мѣстные рабочіе, отчасти—но только отчасти—заключается въ абсолютно низкомъ уровнѣ заработной платы чужеземныхъ рабочихъ, но, сверхъ того, не говоря уже о большей уступчивости со стороны безпомощныхъ рабочихъ на чужой сторонѣ, еще и въ томъ, что при этомъ возможно пользованіе рабочей силой въ лѣтнее время, безъ необходимости заботиться о рабочихъ и зимою. Въ *этомъ* смыслѣ чужеземные рабочіе *всегда* дешевле чѣмъ свои.

Потому, согласно отчетамъ, нѣмецкіе инсты западной Пруссіи, тамъ, гдѣ они еще существуютъ, должны уступать польско-русскимъ рабочимъ; польскихъ коморниковъ отъ этого защищаетъ только ихъ низкій уровень жизни, напротивъ, свободные рабочіе вытѣсняются изъ сельскихъ округовъ этимъ приливомъ съ востока, и въ концѣ концовъ, какъ показываетъ сравненіе заработной платы въ долинѣ верхней Вислы, уровень заработной платы понизился по сравненію съ 1873 годомъ. Медленно, но неуклонно развивается этотъ процессъ и тамъ, гдѣ еще сохраняется патріархальная система, такъ въ восточной Пруссіи и задней Помераніи“ [1]).

Несомнѣнно, въ отдѣльныхъ случаяхъ привлеченіе иностранныхъ рабочихъ является вынужденнымъ вслѣдствіе недостатка собственныхъ, но во всѣхъ случаяхъ оно является средствомъ удешевленія рабочей силы, которое обращается, въ концѣ концовъ, въ свою противоположность, ибо усиливаетъ эмиграцію своихъ рабочихъ, а слѣдовательно и недостатокъ въ нихъ, который не можетъ быть всецѣло возмѣщенъ иностранными рабочими. Точной статистики пришлыхъ рабочихъ, естественно, быть не можетъ. Въоффиціальномъ источникѣ [2]) число это опредѣляется для

---

[1]) Die Verh. d. Landarbeiter in Dtschl. III, 792—3. По словамъ Бакгауза, одинъ изъ его корреспондентовъ (конечно, предприниматель) находитъ, что „введеніе русскихъ рабочихъ было бы очень хорошимъ средствомъ противъ чрезмѣрныхъ требованій нѣмецкихъ рабочихъ“ (Backhaus, l. c. 75).

[2]) См. Denkschrift über die zur Förderung der Landwirtschaft in den

1892 года въ 19,505, 1893 г.—21,979, 1894 года—26,075, 1895 г.—27,249. Хотя, надо думать, эти цифры ниже дѣйствительныхъ, всетаки притокъ иностранныхъ рабочихъ не такъ великъ, чтобы возмѣстить убывающихъ нѣмецкихъ рабочихъ, особенно принимая во вниманіе низшую производительность и интенсивность труда чужеземныхъ работниковъ. Однако число ихъ растетъ и, вѣроятно, будетъ расти; этого достаточно, чтобы внушать прусскимъ патріотамъ небезосновательную тревогу относительно полонизаціи и руссификаціи прусскаго востока, пограничнаго русской Польшѣ. Представители оффиціальнаго патріотизма — прусскіе юнкера, оплотъ консервативной партіи, оставляютъ, однако, свой патріотизмъ, какъ только дѣло заходитъ объ удешевленіи труда.

То, чѣмъ для восточныхъ провинцій являются чужеземные рабочіе, для внутреннихъ провинцій составляютъ рабочіе восточныхъ провинцій. И они отличаются тѣмъ же достоинствомъ, что и чужеземные, — своей сравнительной дешевизной. И вотъ изъ перенаселенныхъ и бѣдныхъ районовъ восточныхъ провинцій устанавливается токъ въ провинціи съ культурой сахарной свеклы, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ Саксонія, давшая и имя этому виду отхода: Sachsengangerei [1]). Какъ хорошо выяснено въ новѣйшемъ изслѣдованіи о сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Саксоніи [2]), Sachsengänger оказываютъ здѣсь то же

---

letzten Jahren ergriffenen Massnahmen. Berlin. 1896, стр. 11. Рабочіе эти приходятъ изъ австрійской Галиціи и изъ Россіи. Бензингъ (Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen, 52) приводитъ на основаніи Deutsche Landwirtschaftliche Presse цифры, нѣсколько отступающія отъ оффиціальныхъ. Сопоставленіе числа отхода рабочихъ изъ восточныхъ провинцій и прихода иностранныхъ даетъ минусъ 212,500 рабочихъ въ три года.

[1]) Обстоятельная монографія объ этомъ видѣ отхода принадлежитъ перу Кергера: *Karger*. Die Sachsengangerei Berlin. 1890

[2]) Die Landarbeiter in den evangelischen Gebieten Norddeutschlands. In Einzeldarstellungen nach den Erhebungen des Evangelisch-Socialen Kongresses herausgegeben von Max Weber. Изъ этого изслѣдованія, составленнаго на основаніи показаній сельскихъ пасторовъ и касающагося, слѣдовательно, лишь протестантскихъ районовъ, вышло до сихъ поръ только два выпуска. Erstes Heft. Die Landarbeiter in der Provinz Sachsen, sowie den Herzogthumern Braunschweig und Anhalt, dargestellt von Dr. *S. Goldschmidt*. Tübingen. 1899. Zweites Heft. Die Landarbeiter in den Provinzen Schleswig. Holstein und Hannover osthch der Weser, sowie in dem Gebiete des Fürsten-

самое разрушительное вліяніе на старую организацію труда, что и чужеземные рабочіе въ восточныхъ провинціяхъ. Стремленіе къ удешевленію труда, усиленное поднятіемъ заработной платы повело къ сокращенію постоянныхъ рабочихъ. „Нѣмецкій востокъ явился резурвуаромъ, изъ котораго сельское хозяйство къ западу отъ Эльбы изъ года въ годъ черпаетъ большую часть своихъ рабочихъ“ [1]). Хотя, по свидѣтельству Гольдшмидта, привлеченіе восточныхъ рабочихъ вызывается технической необходимостью затраты извѣстнаго количества труда, не имѣющагося въ наличности на мѣстѣ, но „во многихъ имѣніяхъ, какъ можно заключить на основаніи отчетовъ, Gachsenganger привлекаются не вслѣдствіе недостатка мѣстныхъ рабочихъ силъ, но исключительно ради ихъ большей дешевизны, являющейся матеріальнымъ выраженіемъ тѣхъ различій, которыя существуютъ въ духовномъ развитіи, а также и жизненномъ уровнѣ между рабочими востока и запада. Даже и тѣ имѣнія, которыя совсѣмъ не производятъ свеклы или производятъ ее въ крайне маломъ количествѣ, пользуются трудомъ Gachsengänger'овъ по выше приведеннымъ основаніямъ“ [2]). Конечно, статистики Sachsengängerei не существуетъ; въ числѣ Sachsengänger встрѣчается много женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Скорѣе всего явленіе это можетъ быть сближаемо съ нашимъ сельскохозяйственнымъ отходомъ.

Мы сказали уже, что охарактеризованныя явленія, хотя и вызываютъ противоположную тенденцію, не могутъ парализовать общей тенденціи къ поднятію заработной платы для сельскихъ рабочихъ. Поднятіе цѣнъ на трудъ, стоящее въ связи съ его ограниченнымъ предложеніемъ, оказывается въ тяжелыя годины кризиса столь же губительно и непереносно для многихъ изъ крупныхъ хозяевъ, какъ и застарѣлая и все растущая ипотечная задолженность. Намъ уже извѣстно, что отъ высокой заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ (которая все же ниже платы промышленныхъ) стонетъ востокъ Германіи. Но ту же жалобу мы слышимъ и изъ кор. Саксоніи: „пока хлѣбъ ввозится изъ-заграницы, высокая заработная плата сельскихъ

thums Lubeck und der freien Stadte Lübeck, Hamburg und Bremen, von Dr *A. Grunenberg*. Tübingen 1899.

[1]) Goldschmidt, l. c. 23.

[2]) Goldschmidt, l. c. 24

рабочихъ будетъ отягощать сельское хозяйство“ [1]). Подобное же свидѣтельство имѣемъ мы изъ Баваріи. „Трудное положеніе относительно рабочихъ неоспоримо ведетъ къ тому, что теперь существуетъ извѣстный страхъ предъ веденіемъ болѣе или менѣе крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія. Незначительность числа нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ведущихъ собственное хозяйство, достаточно говоритъ объ этомъ, и многіе крестьяне оказались вынужденными благодаря этому же промѣнивать болѣе крупное хозяйство на менѣе крупное, которое они могли бы обрабатывать при помощи лишь своихъ семействъ“ [2]).

Абсолютное уменьшеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ настоящее время вызываетъ уже не только поднятіе заработной платы, какъ это было, повидимому, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, когда, можетъ быть, устранялось лишь избыточное сельское населеніе, хотя привыкшіе къ безцеремонному отношенію къ нему сельскіе хозяева уже вопіяли о недостаткѣ рабочихъ, но дѣйствительный и серьезный недостатокъ рабочей силы. Нѣкоторая противоположность въ показаніяхъ относительно этого свидѣтельствуетъ не объ отсутствіи этого недостатка вообще, а лишь въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, наиболѣе крѣпкихъ и платежеспособныхъ [3]). Въ народно-хозяйственномъ масштабѣ, несомнѣнно

[1]) *Roth.* Welchen Einfluss muss die Umgestaltung der Verkehrs und wirtschaftlichen Verhaltnisse auf den Grad der Intensitat und die Productionsrichtung der Sachsischen Landwirtschaft ausuben. Leipzig. 1890. Стр. 32.

[2]) Die Landwirtschaft in Bayern. Denkschrift. 1890. Стр. 60.

[3]) „Что касается результатовъ нашего изслѣдованія относительно жалобъ на недостатокъ или плохое качество рабочихъ..., то показанія различныхъ владѣльцевъ расходятся. Значительное число, почти половина констатируетъ, что.. недостатокъ въ постоянныхъ рабочихъ не проявляется въ столь сильной степени; отдѣльные отзывы также показываютъ что эмиграція въ Америку и уходъ въ города въ общемъ сдѣлался менѣе. Эти показанія согласуются съ отчетомъ сельскохозяйственной камеры восточной Пруссіи на 1896 годъ. Самое основное впечатлѣніе таково, что повсюду, гдѣ заботятся о хорошемъ обращеніи, хорошихъ жилищахъ, достаточной заработной платѣ, хорошемъ качествѣ хлѣба, выдаваемаго въ качествѣ депутата, и подобныхъ, собственно само собою разумѣющихся вещахъ, тамъ рѣдко, почти никогда не встрѣчается значительной нужды въ рабочихъ; лишь въ двухъ случаяхъ сообщаютъ землевладѣльцы, что, несмотря на всѣ усилія и благотворительныя учрежденія, они были не въ состояніи удержать рабочихъ. Въ одномъ пунктѣ согласуются всѣ отчеты, именно въ недостаткѣ или даже полномъ отсутствіи Scharwerker“ (Backhaus, 74). Отсутствіе Scharwerker, или тѣхъ рабочихъ, которыхъ обязуется

существуетъ абсолютный недостатокъ рабочей силы, который обусловливается неспособностью многихъ хозяйствъ обезпечить своимъ рабочимъ жизненный уровень, отвѣчающій ихъ растущимъ потребностямъ и уровню культурнаго развитія.

Недостатокъ рабочихъ неминуемо долженъ былъ отразиться на *техникѣ* крупнаго хозяйства, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ предпріятій, хозяйственная устойчивость которыхъ уже поколеблена. Вліяніе недостатка сельскохозяйственныхъ рабочихъ на общее веденіе хозяйства всѣми компетентными изслѣдователями рисуется въ самыхъ мрачныхъ чертахъ. Особенно много посвящаетъ этому вниманія ф. д. Гольцъ. Онъ вычисляетъ, напримѣръ, что не особенно значительное и вполнѣ осуществимое при теперешней техникѣ повышеніе производительности земли сдѣлало бы Германію способной обходиться безъ ввознаго хлѣба. Для этого требуется однако „прежде всего затрата бо̀льшаго количества труда на земледѣльческое производство“. „Хорошая обработка почвы образуетъ предпосылку для благотворнаго дѣйствія какъ покупныхъ удобреній, такъ и лучшихъ сѣмянъ“. Между тѣмъ „для значительнаго повышенія производства пищевыхъ средствъ, насколько его требуетъ растущее населеніе имперіи, нѣтъ большаго препятствія, какъ недостаточность числа рабочихъ рукъ, которыми располагаетъ земледѣліе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о восточныхъ провинціяхъ съ ихъ рѣдкимъ сравнительно съ сельскохозяйственной и полевой площадью населеніемъ. Незнакомые съ дѣломъ часто думаютъ, что меньшій валовой доходъ на востокѣ объясняется исключительно неблагопріятными условіями климата и почвы. Но въ общемъ это невѣрно. Сѣверовосточная Германія стоитъ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, не ниже чѣмъ обширные округа средней и южной Германіи, которые лежатъ выше надъ уровнемъ моря; они не могутъ, конечно, конкуррировать съ долинами и равнинами по части плодородія. Для усиленія производительности почвы на востокѣ не требуется

поставить отъ себя на извѣстное горячее время рабочій, свидѣтельствуетъ только объ отсутствіи избыточнаго населенія и невозможности по прежнему безцеремонно приглашать его на короткое время, притомъ даже не лично владѣльцу, а чрезъ посредство рабочаго. „Съ народнохозяйственной точки зрѣнія—говоритъ и Бакгаузъ—можно возразить многое противъ этого класса, ибо пнстъ не есть, конечно, подходящій работодатель, и пропитаніе, а также и общее положеніе Scharwerker въ большинствѣ случаевъ оставляло желать многаго“ (l. c. 74).

ничего болѣе, какъ увеличеніе рабочей силы, занятой въ земледѣліи.

Къ сожалѣнію, при теперешнемъ ходѣ развитія, на это нѣтъ никакихъ надеждъ; скорѣе насъ ждетъ печальный фактъ, что число сельскохозяйственныхъ рабочихъ, хотя повышеніе его настоятельно требуется въ интересахъ земледѣлія и всей націи, будетъ постепенно уменьшаться. Если нельзя опредѣлить этого уменьшенія въ цифрахъ, тѣмъ не менѣе невозможно сомнѣваться въ наличности этого факта“ [1]).

Не менѣе мрачно смотритъ на положеніе вещей проф. Зерингъ: „недостатокъ хорошихъ рабочихъ принялъ такіе размѣры, что часто дѣлаетъ невозможнымъ веденіе раціональнаго хозяйства. Во многихъ случаяхъ площадь зерновыхъ хлѣбовъ замѣняется засѣяннымъ лугомъ. Ежегодно повторяется такое явленіе, что жатва не можетъ быть произведена во-время, сѣно на лугахъ погибаетъ и картофель остается лежать въ полѣ свыше мѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достаточнаго количества рабочихъ силъ нѣльзя найти даже зимою“ [2]).

---

[1]) Die ländliche Arbeiterklasse, 165—170. Предположеніе Гольца объ уменьшеніи числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, высказанное въ 1893 году, вполнѣ подтвердилось, какъ уже знаетъ читатель, данными переписи 1895 года.

[2]) *Sering.* Die innere Kolonisation. 1893. Стр. 10. Ср. также Roth о Саксоніи: „изъ года въ годъ сельскохозяйственные рабочіе, число которыхъ должно было бы значительно возрасти съ повышеніемъ интенсивности хозяйства, уменьшалась въ числѣ въ Саксоніи, и дѣйствительно возникла нужда въ рабочихъ“ (1 с. 29) Ср. Герцогъ объ Эльзасъ-Лотарингіи: „мелкіе и средніе землевладѣльцы воздѣлываютъ всѣ свои имѣнія сами, тогда какъ крупные сдаютъ часть земли, чтобы такимъ образомъ избѣжать недостатка въ надежныхъ рабочихъ и освободиться отъ непріятностей, связанныхъ съ веденіемъ крупнаго хозяйства“. *Hertzog.* Die bäuerlichen Verhältnisse im Elsass. Strassburg, 1886. Стр. 26. Ср. также Untersuchungen der Lage und Redurfnisse der Landwirtschaft in Elsass-Lothringen. 1884. Стр. 17. Груненбергъ въ окончательномъ итогѣ новѣйшей анкеты о сельскохозяйственныхъ рабочихъ высказываетъ мнѣніе, что „сельскохозяйственные рабочіе больше чѣмъ прежде, стремятся уходить или, по крайней мѣрѣ, переводить своихъ дѣтей въ другія профессіи. Недостатокъ рабочихъ увеличивается и при данныхъ условіяхъ не достигъ еще своего высшаго пункта. Напротивъ, вѣроятно, что онъ значительно еще будетъ возрастать“. (*Grunenberg.* Die Landarbeiter etc., Tübingen. 1899, стр. 187). Бакгаузъ также не считаетъ возможнымъ сокращеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ безъ ущерба для хозяйства: „потребность въ сельско-

Нѣтъ основаній думать, чтобы этотъ недостатокъ рабочей силы могъ быть сполна замѣщенъ машинами: мы знаемъ, что такое замѣщеніе возможно только въ извѣстныхъ, весьма ограниченныхъ предѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ числа машинъ вовсе не былъ настолько значителенъ, чтобы уравновѣсить происшедшее уменьшеніе количества рабочихъ [1]). Кромѣ того, изъ

хозяйственныхъ рабочихъ можетъ быть понижена въ двухъ направленіяхъ: введеніемъ болѣе экстенсивнаго хозяйства и увеличеніемъ производства кормовыхъ травъ и скотоводства, въ особенности пастбищнымъ хозяйствомъ. Первый путь для прусскаго востока слѣдуетъ абсолютно отвергнуть. Напротивъ, растущіе запросы времени и прочее развитіе народнохозяйственныхъ условій востока вынуждаютъ сельскаго хозяина вести болѣе интенсивное хозяйство. Расширеніе производства кормовыхъ травъ уже энергично начато, главнымъ образомъ въ вост. Пруссіи; но и въ этомъ направленіи существуютъ извѣстныя границы и можно утверждать, что даже при большемъ расширеніи этого производства, нежели теперь, потребность въ рабочихъ не становится менѣе, потому что болѣе заботливый уходъ за скотомъ, увеличенное производство зимней пищи, лучшая обработка хлѣба и огородныхъ растеній и въ особенности чрезвычайно цѣлесообразная во многихъ случаяхъ культура корнеплодовъ для корма требуетъ большаго количества рабочей силы.. Если такимъ образомъ признать, что и при измѣнившейся хозяйственной организаціи для обширныхъ площадей восточнаго хозяйства потребность въ рабочихъ не уменьшается, напротивъ, судя по всѣмъ признакамъ, будетъ значительно расти, то уже теперь существующее бѣдствіе недостатка въ рабочихъ въ будущемъ приметъ еще болѣе критическій характеръ“ (1 с. 77).

[1]) Сравненіе данныхъ относительно числа различныхъ машинъ въ 1882 и 1895 году можетъ быть сдѣлано въ слѣдующей таблицѣ:

Размѣръ хозяйствъ	Паровые плуги		Сѣялки		Косилки.		Паровыя молотилки		Прочія молотилки.	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Ниже 2 гектаровъ.	3	4	4,807	214	48	545	4,211	35,066	6,509	15,951
2—5 . . .	7	25	4,760	551	78	600	10,279	52,830	21,221	66,653
5—20 . .	24	65	19,880	3,252	1,493	6,746	34,863	109,348	138,454	318,521
20—100.	92	277	22,975	12,091	10.681	19,535	17,960	46,778	115,172	180,515
Выше 100	710	1,325	15,320	12,565	7,334	7,978	8,377	15,342	150,11	15,169
Сумма . .	836	1,696	63,842	380,89	19,634	35,084	75,690	259,346	298,367	596.869

(Число сѣялокъ уменьшилось въ 1895 году, съ одной стороны, вслѣдствіе распространенія другихъ машинъ (Drillmaschinen), а частію по формально-статистическимъ основаніямъ, вслѣдствіе измѣненія способа собиранія

числа машинъ, приходящихся на долю крупнаго хозяйства, нужно исключить молотилки, въ особенности паровыя, наиболѣе распространеный видъ сельскохозяйственныхъ машинъ (въ 1895 году изъ 100 хозяйствъ выше 100 гектаровъ простыя молотилки имѣлись въ 60,53, паровыя въ 61,22). Какъ мы уже знаемъ, молотилки замѣщаютъ рабочую силу въ зимній періодъ, когда она имѣется въ изобиліи, тѣмъ самымъ только обостряя и запутывая „рабочій вопросъ“; въ замѣнѣ же убывающаго числа рабочихъ онѣ не играютъ никакой роли. Сюда же должны быть отнесены, безспорно, и паровые плуги. Остаются сѣялки (breitwurfige Saemaschinen были въ 50,14 хозяйствахъ, Drillmaschinen — въ 57,32), машины для разбрасыванія удобреній [1]) (имѣлись въ 37,32 случаяхъ) и косилки (въ 31,75 случаяхъ). Нужно признать вообще, что распространеніе машинъ въ крупномъ хозяйствѣ, которое работаетъ всегда капиталоинтенсивнѣе, чѣмъ мелкое и потому естественно отдаетъ предпочтеніе механическимъ факторамъ производства сравнительно съ живою рабочей силой, чрезвычайно недостаточно; принимая же во вниманіе происходящее уменьшеніе числа рабочихъ, оно становится еще недстаточнѣе и ужъ совершенно не соотвѣтствуетъ этому уменьшенію.

Наконецъ, ничѣмъ не доказано и, конечно, не можетъ быть доказано, чтобы предпріятія, имѣющія машины и составляющія въ нѣкоторомъ родѣ сельскохозяйственную аристократію, были именно тѣ, которыя наиболѣе страдаютъ отъ недостатка рабочей силы. Есть всѣ основанія думать, что, наоборотъ, тотъ самый недостатокъ капитала, который не позволяетъ удерживать высокой платой рабочихъ, мѣшаетъ обзавестись и хорошими машинами [2]). Итакъ, ссылка на происходящее будто бы замѣщеніе рабо-

---

свѣдѣній). Всѣ эти и дальнѣйшія свѣдѣнія заимствуются изъ анкеты 1895 года: „Die Landwirtschaft im Deutschen Reich. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Band 112. Berlin. 1898.

[1]) Да и относительно этихъ машинъ Бензингъ говоритъ: „Сѣялки и машины для разбрасыванія удобренія могутъ даже привлекать рабочихъ въ сельское хозяйство. Тогда какъ прежде для посѣва на опредѣленной площади земли требовался лишь единственный рабочій, Drillmaschine требуетъ напримѣръ для ухода за собой 2—3 человѣкъ, чтобы засѣять площадь равной или почти равной величины съ предыдущей“ (*Bensing*, l. c. 60).

[2]) На недостатокъ капитала, какъ причину недостаточнаго примѣненія машинъ, неоднократно указываетъ Бакгаузъ (l. c. 81, 240, 247). На то же

чихъ машинами, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается совершенно несостоятельной.

На основаніи всего вышесказаннаго общее положеніе крупнаго хозяйства въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, слѣдуетъ признать критическимъ. Тягость эта въ неравной степени, конечно, чувствуется различными хозяйствами. Всего менѣе она чувствуется группой тѣхъ хозяйствъ, которыя соединены съ какими-либо сельскохозяйственными производствами и имѣютъ возможность круглый годъ занимать рабочую силу и восполнять недочеты земледѣлія высокими прибылями сельскохозяйственной промышленности [1]). Но въ такомъ положеніи находятся болѣе

указываетъ большая ихъ распространенность на западѣ, чѣмъ на бѣдномъ капиталами востокѣ. Ср сопоставленіе у Бакгауза 1 с. 248, Tab 79.

[1]) Сельскохозяйственная промышленность въ Германіи—сахароваренie, пивоваренie, винокуренie и т д. развивается довольно успѣшно, хотя, конечно, занимаетъ относительно незначительное число сельскихъ хозяйствъ. Въ 1895 году было 350 или 0,01% хозяйствъ соединено съ сахарными фабриками, 5,922 или 0,11% съ винокуренными заводами, 439 или 0,01% съ крахмальными заводами, 47,098 или 0,85% съ мукомольными, 9,255 или 0,17% съ пивоварнями. И не нужно думать, что они соединены главнымъ образомъ съ крупными хозяйствами. Изъ 100 хозяйствъ, соединенныхъ съ каждымъ изъ производствъ, приходится на долю каждаго класса.

	Сахарное.	Винокуренное.	Крахмальное.	Мукомольное.	Пивоваренное.
Ниже 2 ha . . .	44,00	11,63	7,52	18,78	17,73
2—5	9.72	1,55	6,61	24,15	18,57
5—20	14,86	17,58	10,25	44,30	41,86
20—100	9,71	17,60	13.21	11,29	19,70
Выше 100.	21,71	46,64	62,41	1,48	2,14

Площадь производства сахарной свеклы составляла въ 1895 году 396,289 ha и занимала 113,244 хозяйствъ или 2,04%, а картофель въ цѣляхъ винокуренія производился въ 14.023 или 0,25%. Подавляющее количество производилось въ мелкихъ хозяйствахъ:

	Сах. свекла.	Картофель.
Ниже 2 ha	9,52	4,03
2— 5	18,91	6,75
5— 20	41,63	21,56
20— 100	23,53	30,61
Выше 100	6,41	37,05

крѣпкіе капиталомъ предприниматели, которые могутъ имѣть успѣхъ и безъ помощи сельскохозяйственныхъ производствъ. Но тѣмъ безвыходнѣе положеніе задолженныхъ и слабыхъ капиталомъ хозяевъ. Какъ было уже замѣчено выше, ихъ положеніе невыгоднѣе чѣмъ англійскихъ фермеровъ, ибо они не могутъ вести болѣе экстенсивное хозяйство. Этого не позволяетъ высокая задолженность, высокія издержки производства и вся совокупность экономическихъ условій. Кризисъ и паденіе цѣнъ въ Германіи не былъ такъ жестокъ, какъ въ Англіи, и затруднилъ веденіе хозяйства, но не лишилъ его возможности прогрессировать. Мы знаемъ изъ теоретическихъ главъ, что небольшое пониженіе цѣнъ, вызывающее напряженіе техники и сопровождающееся удешевленіемъ средствъ производства и ростомъ рынка, можетъ сопровождаться ростомъ ренты и, слѣдовательно, цѣны земли. Это и было до самаго послѣдняго времени въ Германіи. Но для полнаго использованія земельной ренты требуется извѣстная высота интенсивности хозяйства; въ случаѣ недостаточной ея высоты остается неиспользованнымъ самый дорогой инструментъ производства — земля; при неспособности же вести хозяйство съ полученіемъ максимальной ренты (а это, мы видѣли во введеніи, есть идеалъ именно для юнкерскаго хозяйства), выгоднѣе просто прекращеніе хозяйства и отчужденіе земли. Если въ благопріятныя для крупнаго хозяйства времена его можно было вести и не на высотѣ техники, то теперь техническое совершенство дѣлается единственно возможнымъ условіемъ выгоднаго веденія хозяйства. Аугагенъ [1]) мѣтко замѣчаетъ: „что сельское хозяйство въ столь высокой степени разви-

---

Что касается молочнаго хозяйства и продажи молока, получившихъ особенное распространеніе съ ростомъ городовъ, то доля крупнаго хозяйства здѣсь будетъ ясна изъ слѣдующихъ цифръ. Общее число хозяйствъ, имѣвшихъ молочное дѣло въ городахъ, (I) 41,930, и хозяйствъ, соединенныхъ въ Molkereigenossenschaften или Sammelmolkereien, (II) 148,082, распредѣлялась:

	I.	II.
Ниже 2 ha	21,46	6,95
2— 5	26,35	21,49
5— 20	36,59	36,19
20—100	13,54	29,42
Выше 100	2,06	5,95

[1]) *Auhagen* Ueber Gross—und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft, 51.

лось во многихъ мѣстахъ въ крупномъ производствѣ, слѣдуетъ приписать угнетенному состоянію земледѣлія". Крупное производство должно теперь прогрессировать, если хочетъ удержаться. На основаніи тѣхъ недостаточныхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ относительно доходности крупнаго сельскаго хозяйства, мы должны также заключить, что при общей малодоходности и нерѣдко бездоходности хозяйства средній или даже высшій доходъ получается въ тѣхъ хозяйствахъ, которыя стоятъ на высотѣ техники или же соединены съ какимъ-нибудь техническимъ производствомъ [1]).

Итакъ, новѣйшее направленіе развитія народнаго хозяйства создаетъ такую обстановку, при которой нѣкоторая часть крупнаго хозяйства въ земледѣліи оказывается совершенно несостоятельна. Для нея есть болѣе почетный и, главное, болѣе выгодный способъ ликвидаціи, нежели принудительная продажа: это про-

[1]) Баккаузъ сопоставляетъ показанія сельскохозяйственныхъ союзовъ и результаты собственной анкеты: „Восточнопрусскій сельскохозяйственный центральный союзъ рисуетъ общій результатъ какъ для 1896, такъ и 1897 года въ неблагопріятномъ свѣтѣ Признается нѣкоторый хозяйственный подъемъ въ 1897 году благодаря улучшенію цѣнъ на скотъ и хлѣбъ и нѣкоторый техническій прогрессъ, но онъ снова задерживается неблагопріятными жатвами, ростомъ общихъ тягостей и въ особенности становящимся все затруднительнѣе рабочимъ вопросомъ При этомъ сообщается; что цѣна земли непрерывно растетъ. Центральный союзъ для Littauen и Masuren также выражаетъ жалобы, но упоминаетъ въ 1896 году, что болѣе развитое и передовое скотоводство постепенно вызываетъ подъемъ доходности. О 1897 годѣ сообщается. что онъ въ общемъ и цѣломъ не увеличилъ дефицита, но и не оказалъ вліянія въ направленіи его уменьшенія. Сельскохозяйственная камера въ западной Пруссіи основываетъ свои вычисленія относительно результатовъ введенія сельскохозяйственнаго предпріятія на показаніяхъ отдѣльныхъ имѣній, предоставившихъ въ распоряженіе свои балансы. Эти балансы сводятся къ минусамъ, почему камера произноситъ неблагопріятное сужденіе относительно доходности всего сельскаго хозяйства Сельскохозяйственная камера Помераніи пишетъ о 1896 годѣ: „несмотря на весь прогрессъ, несмотря на всю личную дѣятельность сельскихъ хозяевъ Помераніи, времена становятся все тревожнѣе". (Backhaus, l. c 252—3). На стр. 254—6 Баккаузъ приводитъ подлинные отзывы хозяевъ, данные въ отвѣтъ на его запросы. Они весьма разнообразны. Условіемъ благопріятнаго положенія дѣла Баккаузъ указываетъ: „болѣе значительный капиталъ предпріятія, употребленіе искусственнаго удобренія, техническія производства". Въ общемъ же „отчеты даютъ неблагопріятную картину состоянія доходности сельскаго хозяйства въ цѣломъ" (l. c. 256).

дажа въ раздробь, крестьянскими участками. Мы знаемъ изъ теоретическихъ главъ, почему цѣна мелкихъ участковъ стоитъ выше цѣны крупныхъ участковъ. Здѣсь ограничимся слѣдующей иллюстраціей *выгодности* такого раздробленія имѣній для тѣхъ владѣльцевъ, которые не могутъ сами вести хозяйства. По актамъ Landschaft такого очага латифундій какъ Познань за періодъ 1891—95 цѣны земли за гектаръ были [1]).

при мелкомъ владѣніи .	732	марки.
при среднемъ владѣніи .	654	„
при крупномъ владѣніи .	537	„

Въ извѣстныхъ случаяхъ продажа (тамъ напримѣръ, гдѣ она невозможна какъ въ фидеикоммиссахъ) замѣняется арендой Въ томъ и другомъ случаѣ смыслъ процесса остается одинъ: *крупное производство въ Германіи уступаетъ мѣсто мелкому крестьянскому*. Пока мы изучили только одну сторону процесса: несостоятельность крупнаго хозяйства. Насколько можно предусматривать условія, вызывающія эту несостоятельность, слѣдуетъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ ихъ дальнѣйшаго усиленія [2]).

Направленіе развитія крупнаго хозяйства можно опредѣлить поэтому какъ тенденцію къ разложенію въ мелкое крестьянское

[1]) *Sarrazin.* Die Entwickelung der Preise des Grund und Bodens in der Provinz Posen въ Thiel's Landw. Jahrb. 1897, стр. 825 (Цит. у Бакгауза, 87) Кнапп говоритъ: „весьма поучителенъ примѣръ изъ округа Kolberg-Koslin. Тамъ съ конца 70-хъ годовъ до 1894 безъ всякаго государственнаго посредства было раздроблено 11 крупныхъ имѣній. Изъ нихъ образовалось 75 имѣній и 239 клочковъ (изъ нихъ отъ 30 до 40 несамостоятельны). Въ высшей степени характерный симптомъ для положенія сельскаго хозяйства на востокѣ' (Knapp. l. c. 23) Ср. интересное сопоставленіе относительно округа Graudenz (статья въ Bauerliche Zustande. *M. Conrad* Ueber die bäuerlichen Verhältnisse im Kreise Graudenz): до 60-хъ годовъ здѣсь быстрѣе возрастали цѣны на крупные участки, чѣмъ на мелкіе, въ результатѣ чего мелкіе консолидировались съ крупными; съ 70-хъ годовъ происходитъ обратное: цѣна на мелкіе участки становится выше, чѣмъ на крупные, и послѣдніе раздробляются и распродаются по частямъ.

[2]) *Karl Klawki* въ цитированномъ изслѣдованіи произноситъ слѣдующій приговоръ: „для крупнаго хозяйства прогнозъ на будущее неблагопріятенъ. Бѣдствіе прежде всего лежитъ въ усиливающихся изъ года въ годъ затрудненіяхъ относительно рабочихъ. Пока этому злу нельзя будетъ помочь, крупное хозяйство въ особенности въ эпоху аграрнаго кризиса, будетъ располагать наименьшей устойчивостью“ (Thiel's Landw. Jahrb 1899. III—IV, 483—4).

хозяйство. И въ добрый часъ! Цивилизація только выиграетъ, если исчезнутъ эти свитыя крѣпостнымъ правомъ и до сихъ поръ напоенныя его ядомъ гнѣзда, благополучіе которыхъ основано на невѣжествѣ, безправности и нищетѣ рабочихъ массъ.

Никто не можетъ предсказать, насколько большая часть крупныхъ хозяйствъ будетъ смыта съ лица земли благодѣтельнымъ (въ данномъ случаѣ) дѣйствіемъ аграрнаго кризиса. Несомнѣнно однако, что уцѣлѣютъ лишь дѣйствительно крѣпкія хозяйства, способныя обезпечить своимъ рабочимъ человѣческія условія существованія; старыя формы эксплуатаціи, во всякомъ случаѣ, не возродятся въ этихъ новѣйшихъ формахъ крупнаго хозяйства будущаго. Эти хозяйства въ настоящее время обнаруживаютъ прогрессъ техники и производительности почвы, въ соотвѣтствіи требованіямъ времени. И прогрессъ этихъ хозяйствъ образуетъ встрѣчную тенденцію въ развитіи крупнаго хозяйства, противоположную и затемняющую дѣйствіе предыдущей.

Обратимся теперь къ точнымъ даннымъ статистики,—сравненію сельскохозяйственной переписи 1882 и 1895 года. Основной фактъ, который обнаруживается этимъ сравненіемъ, это выясненное уже нами вытѣсненіе крупнаго хозяйства мелкимъ, и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Приведемъ сперва общія цифры для всей Имперіи и отдѣльно для Пруссіи, Саксоніи и Баваріи.

Хозяйства.	Число хозяйствъ.		Сельскохозяйств площадь.		Относительныя цифры. Число хозяйствъ		Сельскохоз. площадь.	
	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882
Ниже 2 ha	3,236,367	3,061,831	1,808,444	1.825,938	58 23	58,03	5,56	5,73
2—5	1,016,318	981,407	3,285,984	3,190,203	18,28	18,60	10,11	10,01
5—20. . . .	998,804	926,605	9,721,875	9,158,398	17,97	17,56	29,90	28,74
20—100. . .	281,767	281,510	9,869,837	9,908,170	5,07	5,34	30,35	31,09
Выше 100	25,061	24,991	7,831,801	7,786,263	0,45	0,47	24,08	24,43
Всего	5,558,317	5,276,344	32,517,941	31,868,972	100	100	100	100

Общая сельскохозяйственная площадь возрасла и благодаря этому увеличилась площадь всѣхъ категорій хозяйствъ (кромѣ хозяйствъ 20—100 гектаровъ), и это увеличеніе затемняетъ

измѣненія въ распредѣленіи хозяйствъ, которое однако, уясняется изъ сопоставленія относительныхъ чиселъ. Но Германская имперія въ цѣломъ представляетъ собою слишкомъ обширную территорію, благодаря чему маскируются процессы, происходящіе въ разныхъ ея частяхъ. Насъ интересуетъ здѣсь прежде всего Пруссія, какъ страна съ наибольшимъ количествомъ крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ. Приведемъ данныя относительно Пруссіи. (См. табл. I на стр. 122).

Процессъ развитія среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ отъ 5 до 20 гектаровъ на счетъ крупныхъ становится яснѣе на данныхъ, касающихся всей Пруссіи; но онъ станетъ еще яснѣе, если мы обратимся къ восточнымъ провинціямъ, настоящей резиденціи крупнаго хозяйства. Изъ экономіи мѣста мы приведемъ только цифры разницы между 1882 и 1895 годомъ (+ значитъ увеличеніе, —уменьшеніе; рядомъ стоятъ и разницы въ относительной величинѣ каждой группы); вмѣстѣ съ цифрами касательно провинцій корол. Пруссіи приводимъ и данныя, относящіяся къ отдѣльнымъ частямъ Германской Имперіи (см. таблицу II на стр. 123—124).

Недвусмысленное свидѣтельство этихъ цифръ заставляетъ признать, что среднекрестьянское хозяйство растетъ повсемѣстно; во многихъ мѣстностяхъ растетъ и мелкое хозяйство. Крупное хозяйство, напротивъ, значительно убываетъ въ своихъ центрахъ, а именно въ зап. Пруссіи, Бранденбургѣ, Помераніи, Познани, Силезіи, Саксоніи (кромѣ лишь одной восточной Пруссіи и Мекленбургъ-Стрелица). Нѣкоторый ростъ оно обнаруживаетъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ изстари утвердилось крестьянское хозяйство и гдѣ это увеличеніе представляется необъяснимой случайностью (быть можетъ, новыя земли привлекались здѣсь къ обработкѣ именно въ формѣ крупнаго хозяйства), но этотъ ростъ, не сопровождаясь сокращеніемъ крестьянскаго хозяйства, а наоборотъ дальнѣйшимъ усиленіемъ его, не характеризуетъ общаго направленія развитія. Таковы Вестфалія, Рейнландъ, Гессенъ-Нассау, Баварія, Вюртембергъ, Баденъ. Именно такое территоріальное распредѣленіе абсолютнаго прироста крупнаго хозяйства окончательно убѣждаетъ въ томъ, что приростъ этотъ не характеризуетъ собой эволюціоннаго процесса и его значеніе нейтрализуется, такъ сказать, этимъ распредѣленіемъ.

Особенно наглядно тенденція къ децентрализаціи въ Пруссіи выступаетъ на распредѣленіи аренды. На таблицѣ III (см. стр. 125)

Таблица I.

	Хозяйства ниже 2 ha		Хозяйства 2—5 ha.		Хозяйства 5—20 ha		Хозяйства 20—100 ha		Хозяйства выше 100 ha	
	Число	Сельскохоз. пл	Число.	Сельскохоз. пл	Число.	Сельскохоз пл.	Число.	Сельскохоз пл.	Число.	Сельскохоз. пл.
1895	2,048,113	1,049,664	522,785	1,676,084	528,729	5,192,816	188,114	6,840,992	20,390	6,612,469
	61,91%	4,91%	15,80%	7,84	15,98%	24,30%	5,69%	32,01%	0,62%	30,94%
1882	1,865,158	1,031,256	493 254	1,607,200	474 387	4,777,551	186,958	6,831,394	20,439	6,606,131
	61,35%	4,94%	16,23%	7,71	15,60%	22,91%	6,15%	32,76%	0,67%	31,68%
Разница.	+ 183,955	+ 18,408	+ 29,526	+ 68,884	+ 54 342	+ 415,265	+ 2,156	+ 9,598	— 49	+ 6,338
	+ 0,56	— 0,53	— 0,43	+ 0,13	+ 0,38	+ 1,39	— 0,46	— 0,75%	— 0,05%	— 0,74%

Таблица II.

	До 2 ha		От 2 до 5 ha.		От 5 до 20 ha.		От 20 до 100 ha		От 100 и выше ha.	
	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства.	Пашня	Хозяйства	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.
Восточн. Пруссія.	+ 28,222 — 0,78	+ 356 + 0,25	+ 4,520 — 0,38	+ 13 700 + 0,35	+ 6.221 — 0,12	+ 44,426 + 0,98	— 379 — 2,53	— 5,096 — 2,45	+ 232 — 0,19	+ 75,512 + 0,87
Западн. Пруссія. .	+ 14,226 — 0,32	+ 5,462 + 0,25	+ 3,353 + 0,34	+ 10,148 + 0,51	+ 6,452 + 1,63	+ 60,489 + 3,19	+ 400 — 1,30	+ 9,243 — 0,50	— 111 — 0,35	— 32,551 — 3,45
Бранд. съ Берлин.	+ 12,658 — 0,36	+ 3,361 + 0,13	+ 4,656 + 0,66	+ 10,105 + 0,43	+ 4,524 + 0 41	+ 31,425 + 1,31	+ 24 — 0,61	— 14,177 — 0,79	— 94 — 0,10	— 20,490 — 1,08
Померанія . . .	+ 5,180 — 1,41	+ 4,970 + 0,18	+ 1,788 — 0,41	+ 695 — 0,06	+ 5,708 + 2,12	+ 52,155 + 2,20	+ 629 — 0,14	+ 11.568 — 0,03	— 83 — 0,16	— 16,253 — 2,29
Познань.	+ 31,613 + 4,23	+ 10,335 + 0,45	+ 3,454 — 0,71	+ 9,204 + 0,38	+ 4,523 — 2,12	+ 43,930 + 1,75	+ 753 — 1,03	+ 20 774 + 0,61	— 119 — 0.37	— 44,457 — 3,18
Силезія	+ 4,96 — 1,06	— 7,427 — 0,34	+ 194 — 0,49	— 267 — 0,13	+ 8.586 + 1,84	+ 63,749 + 2,17	— 601 — 0,27	— 176,789 — 1,15	— 29 — 0,02	— 4,319 — 0,55
Саксонія	+ 20,573 + 1,89	+ 4,809 + 022	— 174 — 0,99	— 2,209 — 0,19	+ 1,969 — 0,38	+ 6.810 + 0,18	— 201 — 0,49	— 8,561 — 0,81	+ 37 — 0,03	— 15,478 + 0,60
Шлезв. Голшт. .	— 2,263 — 1,00	— 978 — 0,09	— 809 — 4,45	— 2,963 — 0 26	+ 1,206 + 1,08	+ 13,365 + 0,71	+ 236 + 0,36	+ 8,970 — 0,16	— 10 + 0,01	+ 111 — 0,20
Ганноверъ	+ 5,823 — 1,13	- 7,515 — 0,65	+ 5,836 + 0,82	+ 20,218 + 0,81	+ 5 214 + 0,77	+ 46,864 + 28,74	— 380 — 0 46	— 13,036 — 2,12	+ 27 0,00	+ 7,649 0,22
Вестфалія. . . .	+ 32,495 + 1,75	— 892 — 0,58	+ 2,492 — 0,90	+ 8,486 + 0,15	+ 2,501 — 0,54	+ 21,888 + 0,41	+ 380 — 0,31	+ 13,466 — 0,51	+ 26 0,00	+ 8,209 + 0,53
Гессенъ-Нассау . . .	+ 6,988 — 0,29	+ 124 - 0,32	+ 3,532 + 0,29	+ 1,748 + 0,14	+ 2,493 + 0,16	+ 21,519 + 0,38	— 54 — 0,16	— 2,136 — 0,85	+ 21 0,00	+ 6,422 + 0,65
Рейнландъ	+ 27,894 + 0,89	12,411 — 0,45	+ 1,392 — 0,86	5,975 — 0,81	+ 4,384 — 0,01	+ 14 228 + 0,09	+ 418 — 0,03	+ 10,793 + 0,33	+ 57 + 0,01	+ 12,412 + 0,84

Таблица II (продолженіе)

	До 2 ha.		Отъ 2 до 5 ha		Отъ 5 до 20 ha.		Отъ 20 до 100 ha		Отъ 100 и выше ha.	
	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства	Пашня.	Хозяйства.	Пашня.	Хозяйства	Пашня.	Хозяйства	Пашня.
Пруссія	+ 183,955 + 0,56	+ 18,408 — 0,03	+ 29,526 — 0,43	+ 68,884 0,13	+ 54,342 + 0,38	+ 415,265 + 1,39	+ 2,156 — 0,46	+ 9,598 — 0'75	— 49 — 0,05	+ 6,338 — 0,74
Баварія.	— 27,768 — 2,85	— 18,394 — 0,46	— 21 + 0.65	+ 4 084 — 0,01	+ 9,013 + 2,17	+ 77.879 — 1,39	— 987 + 0,03	— 41,535 — 1,23	+ 27 0,00	+ 14,131 + 0.31
Кор. Саксонія	— 152 — 0,16	— 3,338 — 0,36	— 513 — 0,33	— 80,793 — 0,13	+ 1,055 + 0,47	+ 8,086 + 0 62	+ 96 + 0,03	+ 409 — 0,10	— 3 — 0,1	+ 409 — 0,03
Вюртембергъ. . . .	— 8 807 — 2,45	— 11,008 — 0,25	+ 3,067 + 1,12	+ 12,326 + 0,41	+ 3,700 + 1,29	+ 31,162 + 1,44	0 + 0,03	— 1,880 — 0,74	+ 15 + 0,01	+ 2,464 + 0,14
Баденъ	+ 1.678 — 0,18	— 2,740 — 0,47	+ 2.125 + 0,43	+ 6,499 + 0,65	+ 189 — 0,18	— 1,397 — 0,49	— 154 — 0,09	— 6,332 — 0,95	+ 34 + 0,02	+ 9,490 + 1,26
Гессенъ.	+ 3,118 + 1,54	+ 1,351 + 0,21	— 167 — 1,01	+ 135 — 0,17	+ 398 — 0,41	+ 4,101 + 0,48	— 34 — 0,08	— 756 — 0,52	— 1 — 0,01	+ 190 0
Эльз Лот.	— 2,808 — 0,71	— 6,253 — 0,86	— 799 — 0,14	— 2,014 — 0,34	+ 1,722 + 0,85	+ 12,936 + 1.55	— 47 0	— 2,793 — 0,42	+ 13 0	+ 742 — 0,23
Мекл. Швер . . .	+ 2,596 — 0,54	— 848 — 0.10	+ 1,042 + 0,78	+ 3,054 + 0,34	+ 394 + 0,16	+ 3,745 + 0 42	— 51 — 0,33	— 6,360 — 0,72	— 9 — 0,07	+ 645 + 0,06
Мекл. Стрел . . .	+ 115 — 0,30	+ 182 + 0,01	+ 70 + 0,34	+ 181 + 0,06	— 11 — 0,12	— 36 — 0,18	+ 10 0	+ 1,893 + 0,32	+ 16 + 0,08	+ 2,554 — 0,21
Герм. Имп. . . .	+ 174,536 + 0.20	— 17,494 — 0,17	+ 34,911 + 0,32	+ 95,781 + 0,10	+ 72,199 + 1,16	+ 563,477 + 1,16	+ 257 — 0,27	— 38,333 — 0,71	+ 1,070 — 0,02	+ 45,538 — 0,35

Таблица III.

	Число хозяйствъ на арендн. землѣ.	Арендная площадь.	Ниже 2 ha.		2—5 ha.		5—20 ha.		20—100 ha.		Выше 100 ha.	
			Число.	Площадь	Число.	Площадь	Число.	Площадь.	Число.	Площадь	Число.	Площадь.
В. Пруссія .	+ 3,239	— 15,387	+ 2,502	+ 1,537	+ 695	+ 5,269	+ 122	+ 4,606	+ 40	— 1,330	— 47	— 25,467
			— 1,51%	+ 1,18	+ 1,91	+ 3,11	+ 0,10	+ 3,16	— 0,22	+ 0,24	— 0,31	— 7,68
З Пруссія .	+ 4,344	+ 1,893	+ 3,314	+ 1,993	+ 505	+ 3,512	+ 629	+ 10,835	+ 3	— 2,570	— 7	— 12 877
			— 1,60%	+ 1,14	+ 0,46	+ 2,05	+ 1,56	+ 6,36	— 0,23	+ 1,71	— 0,19	— 7,84
Брандеп. съ Берлиномъ.	— 1,001	+ 18,049	— 1,756	+ 6,601	+ 600	+ 10,316	+ 152	+ 21,560	+ 37	+ 8,776	— 34	— 29,404
			— 1,40%	+ 0,30	+ 1,09	+ 2,39	+ 0,29	+ 4 91	+ 0,07	+ 1,78	— 0,05	— 10,38
Померанія .	+ 2,328	— 5,608	+ 1,257	+ 1,141	+ 484	+ 5,005	+ 452	+ 15,027	+ 66	+ 7,279	— 31	— 34,060
			— 2,13%	+ 0,30	+ 1,15	+ 1,19	+ 1,15	+ 8 57	+ 0,08	+ 8,81	— 0,25	— 6,87
Познань . . .	+ 8,205	+ 1,175	+ 8,581	+ 6,317	+ 430	+ 4,726	+ 203	+ 9,673	+ 6	+ 1,468	— 15	— 21,009
			+ 1,71%	+ 2,31	— 0,18	+ 1,72	+ 0,14	+ 3,53	— 0,36	+ 0,50	— 1,03	— 8,06
Силезія . . .	+ 162	— 1,433	— 395	+ 183	+ 396	+ 8,333	+ 252	+ 18,478	+ 49	+ 3,613	— 40	— 32,040
			— 1,02%	+ 0,09	+ 0,73	+ 2,15	+ 0,28	+ 4.73	+ 0,09	+ 0,93	— 0,08	— 7,90
Саксонія . .	— 2,811	+ 6,626	— 3,263	+ 1,453	+ 413	+ 3,705	+ 146	+ 12,946	+ 30	+ 6,420	— 37	— 17,798
			1,01%	+ 0,16	+ 0,72	+ 0,73	+ 0 21	+ 2,76	+ 0,06	+ 1,31	— 0,03	— 4,96
Вестфалія . .	+ 26,532	+ 43,331	+ 24,671	+ 316	+ 1,363	+ 9,291	+ 391	+ 17,662	+ 101	+ 9 860	+ 6	+ 6,202
			— 1,01%	— 4,95	+ 0,31	+ 0,58	+ 0,06	+ 2,97	— 0,01	+ 0,63	— 0,01	+ 0,77
Рейнландъ .	+ 24,782	+ 33,154	+ 24,572	— 539	+ 175	+ 3,650	— 190	+ 17,141	+ 206	+ 10,200	+ 19	+ 2,702
			+ 1,32%	— 1,79	+ 0,34	— 0,43	— 0,95	+ 1,93	— 0,13	+ 0,08	0	+ 0,21
Пруссія (кор.)	+ 79,456	+ 171,846	+ 65,044	+ 17,805	+ 10,776	+ 83,051	+ 3,157	+ 172,147	+ 685	+ 81,191	— 206	— 172,358
	+ 12,75	+ 4,83	— 1,16%	— 0,05	+ 1,05	+ 1,77	+ 0,22	+ 3,89	— 0,01	+ 1,41	— 0,10	— 7,02

приведены данныя, касающіяся измѣненій съ 1882 по 1895 г. общаго числа хозяйствъ, состоящихъ только изъ арендованной земли, далѣе общей площади арендуемой земли и, наконецъ, каждой группы хозяйствъ по размѣрамъ. Оказывается, что во всѣхъ провинціяхъ съ значительнымъ распространеніемъ крупныхъ хозяйствъ замѣтно сокращаются крупныя аренды и развиваются мелкія: аренда является болѣе чуткимъ показателемъ происшедшихъ перемѣнъ чѣмъ хозяйство на собственной землѣ; и опять нѣкоторый (хотя и незначительный) ростъ крупныхъ арендъ приходится на крестьянскія Вестфалію и Рейнландъ, гдѣ параллельно усиливаются однако и крестьянскія аренды.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ цифръ мы считаемъ совершенно правильнымъ выводъ авторовъ текста въ анкетѣ 1895 года, что среднекрестьянское хозяйство усилилось на счетъ парцеллярнаго хозяйства и крупнаго хозяйства [1]); еще болѣе чѣмъ крупное потеряло крупнокрестьянское хозяйство.

Признакомъ, свидѣтельствующимъ объ упадкѣ крупныхъ хозяйствъ, является, далѣе, увеличеніе латифундій, хотя прогрессъ сельскаго хозяйства, ростъ его интенсивности долженъ сопровождаться ихъ раздробленіемъ. Въ хозяйствахъ выше 100 гектаровъ произошли слѣдующія измѣненія.

	Пашня.	Число.
100— 200 ha	+24,054	+217
200— 500 ha	—80,886	—183
500—1000 ha	+ 8,356	— 21
выше 1000 ha	+94,014	+ 57
Всего выше 100 ha	+45,538	+ 70

Такимъ образомъ, группа отъ 100 ha до 200 получаетъ небольшое увеличеніе, которое однако совершенно уничтожается огромной потерей сосѣдней группы 200—500 ha (эта группа, вѣроятно, и состояла изъ наиболѣе интенсивныхъ хозяйствъ). Зато чрезвычайно значителенъ ростъ латифундій свыше 1000 гектаровъ; крупнѣйшія хозяйства группы отъ 500 до 1000 ha также увеличились въ среднихъ размѣрахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ уменьшеніе ихъ числа, при нѣкоторомъ, хотя и слабомъ, увеличеніи площади. Слѣдуетъ сюда еще присоединить, что хозяй-

[1]) Landwirtschaft im Deutschen Reich, стр. 11.

ство выше 100 ha, несмотря на увеличеніе площади, не увеличили, а уменьшили количество рабочаго скота (хотя и незначительно. на 360 штукъ; единственной группой хозяйствъ, увеличившихъ свой скотъ, оказываются среднекрестьянскія хозяйства отъ 5 до 20 гектаровъ: количество ихъ рабочаго скота возрасло на 30,407 штукъ). Уменьшеніе или, по крайней мѣрѣ, неподвижное состояніе рабочаго скота въ крупныхъ хозяйствахъ не можетъ быть объяснено ростомъ числа машинъ, потому что никакія машины (развѣ только паровые плуги) не уменьшаютъ потребности въ рабочемъ скотѣ, наоборотъ, съ ростомъ интенсивности хозяйства она растетъ, а отсутствіе этого роста можетъ быть поставлено въ связь лишь съ регрессомъ крупнаго хозяйства, уменьшеніемъ его интенсивности вмѣстѣ съ ростомъ латифундій; то же значеніе имѣетъ. конечно, выше разъясненный фактъ уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ [1]).

[1]) Любопытно, что одновременно съ уменьшеніемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и появленіемъ другихъ признаковъ регресса крупнаго хозяйства увеличивается число высшихъ служащихъ, управляющихъ и т. д съ 66,644 обоего пола до 96,173. Трудно сказать, чѣмъ объяснить этотъ приростъ. съ одной стороны, ростомъ абсентеизма, который прогрессу сельскаго хозяйства, конечно, никоимъ образомъ не содѣйствуетъ, съ другой ростомъ латифундій, требующихъ болѣе многочисленныхъ служащихъ, абсолютнымъ, хотя и небольшимъ приростомъ общаго числа крупныхъ хозяйствъ, развитіемъ, наконецъ, сельскохозяйственной индустріи, винодѣлія и т. д. За сколько-нибудь существенный признакъ этого увеличенія мы во всякомъ случаѣ не считаемъ. Слѣдующія данныя показываютъ распространенность абсентеизма и веденія хозяйства администраціей въ четырехъ восточныхъ провинціяхъ:

	В. Пруссія.		З. Пруссія.		Померанія.		Познань.	
	Двор.	Недвор	Двор	Недвор	Двор.	Недвор.	Двор.	Недвор
Число имѣній . .	564	1,545	446	1,124	1,178	1,038	1,232	1,064
Число имѣній, обитаемыхъ владѣльцами	273	1,370	245	920	489	858	617	819
Число имѣній, не обитаемыхъ владѣній	291	175	191	204	682	180	615	245
Число имѣній, управляемыхъ администраціей	145	142	146	221	248	139	459	249

(Backhaus, l. c. 31).

Вполнѣ естественно, что провинціи съ преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія характеризуются вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе интенсивнымъ хозяйствомъ сравнительно съ районами, гдѣ преобладаетъ крестьянское хозяйство. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія средней производительности въ доппельцентнерахъ (100 kg.) съ гектара въ прусскихъ провинціяхъ (данныя относятся къ 1897 году).

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Картофель.	Овесъ.	Луговое сѣно	Количество земли подъ паромъ въ 1893 году въ процентахъ.
Вост. Пруссія. . .	10,3	11,4	8,5	74,4	6,9	21,7	12,57
Зап Пруссія . . .	9,2	16,1	12,3	96,7	8,6	24.3	7,19
Бранденбургъ.	9,8	15,5	12,7	63,6	10,3	25,0	9,34
Померанія	10,1	16,8	11,9	100,6	9,0	23,0	5,04
Познань	10,4	12,9	10,6	99,4	9,1	23,5	6,28
Силезія	10,5	12,8	12,5	87,7	11,2	28,5	1,41
Саксонія	14,0	20,9	19,0	111,3	15,7	31,2	2.97
Шлезвигъ-Г. . . .	13,1	23,4	14,4	84,7	12,6	25,6	5,17
Ганноверъ	13,3	19,7	14,9	108,2	13,6	30,0	1,87
Вестфалія	13,7	15,2	12,5	109,0	12,9	34,2	3,90
Гессенъ-Нассау . . .	12,5	14,8	11,6	101,7	12,9	34,3	2,77
Рейнландъ	14,3	15,6	13,3	103,0	15,3	31,9	4.50
Кор. Пруссія	11,3	15,9	13,2	96,8	11,4	27,1	5,56
Баварія	12,0	12,9	12,7	96,4	13,5	53,4	
Саксонія	13,6	20,3	16,5	104,6	14,9	38,4	
Герм. Имперія . . .	11,6	15,2	13,5	97,6	12,1	35,9	

Восточныя провинціи обнаруживаютъ самую низкую производительность; сопоставленіе этого признака съ количествомъ земли подъ паромъ не оставляетъ сомнѣнія, что это различіе не можетъ быть объяснено климатическими условіями [1]), но должно коре-

[1]) Проф. Бакгаузъ на основаніи геологическихъ и агрономическихъ изслѣдованій приходитъ къ выводу, что существенныхъ различій съ этой

ниться въ различной степени интенсивности хозяйства. Этому, конечно, соотвѣтствуютъ и различія въ количествѣ земледѣльческаго капитала. У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ, но на основаніи статистики о подоходномъ налогѣ вся сумма капиталовъ въ деревнѣ (auf dem platten Lande) свыше 3000 марокъ въ 1895—96 году была для вост. Пруссіи 118,76 милліоновъ, зап. Пруссіи 101,10, Помераніи 203,23, Познани 140,71, Саксоніи 505,23, Ганновера 330,86, Вестфаліи 319,37, Рейнланда 603,89. Бранденбурга 718,20, Силезіи 730,89, Шлезвигъ-Голштейнѣ 251,68. „Число цензитовъ съ доходомъ, высшимъ 3000 марокъ—говоритъ Бакгаузъ [1]), у котораго мы заимствуемъ эти цифры,—въ западныхъ провинціяхъ, несмотря на господство крестьянскаго хозяйства, много выше нежели въ восточныхъ; тоже самое, имѣетъ силу и относительно количества капитала“. Съ высшей задолженностью востока въ сравненіи съ западомъ мы уже познакомились. И въ этомъ „отчетливо выступаетъ недостатокъ капитала на востокѣ“ [2]).

Сельскохозяйственную отсталость аграрнаго востока сравнительно съ промышленнымъ западомъ, явствующую изъ всѣхъ выше сдѣланныхъ сопоставленій, мы не думаемъ относить исключительно на счетъ господства здѣсь крупнаго хозяйства: рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ, какъ выяснено во введеніи, количество неземледѣльческаго населенія, размѣры рынка (хотя, мы знаемъ, общая экономическая отсталость востока находится несомнѣнно въ связи съ распространенностью здѣсь крупнаго хозяйства и проистекающей отсюда рѣдкостью населенія). Поэтому районами съ наиболѣе высокой производительностью почвы оказы-

стороны между востокомъ и западомъ Пруссіи нѣтъ, климатическія различія, хотя и значительны, и обусловливаютъ нѣкоторую разницу культуръ и повышаютъ издержки производства, но также не могутъ объяснить различій въ производительности востока и запада. „Сельское хозяйство прусскаго востока, согласно результатамъ нашего изслѣдованія, обнаруживаетъ въ общемъ гораздо болѣе экстенсивный характеръ нежели запада. Конечно, существуютъ отдѣльныя исключенія, существуютъ имѣнія, затрачивающія много труда и капитала. Но въ общемъ и цѣломъ обработка почвы, удобреніе, скотоводство, количество промысловъ, затрата капитала,—все это ниже чѣмъ на западѣ и чрезъ это производительность сельскаго хозяйства менѣе“ (l. c. 113). Различіе востока и запада сказывается и на цѣнѣ земли, которая уже въ 80-хъ годахъ была вдвое выше на западѣ, чѣмъ на востокѣ.

[1]) Backhaus, l. c. 85.

[2]) Backhaus, l. c. 83.

ваются въ Пруссіи — Рейнская провинція и Вестфалія, а съ другой стороны промышленное королество Саксонія, хотя аграрный строй ихъ довольно различенъ. Но факты эти должны оставить внѣ сомнѣнія даже для слѣпыхъ сторонниковъ крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія, что оно лишь при наличности цѣлаго ряда экономическихъ условій является носителемъ производственнаго прогресса, при другихъ же оно является тормазомъ не только сельскохозяйственнаго, но—что еще важнѣе — общехозяйственнаго развитія страны.

Тормозящая роль крупнаго хозяйства въ теперешней Германіи (превосходно выясненная уже Гольцемъ, см. выше) выступаетъ особенно ярко на фонѣ общаго сельскохозяйственнаго прогресса Германіи, который наблюдается одновременно съ усиленіемъ крестьянскаго хозяйства на счетъ крупнаго и потому, хотя въ извѣстной мѣрѣ, долженъ быть отнесенъ на счетъ мелкаго хозяйства. Прогрессъ этотъ тѣмъ знаменательнѣе, что онъ имѣетъ мѣсто въ самую трудную эпоху для германскаго земледѣлія, въ эпоху аграрнаго кризиса, сопровождаемаго застоемъ и паденіемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Есть цѣлый рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ прогрессѣ. Сравненіе данныхъ изслѣдованій 1878 и 1893 года показываетъ, что пашня за это время увеличилась съ 17.415,587 ha до 17.606,290 ha [1]), а луговая площадь за то же время нѣсколько уменьшилась (съ 3.340,000 на 3.273,000 ha). Такимъ образомъ,—въ противность тому, что происходитъ въ Англіи,—здѣсь пашня расширяется и на счетъ луговой земли; изъ всей площади Германской имперіи пахатная земля составляла въ 1878 году 48,51%, въ 1883—48,71%, а въ 1893—48,80.

Несмотря на то, что наибольшее паденіе цѣнъ имѣло мѣсто относительно зерновыхъ хлѣбовъ, расширяется площадь именно этихъ послѣднихъ, какъ показываетъ слѣдующее процентное распредѣленіе общей сельскохозяйственной площади въ 1878, 1883 и 1893 годахъ.

---

[1]) Любопытно слѣдующее сопоставленіе для старыхъ провинцій Пруссіи въ 1802 году пахатная площадь исчислялась въ 10 милл гектаровъ въ 1816—12 милл., въ 1893 году наблюдалось дальнѣйшее возрастаніе до 14,57 милл. (Conrad въ Jahrb. fur Nat Oek. N. F. Bd. 18. Стр. 42)

	1878.	1883.	1893.
1) Зерновой хлѣбъ.	52,59	53,46	54.37
2) Стручковыя растенія	6,06	5,54	5,64
3) Прочіе мучнистые зерновые продукты .	1,14	1,06	0,93
4) Корнеплоды и овощи	13,64	15.07	16,15
5) Торговыя растенія	1,60	1,35	0,99
6) Кормовыя травы	9,39	9,19	9.60
7) Полевыя пастбища	5.80	5,69	4,61
8) Паръ	8,89	7,05	5,91
9) Сады фруктовые и при домахъ	0,89	1,59	1,80

Площадь зерновыхъ хлѣбовъ, такимъ образомъ, непрерывно увеличивалась [1]), а земли подъ паромъ сокращались, что указываетъ на несомнѣнный ростъ интенсивности хозяйства. Кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, производство которыхъ возросло на 4.07%, увеличилось еще производство овощей и корнеплодовъ на 19,20% и кормовыхъ травъ—на 2,90%, уменьшилось нѣсколько производство торговыхъ растеній (сокращеніе льноводства и производства растеній для масла—рапса и др.), которое возмѣщается развитіемъ свекловодства, занимавшаго въ 1878 г. лишь 0,68%, а въ 1893 уже 1,51% садовой и полевой площади; сокращеніе полевыхъ выгоновъ въ связи съ увеличеніемъ производства кормовыхъ растеній указываетъ на болѣе интенсивное веденіе скотоводства.

Увеличеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ продолжается и за послѣдніе годы, хотя, конечно, съ неизбѣжными колебаніями въ распредѣленіи урожайной площади подъ отдѣльные виды хлѣбовъ.

	1883. Гектаровъ.	1890. Гектаровъ.	1897. Гектаровъ.
Рожь	5.811.856	5.820,317	5.966,776
Пшеница. . .	1.920,950	1.960,181	1.920,666
Ячмень . . .	1.750,885	1.664,188	1.666,014
Картофель . .	2.906,263	2.905,870	3.067,762
Овесъ	3.763,213	3.904,020	3.999,052
Сумма *) .	16.527,353	16.621,421	16.946,891

[1]) Гольцъ даже находитъ, что „если въ Германской имперіи хлѣбъ занимаетъ 54,37% полевой площади, то это черезчуръ много для наилучшаго использованія почвы“. (Vorlesungen, 9). Потому дальнѣйшее повышеніе интенсивности хозяйства выразится, вѣроятно, въ сокращеніи площади зерновыхъ хлѣбовъ.

*) Здѣсь не приведена за незначительностью площадь посѣвовъ полбы, которая включена однако въ общую сумму.

И этотъ ростъ площади зерновыхъ хлѣбовъ не сопровождается сокращеніемъ площади производства сѣна, которая въ 1887 г. составляла 5.911,461 гектар., въ 1890 году — 5.909,543, а въ 1897 снова 5.911,962. Слѣдовательно, расширеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ происходитъ на счетъ пара или ранѣе не обрабатывавшейся земли. Средняя производительность съ гектара (въ доппельцентнерахъ) была такова:

	Рожь	Пшеница.	Ячмень	Овесъ.	Картофель	Луговое сѣно.
1887	10,9	14,7	12,9	11,3	86,6	27,7
1888	9,5	13,1	13,1	12,1	75,0	26,2
1889	9,2	12,1	11,5	10,8	91,2	31,2
1890	10,1	14,4	13,7	12,6	80,3	31,9
1891	8,7	12.4	13,9	12,7	63,5	31,7
1892	12,0	16 0	14.3	11,9	95,5	28,1
1893	12,4	14,7	12,0	8,3	106,3	19.4
1894	11,7	15,2	14,9	13,4	96,0	32,1
1895	11,2	14,5	14,3	13,0	104,2	35,5
1896	12,1	15,6	13,8	12 5	95,9	33.7
1897	11,6	15,2	13,5	12,1	97,1	35,9

Таблица эта указываетъ также на постепенное повышеніе, хотя и съ неизбѣжными колебаніями, производительности почвы [1]).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что прусское земледѣліе непрерывно развивается какъ расширяя свою площадь, такъ и повышая степень интенсивности. Фактъ этотъ въ сопоставленіи съ другимъ фактомъ—уменьшеніемъ сельскохозяйственнаго населенія —возбуждаетъ такой вопросъ: какъ возможно и возможно-ли при уменьшеніи сельскохозяйственнаго населенія возрастаніе производительности земледѣлія? Сперва нужно установить дѣйстви-

[1]) Всѣ данныя, касающіяся новѣйшаго времени, заимствованы изъ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1899

тельные размѣры этого факта. Число лицъ занятыхъ въ земледѣліи (Erwerbsthatige), какъ въ главномъ промыслѣ, измѣнялось такъ:

	1895.	1882.
Самостоятельные	2 568.725	2.288,033
Рабочіе.	5.627,794	5.881,819
Служащіе. . . .	96,173	66,664
	8.292,692	8.236,496

Такимъ образомъ, общая сумма лицъ, дѣйствительно занятыхъ земледѣліемъ, не уменьшилась, а даже нѣсколько увеличилась. Кромѣ того, въ высшей степени вѣроятно, что и при неизмѣнномъ числѣ *трудящихся* земледѣліе получаетъ большее количество *труда*: это объясняется перемѣнами въ организаціи труда, а именно ростомъ самостоятельныхъ хозяйствъ (какъ мы уже знаемъ, прежде всего среднекрестьянскихъ) на счетъ крупныхъ. А это значитъ, что неусыпный и даже расточительный трудъ въ собственномъ хозяйствѣ замѣняетъ скудный трудъ скупо нанимаемаго на короткій срокъ и остальное время празднаго сельскохозяйственнаго рабочаго.

Дѣйствительно уменьшилось число лицъ, принадлежащихъ къ сельскому хозяйству,—Angehorige, что есть, вѣроятно, результатъ увеличенія заработковъ въ городахъ и въ промышленности [1]) и служитъ скорѣе къ облегченію, нежели ущербу для сельскаго хозяйства. Если сосчитать вмѣстѣ число Erwerbsthatige и Angehorige, то лишь въ такомъ случаѣ общая цифра сельскохозяйственнаго населенія обнаруживаетъ сокращеніе.

	1895.	1882.
Erwerbsthatige	8.292,992	8.236,496
Angehörige . .	9.833,918	10.564,046
Прислуга . . .	374,697	424,913
Сумма . .	18.501,307	19.225,455

Нужно, однако, еще замѣтить, что группа Erwerbsthatige обнаруживаетъ сокращеніе въ числѣ мужчинъ (5.701,587 въ 1882 году и 5.539,538 въ 1895), которое перевѣшивается

[1]) Возможно также, что это есть результатъ растущаго раздѣленія общественнаго труда и уничтоженія домашнихъ занятій, которымъ могли прежде отдавать свои силы Angehörige.

возросшимъ числомъ женщинъ (2.534,909 въ 1882 году и 2.753,154 въ 1895). При прочихъ равныхъ условіяхъ, это обстоятельство создаетъ вычетъ изъ общей суммы земледѣльческаго труда. Преобладаніе женщинъ отмѣчается, конечно, въ группѣ наемныхъ рабочихъ, какъ естественный результатъ стремленія къ замѣнѣ болѣе дорогого, хотя и высшаго качества, мужского труда болѣе дешевымъ женскимъ (въ 1882 году среди рабочихъ было 3.629,959 мужчинъ и 2.251,860 женщинъ, а въ 1895 году 3.239,646 мужчинъ и 2.388,148 женщинъ. — слѣдовательно число мужчинъ значительно уменьшилось, а число женщинъ увеличилось [1]). Въ группѣ самостоятельныхъ хозяевъ мы замѣчаемъ противное (число мужчинъ въ 1882 году было 2.010,865, женщинъ 277,168, а въ 1895 году мужчинъ 2.221,826, а женщинъ 346,899, слѣдовательно число мужчинъ увеличилось здѣсь болѣе чѣмъ на 200 тысячъ, потому усиленіе этой группы было не только количественное, но и качественное).

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, что общее количество сельскохозяйственнаго *труда* въ земледѣліи, какъ самостоятельномъ занятіи, не потерпѣло существеннаго измѣненія въ ту или другую сторону. За то значительно увеличилось количество его въ земледѣліи, какъ побочномъ промыслѣ. Число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, какъ побочнымъ промысломъ, измѣнялось такъ.

	1895			1882		
	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч	Женщ.	Всего.
Самостоятельные.	1,970,356	206,165	2,176,521	1,924,883	203,540	2,133,425
Служащіе	1,689	99	1,788	1,469	80	1,549
Рабочіе	324,622	1,145,306	1,469,928	335,144	719,642	1,054,786
Сумма.	2,296,667	1,351,570	3,648,237	2,266,496	923,262	3,189,758

[1]) Это, конечно, показываетъ еще большій недостатокъ рабочей силы въ крупномъ хозяйствѣ, нежели онъ обнаруживается изъ общихъ цифръ. Такое же значеніе имѣетъ и пониженіе качества труда (слѣдовательно, относительное его удорожаніе), на что́ жалуются сельскіе хозяева. Естественно, что болѣе интеллигентные и энергичные рабочіе уходятъ изъ деревни, и остаются худшіе.

Данныя о распредѣленіи по полямъ приводятъ къ тѣмъ же результатамъ, что и выше: въ группѣ рабочихъ нѣкоторое сокращеніе мужского труда, сопровождаемое весьма значительнымъ увеличеніемъ женскаго, въ группѣ самостоятельныхъ хозяевъ не малое увеличеніе мужского труда и слабое женскаго. Общее число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ какъ главнымъ и побочнымъ промысломъ за періодъ 1882—1895 выросло на 4,50%, слѣдовательно, объ общемъ уменьшеніи количества сельскохозяйственнаго труда не можетъ быть и рѣчи: напротивъ, *оно увеличилось*.

Мы не имѣемъ, слѣдовательно, основанія отрицать увеличеніе трудо-интенсивности для всего германскаго земледѣлія въ цѣломъ. Еще болѣе несомнѣнны успѣхи, которые оно сдѣлало за это время и въ смыслѣ капитало-интенсивности, роста капитала на единицу площади, улучшенія орудій производства и т. д. За отсутствіемъ прямыхъ данныхъ приходится судить по отдѣльнымъ примѣрамъ. Мы знаемъ уже, что число сельскохозяйственныхъ машинъ, которыя если и не могли въ значительныхъ размѣрахъ замѣстить трудъ, за то содѣйствовали несомнѣнно улучшенію производства, въ этотъ періодъ увеличилось (данныя см. выше), причемъ, по справедливому замѣчанію авторовъ сельскохозяйственной анкеты 1895 года, „это увеличеніе приходится на долю не только крупнаго, но и средне- и крупно-крестьянскаго хозяйства“ [1]). Что касается удобреній, то, по авторитетному сужденію Гольца, хотя количество ихъ въ точности вычислить и невозможно, но „всякій, кто знакомъ съ сельскохозяйственной практикой за послѣднія 3—4 десятилѣтія, знаетъ, что количество ихъ возросло во много разъ“ [2]) Выяснивъ техническія условія поднятія производительности земледѣлія въ Германіи, обратимся къ экономическимъ, и поставимъ вопросъ: какимъ образомъ возможно это поднятіе, не-

---

[1]) Die Landwirtschaft im deutschen Reich, 36.

[2]) V. d. *Goltz*. Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart, 70. Гольцъ приводитъ цифры лишь ввозныхъ удобреній, которыя въ суммѣ даютъ для 1883 года 635,672 тоннъ цѣнностью въ 98,271 тыс. марокъ, а въ 1892 году 1 961,037 тоннъ на 227,844 т. м. Проф. Мэркеръ (*Märcker*. Die Kalidüngung in ihrem Werth für die Erhöhung und Verbilligung der landwirtschaftlichen Production 1893, стр. 13) опредѣляетъ потребленіе калійныхъ солей въ качествѣ удобренія въ Германіи: оно возросло съ 304,385 доппельцентнеровъ въ 1882 году до 2.400,008 въ 1895. Потребленіе карналита и горнаго кизерита было въ 1889 году 377,463 дц., въ 1891—388,931.

смотря на застой и даже паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что нормальнымъ условіемъ сельскохозяйственнаго прогресса является медленное, но неуклонное поднятіе цѣнъ?

Надо думать, здѣсь дѣйствовало нѣсколько различныхъ причинъ Одной изъ нихъ является, несомнѣнно, возможность удешевленія производства благодаря промышленному прогрессу, поскольку съ развитіемъ промышленности удешевляются и средства производства (удобренія и машины) для земледѣлія; однако эти выгоды парализуются поднятіемъ цѣны сельскохозяйственнаго труда. Другой причиной можетъ быть уменьшающаяся требовательность сельскохозяйственнаго предпринимателя, который, какъ и всѣ другіе предприниматели, не свободенъ отъ вліянія закона паденія средней нормы прибыли, слѣдовательно, прибыль, поскольку она составляетъ элементъ цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ, сокращается. Паденіе цѣнъ, далѣе, коснулось въ неравной степени различныхъ продуктовъ, а на продукты животноводства цѣна даже поднялась. Поэтому открывается возможность, комбинируя разныя отрасли сельскаго хозяйства, избѣжать или ослабить вліяніе пониженія цѣнъ, которое дѣйствуетъ особенно губительно для сельскаго хозяйства, между тѣмъ какъ неподвижное состояніе цѣнъ открываетъ еще достаточно простора для развитія производительности земледѣлія, хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но главной причиной, почему сельское хозяйство Германіи столь побѣдоносно выходитъ изъ труднаго положенія, созданнаго кризисомъ, мы считаемъ реорганизацію сельскохозяйственнаго предпріятія, усиленіе крестьянскаго хозяйства на счетъ крупнаго капиталистическаго. Ибо, какъ мы видѣли во введеніи, при прочихъ равныхъ условіяхъ крестьянское хозяйство можетъ производить болѣе дешево нежели крупное, благодаря отсутствію здѣсь категоріи прибыли, почему оно и можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ чахнетъ крупное. Это даетъ теоретическое подтвержденіе выводу, который настойчиво навязывается всѣми приведенными выше статистическими данными: своимъ теперешнимъ сельскохозяйственнымъ прогрессомъ, совершенно безспорнымъ, Германія обязана прежде всего крестьянскому хозяйству, и эпоха, когда крупное хозяйство шло во главѣ хозяйственнаго прогресса, отошла въ исторію [1]).

[1]) Историческую роль крупнаго хозяйства въ Германіи считаетъ сыгранной и такой первоклассный знатокъ сельскохозяйственной стати-

Въ заключеніе коснемся двухъ вопросовъ соціальной политики.

Въ виду изложеннаго характера развитія сельскаго хозяйства, спрашивается, что должна взять руководящимъ принципомъ партія, которая на знамени своемъ написала принципы здравой экономической политики, направленной къ развитію наибольшей производительности труда и на почвѣ его къ защитѣ интересовъ трудящихся классовъ, по отношенію къ крупному производству въ сельскомъ хозяйствѣ? Руководящими являются здѣсь два соображенія. Во-первыхъ, данныя историческаго опыта выяснили, что крупное производство само по себѣ не только не обезпечиваетъ благосостоянія сельскихъ рабочихъ, но даже заинтересовано въ удержаніи ихъ на самомъ низкомъ жизненномъ уровнѣ. Всякое повышеніе заработной платы тяжело ложится на сельское хозяйство, въ особенности въ теперешнюю эпоху аграрнаго кризиса. Всякое значительное удорожаніе рабочей силы ведетъ расшатанныя и слабыя хозяйства, и безъ того находящіяся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, къ дальнѣйшей экстенсификаціи производства или же къ разоренію. Во-вторыхъ, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ къ повышенію заработной платы сельскихъ рабочихъ является измѣненіе спроса и предложенія въ благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ, недостатокъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Стремленіе улучшить положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ какъ таковыхъ, при предположеніи сохраненія крупной формы производства, оказывается поэтому внутренно противорѣчивымъ: съ одной стороны это улучшеніе обусловлено отсутствіемъ аграрнаго перенаселенія, а съ другой, расшатывая положеніе многихъ крупныхъ хозяйствъ, оно вновь вызываетъ это перенаселеніе. Могущественныя рабочія организаціи или законодательная защита сельскохозяйственныхъ рабочихъ, по всей вѣроятности, имѣли бы результатомъ также сокращеніе крупныхъ хозяйствъ и, слѣдовательно снова перенаселеніе, распаденіе рабочихъ организацій (какъ въ Англіи) или же отливъ этого перенаселенія въ города, гдѣ изъ этихъ рабочихъ съ низшими потребностями создаются опаснѣйшіе конкурренты городскимъ рабочимъ. Такимъ образомъ, всѣ мѣры, направленныя къ защитѣ сельскаго рабочаго, но этою, такъ ска-

---

стики какъ проф Конрадъ (см. его отчетъ о сельскохозяйственной анкетѣ 1895 года въ Jahrb. f. Nat. Oek. u St. 1898). Ср. *Carl Jentsch.* Die Agrarkrisis, Leipzig. 1899. Стр. 83

зать, отрицательною защитою только и ограничивающіяся, безсильны внести въ его жизнь прочныя улучшенія, и въ то же время представляются до извѣстной степени опасными для городскихъ рабочихъ; интересы обоихъ категорій трудящихся классовъ враждебно сталкиваются.

Очевидно, что политика, направленная къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ, должна сознательно стремиться къ сокращенію предложенія сельскохозяйственнаго труда, въ соединеніи съ устраненіемъ возможности перенаселенія какъ деревенскаго такъ и городскаго. Цѣль эта могла бы достигаться постольку, поскольку крестьянская колонизація создавала бы возможность постояннаго отлива сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Политика, направленная къ созданію крестьянства въ районахъ, гдѣ царитъ нынѣ крупное землевладѣніе, была бы экономически прогрессивна, потому что, какъ мы видѣли, крестьянское хозяйство болѣе чѣмъ крупное является въ настоящее время носителемъ сельскохозяйственнаго прогресса. Возможность учрежденія самостоятельнаго хозяйства и постоянная его потенціальная конкурренція оказывали бы на заработную плату повышающее вліяніе; въ то же время это поднятіе заработной платы съ одной стороны и возможность выгоднаго отчужденія земли подъ мелкія хозяйства съ другой побуждали бы къ скорѣйшей ликвидаціи тѣ изъ крупныхъ хозяйствъ, которыя страдаютъ недостаткомъ капитала или задолженностью и не могутъ поэтому идти въ уровень съ требованіями экономическаго развитія. Вмѣсто этихъ чахлыхъ и маломощныхъ крупныхъ хозяйствъ, которыя не въ состояніи обезпечить существованіе ни хозяевамъ, наполняющимъ ряды бюрократіи, ни рабочимъ, переполняющимъ города, страна имѣла бы крѣпкія крестьянскія хозяйства, находящіяся въ рукахъ наиболѣе энергичной и предпріимчивой части сельскохозяйственныхъ рабочихъ; изъ крупныхъ же хозяйствъ уцѣлѣли бы дѣйствительно крѣпкія, которыя способны вынести повышеніе заработной платы, обезпечить человѣческое существованіе рабочимъ, а въ то же время примѣнять у себя послѣднее слово сельскохозяйственной техники. Иного пути соціальнаго оздоровленія сельскохозяйственныхъ округовъ, которое сопровождалось бы и дальнѣйшимъ развитіемъ сельскаго хозяйства, а не тѣмъ запустѣніемъ какъ въ Англіи, нѣтъ. И, насколько я умѣю судить, на этотъ путь должна, отбросивъ обветшалые предразсудки и догматы, вступить германская соціальдемократія, если она хочетъ, дѣйствительно,

твердой ногой ступить въ деревнѣ и, въ самомъ дѣлѣ, беретъ близко къ сердцу интересы сельскаго рабочаго; послѣдній самъ по себѣ стремится къ основанію собственнаго хозяйства и будетъ признателенъ тому, кто захотѣлъ бы помочь ему въ этомъ и освободилъ бы отъ горькой необходимости эмигрировать за океанъ или въ городъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя направленію хозяйственнаго развитія, соціальдемократія осталась бы вѣрна истинному духу марксизма, который выше устарѣлой его догмы. Стремленіе къ дальнѣйшему усиленію крестьянскаго хозяйства на развалинахъ части крупныхъ хозяйствъ на прусскомъ востокѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Германіи должно объединить всѣ передовыя партіи Германіи (разумѣется, оно должно сопровождаться и стремленіемъ къ распространенію на сельскихъ рабочихъ правъ промышленныхъ рабочихъ и прежде всего свободы коалицій. законодательства въ защиту труда и т. д.).

Конечно, единственнымъ способомъ вмѣшательства въ естественный процессъ въ данномъ случаѣ является созданіе законодательства, которое облегчало бы или содѣйствовало бы переходу земли въ крестьянскія руки. Въ настоящемъ сочиненіи, посвященномъ исключительно выясненію объективнаго хода сельскохозяйственной эволюціи,—не мѣсто подробнѣе останавливаться на на этомъ законодательствѣ. Попытка въ этомъ направленіи въ формѣ Rentengutgesetzgebung сдѣлана въ послѣднее время [1]), но она, исходя изъ консервативно-аграрныхъ круговъ и имѣя конечною цѣлью созданіе дешевыхъ рабочихъ, а не самостоятельныхъ крестьянъ, обставляетъ владѣніе земельнымъ участкомъ такими ограниченіями личной свободы, которыя совершенно не мирятся съ характеромъ новѣйшей эпохи, (отъ этого несвободенъ даже англійскій Small Holdings Act), почему столь крупные ученые какъ Брентано предрекаютъ ей неуспѣхъ и относятся къ ней отрицательно. Кромѣ того, какъ было помянуто выше, здѣсь

---

[1]) См. объ этомъ *Sering.* Die innere Kolonisation. По русски см. диссертацію г. *М Соболева.* Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи. М. 1898. Гл. IX. Ср. также общія руководства Бухенбергера, Гольца и статью въ Handw. d. Staatsw. Ср. также Etudes sur les populations rurales de l'Allemagne et la crise agraire par George Blondel. Paris et Berlin. 1897. II. Ch. IV. (Это описательное сочиненіе, хотя и лишено самостоятельнаго научнаго значенія, представляетъ удобную сводку фактовъ).

преслѣдовалась и чисто политическая цѣль,—противодѣйствовать колонизаціи пограничныхъ провинцій. Эти причины справедливо скомпрометтировали законодательство о колонизаціи прусскаго востока, но оно можетъ быть существенно исправлено [1]).

Само собою разумѣется, возможно только самое отрицательное отношеніе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя стремятся сократить земельную мобилизацію, закрѣпить землю въ формѣ крупныхъ родовыхъ имѣній. Сюда относятся фидеикоммиссы (нѣмецкій варіантъ англійскихъ entails), которые особенно часто возникаютъ въ послѣднее время [2]). Кромѣ хозяйственнаго вреда,—помимо всего прочаго, признано, что фидеикоммиссы содѣйствуютъ образованію латифундій [3]),—развитіе фидеикоммиссовъ, встрѣчающихся почти исключительно въ дворянскихъ имѣніяхъ, ведетъ къ искусственному поддержанію политически реакціонныхъ аристократическихъ фамилій (это отчасти примиряетъ съ ними консервативнаго Гольца). Доказывать хозяйственный вредъ и анахронизмъ фидеикоммиссовъ значило бы повторять то, что мы говорили уже въ главѣ объ Англіи.

---

[1]) Съ выхода закона о содѣйствіи учрежденію рентныхъ имѣній въ 1891 году до конца 1895 года было основано при посредствѣ Генеральной Коммиссіи 7,723 рентныхъ имѣнія съ площадью въ 82,380 гектаровъ частными лицами, на правительственныхъ земляхъ 123 имѣнія съ 312 ha. Коммиссія поселенія въ Познани и зап. Пруссіи пріобрѣла площадь въ 89,204 ha, и изъ нихъ передала 32,059 ha. При этомъ возникли 1784 новыхъ поселенія (Landwirtschaft im Deutschen Reich, 9).

[2]) По вычисленіямъ Конрада, изъ общаго числа фиденкоммиссовъ 785 образовались изъ ленныхъ имѣній 260, остальные возникли какъ таковые. Изъ этихъ 785 существовали до 1850 года лишь 434, тогда какъ 351 возникли въ періодѣ 1850—1895; причемъ 134 обязаны своимъ возникновеніемъ 1881—95 годамъ. Общая площадь фиденкоммиссовъ незначительна (въ 1895 году 6,09% въ Пруссіи, въ 1894 году 2,12% въ Баваріи).

[3]) „Большинство фиденкоммиссовъ въ Пруссіи имѣетъ обширные размѣры. Только 3,3% владѣльцевъ фиденкоммиссовъ и 3,18% фиденкоммиссовъ принадлежатъ владѣніямъ менѣе 200 ha, 14,2% владѣніямъ 200—500, 20,89% 500—1,000, 61,39% выше 1,000 и 13,4% даже выше 5,000, слѣдовательно, должны быть причислены къ латифундіямъ. Еще рѣзче выступаетъ то же самое положеніе вещей, если исходить изъ соотношеній площадей; почти 92% связанной фидеикоммиссами площади концентрировано въ имѣніяхъ свыше 1,000 гектаровъ. Отсюда выясняется весьма знаменательный фактъ, что фиденкоммиссы прежде всего поддерживаютъ крупныхъ землевладѣльцевъ и тѣмъ самымъ существенно содѣйствуютъ образованію латифундій“. *Conrad.* Fideikommisse въ Handw. d. Staatsw III. 429).

Второй вопросъ соціальной политики, который мы имѣетъ въ виду, это — о хлѣбныхъ пошлинахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что меньшее паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ Германіи нежели въ Англіи, помимо другихъ причинъ, обусловливается существованіемъ пошлины на ввозной хлѣбъ, которая появляется въ германскомъ тарифѣ въ 1879 году, по мощной иниціативѣ Бисмарка. Эта пошлина, сначала умѣренная, въ 1885 и 1887 году значительно повышается, но снова нѣсколько понижается торговыми договорами 1891 и 1894 года (имѣющими силу до 1903 года) [1]). Благотворнаго вліянія этихъ пошлинъ на сельское хозяйство нельзя отрицать. въ то же время нельзя отрицать и того, что эти пошлины удорожаютъ предметы первѣйшей необходимости и, слѣдовательно, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ косвенныхъ налоговъ.

Свобода торговли хлѣбомъ есть покровительство обрабатывающей промышленности, хлѣбныя пошлины—покровительство земле-

---

[1]) Размѣры этой пошлины вообще не велики Со 100 килограммовъ взимаюсь марокъ пошлины съ

	1879.	1885	1887.	1891/4.
пшеницы . . .	1,00	3,00	5,00	3,50
ржи	1,00	3,00	5,00	3,60
овса	1,00	1,50	4,00	2,80
ячменя	0,50	1,50	2,25	2,00
маиса и гречихи .	0,50	1,00	2,00	1,60
муки	2,00	7,50	10,50	7,30

За періодъ 1816—75 цѣны въ Англіи нерѣдко стояли значительно выше чѣмъ въ Германіи. Со времени введенія хлѣбныхъ пошлинъ дѣло измѣнилось. Центнеръ пшеницы стоилъ

	Въ Англіи.	Въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ.
1876—80.	10,30 марокъ.	10,56 марокъ.
1881—85.	9,00 „	9,45 „
1886—90.	7,14 „	8,76 „
1891.	8,41 „	10,94 „
1892.	7,06 „	9,41 „
1893.	5,98 „	7,34 „
1894.	5,21 „	6,69 „
Среднее 1891—4.	6,66 „	8,59 „

За періодъ 1886—90 цѣны стояли такимъ образомъ въ Пруссіи на 1,62 марки выше за центнеръ чѣмъ въ Англіи, а въ 1891—94 даже на 1,93 марки (*v. d. Goltz.* Vorlesungen, 260).

дѣлію [1]); говоря абстрактно, ни за той, ни за другой отраслью человѣческаго труда нельзя отрицать права на поддержку и покровительство со стороны государства, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ на это большаго права чѣмъ другая. Я знаю, какія краснорѣчивыя тирады могутъ быть сказаны на тему о тяжести налоговъ на хлѣбъ для рабочаго человѣка, но не менѣе краснорѣчиво можно говорить и на тему о разореніи сельскаго производителя подъ бременемъ низкихъ цѣнъ. Тамъ, гдѣ сталкиваются противоположные и одинаково оправданные интересы, не можетъ быть дано принципіальнаго разрѣшенія вопроса, его рѣшаетъ фактическое положеніе вещей, удѣльный вѣсъ каждаго изъ интересовъ. Поясню это парадоксальнымъ примѣромъ. Представимъ себѣ, что Германія захотѣла бы разоружиться; эта мѣра, благодѣтельная для всего общества, тѣмъ не менѣе противорѣчила бы интересамъ рабочихъ Круппа и другихъ фабрикантовъ, изготовлявшихъ вооруженіе, потому что закрытіе этихъ фабрикъ выбросило бы ихъ на улицу. Однако здѣсь не можетъ возникнуть никакого колебанія, потому что съ одной стороны затрогиваются весьма важные интересы всего общества, а съ другой имъ противостоятъ интересы небольшой группы. Но несмотря на весь вредъ современнаго милитаризма, вопросъ стоялъ бы далеко не такъ просто, еслибы группа этихъ рабочихъ составляла значительную часть націи. Все сказанное a fortiori имѣетъ силу относительно земледѣлія,—и здѣсь весь вопросъ въ фактической конкретной обстановкѣ, не въ *что*, а *какъ*. Въ первой половинѣ XIX вѣка хлѣбныя пошлины въ Англіи, не оказывая поддержки земледѣлію, обогащали лишь на счетъ всей остальной націи лэндлордовъ, онѣ были вредны. Въ настоящее время хлѣбныя пошлины въ Англіи ради интересовъ небольшой группы населенія легли бы тяжело на всю отпускную промышленность и подвергли бы опасности все народное хозяйство. Напротивъ, теперешнія пошлины въ Германіи, составляя нѣкоторую поддержку земледѣлію, не оказываютъ чувствительнаго вліянія на германскую промышленность.

---

[1]) Конечно, пошлины есть только одна изъ формъ—и притомъ далеко не важнѣйшая — того покровительства земледѣлію, которое можетъ оказать государство: гораздо важнѣе напр распространеніе сельскохозяйственнаго образованія въ странѣ, организація хлѣбной торговли и т. д. Вопроса о хлѣбныхъ пошлинахъ мы касаемся только въ виду его принципіальнаго значенія.

которая продолжаетъ развиваться, поэтому, онѣ не могутъ вызывать того безусловнаго осужденія, которое онѣ встрѣчаютъ въ части нѣмецкой прессы. (Выразительно оговариваюсь здѣсь, что, разбирая вопросъ лишь съ принципіальной стороны. я совершенно оставляю внѣ разсмотрѣнія всѣ детальные вопросы современнаго тарифнаго законодательства, какъ de lege lata такъ и de lege ferenda). Но дальнѣйшее экономическое развитіе можетъ и здѣсь измѣнить положеніе вещей кореннымъ образомъ.

Рѣшающій моментъ состоитъ въ томъ, какое количество населенія заинтересовано въ хлѣбныхъ пошлинахъ, какое въ свободѣ торговли. Къ послѣдней категоріи. очевидно, относится все неземледѣльческое населеніе, т. е. около половины всего населенія Германской имперіи, и часть земледѣльческаго, именно покупающая хлѣбъ. Нужно однако замѣтить, что метода прямого подсчета количества лицъ, заинтересованныхъ въ повышеніи или пониженіи цѣнъ въ данный моментъ, здѣсь не достаточно, онъ не только не рѣшаетъ вопроса, но придаетъ ему невѣрную постановку: широкая экономическая политика не можетъ ограничиться интересами нынѣшняго дня, она всегда должна ставить вопросъ объ условіяхъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ страны и, въ частности, земледѣлія. Вопросъ этотъ относительно крестьянскаго хозяйства будетъ изложенъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, а здѣсь коснемся сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Если заинтересованность въ повышеніи цѣнъ на сельскохозяйственные продукты у юнкеровъ, крупнаго и средняго крестьянства болѣе или менѣе очевидна, то она отрицается иногда для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Указываютъ, что они тоже являются покупателями хлѣба и другихъ продуктовъ земледѣлія, слѣдовательно такъ же заинтересованы въ низкихъ цѣнахъ на эти продукты (насколько они не получаютъ часть своей заработной платы натурою, въ видѣ такъ называемаго депутата). Но при этомъ совершенно упускается изъ виду то обстоятельство, что сельскіе рабочіе суть не только потребители этихъ продуктовъ, но и *производители* ихъ, и ихъ потребительная способность опредѣляется ихъ успѣхами или неуспѣхами какъ производителей. Другими словами, ясно, что, если и при данномъ состояніи цѣнъ дѣла крупнаго сельскохозяйственнаго предпринимателя плохи, то съ ихъ пониженіемъ они пойдутъ еще хуже, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшится и положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго, которому грозитъ или дальнѣйшее пониженіе его зара-

ботной платы или безработица. Не всякое повышеніе цѣнъ на продукты земледѣлія или доходности сельскохозяйственнаго предпріятія ведетъ къ повышенію платы сельскохозяйственнаго рабочаго, но извѣстное пониженіе доходности или же паденіе цѣны ниже издержекъ производства сопровождается физической невозможностью платить даже прежнюю плату [1]).

---

[1]) Гольцъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „крупный землевладѣлецъ и крупный крестьянинъ суть важнѣйшіе работодатели въ деревнѣ; отъ ихъ экономическаго благосостоянія зависитъ, сколько рабочихъ они занимаютъ и какъ высоко могутъ они ихъ оплачивать. Болѣе экстенсивный способъ хозяйства и еще болѣе низкій уровень цѣнъ на хлѣбъ должны имѣть своимъ слѣдствіемъ, что заработная плата упадетъ и число сельскохозяйственныхъ рабочихъ уменьшится“. (Vorlesungen, 261—2). Любопытно, что въ первой половинѣ XIX вѣка и въ Англіи, сколько разъ вопросъ о выгодности высокихъ цѣнъ для сельскихъ рабочихъ ни ставился при допросѣ свидѣтелей, вызываемыхъ разными коммиссіями, на него непзмѣнно давался утвердительный отвѣтъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ интереснѣйшихъ свидѣтельствъ. Нѣсколько свидѣтелей дали предъ коммиссіей 1821 года то же показаніе, что и Wakefield: „не является ли спросъ на трудъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ сопровождается высокими цѣнами на хлѣбъ, болѣе выгоднымъ для рабочихъ нежели низкія цѣны на хлѣбъ безъ такого спроса? Трудъ составляетъ капиталъ бѣднаго человѣка; устраните спросъ на него и человѣкъ перестанетъ существовать“ (Min. of ev., 217) Предъ коммиссіей 1833 года были даны слѣдующія показанія. 1260. „Чѣмъ выше цѣны на хлѣбъ, тѣмъ больше заработка могутъ найти рабочіе. 1261. И при этомъ они оказываются въ силахъ получать предметы необходимости? Въ гораздо большемъ количествѣ; рабочіе вообще находятъ, что имѣть дешевый хлѣбъ для нихъ невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ“. Другой свидѣтель показалъ: 2450 „Каково ваше общее впечатлѣніе: доволенъ ли народъ, слыша о поднятіи хлѣбныхъ цѣнъ на рынкѣ или нѣтъ? Впечатлѣніе относительно рабочихъ въ North Riding въ общемъ таково, что они считаютъ высокія цѣны на земледѣльческіе продукты столь же выгодными для себя, какъ и для фермеровъ. 2452. Не слыхали ли вы, чтобы рабочіе иногда говорили, что имъ лучше живется, если цѣны высоки? Постоянно; и какъ ихъ слова, такъ и внѣшній видъ показываетъ, что они ждутъ извѣстій о повышеніи цѣнъ съ такимъ же напряженіемъ, какъ и фермеръ“. Предъ той же коммиссіей была сдѣлана слѣдующая характеристика вліянія уровня цѣнъ на разные слои деревенскаго населенія. 8379. „На вопросъ: „лучше ли вамъ теперь при дешевомъ хлѣбѣ, нежели когда хлѣбъ былъ дорогъ?“ содержатель постоялаго двора скажетъ вамъ (какъ говорилъ мнѣ): „когда хлѣбъ стоилъ гинею за бушель, у меня было множество посѣтителей; моя столовая невмѣщала на половину посѣтителей, а теперь она у меня на половину пуста“. Гвоздарь замѣтитъ: „я имѣлъ больше

Поэтому въ данномъ пунктѣ интересы промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ противоположны, что не устраняетъ, конечно, ихъ солидарности въ другихъ, весьма существенныхъ отношеніяхъ. Антагонизмъ этотъ не только не долженъ быть затушевываемъ, но онъ долженъ быть понятъ во всемъ своемъ объемѣ, ибо только при этомъ условіи можетъ быть установлено правильное къ нему отношеніе и создана почва для ясной и сознательной политики.

До сихъ поръ политически аграрные и промышленные интересы были представлены разными партіями; аграрные интересы представлялись консерваторами и центромъ, соціальдемократія же выражала до послѣдняго времени интересы промышленныхъ рабочихъ и ими руководилась всегда въ вопросахъ торговой политики. Въ стремленіи объединить въ себѣ интересы промышленнаго и сельскохозяйственнаго населенія (рабочихъ и крестьянъ), она оказывается въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ виду противорѣчивости ихъ интересовъ въ важнѣйшемъ вопросѣ, рѣшающемся общеимперскимъ законодательствомъ. Очевидно, здѣсь возможенъ только путь компромисса—искусной и предусмотрительной политики; необходимо во всякомъ случаѣ болѣе осторожное отношеніе къ вопросамъ хлѣбной торговли; быть можетъ, здѣсь возможно примиреніе разнорѣчивыхъ интересовъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ или компенсацій. Въ противномъ случаѣ теперешнее печальное состояніе раздробленности демократическихъ и трудящихся элементовъ въ различныхъ враждующихъ партіяхъ, благодаря чему онѣ взаимно обезсиливаются и, вслѣдствіе того, усиливаются нежелательныя явленія политической жизни Германіи, станетъ хроническимъ.

Припомнимъ, въ заключеніе, основные моменты развитія крупнаго хозяйства въ германскомъ земледѣліи. Крупное производство въ земледѣліи есть здѣсь самая ранняя форма крупнаго предпріятія

работы и заказовъ, чѣмъ я могъ выполнить. когда хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а теперь, когда хлѣбъ дешевъ, я не могу заработать достаточно денегъ для его покупки“ То же самое и плотникъ: „когда хлѣбъ былъ дорогъ, я былъ увѣренъ, что мой счетъ будетъ хорошо оплаченъ, когда бы я его ни представилъ, а теперь я хожу по многу разъ за небольшимъ долгомъ и ничего не получаю“. 8380. А что думаютъ рабочіе относительно цѣнъ· предпочитаютъ ли они низкую или высокую цѣну? Если соотвѣтственно поднимается и ихъ заработная плата, то высокую“. (Min. of evid.).

вообще, оно существуетъ долгое время, пока въ промышленности царитъ еще всецѣло мелкое производство. Происхожденіе его, какъ это съ полной точностью можетъ быть установлено по крайней мѣрѣ для восточной Пруссіи, центра крупнаго землевладѣнія, связано непосредственно съ средневѣковой исторіей, и порогъ между старымъ и новымъ временемъ образуетъ паденіе крѣпостного права. Отмѣна крѣпостного права совершилась на весьма выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ: они увеличили въ результатѣ площадь своего хозяйства, обезпечили себѣ наемныхъ рабочихъ, получили въ видѣ выкуца значительный капиталъ. Если не считать потрясеній, нанесенныхъ войнами и кризисомъ 20-хъ годовъ, то время отъ 20-хъ до 70-хъ годовъ слѣдуетъ признать необыкновенно благопріятнымъ для крупнаго земледѣлія. Во-первыхъ, для него былъ обезпеченъ непрерывно растущій рынокъ и высокія цѣны на земледѣльческіе продукты. Такимъ рынкомъ первоначально явилась Англія, относительно которой Пруссія долгое время играетъ роль сельскохозяйственной колоніи или аграрнаго округа. Съ теченіемъ времени такой рынокъ все въ большей степени сталъ создаваться и внутри страны, съ ростомъ неземледѣльческаго и городского населенія. Капиталъ, кромѣ выкупныхъ платежей, доставлялся кредитомъ. Изобильное предложеніе дешеваго труда сельское хозяйство имѣло какъ благодаря созданному освобожденіемъ классу безземельныхъ рабочихъ. такъ и чрезвычайно быстрому ихъ размноженію, толчекъ къ которому далъ именно хозяйственный переворотъ, созданный отмѣной крѣпостнаго права. Аграрное перенаселеніе, которому не было тогда отлива въ другія части страны или въ Америку, было къ выгодѣ крупнаго землевладѣнія; положеніе же класса сельскихъ рабочихъ было весьма тягостно. Эти благопріятныя для сельскаго хозяйства условія достигаютъ наибольшаго количественнаго развитія въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, которые являются потому самымъ счастливымъ временемъ для прусскаго земледѣлія. Что же касается крестьянскихъ хозяйствъ, то на востокѣ Пруссіи многія изъ нихъ, повидимому, падаютъ жертвой переходной эпохи, приспособленія къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ и чрезмѣрной парцелляціи вслѣдствіе черезчуръ быстраго населенія, и ихъ наслѣдникомъ нерѣдко является растущее крупное хозяйство. Съ 50-хъ годовъ въ Германіи завязываются узлы новой промышленной жизни. Сначало медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе развивается

промышленность (и въ особенности крупная промышленность), страна прорѣзается во всѣхъ направленіяхъ желѣзнодорожными путями, Германія вступаетъ на путь развитія промышленнаго капитализма. Но этотъ путь оказывается роковымъ для капитализма земледѣльческаго. Начать съ того, что промышленный капитализмъ создаетъ новыя обширныя и постоянно растущія сферы труда, оплачиваемаго притомъ выше, чѣмъ земледѣльческій. Исчезаетъ сначала избытокъ аграрнаго населенія, благодаря которому заработная плата въ деревнѣ держалась на жалчайшемъ уровнѣ, а затѣмъ уменьшается и вообще контингентъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Единственнымъ средствомъ удержать ихъ является платить имъ высокую заработную плату, чего помѣщикъ не можетъ или не хочетъ, а чаще всего то и другое вмѣстѣ. Рядомъ съ промышленными городами и округами мѣстомъ отлива сельскохозяйственныхъ рабочихъ является и Америка, чему возможность создана развитіемъ новѣйшихъ путей сообщенія, стоящимъ въ непосредственной связи съ развитіемъ промышленнаго капитализма и образующимъ одно изъ основныхъ условій послѣдняго. Такимъ образомъ, промышленный капитализмъ нанесъ ударъ земледѣльческому, лишивъ его дешевой рабочей силы. Въ то же время благодаря тому же развитію новѣйшихъ средствъ сообщенія на рынкѣ появился хлѣбъ изъ Россіи и Америки, что создало условія для аграрнаго кризиса, выразившагося въ пониженіи цѣнъ на продукты земледѣлія, а въ концѣ концовъ и цѣнъ на землю или земельной ренты. Это обстоятельство лишило многихъ изъ землевладѣльцевъ капитала для веденія предпріятія, который они почерпали, налагая на свои имѣнія умѣренную гипотеку; при ростѣ цѣны земли она обезпечивала имъ постоянный источникъ предпринимательскаго капитала. Теперь же этотъ источникъ изсякъ; для слабыхъ капиталомъ землевладѣльцевъ оставалось входить въ непосильные долги, что въ трудныя времена нерѣдко вело къ продажѣ съ молотка. Особенно затруднительно было положеніе тѣхъ землевладѣльцевъ, которые купили имѣніе съ наложеніемъ значительнаго долга и по чрезмѣрно высокой цѣнѣ (повышенной еще благодаря царившей до наступленія кризиса увѣренности въ непрерывномъ ростѣ цѣнъ и въ будущемъ). Неудивительно, если ряды крупнаго землевладѣнія дрогнули, и оно стало уступать свое мѣсто (уменьшаясь по мѣстамъ относительно, а по мѣстамъ и абсолютно) крестьянскому хозяйству. Паденіе цѣнъ въ Германіи не было такъ сильно

и такъ опустошительно какъ въ Англіи (къ тому же въ силу своей соціальной организаціи германское земледѣліе менѣе требовательно и потому выносливѣе чѣмъ англійское); это обстоятельство, въ связи съ непрерывнымъ ростомъ рынка, дѣлаетъ понятнымъ, что производительность германскаго земледѣлія во всѣхъ важнѣйшихъ направленіяхъ непрерывно расла до самаго послѣдняго момента. Есть однако всѣ основанія думать что этотъ ростъ обязанъ своимъ существованіемъ въ меньшей степени крупному хозяйству, техническій прогрессъ котораго, взятаго въ цѣломъ, весьма сомнителенъ, нежели крестьянскому хозяйству, во всѣхъ смыслахъ замѣтно усилившемуся. Крупное хозяйство перестало идти во главѣ развитія производительности земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ въ своихъ размѣрахъ. Его историческую роль можно считать поэтому сыгранной, и является весьма вѣроятнымъ и экономически желательнымъ его дальнѣйшее сокращеніе въ пользу крестьянскаго хозяйства.

Напрашивается сопоставленіе съ Англіей. Мы видѣли весьма любопытныя и поучительныя различія въ исторіи англійскаго и германскаго земледѣлія, которыя даютъ лучше понять сущность и особенности этихъ системъ, но еще знаменательнѣе конечное сходство судебъ того и другого. Будучи наслѣдіемъ среднихъ вѣковъ, крупное производство въ земледѣліи является самой ранней формой крупнаго предпріятія; нѣкоторое время оно идетъ во главѣ хозяйственнаго прогресса, сопровождаемаго однако самой беззастѣнчивой эксплуатаціей безпомощнаго и нищенскаго населенія; затѣмъ оно теряетъ эту руководящую роль и, не будучи въ состояніи обезпечить своимъ рабочимъ условія жизни, достойныя новѣйшаго времени, утрачиваетъ и рабочихъ, склоняясь въ концѣ концовъ къ неотвратимому упадку.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Исторія французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

Изученіе экономической исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ представляетъ исключительно тяжелую и неблагодарную работу. Прежде всего, исторія эта является не только невоздѣланнымъ, но даже и нераспаханнымъ полемъ: безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что XIX вѣкъ принадлежитъ къ числу наименѣе выясненныхъ въ основныхъ моментахъ экономическаго развитія эпохъ французской исторіи [1]). Объясняется это, съ одной стороны, необыкновенно низкимъ уровнемъ, на которомъ стояла и стоитъ политическая экономія во Франціи, а съ другой сравнительной недостаточностью источниковъ, въ особенности оффиціальной статистики: постоянныя революціи и перемѣны правительствъ, которыми характеризуется XIX вѣкъ во Франціи, далеко не содѣйствовали установленію традиціи въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, что́ является однимъ изъ важнѣйшихъ условій цѣнности и сравнимости статистическихъ данныхъ. Исторія экономическаго развитія Франціи, если и можетъ быть написана, потребуетъ отъ

[1]) Сочиненій, посвященныхъ выясненію общаго хода экономическаго развитія Франціи въ XIX вѣкѣ, натурально нѣтъ. Ихъ нѣтъ даже для отдѣльныхъ сторонъ, напр. для исторіи сельскаго хозяйства, для исторіи крестьянства, между тѣмъ какъ исторія крестьянства въ прежніе вѣка составила предметъ нѣсколькихъ поучительныхъ сочиненій уже въ 50-хъ годахъ: таковы *Doniol* Histoire des classes rurales. Paris. 1867. *Dareste de la Chavanne.* Histoire des classes agricoles. Paris. 1858. *Bonnemère.* Histoire der paysans. Paris. 1857. Въ новѣйшее же время см особенно капитальныя изслѣдованія Авенеля: Vicomte *d'Avenel.* Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées, et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800 4 тома 1891—94 См. въ популярномъ изложеніи *его же*: Paysans et ouvriers depuis sept cent ans Paris. 1899.

изслѣдователя колоссальной предварительной работы собиранія и критики источниковъ, и лишь послѣ такой работы можетъ быть приступлено къ исторіи французскаго капитализма.

Пониманіе эволюціи сельскаго хозяйства невозможно безъ пониманія общаго народнохозяйственнаго развитія, слѣдовательно, изученіе исторіи французскаго земледѣлія чрезвычайно затруднено благодаря недостаточной выясненности общеэкономической исторіи. Но, помимо того, оно представляетъ почти непреодолимыя трудности вслѣдствіе недостаточности источниковъ: внѣшній шумъ политической исторіи Франціи, особенно Парижа, отвлекалъ вниманіе отъ жизни деревень. Относительно цѣлыхъ историческихъ эпохъ мы ничего не знаемъ, установить связь развитія безъ перерывовъ и неясностей относительно французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ есть дѣло совсѣмъ невозможное. Здѣсь все, что можетъ дать въ концѣ концовъ изслѣдованіе, есть нѣсколько болѣе или менѣе разрозненныхъ штриховъ, изъ которыхъ самыми цѣнными являются превосходныя сельскохозяйственныя анкеты 1882 и 1892 годовъ; нежеланіе обойти молчаніемъ данныя этихъ анкетъ было главнымъ мотивомъ, побудившимъ автора всетаки включить исторію французскаго земледѣлія въ свое изложеніе, а не оставить ее совершенно въ сторонѣ, какъ пришлось напр. поступить въ концѣ концовъ съ Австро-Венгріей.

Но былъ еще одинъ теоретическій соблазнъ, ради котораго не хотѣлось выключать изъ своего изложенія Францію: это — возможность вынести изъ скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ, имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи, больше чѣмъ они непосредственно даютъ, восполнивъ ихъ данными историческаго опыта другихъ странъ, примѣнивъ, другими словами, *методъ исторической аналогіи*. Авторъ хорошо сознаетъ всю опасность этого метода и всю осторожность, которую необходимо соблюдать, чтобы уберечься отъ рискованныхъ и произвольныхъ утвержденій (ни однимъ методомъ такъ не злоупотребляли въ общественной наукѣ какъ методомъ аналогій). Но тѣмъ не менѣе лишь сопоставленіе исторіи Франціи съ исторіей Англіи и Германіи является той живой водой, благодаря которой можно еще попытаться оживить разрозненныя кости скелета, извлечь извѣстные теоретическіе результаты изученія. Исторія сельскаго хозяйства обѣихъ этихъ странъ уже выяснила для насъ нѣкоторые вопросы, которые могутъ и должны быть поставлены и относительно Франціи; она же сдѣлаетъ ощутительными

извѣстныя сходства и различія исторіи сельскаго хозяйства тамъ и здѣсь, она подчеркнетъ значеніе нѣкоторыхъ процессовъ, выраженныхъ недостаточно ярко здѣсь, но болѣе ясно тамъ, а также значеніе отсутствія данныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто при другихъ условіяхъ, слѣдовательно, не только положительныхъ, но и отрицательныхъ признаковъ. Повторяемъ, только благодаря такому сравненію дѣлается возможнымъ теоретически осмысленное изученіе хотя нѣкоторыхъ чертъ исторіи французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

Порогъ отъ стараго времени къ новому во французской исторіи образуетъ, конечно, великая французская революція, внесшая обновленіе во всѣ сферы жизни. Для нашей цѣли является въ высшей степени существеннымъ пониманіе состоянія народнаго хозяйства въ эпоху, предшествующую революціи, а затѣмъ тѣхъ измѣненій, которыя внесла въ это состояніе послѣдняя. Несмотря на то, что исторія великой революціи какъ въ силу своего всемірно-историческаго значенія, такъ и внѣшняго драматизма привлекала къ себѣ болѣе ума и таланта изслѣдователей чѣмъ какая-либо другая эпоха французской исторіи, однако теперешнее состояніе нашихъ знаній объ этой эпохѣ, особенно съ экономической стороны, способно всего менѣе внушить чувство удовлетворенія. До сихъ поръ остается рядъ неразрѣшенныхъ вопросовъ капитальной важности, на которые даются самые противорѣчивые отвѣты (конечно, здѣсь не мѣсто входить даже въ самое поверхностное обсужденіе этихъ контроверзъ). Такъ, хотя не оспаривается общее утвержденіе еще Юнга, что во Франціи предъ революціей господствовало въ земледѣліи мелкое хозяйство, но существуютъ серьезныя разногласія о томъ, преобладала-ли мелкая собственность или же, согласно новѣйшему мнѣнію, земельная собственность была сосредоточена въ рукахъ привиллегированныхъ сословій и лишь сдавалась въ аренду мелкимъ хозяйствамъ [1]). Еще болѣе рѣзкія разногласія существуютъ относительно

[1]) Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ перваго мнѣнія является Токвиль, согласно которому „революція не создала, а лишь освободила мелкую собственность“ (*A. de Tocqueville.* L'ancien régime et la revolution). Второе мнѣніе выставляетъ проф. *Карѣевъ* въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи: Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Москва. 1879. Къ нему же присоединяется и проф. *М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. Томъ I. Москва. 1895.

того, въ чьи руки попала масса земель, экспропріированныхъ революціей и распроданныхъ съ публичнаго торга: въ руки мелкихъ собственниковъ или же буржуазіи, „третьяго сословія“ [1]).

Не менѣе чѣмъ изученіе заставляетъ желать большаго истолкованіе народнаго хозяйства Франціи въ прошломъ вѣкѣ. Дѣло этого изученія также какъ и истолкованія до сихъ поръ попадало въ руки главнымъ образомъ историковъ, а не экономистовъ, причемъ первые преслѣдуютъ иныя задачи, нежели вторые. главнымъ образомъ установленія фактовъ; выясненіе причинной связи, анализъ экономическихъ формъ и попытка подвести всю конкретную сложность событій подъ простую логическую группировку въ понятіяхъ, измѣрить уровень развитія производительныхъ силъ страны — все это задачи, несоотвѣтствующія эмпирическому, грубому (не въ обиду будь сказано) умственному складу историка и требующія спеціальныхъ знаній, болѣе широкаго логическаго кругозора. Вотъ причина, почему *бѣдность* народа предъ французской революціей, вошедшая въ пословицу и весьма обстоятельно изученная, до сихъ поръ не получила политикоэкономическаго объясненія, и эти объясненія по богатству политикоэкономическихъ идей—я осмѣлюсь это сказать—не ушли далѣе знаменитаго путешествія Артура Юнга, которое и по сейчасъ остается теоретически самымъ значительнымъ, что было написано о французскомъ народномъ хозяйствѣ предъ революціей [2]). И тѣмъ не менѣе намъ нельзя отклонить

---

[1]) Послѣднее мнѣніе поддерживается напр. проф. Ковалевскимъ и Минцесомъ, между тѣмъ какъ проф. Лучицкій утверждаетъ обратное. (*Loutschisky*. La petite propriété en France avant la révolution et la vente des biens nationaux. Paris. 1897).

[2]) Вотъ для примѣра сужденіе столь первокласснаго историка революціи какъ Тэна: „очевидно, что тягость налоговъ является основной причиной (la principale cause) бѣдности; отсюда глубокая и непримиримая ненависть противъ фиска и его агентовъ и т д“ (*H Taine*. Ancien régime, I, 474). Это все равно, какъ если бы голодовки и бѣдность нашего крестьянства объяснять прежде всего тяжестью налоговъ, которые въ подобныхъ случаяхъ числятся обыкновенно въ недоимкахъ. Безграничныя злоупотребленія власти предъ французской революціей, которыхъ отрицать, конечно, невозможно, составляютъ самую близлежащую, поверхностную причину народной бѣдности, за которую легче всего и хватается историкъ-неэкономистъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти злоупотребленія вызывали противъ себя напильнѣйшее негодованіе современниковъ (да и потомковъ) и по этой причинѣ, такъ сказать, публицистическаго характера выдвигались на первый планъ. Для экономиста ясно однако, что данное

неизбѣжную задачу, хоть въ грубыхъ чертахъ указать, что было, а еще болѣе чего не было въ народномъ хозяйствѣ Франціи въ прошломъ вѣкѣ, потому что не охарактеризовавши этого отправнаго пункта развитія современнаго хозяйства мы не можемъ приступить къ изученію и послѣдняго.

Хотя Франція пережила во время Кольбера эпоху усиленнаго протекціонизма, направленнаго къ развитію промышленности, она не стала все-таки черезъ это промышленной страной. Обрабатывающая промышленность является скорѣе орнаментомъ въ зданіи народнаго хозяйства Франціи. Она сосредоточивается въ нѣсколькихъ большихъ городахъ (прежде всего, въ Парижѣ и Ліонѣ). Насколько малую роль, однако, играетъ городская жизнь во Франціи XVIII вѣка, явствуетъ изъ слѣдующихъ статистическихъ сопоставленій. По даннымъ, представленнымъ Лоу собранію нотаблей въ 1787 году во Франціи кромѣ Парижа было только 78 городовъ, имѣющихъ 1.949,911 жителей [1]); къ этому нужно прибавить населеніе города Парижа, которое опредѣляется Бабо предъ революціей въ 600 тысячъ человѣкъ [2]). Мы имѣемъ, такимъ образомъ, не болѣе $2^1/_2$ милліоновъ городского населенія, между тѣмъ общая цифра населенія, какъ она опредѣлялась въ 1801 году [3]), составляла 27.349,003. Можно поэтому смѣло сказать, что городское населеніе составляло менѣе 10% всего населенія, причемъ значительное большинство городовъ были, вѣроятно, большими деревнями [4]). Итакъ, не будетъ преувеличеніемъ, если мы будемъ харак-

---

состояніе народнаго богатства зависитъ прежде всего отъ развитія производительныхъ силъ страны и обусловливаетъ извѣстную систему обложенія, а не обусловливается ею. Злоупотребленія власти имѣютъ въ данномъ случаѣ значеніе не столько причинъ, сколько симптомовъ извѣстнаго состоянія народнаго хозяйства

[1]) *Levasseur.* Population française. I, 227.

[2]) *М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи, томъ I, 20.

[3]) *Levasseur*, I, 313 Леонсъ де Лавернь даетъ для 1790 года цифру населенія въ $26^1/_2$ милліоновъ. (*L de Lavergne* Agriculture et la population. 2-me éd. 1865. Стр. 316)

[4]) Впрочемъ, всѣ эти цифры отличаются крайне приблизительнымъ характеромъ. Артуръ Юнгъ напр. опредѣляетъ городское населеніе лишь въ 4—$4^1/_2$ раза меньше сельскаго, Лавуазье лишь въ 2 раза (Ср. *Goldstein* Bevolkerungsprobleme und Berufsgliederung in Frankreich. Berlin. 1900. Стр. 10—11). Столь же спорной является и цифра населенія Парижа. Во всякомъ случаѣ остается безспорнымъ преобладающій деревенскій характеръ страны.

теризовать Францію XVIII вѣка какъ *по преимуществу деревенскую страну*.

Да и та промышленность, которая сосредоточивалась въ городахъ, носила еще средневѣковой характеръ. Какъ замѣчаетъ проф. Ковалевскій, „фабричное производство только зачиналось во Франціи, промышленная дѣятельность за немногими исключеніями продолжала сосредоточиваться въ рукахъ организованныхъ въ цехи ремесленниковъ“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что потребности въ мануфактурныхъ продуктахъ огромной массы деревенскаго населенія удовлетворялись домашнимъ, натуральнохозяйственнымъ способомъ.

Итакъ, хотя политическая жизнь Франціи XVIII вѣка болѣе чѣмъ когда либо сосредоточивалась въ городахъ, гдѣ произнесены были историческія слова полуобезумѣвшаго деспота: l'état c'est moi, центръ тяжести экономической жизни Франціи лежитъ въ деревнѣ, а важнѣйшей отраслью народнаго труда является земледѣліе. Напомнимъ читателю основныя и безспорныя черты жизни французской деревни, установленныя историками, и вдумаемся въ экономическій смыслъ ихъ.

Въ отличіе отъ Германіи, гдѣ крѣпостное право застаетъ еще XIX вѣкъ, во Франціи servage, несвобода личности и крѣпость ея землѣ, постепенно уничтожается начиная съ XVI и XVII (даже XV) вѣка; XVIII вѣкъ находитъ только остатки серважа, которые окончательно были сметены революціей. Личность трудящихся свободна; организаціи крупнаго производства, основанной на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ, нѣтъ мѣста; крупное производство имѣетъ дѣло съ свободнымъ наемнымъ рабочимъ. Будучи свободнѣе прусскаго, сельское населеніе Франціи не пользуется однако той полнотой личной свободы, какую имѣетъ въ это время сельское населеніе Англіи: въ этомъ отношеніи положеніе Франціи соотвѣтствуетъ ея географическому положенію, между Германіей и Англіей. На сельскомъ населеніи Франціи тяготѣютъ многочисленныя и многообразныя тягости и повинности феодальнаго происхожденія, начиная съ остатковъ барщины (taille) и кончая ius primae noctis и обязанностью ночью пугать лягушекъ, оберегая сонъ сеньера. Повинности эти желѣзными оковами лежатъ на землѣ и земледѣльцѣ, пока ихъ не уничтожаетъ однимъ ударомъ приснопамятная ночь 4-го августа.

---

[1]) М. Ковалевскій, ibid

Уже по слабому развитію городской жизни и, слѣдовательно, рынка на земледѣльческіе продукты нужно предположить, что хозяйство въ значительной степени носитъ натуральный характеръ. Считается безспорнымъ, что во Франціи предъ революціей было распространено мелкое крестьянское хозяйство. Несмотря на существовавшія среди разныхъ категорій крестьянъ различія, слѣдуетъ принять, что въ большинствѣ случаевъ это было производство для собственнаго потребленія, какъ мы сейчасъ увидимъ, его не хватало даже для этого потребленія. Крестьяне не входили въ соприкосновеніе съ рынкомъ даже въ томъ пунктѣ, гдѣ это было всего естественнѣй, именно въ уплатѣ аренды: аренды въ огромномъ большинствѣ случаевъ носили натуральный характеръ [1]). Самымъ распространеннымъ видомъ аренды въ это время является половничество, métayage, при которомъ крестьянинъ платилъ долей продукта, а не деньгами [2]); денежными аренды были, повидимому, лишь въ случаяхъ крупныхъ фермъ, которыя велись на капиталистическую ногу. Государственные налоги были главной причиной, связывавшей крестьянина съ рынкомъ.

Въ XVIII вѣкѣ французское крестьянство—или нѣкоторая, по крайней мѣрѣ, часть его — насчитываетъ уже болѣе двухъ вѣковъ сравнительно независимаго, экономически самостоятельнаго, существованія. Оно живетъ на той же (или нѣсколько уменьшенной) площади, что жило и раньше; отлива населенія въ города и промышленность за этотъ періодъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ не было; войны, голодовки и эпидеміи разрѣжали время отъ времени населеніе, но не всегда были въ силахъ остановить его естественный ростъ. Какъ же разрѣшалась тогда трудная проблема, — прокармливать все растущее населеніе на неизмѣнной площади и при неизмѣнности организаціи всего народнаго хозяйства? Можно сказать, что эта проблема никакъ не разрѣшалась; конечно, новыя руки приносили съ собой новую рабочую силу, но для продуктивнаго ихъ приложенія требовалось измѣненіе техники земледѣлія, что было, очевидно, не подъ силу

[1]) По многочисленнымъ свидѣтельствамъ историковъ, потребности въ одеждѣ и обуви, очень скудныя, удовлетворялись домашнимъ производствомъ, хотя, конечно, не всегда. Характеристика орудій производства (см. ниже) также говоритъ въ пользу ихъ домашняго происхожденія.

[2]) Юнгъ опредѣляетъ, что métayage встрѣчается въ $^7/_8$ Франціи, напротивъ денежная аренда встрѣчается въ $^1/_6$—$^1/_7$ государства.

невѣжественному, отягченному поборами и деспотизмомъ правительства и сеньеровъ крестьянину. Юнгъ говоритъ, что французское земледѣліе по своей техникѣ принадлежитъ X вѣку. Грубыя орудія производства, полное отсутствіе всякихъ запасовъ, отсутствіе „капитала“, которое больше всего бросалось въ глаза англичанину Юнгу, истощеніе полей до невозможности производить на нихъ чтобы то ни было и забрасыванье ихъ въ результатѣ истощенія, а иногда въ результатѣ наглости сеньеровъ,—такова картина крестьянскаго хозяйства. Приведемъ яркую характеристику его у Тэна [1]): „если случится неурожай, то земля остается невоздѣлана, потому что земледѣлецъ слишкомъ бѣденъ, чтобы купить сѣмянъ и во многихъ случаяхъ ихъ приходится выдавать для него интенданту; безъ этого къ неурожаю текущаго года присоединилась бы еще полная нищета въ слѣдующемъ году. Точно также въ эти времена всякое другое несчастье ложится на будущее также какъ и на настоящее; въ 1784 и 1785 годахъ въ Тулузской области благодаря засухѣ погибъ упряжной скотъ, много земледѣльцевъ принуждены были оставить свои поля невоздѣланными. Съ другой стороны, способы воздѣлыванія являются вполнѣ средневѣковыми. Кромѣ Фландріи и равнины Эльзаса, поля остаются подъ паромъ втеченіе года изъ каждыхъ трехъ, а часто и каждыхъ двухъ лѣтъ. Орудія обработки плохи; нѣтъ желѣзныхъ плуговъ; во многихъ захолустьяхъ держатся въ употребленіи плуги еще Вергилія. Телѣжныя оси и ободья на колесахъ сдѣланы изъ дерева; не однократно бороной служитъ тележный остовъ. Мало скота, мало удобренія; капиталъ, прилагаемый къ обработкѣ, втрое менѣе, чѣмъ въ настоящее время. Производительность слаба, „наши общинныя земли, говоритъ хорошій наблюдатель [2]), даютъ приблизительно среднимъ числомъ урожай самъ—шестъ. Въ 1778 году въ богатой мѣстности, окружающей Тулузу, хлѣбъ родился не больше какъ самъ—пятъ, теперь же самъ—восемь, и тогда же А. Юнгъ вычислялъ, что англійскій акръ въ его время производитъ 28 шеффалей зерна, а французскій 18,

[1]) *Taine.* Ancien régime, I, 442—3.

[2]) *Mirabeau* Traité de la population, p. 29 Мирабо принадлежитъ честь вполнѣ сознательнаго выставленія принципа, яснаго, впрочемъ, для всѣхъ физіократовъ и составляющаго основное зерно ученія Мальтуса именно, что „la mesure de la subsistence est celle de la population“ (L'ami des hommes, I, 12).

и продуктъ производства съ такой же точно земли за тотъ же промежутокъ времени составляетъ цѣнность въ 36 ф. ст. въ Англіи и лишь 26 во Франціи".

По словамъ самого Юнга, низкая производительность французскаго земледѣлія „въ значительной степени происходитъ отъ бѣдности деревенскихъ жителей во Франціи. Политическія учрежденія и общій духъ правительства вели втеченіе ряда вѣковъ къ угнетенію низшихъ классовъ путемъ покровительства высшимъ. Фермеры въ наибольшей части Франціи значительно смѣшались съ крестьянами, и что касается имущественнаго уровня то они стоятъ почти не выше поденщиковъ. Такими бѣдняками являются половники — métayers —, которые не имѣютъ для того, чтобы арендовать ферму, ничего, кромѣ труда и орудій".—„Бѣдность фермеровъ—продолжаетъ Юнгъ—не кажется странной если принять во вниманіе налоги, которымъ они подвержены; ихъ taille и поголовный налогъ (capitation), безсмысленные сами по себѣ, становятся еще безсмысленнѣе благодаря произволу, съ которымъ они взимаются" [1]).

Извѣстно, что Юнга обвиняютъ обыкновенно въ пристрастіи къ крупнымъ фермамъ, вслѣдствіе англійской предвзятости. Это невѣрно. Юнгъ совсѣмъ не является панегиристомъ крупнаго хозяйства во Франціи; къ тому же онъ нападаетъ не на мелкія фермы, а на бѣдность ихъ капиталомъ и на чрезмѣрное дробленіе земли. Зло аграрнаго перенаселенія, которое уже a priori слѣдуетъ предположить въ тогдашней Франціи, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ крестьянскихъ округахъ и которое вело за собою чрезмѣрную парцелляцію земли,—это серьезное зло было подмѣчено Юнгомъ чрезвычайно мѣтко и тонко. Юнгъ говоритъ: „основное зло во Франціи есть чрезмѣрно малый размѣръ фермъ... Дробленіе земли и избытокъ населенія доводятъ бѣдность до крайности". „Главное и наибольшее зло, которое мнѣ бросилось въ глаза во Франціи, это равный раздѣлъ полей послѣ смерти владѣльца между всѣми его дѣтьми, иногда же только между его сыновьями. Участокъ въ 40 или 50 акровъ (=16 до 20 гектаровъ) не обусловливаетъ непремѣнно плохой культуры, но раздѣлъ, ея на участки по 20 акровъ (=8 гектарамъ) ее необходимо предпо-

[1]) *Young.* Le voyage en France, traduction par Lesage. Paris. 1860. Tome II, p. 108.

лагаетъ, а тѣмъ болѣе дальнѣйшія дѣленія на участки по 10, 5, 2, 1 акру (4, 2 гектара, 80, 40 аровъ). Населеніе при такомъ порядкѣ вещей часто бываетъ многочисленно, но это приростъ нищихъ. Браки лишь въ идеѣ а не въ дѣйствительности предполагаютъ обезпеченное существованіе. Они производятъ на свѣтъ существа, которыя не требуются для труда ни въ городахъ, ни въ мануфактурахъ и которыя постоянно уничтожаются бѣдностью и эпидеміями, проистекающими отъ этого“ [1]). „Великое зло этой страны есть большое населеніе безъ работы для рукъ, безъ хлѣба для рта“. Мы не будемъ тратить словъ на описаніе бѣдности, задолженности [2]), ужасныхъ условій жизни французскаго крестьянства предъ революціей,—она вошла въ пословицу. Слѣдуетъ видѣть не одностороннее пристрастіе къ крупному хозяйству на счетъ мелкаго, а выраженіе дѣйствительнаго положенія вещей въ слѣдующемъ сужденіи Юнга: „я никогда не видѣлъ хорошей обработки земли у мелкихъ собственниковъ, исключая какъ на очень богатой почвѣ... На земляхъ же болѣе

---

[1]) *Young* Le voyage en France, II, 215. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ „я видѣлъ много разъ, что раздѣлы эти доходили до того, что одно фруктовое дерево съ 10 першей земли составляли цѣлую ферму, привязывавшую къ землѣ семейство“. (198). Юнгъ цитируетъ (323) слѣдующіе краснорѣчивыя строки изъ *Rapport du Comité de mendicité* de l'Assemblée Nationale: „вопреки безъ конца повторяемымъ увѣреніямъ всѣхъ политическихъ писателей, которые видятъ благополучіе имперіи въ чрезвычайно большомъ населеніи, избыточное населеніе безъ значительной потребности въ трудѣ (sans grand travail) и безъ богатаго производства было бы напротивъ разъѣдающимъ бременемъ для государства, потому что этому избыточному населенію пришлось бы раздѣлить благосостояніе тѣхъ, которые, безъ него, имѣли бы достаточныя средства существованія, пришлось бы ту же самую сумму труда дѣлить между большимъ количествомъ рукъ; наконецъ, цѣна труда необходимо понизится благодаря болѣе значительной конкурренціи рабочихъ, въ результатѣ была бы полная нищета для тѣхъ, кто совсѣмъ не получилъ бы труда, и недостаточное существованіе для тѣхъ, кому не было бы отказано“

[2]) Юнгъ говоритъ: „въ Vatan en Berry меня увѣряли, что почти всѣ года половникъ занимаетъ у собственника хлѣбъ, который позволяетъ ему дожидать жатву. Этотъ хлѣбъ представляетъ смѣсь ячменя и овса, которую я отвѣдывалъ достаточно, чтобы пожалѣть этихъ бѣдныхъ людей; вообще народъ совсѣмъ не знаетъ пшеничнаго хлѣба“ (I, 201). См. описанія жизни французскаго крестьянина предъ революціей у проф. *Карѣева*. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи, глава IV, особенно стр. 204 слл.

низкаго качества, т. е. въ $^{9}/_{10}$ Франціи и даже въ нѣкоторыхъ превосходныхъ мѣстностяхъ какъ въ Нормандіи, хозяйство въ высшей степени плачевно“ (207). Нетрудно понять, что инымъ и не могло быть крестьянское хозяйство въ эту эпоху натурально-хозяйственнаго аграрнаго перенаселенія, угнетаемое, съ одной стороны, поборами правительства и сеньеровъ, а съ другой собственнымъ невѣжествомъ, нищетой и безпомощностью. Конечно, эту общую характеристику не слѣдуетъ принимать слишкомъ безусловно: въ средѣ французскаго крестьянства (какъ на это съ особенной энергіей указываетъ проф. Карѣевъ) было нѣсколько различныхъ категорій какъ со стороны отношенія къ землѣ такъ и по степени состоятельности; но присутствіе отдѣльныхъ болѣе счастливыхъ элементовъ крестьянства не измѣняетъ общей картины.

Несостоятельность крестьянскаго хозяйства и необходимость экономическаго прогресса во что бы то ни стало была ясно сознана физіократами, — въ ихъ предпочтеніи крупнаго хозяйства и отрицательномъ отношеніи къ мелкому сказываются явственно историческія особенности момента. Физіократы — сторонники мѣнового или народнаго хозяйства, лишь зачинавшагося въ національномъ масштабѣ во Франціи. Produit net, чистаго земледѣльческаго дохода, который бы создавалъ базисъ для мѣноваго хозяйства, нѣтъ или почти нѣтъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: производительность низка, а населеніе (относительно) густо,—все, что производится, съѣдается въ собственномъ хозяйствѣ. Крупное хозяйство, всегда разрѣжающее населеніе, даже при неизмѣнности техническихъ способовъ производства, имѣетъ нѣкоторый чистый доходъ, produit net [1]), потому что оно должно кормить

[1]) Въ максимѣ 15 Кенэ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое предпочтеніе крупному хозяйству предъ мелкимъ: „земли, производящія зерновые хлѣба, должны быть объединены насколько можно въ крупныя фермы, эксплуатируемыя богатыми земледѣльцами, потому что при этомъ менѣе издерживается на содержаніе и ремонтъ зданій, и, при сравнительно меньшихъ издержкахъ, производится значительно болѣе чистаго продукта въ крупныхъ предпріятіяхъ чѣмъ въ мелкихъ“ (Maximes générales sur le gouvernement, l'agriculture etc.). Л. де-Лавернь по этому поводу замѣчаетъ: „опытъ въ дѣйствительности показываетъ, что мелкая культура можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ приносить не только большій валовой доходъ,. но такой же или даже большій чистый доходъ чѣмъ крупная. Въ дѣйствительности же Кенэ критикуетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ не мелкое хозяйство въ собственномъ смыслѣ, но бѣдное хо-

меньше ртовъ (Вотъ почему физіократы смотрятъ на вопросъ населенія почти глазами Мальтуса и находятся въ сознательномъ антагонизмѣ меркантилистическому воззрѣнію о благодѣтельности всякаго прироста населенія). Физіократы вѣрно видѣли зло своей эпохи. но при оцѣнкѣ его причинъ и средствъ къ излѣченію они дѣлали рядъ теоретическихъ ошибокъ. Сюда относится то преувеличенное значеніе, которое они придавали различію между крупнымъ и мелкимъ производствомъ въ земледѣліи, упуская изъ виду, что дѣло не въ формѣ земледѣльческаго хозяйства, а въ организаціи всего народнаго хозяйства, и что земледѣліе не можетъ быть улучшено безъ серьезныхъ измѣненій въ этой послѣдней, безъ увеличенія, прежде всего, „непроизводительныхъ“ (stériles), т. е. промышленныхъ классовъ.

Крупное производство во Франціи было менѣе распространено чѣмъ мелкое и сравнительно съ нимъ занимало незначительную площадь. Различались pays de grande и de petite culture [1]).

зяйство. Въ его время крупнаго хозяйства почти не существовало; онъ самъ констатировалъ это въ своихъ статьяхъ въ Энциклопедіи Прогрессъ могъ осуществляться только въ болѣе богатыхъ и болѣе обширныхъ хозяйствахъ.. Въ томъ состояніи бѣдности и невѣжества, въ которомъ находилось сельское населеніе, оно не могло подняться своими собственными силами“. (*L. de Lavergne* Les économistes français du dix-huitième siècle. Paris. 1870. Стр. 89). Заслуживаетъ замѣчанія, что Кенэ и физіократы, какъ сторонники развитія мѣнового хозяйства, понимали связь между повышающимися цѣнами на хлѣбъ и прогрессомъ земледѣльческой культуры и „bon prix“ выставляли необходимымъ условіемъ послѣдней.

[1]) „По словамъ Тюрго, къ pays de grande culture можно отнести только Пикардію, Нормандію, окрестности Парижа, Фландрію, Орлеаннэ *Энциклопедія* сходится съ этимъ извѣстіемъ, причисляя къ странамъ съ крупнымъ хозяйствомъ Нормандію, Босъ, Иль-де-Франсъ, Пикардію, французскую Фландрію, Геннегау et peu d'autres. Все остальное принадлежало къ странамъ, гдѣ преобладало мелкое хозяйство По Тюрго, эти страны составляютъ $^4/_7$ королевства. Кенэ, дающій разсчетъ по арпанамъ, утверждаетъ, что въ мелкой обработкѣ было 30 милліоновъ арпановъ, тогда какъ большое хозяйство велось только на 6 милліонахъ. Инаръ говоритъ, что *la petite culture* занимаетъ въ 5 разъ больше земель, чѣмъ *la grande*. На цифры эти полагаться, конечно, нельзя въ виду несовершенства статистическихъ данныхъ и неопредѣленности терминологіи. Кенэ, напр., отожествляетъ крупное хозяйство съ обработкой земли лошадьми, а мелкое съ обработкой быками. Тюрго основательно возражаетъ противъ такого отожествленія и дѣлаетъ самъ такое различеніе: крупное хозяйство есть фермерское, мелкое—половничество“. (Карѣевъ, цит. соч. 186—7).

Можно думать (отчасти и на основаніи свидѣтельства физіократовъ), что хозяйство на крупныхъ фермахъ велось всетаки лучше, чѣмъ на мелкихъ. Едва-ли это потому, чтобы оно велось здѣсь дѣйствительно хорошо, думать такъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній, но скорѣе потому, что крестьянское хозяйство велось слишкомъ плохо. Единственный экономическій raison d'être веденія хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ заключается въ большей доходности крупнаго хозяйства сравнительно съ мелкимъ. Но эта большая доходность являлась скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что всетаки большая часть крупныхъ имѣній сдавалась въ раздробь, половникамъ, владѣльцы ихъ предпочитали жить въ Парижѣ, утопая въ сіяніи „Короля-Солнца“, а крупныхъ капиталистическихъ арендаторовъ находилось мало.

Существованіе крупнаго фермерскаго хозяйства, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, ставитъ одинъ любопытный вопросъ,— о классѣ наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ. Очевидно, этотъ классъ существовалъ предъ революціей, но мы ничего не знаемъ объ его численности [1]), объ его судьбахъ, о времени его происхожденія (можно думать, что его появленіе связано съ постепеннымъ открѣпощеніемъ сельскаго населенія, которое сопровождалось и ослабленіемъ связи съ землей), — вообще эта важная страница хозяйственной исторіи Франціи остается совсѣмъ закрыта. Любопытно, что жалобы на выселеніе рабочихъ рукъ изъ деревень въ города раздавались здѣсь уже въ то время,—очевидно, и тогда крупное земледѣліе оказывалось неспособно удержать своихъ рабочихъ, которые предпочитали безработицу въ городахъ положенію наемныхъ

---

[1]) Мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ у историковъ: „во множествѣ мы встрѣчаемся—говоритъ проф. Карѣевъ, съ указаніями на классъ людей, не имѣющій никакой поземельной собственности; есть много примѣровъ поденщиковъ, живущихъ въ чужомъ домѣ; нерѣдко упоминается о сельскомъ бродячемъ населеніи, не имѣвшемъ опредѣленнаго мѣста жительства и существовавшемъ когда работой, когда нищенствомъ, когда воровствомъ. Если, такимъ образомъ, нельзя сказать, что каждый сельскій рабочій имѣлъ свой домъ и свой клочекъ земли, еще менѣе можно утверждать, чтобы большинство имѣло земли, достаточныя для самостоятельнаго хозяйства... Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ да и вообще не существуетъ статистическихъ данныхъ о разныхъ категоріяхъ сельскаго населенія“ (Карѣевъ, 108—9. См. еще приложеніе 8).

рабочихъ въ деревнѣ [1]). Быть можетъ, это составляло одно изъ препятствій развитію крупнаго земледѣлія.

Границей развитія производительности земледѣлія и для крупнаго производства, какъ и для мелкаго, было общее состояніе тогдашняго народнаго хозяйства: застой въ промышленности, слабое развитіе городского населенія и рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, внутреннія стѣсненія торговли и вообще несвобода хозяйственной жизни (противъ которой физіократы подняли свой мужественный голосъ), отсутствіе сносныхъ путей сообщенія, спекуляціи хлѣбной торговли [2]), — все это составляло

[1]) Юнгъ говоритъ. „во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, если вы видите заброшенныя земли, хотя бы онѣ и были способны къ улучшенію, можете увѣренно говорить, что земли эти принадлежатъ крупному сеньеру“ (I, 75). Въ серединѣ XVIII вѣка Deparcieux жалуется, что города такъ заселяются, большей частью за счетъ деревень. (*Deparcieux.* Essai sur les probabilités de la durée de la vie humaine. Paris 1746. Стр. 92). Конечно, эти жалобы относятся прежде всего къ рабочимъ.—Недостатокъ сельскихъ рабочихъ сыгралъ во французской исторіи (да и не въ одной французской, припомнимъ Черную Смерть въ Англіи и ея соціальныя послѣдствія) крупную и благодѣтельную роль. Виконтъ д'Авенель въ своей Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800, tome I 1894, стр. 179, говоритъ· „въ концѣ XIII столѣтія человѣкъ является наиболѣе цѣннымъ благомъ, источникомъ всякаго богатства и могущества. За него держатся, и это стремленіе удержать его повліяло самымъ рѣшительнымъ образомъ на отмѣну рабства. Эта отмѣна, улучшеніе положенія сельскихъ классовъ, произошло, на мой взглядъ, вслѣдствіе потери равновѣсія между землей и людьми Въ извѣстный моментъ былъ недостатокъ въ людяхъ; сдѣлавшись болѣе рѣдкимъ, человѣкъ дорожаетъ. Работниковъ покупаютъ съ аукціона, а цѣной, платимой ему, является свобода и земля, уступаемая ему на исключительно выгодныхъ условіяхъ“ Это представляетъ аналогію съ тѣмъ общимъ улучшеніемъ въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которое имѣетъ мѣсто въ настоящее время также подъ вліяніемъ измѣненія отношенія спроса и предложенія въ благопріятномъ для рабочаго смыслѣ.

[2]) Рѣзкія колебанія цѣнъ благодаря частымъ неурожаямъ и голодовкамъ съ одной стороны, и внутреннимъ стѣсненіямъ торговли съ другой отличаютъ эту эпоху. Вотъ средніе данные по десятилѣтіямъ о цѣнахъ на гектолитръ пшеницы:

Періоды.	Цѣна		Колебаніе между maximum и minimum.	
	франки.	сантимы.		
1756—1765	10	70	5	38
1766—1775	15	92	5	56
1776—1785	14	13	2	73
1786—1790	17	16	7	78

тормазъ развитія сельскаго хозяйства. Любопытно, что предъ самой революціей замѣчается начинающаяся тенденція къ округленію земельныхъ участковъ въ цѣляхъ развитія капиталистическаго земледѣлія: жалобы на это встрѣчаются во многихъ крестьянскихъ cahiers. Тенденція эта не была однако настолько значительна, чтобы измѣнить общую картину, — иначе мы имѣли бы другія свѣдѣнія о всемъ народномъ хозяйствѣ Франціи.

Французское земледѣліе *XVIII* вѣка оказывается несостоятельнымъ даже для прокормленія собственнаго населенія, хотя Франція является въ это время земледѣльческимъ и экспортирующимъ хлѣбъ государствомъ. Виконтъ д'Авенель говоритъ: „хлѣбный вопросъ въ теченіе двухъ вѣковъ составлялъ непрерывную заботу правительства. Административная переписка полна замѣтками, отчетами, выраженіями опасеній и сложными вычисленіями относительно того, что будетъ ѣсть населеніе въ ближайшемъ году, какъ проведемъ текущій годъ. И въ то же время, по интересному противорѣчію, Франція, при Людовикѣ XIII и *XIV* была вмѣстѣ съ Польшею главнымъ поставщикомъ хлѣба въ Европѣ. Она фигурировала еще въ срединѣ *XVIII* вѣка среди вывозящихъ хлѣбъ странъ. Ея большой соперницей была Англія, которая продавала иностранцамъ въ среднемъ до 6 милл. гектолитровъ въ годъ“ [1]). Голодовки, какъ острыя, такъ и хроническія были въ это время явленіемъ обыкновеннымъ [2]). Въ общемъ состояніе французскаго

Неудивительно, что на этой почвѣ процвѣтали всякія злоупотребленія негодной администраціи и развращенной знати, вплоть до полумиѳическаго pacte de famine. (См вообще г. *Афанасьевъ* Хлѣбная торговля во Франціи въ XVIII вѣкѣ).

[1]) *Vicomte d'Avenel.* Histoire économique etc, tome III. Paris 1898, стр. 213

[2]) И тѣмъ не менѣе даже голодовки XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ средневѣковыми. Дарестъ де-ля-Шаванъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Исторія голодовокъ въ средніе вѣка представляетъ нѣчто ужасное. Вычислили, что, согласно хроникѣ Радульфа Глабера, въ теченіе 70 лѣтъ отъ 970 до 1040 года—правда, въ эпоху, когда производство и обращеніе хлѣба встрѣчало наибольшія трудности—было 48 лѣтъ голодовокъ и эпидемій. Насчитываютъ также 10 большихъ голодовокъ въ X вѣкѣ, 26 въ XI, 2 въ XII, 4 въ XIV, 7 въ XV и 6 въ XVI. Въ XVIII вѣкѣ ихъ было нѣсколько, между прочимъ въ президенство кардинала Флёри; однако, онѣ были менѣе бѣдственны, чѣмъ средневѣковыя, которыя продолжались нерѣдко по нѣскольку лѣтъ“ (*Dareste de la Chavanne.* Histoire des classes agricoles en France. Paris. 1858 стр. 498).

земледѣлія, въ *XVIII* вѣкѣ, не взирая на наличность противорѣчивыхъ тенденцій, нужно признать не прогрессирующимъ; а такъ какъ неподвижное состояніе надолго есть вещь невозможная, то отсутствіе прогресса скоро переходитъ въ активный регрессъ. И его мы также наблюдаемъ въ сельскомъ хозяйствѣ Франціи: о немъ свидѣтельствуютъ заброшенныя поля, толпы нищихъ, бродящія по дорогамъ и переполняющія города, растущая бѣдность. Перенаселеніе въ деревнѣ, хотя число земледѣльческаго населенія скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается, сопровождается перенаселеніемъ и въ городахъ: промышленность развивается настолько вяло, что неспособна поглотить растущее число пролетаріата, причемъ безчисленная прислуга знати, непроизводительный, экономически паразитарный классъ, увеличивается гораздо быстрѣе, чѣмъ промышленники (среди которыхъ непослѣднюю роль играютъ производители предметовъ роскоши на ту же знать [1]). „Около 150,000 человѣкъ въ Парижѣ ($^1/_4$ парижскаго населенія) находились въ положеніи настолько необезпеченномъ, что малѣйшее возрастаніе цѣнъ на припасы, забастовка въ производствѣ или даже простое сокращеніе его размѣровъ неминуемо ставили ихъ на порогъ нищеты“ [2]). „Въ Ліонѣ въ 1787 году нищенствуетъ 30 тысячъ рабочихъ“ [3]). Свидѣтельства о нищенствѣ и безработицѣ изъ всѣхъ концовъ государства прямо безчисленны. Народное хозяйство Франціи въ *XVIII* вѣкѣ достигло мертваго пункта, дальше котораго оно не могло расширяться простымъ количественнымъ умноженіемъ отдѣльныхъ своихъ элементовъ, тре-

[1]) „По словамъ Мерсье, въ Парижѣ 20,000 человѣкъ заняты разноской воды по домамъ; десятки тысячъ работаютъ въ кофейныхъ и кондитерскихъ,—послѣднихъ насчитывается болѣе 600,—кроютъ, шьютъ, одѣваютъ массу празднаго люда, которому нѣтъ другой работы, какъ мѣнять туалетъ по меньшей мѣрѣ раза два въ день.. О числѣ домашней прислуги можно судить потому, что во многихъ домахъ 24 человѣка носятъ ливрею, такъ что, когда въ 1790 году рѣшено было запретить дворянскіе титулы и отличія, эта мѣра выбросила на улицу тысячи человѣкъ, занятыхъ до того или услуженіемъ, или шитьемъ присвоеннаго слугамъ костюма“ (Ковалевскій, I, 21). „Обратившійся скоро въ моду выѣздъ дворянъ за границу поставилъ въ то же положеніе отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ домашней челяди, содержимой прежде не столько изъ нужды, сколько изъ чванства, а теперь поставленной въ необходимость нищенствовать подъ окнами и просить работы у правительства“ (ib. 238—9).

[2]) Ibid.

[3]) Карѣевъ, l. c. 212. Тамъ же и другіе примѣры.

бовалось качественное измѣненіе, организація его на новыхъ началахъ. Что старая форма хозяйства, которую лучше всего назвать ремесленно - земледѣльческой, съ сильнымъ перевѣсомъ натуральнаго хозяйства, давно уже исчерпала свои производительныя потенціи, лучше всего свидѣтельствуетъ отсутствіе повышенія емкости территоріи относительно населенія, неподвижное состояніе послѣдняго втеченіе 18-го вѣка [1]).

Никогда еще не было такого одновременнаго совпаденія кризиса политическаго, финансоваго и экономическаго, какое имѣлось во Франціи предъ революціей. Революція внесла обновленіе во всѣ сферы жизни, въ частности, она была и экономической революціей. Судорожнымъ усиліемъ она вывела французское народное хозяйство изъ состоянія застоя и вызвала къ жизни, а еще болѣе освободила дремлющія силы новаго—капиталистическаго—развитія.

Не будемъ тратить много словъ на выясненіе значенія революціи, болѣе или менѣе общеизвѣстнаго. Революція смела остатки феодализма, стѣсненій промышленной жизни; въ области экономической жизни она явилась осуществленіемъ освободительныхъ

---

[1]) Естественно, что точной статистики населенія въ XVIII вѣкѣ не существуетъ, и данныя шатки и противорѣчивы (Точку опоры для сужденія о населеніи въ концѣ XVII вѣка даетъ извѣстное сочиненіе *Vauban*, La dîme royale, а для средины вѣка исчисленія очаговъ (feu), по которымъ можно предположительно опредѣлить населеніе). Тѣмъ не менѣе мнѣніе о неподвижномъ состояніи населенія въ XVIII вѣкѣ раздѣляется напр. Тэномъ (L'Ancien Régime, 430, прим. 1). Л. де-Лавернь сообщаетъ: „вслѣдствіе уменьшенія населенія, которое наблюдается въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, съѣстные припасы понизились въ цѣнѣ; цѣна на хлѣбъ, которая была на Парижскомъ рынкѣ 17 ф. за гектолитръ, въ теченіе трехъ послѣднихъ четвертей столѣтія упала болѣе чѣмъ на треть". (*Lavergne.* Les économistes français, 93).—Замѣчательно, что при всемъ отвращеніи французовъ къ эмиграціи—Франція имѣетъ самый низкій и, въ общемъ, совершенно незначительный процентъ эмиграціи,—въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ жалобы и на эмиграцію. Галантный Маго напр. выражаетъ свои сожалѣнія въ слѣдующей забавной тирадѣ, которую я боюсь испортить переводомъ: „quoique la France par la bonté de son climat, la fécondité de son sol, les plaisirs qu'on y trouve, l'élégance de son luxe, les charmes de la société, les agréments de celui de deux sexes qui attire l'autre, semble devoir fixer dans son sein ceux qui ont le bonheur d'y être nés, il n'est peut être point d'état dans lequel l'émigration cause les maux plus sensibles" (*Maheau.* Récherches et considerations sur la population de la France, Paris. 1778. I, 243).

стремленій физіократовъ, торжествомъ принципа индивидуализма въ народномъ хозяйствѣ. Ни на чемъ такъ благодѣтельно не сказалось это освободительное дѣйствіе революціи, какъ на сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ вслѣдъ за отмѣной (большей частью безвозмездной) феодальныхъ правъ, вступилъ въ дѣйствіе Code Napoléon, кодексъ хозяйственнаго индивидуализма, гдѣ были брошены на рынокъ и подверглись живительному дѣйствію гражданскаго оборота мертвыя до сихъ поръ экономически имѣнія main morte и аристократіи, принадлежавшія рожденію и привиллегіи, а не хозяйственной энергіи и искусству [1]).

Открывающаяся теперь предъ нами эпоха,—первой половины XIX вѣка, представляетъ собою самое интересное время въ новѣйшей французской экономической исторіи, ибо именно въ это

---

[1]) *Arnauné* слѣдующимъ образомъ изображаетъ это значеніе революціи въ сводномъ руководствѣ *Lavisse et Rambaud* Histoire générale, tome VIII, p. 620—1. „если допустить, вмѣстѣ съ наибольшими авторитетами, что та часть земельныхъ имуществъ духовенства, которая была отчуждена, составляла миллиардъ, что имущества эмигрантовъ могли стоить до 1½ миліардовъ, можно думать, что десятая часть поземельнаго богатства страны была отдана на аукціонную продажу революціей. Не все перешло къ крестьянамъ; но невозможно, чтобы мелкая собственность не увеличилась благодаря этой земельной операціи. Земля не только была раздроблена въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ, но она была освобождена. Старыя церковныя имѣнія были освобождены отъ мертвой руки и вошли въ гражданскій оборотъ. Имѣнія, которыми уже владѣли сельскіе собственники, были освобождены отъ феодальныхъ повинностей, а также и нѣкоторыхъ другихъ. Завоеваніе земли крестьяниномъ было полное. Сначала онъ былъ на ней рабомъ, почти на тѣхъ же правахъ, какъ животное, употребляемое въ хозяйствѣ, рабочаго оспариваютъ другъ у друга и благодаря тому поднимается его цѣна, чтобы удержать его на землѣ, его освобождаютъ и даютъ ему даже землю за извѣстныя повинности и уплаты. Въ теченіе столѣтій освобожденіе раба и сдача земли въ аренду освобожденному рабу распространяются на всѣ провинціи. Такимъ образомъ, возникаетъ свободный земледѣлецъ-арендаторъ. Онъ становится собственникомъ подъ условіемъ уплаты чинша или опредѣленной феодальной ренты и разныхъ другихъ феодальныхъ правъ. Наканунѣ революціи нѣкоторыя изъ этихъ феодальныхъ повинностей въ значительной мѣрѣ были облегчены.. Законодательство Конституанты отмѣняетъ, наконецъ, феодальныя повинности; что же касается платежей нефеодальнаго характера, которыя Національное Собраніе объявило подлежащими выкупу, то крестьянинъ освободился отъ нихъ, сжигая архивы съ документами. Съ другой стороны, десятина была отмѣнена. Собственность была освобождена, укрѣплена, упрощена. Земледѣліе могло лишь выиграть отъ этого".

время создавались основы того народнохозяйственнаго строя, который мы имѣемъ теперь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это самая темная, мало изученная и мало обслѣдованная эпоха французской исторіи. Политическія бури, ее ознаменовавшія, и экономическій романтизмъ въ наукѣ (каковымъ является такъ называемый французскій утопическій соціализмъ) каждое по своему мѣшали научному изслѣдованію дѣйствительности. Намъ приходится характеризовать эту эпоху болѣе на основаніи гаданій и аналогій, нежели фактовъ.

Общій итогъ новаго направленія народнохозяйственнаго развитія выразился въ чрезвычайно значительномъ приростѣ населенія. Мы знаемъ, что въ *XVIII* вѣкѣ Франція страдала перенаселеніемъ, хотя населеніе ея, въ общемъ, было неподвижно. Революція дала такой сильный толчекъ общей экономической жизни страны, что онъ тотчасъ же отразился на этомъ народнохозяйственномъ барометрѣ. Не взирая на всѣ человѣческія жертвы, которыхъ стоили войны и революціонныя бури, населеніе Франціи обнаруживаетъ столь значительный приростъ, что онъ является самымъ высокимъ въ теченіе всего XIX столѣтія. Вотъ, для сравненія, цифры движенія французскаго населенія съ 1820—21 года.

Годы.	Населеніе.	Годичный приростъ.
1820/21	22 871,176	0,87
1825/26	31.129,507	0,81
1830/31	31.787,900	0,41
1835/36	32.759,829	0,59
1840/41	33.406,864	0,39
1845/46	34.546,975	0,66
1850/51	34.901,938	0,20
1855/56	35.174,124	0,15
1860/61	39.844.902	0,37
1865/66	36.495,489	0,36
1870/71	36.102,921	0,18
1875/76	36.905,788	0,54
1880/81	37,672,048	0,41
1885/86	38.218,903	0,29
1890/91	38.343,192	0,07
1895/96	38.517,975	0,09 [1])

[1]) Заимствую этотъ подсчетъ у *Rauchberg*'а: Bevolkerungswesen (Bevolkerungsbewegung der neuesten Zeit) въ Handw. d. Staatsw., 2-te Aufl., I, 656.

Особенно любопытно при этомъ то обстоятельство, что усиленный приростъ населенія, по крайней мѣрѣ, въ періодъ 1801—1846 годовъ [1]), распространяется рѣшительно на всѣ департаменты Франціи, какъ промышленные, такъ и земледѣльческіе, которые во второй половинѣ XIX вѣка уже теряютъ свое населеніе. Это показываетъ, что увеличеніе емкости территоріи относительно населенія обязано не только промышленности, но и земледѣлію.

У насъ нѣтъ точныхъ и прямыхъ данныхъ о развитіи французской промышленности въ эту эпоху (если не считать отрывочныхъ цифръ относительно нѣкоторыхъ отраслей производства). Что индустріализмъ развивался во Франціи за это время довольно интенсивно, косвенно можно судить по даннымъ о развитіи городского населенія, которыя имѣются въ статистикѣ, начиная съ 1846 года. Къ концу *XVIII* вѣка городское населеніе, какъ мы знаемъ, составляло не болѣе 10% всего населенія. Въ 1846 году процентъ городского населенія составляетъ уже 24,4%, и съ тѣхъ поръ непрерывно растетъ, равняясь въ 1891 (пока послѣднемъ отчетномъ году) уже 37,4%. Конечно, промышленное населеніе не совпадаетъ съ городскимъ (послѣднее для насъ особенно интересно, какъ рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ), но вотъ цифры относительно распредѣленія населенія Франціи по профессіямъ:

	На 10,000 приходилось.			
	Земледѣліе.	Промышленность.	Торговля.	Либеральныя профессіи
1851	5,627	2,768		1,115
1856	5,294	2,907	453	906
1861	5,316	2,735	392	919
1866	5,149	2,879	399	948
1872	5,271	2,406	843	1,116

Ср. также сопоставленія *Foville.* La France économique, стр 10. Также *L. de Lavergne*, Agriculture et population, 316.

[1]) Подробныхъ свѣдѣній о ростѣ населенія по провинціямъ здѣсь не привожу, чтобы не злоупотреблять терпѣніемъ читателя. Желающіе провѣрить сказанное могутъ обратиться или къ *Levasseur*'у: La population française, I, 400 слл. или къ оффиціальнымъ изданіямъ: Dénombrement de la population (изданія Ministère de la commerce и Ministère d'intérieur Послѣднее изданіе 1896 года).

	На 10,000 приходилось			
	Земледѣліе.	Промышленность.	Торговля.	Либеральныя профессіи
1876	5,304	2,593	1,033	1,030
1881	5,003	2,556	1,053	1,016
1886	4,772	2,517	1,150	1,109
1891	4,733	2,589	1,076	1,082 [1])

Слѣдуетъ особо отмѣтить, что съ средины 40-хъ годовъ во Франціи начинается постройка желѣзныхъ дорогъ, прорѣзающихъ страну во всѣхъ направленіяхъ [2]).

Всѣ эти обстоятельства могли имѣть только одно значеніе для земледѣлія: они создавали ему внутренній, непрерывно растущій рынокъ, содѣйствуя утратѣ прежняго натуральнохозяйственнаго характера земледѣлія и превращенію его въ рыночное производство. Первая половина XIX вѣка отмѣчена непрерывнымъ ростомъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, подъ вліяніемъ расширенія рынка. Цѣна гектолитра пшеницы — въ среднемъ по 10-лѣтіямъ — измѣнялась такъ (въ франкахъ и сантимахъ):

	Фр.	С.
1806—10	19	94
1811—20	24	61
1821—30	18	38
1831—40	18	94
1841—50	19	74
1851—60	22	11

Исключительно высокія цѣны перваго и особенно второго десятилѣтія XIX вѣка объясняются военнымъ временемъ [3]). Намъ

[1]) Статистическія данныя тамъ, гдѣ не показанъ спеціально источникъ, заимствуются изъ оффиціальной статистической литературы. Въ частности этотъ послѣдній подсчетъ заимствованъ изъ Dénombrement de la population.

[2]) Начало постройки желѣзныхъ дорогъ во Франціи относится къ 1838 году. Въ 1840 году было желѣзныхъ дорогъ въ общей сложности 427 километровъ, въ 1860—9,439, въ 1870—17,462, въ 1880—26,191, въ 1890—36,672, въ 1897—41,342 (Статья *Wiedenfeld*'а: Eisenbahnstatistik въ Handw. d. Staatsw. 2-te. Aufl., II, 578)

[3]) Это время характеризуется и наибольшими колебаніями цѣнъ: разница между максимальной и минимальной цѣной въ періодѣ 1800—10 гг. 10 фр. 67 сант., а 1811—20 гг. 15 фр. 27 сант., между тѣмъ двухъ слѣдующихъ десятилѣтій 7 фр. 10 сант. и 6 фр. 89 сант.

уже извѣстно, что поднятіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты составляетъ самое важное условіе для роста интенсивности и производительности земледѣлія. У насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ относительно первыхъ трехъ десятилѣтій; сравненіе можетъ быть сдѣлано лишь для средины XIX вѣка. Измѣненія въ площади воздѣлыванія мы можемъ опредѣлить для періода 1840—1862. Земледѣльческая площадь увеличилась за это время съ 25.227 тысячъ гектаровъ до 26,569 тысячъ; напротивъ, площадь „landes et terres incultes“ уменьшилась съ 9,191 тысячи гектаровъ до 7,346. Ростъ интенсивности хозяйства явствуетъ изъ разныхъ признаковъ. Прежде всего объ этомъ свидѣтельствуетъ сокращеніе площади подъ паромъ (jachères) съ 6,763,281 гектара въ 1840 году до 5.147,862 гектаровъ въ 1862 (не взирая на общій ростъ воздѣлываемой площади). Еще болѣе это явствуетъ изъ роста какъ общаго производства разныхъ хлѣбовъ, такъ и средней производительности гектара. Сравненіе мы можемъ сдѣлать для періода 1834 — 43 и 1856 — 65 годовъ: среднее годовое производство всѣхъ хлѣбовъ возросло за это время на 45.073,843 гектара (цифра 1834—43 годовъ— 198.980,997).

Средняя производительность гектара.

	1840	1862
Пшеница . . .	12,45	14,69
Рожь	10,79	12,91
Ячмень	14,02	18,87
Овесъ	16,30	24,40
Маисъ	12,06	14,75
Греча	13,01	16,26

Можно сопоставить еще среднюю производительность съ гектара въ деньгахъ, что дастъ общіе результаты повышенія какъ средней производительности гектара, такъ и цѣнъ.

	1834—43 франки.	1856—65 франки	Разница франки.
Пшеница . . .	197	272	75
Рожь	116	194	78
Ячмень	116	224	108
Овесъ	101	191	90
Маисъ	113	214	101
Греча	94	183	88

Также расло и скотоводство, какъ въ цѣляхъ молочнаго, такъ и мясного хозяйства. Что касается послѣдняго, то количество мяса, полученное отъ убоя скота, составляло въ килограммахъ.

	1840.	1860.	Цѣна килограмма 1840. фр. с.	1862. фр. с.
Говядина .	309.655,734	479.960,724	6,75	1.11
Баранина .	81.579,706	114 807,913	0,80	1,24
Свинина . .	290.446,475	377.703,832	0,84	1,26
Всего .	681.681,915	972.472,469	—	—

Довольно цифръ. Очевидно, и во Франціи мы наблюдаемъ то же, что мы привыкли наблюдать и въ другихъ государствахъ: повышеніе производительности земледѣлія какъ тѣнь идетъ за развитіемъ рынка и слѣдующимъ въ результатѣ его повышеніемъ цѣнъ, является, если не прямой, то отраженной функціей первыхъ стадій развитія капитализма [1]).

Что касается внутренней организаціи земледѣлія за это время и происходившихъ въ ней измѣненій, мы почти ничего не знаемъ и принуждены довольствоваться одними предположеніями.

Для сужденія о взаимномъ отношеніи крупнаго и мелкаго хозяйства въ разсматриваемый періодъ у насъ есть слѣдующіе отправные пункты. Намъ извѣстно, съ одной стороны, что площадь крупнаго хозяйства предъ революціей была совсѣмъ незначительна (какъ мы видѣли, ее опредѣляли отъ шестой до седьмой доли всей обрабатываемой земли). Въ 1882 году крупная культура выше 40 гектаровъ занимала 44,96% всей площади. Конечно, 40 гектаровъ слишкомъ низкая граница для опредѣленія крупной культуры, особенно въ цѣляхъ сравненія съ XVIII вѣкомъ. Тѣмъ не менѣе мы необходимо должны признать, что площадь крупнаго хозяйства въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII увеличилась. Кромѣ того, есть основанія думать, что съ 60-хъ годовъ она скорѣе убываетъ и во всякомъ случаѣ едва-ли увеличивается. Если такъ, то эпоха главнаго расширенія крупнаго хозяйства во Франціи приходится на первую половину

[1]) Историкомъ французскаго земледѣлія въ это время является Леонсъ де-Лавернь въ своей книгѣ Economie rurale de la France depuis 1789. Paris. 1860. Здѣсь дана характеристика состоянія земледѣлія по различнымъ районамъ.

XIX вѣка; это является естественнымъ продолженіемъ тенденціи къ концентраціи хозяйства, которую мы отмѣтили предъ революціей. Капитализмъ проникалъ и въ земледѣліе

Однако это вовсе не значитъ, чтобы расширеніе крупнаго хозяйства сопровождалось гибелью крестьянскаго хозяйства. Совсѣмъ напротивъ. Мы знаемъ, что революція бросила на рынокъ массу земель, часть которыхъ—большая или меньшая, это спорно—не могла не попасть въ руки крестьянъ. Они вышли изъ революціи во всякомъ случаѣ не потерявшими своихъ земельныхъ владѣній; революція ни въ какомъ случаѣ не была для нихъ экспропріаціей, какъ освобожденіе крестьянъ въ Германіи и „огораживанье“ въ Англіи. Если опять таки сравнивать два крайніе момента, то мы будемъ имѣть въ качествѣ несомнѣннаго вывода, что крестьянская собственность не уменьшилась, а увеличилась въ теченіе XIX вѣка. Прямыхъ данныхъ о распредѣленіи собственности, нѣтъ, есть статистика податныхъ единицъ — côtes foncières [1]). Для 1881 года Фовиль [2]) даетъ слѣдующую группировку земельной собственности. (См. стр. 173).

Для 1884 года проф. Левитскій [3]) даетъ болѣе удобную группировку.

	На 1,000 владѣній.	На 1,000 гекторовъ.
Мелкая собственность (0—10 ha). .	921	355
Средняя собственность (10—40) . . .	66	258
Крупная собственность (40 и выше).	13	387

[1]) Côte foncière считается участокъ, лежащій въ данной коммунѣ и составляющій собственность одного лица; но если одинъ участокъ лежитъ въ двухъ или нѣсколькихъ коммунахъ, или одно лицо владѣетъ нѣсколькими участками, лежащими въ разныхъ коммунахъ, то одна собственность зачисляется какъ нѣсколько côtes foncières. Потому число этихъ послѣднихъ какъ правило превышаетъ число собственниковъ, и количество côtes foncières разныхъ размѣровъ служитъ только *косвеннымъ* показателемъ распредѣленія земельной собственности. Однако этими данными можно пользоваться, въ особенности для *сравненія* разныхъ періодовъ, не забывая, конечно, о приблизительности этихъ данныхъ. Въ пригодности статистики о côtes foncières для экономической характеристики убѣждаетъ въ особенности общее соотвѣтствіе территоріальнаго распредѣленія côtes foncières и размѣровъ хозяйствъ.

[2]) *Alfred de Fovrlle.* Le morcellement. Paris. 1885. стр. 91.

[3]) Проф. *Левитскій* Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи, стр. 32. Это сочиненіе представляетъ исчерпывающее фактическое описаніе французскаго земледѣлія въ эпоху кризиса

ГРУППИРОВКА ФОВИЛЯ.	Число.	%	Площадь.	%.
Очень мелкая собственность (ниже 2 гектаровъ)	10,426,368	74,09	5 211,456	10,53
Мелкая собственность (2—6 гектаровъ)	2,174,188	15.47	7.593,347	15,26
Средняя собственность (6—50 гектаровъ)	1,351,499	9 58	19,217,902	38,94
Крупная собственность (50—200 гектаровъ)	105,070	0.74	9,398,057	19,04
Очень крупная собственность (выше 200 гектаровъ) . . .	17,676	0,12	8,017,542	16,29
	14.074,801	100	49,388,304	100

И по тому и другому расчету земли мелкихъ собственниковъ (до 10 гектаровъ) можно смѣло опредѣлить въ $^1/_3$ всей территоріи; между тѣмъ, къ крестьянамъ же относятся въ большинствѣ случаевъ и средніе собственники,—площадь тѣхъ и другихъ, сосчитанная вмѣстѣ, составляетъ около $^2/_3$ всей территоріи. Между тѣмъ предъ революціей доля всего третьяго сословія, т. е. крестьянъ и буржуазіи, составляла $^1/_3$, а долю собственно крестьянскаго населенія опредѣляютъ значительно ниже [1]). Мы должны поэтому признать, что площадь крестьянскаго землевладѣнія значительно расширилась послѣ революціи. Въ извѣстной мѣрѣ это было дѣломъ самой революціи и распродажи съ аукціона массы земель, часть которыхъ попала въ крестьянскія руки. Но въ извѣстной мѣрѣ это былъ и естественный результатъ „conquête de la terre par paysan“, какъ выражаются иногда во французской литературѣ, результатъ процесса, происходившаго въ XIX вѣкѣ [2]). Косвенное опять-таки подтвержденіе этому мы имѣемъ

[1]) Ср. Карѣевъ, стр. 107, Ковалевскій I, 40.

[2]) Въ точности мы совершенно ничего не знаемъ объ исторіи этого процесса укрѣпленія крестьянской собственности, не знаемъ, между прочимъ, какую роль здѣсь играла гипотечная задолженность крестьянства, хотя можно предполагать, что, вѣроятно, нерѣдки были случаи, когда земля пріобрѣталась и въ долгъ. Но во всякомъ случаѣ мы должны отвергнуть какъ совершенную фантазію, которая проистекаетъ изъ теоре-

въ статистикѣ тѣхъ же côtes foncières, количество которыхъ увеличивается быстрѣе населенія, что свидѣтельствуетъ о происходящей парцелляціи земельной собственности. Вотъ сопоставленія Фовилля [1]):

	Côtes foncières.	Число жителей на каждую côte
1826. . . .	10.296,693	3,09
1835. . . .	10.893.527	3,05
1842. . . .	11.511,841	2.99
1848. . . .	12.059,172	2,95
1851. . . .	12.394,366	2.88
1858. . . .	13.118,723	2,77
1861. . . .	13.658,018	2,74
1865. . . .	14.027,996	2,71
1871. . . .	13.820,655	2.64
1875. . . .	14.061,294	2,61

Итакъ, мы имѣемъ, съ одной стороны, расширеніе крупнаго хозяйства, съ другой,—ростъ и укрѣпленіе крестьянской собственности.

Такой характеръ эволюціи ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, на большинство изъ которыхъ не можетъ быть дано отвѣта за недостаткомъ данныхъ. Прежде всего, кто были эти новые крупные землевладѣльцы, которые повели земледѣліе на крупнокапиталистическихъ началахъ? Можно предположить, что въ зна-

---

тическаго предразсудка и не можетъ быть подтверждена никакими историческими данными, слѣдующее утвержденіе Маркса (относящееся къ 50-мъ годамъ XIX вѣка). „крестьянская парцелла есть лишь предлогъ, дозволяющій капиталисту извлекать съ поля ренту, прибыль, процентъ и предоставлять самому земледѣльцу заботу о томъ, чтобы какъ-нибудь получить свою заработную плату. Ипотечный долгъ, тяготѣющій на французской землѣ, обязываетъ французское крестьянство платить годичные проценты въ такомъ количествѣ, какъ процентныя уплаты по всему британскому государственному долгу. Парцеллярная собственность благодаря этой рабской зависимости отъ капитала, къ которой неизбѣжно ведетъ ея развитіе, превратила массу французской націи въ троглодитовъ“ (*Marx.* Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte 3-te Auflage. Hamburg. 1885. Стр. 101) Ср еще замѣчанія Энгельса въ путевомъ отрывкѣ „Von Paris bis Bern“ въ Neue Zeit, 1899.

[1]) *A. de Foville.* Le morcellement, 65. Данныя 1816 и 1821 годовъ оставляемъ за ихъ несравнимостью (ср. тамъ же, 62—3).

чительной мѣрѣ это были новые люди, не старое дворянство, а „среднее сословіе“. Извѣстно, что въ руки этого средняго сословія переходили земли изъ рукъ разоряющагося дворянства въ теченіе всего XVIII вѣка. Это перемѣщеніе имѣло огромное соціальное и политическое значеніе, создавая реальныя основанія для формулы Сійэса, что „третье сословіе это все“, но осязательные экономическіе его результаты пока были слабы: перемѣна собственности не всегда сопровождалась измѣненіями въ характерѣ культуры, для чего не пришло еще время. Тенденція къ концентраціи фермъ, какъ мы видѣли, была только въ началѣ. Въ огромномъ количествѣ въ руки буржуазіи перевела земельную собственность революція распродажей съ аукціона клерикальныхъ и дворянскихъ имѣній. Старыя, аристократически-феодальныя формы собственности были разрушены, настало время буржуазной собственности, собственности Code Napoléon. Откуда взялись капиталы для воздѣлыванія этихъ земель? Былъ ли это давнишній плодъ „первоначальнаго накопленія“, добыты ли они наложеніемъ гипотеки,— мы ничего не знаемъ.

Далѣе возникаетъ вопросъ: откуда взяло крупное производство наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, потребность въ которыхъ возрасла вмѣстѣ съ его собственнымъ ростомъ. Здѣсь мы подходимъ къ основной особенности французской исторіи, кладущей печать оригинальности на эту послѣднюю и имѣющей капитальное значеніе для всей дальнѣйшей экономической исторіи Франціи. Мы знаемъ, какъ возникало крупное производство въ Англіи и Германіи: оно возникало благодаря экспропріаціи, которая приносила съ собой, съ одной стороны, земли, а съ другой, классъ обезземеленныхъ, „свободныхъ“ рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ происхожденіе крупнаго земледѣлія было экономически революціонно. Напротивъ, во Франціи, хотя новая, буржуазная, земельная собственность родилась вмѣстѣ съ политической революціей, происхожденіе крупнаго хозяйства явилось результатомъ долгаго эволюціоннаго процесса, корни котораго восходятъ къ XVI вѣку и въ исторіи котораго революція послужила лишь толчкомъ. Крупное хозяйство существовало во Франціи до революціи, и до революціи было уже сословіе наемныхъ рабочихъ. Революція, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обезземелила крестьянства, а наоборотъ, укрѣпила его собственность. Слѣдовательно, изъ этого источника недостатокъ въ наемныхъ рабочихъ восполненъ быть не можетъ. Но остается

одна категорія, на счетъ которой выиграло крупное производство и землями и—что еще важнѣе—рабочей силой: это половники, обширный классъ земледѣльческаго пролетаріата. У насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, но мы вынуждены предположить, что значительная масса этихъ половниковъ была превращена въ наемныхъ рабочихъ (другая же часть, болѣе счастливая, составила контингентъ растущаго крестьянства). За вѣроятность именно такого хода эволиціи говоритъ цѣлый рядъ соображеній. Прежде всего, сопоставляя фактъ роста крупнаго производства, съ одной стороны, и крестьянской собственности съ другой, мы должны въ качествѣ исключеннаго третьяго предположить, что есть одна только группа, на счетъ которой могли укрѣпляться эти обѣ категоріи,—это половничество. Половничество было формой аграрнаго пауперизма, составлявшаго результатъ земледѣльческаго безвременья (вслѣдствіе общаго хозяйственнаго застоя) въ соединеніи съ аграрнымъ перенаселеніемъ. Стремленіе къ концентраціи фермъ, оборотная сторона чего есть изгнаніе половниковъ (въ классическомъ выраженіи это явленіе мы будемъ изучать въ Ирландіи), обнаружилось еще до революціи Всего естественнѣй предположить, что, съ измѣненіемъ общихъ экономическихъ условій въ благопріятномъ для земледѣлія смыслѣ послѣ революціи, эта тенденція усилилась съ дальнѣйшимъ проникновеніемъ въ деревню буржуазіи. Крестьянство распалось на двѣ, уже рѣзко различныя между собою, части: пролетаріатъ и мелкихъ собственниковъ [1]). Такимъ образомъ, слѣдуетъ предположить (еще разъ оговариваюсь, что это лишь умозаключенія, лишенныя фактической опоры), что и во Франціи, если не было въ столь широкихъ размѣрахъ экспропріаціи какъ въ Англіи и Германіи, но частичная экспропріація имѣла мѣсто. Сельскохозяйственные рабочіе во Франціи, слѣдовательно, двоякаго происхожденія: до-революціоннаго, даже еще средневѣковаго, и послѣ-революціоннаго, новѣйшаго.

[1]) Общее число половниковъ, до революціи составлявшихъ большую часть земледѣльческаго населенія, черезъ 100 лѣтъ, въ 1892 году составляло всего 344,168 или 7,18% всего земледѣльческаго рабочаго населенія (4 792,814), а площадь воздѣлываемой ими земли 3,767 тысячъ гектаровъ изъ общей площади воздѣлываемой земли (безъ лѣса) въ 34. 720,2 или около 10%. Извѣстно, что съ 1862 года число половниковъ не подвергалось значительнымъ измѣненіямъ Уже изъ этого одного слѣдуетъ, что половничество, по словамъ Юнга встрѣчавшагося въ $^7/_8$ Франціи, дошло до скромныхъ 7,18% въ первую половину XIX вѣка.

Еще вопросъ: было-бы во Франціи то состояніе общаго перенаселенія, которое мы наблюдали въ началѣ капиталистическаго развитія въ Англіи и Германіи и назвали тамъ предкапиталистическимъ? Какъ мы знаемъ, эта форма перенаселенія есть прежде всего деревенская и образуетъ своего рода теплицу для крупнаго земледѣлія, источникъ его благосостоянія и процвѣтанія. Прямыхъ данныхъ для отвѣта и на этотъ вопросъ нѣтъ. Но слѣдуетъ думать, что и во Франціи, можетъ быть, въ слабѣйшей степени имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія, что и въ другихъ странахъ. Состояніе Франціи предъ революціей, несомнѣнно, характеризуется какъ состояніе общаго перенаселенія, которое могло быть устранено только переходомъ къ высшей формѣ народнаго хозяйства,—къ развитію индустріализма. Послѣреволюціонная Франція, вѣроятно, еще болѣе страдаетъ—первое время—отъ перенаселенія, нежели до революціи. Для этого существуетъ цѣлый рядъ условій: прежде всего, частичная экспропріація половниковъ, которую мы только что выяснили; затѣмъ, чрезвычайно значительный приростъ населенія, который долженъ быть отнесенъ, съ одной стороны, насчетъ хозяйственнаго прогресса, но съ другой, являлся результатомъ того толчка всей народной жизни, который дала революція. Мы знаемъ уже, что такія потрясенія народной жизни, въ особенности сопровождающіяся измѣненіями въ экономическихъ условіяхъ, вызываютъ болѣе значительный приростъ населенія, чѣмъ въ предшествующую эпоху; населеніе какъ бы пробуетъ помѣстительность новаго народно-хозяйственнаго зданія и, въ большинствѣ случаевъ, первое время преувеличиваетъ его дѣйствительные размѣры. Итакъ, оба эти условія говорятъ въ пользу того, что населеніе было достаточно избыточно, чтобы давать надъ собою власть земледѣльческому капиталисту. Но есть условія, которыя вліяли въ обратномъ направленіи. Сюда относится, прежде всего, та же самая причина, которая фигурируетъ и въ ряду причинъ, создавшихъ перенаселеніе,—именно расширеніе крупнаго хозяйства, ибо это послѣднее самымъ фактомъ своего существованія создавало спросъ на рабочую силу. Однако извѣстно, что крупное производство употребляетъ обыкновенно меньше рабочей силы, нежели мелкое производство, имъ вытѣсняемое: разрѣженіе сельскохозяйственнаго населенія, какъ мы не разъ повторяли, есть обычная метода крупнаго производства. Второй причиной является отливъ населенія въ города и

въ промышленность; но мы ничего не знаемъ (до 1846 года) о томъ, какъ интенсивно было это движеніе и способно-ли оно было парализовать перенаселеніе. Есть косвенный (и довольно отдаленный) признакъ, показывающій, что оно не было способно сдѣлать это: признакомъ этимъ служитъ тотъ уже отмѣченный выше фактъ, что приростъ населенія до 1846 года распространялся на *всѣ* департаменты; фактъ этотъ, какъ мы уже замѣтили, служитъ косвеннымъ свидѣтельствомъ тому, что за это время земледѣльческое населеніе вообще растетъ. Слѣдовательно, отсутствуетъ еще обычная въ настоящее время картина убыли населенія или—по крайней мѣрѣ—его застоя въ земледѣльческихъ округахъ. Весьма вѣроятно, что приростъ этотъ приходился въ большей мѣрѣ на долю наемныхъ рабочихъ, чѣмъ на долю крестьянства, въ силу извѣстной разницы въ способѣ размноженія и того и другого. Наконецъ, условіемъ, благопріятнымъ для сельскихъ рабочихъ, являются войны начала вѣка, разрѣжающія населеніе, и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, склоняющія чашку вѣсовъ въ сторону превышенія спроса надъ предложеніемъ: съ вліяніемъ войны на судьбы сельскихъ рабочихъ мы уже знакомы изъ исторіи Англіи и Германіи.

Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, что въ первую половину XIX вѣка Франція—и особенно сельскіе округа ея—были нѣсколько пресыщены населеніемъ, и такимъ образомъ главное условіе благосостоянія капиталистическаго земледѣлія—аграрное перенаселеніе—было на лицо.

Но, какъ и экспропріація, перенаселеніе во Франціи, очевидно, было не такъ значительно и обильно, какъ въ другихъ странахъ, и выселеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ города даетъ себя чувствовать повышеніемъ платы остающихся сравнительно весьма рано. Конечно, жалобы на это повышеніе формулируются какъ жалобы на недостатокъ рабочей силы [1]). Уже въ 1848 году вслѣдствіе

---

[1]) Въ эту эпоху процвѣтанія земледѣлія про жалобы на недостатокъ рабочихъ можно сказать словами Авенеля: „слѣдующее замѣчаніе имѣетъ видъ парадокса, но представляетъ собой строгую истину: недостатокъ рабочихъ рукъ доказываетъ цвѣтущее состояніе земледѣлія. Въ концѣ царствованія Людовика XV жаловались, что земледѣлію не хватаетъ рабочихъ, то же самое во времена Сюлли; и вообще жаловались во всѣ времена сельскохозяйственнаго прогресса. Эта жалоба доказываетъ одно изъ двухъ: или то, что къ воздѣлыванію привлекается площадь большихъ

возмущенія 15-го мая, по требованію Comité du travail, было предписано произвести изслѣдованіе, которое въ числѣ другихъ вопросовъ ставило, между прочимъ, и слѣдующій: „какія средства могли бы удержать сельскохозяйственныхъ рабочихъ отъ эмиграціи въ города, а также направить къ полевымъ работамъ руки, не занятыя въ индустріи [1])?“ Жалобы на недостатокъ рукъ въ это время не свидѣтельствуютъ еще о дѣйствительномъ угнетеніи земледѣлія, но имѣютъ лишь, такъ сказать, симптоматическій характеръ.

Та же особенность экономическаго развитія Франціи имѣетъ и другія послѣдствія, которыя являются по своему значенію безконечно важнѣе указанныхъ и которыхъ удобно коснуться теперь же. Характеръ первоначальной экспропріаціи или—шире—первоначальнаго предкапиталистическаго перенаселенія предопредѣляетъ собою весь характеръ капиталистическаго развитія страны, въ данномъ случаѣ Франціи. Мы видѣли, что въ исторіи Англіи связь населенія съ землей разрывалась насильственно, и огромныя массы населенія оказывались сразу пролетаріями, ждущими своего господина-капитала. То же самое—хотя нѣсколько слабѣе и нѣсколько иначе—было, въ исторіи Пруссіи. Будущіе слуги капитала были на лицо и ожидали своего господина, который, какъ настоящій господинъ, является не прежде, а послѣ слугъ. Во Франціи

размѣровъ, нежели до сихъ поръ, или то, что заработная плата повышается, ибо, когда собственники и фермеры говорятъ, что руки рѣдки, это значитъ, что они находятъ ихъ слишкомъ дорогими и отказываются платить имъ требуемую плату“. (*Vicomte d'Avenel.* Histoire économique etc I, 181).

[1]) *Levasseur.* La population française, III, 315. Естественно, что, „вопросъ остался безъ отвѣта, а зло, если таковое дѣйствительно существуетъ, безъ исправленія“ (ibid.). „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ во французской литературѣ, въ сельскохозяйственныхъ обществахъ и прессѣ всплываетъ гораздо раньше, чѣмъ въ Германіи и особенно въ Англіи. Вотъ напр. какъ опредѣляетъ нѣкій Seignouret (сельскій хозяинъ) „обезлюденіе деревень“ (dépopulation des campagnes) уже въ 1864 году въ рѣчи. Note sur la dépopulation des campagnes présentée à la société d'agriculture de la Gironde: „Обезлюденіе деревень, которое мы должны изслѣдовать, состоитъ не въ уменьшеніи количества жителей деревенскихъ общинъ, но именно въ уменьшеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, въ рѣдкости рукъ, спеціально предназначенныхъ для сельскохозяйственнаго труда и производства питательныхъ продуктовъ“. (*Seignouret.* Essais d'économie rurale et agricole. Paris. 1897. Стр. 175).

онъ не нашелъ слугъ въ такомъ изобиліи какъ въ Англіи и Пруссіи, потому что экспропріація, если и была здѣсь, то въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, а главный контингентъ рабочихъ рукъ доставленъ былъ естественнымъ перенаселеніемъ. Отсюда понятна разница: Англія съ головокружительной быстротой, рядомъ судорожныхъ усилій, дѣлается городской и промышленной страной, и скоро завоевываетъ промышленную гегемонію. Столь же лихорадочнымъ характеромъ отличается развитіе промышленности и городской жизни въ Германіи второй половины XIX вѣка: въ какую-нибудь четверть вѣка она опережаетъ Францію и становится въ первомъ ряду промышленныхъ государствъ, рядомъ съ Англіей. Франція предъ революціей является не менѣе, а скорѣе болѣе развитой экономически страной чѣмъ Германія; она стоитъ немного позади Англіи (для которой еще въ XVIII вѣкѣ она являлась серьезной соперницей), и французская промышленность въ наиболѣе развитыхъ своихъ отрасляхъ имѣетъ уже вѣковую исторію. Въ теченіе первой половины XIX вѣка она въ экономическомъ отношеніи ушла далеко впередъ земледѣльческой Германіи, и тѣмъ не менѣе въ настоящее время она оказывается позади и той и другой, и все болѣе и болѣе затирается въ міровой конкурренціи. Однимъ изъ главныхъ условій является, въ нашихъ глазахъ, отмѣченное (сравнительное) отсутствіе здѣсь экстренныхъ средствъ развитія капитализма въ видѣ массовой экспропоріаціи [1]). Мы видѣли уже изъ статистическихъ данныхъ, какъ медленно, съ какой постепенностью увеличивается во Франціи городское и промышленное населеніе, съ какой вялостью протекаютъ здѣсь всѣ народохозяйственные процессы, какъ слабо пульсируетъ весь общественный организмъ. Въ началѣ вѣка отсутствіе обширнаго пролетаріата помѣшало Франціи стать рядомъ съ Англіей и потягаться съ нею за промышленную супрематію; черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ это было уже поздно. Та же самая причина въ срединѣ вѣка не позволила выдержать болѣе побѣдоносно надвигающуюся

[1]) Связь эта ясна для Легуа, который говоритъ „если сельская эмиграція во Франціи не является настолько быстрой какъ въ Англіи, напримѣръ, гдѣ въ настоящее время только треть занята въ земледѣліи (писано въ 1866 году), это объясняется дробленіемъ земельной собственности, существующимъ въ нашей странѣ“ (далѣе идетъ патріотическая риторика). *Legoyt.* Du morcellement de la propriété en France et dans les principaux états de l'Europe. Marseille. 1865. Стр. 52.

конкурренцію Германіи. Корни теперешняго экономическаго декаданса Франціи нужно искать, такимъ образомъ, за сто лѣтъ тому назадъ,—въ экономическомъ характерѣ французской революціи; отсутствіе злодѣяній, позорящихъ исторію другихъ странъ, какъ напр. Англіи, является причиной теперешняго угнетенія. Исторія не знаетъ человѣческой справедливости...

Возвратимся къ французскому земледѣлію эпохи процвѣтанія. Истиннымъ двигателемъ земледѣльческаго прогресса является растущій рынокъ. Но какая форма земледѣльческаго предпріятія является носительницей этого прогресса? У насъ нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, остаются гаданія. Позволительно думать, что сельскохозяйственный прогрессъ явился дѣломъ обоихъ усиливающихся въ это время земледѣльческихъ классовъ: крупныхъ капиталистовъ и крестьянскихъ собственниковъ. Приписывать этотъ прогрессъ какому-нибудь одному изъ этихъ классовъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Слѣдуетъ замѣтить, что французское земледѣліе производило въ это время на внутренній рынокъ, слѣдовательно, условія сбыта не предоставляли особыхъ преимуществъ крупному производству предъ мелкимъ. Это же подтверждается и имѣющимися у насъ описаніями. Такъ напримѣръ Л. де Лавернь въ своемъ описаніи французскаго земледѣлія въ числѣ мѣстностей съ наиболѣе цвѣтущимъ земледѣліемъ естественно указываетъ на промышленные и густонаселенные департаменты сѣвера Франціи, гдѣ тогда какъ и теперь наиболѣе распространена была мелкая крестьянская культура. „Здѣсь встрѣчается—говоритъ Лавернь,—крупная, средняя и мелкая культура, но господствуетъ мелкая, и она даетъ поразительные результаты“. [1]).

Заслуживаетъ вниманія, что въ XIX вѣкѣ прекращаются во Франціи голодовки, опустошавшія ее въ теченіе всей средневѣковой и новѣйшей исторіи (если не считать отдѣльныхъ недородовъ). Этимъ лучше всего, можетъ быть, характеризуется общественный и сельскохозяйственный прогрессъ Франціи въ XIX вѣкѣ. Не забудемъ, что теперешняя побѣдоносная соперница Франціи Германія знаетъ голодовки до половины XIX вѣка, слѣдовательно, долго спустя послѣ ихъ прекращенія во Франціи.

Нашему изученію подлежитъ теперь эпоха аграрнаго кризиса,

---

[1]) *L. de Lavergne.* L'économie rurale, 71.

первые признаки котораго для Франціи обнаруживаются съ 60-хъ годовъ и который съ теченіемъ времени все усиливается, достигая наибольшей остроты въ наши дни. Вліяніе кризиса обнаруживается для Франціи цѣлымъ десятилѣтіемъ ранѣе, чѣмъ для Германіи (Англію оставляемъ въ сторонѣ, потому что она представляетъ рѣзкое отличіе отъ этихъ обѣихъ странъ). Главная причина этого та, что въ соотвѣтствующій періодъ времени Франція стояла въ промышленномъ отношеніи впереди Германіи, и это выразилось прежде всего въ томъ, что во Франціи не стало хватать собственнаго хлѣба гораздо ранѣе чѣмъ Германіи; въ то время, какъ Германія еще вывозитъ хлѣбъ, Франція давно уже его ввозитъ. Собственно говоря, ввозящей хлѣбъ страной Франція является уже въ началѣ вѣка, но ввозъ этотъ тогда былъ абсолютно и относительно ничтоженъ, къ тому же годы избытка вывоза чередуются съ годами избытка ввоза, встрѣчаясь первое время чаще чѣмъ послѣдніе; съ теченіемъ времени однако такихъ годовъ становится все меньше, а съ средины 70-хъ годовъ и совсѣмъ не встрѣчается (1877 годъ былъ послѣдній, когда было небольшое превышеніе вывоза пшеницы). Вотъ данныя о роли иностранной пшеницы въ потребленіи французскаго народа въ среднемъ по десятилѣтіямъ [1]) (въ тысячахъ гектолитровъ).

	Внутреннее производство	Перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ.	Вся сумма для потребленія.
1831—1841	68,436	478	68,914
1842—1851	81,041	569	81,611
1852—1861	88,986	1,950	90,936
1862—1871	98,339	3,274	101,613
1872—1881	100,295	10,660	110,955
1882—1891	107,096	15,015	122,111

Ввозъ другихъ хлѣбовъ долженъ быть еще значительнѣе, потому что пшеница является, до извѣстной степени, излюблен-

[1]) Ежегодныя данныя, начиная съ 1831 года, можно найти въ Statistique agricole de la France publié par le ministère de l'agriculture. Résultats généraux de l'enquête décennale de 1892. Paris. 1897. (Цифры эти перепечатаны у г. Левитскаго. l. c., прилож. къ стр. 16). Статистическія данныя касательно эпохи аграрнаго кризиса заимствованы изъ этой превосходной анкеты (а равно и не менѣе превосходной анкеты 1882 года, изд. 1887. Nancy), отчасти также 1862 года, иногда болѣе раннихъ.

нымъ хлѣбомъ французскаго земледѣлія, и ея производство до послѣдняго времени возрастало, между тѣмъ, какъ производство всѣхъ остальныхъ хлѣбовъ (кромѣ овса) идетъ назадъ.

Пониженіе цѣнъ, въ которомъ, какъ мы уже теперь знаемъ, выражается дѣйствіе аграрнаго кризиса, начинается во Франціи для зерновыхъ хлѣбовъ съ 60 годовъ. Это пониженіе, такимъ образомъ, наступаетъ здѣсь раньше, чѣмъ на всемъ міровомъ рынкѣ и есть, очевидно, выраженіе разницы въ условіяхъ производства хлѣба (слѣдовательно, различной напряженности производительныхъ силъ почвы) во Франціи и странахъ, ввозящихъ хлѣбъ. Первое время пониженіе это нестойко и смѣняется даже повышеніемъ, отчасти подъ вліяніемъ войнъ Наполеона III. Вотъ среднія за десятилѣтіе цѣны гектолитра пшеницы.

Годы:	Фр.	С
1851—60	22	11
1861—70	21	47
1871—80	23	09
1881—90	18	89
1891—96	16	49

Конечно, измѣненія цѣны пшеницы является руководящими и для измѣненій цѣнъ остальныхъ зерновыхъ хлѣбовъ.

Прямымъ отвѣтомъ на это измѣненіе цѣнъ явилось сокращеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ, которая составляла въ 1862 году—15,621 тысячу гектаровъ или 28,77% земледѣльческой территоріи, 1882 году—15,096 или 28,56% и въ 1892 году—14,827 или 28,06% общей площади. Нужно, однако, замѣтить, что, не взирая на нѣкоторое сокращеніе земельной площади зерновыхъ хлѣбовъ, культура ихъ на оставшейся площади становилась интенсивнѣе, такъ что общее количество производимой пшеницы (какъ мы видѣли уже изъ одного изъ предшествующихъ сопоставленій) повышалось: пониженіе цѣнъ заставляло, очевидно, выключать изъ состава пшеничной площади лишь худшія земли. Средняя производительность гектара пшеницы возрастала съ 13,99 гектолитровъ въ среднемъ за 10-лѣтіе 1851—60 гг., до 14,28 въ 1861—70 гг., до 14,60 въ 1871—80 гг., до 15,65 въ 1881—90 гг., до 15,83 въ 1891—95 годахъ. Точно также возрасла и средняя производительность единицы площади, заня-

той большинствомъ другихъ зерновыхъ хлѣбовъ (цифрами не буду утомлять читателя) [1]).

Участь зерновыхъ хлѣбовъ раздѣлила и большая часть остальныхъ отраслей земледѣлія: за небольшими исключеніями (вродѣ сахарной свеклы, площадь производства которой выросла съ 136 тысячъ гектаровъ, 0,25% земледѣльческой площади въ 1862 году до 271 тысячи или 1,51% въ 1892) площадь земледѣльческихъ продуктовъ сократилась [2]). Это выражается въ общемъ сокращеніи всей земледѣльческой площади съ 26,559 тысячъ гектаровъ въ 1862 году (что составляло 48,92% всей территоріи) до 25,741 тысячъ (или 48,76%). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта площадь, хотя и уменьшившаяся, стала воздѣлываться интинсивнѣе. Объ этомъ можно заключить по непрерывному сокращенію—какъ абсолютному, такъ и относительному—земли подъ паромъ: въ 1862 году она составляла 5,148 тысячъ гектаровъ (9,49% всей площади), въ 1882 году 3,644 тысячи (6,89%), въ 1892 году 3,368 тысячъ (6,37%). [3]).

Наученный опытомъ другихъ странъ, читатель уже a priori предположитъ, что не всѣ отрасли земледѣлія одинаково пострадали отъ кризиса. Сокращеніе земледѣлія сопровождается расширеніемъ скотоводства [4]). Кромѣ условій, коренящихся во вну-

---

[1]) 1892 годъ, когда была послѣдняя анкета, былъ годомъ неблагопріятнаго урожая. потому сравненіе данныхъ о производительности земледѣлія за 1892 годъ приводитъ къ невѣрному заключенію о пониженіи послѣдней, между тѣмъ какъ повышеніе дѣлается очевиднымъ, если сравнивать не отдѣльные годы, а среднія за болѣе обширныя періоды (какъ это и сдѣлано въ анкетѣ: см. стр 105 и слѣд.).

[2]) Статистическія детали относительно разныхъ отраслей сельскохозяйственныхъ производствъ приводить здѣсь я считаю излишнимъ. Данныя анкеты по этому вопросу перепечатаны у г. Левитскаго: op. cit. passim.

[3]) Такое же значеніе имѣетъ общее расширеніе земледѣльческой площади насчетъ земель, негодныхъ или не воздѣлываемыхъ. Площадь „landes et terres incultes“, въ 1862 году занимавшая 7,346 тысячъ гектаровъ, въ 1882 году составляетъ уже 6,167 тысячъ, а въ 1892—6,165 тысячъ гектаровъ.

[4]) Нѣкоторое сокращеніе площади виноградниковъ (въ 1862 году 2,321 тысяча гектаровъ, въ 1892 году 1.800 тысячъ) объясняется страшными опустошеніями филоксеры. Этими же опустошеніями (какъ замѣчается въ анкетѣ) объясняется расширеніе въ нѣкоторыхъ департаментахъ площади подъ пшеницей (и, слѣдовательно, соотвѣтственное умень-

тренней организаціи сельскаго хозяйства, здѣсь вліяетъ, прежде всего, то обстоятельство, что конкурренція долгое время была гораздо менѣе чувствительна относительно продуктовъ животноводства нежели земледѣлія. Такъ, напримѣръ, средняя цѣна штуки скота espéce bovine въ 1862 году была 189 франковъ, въ 1882 году 237 и въ 1892 году 212. Цѣна килограмма говядины въ 1862 году была 1 фр. 11 сант., 1882 году 1 ф. 58 с., въ 1892 году 1 фр. 46 с. Соотвѣтственно измѣнялись и цѣны другихъ сортовъ мяса.

Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что площадь естественныхъ и искусственныхъ луговъ растетъ; пашня обращается въ естественный или искусственный лугъ. Вотъ главныя цифры (въ тысячахъ гектаровъ):

	1862		1882		1892	
Кормовыя травы и корнеплоды	386	0,71%	1,112	2,64%	1,332	3,16%
Искусственные луга . . .	2,773	5,10%	3,538	6,15%	3,532	6,16%
Естественныя пастбища .	5,021	9,24%	5,537	10,48%	5,920	11,20%

Сильнѣй всего, очевидно, увеличивалась категорія prés naturels et herbages, болѣе экстенсивная форма пастбищнаго хозяйства.

Расширенію пастбищъ соотвѣтствуетъ общее увеличеніе количества скота, которое однако неравно распредѣляется на различные его виды, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы.

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882		Разница между 1882 и 1892	
Лошадей	2,774,432	2,837,952	2,794,529	63,520	2,29%	—43,423	—1,53%
Рогатаго скота	12,368,331	12,997,054	13,708,997	628,723	5,08%	711,943	5,47%
Овецъ	29,226,786	23,809,433	21,115,713	—5,417,353	—18,53%	—2,693,720	—11,31%
Свиней	5,811,974	7,145,996	7,421,073	1,335,022	22,98%	274,077	3,83%

шеніе суммы общаго сокращенія пшеничной площади): бывшіе виноградники, опустошенные филоксерой, обращаются подъ пшеничныя поля.

Мы видимъ, съ одной стороны, убыль лошадей (быть можетъ, подъ вліяніемъ сокращенія земледѣльческой площади), но зато ростъ мясного скота,—рогатаго и свиней. Въ анкетѣ 1892 года различные виды животныхъ приводятся къ одному вѣсу, такъ что становится возможнымъ сравнить общій итогъ животноводства 1882 и 1892 годовъ. Оказывается, что французское скотоводство выиграло за десятилѣтіе 192 милліона килограмовъ вѣса скота.

Статистика показываетъ, что въ особенности это увеличеніе скотоводства выразилось въ увеличеніи производства мяса[1]). Въ этомъ отношеніи направленіе французскаго и всего западноевропейскаго земледѣлія одно и то же.

Наряду съ указанными измѣненіями въ характерѣ сельскохозяйственнаго производства, симптомомъ аграрнаго кризиса является и сокращеніе сельскохозяйственнаго населенія, не только относительное, но послѣднія десятилѣтія и абсолютное. Намъ уже извѣстно, что деревенское населеніе сокращалось втеченіе всего XIX вѣка; но это сокращеніе само по себѣ еще не свидѣтельствуетъ объ убыли сельскохозяйственнаго населенія. Сокращеніе это относится, прежде всего, на счетъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя оставались еще въ деревняхъ и теперь переходятъ въ города: раздѣленіе общественнаго труда проходитъ глубже, и отдѣленіе города отъ деревни въ современномъ смыслѣ совершается полнѣе. Поэтому было возможно, что, при сокращеніи деревенскаго населенія, сельскохозяйственное населеніе расло, хотя и слабо, до 70-хъ годовъ, съ которыхъ оно начинаетъ идти назадъ. Десятилѣтіе съ 1882 по 1892 даетъ слѣдующія цифры [2]).

[1]) Въ общемъ итогѣ, считая какъ французское такъ и привозное мясо, среднее потребленіе на голову населенія возрасло, и, что особенно любопытно, этотъ ростъ приходится въ большей степени на долю сельскаго, чѣмъ городского населенія. Вотъ данныя о потребленіи мяса на голову населенія (въ килограммахъ).

	Городск.	Сельск	Всякое.	Увеличеніе (съ 1862 до 1882 и 1882 до 1892). Городское.	Сельское.	Всякое.
1862	53,60	18,57	25,92	—	—	—
1882	64,60	21,89	33,05	11,00	3,32	7,13
1892	58,12	26,25	35,59	—6,48	4,36	2,54

[2]) Ср. еще статью *François Bernard.* Dépopulation въ Nouveau Dictionnaire d'économie politique publiée sous direction de Leon Say et Joseph Chailley, томъ I, стр. 694.

	1882	1892	Разница. Абсол	Относит.	Приходится на кв. километр 1882	1892
Лицъ активно занятыхъ земледѣліемъ (travailleurs agricoles).	6,913,504	6,663,135	— 250,369	— 3,62	13,08	12,60
Семьи ихъ	11,335,705	10,772,753	— 562,952	— 5,05	21,44	20,38
Всего.	18,249,209	17,435,888	— 813,321	— 4,45	34,52	32,98

Дѣйствительное значеніе этого факта [1]) можетъ выясниться для насъ вполнѣ только послѣ того, какъ мы сопоставимъ его съ измѣненіями во внутренней организаціи земледѣлія за тотъ же періодъ; къ изученію ихъ мы теперь и обратимся.

Въ самыхъ общихъ чертахъ измѣненія эти характеризуются слѣдующими данными относительно количества и площади сельскохозяйственныхъ единицъ—exploitations [2])—различныхъ размѣровъ.

---

[1]) Надо думать, что теперь цифра земледѣльческаго населенія еще сократилась. Косвеннымъ подтвержденіемъ этому могутъ служить результаты исчисленія населенія въ 1896 году. Сравнительно съ 1891 годомъ исчисленіе 1896 года обнаружило убыль населенія въ большемъ числѣ департаментовъ: именно въ 1891 году убыль населенія была въ 55 департаментахъ, прибыль въ 32 (въ 1886 въ 58 прибыль, а лишь въ 29 убыль), а въ 1896 году убыль обнаружили уже 63 департамента и прибыль 24 большей частью съ рѣзко выраженнымъ индустріальнымъ характеромъ. Изъ департаментовъ, обнаруживавшихъ убыль населенія въ 1891 году, 51 департаментъ обнаружили ее и въ 1896 году (лишь въ 3 измѣнилось движеніе населенія отъ убыли на прибыль). Это позволяетъ думать, что въ 1896 году продолжался одинъ и тотъ же процессъ, который отмѣченъ въ 1891 году. Ср. Démombrement de la population 1891 и 1896 годовъ

[2]) Вотъ подлинное опредѣленіе exploitation: „sous le nom d'exploitation il faut comprendre *l'ensemble* des terres cultivées par un seul individu (propriétaire agriculteur, fermier, metayer ou même journalier), cultivant un bien rural comme propriétaire ou comme locataire, et que ces terres forment un tout compact ou soient composées de parcelles éparses". En outre, le nombre des exploitations dans chaque commune doit comprendre. „1. les exploitations situées complètement dans la commune; 2. celles qui chevauchant sur deux ou plusieurs communes ne sont renfermées que pour fraction dans la commune, mais dans le cas seulement où le domicile de l'exploitant se trouve dans la commune".

Число (въ тысячахъ).

	1882		1892		Разница	
	абсолют.	относит.	абсол.	относ	абсол.	относ.
Менѣе 1 гектара	2,168	38,22	2.235	39,21	+67	+0,99
1 —10 гектаровъ	2,635	46,46	2,618	45,90	—17	—0,56
10—40 гектаровъ	727	12,81	711	12,47	—16	—0.34
Выше 40 гектаровъ	142	2,51	139	2,42	+ 3	—0.02
Всего	5,672		5,703		+31	
	Площадь (въ тысячахъ гектаровъ)					
Менѣе 1 гектара	1,083,8	2,19	1,327,3	2,68	+243,5	+0,49
1 —10 гектаровъ	11,366,3	22,92	11.244,7	22,77	—121,6	—0,15
10—40 гектаровъ	14,845,6	29,93	14,313,4	28.99	—532,2	—0,94
выше 40 гектаровъ	22,296,1	44,96	22,493,4	45,56	+197,3	+0,60
Всего	49,591,8		49,378,4		—213,0	

Такимъ образомъ, общія измѣненія въ распредѣленіи хозяйствъ не особенно значительны [1]). Увеличились двѣ крайнія категоріи, парцеллярныхъ хозяйствъ ниже 1 гектара (и по количеству и по площади) и крупныхъ хозяйствъ свыше 40 гектаровъ (гдѣ уменьшеніе числа сопровождалось увеличеніемъ площади), уменьшились

[1]) Я долженъ, изъ экономіи мѣста, отказаться отъ помѣщенія здѣсь данныхъ объ измѣненіи числа и площади каждаго типа хозяйствъ по каждому изъ департаментовъ Франціи. При значительномъ (87) числѣ этихъ департаментовъ таблица вышла бы слишкомъ велика, и пользованіе ею затруднительно; съ другой стороны, департаменты Франціи настолько мелки, что прослѣживаніе измѣненій каждаго типа хозяйствъ въ каждомъ изъ департаментовъ является работой столь же обременительной сколь неблагодарной. Департаменты должны быть соединены въ группы болѣе обширныхъ размѣровъ, отвѣчающія естественнымъ или историческихъ особенностямъ каждаго района (каковы были старыя провинціи, уступившія мѣсто механическому, даже геометрическому дѣленію на департаменты революціоннаго правительства). Конечно, работа эта должна была-бы быть выполнена редакціей анкеты. Нужно вообще замѣтить, что хотя анкета 1882 и 1892 года во многихъ отношеніяхъ можетъ быть признана образцовой, но въ табличной части она имѣетъ много пробѣловъ: напр отсутствуютъ подсчеты процентнаго распредѣленія хозяйствъ по департаментамъ (какъ авторъ убѣдился по собственному опыту, задача эта, для которой нужно произвести болѣе тысячи однихъ процентныхъ вычисленій, совершенно превышаетъ индивидуальныя силы). Отсутствуетъ и цѣлый рядъ другихъ свѣдѣній и подсчетовъ, которые имѣются, напр въ германской переписи. Это ограничиваетъ вообще возможность научнаго использованія французской статистики. Данныя о распредѣленіи хозяйствъ по департаментамъ (почему то только для 1882 года) перепечатаны въ приложеніи къ диссертаціи проф. Левитскаго.

мелкія, отъ 1 до 10 гектаровъ, и среднія, отъ 10 до 40. Однако, категоріи, взятыя нами, еще слишкомъ обширны, чтобы на нихъ можно было остановиться. Присмотримся къ нимъ ближе. Займемся, прежде всего, мелкой крестьянской собственностью отъ 1 до 10 гектаровъ, которая—вопреки нашимъ ожиданіямъ и вопреки опыту Германіи—во Франціи оказывается какъ будто уменьшающеюся. Въ предѣлахъ этой группы анкета различаетъ двѣ подгруппы: самыя мелкія хозяйства отъ 1 до 5 ha и настоящія крестьянскія хозяйства отъ 5 до 10 ha (Свѣдѣнія о площади ихъ отсутствуютъ, но въ данномъ случаѣ достаточно и свѣдѣній объ ихъ количествѣ).

		1882 абсолют. (въ тысячахъ)	относ.	1892 абсолют. (въ тысячахъ).	относ.	Разница абсолют. (въ тысячахъ).	отн.
Хозяйства	1— 5 ha	1,866	32,90	1,830	32,08	—36	—0,82
„	5—10	769	13,56	788	13,82	+19	+0,26
„	1—10	2,635	46,46	2,618	45,90	—17	—0.44

Оказывается, что уменьшилось лишь весьма мелкое крестьянское хозяйство, настоящее же крестьянское хозяйство увеличилось, хотя и меньше, чѣмъ уменьшилась предыдущая группа; въ общемъ статистическомъ итогѣ истинный характеръ развитія скрадывается.

Общее положеніе всего мелкаго хозяйства не свыше 10 гектаровъ можетъ быть, слѣдовательно, охарактеризовано такъ. Вся эта группа въ цѣломъ усилилась и по числу хозяйствъ и по площади, но не всѣ категоріи приняли участіе въ этомъ увеличеніи. Именно увеличились парцеллярныя хозяйства ниже 1 ha, но уменьшились весьма мелкія 1—5 ha, и увеличились крестьянскія 5—10 ha. Дальнѣйшія свѣдѣнія о судьбахъ мелкаго хозяйства мы получимъ еще, когда будемъ изучать сельское населеніе.

Что касается среднихъ хозяйствъ отъ 10 до 40 ha, то всѣ его подгруппы, 10—20 ha, 20—30 ha, 30—40 ha, потеряли въ числѣ, съ той однако особенностью, что потеря эта тѣмъ слабѣе, чѣмъ ниже размѣры хозяйства, и достигаетъ минимальныхъ размѣровъ въ подгруппѣ 10—20 ha. Вотъ цифры (въ тысячахъ):

		1882		1892		Разница	
		абсол.	отн	абсол.	отн	абсол.	отн.
Хозяйства	10—20 ha	431	7,60	429	7,53	— 2	—0.07
„	20—30 ha	198	3 49	190	3,33	— 8	—0,11
„	30—40 ha	98	1,73	92	1 61	— 6	—0,12
„	10—40 ha	727	12,81	711	12,47	—14	—0,34

Теперь обратимся къ самой обширной группѣ хозяйствъ выше 40 гектаровъ, вмѣщающей въ себѣ и крупнокрестьянскія хозяйства (отъ 40 до 50 гектаровъ и отъ 50 до 100), и крупное хозяйство (отъ 100 до 200) и очень крупное (отъ 200 до 300), и, наконецъ, латифундіи (свыше 300). Если гдѣ общая цифра можетъ быть совершенно безсодержательна, то именно въ примѣненіи къ столь обширной категоріи, обнимающей такое количество столь разнообразныхъ группъ. Итакъ, обратимся къ дѣйствительному, т. е. детальному знакомству съ дѣломъ. Вотъ свѣдѣнія о числѣ разныхъ хозяйствъ (въ тысячахъ).

	1882		1892		Разница	
	абсол.	отн.	абсол.	отн.	абсол.	отн
Хозяйства отъ 40 до 50 ha	56	0,98	54	0,93	—2	—0,05
„ „ 50—100 ha	57	1,00	52	0,91	—5	—0,09
„ „ 100—200 ha	21	0,38	23	0,40	+2	+0,02
„ „ 200—300 ha	6	0,11	6	0,11	±0	± 0
„ „ 300—выше	2	0,03	4	0,07	+2	+0,04
Всего . . .	142	2,51	139	2,42	—3	—0,09

Содержаніе этой таблицы можетъ быть резюмировано въ немногихъ словахъ. Крупнокрестьянское хозяйство (40—50 ha и 50—100 ha) потерпѣло безусловное сокращеніе; нѣсколько увеличилась группа крупныхъ хозяйствъ (общее число которыхъ однако не особенно значительно) и *вдвое* возросло количество латифундій свыше 300 гектаровъ: даже абсолютный приростъ ихъ (въ 2 тысячи) чрезвычайно значителенъ, особенно если принять во вниманіе значительный удѣльный вѣсъ каждой единицы.

Общій итогъ движенія можетъ быть, слѣдовательно, выраженъ такъ: укрѣпленіе крестьянства, сокращеніе среднихъ хозяйствъ, слабое увеличепіе крупныхъ и развитіе латифундій. Мы видимъ здѣсь, хотя и слабѣе выраженный (вслѣдствіе общей вялости экономической жизни теперешней Франціи) тотъ же самый процессъ, что и въ Германіи: латифундіарное вырожденіе части крупнаго хозяйства (чему здѣсь не покровительствуетъ, какъ въ Германіи,

институтъ фидеикоммиссовъ, такъ что явленіе можно наблюдать въ чистомъ видѣ) въ соединеніи съ ростомъ крестьянскаго хозяйства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы продолжимъ эту параллель [1]).

Чтобы устранить возможность объясненія роста мелкихъ хозяйствъ ниже 1 ha увеличеніемъ числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ—предположеніе, которое, хотя и наглядно противорѣчитъ основнымъ даннымъ анкеты (объ этомъ ниже), но всетаки выставляется иными статистическими мудрецами, не идущими дальше самыхъ общихъ цифръ,—замѣтимъ здѣсь, что территоріально приростъ этотъ падаетъ на тѣ области, гдѣ слабо представлено крупное хозяйство и сильнѣе крестьянское. Сюда относится, прежде всего, сѣверъ Франціи (Pas-de-Calais, Somme, Aisne, Oise, Seine-Inférieure, Eure et Eure-et-Loire), затѣмъ Centre-Ouest (Loire Inférieure, Maine-et-Loire, Vendée, les deux Charentes, Deux-Sèvres, Vienne et Haute-Vienne).

Тамъ, гдѣ усиливается мелкое хозяйство, какъ правило, почти повсюду отступаетъ крупное. Именно весь сѣверъ Франціи отъ Ламанша и Атлантическаго океана и до восточной границы

---

[1]) Нужно замѣтить, что Франція принадлежитъ вообще къ числу странъ, гдѣ концентрація производства не только въ земледѣліи, но и въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ является наименьшею. Объ этомъ свидѣтельствуетъ чрезвычайно высокая относительная цифра хозяевъ (chefs) среди каждаго изъ этихъ классовъ. „Активное“ населеніе въ 1891 году распредѣлялось такъ:

	Земледѣліе.	Промышленность.	Транспортъ.	Торговля.
Patrons	20,5	10,7	5	22,2
Employés et commis	0,4	2.2	11,7	9,6
Ouvriers	16,6	34,8	20,5	12,1
	37,5	47,7	37,4	43,9

Наиболѣе концентрировано, какъ и слѣдовало ожидать, транспортное дѣло; наименѣе земледѣліе и торговля; промышленность имѣетъ также значительное число предпринимателей. Къ сожалѣнію, сравнить эти данныя съ данными германской статистики нѣтъ возможности, вслѣдствіе разницы въ способахъ регистраціи

представляетъ область сокращенія площади крупнаго хозяйства, тогда какъ къ югу, напротивъ, наблюдаются увеличенія.

„Дѣйствительный характеръ измѣненій въ числѣ и площади крупныхъ хозяйствъ—читаемъ мы въ анкетѣ 1892 года—можно понять, раздѣливъ Францію на двѣ большія области, изъ которыхъ одна охватываетъ департаменты, расположенные къ сѣверу Луары и тянущіеся по лѣвому берегу Роны до Изеры, а другая охватываетъ департаменты къ югу отъ Луары. Въ такомъ случаѣ увидимъ, что въ большинствѣ департаментовъ перваго района увеличилось число хозяйствъ среднихъ и мелкихъ насчетъ крупной культуры, площадь которой уменьшилась... Что касается мѣстности къ югу отъ Луары, здѣсь наблюдается сокращеніе числа хозяйствъ свыше 40 гектаровъ и увеличеніе ихъ площади“. Въ числѣ спеціальныхъ причинъ этого явленія указывается на опустошеніе филоксерой, сократившей число хозяйствъ. „Увеличеніе площади крупной культуры къ югу отъ Луары объясняется включеніемъ въ эту категорію хозяйствъ среднихъ размѣровъ, соединившихся въ ограниченномъ числѣ хозяйствъ, которые и управляютъ ими какъ цѣльными имѣніями“.

Отъ измѣненій въ числѣ *хозяйствъ* перейдемъ къ измѣненіямъ въ числѣ *хозяевъ*. Это послѣднее измѣнялось такъ:

Общее число хозяевъ (Chefs d'exploitation).

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 годомъ.		Разница между 1882 и 1892 годомъ	
				Абсол.	Относительно	Абсол	Относительно.
1) Собственники, исключительно воздѣлывающіе свое имѣніе, одни или съ помощью своей семьи или другихъ (управляющихъ, слугъ и рабочихъ) . . .	1,812,573	2,150,696	2,199,220	+ 338,123	+ 12,13	+ 48,524	+ 2,25
2) Фермеры	1,035,369	968,328	1,061,401	— 67,041	— 6,41	+ 93,073	+ 9,61
3) Половники (metayers)	405,387	341,576	344,168	— 63,811	— 15,73	+ 2,592	+ 0,76
Всего	3,253,329	3,460,600	3,604,789	+ 207,271	+ 6,39	+ 144,189	+ 4,16

Двѣ особенности бросаются въ глаза при разсмотрѣніи этой таблицы. Прежде всего то, что число хозяевъ значительно меньше числа хозяйствъ (exploitations): тогда какъ первое, напр., въ 1892 году составляло около 3,605 тысячъ, число хозяйствъ

было почти вдвое больше, именно 5,703. Этотъ разительный фактъ естественно наводитъ на мысль, что статистика хозяйствъ не даетъ вѣрнаго представленія о положеніи вещей и что фактическое дробленіе хозяйствъ почти вдвое меньше чѣмъ его показываетъ эта статистика [1]). Нужно предположить, что въ рукахъ большинства хозяевъ находится не одна, а двѣ или нѣсколько парцеллъ; фактъ чрезвычайнаго распространенія и роста числа парцеллъ ниже гектара получаетъ совершенно иное значеніе при свѣтѣ статистики хозяевъ. (Конечно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать значительное количество такихъ случаевъ, когда въ однихъ рукахъ скопляется по нѣскольку крупныхъ имѣній; къ тому же общее ихъ количество—2,42%—настолько незначительно, что въ данномъ случаѣ можетъ быть игнорировано; поэтому случаи подобнаго скопленія могутъ быть всецѣло отнесены насчетъ самыхъ мелкихъ, мелкихъ и, можетъ быть, среднихъ имѣній).

Вторая особенность разсматриваемой таблицы состоитъ въ томъ, что она приноситъ новыя и чрезвычайно убѣдительныя доказательства въ пользу существованія отмѣченной уже выше тенденціи къ росту и укрѣпленію крестьянскихъ хозяйствъ. Непрерывное увеличеніе количества сельскихъ хозяевъ, которое мы въ состояніи констатировать уже съ 1862 года, и прежде всего увеличеніе количества собственниковъ, есть несомнѣннѣйшее свидѣтельство роста крестьянскихъ хозяйствъ. Что это такъ, будетъ ясно, если мы вспомнимъ, что для періода 1882—92 года было

[1]) Хотя и безъ того есть изслѣдователи, которые не видятъ еще чрезмѣрнаго дробленія, если земля подѣлена на парцеллы ниже гектара. Такъ напр. Жимель говоритъ: „нельзя было бы сказать, что собственность распыляется (tombe en poussière) потому только, что $^4/_5$ территоріи составляютъ парцеллы свыше 35 аровъ, типъ, желательный по мнѣнію агрономовъ“ и т. д. (*Gimel.* La division de la propriété Nancy 1883. Стр. 24). Для правильной оцѣнки парцелляціи земли нужно еще не забывать, что во Франціи очень распространено виноградарство и нѣкоторыя другія интенсивныя культуры, при которыхъ площадь менѣе гектара способна занять все рабочее время. Относительное количество виноградниковъ и и садовъ достигаетъ наибольшихъ размѣровъ именно въ хозяйствахъ ниже 1 гектара: площадь виноградниковъ занимаетъ здѣсь 11% всей сельскохозяйственной площади. въ хозяйствахъ 1—10 ha—6%, 10—40 ha — 2,7%, выше 40 ha — 3%, среднее 4,5% Площадь садовъ въ хозяйствахъ до 1 гектара — 6%, 1 — 10 ha — 1,6%, 10 — 40 ha — 14,3 выше 40 ha — 0,6% въ среднемъ — 1%.

констатировано общее уменьшеніе числа крупныхъ и среднихъ хозяйствъ; слѣдовательно, ростъ числа хозяевъ приходится исключительно на долю мелкихъ хозяйствъ (къ тому же не забудемъ, насколько незначительны абсолютныя цифры крупныхъ и среднихъ хозяйствъ по сравненію съ мелкимъ; между тѣмъ цифра увеличенія хозяевъ весьма значительна).

Познакомимся детальнѣе съ данными статистики хозяевъ. Для этого возьмемъ нѣсколько иную ихъ группировку. Анкета, различаетъ, съ одной стороны, собственниковъ, воздѣлывающихъ свою собственную землю, и съ другой фермеровъ, воздѣлывающихъ исключительно чужую землю, особую группу, наконецъ, составляютъ тѣ, которые, воздѣлывая собственную землю, работаютъ и за счетъ другого, какъ фермеры, рабочіе и т. д.

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 годомъ.		Разница между 1882 и 1892 годомъ	
				Абсол.	Относит	Абсол.	Относит
Работающіе за свой счетъ[1]) (pour leur compte) . . .	1,812,573	2,150,696	2,199,220	+ 383,123	+ 18,66	+ 18,524	2,23
Работающіе за свой и за чужой счетъ а) какъ фермеры	648,836	500,144	475,778	— 148,692	— 22,91	— 24,366	— 4,87
в) какъ половники	203,860	147,128	123,297	— 56,732	— 27,83	— 23,831	— 16,19
с) какъ поденщики . . .	1,134,490	727,374	588,950	— 407,116	— 35,40	— 138,424	— 19,03
Работающіе на чужой землѣ а) какъ фермеры . . .	386,533	468,184	585,623	+ 81,651	+ 21,12	+ 117,439	+ 25,08
в) какъ половники	201,527	194,448	220,871	— 7,079	— 3,51	+ 26,423	13,58

Мы видимъ, съ одной стороны, сокращеніе той промежуточной категоріи, которая соединяетъ работу за чужой и за свой счетъ. Сильнѣе всего это сокращеніе выражено въ группѣ сельскихъ рабочихъ, имѣющихъ клочекъ земли: одновременно съ сокращеніемъ всего числа сельскихъ рабочихъ (о чемъ ниже) сокращается и эта группа. (Нельзя было дать болѣе нагляднаго

[1]) Въ этой группѣ различаются хозяйства, которыя велись самими хозяевами, или при помощи управляющаго (слѣдовательно, завѣдомо крупно-капиталистическія хозяйства). Поучительно, что число послѣднихъ хозяйствъ измѣнялось такъ: въ 1862 году было 10 215, въ 1882 году—17,966, въ 1892 году — 16,091 (См. таблицы, стр. 248).

опроверженія фантастическому утвержденію, будто теперешнее состояніе характеризуется увеличеніемъ такихъ хозяйствъ, въ которыхъ соединяется воздѣлываніе собственнаго клочка земли и наемный трудъ въ крупномъ хозяйствѣ). Двѣ остальныя группы этой категоріи также сократились, но сокращеніе это (имѣвшее, быть можетъ, причиной превращеніе ихъ въ полныхъ собственниковъ) съ избыткомъ компенсируется увеличеніемъ количества арендаторовъ, работающихъ только на чужой землѣ. Несомнѣнно— объ этомъ свидѣтельствуютъ уже значительныя абсолютныя цифры категоріи фермеровъ и ея увеличенія,—дѣло идетъ не о развитіи крупныхъ капиталистическихъ арендъ, а о ростѣ мелкихъ крестьянскихъ. Какъ и въ Германіи, и здѣсь мелкая аренда оказывается одной изъ формъ ликвидаціи крупнаго хозяйства и однимъ изъ средствъ „завоеванія земли крестьянами“. По мѣрѣ того, какъ одни фермеры, уже болѣе окрѣпшіе и имѣющіе собственность, переходятъ въ разрядъ собственниковъ, достигая высшихъ ступеней лѣстницы, другіе только вступаютъ на ея низшія ступени. Слѣдуетъ отмѣтить, что крупное хозяйство уступаетъ даже такому гнилому и негодному орудію—и въ этомъ нельзя не видѣть хозяйственно-реакціоннаго вліянія современнаго аграрнаго кризиса—какъ натуральная аренда (métayage). Хотя и нѣсколько подновленная и улучшенная, эта форма всетаки представляетъ средневѣковой пережитокъ, вновь извлекаемый на свѣтъ божій и реставрируемый кризисомъ. Когда послѣдній чувствовался еще не такъ больно, какъ теперь, въ періодъ 1862—82 гг., число половниковъ сокращалось (въ обоихъ категоріяхъ: какъ хозяевъ, работавшихъ за свой и за чужой счетъ, такъ и исключительно за чужой), и довольно значительно; въ новѣйшее время дѣло приняло опять иной оборотъ. Можно утѣшаться только тѣмъ, что приростъ половниковъ въ послѣднемъ итогѣ не великъ (всего двѣ съ половиной тысячи).

Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей новѣйшаго развитія земледѣлія, а вмѣстѣ условіемъ упадка крупнаго хозяйства— является сокращеніе числа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ всѣхъ категорій, обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Вотъ основныя, относящіяся сюда, цифры. (См. стр 196).

Здѣсь сокращаются—и сокращаются значительно—всѣ категоріи рабочихъ. А вотъ данныя относительно разныхъ кате-

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 годомъ.		Разница между 1882 и 1892 годомъ	
				Абсол.	Относит.	Абсол.	Относит.
Управляющіе [1]) (Régisseurs)	10,215	17,966	16,091	+ 7,751	+ 75,25	— 1,875	— 10,43
Поденщики (Journaliers) .	2,003,744	1,430,687	1,210,081	— 573,057	— 26,81	— 270,606	— 18,21
Слуги (Domestiques de ferme)	2,095,777	1,954,251	1,832,174	— 141,526	— 6,75	— 122,617	— 6,24
Всего	7,363,065	6,913,104	6,663,135	— 656,832	— 15,98	— 394,558	—11,43

горій слугъ или постоянныхъ рабочихъ (лишь для десятилѣтія 1882—92 гг.).

		1882	1892	Разница.	
				Абсол.	Относит.
1) Мужчинъ старше 16 лѣтъ.	a) надсмотрщиковъ (maîtres valets)	130,022	109,581	— 20,441	— 15,71
	b) рабочихъ возчиковъ	541,050	498,613	— 42,437	— 7,84
	c) пастуховъ (bouviers) . .	113,901	136,537	+ 22,636	+ 19,87
	d) прочихъ . .	383,466	377,902	— 5,564	— 1,45
2) слугъ мужского пола ниже 16 лѣтъ		253,786	247,631	— 6,155	— 2,42
Всего мужчинъ		1,422,225	1,370,264	— 51,961	— 3,65
Женщинъ, служащихъ на фермѣ		532,026	461,910	— 70,116	— 13,18
Всего		1,954,251	1,832,174	— 122,077	— 6,24

Здѣсь нѣтъ, такимъ образомъ, даже увеличенія числа женщинъ работницъ и подростковъ, которое мы наблюдали въ Германіи. Единственнымъ исключеніемъ является довольно значительное—почти на пятую долю—увеличеніе числа пастуховъ, чрезвы-

[1]) Быть можетъ, слѣдуетъ отнести слишкомъ большую разницу въ количествѣ управляющихъ въ 1862 и 1882 годахъ на счетъ различія способовъ регистраціи?

чайно ярко свидѣтельствующее о томъ измѣненіи въ направленіи сельскаго хозяйства, которое было результатомъ теперешняго кризиса, именно роста пастбищъ на счетъ пашни. Это исключеніе является, слѣдовательно, такимъ, которое всего болѣе подтверждаетъ общее правило.

Основные факты современнаго развитія французскаго земледѣлія установлены. Обратимся къ ихъ объясненію. И прежде всего выяснимъ тѣ условія, которыя способствуютъ регрессивному движенію крупнаго, а за нимъ и средняго хозяйства.

Крупные хозяева пострадали отъ кризиса и какъ землевладѣльцы, и какъ капиталисты, и какъ работадатели.

Очевидно дѣйствіе кризиса на поземельную ренту. Пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты прежде всего должно было поразить земельную ренту. Мы имѣемъ для Франціи точный измѣритель степени паденія земельной ренты въ данныхъ о пониженіи цѣнности земли (капитализированной ренты) и арендной платы (которую можно приблизительно принять соотвѣтствующей рентѣ). Вотъ данныя о продажной цѣнности гектара земли (въ франкахъ [1]).

	1882 г.					1892 г				
	1-й кл	2-й кл	3-й кл	4-й кл.	5-й кл	1-й кл	2-й кл	3-й кл	4-й кл.	5-й кл.
Пахатныя земли	3,442	2,644	1,863	1,289	826	2,866	2,175	1,549	1,044	668
Луга и пастбища.	4,467	3,374	2,511	1,838	1,218	3,730	2,895	2,134	1,514	1,008

[1]) Данныя относительно цѣнности виноградниковъ и лѣсовъ оставляемъ въ сторонѣ Изъ предыдущихъ эпохъ у насъ имѣются для сравненія данныя лишь 1852 года, но тогда, къ сожалѣнію, была принята иная классификація земель, чѣмъ въ 1882 и 1892 годахъ, именно на три класса Вотъ свѣдѣнія о цѣнности гектара земли въ 1852 году (въ франкахъ).

	I классъ.	II классъ.	III классъ.
Пахатныя земли. . . .	2,282	1,559	905
Луга и пастбища. . . .	3,282	2,267	1,385

Вотъ данныя относительно арендной платы съ гектара.

	I классъ.	II классъ.	III классъ.
Пахатныя земли. . .	55	46	29
Луга и пастбища. . .	113	79	50

Арендная плата съ гектара измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

	1882 г.					1892 г				
	1-в кл	2-й кл	3-й кл	4-й кл	5-й кл	1-й кл	2-й кл.	3-й кл	4-й кл	5-й кл.
Пахатныя земли	104	80	62	46	33	92	72	54	41	28
Луга и пастбища	151	120	91	68	50	136	107	82	63	45

Конечно, эти данныя, представляя собой среднія изъ очень различныхъ величинъ и различныхъ районовъ не могутъ претендовать на большую точность, но общее направленіе развитія они отражаютъ. Они показываютъ, между прочимъ, что дѣйствіе аграрнаго кризиса въ Франціи опустошительнѣй, чѣмъ въ Германіи, потому что паденіе цѣнъ на землю тамъ отличается не столь всеобщимъ характеромъ и не столь значительно.

Положеніе французскихъ земельныхъ собственниковъ можетъ быть приравнено къ положенію англійскихъ лэндлордовъ въ тѣхъ немногихъ сравнительно случаяхъ, когда земли сдаются въ аренду крупнымъ капиталистическимъ фермерамъ; оно выгоднѣе положенія ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земля сдается въ мелкую аренду; но такое состояніе слѣдуетъ разсматривать скорѣе какъ переходное, на пути къ полному раздробленію крупной собственности въ крестьянскую. Нормальнымъ же случаемъ для Франціи слѣдуетъ признать хозяйство юнкерскаго типа, веденіе хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ на собственной землѣ. Въ такомъ случаѣ, какъ было уже разъяснено въ главѣ о Германіи, фактъ паденія земельной ренты поражаетъ землевладѣльца дважды: не только какъ землевладѣльца, но и какъ капиталиста. Нормальнымъ случаемъ юнкерскаго хозяйства является тотъ, когда капиталомъ является сама поземельная рента, реализируемая и антицинируемая въ формѣ гипотеки. Если рента начинаетъ уменьшаться, то этимъ повышается относительная доля прежняго долга и изсякаетъ источникъ новыхъ полученій капитала, который необходимъ для дальнѣйшаго веденія хозяйства [1]). Результатомъ этого нерѣдко является

[1]) То, что Бодрильяръ говоритъ о вліяніи аграрнаго кризиса въ Aisne, можетъ быть сказано и вообще въ примѣненіи къ крупному хозяйству: „кризисъ является въ особенности чувствительнымъ для ренты, онъ поражаетъ ренту собственника. Уже поэтому ему можно было бы придать серьезное значеніе, но оно еще увеличилось бы, если бы было доказано, что рента эта обычно большей частью посвящается на улучшеніе почвы.

продажа имѣнія съ молотка. У насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ ни о размѣрахъ гипотечной задолженности, ни о количествѣ субгастацій; но мы съ полной вѣроятностью можемъ и даже должны предположить (и это подверждается общими отзывами французскихъ сельскохозяйственныхъ авторитетовъ) и то, и другое. Во всякомъ случаѣ мы не превысимъ правъ, которыя даютъ намъ наши знанія о французскомъ земледѣліи, если скажемъ, что пониженіе ренты создаетъ трудности для французскихъ помѣщиковъ и въ роли сельскохозяйственныхъ капиталистовъ, какъ это мы наблюдали и относительно Германіи.

Въ тяжелую для крупныхъ хозяевъ пору кризиса возникаетъ во Франціи и „вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. (Мы знаемъ уже внутреннюю и необходимую связь между этими двумя явленіями; въ сущности это двѣ различныхъ стороны одного и того же процесса развитія индустріализма). Вопросъ этотъ имѣетъ во Франціи, какъ и вездѣ, двѣ стороны, тѣсно связанныя межбу собою. Во-первыхъ, это вопросъ о вздорожаніи рабочей силы вслѣдствіе уменьшенія предложенія сельскохозяйственнаго труда; во-вторыхъ, вопросъ о дѣйствительномъ недостаткѣ рабочихъ.

Что касается перваго, извѣстно, что заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ начинаетъ расти вмѣстѣ съ наступленіемъ и начальнымъ развитіемъ аграрной депрессіи, съ 60-хъ годовъ. Вотъ данныя о движеніи заработной платы въ 1862, 1882 и 1892 годахъ,—сперва относительно постоянныхъ рабочихъ, слугъ (domestiques de ferme), взрослыхъ обоего пола.

	1862	1882	1892	Разница между 1862 и 1882 г	Разница между 1882 и 1892 г.
	Фр.	Фр.	Фр.	Фр.	Фр.
Старшіе слуги	361	465	493	+ 104	+ 28
Пастухи	230	290	310	+ 60	+ 20
Рабочіе и поденщики	256	324	360	+ 68	+ 36
Женщины	130	235	202	+ 105	— 33

А вотъ свѣдѣнія относительной заработной платы поденщиковъ (въ франкахъ).

Поэтому невозможно, чтобы кризисъ, прежде всего постигающій ренту, не коснулся бы также и всего хозяйства“ (ensemble de la culture). (*Baudrillart.* Les populations agricoles de la France. 2-me série. Maine, Anjou, Touraine-Poitou etc. 1888 Стр. 516.

Зимой.

	1862.			1882.			1892.			Разница 1862 – 82.			Разница 1882—92.			Разница 1862 – 92.		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.
Съ харчами	1,08	0,62	0,43	1,31	0,79	0,52	1,30	0,79	0,47	+ 0,23	+ 0,17	+ 0,09	— 0,01	—	— 0,05	+ 0,22	+ 0,17	+ 0,03
Безъ харчей	1,85	1,14	0,82	2,22	1,42	0,94	2,04	1,35	0,95	+ 0,37	+ 0 28	+ 0,12	— 0,18	— 0,07	— 0,01	+ 0,19	+ 0,21	+ 0,13

Летомъ.

Съ харчами	1,82	1,13	0,77	1,98	1,14	0,74	1,85	1,08	0,69	+ 0,16	+ 0,01	— 0,03	— 0,13	— 0,06	— 0,05	+ 1,03	— 0,05	— 0,08
Безъ харчей	2,77	1,73	1,22	3,11	1,87	1,31	2,94	1,78	1,23	+ 0,34	+ 0,14	+ 0,09	— 0,17	— 0,09	— 0,08	+ 0,17	+ 0,05	+ 0,01

Какъ видно изъ этихъ цифръ, годовое жалованье постоянныхъ рабочихъ почти во всѣхъ случаяхъ повысилось. Напротивъ, нѣкоторое, хотя и незначительное пониженіе обнаруживаетъ сравненіе платы поденщиковъ въ 1882 и 1892 году. Здѣсь сказалось обостреніе кризиса, наступившее въ 90-хъ годахъ (мы знаемъ что самое послѣднее время подъ вліяніемъ такого обостренія понизилась оплата сельскихъ рабочихъ и въ Англіи и въ Германіи). Не нужно, однако, забывать, что это пониженіе совпадаетъ съ значительнымъ пониженіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, т. е. прежде всего на хлѣбъ и мясо, а также и мануфактураты; и тѣмъ не менѣе заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1892 году, въ разгаръ кризиса, стоитъ на высшемъ уровнѣ нежели въ 1862 году, въ эпоху высшаго благополучія земледѣлія. Анкета 1892 года отмѣчаетъ, кромѣ того, улучшеніе питанія рабочихъ, какъ тѣхъ, которые находятся на хозяйскихъ харчахъ, такъ и на своихъ собственныхъ; косвенное подтвержденіе этому мы находимъ въ увеличеніи средняго потребленія мяса на душу сельскаго населенія.—Конечно, и приведенныя цифры имѣютъ весьма и весьма относительное значеніе, какъ среднія, выведенныя изъ довольно различныхъ элементовъ, каковыми представляются различныя мѣстности Франціи, но полученныя во всѣхъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же способомъ, онѣ даютъ удовлетворительное основаніе для сравненія. Фактъ улучшенія общаго положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ является общепризнаннымъ въ литературѣ; такъ, напр., онъ неоднократно отмѣчается въ извѣстномъ отчетѣ о путешествіи по земледѣльческой Франціи Бодрильяра [1]).

Поднятіе заработной платы сельскихъ рабочихъ, не взирая на угнетенное положеніе сельскаго хозяйства, обязано, какъ и въ

---

[1]) Ср. сопоставленія данныхъ Фовилля и интересныхъ показаній въ анкетѣ національнаго земледѣльческаго общества у проф. *Левитскаго* цит. соч., гл. V, А.—Хотя заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ (по крайней мѣрѣ, реальная) въ настоящее время самая высокая въ продолженіе всего XIX вѣка, однако, если вѣрить Авенелю, золотой вѣкъ французскаго сельскохозяйственнаго рабочаго лежитъ позади, именно въ XV вѣкѣ. „Никогда заработная плата сельскихъ рабочихъ въ средніе вѣка не была такъ высока, какъ въ послѣднюю четверть XV столѣтія... Едва ли въ этомъ отношеніи конецъ нашего XIX вѣка можетъ сравниться съ царствованіемъ Людовика XI и Карла VIII (1461—1500)“ (*Vicomte d'Avenel.* Histoire économique de la propriété etc., t. III, Paris, 1898, стр. 38)

другихъ мѣстахъ, почти исключительно измѣненію отношенія между спросомъ и предложеніемъ въ благопріятномъ для рабочаго смыслѣ и отраженному вліянію поднятія заработной платы въ промышленности. Что касается вліянія профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ, то напередъ можно сказать, что оно было ничтожно. Прежде всего, самое ихъ возникновеніе относится ко времени уже послѣ 1884 года, какъ извѣстно, составившаго эру въ исторіи французскаго синдикальнаго движенія. А во-вторыхъ, и здѣсь трэдъ-юніоны (или, по французски, синдикаты) сельскохозяйственныхъ рабочихъ широкаго развитія не получили, по тѣмъ же причинамъ, что и въ другихъ странахъ. Приведемъ здѣсь то, что̀ сказано объ этихъ синдикатахъ у извѣстнаго бытописателя французскаго сельскохозяйственнаго кооперативнаго движенія де-Рокиньи.

„Существуютъ земледѣльческіе синдикаты, составленные исключительно изъ рабочихъ, съ цѣлью добиваться повышенія заработной платы и улучшенія условій труда отъ тѣхъ предпринимателей, у которыхъ работаютъ ихъ члены. Они возникли впервые среди дровосѣковъ лѣсныхъ департаментовъ центра и, въ цѣляхъ добиться поднятія заработной платы, устроляли стачки при рубкѣ лѣса. Кромѣ этихъ синдикатовъ дровосѣковъ и вообще лѣсныхъ рабочихъ, существуетъ нѣсколько состоящихъ изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, виноградарей, поденщиковъ, садовниковъ и т. д. Оставляя въ сторонѣ синдикаты садовниковъ, которые часто встрѣчаются въ значительныхъ городахъ, синдикаты сельскохозяйственныхъ рабочихъ можно слѣдующимъ образомъ распредѣлить, сообразно департаментамъ:

Allier	1	синдикатъ
Ardennes	1	„
Aude	2	„
Cher	30	„
Côte-d'Or	1	„
Gard	1	„
Hérault	3	„
Loir-et-Cher	1	„
Loiret	10	„
Nièvre	14	„
Pyrenées-Orientales . . .	1	„
Seine et Marne	1	„
Всего . .	72	синдиката.

Цѣль, которую преслѣдуютъ эти синдикаты, достаточно ясно опредѣлена въ уставѣ одного изъ нихъ, Syndicat des ouvriers bucherons et terrassiers de Pagny-le-Château (Côte-d'Or). Онъ имѣетъ цѣлью установить цѣну каждаго вида труда при рубкѣ лѣса и подобныхъ работахъ, а также при земляныхъ работахъ. обезпечивая справедливое вознагражденіе за трудъ (d'une manière raisonnablement rémunératrice), а также распредѣлять трудъ по возможности равномѣрно между всѣми членами синдиката" [1]). Этими отрывочными свѣдѣніями и исчерпываются наши познанія о синдикатахъ сельскихъ рабочихъ, мы не знаемъ даже числа рабочихъ, объединенныхъ въ организаціи; но и на основаніи этихъ данныхъ можно съ полной увѣренностью заключить, что оно ничтожно, встрѣчаясь только въ 12-ти изъ 87-ми департаментовъ Франціи.

Другой стороной рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ является дѣйствительный недостатокъ рабочихъ рукъ, который дѣлаетъ веденіе крупнаго хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ и прежнимъ способомъ технически невозможнымъ [2]). Какъ замѣчаетъ (по частному случаю) Бодрильяръ, „это уменьшеніе персонала становится опаснымъ и потому, что и прежнее число сельскохозяйственныхъ рабочихъ должно было бы увеличиться, по крайней мѣрѣ, на четверть, чтобы быть приведено въ соотвѣтствіе съ новыми потребностями культуры" [3]). До извѣстной степени, убывающее число рабочихъ можетъ быть возмѣщено машинами (въ анкетѣ не приводится, къ сожалѣнію, свѣдѣній о числѣ машинъ, употребляемыхъ въ крупномъ хозяйствѣ; общія цифры

---

[1]) Comte de *Rocquigny* La coopération de production dans l'agriculture. Syndicats et sociétés coopératives agricoles.—Mission de l'Office du Travail Résumé du Rapport de Mission Paris. 1896. Стр. 37—38.

[2]) Уже въ 1879 году *Lecouteux* писалъ: „рабочій вопросъ въ концѣ этого вѣка является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ вопросовъ для крупнаго производства въ земледѣліи, въ его борьбѣ изъ-за рабочихъ рукъ съ мелкимъ хозяйствомъ, съ фабриками, съ верфями, съ войскомъ, со всѣми этими силами, которыя производятъ опустошеніе въ рядахъ рабочихъ крупныхъ фермъ. И вслѣдствіе всей этой конкурренціи необходимо поднимается заработная плата, подъ вліяніемъ чего крупное хозяйство въ годы пониженія цѣнъ на земледѣльческіе продукты оказывается вообще въ трудномъ положеніи". (*Lecouteux.* Cours d'économie rurale, tome II, 493).

[3]) *Baudrillart.* Les populations agricoles de la France. Normandie et Bretagne. Paris. 1885. Стр. 323.

ниже). Но, мы знаемъ, это замѣщеніе имѣетъ свои, притомъ чрезвычайно узкія, границы. За этими границами, крупное хозяйство должно или сокращаться, уступая мѣсто мелкому, или же перерождаться въ болѣе простыя низшія формы,—латифундіи и пастбищное хозяйство на мѣсто интенсивнаго зернового хозяйства среднихъ размѣровъ. Какъ мы уже видѣли, во Франціи имѣло мѣсто и то, и другое, и третье.

Нужно-ли прибавлять, что всѣ эти явленія должны наступить гораздо скорѣе и острѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйство ведется наемнымъ трудомъ, не имѣя однако достоинствъ и въ особенности устойчивости крупнаго хозяйства. Такимъ хозяйствомъ, усвоившимъ себѣ одни недостатки крупнаго хозяйства, является крупнокрестьянское хозяйство. Оно погибаетъ въ наибольшемъ количествѣ, уступая свое мѣсто другимъ хозяйственнымъ формамъ, какъ во Франціи такъ и въ Германіи.

Куда же однако дѣвались убывающіе сельскохозяйственные рабочіе?

Какъ главная, во всѣхъ источникахъ указываемая причина приводится обыкновенно эмиграція рабочихъ въ города и промышленные округа. Причина эта слишкомъ хорошо извѣстна намъ изъ опыта другихъ странъ и совершенно понятна безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій. Благодаря тѣмъ особенностямъ экономической исторіи Франціи, вслѣдствіе которыхъ запасный резервуаръ избыточнаго населенія, предоставляемаго къ услугамъ капитализма, здѣсь никогда не былъ особенно глубокъ, сельскохозяйственные рабочіе тронулись въ городъ ранѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, и недостатокъ ихъ чувствовался и раньше и настойчивѣй. Правда, во Франціи совершенно ничтожна убыль населенія чрезъ эмиграцію въ другія страны, [1]) но за то и нѣтъ того прироста населенія,

---

[1]) „Эмиграція изъ Франціи настолько незначительна, что не представляетъ практическаго интереса. Число тѣхъ, которые эмигрируютъ, болѣе чѣмъ уравновѣшивается иммиграціей“ (*v. Philippovich.* Auswanderung aus Frankreich, статья въ Handw. d. Staatsw., 2-te Aufl., II, 91). Поучительное (хотя и нѣсколько устарѣвшее) сопоставленіе относительно степени участія разныхъ государствъ въ эмиграціи даетъ *de Foville.* La France économique Paris 1890, стр. 54: въ 80-хъ годахъ на 1000 жителей эмигрировало: изъ Соедин. Королевства 57—90, Германіи 16—47, Италіи 12—30, Швеціи 38—98, Норвегіи 72—150, Португаліи 27—39, Швейцаріи 24—44, Даніи *Франціи* 1—3.

который съ избыткомъ возмѣщаетъ въ другихъ странахъ потери путемъ эмиграціи.

Крупное хозяйство въ земледѣліи оказывается столь же враждебнымъ населенію во Франціи какъ и въ Германіи; оно такъ же разрѣжаетъ населеніе, какъ и тамъ. А такъ какъ развитіе индустріи требуетъ густого населенія, нуждается въ рабочемъ рынкѣ, то узлы промышленности завязываются въ сторонѣ отъ округовъ крупнаго землевладѣнія (само собою разумѣется, что, какъ и повсюду, помимо популяціонистическихъ причинъ здѣсь играютъ роль и естественныя различія, напр. мѣстонахожденіе минеральныхъ богатствъ и пр.). Разъ завязавшись, узлы эти начинаютъ перетягивать къ себѣ рабочее населеніе аграрныхъ округовъ, различіе между аграрными и промышленными округами проходитъ глубже, промышленность и крупное земледѣліе взаимно отталкиваются другъ отъ друга, словомъ, повторяется то же самое, что мы видѣли и въ Германіи [1]).

Теперешній ходъ развитія только усиливаетъ намѣченныя особенности. Большая часть департаментовъ Франціи въ настоящее время теряетъ свое населеніе; какъ мы уже знаемъ, убываетъ земледѣльческое населеніе, притомъ не самостоятельные хозяева— крестьяне, число которыхъ увеличивается, а сельскохозяйственные рабочіе. Современное развитіе французскаго населенія въ двухъ

---

[1]) Дать статистическое подтвержденіе сказанному въ текстѣ гораздо труднѣе чѣмъ для Германіи вслѣдствіе недостатковъ въ статистическомъ матеріалѣ (отсутствіе въ таблицахъ процентныхъ подсчетовъ категорій хозяйствъ разныхъ размѣровъ); чисто механическій характеръ дѣленія Франціи на департаменты также мѣшаетъ удобству обозрѣнія; въ то же время департаментъ является еще слишкомъ крупной единицей въ цѣляхъ изученія вліянія крупнаго хозяйства на населеніе· здѣсь нужны болѣе дробныя дѣленія на округа, чтобы можно было при изученіи по возможности устранить вліяніе другихъ факторовъ. Признакомъ относительнаго распространенія крупнаго хозяйства пришлось взять, за отсутствіемъ другихъ, средній для департамента размѣръ хозяйства Средній размѣръ для всего государства составляетъ 8,65 гектаровъ; мы же брали тѣ департаменты, въ которыхъ этотъ средній размѣръ превышаетъ 10 гектаровъ. Сопоставляемъ, съ одной стороны, процентъ земледѣльческаго населенія (для всего государства составляющій 45,47%), съ другой плотность населенія (въ 1887 году, по расчету Левассера; съ тѣхъ поръ плотность эта для разсматриваемыхъ департаментовъ не повысилась, а понизилась. Въ 1887 году она составляла въ среднемъ для всего государства 72 на кв километ.). (См. слѣд стр).

словахъ можетъ быть выражено такъ, это—обезлюденіе округовъ крупнаго земледѣлія въ пользу рѣзко обозначенныхъ территоріально очаговъ промышленности. Очагами этими, помимо городовъ, являются промышленные департаменты сѣвера (гдѣ преобладаетъ и мелкая культура) и нижняго теченія Роны; самый сильный приростъ населенія съ 1891 по 1896 г, въ среднемъ для государства составляющій 0,46%, былъ въ департаментахъ Vienne (7,4%) Bouches-du-Rhône (7,3); наиболѣе сильная убыль на-

	Средніе размѣры хозяйства.	Процентъ земледѣльч. населенія.	Плотность населенія.		Средніе размѣры хозяйства.	Процентъ земледѣльч. населенія.	Плотность населенія.
Aisne	10,20	38,57	76	Lozère	14,32	70,40	27
Allier	11,71	54,59	58	Landes	20,13	65,42	32
Alpes B.	16,53	71,63	19	Maine-et-Loire .	10,52	52,85	74
Alpes H.	19,26	71,80	22	Marne	12,34	38,27	52
Ardennes . . .	10,03	29,03	64	Marne H. .	10.70	40,90	10,70
Aube	10,87	41,25	43	Mayenne	13,09	57,03	66
Cantal	11,49	71,26	42	Nièvre	10,61	54,34	51
Cher	12,65	53,23	49	Oise	10,04	35,38	69
Corse	15,57	50,31	32	Seine Inf. . . .	10,70	24,42	138
Côte-d'Or	10,82	45,94	44	Seine-et-Marne .	11,06	43,27	62
Doubs	10,89	44,92	59	Sèvres (Deux) . .	10,07	63,79	59
Eure-et-Loire . .	11,32	51,96	48	Vendée	12,59	62,77	65
Indre	12,16	60,24	44	H. Vienne	10,20	54,57	66
				Loire-et-Cher . .	12,34	61,36	44

Какъ видитъ читатель, въ большинствѣ департаментовъ съ крупнымъ землевладѣніемъ пропорція земледѣльческаго населенія выше чѣмъ въ среднемъ для государства (для нѣкоторыхъ департаментовъ пониженіе % земледѣльческаго населенія объясняется присутствіемъ здѣсь большихъ городовъ), а плотность населенія въ большинствѣ, напротивъ, значительно ниже средней для государства.

селенія въ департаментѣ Lot—(5,7%, какъ показываютъ детальныя данныя, убыль приходится почти всецѣло на классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ), Haute-Marne (5%, то же самое), и Hautes-Alpes (4,9%,—департаменты Высокихъ и Низкихъ Альповъ являются вообще центрами крупнаго хозяйства). Такимъ образомъ, цивилизація удаляется отъ округовъ крупнаго хозяйства, но уводитъ за собой и рабочаго.

Другой причиной уменьшенія количества сельскохозяйственныхъ рабочихъ является превращеніе ихъ въ собственниковъ или мелкихъ фермеровъ; статистическія свѣдѣнія о приростѣ этихъ послѣднихъ мы уже имѣли. Идеалъ средняго французскаго рабочаго сдѣлаться самостоятельнымъ крестьяниномъ; вмѣстѣ съ своимъ нѣмецкимъ и англійскимъ собратомъ, онъ не обладаетъ полагающимися ему по чину „пролетарія“ свойствами, у него такой же „антиколлективистическій черепъ“, какъ и у крестьянина. Стремленіе французскаго мужика къ землѣ (съ такимъ энтузіазмомъ описанное Мишле въ Le peuple и подававшее вообще поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ оцѣнкамъ) вошло въ пословицу. Нужно имѣть, дѣйствительно, рѣдкую выдержку, чтобы изъ скромнаго жалованья сельскохозяйственнаго рабочаго дѣлать сбереженія, необходимыя для покупки земли, и добиваться послѣдней, не взирая на всѣ трудности, а также на тѣ юридическія затрудненія, которыми обставленъ во Франціи переходъ изъ рукъ въ руки недвижимой собственности [1]), нести тяжесть гипотеки [2]) и т. д. И тѣмъ не менѣе территорія крестьянской собственности, а еще въ большей мѣрѣ крестьянскаго хозяйства все увеличивается, настолько, что окончательный итогъ теперешняго аграрнаго развитія Франціи можетъ быть опредѣ-

---

[1]) Эти трудности хорошо указаны у проф. *Левитскаго*: цит. соч. 162 слл. Тамъ же нѣкоторыя свѣдѣнія о сбереженіяхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ: стр. 148 слл.

[2]) У насъ нѣтъ статистики ипотечной задолженности, но нѣтъ основаній думать, чтобы крестьянская задолженность была больше чѣмъ у крупныхъ земледѣльцевъ (какъ она не превышаетъ ея и въ Германіи, а напротивъ, стоитъ ниже). Отдѣльныя свидѣтельства подтверждаютъ это. Вотъ напр. отзывъ Бодрильяра относительно бретанскаго крестьянина. Онъ, констатируя всеобщій прогрессъ земледѣлія, съ особенной силой однако выразившійся относительно мелкаго хозяйства, говоритъ: „жалобы на ипотеки и недостатокъ кредита, доступнаго собственникамъ, раздаются отнюдь не со стороны мелкой собственности“ (Baudrillart, 1-me série, 273).

ленъ однимъ французскимъ выраженіемъ: la conquête de la terre par les paysans [1]).

Изучивъ измѣненія во внутренней организаціи французскаго земледѣлія, мы можемъ теперь поставить и дать посильный отвѣтъ на вопросы, естественно возникающіе при знакомствѣ съ фактами развитія земледѣлія.

Первый вопросъ таковъ. Эпоха аграрнаго кризиса отмѣчена сильнымъ и всеобщимъ паденіемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Въ то же время въ общемъ она можетъ быть охарактеризована и какъ эпоха сельскохозяйственнаго прогресса; не взирая на нѣкоторыя измѣненія въ характерѣ хозяйства,— усиленіе скотоводства на счетъ земледѣлія,—которыя могутъ разсматриваться какъ регрессивныя, мы имѣемъ въ то же время рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о ростѣ сельскохозяйственнаго производства: сокращеніе пара, повышеніе средней урожайности и т. д. Какъ можно объяснить это соединеніе сельскохозяйственнаго прогресса съ одной стороны и пониженія цѣнъ съ другой, когда мы знаемъ, что нормальнымъ условіемъ

---

[1]) Изъ безчисленнаго количества примѣровъ и свидѣтельствъ этого рода приведемъ нѣсколько изъ путевыхъ впечатлѣній Бодрильяра, относящихся къ разнымъ департаментамъ. Въ департаментѣ Orne мелкая собственность увеличивается на счетъ крупной. „Обычная причина этого является сама по себѣ благопріятной (heureuse) Въ Orne увеличились сбереженія, которыя стремятся быть истраченными на землю. Этотъ фактъ, наблюдавшійся нами много разъ, былъ сдѣланъ очевиднымъ анкетой 1867 года. Дѣленіе собственности, согласно ея даннымъ, увеличило число собственниковъ, но въ той же пропорціи уменьшило нѣкогда многочисленный классъ поденщиковъ, которые, ничего не имѣя, проводили свою жизнь въ работѣ на другихъ. Въ настоящее время болѣе $^{7}/_{10}$ сельскихъ рабочихъ сдѣлались сами собственниками и работаютъ прежде всего для себя и лишь затѣмъ на крупныхъ собственниковъ. За наемный трудъ они принимаются только въ крайней необходимости, и оставляютъ его при первой возможности“ Baudrillart, I, 278—9) Относительно Анжу Бодрильяръ пишетъ: „всегда повторяютъ, что Анжу есть страна крупныхъ имѣній. Это правда, но это совсѣмъ не исключаетъ значительнаго количества и болѣе мелкихъ хозяйствъ. Крупныя имѣнія почти всѣ являются наслѣдіемъ прошлаго; парцеллярная культура не является, конечно, новостью. Но нужно признать, что она ужасно возрасла за послѣдніе 30 лѣтъ подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Таково развитіе въ самое короткое время многочисленныхъ центровъ, проведеніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, столь благопріятное для перевозки продуктовъ садоводства и молочнаго хозяйства. Наконецъ увеличившіяся сбереженія умножили число мелкихъ

развитія земледѣлія является постепенное повышеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты? Это явленіе связано съ совершенно опредѣленными измѣненіями соціальнаго характера и, конечно, неспособно поколебать указаннаго положенія. Начнемъ съ условій, связанныхъ съ крупнымъ хозяйствомъ.

Непосредственнымъ результатомъ аграрнаго кризиса явилось паденіе поземельной ренты. Мы знаемъ уже, что рента удорожаетъ продукты земледѣлія сверхъ того, что можно назвать естественной цѣной ихъ; она можетъ быть выше или ниже, а соотвѣтственно можетъ измѣняться и цѣна земледѣльческихъ продуктовъ при неизмѣнныхъ условіяхъ производства. Въ то же время мы знаемъ, что при континентальной системѣ пониженіе ренты далеко не всегда сопровождается сокращеніемъ производства; напротивъ, мыслимо, что расширеніе производства является средствомъ нѣкотораго поднятія ренты, хотя и не до прежней высоты; пониженіе интенсивности хозяйства иногда невозможно для помѣщика, потому что онъ необходимо долженъ получать извѣстнаго

хозяйствъ. Этотъ спросъ на мелкіе участки со стороны небольшихъ хозяйствъ не въ малой степени побудилъ собственниковъ крупныхъ имѣній, раздробляя ихъ, пускать въ оборотъ тѣ *летучія земли* (*terres volantes*), о которыхъ говорятъ съ большимъ ожесточеніемъ“ (ib II. 66). Относительно Артуа читаемъ: „сельскохозяйственная революція, отдающая земли въ руки трудящихся, продолжается въ Артуа. Недавніе рабочіе становятся въ большомъ количествѣ собственниками или арендаторами мелкихъ участковъ. Воздѣлываніе ихъ продолжаетъ занимать съ выгодой ихъ руки. Безъ сомнѣнія персоналъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ уменьшился, въ этомъ сыграла свою роль, конечно, и эмиграція въ города; но персоналъ мелкой культуры рѣшительно увеличился. Стало меньше наемныхъ рабочихъ, но нельзя сказать, чтобы во всѣхъ случаяхъ стало меньше и земледѣльцевъ. Тѣ, которые жили на заработную плату, живутъ на доходъ; тѣ, которые продолжаютъ служить по найму, получаютъ высшую плату вслѣдствіе уменьшенія предложенія труда“ (ib. 362). Относительно Пикардіи мы читаемъ: „Крупный собственникъ, не заинтересованный въ хозяйствѣ, не довольствуется тѣмъ, чтобы назначить управляющаго или сдать землю крупному фермеру, который бы, сохраняя имѣніе въ цѣломъ видѣ, хозяйничалъ бы съ значительнымъ капиталомъ; онъ слѣдуетъ другой методѣ: онъ самъ раздробляетъ свою собственность, не въ цѣляхъ продажи, но сдачи въ наймы. Онъ образуетъ изъ нея значительное количество участковъ, расчитывая, что раздробленіемъ ихъ привлечетъ много охотниковъ, между которыми возгорится конкурренція. Эти расчеты удивительно оправдываются: мелкіе участки сдаются легче даже чѣмъ продаются и по крайней мѣрѣ на одну пятую дороже чѣмъ крупные“ (ib 411) и т. д.

размѣра доходъ для уплатъ по долгамъ, сдѣланнымъ въ лучшія времена. Сказаннымъ объясняется *возможность* неизмѣннаго состоянія и даже поднятія хозяйства при пониженіи цѣнъ. Конечно, образъ дѣйствій различныхъ хозяевъ былъ здѣсь различенъ: если одни оказывались на высотѣ техники, то другіе деградировали, обращаясь къ скотоводству или же слагали орудіе, и хозяйство ихъ входило затѣмъ въ составъ латифундіи или же переходило въ руки мелкихъ хозяевъ.

Не менѣе важнымъ для пониманія изучаемаго явленія представляется и указанный переходъ, измѣненіе организаціи хозяйства въ смыслѣ усиленія мелкаго хозяйства на счетъ крупнаго. Его значеніе мы изучили уже относительно Германіи. Какъ показано во введеніи, мелкое хозяйство производитъ дешевле, чѣмъ крупное, ибо оно не нуждается ни въ прибыли на капиталъ, ни въ рентѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оба эти условія составляютъ raison d'être крупнаго. При наличности извѣстныхъ условій, земледѣліе можетъ прогрессировать въ мелкомъ хозяйствѣ и при понижающихся цѣнахъ, когда чахнетъ крупное хозяйство.

Можно думать, что Франція обязана своимъ сельскохозяйственнымъ прогрессомъ за послѣднюю четверть вѣка мелкому хозяйству гораздо болѣе нежели крупному; ибо въ то время какъ крупное хозяйство, хотя и сохраняло еще старую жизнеспособность, но уже потерявши значительную часть прежнихъ силъ, мелкое хозяйство во многихъ случаяхъ являлось силой новой, восходящей: его существованіе, а тѣмъ болѣе расширеніе мыслимо только благодаря извѣстной мощи. Устойчивость мелкаго хозяйства несравненно менѣе нежели крупнаго: въ такомъ состояніи какъ крупное оно не просуществовало бы и нѣсколькихъ лѣтъ; поэтому уже самый фактъ существованія и расширенія мелкихъ хозяйствъ свидѣтельствуетъ объ ихъ крѣпости. Вмѣстѣ съ Германіей и Франція обязана своему крестьянству тѣмъ, что ея земледѣліе не зачахло въ труднѣйшую для него эпоху, а наоборотъ, развивается, хотя и замедленнымъ темпомъ.

Конечно, кромѣ двухъ указанныхъ основныхъ причинъ, лежащихъ во внутренней организаціи хозяйства, можно указать и внѣшнія причины, содѣйствовавшія сохраненію на прежнемъ уровнѣ или даже поднятію сельскаго хозяйства, несмотря на падающія цѣны. Такими причинами являются прогрессъ сельскохозяйственной науки и распространеніе агрономическихъ свѣдѣній,

распространеніе машинъ и искусственныхъ удобреній [1]), а такъ же и относительное удешевленіе этихъ элементовъ постояннаго капитала,—словомъ, все то, что образуетъ встрѣчную тенденцію закону убывающаго плодородія почвы.

Замѣтимъ здѣсь, что французское земледѣліе, какъ и германское, старается задержать паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты хлѣбными пошлинами, которыя появляются въ новѣйшей французской исторіи вмѣстѣ съ наступленіемъ аграрнаго кризиса и знаменующимъ его паденіемъ цѣнъ. Пошлины на пшеницу были введены въ 1885 году въ размѣрѣ 3 франковъ съ 100 килограммовъ; онѣ были повышены въ 1887 году до 5 фр., а въ 1894 до 7 фр. Цѣлесообразность той или другой пошлины составляетъ и здѣсь questio facti, которой мы не будемъ здѣсь разбирать, принципіально же мы ничего не можемъ прибавить къ тому, что сказано было уже по поводу Германіи.

Второй вопросъ, который возникаетъ при изученіи судебъ французскаго земледѣлія, таковъ. Извѣстно, что растущая интенсивность и производительность хозяйства требуетъ увеличивающагося количества рабочей силы. Между тѣмъ, несмотря на общій прогрессивный характеръ развитія французскаго земледѣлія, количество земледѣльческаго населенія уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. Какимъ образомъ совмѣщаются обѣ эти черты современнаго развитія.

Здѣсь также вліяетъ нѣсколько условій. Прежде всего, можно сдѣлать общую ссылку, что уменьшеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ еще не значитъ непремѣнно уменьшеніе сельскохозяйственнаго труда: исчезаетъ избыточное населеніе, занятое наполовину, и остающееся населеніе получаетъ чрезъ это больше занятій. Однако нельзя думать, чтобы Франція предъ кризисомъ и въ началѣ его имѣла обширное перенаселеніе: мы знаемъ, что аграрное перенаселеніе во Франціи втеченіе XIX вѣка никогда не было значительно, тѣмъ болѣе во второй его половинѣ. Въ тѣхъ изъ крупныхъ хозяйствъ, гдѣ произошло такое уменьшеніе рабочаго персонала, что оно не могло уже не отражаться на веденіи хозяйства, въ такихъ случаяхъ веденіе дѣла на прежнихъ началахъ прекращалось; хозяйства эти входили въ составъ лати-

[1]) Много свѣдѣній о современномъ французскомъ земледѣліи можно найти у *Daniel Zolla* Les questions agricoles. 1—II série.

фундій, слѣдовательно, типъ ихъ понижался, или же растворялись въ мелкое хозяйство. Такое же значеніе имѣло и расширеніе площади скотоводства, сопровождающееся какъ мы уже знаемъ, сокращеніемъ потребнаго количества рабочихъ.

Условіемъ, компенсирующимъ убыль сельскохозяйственнаго населенія, является замѣщеніе наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ мелкими самостоятельными хозяевами, число которыхъ увеличилось. Трудъ на своей землѣ отличается высшимъ качествомъ, большей внимательностью, большей интенсивностью, чѣмъ наемный трудъ,—это ясно для каждаго. Поэтому сравнительно небольшое увеличеніе числа мелкихъ хозяевъ обозначаетъ гораздо большее, чѣмъ пропорціонально, увеличеніе количества земледѣльческаго труда. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что увеличеніе количества труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ часто возможно и безъ увеличенія крестьянскаго населенія: рабочая сила крестьянина далеко не сполна затрачивается на хозяйство, и нужное количество ея опредѣляется степенью интенсивности хозяйства: если повышается эта послѣдняя, то свободная рабочая сила получаетъ лишь болѣе полную реализацію, но количество трудящихся можетъ оставаться и неизмѣннымъ. Мы и здѣсь приходимъ къ тому же выводу: ростомъ интенсивности своего земледѣлія, поскольку онъ находится въ связи съ количествомъ нужнаго земледѣльческаго труда, современная Франція обязана крестьянскому хозяйству.

Насколько убыль рабочихъ не можетъ быть восполнена качествомъ труда, она выполняется растущей капитало-интенсивностью,—въ частности растущимъ количествомъ сельскохозяйственныхъ машинъ, въ извѣстной мѣрѣ замѣщающихъ рабочаго. Общее количество машинъ во Франціи въ новѣйшее время чрезвычайно возросло: такъ число плуговъ въ 1862 году было 3,206,421, въ 1882 году 3.462,597, въ 1892 году—3,864,793; молотилокъ въ 1862 году 100,733, въ 1882—211,045, въ 1892 году 234,380; механическихъ сѣялокъ въ 1862 году 10,853, въ 1882 году—29,391, въ 1892—47,093; механическихъ сѣнокосилокъ въ 1862 году—9,442, въ 1882 году—19,147, въ 1892—38,753; механическихъ жней въ 1862 году—8,907, въ 1882 году—16,025, въ 1892 году—23,432. Безъ сомнѣнія, значительная доля этихъ машинъ приходится на крестьянское хозяйство; могучую и благодѣтельную роль посредниковъ при

индивидуальномъ и коллективномъ пріобрѣтеніи сельскохозяйственныхъ машинъ, а равно и удобреній играютъ сельскохозяйственные синдикаты.

Все предыдущее изложеніе даетъ достаточное основаніе для совершенно опредѣленныхъ выводовъ. Если критеріемъ добра и зла въ соціальной политикѣ считать соотвѣтствіе разсматриваемыхъ мѣропріятій интересамъ трудящихся (моментъ этическій) и ихъ экономическую цѣлесообразность, ихъ соотвѣтствіе современному направленію развитія производительныхъ силъ, народнаго богатства (моментъ экономическій), то изъ предыдущаго слѣдуетъ соціальнополитическій выводъ о желательности теперешняго усиленія крестьянскаго хозяйства насчетъ крупно-капиталистическаго. Это ясно со стороны этической: положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго улучшается благодаря сокращенію спроса на него (желательность и необходимость мѣръ законодательной защиты труда, конечно, разумѣется сама собою). Во Франціи отливъ сельскихъ рабочихъ въ города совершается еще труднѣе чѣмъ въ Германіи и Англіи, вслѣдствіе крайне медленнаго развитія французской промышленности; потому необходимость другого канала для отлива населенія въ видѣ развитія крестьянскаго хозяйства оказывается настоятельнѣе. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ добиваться всѣхъ мѣръ, содѣйствующихъ этому процессу: прежде всего отрицательныхъ,—напр. устраненія высокихъ пошлинъ при переходѣ недвижимостей, разныхъ нотаріальныхъ затрудненій и под., а затѣмъ и положительныхъ, какъ, напр., организаціи по возможности дешеваго кредита и т. д. Замѣчательно, что во Франціи совершенно отсутствуетъ законодательство, стремящееся содѣйствовать увеличенію числа мелкихъ собственниковъ, подобное Small Holdings Act и Rentengutsgesetzgebung.

Такое направленіе политики было бы и экономически прогрессивнымъ. Мы видѣли уже, что въ настоящее время мелкое хозяйство идетъ впереди въ области земледѣльческаго производства, ему больше всего обязана Франція теперешнимъ земледѣльческимъ прогрессомъ. Слѣдовательно, сельское хозяйство Франціи выиграетъ отъ умноженія мелкихъ хозяйствъ. Но оно выиграетъ въ двухъ смыслахъ. Если въ составъ мелкихъ собственниковъ попадаетъ, какъ правило, наиболѣе трудолюбивая, энергичная и хозяйственная часть населенія, то дальнѣйшее увеличеніе мелкихъ хозяевъ на счетъ наемныхъ рабочихъ будетъ производить подоб-

ный же отборъ и среди крупныхъ хозяйствъ: поднятіе заработной платы въ связи съ мѣрами охраны труда подкоситъ не одно изъ слабыхъ крупныхъ хозяйствъ, еле влачившихъ существованіе, и устоятъ лишь болѣе сильныя, стоящія на высотѣ современнаго производства и способныя создать человѣческія условія для своихъ рабочихъ. Опредѣлить, какъ велико можетъ быть число крупныхъ хозяйствъ, которымъ не устоять въ недалекомъ будущемъ, и мелкихъ хозяйствъ, которымъ суждено возникнуть на ихъ развалинахъ, конечно, невозможно.

Въ общемъ, по вопросамъ соціальной политики намъ приходится относительно Франціи лишь повторить все, сказанное о Германіи.

Въ заключеніе этой главы напомнимъ въ двухъ словахъ читателю основные моменты въ исторіи развитія французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. Наканунѣ революціи мы застаемъ во Франціи банкротство натуральнаго хозяйства, перенаселеніе какъ въ городѣ такъ и деревнѣ, крайне низкое состояніе земледѣлія. Господствуетъ мелкое потребительское хозяйство, хотя большая часть земли находится въ рукахъ дворянства, духовенства и третьяго сословія. Послѣднее энергично покупаетъ земли у дворянъ еще предъ революціей; революція переводитъ въ его руки новыя земельныя богатства. Однако относительно всѣхъ этихъ классовъ можно сказать, что ихъ земельная собственность средневѣковаго, феодальнаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи не разнится отъ другихъ и собственность третьяго сословія: здѣсь новы были только люди, но не собственность, которая передавалась изъ рукъ въ руки. Мы хотимъ въ особенности указать этимъ, что крупная земельная собственность является *не результатомъ* или окончательнымъ итогомъ борьбы крупнаго и мелкаго хозяйства, процесса концентраціи, но *отправнымъ пунктомъ* развитія. Революція является гранью между старымъ и новымъ, капиталистическимъ, народнымъ хозяйствомъ. Въ области земледѣлія переворотъ вызвалъ экспропріацію части мелкаго крестьянства—половничества (начавшуюся еще до революціи), сопровождавшуюся въ то же время увеличеніемъ количества крестьянъ собственниковъ. Экспропріація расширила площадь крупнаго хозяйства, а вмѣстѣ и увеличила классъ аграрнаго пролетаріата (происхожденіе котораго относится еще къ среднимъ вѣкамъ), отчасти вызвавъ состояніе аграрнаго перенаселенія, столь выгод-

ное для крупнаго производства. Развивающаяся промышленность и городская жизнь создаютъ растущій рынокъ для продуктовъ земледѣлія; потому первая половина XIX вѣка является эпохой разцвѣта французскаго земледѣлія. Съ 60-хъ годовъ обнаруживается уже переломъ въ развитіи. Упадокъ цѣнъ вслѣдствіе иностранной конкуренціи дѣлаетъ положеніе земледѣлія затруднительнымъ. Для крупнаго хозяйства это совпадаетъ и съ обостреніемъ рабочаго вопроса: перенаселеніе исчезаетъ во Франціи рано, количество рабочихъ уменьшается, ихъ заработная плата растетъ. Крупные хозяева теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ землевладѣльцы вслѣдствіе пониженія ренты, и какъ капиталисты, вслѣдствіе недостатка капитала, котораго нельзя уже восполнить путемъ гипотеки. Крупное хозяйство начинаетъ склоняться къ упадку, который выражается, съ одной стороны, въ ростѣ латифундій, а съ другой въ расширеніи мелкаго хозяйства на счетъ средняго и крупнаго. Не взирая на всѣ злоключенія, въ общемъ сельское хозяйство прогрессируетъ, но, вѣроятно, гораздо больше на счетъ мелкаго нежели крупнаго производства. Мелкое производство вполнѣ успѣшно переживаетъ кризисъ; число мелкихъ хозяйствъ и ихъ территорія увеличиваются.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мелкое производство въ земледѣліи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Условія развитія крестьянскаго хозяйства.

1) Общая характеристика капитализма какъ явленія популяціонистическаго.

Всякая организація народнаго хозяйства предполагаетъ извѣстные *количественные* размѣры, опредѣленное количество населенія, этой организаціей охваченнаго. Различнымъ ступенямъ народнаго хозяйства соотвѣтствуетъ и различная плотность населенія [1]); это является прямымъ слѣдствіемъ того, что населеніе

---

[1]) Шмоллеръ приводитъ слѣдующую схематическую таблицу емкости территоріи относительно населенія при разныхъ условіяхъ (по Ратцелю):

	На кв милю	На кв. киломъ.
Охотничьи и рыбачьи народы въ бѣдныхъ мѣстностяхъ сѣвера.	0,1—0,3	0,0017—0,0053
Охотничьи народы въ степныхъ областяхъ (бушмены, патагонцы, австралійцы) . . .	0,1—0,5	0,0017—0,0088
Охотничьи народы съ присоединеніемъ въ нѣкоторомъ количествѣ земледѣлія (индѣйцы, дайаки, папуасы, бѣднѣйшіе негры)	10—40	0,17—0,70
Рыбачьи народы на берегахъ, рѣкахъ, островахъ (сѣверозападъ Америки, Полинезія) . .	до 100	до 1,77
Кочевыя пастушечьи племена	40—100	0,70—1,77
Земледѣльцы съ нѣкоторыми промыслами и торговлей (внутренняя Африка, малайцы) . .	100—300	1,7—5,3
Сѣверные индогерманскіе земледѣльцы и скотоводы до Рожд. Хр. (кельты, германцы).	281—675	5—12
Полукочевники съ земледѣліемъ подъ тро-		

ограничено средствами существованія. Въ то же время населеніе находится въ постоянномъ движеніи,—смѣна поколѣній приноситъ вѣчное обновленіе жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и число людей. Эти измѣненія въ количествѣ населенія являются необходимымъ условіемъ смѣны хозяйственныхъ формъ, которая нерѣдко именно этими измѣненіями и вынуждается. Роль движенія населенія въ ходѣ экономическаго развитія вообще принадлежитъ къ наименѣе изученнымъ и выясненнымъ сторонамъ экономической жизни. Научное изученіе исторіи населенія едва начинается. Надлежащее выясненіе роли движенія населенія значительно измѣнитъ наше пониманіе экономическихъ процессовъ и, быть можетъ, заставитъ внести этотъ моментъ въ наши представленія и о будущемъ развитіи общества [1]).

никами (Кордофанъ, Беннанъ)	200—500	3,4—8,9
Рыбачьи племена съ нѣкоторымъ земледѣліемъ подъ тропиками (острова Тихаго океана).	до 500	до 8,9
Новыя страны съ европейскимъ земледѣліемъ или климатически неблагопріятныя части Европы	до 500	до 8 9
Средне-и-южно-европейскія страны съ трехпольемъ или т. под. хозяйствомъ, начатками промышленногородской культуры, еще значительными лѣсами (примѣрно Грецiя 400—300 до Р. Хр., Италія 300 до 100 по Р. Хр, Средняя Европа 1,200—1,500)	1,000—1,500	17,7—26.6
Среднеевропейскія земледѣльческія мѣстности съ умѣреннымъ городскимъ и промышленнымъ развитіемъ въ эпоху 1600—1850	1,500—2,000	26—35
Чисто земледѣльческія мѣстности южной Европы до настоящаго времени	до 4,000	до 70
Нынѣшнія смѣшанныя земледѣльческопромышленныя области средней Европы	4,000—6,000	70—106
Современныя наилучшія земледѣльческія области Индіи, Явы, Китая	10,000	177
Области европейской крупной индустріи, крупные города и торговые центры	15,000	266
Области винодѣлія, центральныя области промышленности и горнаго дѣла и т. п. . .	17—18,000	300—308

[1]) Культурно-историческое значеніе роста населенія выдвинуто въ послѣднее время съ особенной силой проф. Ковалевскимъ, который считаетъ возможнымъ объяснить всю историческую эволюцію измѣненіями въ количествѣ населенія. Эта идея можетъ быть благодарна въ качествѣ эвристическаго принципа, потому что она устремляетъ вниманіе на но-

Научному выясненію вопроса о населеніи чрезвычайно мѣшала до сихъ поръ партійная страстность, съ которой онъ обсуждался. Вопросъ, имѣющій, можно сказать, универсально историческое значеніе, былъ суженъ до вопроса о причинахъ бѣдности въ современномъ обществѣ и мѣрахъ борьбы съ ней [1]). Вопросъ обсуждался по преимуществу въ той постановкѣ, которую придалъ ему Мальтусъ. Мальтусу принадлежитъ безсмертная заслуга *общей постановки* вопроса о народонаселеніи, [2]) послѣ которой стало невозможно его игнорировать (мы видѣли также, насколько правъ былъ Мальтусъ относительно Англіи своего времени). Но онъ могъ дать при тогдашнемъ состояніи общественной и экономической науки очень мало для выясненія вопроса. Какъ справедливо замѣчено было Марксомъ, формула Мальтуса отличалась чрезмѣрно абстрактнымъ характеромъ, недопустимымъ относительно такого исторически измѣнчиваго явленія, какъ движеніе населенія, которое зависитъ отъ всей конкретной обстановки, включая сюда и естественныя, и соціальныя, и политическія условія [3]). Уже на осно-

---

вый и доселе незаконно игнорировавшійся моментъ; но въ качествѣ вывода, формулы, выражающей закономѣрность процесса, она недостаточна, какъ ясно для каждаго экономиста. Въ соціальномъ способѣ производства ростъ населенія есть не только обусловливающее, но и обусловливаемое, ростъ населенія нуждается самъ въ соціально-экономическомъ объясненіи Формула эта страдаетъ чрезмѣрной простотой и теоретической незаконченностью.

[1]) Ученіе о народонаселеніи раздѣлило судьбы теоріи цѣнности,— публицистическій элементъ, связывавшійся съ обоими ученіями, одинаково вредитъ ихъ научному обсужденію. Надо думать, что теперь уже настало время разумнаго и спокойнаго отношенія къ вопросу, когда можно безбоязненно, не зачисляясь тѣмъ самымъ въ число враговъ рабочаго класса, приступить къ изученію дѣйствительнаго значенія проблемы населенія.

[2]) Пишущій эти строки долгое время относился къ безсмертному творенію Мальтуса и вообще вопросу о народонаселеніи съ точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма, и лишь дальнѣйшее изученіе и размышленія убѣдили его въ крайней несправедливости Маркса по отношенію къ Мальтусу, а также и въ крайней недостаточности ученія о народонаселеніи самого Маркса.

[3]) Шмоллеръ замѣчаетъ: „очевидно, что процессъ уплотненія населенія совершается легче всего тамъ, гдѣ народъ располагаетъ областью, которая еще обработана отчасти и скудно и имѣетъ болѣе обширныя и плодородныя области нежели обрабатываемыя Въ такомъ случаѣ значительный приростъ населенія и внутренняя колонизація при неподвижной техникѣ могутъ имѣть мѣсто безъ измѣненія правовъ и учрежденій. По

ваніи теперешнихъ знаній можно сказать, что формула, будто населеніе вообще стремится превысить средства существованія, невѣрна. Исторія знаетъ эпохи, когда населеніе почему либо отстаетъ отъ нихъ: подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ такого состоянія населенія происходило раскрѣпощеніе сельскаго населенія Франціи и Англіи, а также, вѣроятно, и прикрѣпленіе населенія къ землѣ.

Но еще менѣе чѣмъ Мальтусъ правы тѣ, которые отрицаютъ самую возможность превышенія населеніемъ средствъ существованія, вмѣстительности данной организаціи народнаго хозяйства, емкости территоріи относительно населенія. Обычное возраженіе въ такихъ случаяхъ, именно что каждый вновь появляющійся ротъ приноситъ съ собой и рабочія руки, можетъ быть устранено тѣмъ соображеніемъ, что эта ссылка совершенно не считается съ общественнымъ характеромъ теперешняго хозяйства. Лишь при существованіи свободныхъ даровъ природы,—земли и т. д.—словомъ, при колоніальныхъ условіяхъ, сопровождающихся, какъ мы увидимъ ниже, и особымъ способомъ размноженія, каждый ротъ, дѣйствительно, приноситъ и новыя руки: процессъ производства носитъ здѣсь еще въ значительной степени черты простой оккупаціи даровъ природы, общественное хозяйство является болѣе собирательнымъ, коллективнымъ, нежели органическимъ единствомъ. Но какъ только вся территорія заселена, и хозяйство становится производствомъ, а не оккупаціей, то его ведетъ уже общественный человѣкъ, организующій производство съ извѣстной планомѣрностью. При этомъ является questio facti, способна ли данная организація вмѣстить новое количество рукъ. Отношеніе между народнохозяйственной организаціей и увеличивающимся населеніемъ можетъ мыслиться въ троякой формѣ. Первый и простѣйшій случай тотъ, когда данная организація обладаетъ еще значительной вмѣстимостью, такъ что происходитъ количественное ея расширеніе, не сопровождающееся качественнымъ измѣненіемъ. Примѣромъ такого отношенія можетъ служить ростъ колоніальнаго населенія, сопровождающійся простымъ расширеніемъ площади, привлекаемой къ обработкѣ (пока вся площадь не будетъ занята);

гдѣ дѣло стоитъ такъ, что вся доступная и хорошая земля уже занята, тамъ уплотненіе еще затруднительнѣе. Но еще болѣе оно затруднительно тамъ, гдѣ требуется для этого общая перемѣна техники, усовершенствованіе всѣхъ хозяйственныхъ силъ и организаціи“ (l. c. 185)

примѣромъ этого же можемъ послужить и современное капиталистическое хозяйство, которое обладаетъ значительной способностью къ количественному расширенію; насчетъ этого расширенія слѣдуетъ отнести ростъ населенія европейскихъ странъ въ XIX вѣкѣ. Отношеніе между народнохозяйственной организаціей и населеніемъ можетъ мыслиться и въ такой формѣ, что приростъ населенія, превышая уже емкость территоріи относительно населенія, стимулируетъ переходъ къ новымъ хозяйственнымъ формамъ, обладающимъ большей емкостью территоріи. Такой случай мы разсмотримъ ниже, говоря о возникновеніи капиталистическаго производства. Замѣтимъ, что здѣсь образуется временное перенаселеніе въ промежуточную эпоху, пока хозяйство не преобразуется соотвѣтственно новымъ требованіямъ. Наконецъ, послѣдній случай отношенія между народнымъ хозяйствомъ и населеніемъ состоитъ въ томъ, что приростъ населенія, обгоняя вмѣстимость данной организаціи, не вызываетъ въ то же время по какимъ бы то ни было причинамъ перехода къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ. Этотъ случай и можетъ быть оквалифицированъ какъ *перенаселеніе въ собственномъ смыслѣ*.

Понятіе перенаселенія, конечно, вполнѣ относительно. Его можно опредѣлить какъ такое состояніе населенія, когда имѣется избытокъ рабочихъ рукъ, который не можетъ быть производительно использованъ даннымъ народнымъ хозяйствомъ. Здѣсь рѣчь идетъ, слѣдовательно, не о случайной или временной безработицѣ—возможно, что таковая вытекаетъ изъ данной хозяйственной организаціи и является до извѣстной степени условіемъ ея существованія,—по о наличности постояннаго избытка рабочихъ рукъ (возможно, что этотъ избытокъ выражается въ существованіи опредѣленнаго класса безработныхъ, но возможно, что избыточность распредѣляется на все рабочее населеніе и выражается въ недостаточной занятости послѣдняго). Состояніе перенаселенія можно констатировать, такимъ образомъ, лишь послѣ сложнаго учета баланса всего народнаго хозяйства; чѣмъ сложнѣе народное хозяйство, тѣмъ затруднительнѣе такой учетъ.

Состояніе перенаселенія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ нищету, болѣзни и порокъ, то, что Мальтусъ называлъ „restrictive checks“ и что приводитъ населеніе снова къ равновѣсію. Движеніе населенія въ исторіи совсѣмъ не отмѣчено тѣмъ непрерывнымъ и постепеннымъ его ростомъ, къ какому мы привыкли въ XIX вѣкѣ:

населеніе движется зигзагами, то взадъ, то впередъ, то находится въ застоѣ. Задача уплотненія населенія принадлежитъ къ однимъ изъ наиболѣе трудно разрѣшаемыхъ народнохозяйственныхъ задачъ [1]).

Ростъ культуры выражается въ ростѣ потребностей, состояніе бѣдности различно опредѣляется поэтому для разныхъ культуръ. А потому и состояніе перенаселенія ощущается въ высшей культурѣ раньше и острѣе нежели въ низшей, гдѣ оно синонимируетъ нерѣдко съ голодной смертью. Какъ бы ни понималось однако состояніе бѣдности, несомнѣнно, что, при наличности перенаселенія, извѣстная часть бѣдности должна быть отнесена на счетъ *абсолютной бѣдности*, бѣдности производства, а не распредѣленія. Въ первобытныхъ стадіяхъ культуры, гдѣ структура хозяйства проще и яснѣе, это едва-ли можетъ вызывать возраженія. Возможность перенаселенія въ теперешнемъ народномъ хозяйствѣ отрицается обыкновенно ссылкой на неравномѣрность распредѣленія благъ и скопленіе богатствъ въ немногихъ рукахъ. Но не слѣдуетъ забывать, что вопросъ объ отношеніи населенія къ емкости территоріи можетъ быть поставленъ только относительно опредѣленной, конкретной исторической обстановки; ссылки на возможныя, но не существующія условія здѣсь не помогаютъ.

---

[1]) „Исторически эпохи и народы (имѣвшіе густое населеніе) не очень многочисленны: эпоха греческой, римской и германской внутренней колонизаціи, эпохи большихъ, хорошо управлявшихся имперій востока, эпоха эллинизма, разцвѣтъ Рима и арабовъ и, наконецъ, европейскихъ государствъ послѣднихъ столѣтій". Schmoller. l. c. 186). Невѣроятнымъ противорѣчіемъ исторической истинѣ звучитъ слѣдующее тенденціозное сужденіе Лоріа: „именно благодаря тому, что избытокъ населенія объясняется экономическими факторами, связанными съ системой, основанной на наемномъ трудѣ (système du salaire), избытокъ населенія является феноменомъ существенно историческимъ (essentiellement historique), неизвѣстнымъ другимъ формамъ соціальной экономіи. Напрасно вы стали бы искать избытокъ населенія въ средніе вѣка, въ эпоху феодальной системы и цеховой организаціи ремесла; напротивъ въ эту эпоху находимъ постоянный излишекъ средствъ существованія сравнительно съ числомъ людей, и рабочіе, даже нищіе живутъ достаточно (largement)" (*A Loria.* Problèmes sociaux contemporains. Paris 1897, стр. 84—5). Наоборотъ, можно сказать, что перенаселеніе, въ самомъ притомъ буквальномъ смыслѣ, недостатка пищи, встрѣчается тѣмъ чаще, чѣмъ далѣе мы отходимъ въ глубь исторіи. Лоріа употребляетъ здѣсь обычный агитаціонный пріемъ закрашиванья въ черный цвѣтъ настоящаго и въ розовый прошлаго.

Неравномѣрность распредѣленія и скопленіе капиталовъ въ рукахъ немногихъ составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей теперешняго капиталистическаго строя, имѣющаго опредѣленную емкость территоріи относительно населенія Устраните фактъ частнаго капиталовладѣнія, вы измѣните тѣмъ самымъ въ корнѣ теперешнюю народнохозяйственную организацію, и вновь возникшая организація будетъ имѣть иную, можетъ быть, большую, а, можетъ быть и меньшую емкость территоріи. Но въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства извѣстную часть населенія можно при наличности извѣстныхъ признаковъ квалифицировать какъ избыточную: объ этомъ можно судить хотя бы потому, что народное хозяйство, теряя эту часть населенія въ видѣ эмиграціи,— а мы знаемъ уже, какъ колоссальна была въ XIX вѣкѣ европейская эмиграція,—ничего, кромѣ, облегченія, не испытываетъ. Между тѣмъ въ другихъ случаяхъ, теряя даже небольшую часть населенія (напр. эмигрирующихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ), оно чувствуетъ это весьма болѣзненно. Огромныя цифры европейской эмиграціи въ XIX вѣкѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что, не взирая на ростъ емкости территоріи, европейское населеніе систематически превышало возможныя границы прироста населенія.

Многимъ изложенныя идеи покажутся отчуждающими, отчасти благодаря разнымъ постороннимъ ассоціаціямъ, съ ними связаннымъ. Тѣмъ не менѣе отрицать возможность перенаселенія вообще (въ вышеразъясненномъ смыслѣ) нельзя уже по слѣдующимъ соображеніямъ. Если развитіе соціальноэкономическихъ отношеній представляется процессомъ стихійнымъ, отъ индивидуальной воли не зависящимъ, но ее собой опредѣляющимъ, то такой же стихійной силой представляется человѣческое размноженіе. Дѣторожденіе—актъ индивидуальный, имѣющій мѣсто въ предѣлахъ данной семьи; населеніе же есть соціальное, собирательное понятіе; каждая семья не знаетъ о рождаемости во всѣхъ другихъ семьяхъ, населеніе есть совокупныхъ результатъ рождаемости различныхъ семей. Хотя между формой хозяйства и размноженіемъ и существуетъ извѣстная зависимость, но эта зависимость чувствуется не столько въ положительной, сколько отрицательной формѣ, какъ препятствіе, когда населеніе переступаетъ извѣстныя границы и появляется уже перенаселеніе. Въ отношеніи между населеніемъ и формой хозяйства (Мальтусъ неудачно выражался въ такихъ слу-

чаяхъ: населеніемъ *и средствами существованія*) выражается совокупное дѣйствіе двухъ стихій: стихійной силы соціальныхъ отношеній и не менѣе стихійной силы размноженія, силъ голода и любви. Согласное дѣйствіе обѣихъ этихъ стихій мы можемъ предположить только какъ случайное исключеніе; общимъ правиломъ является ихъ несовпаденіе. Противное можно думать только съ принятіемъ ученія о предустановленной гармоніи, теологическаго оптимизма, долгое время царившаго, да и до сихъ поръ не умершаго въ воззрѣніяхъ на перенаселеніе.

Въ поясненіе долженъ добавить здѣсь, что сказанное относительно перенаселенія вообще не нужно понимать въ смыслѣ *соціальной* теоріи (какъ обычно понимается ученіе Мальтуса). Для насъ это только *экономическая* теорія, понятіе перенаселенія является лишнимъ средствомъ для болѣе точной постановки экономическаго діагноза. Зло, проистекающее изъ перенаселенія, является на извѣстной ступени общественнаго развитія столь же стихійнымъ и фатальнымъ, какъ и зло, проистекающее изъ соціальноэкономическаго состоянія. Ожидать и желать сознательнаго приспособленія населенія къ средствамъ существованія отъ бѣднаго, дикаго и невѣжественнаго населенія есть неменьшій утопизмъ, чѣмъ требовать отъ патагонцевъ или бушменовъ, положимъ, машиннаго производства. Это было бы не только безсмысленное, но и безсодержательное требованіе, потому что пока соціальноэкономическая организація представляетъ собой стихію, недоступную человѣческому контролю, къ ней невозможно разумное приспособленіе. Стихія размноженія можетъ быть регулируема только тогда, когда больше сознательнаго контроля будетъ приложено относительно веденія соціальнаго хозяйства. Разрѣшеніе одной проблемы немыслимо безъ разрѣшенія другой.

Но въ приспособленіи размноженія къ формѣ хозяйства мы видимъ въ всякомъ случаѣ особую проблему, которую предстоитъ разрѣшить будущему человѣчеству. До тѣхъ поръ, пока человѣчество не овладѣетъ стихійною силой размноженія, бѣдность не можетъ быть окончательно искоренена, опасность перенаселенія будетъ всегда у дверей [1]). Мнѣ видится въ будущемъ то состояніе, когда люди

[1]) Справедливо говоритъ *Лаше*: „законъ народонаселенія есть альфа и омега соціальнаго вопроса. Это есть одинъ изъ тѣхъ немногихъ пунктовъ, относительно которыхъ не можетъ быть разницы во мнѣніяхъ, а есть только различная степень пониманія. Съ познанія закона народонаселенія

будутъ сознательно приспособлять рождаемость къ хозяйственнымъ условіямъ. Этого можно ожидать, конечно, не отъ нравственнаго воздержанія, которое съ лицемѣрной жестокостью рекомендуется иными сторонниками Мальтуса. Можно думать, наоборотъ, что радости семейной жизни станутъ доступны большему числу людей, чѣмъ теперь, когда онѣ составляютъ привиллегію меньшинства. Помощи надо ждать отъ науки, отъ выработки его методовъ регулированія населенія [1]). Конечно, и въ нравахъ должны произойти значительныя измѣненія, лицемѣріе и предразсудки должны уступить мѣсто болѣе честному, строгому и, осмѣлюсь добавить, нравственному отношенію къ вопросу. Люди, имѣющіе чрезмѣрно большое потомство, въ особенности одержимые наслѣдственными болѣзнями, будутъ, по извѣстному выраженію Дж. Ст. Милля, разсматриваться какъ пьяницы или преданные какимъ-либо другимъ излишествамъ. Быть можетъ, человѣчеству предстоитъ не мало испытаній, прежде чѣмъ оно измѣнитъ свое теперешнее отношеніе къ этому вопросу. Зачатки новаго образа мыслей мы видимъ уже теперь въ такъ называемомъ неомальтузіанскомъ движеніи.

Но оставимъ вопросы будущаго для этого будущаго: довлѣетъ дневи злоба его. Въ той постановкѣ, въ какой вопросъ этотъ имѣетъ значеніе и для настоящаго, мы изучимъ его ниже. Итакъ, всякая организація народнаго хозяйства представляетъ собою опредѣленную фазу въ развитіи народонаселенія, его плотности, состава и т. д. Современная, такъ называемая капиталистическая организація, разсматриваемая со стороны населенія, также представляетъ совершенно своеобразное явленіе. Если европейская культура достигла необычайныхъ, небывалыхъ результатовъ въ области развитія производительности труда и созданія народнаго богатства, то еще болѣе удивительными представляются достигнутые ею результаты касательно повышенія емкости территоріи относительно населенія, уплотненія послѣдняго. Европейская куль-

---

и его дѣйствій лишь начинается пониманіе соціальныхъ золъ и ихъ источника, и лишь съ измѣненіемъ закона народонаселенія могутъ исчезнуть послѣдніе слѣды соціальнаго зла“ (*F. A Lange* I. St. Mill's Ansichten uber die sociale Frage und die angebliche Umwalzung der Socialwissenschaft durch Carey. Duisburg. 1866. Стр. 24).

[1]) Подобныя воззрѣнія были развиты Каутскимъ въ одной изъ его раннихъ работъ: *Karl Kautsky.* Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Wien. 1880.

тура достигла въ этомъ отношеніи невиданныхъ и неслыханныхъ результатовъ [1]). Разумѣется, оба эти явленія,—матеріальный прогрессъ и густота населенія, находятся въ связи между собою, это двѣ стороны одного и того же явленія. Но густота населенія образуетъ самостоятельную и великую силу цивилизаціи. Она увеличиваетъ человѣческій матеріалъ, который является субстратомъ культуры, она увеличиваетъ, слѣдовательно, возможность появленія болѣе многочисленныхъ и болѣе разнообразныхъ талантовъ всякаго рода, несущихъ свою лепту въ духовную сокровищницу человѣчества: національная литература, искусства, наука въ томъ развитіи, въ какомъ мы сейчасъ ихъ имѣемъ, находятся въ несомнѣнной связи съ этой обширностью человѣческаго матеріала. Далѣе густота населенія развиваетъ и усиливаетъ общественность, создаетъ болѣе ощутительное психическое треніе людей другъ о друга, обогащаетъ жизнь и повышаетъ ея пульсъ; быть можетъ и въ этомъ лежитъ причина общепризнанной нервности жизни XIX вѣка въ сравненіи со всѣми предыдущими. Города и городская жизнь являются кульминаціонными пунктами этого уплотненія населенія, гдѣ взаимное треніе людей достигаетъ наибольшихъ размѣровъ, и культурный контрастъ деревни городу создается прежде всего именно различіемъ въ количествѣ населенія.

Заслуги капитализма въ области развитія производительности труда общепризнаны; историческая роль капитализма въ этомъ отношеніи, быть можетъ, съ наибольшимъ удареніемъ была отмѣчена Марксомъ. Но гораздо менѣе оцѣненной и понятой осталась другая, неменьшая заслуга капитализма: создаваемая имъ емкость территоріи относительно населенія.

Для капитализма въ особенности характерно соединеніе повышенія матеріальнаго благосостоянія съ повышеніемъ плотности населенія: здѣсь увеличивается не голодное и лишенное всякихъ

[1]) Вотъ для поясненія поучительное сопоставленіе. Плотность населенія на квадратный километръ:

Франція.		Германія.		Англія и Уэльсъ.	
Во время Цезаря	7,6	Около Рожд. Хр.	5— 6		
1328	40	1300	17—20	1100	8
1574	27	1620	25	1450—1600	17
1700	42	1700	26—28	1700	33
1800	50	1800	40—45	1800	58
1895	71	1895	92	1891	192

(*Schmoller*, l. c., 183).

потребностей населеніе, но населеніе съ потребностями, непрерывно повышающимся. Этимъ европейскій ростъ населенія и его плотность отличается отъ тѣхъ случаевъ уплотненія населенія, когда оно обязано исключительно благопріятнымъ климатическимъ условіямъ и связаннымъ съ ними minimum'омъ потребностей, который остается неизмѣннымъ или понижается, но не повышается.

Уплотненіе населенія, характеризующее теперешнюю цивилизацію, связано съ совершенно опредѣленными измѣненіями въ народнохозяйственной организаціи, именно съ развитіемъ товарнаго хозяйства, приведшимъ къ отдѣленію промышленности отъ земледѣлія, связано съ развитіемъ индустріализма [1]). Именно индустріализму, развитію обрабатывающей промышленности (какъ мы знаемъ, въ капиталистической ея формѣ) суждено было блистательное разрѣшеніе задачи уплотненія населенія западной Европы

---

[1]) Заслуга выясненія значенія индустріализма въ дѣтѣ повышенія емкости территоріи относительно населенія (также какъ и самый терминъ—Bevolkerungskapazität) принадлежитъ Дюрингу. Дюрингъ слѣдующимъ образомъ развиваетъ свою мысль, опредѣляя понятіе земледѣльческаго хозяйства въ противоположность промышленному: „Земледѣльческій или промышленный характеръ области мы различаемъ по преобладающему значенію того или иного элемента. . Даже самое примитивное земледѣліе не могло бы существовать безъ всякаго ремесла, и наряду съ нимъ развиваются болѣе или менѣе хотя нѣсколько отраслей домашней промышленности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти зачатки промышленности не могутъ измѣнить общаго характера всего хозяйства, которое даже при наличности нѣсколькихъ мануфактуръ вынуждено будетъ къ тому, чтобы получать изъ-за границы всякое произведеніе болѣе тонкой техники, слѣдовательно, машины и фабрикаты, и платить за нихъ, также какъ и за предметы роскоши и колоніальной торговли, сырыми продуктами и пищей. Этотъ способъ снабжать себя средствами существованія очень дорогъ, ибо при этомъ нельзя ни продавать сырыя произведенія земли на отдаленномъ рынкѣ, ни получать въ достаточномъ количествѣ и удовлетворительнаго качества тѣ средства производства, которыя нужны для улучшенія земледѣлія Страна слишкомъ слаба и бѣдна, чтобы быть въ состояніи покупать въ значительномъ количествѣ произведенія далекихъ промышленныхъ областей. То, что она можетъ предложить взамѣнъ, хотя на отдаленномъ рынкѣ имѣетъ высокую цѣну, но на мѣстѣ производства—низкую, потому что главная составная часть цѣны поглощается транспортомъ и торговымъ посредничествомъ. Примѣните къ чисто земледѣльческому государству законъ разстояній и транспорта, и вы увидите, что оно не въ силахъ при помощи своей торговли выйти изъ своего состоянія... Промышленное государство обладаетъ несравненно большей емкостью территоріи нежели земледѣльческое... Переходъ къ промышленному государ-

И индустріализмъ разрѣшилъ эту задачу совершенно своеобразнымъ способомъ, кладущимъ печать на всю исторію XIX вѣка. Уплотненіе населенія достигнуто путемъ не болѣе или менѣе равномѣрнаго повышенія ёмкости всей территоріи, а чрезвычайно неравномѣрныхъ скопленій населенія въ ограниченныхъ пунктахъ, *городахъ*, или промышленныхъ центрахъ, между тѣмъ какъ цѣлыя огромныя территоріи повышали свое населеніе слабо, подъ конецъ даже совсѣмъ его теряли. Хотя поднялась емкость территоріи относительно населенія и въ земледѣльческихъ округахъ, однако это поднятіе не было ни настолько всеобщимъ, ни настолько значительнымъ, чтобы ослабить справедливость общаго положенія, что уплотненіе населенія совершилось въ XIX вѣкѣ за счетъ развитія городовъ и промышленныхъ центровъ, и распредѣленіе населенія въ наше время носитъ существенно новый характеръ отличаясь большей неравномѣрностью нежели въ какую бы то ни было предшествующую эпоху.

Георгъ Ганзенъ [1]) высказалъ, несмотря на всѣ частныя ошибки, допущенныя имъ при развитіи своей теоріи, чрезвычайно плодотворную мысль, что капитализмъ, развитіе городовъ, является особымъ состояніемъ населенія, фазой въ его развитіи, той именно, когда численность населенія превышаетъ вмѣстительность деревни и предоставляемыхъ ею условій общежитія. Справедливость этой мысли нельзя оспаривать и въ томъ случаѣ, если выселеніе части деревенскаго населенія въ города произошло не въ результатѣ естественно наступившаго перенаселенія, но путемъ экспропріаціи и изгнанія части сельскаго населенія.

Великія перемѣны въ хозяйственной жизни народовъ дѣлаются подъ давленіемъ жестокой необходимости, а не свободнаго выбора. Деревенское населеніе, находившее достаточное удовлетвореніе своихъ потребностей въ деревнѣ, конечно, не пошло бы за невѣрнымъ заработкомъ въ новыя мѣста или города, возможность возникновенія капиталистической промышленности была бы тѣмъ

ству есть средство усилить съ наибольшею возможной скоростью уже задерживающійся приростъ населенія и не только поддержать въ прежнемъ видѣ, но и ускорить ходъ хозяйства". *E. Duhring.* Cursus der National— und Socialökonomie. Berlin. 1873. 109—14. Ср. также вся глава III, Abschn. II). Ученіе Дюринга объ емкости населенія является естественнымъ восполненіемъ ученія Листа о развитіи промышленности.

[1]) Die drei Bevölkerungsstufen. 1889

самымъ исключена. Необходимо, чтобы его погнала нужда или насиліе, нужда отъ перенаселенія, насиліе отъ землевладѣльцевъ, но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы было въ наличности населеніе, которое не можетъ уже существовать въ деревнѣ.

Необходимость свободныхъ рукъ, какъ условіе развитія капитализма, была выяснена Марксомъ. Но Марксъ, бравшій всѣ вопросы исторіи капитализма въ англійской ихъ постановкѣ, и здѣсь придалъ чрезмѣрное значеніе индивидуальнымъ условіямъ англійской исторіи, настолько, что не выдѣлилъ общей необходимости, скрывавшейся въ этой особенной исторической формѣ. И дѣйствительно, если имѣть въ виду только англійскую исторію, то легко придти къ выводу, что происхожденіе капитализма стоитъ исключительно въ связи съ рядомъ насилій и экспропріацій [1]). Но если сопоставить рядъ различныхъ условій возникновенія капитализма, то становится яснымъ, что капитализмъ является неизбѣжнымъ какъ средство дальнѣйшаго уплотненія населенія, что экспропріація является здѣсь или случайнымъ совпаденіемъ, или же лишь ускоряетъ естественный ходъ событій, который привелъ бы однако къ тому же исходу. Отправнымъ пунктомъ развитія капитализма является во всякомъ случаѣ перенаселеніе, все равно

---

[1]) „... эти вновь освобожденные (отъ феодальной зависимости) стали продавцами самихъ себя лишь послѣ того, какъ были лишены своихъ собственныхъ средствъ производства и всѣхъ обезпеченій существованія, которыя давали имъ старый феодальный порядокъ. А эта исторія, исторія ихъ экспропріаціи, написана въ лѣтописяхъ человѣчества кровью и жегѣзомъ... Въ исторіи первоначальнаго накопленія наиболѣе выдающимися событіями были всѣ перевороты, которые служили рычагами для поднятія возникающаго класса капиталистовъ, въ особенности же тѣ моменты, когда огромныя массы людей внезапно и насильственно отторгались отъ средствъ ихъ существованія и выбрасывались на рабочій рынокъ, какъ свободные и „незакрѣпленные“ пролетаріи. Экспропріація земледѣльческаго производителя, крестьянина, лишеніе его земли — вотъ основа всего процесса. Исторія этой экспропріаціи въ разныхъ странахъ принимаетъ различные оттѣнки, и различные факты проходитъ въ различной послѣдовательности и въ различные періоды времени. Только въ Англіи, которую мы возьмемъ для примѣра, она принимаетъ классическую форму“ (Капиталъ I, 626—7). Англія не только не является типической страной, но составляетъ скорѣе исключеніе или во всякомъ случаѣ не болѣе типична, чѣмъ всякая другая страна. Развитіе капитализма возможно и безъ помощи экспропріаціи просто на развалинахъ натуральнаго хозяйства, оказавшагося несостоятельнымъ въ виду роста населенія.

естественное или же искусственное, усиленное экспропріаціей, является поэтому неизбѣжно нищета и бѣдность, которыя могутъ быть уврачеваны только капитализмомъ [1]). Поэтому, между прочимъ, тѣ бѣдствія, которыми обыкновенно бываютъ ознаменованы первые шаги капитализма, столько же относятся на счетъ этого капитализма, еще не успѣвшаго развить своихъ положительныхъ силъ, сколько на счетъ докапиталистическаго перенаселенія, нищеты не вновь созданной, а полученной по наслѣдству: le mort saisit le vif [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда слѣдуетъ, что первоначальное предкапиталистическое перенаселеніе, съ сопровождающими его горемъ, нуждой и бѣдствіями, было необходимымъ условіемъ созданія теперешней цивилизаціи, цѣной прогресса: *перенаселеніе это было экономически прогрессивнымъ*, какъ необходимое условіе перехода къ высшей формѣ производства. Этотъ выводъ, я знаю, ужаснетъ многихъ, но нужно имѣть мужество быть послѣдовательнымъ; по нѣмецкой поговоркѣ „wer A sagt, muss auch B sagen“, тѣ, кто дорожитъ и гордится блескомъ теперешней цивилизаціи, должны быть въ ясности и относительно того, какой цѣной она куплена.

Перенаселеніе является условіемъ не только происхожденія капиталистическаго производства, но и начальнаго его развитія, до полнаго разцвѣта. Первые шаги развитія капитализма, естественно, еще робки и неувѣренны; долженъ быть готовый контингентъ рабочей силы для того, чтобы могъ затрачиваться капиталъ. Первыя стадіи развитія капиталистическаго производства характеризуются, кромѣ того, широкимъ *экстенсивнымъ* его развитіемъ, созданіемъ многочисленныхъ отраслей производства, которыя только впервые формируютъ свои рабочіе кадры. Позднѣе, когда каждая отрасль промышленности имѣетъ уже собственный контингентъ рабочихъ и развитіе принимаетъ не столько экстенсивный, сколько *интенсивный* характеръ, причемъ основаніе новыхъ отраслей производства уступаетъ мѣсто постепенному расширенію уже су-

---

[1]) Для Россіи это было указано П. Б. Струве, замѣчанія котораго относительно первоначальнаго предкапиталистическаго перенаселенія вообще отличаются большой проницательностью. См. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894.

[2]) Извѣстно, что это было выставлено въ качествѣ возраженія противъ ученія Маркса уже *Ф. А. Ланге* въ его „Рабочемъ Вопросѣ“. У Ланге возраженія эти носятъ въ общемъ апріорный характеръ.

ществующихъ, промышленность не нуждается въ столь обильномъ предложеніи рабочихъ; кромѣ того, теперь окрѣпшая промышленность можетъ сама *привлекать* ихъ, между тѣмъ какъ раньше ихъ гнала нужда.

Состояніе перенаселенія, предшествующее капитализму, сливается съ тѣмъ перенаселеніемъ, которое сопровождаетъ первыя стадіи уже развивающагося капитализма; въ сущности послѣднее есть непосредственное продолженіе первоначальнаго перенаселенія, почему мы и не различили оба эти состоянія въ терминологіи, безразлично назвавъ ихъ оба *предкапиталистическимъ* перенаселеніемъ

Резервуаръ избыточнаго населенія помѣщается, прежде всего, въ деревнѣ. Наличность болѣе или менѣе обширнаго аграрнаго перенаселенія почти всегда свидѣтельствуетъ о существованіи общаго перенаселенія въ странѣ. Мы знаемъ уже, что съ этимъ перенаселеніемъ связаны судьбы крупнаго хозяйства въ земледѣліи. Въ этомъ отношеніи не различаются судьбы крупнаго земледѣлія во всѣхъ изученныхъ нами странахъ. Волна перенаселенія въ моментъ своего высшаго подъема возноситъ за собой ладью крупнаго хозяйства, но, опускаясь сама, она влечетъ внизъ и это послѣднее. Основные моменты развитія еще свѣжи въ памяти читателя.

Присутствіе перенаселенія настолько существенно для положенія не только деревенскаго, но и всего рабочаго населенія. что въ исторіи развитія капитализма вообще можно различать эти двѣ стадіи (хотя, естественно, границу съ точностью провести чрезвычайно затруднительно): эпоху предкапиталистическаго перенаселенія и эпоху его отсутствія. Избытокъ предложенія рабочей силы надъ спросомъ не можетъ не отражаться на положеніи рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Онъ создаетъ состояніе необезпеченности, усиливаетъ зависимость рабочаго отъ предпринимателя; это не можетъ оставаться безъ вліянія даже на положеніе „обученнаго труда“, которое всетаки зависитъ, до извѣстной степени, и отъ общаго положенія рабочихъ. Приливъ новыхъ рабочихъ силъ изъ деревни, съ низшими потребностями и безъ тѣхъ соціальныхъ навыковъ, которые развиваются уже у городскихъ рабочихъ, ослабляетъ способность къ сопротивленію у этихъ послѣднихъ. Длинный рабочій день и низкая заработная плата,—вообще *экономія низкой заработной платы* (производство *абсолютной* прибавочной цѣнности, по терминологіи Маркса).

характеризуютъ этотъ періодъ развитія капитализма. Эта же эпоха, осложненная еще техническими переворотами, дала основу для созданія Verelendungstheorie (теоріи обнищанія), согласно которой развитіе капитализма сопровождается ростомъ нищеты, ибо контингентъ капиталистической эксплуатаціи въ эту эпоху быстро увеличивается, формы же эксплуатаціи при данныхъ условіяхъ могутъ измѣняться только въ худшую сторону. Такъ какъ въ эту эпоху перенаселеніе и нищета являются необходимымъ условіемъ возможности развитія капитализма и роста народнаго богатства на его основѣ, то для нея справедливо, что ростъ народнаго богатства и народнаго благосостоянія антагонистичны между собою. Всѣ эти положенія старой политической экономіи имѣютъ, такимъ образомъ, относительную справедливость, но приложимы только къ опредѣленному фазису капиталистическаго развитія. Человѣкъ цѣнится дешево въ эту тяжелую эпоху, и еще дешевле цѣнится человѣческая личность.

По мѣрѣ того какъ излишнее населеніе мало-по-малу разсасывается въ народнохозяйственномъ организмѣ, положеніе рабочаго получаетъ возможность измѣняться къ лучшему; нѣтъ, по крайней мѣрѣ, одного изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ этому улучшенію. Наступаетъ періодъ экономіи высокой заработной платы, потому что качество труда теперь не можетъ уже такъ легко замѣняться количествомъ. Человѣкъ дорожаетъ какъ въ городѣ, такъ и деревнѣ, и отъ этого выигрываетъ его гражданская и человѣческая личность. Къ этому періоду относится успѣшное развитіе рабочихъ организацій всякаго рода, и политическихъ, и хозяйственныхъ, и профессіональныхъ, поднятіе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня и т. д. Однимъ изъ наиболѣе выигрывающихъ при этомъ (относительно) оказывается сельскохозяйственный рабочій. Характеризуемая эпоха представляетъ собою полный расцвѣтъ капитализма.

Къ сказанному нужно сдѣлать два *поясненія*.

Предкапиталистическое перенаселеніе кореннымъ образомъ отличается отъ того относительнаго перенаселенія, которое свойственно капитализму, какъ таковому. Предкапиталистическое перенаселеніе есть наслѣдіе предшествовавшей эпохи, задача, которую прошлое оставляетъ будущему и которую капитализмъ разрѣшаетъ постепеннымъ повышеніемъ емкости территоріи. Но кромѣ этого состоянія общаго перенаселенія, есть и спеціальныя формы перенаселенія,

точнѣе безработицы, порождаемыя специфическими особенностями капиталистической организаціи производства.

Теорія относительнаго перенаселенія связывается обычно съ именемъ Маркса. Однако заслуга Маркса состоитъ больше всего лишь въ формулированіи общаго принципа относительнаго перенаселенія, его же собственное ученіе о формѣ этого перенаселенія недостаточно, а отчасти невѣрно и неудовлетворительно [1]). Лишь ученіе о „текучемъ перенаселеніи“ можетъ быть удержано для современной науки, да и то въ качествѣ общаго принципа, весьма нуждающагося въ детализаціи [2]). Категорія „скрытаго“ или деревенскаго перенаселенія, во-первыхъ, приспособлена къ спеціально англійскимъ условіямъ, а во-вторыхъ, стоитъ въ связи съ воззрѣніями Маркса на капиталистическое развитіе земледѣлія, которыя считаться правильными ни въ какомъ случаѣ не могутъ [3]).

---

[1]) Для Маркса теорія перенаселенія была прежде всего теоріей бѣдности, *соціальной* теоріей, которую онъ, въ сознательномъ антагонизмѣ Мальтусу, хотѣлъ вплести въ общую ткань своего соціалистическаго міровоззрѣнія. Поэтому значеніе народонаселенія (и перенаселенія), какъ могучаго фактора соціальнаго развитія, а вмѣстѣ и какъ соціологической проблемы осталось ему совершенно чуждо.

[2]) Вотъ въ какихъ общихъ чертахъ характеризуется Марксомъ текучее перенаселеніе: „въ центрахъ современной промышленности — на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и т. д. - рабочіе, то отталкиваются, то снова притягиваются въ болѣе сильной степени, такъ что въ концѣ концовъ число занимающихся работниковъ возрастаетъ, хотя въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ размѣру производства“. (Капиталъ, I, 561).

[3]) Вотъ какъ опредѣляетъ Марксъ эту форму перенаселенія. „Какъ только капиталистическое производство овладѣваетъ земледѣліемъ или по мѣрѣ того какъ оно овладѣваетъ имъ, запросъ на сельское рабочее населеніе абсолютно понижается съ накопленіемъ функціонирующаго здѣсь капитала, но при этомъ отталкиваніе его не дополняется, какъ въ неземледѣльческой промышленности, бо́льшимъ притяженіемъ въ другомъ мѣстѣ. Часть сельскаго населенія находится поэтому постоянно въ переходномъ состояніи превращенія въ городской или мануфактурный пролетаріатъ и въ ожиданіи условій, благопріятныхъ для такого превращенія. Этотъ источникъ прибываетъ, слѣдовательно, постоянно. Но постоянный притокъ къ городамъ предполагаетъ въ самыхъ деревняхъ постоянный, скрытый избытокъ населенія, размѣръ котораго можно видѣть только тогда, когда, въ исключительныхъ случаяхъ, сточные каналы открываются шире. Плата сельскому рабочему понижается поэтому до minimum'а, самъ же онъ всегда одной ногой стоитъ въ болотѣ пауперизма“. (Капиталъ, I, 563). Этимъ исчерпывается ученіе Маркса объ отношеніи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, городомъ и деревнею вообще.

Наконецъ, категорія „неподвижнаго“ перенаселенія включаетъ все, что̀ не можетъ помѣститься въ обѣ предшествовавшія категоріи, безъ всякихъ опредѣленныхъ признаковъ; категорія, включающая въ себя, такимъ образомъ, „все остальное“, не есть экономическая категорія, а пустой и безсодержательный внѣшній ярлыкъ [1]). Излишне и добавлять, что представленіе о предкапиталистическомъ перенаселеніи было совершенно чуждо Марксу.

Сказанное о предкапиталистическомъ перенаселеніи ни мало не затрогиваетъ вопроса объ относительномъ капиталистическомъ перенаселеніи, которое, быть можетъ, такъ неразрывно связано съ капиталистической организаціей производства, что она не можетъ безъ него существовать. Конечно, какъ періодическія, такъ и сезонныя колебанія заработковъ остаются и при полномъ отсутствіи предкапиталистическаго перенаселенія, резервная армія капитализма составляетъ хотя и не дѣйствующую, то все таки необходимую часть арміи. Можетъ или не можетъ быть воспособлено этому злу, во всякомъ случаѣ его происхожденіе иного характера чѣмъ предкапиталистическаго перенаселенія. Однако при отсутствіи послѣдняго и временныя колебанія промышленности и безработицы должны переноситься легче, чѣмъ при его наличности, какъ въ силу лучшаго общаго положенія рабочаго, такъ и меньшаго предложенія рабочей силы, что̀ имѣетъ значеніе какъ для занятыхъ рабочихъ, такъ и лишившихся заработка, но его ищущихъ.

Итакъ, категоріи предкапиталистическаго (или абсолютнаго) и капиталистическаго (или относительнаго) перенаселенія принципіально различаются между собою и мыслятся совершенно независимо другъ отъ друга. Бѣдность и безработица остается, конечно, одна и та же, является ли она результатомъ въ одномъ случаѣ абсолютнаго, въ другомъ относительнаго перенаселенія; но для пониманія причинъ этой бѣдности и всего народнохозяйствен-

[1]) Вотъ какъ опредѣляется неподвижное перенаселеніе. „третья категорія избытка населенія, неподвижный избытокъ, образуетъ часть дѣйствующей рабочей арміи, но безъ всякихъ правильныхъ занятій, такъ что капиталъ имѣетъ при этомъ всегда въ своемъ распоряженіи громадныя массы скрытыхъ рабочихъ силъ. Условія его жизни ниже средняго уровня условій жизни рабочаго класса, что именно и дѣлаетъ его предметомъ особенной отрасли эксплуатаціи“, (ib. 563). Чѣмъ же отличается эта неопредѣленная категорія отъ первой и второй? Она излишня даже съ точки зрѣнія ученія Маркса, за своей полной безсодержательностью.

наго состоянія это различіе очень существенно, объ категоріи играютъ роль весьма важныхъ діагностическихъ средствъ.

Второе поясненіе касается отношенія между городомъ и деревнею, точнѣе, деревенскимъ и городскимъ населеніемъ. Мы знаемъ уже, что первоначально избытокъ деревенскаго населенія устремился въ города, чтобы создать тамъ новую экономическую жизнь. Притокъ населенія изъ деревни въ городъ продолжается во всю эпоху предкапиталистическаго перенаселенія. Но онъ не прекращается и послѣ исчезновенія послѣдняго, постоянное движеніе деревенскаго населенія въ города есть нормальное условіе развитія капитализма. Эта необходимость вытекаетъ изъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, развивающееся капиталистическое производство требуетъ увеличивающагося населенія. Между тѣмъ собственный, городской приростъ населенія, если и существуетъ, то слабъ и можетъ оказаться недостаточнымъ и отстающимъ отъ темпа хозяйственнаго развитія. Во-вторыхъ, условія городской и промышленной жизни, несмотря на всѣ усилія санитаріи, оказываются настолько антигигіеничны, что естественный приростъ городского населенія оказывается весьма замедленнымъ, а средняя жизнь до сихъ поръ менѣе продолжительна чѣмъ въ деревнѣ (послѣднее установлено изслѣдованіями Баллода). Ганзенъ высказалъ мнѣніе, которое пытался утвердить разборомъ данныхъ статистики населенія города Мюнхена, что городское населеніе, предоставленное само себѣ, вымерло бы, такъ какъ смертность здѣсь превышаетъ рождаемость [1]). Мнѣніе это подвергается весьма сильной кри-

[1]) Изслѣдованія о ростѣ городского и деревенскаго населенія, ихъ взаимномъ отношеніи, средней продолжительности жизни и т д. едва начинаются. Только новѣйшая статистика могла доставить данныя, позволяющія поставить эту любопытнѣйшую соціологическую проблему.

Взаимное отношеніе городского и деревенскаго населенія хорошо выясняется изъ слѣдующаго сопоставленія (которое заимствуемъ изъ французской оффиціальной статистики: Denombrement de la population 1891, стр. 72).

Наличное населеніе.		Городское населеніе.	Сельское.	Всего
30 мая	1886	13,793,524	24,425,379	38,218,903
Рожденія	1886	198,365	319,750	518,515
(7 посл. мѣс)				
„	1887	344,007	555,326	899,333
„	1888	349,001	533,638	882,639
„	1889	351,222	529,231	880,453
„	1890	336,804	501,255	838,059

тикѣ и едва ли окажется правильнымъ послѣ провѣрки въ полномъ объемѣ, но весьма вѣроятно, что относительно многихъ городовъ, а еще болѣе относительно рабочихъ классовъ населенія и въ особенности отдѣльныхъ отраслей производства она окажется правильна. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ теперешнемъ обществѣ деревня является источникомъ населенія, и „Zug nach der Stadt“ составляетъ условіе нашей цивилизаціи. Въ этомъ заключается важнѣйшая экономическая функція современной деревни, совершенно необходимая и незамѣнимая: можно упразднить значеніе деревни какъ мѣста земледѣльческаго производства, усиливъ привозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ-за границы, но значеніе деревни какъ источника населенія и національной силы упразднить нельзя. Ссылка на примѣръ Англіи, которая дѣлается иногда въ видѣ опроверженія этого положенія, его совершенно не опровергаетъ, потому что до сихъ поръ и

(три мѣс) . .	1891	113,320	170,050	283,370
Всего рожденій. .	—	1,692,719	2,609,250	4,301,969
Отсюда вычесть:				
Смертей въ . . .	1886	194,360	286,832	481,192
(7 посл. мѣс)				
„	1887	340,722	502,075	842,797
„	1888	343,415	494,452	836,867
„	1889	333,512	461,421	794,933
„	1890	365,909	510,596	876,505
(три мѣс.) . . .	1891	115,930	162,130	278,000
Всего смертей . .	—	1,693,848	2,417,506	4,111,354
Избытокъ смертей.	—	1,129	—	—
Избытокъ рожденій	—	—	191,744	190,615
Населеніе, *исчисленное* къ 11 апр. .	1891	13,792,395	24,617,123	38,409,518
Дѣйствительно констатированное 11 апр. . . .	1891	14,311.292	24,031,900	38,343,192
Разница	—	+ 518,897	— 585,223	— 66,326

Эта таблица даетъ полную возможность понять дѣйствительный характеръ отношеній между городомъ и деревней. Она показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, для французскихъ городовъ нашего времени Ганзенъ вполнѣ правъ, и что, предоставленное себѣ, городское населеніе не въ силахъ даже удержаться на неизмѣнномъ уровнѣ и, слѣдовательно, осуждено на вымираніе. Питаетъ городъ населеніемъ деревня, та самая французская деревня, на которую сыплется такъ много обвиненій въ искусственномъ безплодіи. Относительно того же приблизительно не-

англійскіе города питаются деревенскимъ населеніемъ: въ города отвлекается весь общій приростъ деревенскаго населенія, а сверхъ того и часть постояннаго его контингента, вслѣдствіе этого постоянно уменьшающагося; до сихъ поръ не было доказано, чтобы англійскіе города, въ санитарномъ отношеніи обставленные наиболѣе благопріятно во всей Европѣ, могли въ такой же степени, какъ до сихъ поръ, увеличивать свое населеніе безъ помощи деревни.

Повторяемъ еще разъ, что, хотя отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ во всѣхъ подробностяхъ представляетъ собою неразрѣшенную еще проблему, а оздоровленіе городовъ все уменьшаетъ зависимость ихъ отъ деревни со стороны населенія, однако для настоящаго времени и для всего XIX вѣка зависимость эта есть несомнѣнный фактъ.

Такимъ образомъ, деревня постоянно высачиваетъ изъ себя избытокъ населенія, который устремляется въ города. Въ эпоху общаго перенаселенія, когда „тяга въ городъ“ бываетъ особенно сильна, онъ берется изъ общаго резервуара избыточнаго населенія. Въ позднѣйшую эпоху эмиграція въ городъ затрогиваетъ иногда не только резервную, а уже дѣйствительную армію земледѣлія въ томъ случаѣ, если земледѣліе ведется наемнымъ трудомъ и населеніе не связано съ землей: это мы наблюдаемъ повсемѣстно въ теперешнюю эпоху аграрнаго кризиса. Иначе дѣло происходитъ въ томъ случаѣ, если деревенское населеніе состоитъ изъ крестьянъ, которые не такъ легко бросаютъ земледѣліе и не такъ

рюда въ жизни германскихъ городовъ Баллодъ въ результатѣ изслѣдованія приходитъ къ такому выводу. „Въ общемъ можно считать подтверждающимся то воззрѣніе, по которому сельское населеніе питаетъ и должно питать населеніе большихъ городовъ, чтобы послѣднее не пошло назадъ. Вѣроятно, что первоначальное населеніе германскихъ городовъ съ 1816 года, если и не вполнѣ вымерло, какъ слѣдовало бы принять по Ганзену, но въ общемъ осталось неизмѣннымъ или даже должно нѣсколько уменьшиться“. (*Ballod.* Die Lebensfahigkeit der städtischen und landlichen Bevolkerung. 1897. Стр. 56). *Bruckner* (v. Mayr's Statist. Arch., Band I, стр. 136) вычисляетъ, что съ 1816 по 1885 годъ населеніе Имперіи выросло съ 24,8 до 46,8 милл., населеніе же большихъ городовъ болѣе чѣмъ учетверилось, составляя въ 1816 году 4,4% всего населенія, а въ 1885 уже 10,5%. Уже „отсюда очевидно, что если бы городское населеніе обладало бы такою же жизнеспособностью какъ сельское, и тогда оно на половину должно было бы состоять изъ иммигрантовъ“ (ibid. 5).

тяжело страдаютъ отъ аграрнаго кризиса. Здѣсь теоретически мыслимы три возможности, въ зависимости отъ измѣненій емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія. Если эта емкость уменьшается, то часть крестьянства тѣмъ самымъ вытѣсняется изъ земледѣлія и должна идти въ города; если эта емкость неизмѣнна, то въ города направляется лишь естественный приростъ населенія; если эта емкость, наконецъ, увеличивается, то весь приростъ населенія въ деревнѣ долженъ быть настолько значителенъ, чтобы покрыть собой увеличеніе и городского и деревенскаго населенія. Но всѣ эти случаи имѣютъ то общее между собой, что необходимо предполагаютъ въ деревнѣ избыточное населеніе. Эта избыточность должна чувствоваться какъ частичное перенаселеніе (на обычномъ языкѣ это называется малоземеліе). Такимъ образомъ, состояніе частичнаго перенаселенія есть нормальное состояніе деревни даже при полномъ отсутствіи общаго перенаселенія въ странѣ; оно вытекаетъ изъ функціи деревни, какъ источника населенія. Эту форму перенаселенія, которую въ отличіе отъ другихъ, назовемъ *деревенскимъ перенаселеніемъ*, нужно также отличать отъ общаго перенаселенія, хотя главною тяжестью и то и другое обнаруживается въ деревнѣ. Но, очевидно, форма деревенскаго перенаселенія въ чистомъ видѣ исключается состояніемъ общаго перенаселенія, которое выражается, прежде всего, аграрнымъ перенаселеніемъ. Слѣдовательно эта спеціальная форма перенаселенія, какъ таковая, принадлежитъ лишь второй эпохѣ развитія капитализма, когда резервуаръ предкапиталистическаго перенаселенія уже исчерпанъ.

Итакъ, обѣ спеціальныя формы капиталистическаго перенаселенія—и городское, и деревенское—вытекаютъ изъ специфическихъ особенностей капиталистическаго хозяйства, онѣ отличаются поэтому отъ первоначальнаго перенаселенія, которое знаменуетъ историческій переломъ, измѣненіе хозяйственныхъ формъ, и ставитъ капиталистическому хозяйству общую проблему уплотненія населенія. Первыя формы перенаселенія въ извѣстномъ смыслѣ неразрывно связаны съ капиталистическимъ производствомъ, послѣдняя же должна быть устранена его полнымъ развитіемъ.

Мы должны въ заключеніе популяціонистической характеристики капитализма отмѣтить еще одну его особенность. Какъ мы уже знаемъ, то уплотненіе населенія, которое достигается капитализмомъ, обязано по преимуществу индустріализму,—развитію тор-

говли и промышленности. Земледѣліе принимаетъ здѣсь участіе только сначала, а затѣмъ развитіе индустріализма и связанное съ нимъ уплотненіе населенія совершается *на его счетъ*. Задачу уплотненія населенія, которая сводится, конечно, къ задачѣ производства необходимыхъ средствъ существованія на данной территоріи для бо̀льшаго населенія, капитализмъ разрѣшаетъ поэтому не вполнѣ и не прямо. Онъ не разрѣшаетъ, а лишь *обходитъ* ее относительно земледѣлія, уклоняясь отъ тяжелаго ига закона убывающаго плодородія почвы (ср. введеніе). Средства существованія, производимыя въ земледѣліи, въ большей или меньшей степени образуютъ продуктъ ввоза, за который платится вывозомъ продуктовъ индустріи, чѣмъ и создается цѣпь зависимости капиталистическихъ странъ отъ внѣшняго рынка. Капиталистическое хозяйство является, такимъ образомъ, односторонне развитымъ, не самодовлѣющимъ [1]). Мы имѣемъ въ виду при этомъ не то раздѣленіе международнаго труда, которое основывается на климатическихъ и естественныхъ различіяхъ или какихъ-либо выгодахъ особенной спеціализаціи производства и ведетъ къ общей выгодѣ всѣхъ мѣняющихся странъ,—фактъ такого раздѣленія труда экономически прогрессивенъ, и оно усиливается съ развитіемъ культуры; нѣтъ, то различіе между странами земледѣльческими и промыш-

[1]) Эта особенность современнаго развитія въ новѣйшее время хорошо отмѣчена Шмоллеромъ. „Если въ настоящее время страна для того, чтобы прокормить двойное количество населенія, расширяетъ свой фабричный экспортъ и будетъ въ значительной степени жить чужимъ хлѣбомъ, то государственная организація, отношеніе къ заграницѣ, собственная мощь и мощь другихъ государствъ, словомъ, исключительно счастливое совпаденіе многихъ обстоятельствъ можетъ обусловить благополучное разрѣшеніе этой проблемы. Такимъ образомъ, создается положеніе, которое можетъ существовать только при опредѣленныхъ международныхъ и всемірнохозяйственныхъ условіяхъ; именно, если благодаря этому въ фабричныхъ и экспортирующихъ областяхъ живетъ по 8—15,000 на кв милю, то это предполагаетъ политическую и экономическую зависимость или международныя дружескія отношенія съ областями, большими по размѣру въ 10—100 разъ, но имѣющими 1—3,000 на кв. милю... Такимъ образомъ, является полнѣйшимъ заблужденіемъ, если оптимисты, указывая на 1% земной поверхности, заселенный съ плотностью въ 8,000 душъ на кв. милю и болѣе, говорятъ, что также будутъ заселены и остальные 99%. Значительная часть культурныхъ странъ уже теперь болѣе не допускаетъ увеличенія населенія на 100% или 200%, если техника не научитъ насъ приготовлять хлѣбъ и мясо химическимъ путемъ, не прибѣгая къ земледѣлію“ (*Schmoller*. Grundriss, 186)

ленными, вывозящими и ввозящими продукты земледѣлія имѣетъ совершенно другое значеніе и вытекаетъ не изъ силы, а изъ слабости капиталистическаго производства, связаннаго закономъ убывающей производительности почвы [1]). Уплотненіе населенія въ капиталистическомъ производствѣ совершается въ значительной степени за чужой счетъ; если есть страны промышленныя съ густымъ населеніемъ, то должны быть и страны земледѣльческія, съ рѣдкимъ населеніемъ. Плотность населенія капиталистическаго хозяйства въ извѣстномъ смыслѣ паразитарная, чужеядная. При *теперешнихъ* условіяхъ развитія производства предположить капитализмъ въ качествѣ всемірнаго явленія нельзя, потому что это значило бы уничтожить дѣленіе странъ на промышленныя и земледѣльческія, между тѣмъ одно также невозможно безъ другого какъ человѣкъ безъ тѣни [2]). Мы будемъ еще говорить о значеніи этого факта въ заключительной главѣ настоящаго сочиненія.

2. Емкость территоріи относительно земледѣльческаго населенія.

Емкость территоріи относительно населенія и превышеніе этой емкости, или перенаселеніе, въ примѣненіи ко всему народ-

[1]) Смѣшеніе различія земледѣльческаго и промышленнаго государствъ, основывающагося, въ послѣднемъ счетѣ, на законѣ убывающаго плодородія почвы, и международнаго раздѣленія труда, прогрессирующей спеціализаціи производства допускаетъ *Зомбартъ* въ своихъ разсужденіяхъ объ „экспортѣ и культурѣ“. См. *W. Sombart.* Export und Kultur (Sociale Praxis. 1899. № 31).

[2]) Различной степени индустріализаціи соотвѣтствуютъ и общій ростъ населенія въ XIX вѣкѣ, который очень различается для разныхъ странъ, давая живое подтвержденіе вѣрности положенія, что „населеніе необходимо ограничено средствами существованія“. Средняя плотность населенія для Германской Имперіи, напр., съ 1816 до 1895 года возрасла 46,3 человѣкъ на квадр. километръ до 96,7, приблизительно вдвое. Но какъ различается интенсивность прироста въ разныхъ частяхъ Германіи: такъ Пруссія въ 1816 имѣла 35,3 человѣка на кв. километръ, въ 1895 уже 91,4 (а мы знаемъ уже какъ различенъ былъ этотъ приростъ въ разныхъ провинціяхъ), въ королевствѣ Саксоніи было въ 1815 году 78,6. а въ 1895 уже 252,6,—наибольшій приростъ въ Имперіи. Ей противоположенъ крестьянскій Вюртембергъ, гдѣ плотность увеличилась съ 72,3 въ 1816 году до 106,6 въ 1895; Баденъ 66,3 въ 1816 и 114,4 въ 1895; Баварія съ 48,5 въ 1818 и 76,7 въ 1895. Большее или меньшее преобладаніе земледѣлія чувствительно отзывается на общемъ приростѣ населенія.

ному хозяйству есть понятіе довольно абстрактное. Требуется сложный анализъ народнаго хозяйства, чтобы опредѣлить создаваемую имъ емкость территоріи или же установить наличность общаго перенаселенія. Иначе обстоитъ дѣло относительно отдѣльной отрасли производства, именно земледѣлія. Здѣсь помѣстительность данной земледѣльческой территоріи есть дѣло очень ясное, можно сказать, наглазное, а переселеніе представляетъ совершенно очевидное явленіе, сопровождающееся тяжелыми страданіями для населенія.

Принципъ народонаселенія, точнѣе ученіе о емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія представляется необычайно важнымъ для пониманія конкретнаго хода развитія земледѣлія; вмѣстѣ съ закономъ убывающаго плодородія почвы онъ долженъ быть поставленъ въ самомъ центрѣ теоріи аграрнаго развитія, между тѣмъ до сихъ поръ его универсальное значеніе въ экономикѣ земледѣлія было выяснено еще менѣе нежели значеніе закона убывающаго плодородія почвы. Мы просимъ поэтому читателя особенно внимательно прослѣдить за ходомъ слѣдующихъ разсужденій.

Ясно, отчего зависитъ емкость территоріи относительно населенія при натуральномъ хозяйствѣ, когда производство имѣетъ главною цѣлью существованіе непосредственныхъ производителей. Земля можетъ прокормить тѣмъ больше ртовъ, чѣмъ она плодороднѣе, чѣмъ благопріятнѣе климатическія условія и чѣмъ выше развитіе сельскохозяйственной техники. Что касается этой послѣдней, то предѣлы ея развитія при натуральномъ хозяйствѣ, какъ показываетъ исторія земледѣлія, чрезвычайно узки. Техника эта оставалась въ общемъ неизмѣнна иногда въ теченіе тысячелѣтія. Ростъ производства обязанъ былъ главнѣйшимъ образомъ росту населенія, т. е. рабочихъ рукъ. Однако понятно, что способность земли производительно всасывать въ себя растущее количество труда находится въ зависимости отъ общаго состоянія земледѣльческой техники. Производительность земли не можетъ быть безгранично увеличиваема растущими затратами одного только труда; хотя трудъ и можетъ замѣщать собой другіе факторы прозводства, но только до извѣстной степени. Трудъ, затрачиваемый свыше технически разумныхъ предѣловъ, столь же не производителенъ (если только не вреденъ) какъ трудъ черпанья бочки Данаидъ. Такимъ образомъ, хотя справедливо, что новый ротъ

приноситъ и новыя руки, однако мы еще разъ убѣждаемся, что не всякія новыя руки могутъ быть употреблены съ пользой и способны, слѣдовательно, прокормить своего владѣльца. Если населеніе переходитъ тѣ границы, которыя опредѣляетъ вся сумма техническихъ и естественныхъ условій, образуется вынужденная безработица съ одной стороны (пусть не думаютъ поэтому, что безработица есть явленіе новое, принадлежащее только капиталистическому строю), причемъ эта безработица можетъ выразится въ недостаточной занятости всего населенія или же полной праздности отдѣльныхъ работоспособныхъ лицъ, и недоѣданье съ другой. Однако указываемая возможность представляетъ здѣсь сравнительно хорошій исходъ. Слѣдуетъ ожидать еще худшаго. Чрезмѣрное дробленіе земли, являющееся въ результатѣ перенаселенія, хотя и натурально-хозяйственнаго, ведетъ къ пониженію хозяйственной техники и уменьшенію общаго производства, несмотря на выросшее число ртовъ. Это становится понятно, если мы примемъ во вниманіе, что благодаря уменьшившимся размѣрамъ каждаго хозяйства оно неизбѣжно терпитъ ущербъ въ своей техникѣ: ухудшается качество, а затѣмъ и количество скота, слѣдовательно, и навоза; качество воздѣлыванія почвы понижается; нѣкоторые участки, воздѣлываніе которыхъ было подъ силу крѣпкому хозяйству, теперь совсѣмъ забрасываются. Получается полное противорѣчіе, что растущее число рабочихъ рукъ выражается не только въ ухудшеніи земледѣлія, но и сокращеніи его площади. Натурально-хозяйственная бѣдность, отсутствіе запасовъ приводятъ къ тому, что всякій болѣе или менѣе значительный недородъ или неурожай, составляющіе самое обычное явленіе при полной зависимости примитивнаго земледѣлія отъ случайностей стихій, выражается голодовкой. Этими голодовками полна вся исторія среднихъ вѣковъ до начала XIX вѣка. Благодаря голодовкѣ вымираетъ часть населенія, и послѣднее снова приводится въ соотвѣтствіе съ „средствами существованія“, т. е. съ средствами производства (какъ долженъ былъ бы правильнѣе выразиться Мальтусъ), съ земледѣльческой территоріей. Такое же значеніе имѣютъ войны и опустошительныя эпидеміи, столь обычныя въ средніе вѣка; эпохи послѣ войны отмѣчаются особеннымъ благосостояніемъ трудящихся классовъ.

Итакъ, перенаселеніе, вымираніе лишняго населенія отъ голодовокъ, войнъ и эпидемій, за которымъ слѣдуетъ приведеніе на-

селенія въ соотвѣтствіе емкости территоріи, далѣе опять перенаселеніе и т. д.,—такова нехитрая, но ужасающая въ своей простотѣ логика натуральнаго крестьянскаго хозяйства въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Этимъ цикломъ и исчерпывается вся „экономія сельскаго хозяйства“ этого времени [1]). Правда, количественно сельскохозяйственное производство расло, именно расширялась земледѣльческая территорія, отвоевываемая у лѣсовъ и болотъ или создаваемая человѣческимъ трудомъ посредствомъ обращенія неудобныхъ земель въ культивируемыя. Благодаря этому, главнымъ образомъ, экстенсивному расширенію земледѣльческаго производства мы и наблюдаемъ хотя тугой, но непрерывный ростъ населенія въ средніе вѣка. Но это внѣшнее расширеніе земельной площади при косности тогдашняго, большею частью закрѣпощеннаго населенія совершалось весьма медленно и трудно; притомъ оно не только не исключаетъ, но даже предполагаетъ перенаселеніе на старыхъ мѣстахъ, которое и отдираетъ отъ прежней земли избыточное населеніе (въ извѣстномъ смыслѣ и здѣсь перенаселеніе является—увы!—экономически прогрессивнымъ).

Приспособленіе населенія къ средствамъ производства, борьба за существованіе носитъ, такимъ образомъ, на первыхъ стадіяхъ культуры крайне простой, почти зоологическій характеръ; оно напоминаетъ размноженіе животныхъ, гдѣ природа достигаетъ сохраненія вида, не щадя его отдѣльныхъ экземпляровъ, и даже больше того, гдѣ погибель многочисленныхъ экземпляровъ является условіемъ благополучія вида, т. е. уцѣлѣвшихъ.

Чистое натуральное хозяйство большая рѣдкость даже въ глубинѣ исторіи; обыкновенно оно не свободно отъ нѣкоторой, хотя бы и слабой связи съ рынкомъ, причемъ продавцомъ (большей частью въ цѣляхъ уплаты государственныхъ податей) мужикъ становится значительно раньше чѣмъ покупателемъ, т. е. потребителемъ продуктовъ неземледѣльческаго хозяйства. Путь этотъ отъ мужика-продавца до мужика-продавца и вмѣстѣ съ тѣмъ покупателя исторически довольно длиненъ (въ этомъ переходномъ

---

[1]) Читатель пойметъ, что исторія земледѣлія разсматривается здѣсь лишь со стороны самыхъ основныхъ чертъ экономической организаціи, самыхъ абстрактныхъ теоретическихъ моментовъ. При этомъ не игнорируется, а просто остается въ сторонѣ все безконечное разнообразіе историческихъ формъ, въ которыхъ намъ приходится наблюдать однѣ и тѣ же основныя черты экономической организаціи.

состояніи находится сейчасъ значительное большинство русскаго крестьянства и немалая часть западно-европейскаго). Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду здѣсь чисто теоретическій анализъ каждаго типа, то мы не будемъ останавливаться на переходныхъ типахъ и прямо перейдемъ къ крестьянскому мѣновому хозяйству; переходные же типы будутъ понятны на основаніи сказаннаго о чистыхъ. Разсматриваемое со стороны емкости территоріи или отношенія между населеніемъ и средствами существованія, мѣновое хозяйство отличается отъ натуральнаго тѣмъ, что тогда какъ въ натуральномъ *весь* (или почти весь) земледѣльческій продуктъ составляетъ пищу земледѣльческаго населенія, въ мѣновомъ на потребленіе этого населенія остается только *часть* продукта, другая же его часть — большая или меньшая — продается, слѣдовательно, отвлекается отъ собственнаго потребленія земледѣльческаго населенія. Казалось бы, что переходъ къ мѣновому хозяйству долженъ понижать емкость территоріи относительно населенія. Но внѣшняя видимость не даетъ вѣрнаго представленія о дѣйствительной связи явленій. *Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому повышаетъ емкость земледѣльческой территоріи.* Несмотря на вычетъ, который дѣлается благодаря отчужденію на рынкѣ части земледѣльческихъ продуктовъ, *фондъ натуральнаго потребленія также повышается.* Ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ, что доля натуральнаго потребленія земледѣльцевъ не зависитъ отъ рынка и, слѣдовательно, цѣнъ. Правда, здѣсь нѣтъ *непосредственной* зависимости отъ цѣнъ, какъ она существуетъ относительно отчуждаемой доли продукта; но остается *косвенная* зависимость, именно зависимость отъ *общаго состоянія* земледѣлія, для котораго имѣетъ первостепенное значеніе рынокъ и, въ частности, движеніе цѣнъ на земледѣльческіе продукты.

Это общее состояніе земледѣлія испытываетъ серьезныя перемѣны благодаря переходу отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, именно происходитъ повышеніе производительности земледѣлія, составляющее единственный разумный raison d'être этого перехода. Не трудно понять причины такого вліянія перехода къ мѣновому хозяйству. Обмѣнъ приводитъ натуральное земледѣліе въ связь съ промышленностью, и промышленность оплодотворяетъ земледѣліе, измѣняя его методы производства, его технику. Она дѣлаетъ это, какъ мы уже знаемъ, разными способами: она даетъ

новыя рабочія орудія, новыя удобренія, въ то же время наука вырабатываетъ наиболѣе цѣлесообразныя комбинаціи различныхъ факторовъ производства. Какъ эквивалентъ покупаемыхъ на рынкѣ средствъ производства, земледѣлецъ отдаетъ часть своего продукта, но вмѣстѣ увеличиваетъ и производство для собственнаго потребленія. Особенное значеніе имѣетъ здѣсь то обстоятельство, что новые методы и средства производства даютъ болѣе *обширное поле производительнаго приложенія земледѣльческаго труда*, расширяютъ прежнія его границы. Это расширеніе создастъ возможность существованія большаго количества населенія на прежней территоріи.

Опредѣленіе емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія при мѣновомъ хозяйствѣ не такъ просто какъ при натуральномъ. Оно требуетъ сложнаго учета вліянія нѣсколькихъ различныхъ моментовъ. Крестьянинъ представляется теперь уже двуликимъ Янусомъ, одной стороной принадлежа натуральному хозяйству, а другой являясь продавцомъ своего труда, напоминающимъ наемнаго рабочаго. Перечислимъ въ отдѣльности основные моменты, обусловливающіе различную емкость территоріи относительно населенія. (Оставляемъ при этомъ въ сторонѣ различія, вытекающія изъ неравныхъ естественныхъ условій земледѣлія, какъ то различія плодородія, климата, культивируемыхъ растеній и т. д.).

1) При прочихъ равныхъ условіяхъ, емкость территоріи тѣмъ выше чѣмъ ниже относительная доля земледѣльческаго продукта, отчуждаемая на рынкѣ. Тѣмъ выше будетъ, очевидно, фондъ натуральнаго потребленія и тѣмъ больше людей можетъ прокормиться съ данной территоріи. Однако количество ихъ зависитъ и отъ уровней потребностей въ питаніи: прокормленіе впроголодь дурного качества хлѣбомъ позволяетъ существовать на данной площади большему количеству людей, нежели болѣе удовлетворительное питаніе. Что касается доли отчуждаемаго продукта, то ея размѣръ опредѣляется рыночными потребностями крестьянина. Здѣсь можно различить двѣ категоріи отчужденій: добровольныя и вынужденныя. Къ числу послѣднихъ относятся прежде всего отчужденія для уплаты налоговъ, которые могутъ быть такъ высоки, что сокращаютъ даже народное потребленіе. Въ отличіе отъ податей, которыя для земледѣлія непосредственно составляютъ прямой минусъ, вторая категорія вынужденныхъ

продажъ проистекаетъ изъ собственныхъ потребностей земледѣлія, именно въ средствахъ земледѣльческаго производства. Естественно, что эта категорія растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣлія, а вмѣстѣ растетъ и то количество земледѣльческаго продукта, которое эквивалентно покупаемымъ средствамъ производства. На извѣстномъ уровнѣ развитія земледѣлія, соотвѣтствующемъ достигнутой плотности населенія, затрата извѣстнаго количества „капитала“ является технической и экономической необходимостью для земледѣльца. Однако, въ силу той особенности земледѣлія, что здѣсь, до извѣстной степени трудомъ можетъ быть замѣняемъ капиталъ, система земледѣлія болѣе работоинтенсивная даетъ большій просторъ населенію нежели болѣе капиталоинтенсивная система. Не нужно, впрочемъ, забывать, что границы этихъ колебаній въ данномъ случаѣ очень узки, — въ крестьянскомъ хозяйствѣ работоинтенсивность обычно и безъ того доведена до послѣднихъ предѣловъ, такъ что сколько-нибудь значительное сокращеніе капитала означало бы уже техническій регрессъ, за которымъ слѣдуетъ пониженіе общей емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія. Вторая категорія отчужденій земледѣльческаго продукта — добровольныя — опредѣляется, очевидно, потребностями крестьянина въ продуктахъ промышленности, его культурнымъ уровнемъ. Чѣмъ выше этотъ послѣдній, чѣмъ больше потребностей является у крестьянина и тѣмъ больше онъ долженъ тратить для удовлетворенія этихъ потребностей. Мы знаемъ уже, что этотъ культурный уровень—standart of life крестьянина—является однимъ изъ условій, опредѣляющихъ цѣну крестьянскаго хлѣба. Но насколько различія въ уровнѣ потребностей не уловляются въ цѣнахъ, очевидно, они выражаются въ необходимости отчуждать то большее, то меньшее количество хлѣба для удовлетворенія потребностей. Чрезъ это, конечно, понижается емкость территоріи относительно населенія.

2) При прочихъ равныхъ условіяхъ, емкость территоріи относительно населенія тѣмъ выше, чѣмъ выше уровень цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Въ такомъ случаѣ доля продукта, отчуждаемаго на рынкѣ, соразмѣрно уменьшается, а слѣдовательно, увеличивается фондъ натуральнаго потребленія. Однако повышеніе цѣнъ можетъ и не сопровождаться уплотненіемъ населенія, — это повышеніе можетъ пойти на развитіе новыхъ потребностей, поднятіе культурнаго уровня земледѣльческаго населенія.

Однако, только въ цѣляхъ упрощенія можно представлять столь механически связь между уровнемъ цѣнъ и хозяйствомъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже знаемъ, уровень цѣнъ отражается на всемъ состояніи хозяйства, даже на фондѣ натуральнаго потребленія крестьянина. Пониженіе цѣнъ, если оно не сопровождается удешевленіемъ элементовъ земледѣльческаго капитала (какъ это имѣетъ мѣсто, до извѣстной степени, въ настоящее время) ведетъ къ общему попиженію всего хозяйства, тогда какъ повышеніе къ общему его поднятію.

Въ зависимости отъ различій всего народнаго хозяйства, естественныхъ условій земледѣлія, уровня потребностей земледѣльческаго населенія, наконецъ, уровня сельскохозяйственной техники емкость территоріи относительно населенія необыкновенно различествуетъ въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя историческія эпохи, такъ что попытка опредѣлить нормальные размѣры земельныхъ участковъ представляется совершенно неосуществимой. Вотъ, для иллюстраціи, нѣсколько сравненій изъ жизни теперешней Германіи. По свидѣтельству Міасковскаго [1]) въ Баденскомъ Пфальцѣ достаточно уже 3—4 моргеновъ для прокормленія семейства въ 5 душъ, тогда какъ въ Шварцвальдѣ минимумъ для прокормленія составляютъ 35 моргеновъ. Еще больше различія въ Баварскомъ Пфальцѣ, гдѣ на разстояніи $5^1/_2$ кв. миль, въ зависимости отъ того, находится ли данный участокъ въ горахъ, холмахъ или равнинѣ, среднее количество земли, нужное для прокормленія семейства, будетъ 4,20 или 60 моргеновъ. Въ Рейнской равнинѣ у Кельна, Бонна, Дюссельдорфа выручка двухъ кельнскихъ (= $2^1/_2$ прусскихъ) моргеновъ [2]) овощей достаточно для прокормленія семьи въ 5 человѣкъ. По свидѣтельству проф. Кюна [3]), въ Баденѣ считаютъ крупными имѣніями уже такія, которыя въ Помераніи едва ли годятся для мелкихъ крестьянъ (Kleinbauer). Въ Kaiserstuhl имѣніе въ 3,73 гектара обозначается уже какъ среднее крестьянское имѣніе, тогда какъ въ сѣверной части Бадена хозяйство въ 8,23 гек-

---

[1]) *A. v. Miaskowski.* Das Erbrecht und die Eigenthumsvertheilung im Deutschen Reiche 1882. Band I, 111. Многочисленные примѣры см. также у *Stumpfe.* Der kleine Grundbesitz und die Getreidepreise. Leipzig 1897.

[2]) Моргенъ (прусскій)=25,5 аровъ, около $^1/_4$ гектара.

[3]) Prof. *Kuhn.* Die Getreidezolle in ihrer Bedeutung fur den kleinen und mittleren Grundbesitz. Halle a/S. 1885. Стр. 3—5.

тара называется мелкимъ крестьянскимъ имѣньицемъ (kleines Bauernstuckchen). Въ королевствѣ Саксоніи (Oberlausitz) продажа хлѣба начинается уже съ $^1/_2$ гектара. Въ Баденѣ при 2,6 гектаровъ продаютъ хлѣба за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей въ количествѣ 11,5% (27.7 аровъ находятся еще подъ табакомъ и лѣсомъ) [1]).

Изложенное даетъ ключъ къ пониманію весьма важнаго вопроса, именно о вліяніи на крестьянское хозяйство, оказанномъ современнымъ аграрнымъ кризисомъ, который вызванъ былъ паденіемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Здѣсь прежде всего нужно особо выдѣлить вліяніе внезапности этого паденія, исключающей возможность постепенно къ нему приспособиться. Внезапное и крутое паденіе цѣнъ можетъ причинить такое потрясеніе крестьянскому хозяйству, въ особенности наименѣе устойчивымъ его представителямъ, что оно теряетъ всякую жизнеспособность. Такимъ паденіемъ отмѣчено въ особенности начало 80-хъ годовъ (когда въ Германіи выражалась тревога о возможности погибели крестьянскаго хозяйства) и 90-хъ годовъ. Въ Англіи это потрясеніе было такъ велико, что совершенно уничтожило слабые зародыши крестьянскаго хозяйства (впрочемъ, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ задолженности). Внезапное паденіе цѣнъ тяжело отзывается на всѣ формы производства, но крестьянское, какъ наиболѣе слабое капиталомъ, естественно, менѣе устойчиво чѣмъ крупное (что ни мало не затрогиваетъ вопроса объ его общей жизнеспособности). Но не считая вліянія внезапности паденія цѣнъ, мы должны сказать, что главное вліяніе аграрнаго кризиса для крестьянскаго хозяйства выражается въ измѣненіи емкости территоріи относительно населенія. Пониженіе цѣнъ, какъ сказано, пони-

---

[1]) *Oemler* свидѣтельствуетъ относительно западной Пруссіи, ея долинъ и низинъ, что здѣсь преобладаетъ мелкое землевладѣніе Но характерны размѣры этого „мелкаго“ землевладѣнія: свыше 100 ha, можетъ быть, 5%, отъ 50 до 100 ha—35%, 25 до 50 ha—25%, 12 до 25 ha—20%, и ниже 12 ha, можетъ быть, 15%. „Мелкими владѣльцами (Kleinbesitzer) по смыслу нашего изложенія могутъ считаться собственники ниже 50 гектаровъ“. (Bauerliche Zustande in Deutschland, B. II, 229).—Для Бельгіи Г. Денн расчитываетъ въ 1897 году, что для прокормленія семейства въ вост. Фландріи достаточно 3 гектаровъ 9 аровъ, въ Антверпенѣ—4 гектаровъ, въ зап. Фландріи—4 гектара 54 ара. (*A. von Chlapowo-Chlapowski.* Die belgische Landwirtschaft im 19. Jahrhundert. Stuttgart. 1900 Munchener Volkswirtschaftliche Studien. 37. Стр. 99).

жаетъ емкость территоріи относительно населенія. Но этому противодѣйствуетъ нѣсколько встрѣчныхъ причинъ. Прежде всего, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить прогрессъ агрономіи, улучшеніе, а вмѣстѣ и удешевленіе средствъ земледѣльческаго производства. Производительность земледѣлія, поэтому, растетъ, а потому и фондъ натуральнаго потребленія не уменьшается, а скорѣе также возрастаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, удешевленіе продуктовъ промышленности позволяетъ удовлетвореніе потребностей въ нихъ болѣе дешевымъ способомъ; однако, культурный уровень крестьянства повышается, что парализуетъ до извѣстной степени вліяніе этого удешевленія. Окончательный балансъ всѣхъ этихъ встрѣчныхъ и противорѣчивыхъ тенденцій таковъ. Крестьянское населеніе остается неподвижно и даже уменьшается, предпочитая увеличенію населенія увеличеніе своихъ потребностей, поднятіе своего культурнаго уровня. То слабое увеличеніе числа крестьянъ, которое обнаруживаетъ статистика, указываетъ не на ростъ емкости территоріи относительно земледѣльческаго населенія, но на укрѣпленіе крестьянскаго хозяйства и на расширеніе его за счетъ другихъ формъ хозяйства. Такимъ образомъ, въ медленномъ приростѣ крестьянскаго населенія нужно видѣть, между прочимъ, вліяніе и современнаго аграрнаго кризиса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что этимъ измѣненіемъ емкости территоріи относительно населенія и исчерпывается значеніе кризиса для крестьянскаго хозяйства; конечно, приноровленіе населенія къ измѣнившимся условіямъ хозяйства есть процессъ не безболѣзненный, чреватый гибелью не для одного отдѣльнаго хозяйства, но это приноровленіе облегчается пышнымъ развитіемъ промышленности. которая и поглощаетъ дѣлающееся избыточнымъ населеніе. Итакъ, аграрный кризисъ для крестьянскаго хозяйства состоитъ, главнымъ образомъ, *въ измѣненіи емкости земледѣльческой территоріи*, его значеніе и здѣсь, слѣдовательно, отличается отъ того, какое онъ имѣетъ въ крупномъ хозяйствѣ.

Остается еще одинъ вопросъ касательно емкости территоріи относительно населенія, именно о томъ вліяніи, которое имѣютъ здѣсь разныя формы землевладѣнія, въ частности вопросъ о различіи емкости территоріи при хозяйствѣ на собственной и на арендованной землѣ.

Вопросъ этотъ разрѣшается необыкновенно просто и ясно въ натуральномъ хозяйствѣ съ господствомъ крѣпостныхъ отношеній

и барщины. Земля прямо подѣлена здѣсь между помѣщикомъ и крестьяниномъ, также какъ подѣлено и рабочее время: извѣстное число дней крестьянинъ работаетъ на себя, извѣстное на помѣщика. При такомъ положеніи вещей территорія можетъ вмѣстить меньшее количество крестьянскихъ хозяйствъ, нежели въ томъ случаѣ, если бы не существовало помѣщичьяго хозяйства. Но совершенно то же самое,—только въ менѣе ясномъ, замаскированномъ видѣ — имѣетъ мѣсто и при свободной арендѣ. Отдавая часть земледѣльческаго продукта въ деньгахъ или въ натурѣ (какъ при половничествѣ), мелкій арендаторъ при томъ же уровнѣ потребностей принужденъ воздѣлывать большее количество земли (предполагая неизмѣнной систему хозяйства), сильнѣе напрягать свою рабочую силу, нежели при хозяйствѣ на собственной землѣ, когда изъ общаго продукта не дѣлается никакого вычета. Въ положеніи, аналогичномъ арендаторскому, находится и мелкій собственникъ, обремененный гипотечными платежами. Какъ арендаторъ, такъ и задолженный крестьянинъ или должны сокращать свои потребности сравнительно съ хозяиномъ собственникомъ или воздѣлывать большую территорію (или ту же территорію, но интенсивнѣе) съ большей затратой рабочей силы. Является questio facti, возможно ли въ данномъ случаѣ какъ по техническимъ, такъ и по экономическимъ условіямъ наверстать усиленной затратой труда невыгоды положенія арендатора и должника. Остается во всякомъ случаѣ безспорнымъ, что положеніе обоихъ къ невыгодѣ отличается отъ положенія собственника, хотя мелкая аренда, вообще говоря, можетъ сопровождаться высокимъ техническимъ уровнемъ производства и обезпечивать благосостояніе крестьянина.

Соблюденіе емкости территоріи относительно населенія составляетъ основное отрицательное условіе благосостоянія крестьянскаго населенія и процвѣтанія крестянскаго хозяйства. Несоблюденіе этого условія немедленно отражается самымъ мучительнымъ образомъ на населеніи и самымъ разрушительнымъ на хозяйствѣ. Перенаселеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ играетъ роль тѣхъ тощихъ коровъ во снѣ Іосифа, которыя сожрали тучныхъ, но сами не стали отъ этого тучнѣе. Даже при самой слабой степени оно подрываетъ основу крестьянскаго благосостоянія, вызывая цѣлый рядъ болѣзненныхъ явленій. Мы знакомы уже съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое имѣетъ перенаселеніе въ натуральномъ хозяй-

ствѣ; въ мѣновомъ хозяйствѣ это дѣйствіе будетъ, конечно, сложнѣй, хотя, въ конечномъ итогѣ, приближается къ тому же, что въ натуральномъ.

Первый и совершенно очевидный результатъ перенаселенія это недостаточность существующей земельной площади для прокормленія даннаго населенія или *малоземелье*. Съ этимъ зломъ связано много неблагопріятныхъ послѣдствій. Вслѣдствіе чрезмѣрной парцелляціи земли, недостаточной для существованія, здѣсь развивается стремленіе во что бы то ни стало прикупить или пріарендовать клочекъ земли, настоящій голодъ на землю. Спросъ на землю, поэтому, страшно растетъ и необходимо превышаетъ предложеніе. Поэтому развиваются непомѣрно высокія цѣны на землю и непомѣрно высокія, голодныя, аренды. (Конечно, здѣсь разумѣется относительная высота: абсолютно эти платы могутъ быть вовсе не высоки и не казались бы таковыми при другомъ состояніи хозяйства). Это поднятіе цѣнъ на землю или арендъ ведетъ къ задолженности, къ зависимости бѣднѣйшей части населенія отъ спекулянтовъ на народную бѣдность. При этомъ развивается съ особенной силой паразитизмъ, который, не имѣя никакого отношенія къ производственному процессу, эксплуатируетъ обнищавшее крестьянство: таковы земельные спекулянты, покупающіе въ такихъ перенаселенныхъ мѣстахъ землю съ цѣлью ея перепродажи за возвышенную цѣну или сдачи въ аренду за высокую плату, далѣе посредники при сдачѣ земли, кулаки, ростовщики [1]),— все это паразиты, которые заводятся въ ткани больного организма какъ черви, но которымъ нѣтъ мѣста въ здоровомъ организмѣ [2]). Дѣло ясное, что улуч-

---

[1]) Въ Германіи тревога о томъ, что крестьянское населеніе страдаетъ отъ язвы ростовщичества, появилась въ началѣ 80-хъ годовъ, когда крестьянство было угнетено первыми проявленіями надвигавшагося кризиса. Подъ вліяніемъ этой тревоги Союзомъ Соціальной Политики было устроено изслѣдованіе, не принесшее, однако, особенно цѣнныхъ результатовъ Изслѣдованіе это, изданное подъ заглавіемъ Der Wucher an dem Lande. 1887, составило 35 томъ Schriften des Vereins fur Sociale Politik.

[2]) Превосходную характеристику значенія перенаселенія, какъ причины бѣдности въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ округахъ, даетъ Бухенбергеръ въ своей рѣчи, произнесенной въ собраніи Союза Соціальной Политики въ 1884 году. „Первою причиной, почему въ значительномъ числѣ сельскихъ общинъ южной Германіи теперешнее положеніе является

шить положеніе вещей въ такой перенаселенной деревнѣ можно однимъ только способомъ: разрѣженіемъ населенія, эмиграціей. Пока избыточное населеніе остается въ деревнѣ, зло непоправимо [1]).

Особый случай аграрнаго перенаселенія мы имѣемъ тогда, когда недостатокъ средствъ существованія, а вмѣстѣ отсутствіе возможности сполна приложить свою рабочую силу устремляетъ

безотраднымъ и даже критическимъ, является по моему мнѣнію наличность перенаселенія или то, что въ этихъ общинахъ населеніе мало-помалу перешло естественныя границы, дозволяемыя средствами существованія (Nahrungsspielraum) и въ его распоряженіи уже нѣтъ количества земли, нужнаго для его прокормленія и занятія. Что такое перенаселеніе существуетъ, конечно, отрицается многими, но далеко не всегда съ достаточнымъ основаніемъ, ибо если напр указываютъ, что Саксонія и другія страны имѣютъ болѣе густое населеніе, то упускаютъ изъ вида при этомъ, что вездѣ, гдѣ не существуетъ развитой промышленности, приводящей въ движеніе тысячи рукъ, гдѣ воздѣлываніе земли составляетъ главный источникъ существованія, населеніе можетъ увеличиваться только до естественныхъ границъ, и эти границы, конечно, тѣмъ уже, чѣмъ скуднѣе почва, неблагопріятнѣе климатическія условія, чѣмъ меньше, слѣдовательно, доходы, которые могутъ быть получены съ данной площади. Перенаселеніе проявляется обыкновенно двумя признаками: неблагопріятнымъ распредѣленіемъ землевладѣнія, преобладаніемъ мелкихъ и мельчайшихъ владѣній; съ другой стороны, такъ какъ площадь, находящаяся въ распоряженіи этихъ мелкихъ владѣльцевъ, не можетъ удовлетворять всѣхъ ихъ потребностей, замѣтно стремленіе къ отысканію постороннихъ источниковъ существованія, и такъ какъ послѣдніе не всегда на лицо, то оно выражается въ лихорадочномъ желаніи увеличить землю прикупкою или пріарендованіемъ Но такъ какъ на каждый сдаваемый или продаваемый клочекъ устремляется много такихъ голодныхъ хозяевъ, то цѣны взгоняются на нездоровую выгоду, а вслѣдствіе того мелкое хозяйство обременяется великимъ множествомъ долговъ, раздѣлаться съ которыми они могутъ съ большимъ трудомъ или совсѣмъ не могутъ Поэтому фактъ перенаселенія, высокія покупныя или продажныя цѣны и сильная задолженность находятся въ тѣсномъ между собою взаимодѣйствіи". (Schr. d. V. f. S. P., B. 23. Стр. 30—31).

[1]) Многочисленные примѣры аграрнаго перенаселенія даетъ намъ Ирландія, но ихъ можно въ изобиліи найти во всякой земледѣльческой странѣ. Такъ, напр., наиболѣе страдающимъ отъ аграрнаго перенаселенія является въ Германіи Тюрингенъ, по крайней мѣрѣ, являлся въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ большей части описаній въ анкетѣ Союза Соціальной Политики „Bäuerliche Zustände in Deutschland", касающихся Тюрингена, рисуется крестьянская бѣдность, стоящая въ явной связи съ перенаселеніемъ. Такъ, напр., по сообщенію Dr. *Franz*'а относительно Веймар-

населеніе не къ расширенію земельной территоріи, а къ внѣземледѣльческимъ заработкамъ, именно къ домашней промышленности (Hausindustrie). Возникновеніе и существованіе домашней промышленности въ деревнѣ необходимо обусловлено въ большинствѣ случаевъ малоземеліемъ, невозможностью прокормиться земледѣліемъ или въ силу низкаго качества почвы или черезчуръ густого населенія [1]). При этомъ отношеніе, существующее

скаго округа (Die landwirtschaftlich—bäuerliche Verhältnisse des Weimarschen Kreises B. Z. i. D, Band I) здѣсь существуетъ ненормальное раздробленіе земли. „Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ черезчуръ мелкаго хозяйства является то, что, подобно арендным цѣнамъ, поднимаются и продажныя цѣны на землю выше, чѣмъ позволяютъ всякія хозяйственныя условія... За несообразность покупныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю, которыя порождаются условіями мелкаго хозяйства, лучше всего говоритъ тотъ фактъ, что среди болѣе крупныхъ и успѣшно хозяйничающихъ владѣльцевъ крестьянскихъ имѣній существуетъ уже значительное число такихъ, которые прекращаютъ свое хозяйство, сдаютъ землю по частямъ въ аренду и предоставляютъ бѣдпотѣ выколачивать арендную плату, разсматривая свой собственный свободный теперь капиталъ какъ выигрышъ и получая такія аренды, которыхъ они даже приблизительно не могли бы получить при собственномъ хозяйствѣ". Главнымъ бѣдствіемъ округа Unterwesterwaldkreis въ Висбаденѣ пасторъ Гюммерихъ также считаетъ чрезмѣрную парцелляцію земельныхъ участковъ для достаточнаго прокормленія средней семьи здѣсь требуется около 4 ha, и около половины семействъ имѣютъ меньшее количество земли Подобные примѣры можно продолжить до безконечности.

[1]) Бухенбергеръ въ цит рѣчи также указываетъ на домашнюю промышленность въ деревнѣ, какъ на признакъ перенаселенія. „Для этихъ общинъ (т е. страдающихъ перенаселеніемъ) характерно присутствіе Hausindustrie или стремленіе завести таковую" (31). На эту же связь Hausindustrie съ мало- и дурноземельемъ указалъ въ своей рѣчи на послѣднемъ собраніи Союза Соціальной Политики (въ 1899 году) Вагнеръ. Онъ послѣ перечня заключаетъ: „вездѣ въ горахъ существуетъ домашняя промышленность Даже совсѣмъ на югѣ, гдѣ Альпы переходятъ въ Германію чрезъ баварскую аграрную возвышенность, существуетъ домашняя промышленность, именно производство по дереву въ Гармѣ и Берхтесгаденѣ. И повсюду, гдѣ на этихъ столь перенаселенныхъ горныхъ хребтахъ Германіи домашняя промышленность исчезаетъ благодаря конкурренціи находящихся въ долинѣ фабрикъ, появляются... на ихъ мѣсто другія отрасли домашней промышленности, такъ въ настоящее время на мѣсто текстильной промышленности возникла сигарная, изготовленіе платья и обуви" „Разбросанно живущее населеніе нашихъ плато и горныхъ хребтовъ.. если аграрный базисъ становится для него слишкомъ узкимъ, становится предъ альтернативой эмиграціи или занятій домашней про-

между земледѣліемъ и промышленностью въ крестьянской экономіи, ихъ сравнительная роль въ общемъ крестьянскомъ бюджетѣ, можетъ быть чрезвычайно различна. Въ соединеніи домашней промышленности и земледѣлія мы имѣемъ особый видъ аграрнаго перенаселенія, который можно было бы назвать его *скрытою* формой: перенаселеніе существуетъ, но оно выражается не выдѣленіемъ избыточной части населенія въ городъ, а тѣмъ, что всѣ жители заняты въ земледѣліи въ недостаточной степени и должны, сверхъ того, заниматься промышленностью. Эта скрытая форма тотчасъ же переходитъ въ явную, какъ только данная отрасль промышленности вырывается у населенія, положимъ, конкурренціей фабрики.

Связь земледѣлія съ промышленностью, причемъ одно составляетъ опору для другого, составляетъ причину необыкновенной устойчивости домашней промышленности въ деревнѣ или, употребляя общепринятое русское выраженіе, кустарной промышленности. Съ указанной точки зрѣнія судьбы кустарной промышленности являются не только вопросомъ борьбы крупнаго и

мышленностью; изъ чувства любви къ родинѣ или косности они выбираютъ послѣднее". (Verhandlungen des Ver f. Soc. Pol. uber die Hausindustrie und ihre gesetzliche Regelung etc. Leipzig 1900. Стр. 28—9)

На связь домашней промышленности въ деревнѣ съ малоземельемъ указываетъ слѣдующая таблица относительно размѣровъ хозяйствъ тѣхъ земледѣльцевъ, которые, сверхъ того, занимаются еще домашней промышленностью, въ 1895 году.

Размѣры хозяйствъ.	Число Hausindustrielle занимающихся хозяйствомъ.
ниже 1 гектара.	61,706
1—2	7,376
2—3	2,473
3—4	973
4—5	401
5—10	354
10—20	45
20—50	17
50—100	3
Сумма	53,308

Огромное большинство нѣмецкихъ кустарей имѣютъ, такимъ образомъ, меньше 1 гектара .Подобное же малоземелье составляетъ обычное условіе нашей кустарной промышленности.

мелкаго производства, но и серьезнымъ популяціонистическимъ вопросомъ.

Теоретически нужно отличать (хотя практически это не всегда легко) тѣ случаи кустарной промышленности, когда она вызывается аграрнымъ перенаселеніемъ, отъ тѣхъ случаевъ, когда это послѣднее въ строгомъ смыслѣ отсутствуетъ, а кустарная промышленность существуетъ здѣсь просто въ силу того, что по условіямъ климата земледѣліе можетъ занимать только ограниченную часть года, оставляя обширный досугъ, который и заполняется кустарной промышленностью. Особенная устойчивость кустарной промышленности здѣсь обусловлена тѣмъ, что для земледѣльца, сполна обезпеченнаго земледѣліемъ, промышленный заработокъ, какъ бы скуденъ онъ ни былъ, представляется всетаки выгоднѣе, чѣмъ вынужденная праздность.

Вопросъ о домашней промышленности во всемъ размѣрѣ выходитъ изъ границъ настоящаго сочиненія, гдѣ онъ затрогивается только въ связи съ ученіемъ объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства (къ тому же вопросъ о кустарной промышленности, поскольку она обусловлена климатическими особенностями страны, имѣетъ мѣсто гораздо болѣе относительно Россіи, нежели западной Европы [1]) съ ея болѣе мягкимъ климатомъ и менѣе продолжительной зимой).

Сюда же до извѣстной степени относятся и тѣ многочисленные случаи соединенія промышленности съ земледѣліемъ, когда наемные промышленные рабочіе обладаютъ клочкомъ земли. Земля раздробляется въ такихъ случаяхъ значительно больше, чѣмъ позволяетъ ея нормальная емкость. Общественное раздѣленіе труда, дойдя до извѣстнаго пункта, поворачиваетъ какъ будто назадъ и дѣлаетъ шагъ въ сторону соединенія промышленности съ земледѣліемъ. Явленіе это составляетъ пока не болѣе какъ деталь въ народнохозяйственномъ строѣ; видѣть въ этомъ новое проявленіе индустріализаціи земледѣлія, потери имъ самостоятельности

---

[1]) Для Германіи напр., отличающейся болѣе суровымъ климатомъ нежели большинство другихъ государствъ западной Европы, процентъ кустарей, т. е. деревенскихъ Hausindustrielle среди общаго числа домашнихъ промышленниковъ довольно незначителенъ: въ 1895 году на общее число Hausindustrielle 460,085 (по показаніямъ рабочихъ) или 490,711 (по показаніямъ предпринимателей) кустарей приходилось всего, какъ мы уже знаемъ, 53,308, менѣе $^1/_8$.

развитія, пока нѣтъ никакихъ основаній, — явленіе это имѣетъ слишкомъ незначительные размѣры (въ Германіи напр. на долю промышленниковъ приходится всего 4,09% сельскохозяйственной площади) [1]). Особенно распространены такія парцеллярныя владѣнія рабочихъ въ густонаселенныхъ промышленныхъ округахъ Рейнланда и Вестфаліи, Бельгіи [2]), Англіи (извѣстные намъ уже allotments), и т. д. Конечно, насколько обладаніе клочкомъ земли даетъ промышленному рабочему возможность болѣе здороваго сельскохозяйственнаго труда и общенія съ природой, что служитъ противовѣсомъ разрушительному вліянію антигигіеническихъ условій промышленнаго труда, это развитіе полевыхъ огородовъ должно быть привѣтствовано всѣми друзьями рабочихъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить, какъ особый случай аграрнаго перенаселенія, тотъ, когда избыточное населеніе не оставляетъ деревни, но систематически практикуетъ отходъ, какъ земледѣльческій, такъ и промышленный. Послѣдній распространенъ наиболѣе въ Россіи, гдѣ не порвавшаяся окончательно

[1]) Какъ мелки владѣнія промысловыхъ рабочихъ, показываетъ слѣдующая таблица.

Ниже 0,1	ара	было владѣній		283	или	42,68%	всего числа этой категор.		
0,1—2	аровъ	„	„	25,042	„	32,85	„	„	„
2—5	„	„	„	68,355	„	32,19	„	„	„
5—20	„	„	„	214,262	„	28,62	„	„	„
20—50	„	„	„	181,299	„	22,24	„	„	„
50—1	ha	„	„	132,552	„	19,60	„	„	„
1—2	„	„	„	87,374	„	12,35	„	„	„
2—3	„	„	„	27,494	„	6,13	„	„	„
3—4	„	„	„	10,437	„	3,22	„	„	„
4—5	„	„	„	4,067	„	1,67	„	„	„
5—10	„	„	„	2,607	„	0,43	„	„	„
10—20	„	„	„	157	„	0,04	„	„	„
20—50	„	„	„	21	„	0,01	„	„	„
50—100	„	„	„	3	„	0,01	„	„	„
			Сумма	753.953		13,56			

[2]) Это частное явленіе Вандервельде обобщаетъ въ формулу развитія земледѣлія, забывая, что для теперешней Бельгіи настоящее земледѣліе находится за океаномъ и только оно позволяетъ такую степень развитія промышленности, при которой возможны случаи соединенія земледѣлія и промышленности, находимые Вандервельде подъ Брюсселемъ. Ср. его статьи въ Mouvement Socialiste, также Ein Kapitel zur Aussaugung des Landes durch die Stadt (Braun's Archiv, 1899, XIV).

связь съ землей отличаетъ такихъ промысловыхъ рабочихъ отъ настоящихъ пролетаріевъ: ихъ положеніе промежуточное, такъ какъ они соединяютъ въ себѣ и мужика и пролетарія. Земледѣльческій отходъ составляетъ не только русское явленіе (гдѣ онъ распространенъ въ огромномъ количествѣ), но встрѣчается и въ западной Европѣ: мы уже знаемъ, что Ирландія посылаетъ отхожихъ рабочихъ въ Англію, востокъ Пруссіи посылаетъ рабочихъ въ Саксонію и другія мѣстности сахарной культуры (Sachsengangerei), а самъ принимаетъ рабочихъ изъ русской Польши и Австріи и т. д. Сезонный характеръ земледѣльческихъ работъ особенно способствуетъ тому, что избыточное населеніе находитъ занятіе именно въ формѣ отхода, оставаясь на постоянное жительство у себя на родинѣ Мы, конечно, не думаемъ, чтобы этотъ отходъ всегда вызывался перенаселеніемъ (онъ можетъ быть вызванъ, напр., и высокой заработной платой и под.), но оно составляетъ одно изъ главныхъ его условій рѣдко вы не встрѣтите указанія на плохое качество земли или малоземелье — alias перенаселеніе — какъ на одну изъ главныхъ причинъ, которыя гонятъ земледѣльца въ далекія края за заработкомъ.

Какъ мѣстное явленіе, перенаселеніе спорадически встрѣчается то тамъ, то здѣсь, то появляется, то снова исчезаетъ; оно зависитъ отъ всей конкретной обстановки, которая не можетъ быть предусмотрѣна во всѣхъ подробностяхъ теоріей [1]). Но по-

[1]) Въ связи съ перенаселеніемъ находится извѣстный аграрный кризисъ 50-хъ годовъ въ Вюртембергѣ, гдѣ онъ осложнился еще промышленнымъ кризисомъ Территорія была уже въ 40-хъ годахъ раздроблена до такой степени, что, по словамъ Рюмелина, „благосостояніе сельскаго населенія находится въ обратномъ отношеніи къ его густотѣ“. (См. Das Konigreich Wurtemberg. Hrsg. von Kon. Statist.—topogr. Bureau. Stuttgart. Стр. 312). Господствующій классъ населенія состоялъ здѣсь изъ сельскихъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ быстро размножающееся населеніе, дробленіе участковъ, легкость пріобрѣтенія земельныхъ участковъ въ кредитъ и основанія новаго хозяйства привлекли къ земледѣлію даже часть промышленнаго населенія. „Легкость условій самостоятельнаго поселенія и кредита на земельные участки при недостаткѣ крупныхъ промышленныхъ предпріятій привели къ переполненію мелкихъ предпріятій, въ производствахъ, расчитанныхъ на мѣстный сбытъ. Уменьшеніе въ покупательной силѣ сельскихъ классовъ должно было поэтому имѣть двойное дѣйствіе. Къ этому присоединилось еще то, что для многихъ отраслей промышленности, какъ напр. ручного тка-

мимо этого спорадически проявляющагося въ деревнѣ перенаселенія, есть эпохи, когда оно обнаруживается въ народно-хозяйственномъ масштабѣ и имѣетъ народнохозяйственное значеніе, обусловливая переходъ къ высшей формѣ народнаго хозяйства. Такимъ характеромъ отмѣчена эпоха общаго предкапиталистическаго перенаселенія, перехода отъ ремесленно-земледѣльческой организаціи хозяйства къ индустріально-капиталистической. Это перенаселеніе осаживается прежде всего въ деревнѣ и является по своему непосредственному выраженію аграрнымъ перенаселеніемъ. Образованію его въ это время содѣйствуетъ много различныхъ условій.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить *переходный характеръ* этой эпохи. Въ земледѣліи совершается въ это время переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, который, какъ разъяснено выше, повышаетъ емкость территоріи относительно населенія. Но эта новая мѣра емкости должна быть еще найдена и пока, въ эту переходную эпоху, она только ищется. Населеніе пробуетъ, насколько можетъ быть расширена старая емкость территоріи, но встрѣчаетъ при этомъ понятныя препятствія. Совпаденіе прироста населенія съ тѣми границами, которыя ему ставятся емкостью территоріи, мыслимо только въ видѣ исключенія, просто чуда. Кромѣ того, наличность перенаселенія, какъ извѣстно уже, составляетъ условіе для перехода къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ, который въ свою очередь является необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго повышенія емкости земледѣльческой территоріи, насколько она опредѣляется размѣрами рынка. Въ это трудное время перенаселеніе является, такимъ образомъ, условіемъ повышенія емкости территоріи, т. е. въ конечномъ счетѣ устраненія перенаселенія.

Получается нелѣпое—съ точки зрѣнія логики—противорѣчіе,

чества съ его прежней организаціей, переработки металловъ, изготовленія суконъ и т. д. возникла убійственная конкурренція фабрикъ. Уже въ началѣ 40-хъ годовъ наступилъ кризисъ и стѣсненіе въ средствахъ существованія, это подъ вліяніемъ болѣзни картофеля и ряда неблагопріятныхъ урожаевъ привело къ быстрому и острому кризису. Картофельные участки стали постепенно настоящей основой существованія мелкихъ хозяйствъ. Цѣны на землю упали, въ результатѣ была массовая бѣдность, продажи съ аукціона и т д.“. (317). Ср. еще о Вюртембергѣ того времени *Helferich.* Studien über Wurtembergischen Agrarverhaltnisse (Zeitschr f Staatsw. 1853).

порочный кругъ, изъ котораго съ формально-логической точки зрѣнія нѣтъ выхода. Однако, жизнь не боится самыхъ невыносимыхъ логическихъ противорѣчій и умѣетъ рядомъ неуловимыхъ измѣненій пробивать и разрѣшать ограду самаго заколдованнаго логическаго круга. Въ этомъ сказывается, можетъ быть, бѣдность и несовершенство нашей логики, которая работаетъ грубымъ и неточнымъ орудіемъ понятій, разсѣкающихъ живую ткань бытія, сравнительно съ неистощимымъ творчествомъ жизни, безостановочно прокладывающей себѣ путь тамъ, гдѣ человѣческій умъ спотыкается о созданныя имъ самимъ понятія, вступающія въ противорѣчія другъ съ другомъ.

Вернемся къ перенаселенію. Вторымъ моментомъ, вызывающимъ это послѣднее, является внѣшній толчокъ, которымъ служитъ измѣненіе въ общественномъ положеніи населенія; намъ извѣстно, что такую роль сыграло паденіе крѣпостного права. Радикальное измѣненіе экономическаго и соціальнаго положенія населенія совпало здѣсь съ предоставленіемъ этому населенію права свободнаго размноженія, котораго оно было лишено вѣка. Съ одной стороны, создавалось совершенно новое народнохозяйственное зданіе, емкость котораго можно было опробовать, лишь его предварительно переполнивъ; а съ другой стороны, освобождалось долго сдерживаемое стремленіе къ размноженію, которое на первыхъ порахъ должно было выразиться съ особою силой. Было бы чудомъ, еслибы при этихъ условіяхъ не возникло перенаселенія, которое не могло разрѣшиться отливомъ населенія въ города вслѣдствіе слабаго еще развитія городской промышленности.

Ко всему этому нужно еще добавить частичную экспропріацію населенія, которою сопровождалось паденіе крѣпостного права, а также отдѣленіе промысловъ отъ земледѣлія и вытекающая отсюда необходимость покупать то, что прежде производилось дома.

Состояніемъ перенаселенія ознаменованы первые самостоятельные шаги крестьянскаго хозяйства въ XIX вѣкѣ, и оно налагаетъ неизгладимую печать на всю эту исторію. Едва вышедшее изъ горнила крѣпостной или феодальной зависимости, невѣжественное крестьянство должно было приспособляться къ новымъ условіямъ, къ производству для рынка, при наличности перенаселенія, которое исключало возможность сноснаго веденія хозяйства. Влача за собой обрывки цѣпей крѣпостного права, которое на-

долго переживаетъ свою юридическую отмѣну, крестьянство первое время и отъ новыхъ условій получаетъ только отрицательныя стороны,—перенаселеніе, трудность приспособленія къ рынку и еще нерѣдко несеніе тяжелыхъ податей для растущихъ денежныхъ потребностей государства.

Потому естественно, что крестьянское хозяйство въ началѣ капиталистической эры отличается необыкновенно низкимъ уровнемъ. Деревня является въ большинствѣ случаевъ болотомъ пауперизма, причемъ чѣмъ далѣе, тѣмъ становится хуже. Относительное благосостояніе, выработанное при условіяхъ крѣпостного быта, постепенно утрачивается подъ давленіемъ непосильной борьбы и растущаго населенія, которое не имѣетъ еще достаточнаго отлива. На этой почвѣ выростаютъ всѣ ядовитые злаки, какіе свойственно перенаселенію: кулачество, голодныя аренды и пр. Голодовки не только не исчезаютъ, но какъ будто даже усиливаются. Такъ дѣло продолжается до тѣхъ поръ, пока развившаяся промышленность не сдвинетъ сѣвшаго на мель корабля народнаго хозяйства въ открытое море.

Читатель самъ припомнитъ, что рисуемую здѣсь картину по частямъ мы наблюдали и въ Германіи, и во Франціи, будемъ наблюдать въ Ирландіи. Россія, къ которой всего болѣе относится эта характеристика, остается здѣсь внѣ нашего изученія.

Любопытна еще слѣдующая особенность этого процесса. Чрезмѣрное дробленіе земли, задолженность, низкія качества обработки ея и т. д., все это ведетъ къ тому, чтобы уменьшить устойчивость отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ: извѣстное количество хозяйствъ постоянно попадаетъ въ тиражъ, разоряется. Спрашивается, кто является наслѣдникомъ земельныхъ участковъ этихъ разоряющихся хозяйствъ? Прежде всего, конечно, крестьяне (непосредственно или чрезъ посредство какого-нибудь паразита, потомъ сдающаго или перепродающаго эту землю). Но какова при этомъ роль крупнаго хозяйства, происходитъ ли концентрація, какъ это значится по первому члену символа вѣры благочестивыхъ марксистовъ? Намъ приходилось уже замѣчать, что такъ называемая концентрація есть не простой процессъ, а сложный: онъ предполагаетъ наличность условій, не только содѣйствующихъ гибели мелкихъ хозяйствъ, но и процвѣтанію крупныхъ. Для этого, прежде всего, необходимо развитіе рынка и ростъ цѣнъ на хлѣбъ. Нужно, слѣдовательно, особое стеченіе благопріятныхъ

условій, чтобы крупное производство могло явиться наслѣдникомъ мелкаго. Подобные примѣры мы наблюдали въ Германіи, гдѣ всю первую половину XIX вѣка замѣчается хотя и слабо выраженный процессъ концентраціи хозяйствъ, отдѣльныя черты этого же процесса мы наблюдали въ Англіи, а также во Франціи.

Для насъ ясно теперь, что тѣ же самыя условія, которыя губятъ мелкое хозяйство, благопріятны для крупнаго и наоборотъ, именно перенаселеніе, составляющее разрушительную силу для мелкаго и созидательную для крупнаго. Поставленныя рядомъ другъ съ другомъ, крупное и мелкое хозяйство въ эпоху перенаселенія дѣйствительно способны внушить то впечатлѣніе, которое нашло выраженіе въ *Коммунистическомъ Манифестѣ*, сохранилось и въ *Капиталѣ* и теперь еще сохраняется консервативными умами многихъ марксистовъ, — а именно, что крупное хозяйство является носителемъ хозяйственнаго прогресса, мелкое—регресса. Причины этого различія видятся и въ техническихъ преимуществахъ крупнаго предпріятія и всякой всячинѣ. Однако иллюзіи эти разлетаются, если мы поставимъ разсматриваемую эпоху въ цѣпь историческаго развитія. Мы увидимъ тогда, что опредѣленныя историческія причины, подкашиваютъ мелкое хозяйство и поднимаютъ крупное, и причины эти лежатъ въ перенаселеніи, знаменующемъ собою извѣстный моментъ въ развитіи всего народнаго хозяйства; но картина мѣняется съ устраненіемъ этихъ причинъ въ результатѣ дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія.

Но разореніе крестьянскаго хозяйства можетъ и не сопровождаться концентраціей, разъ состояніе рынка или всего народнаго хозяйства не благопріятно для крупнаго производства. Въ такомъ случаѣ происходитъ просто разореніе хозяйства, ростъ нищеты и бѣдности, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе приростъ населенія. Тогда начинаютъ дѣйствовать restrictive checks, болѣзни, голодовки, вымираніе. Состояніе сельскаго хозяйства остается плачевнымъ, пока не наступятъ для него болѣе благопріятныя условія, зависящія отъ измѣненія во всемъ народномъ хозяйствѣ, — собственной логики развитіе земледѣльческаго производства, мы уже знаемъ, не имѣетъ.

Когда всколыхнувшаяся волна народнаго хозяйства снова приходитъ въ равновѣсіе, когда образуются новые народнохозяйственные и сельскохозяйственные устои, лишь тогда оказывается возможнымъ приноровленіе населенія къ средствомъ существованія,

практическое опредѣленіе емкости территоріи относительно населенія, лишь тогда, слѣдовательно, открывается возможность прогрессивнаго развитія крестьянскаго хозяйства, по крайней мѣрѣ, устраняется главное къ тому препятствіе.

Тогда установляется *крестьянскій* приростъ населенія, противоположный приросту промышленнаго пролетаріата. Послѣдній характеризуется (по крайней мѣрѣ характеризовался до сихъ поръ) стихійностью, отсутствіемъ всякаго регулированія; высокая рождаемость сопровождается здѣсь и высокой смертностью, и дѣло послѣдней восполняется еще эмиграціей. Для крестьянства очевидна связь, существующая между бѣдностью и хозяйственнымъ регрессомъ съ одной стороны, и чрезмѣрнымъ приростомъ населенія съ другой. Регулированіе прироста населенія становится сознательнымъ дѣломъ крестьянскаго населенія, основнымъ экономическимъ условіемъ его благополучія. Регулированіе это обычно совершается такимъ образомъ, что весь излишекъ населенія эмигрируетъ въ города, гдѣ и составляетъ контингентъ развивающейся промышленности. Однако, не во всѣхъ странахъ темпъ развитія промышленности такъ быстръ, чтобы поглотить избытокъ сельскаго населенія, а равно и не во всѣхъ случаяхъ бываетъ налицо очевидный спросъ на рабочую силу. Этого можетъ и не быть. Въ такомъ случаѣ приростъ крестьянскаго населенія задерживается сознательнымъ регулированіемъ рождаемости; считаютъ, что подобная практика является наиболѣе распространенной среди французскаго крестьянства, но она не чужда крестьянству (конечно, не одному крестьянству) и другихъ странъ. Много лицемѣрнаго негодованія возбуждаетъ крестьянскій приростъ населенія у сентиментальныхъ моралистовъ, какъ будто безудержная похотливость сама по себѣ является добродѣтелью. Но нужно понять всю экономическую неизбѣжность крестьянскаго прироста населенія, ужасную альтернативу: или подавлять и ограничивать инстинктъ размноженія или плодить нужду, горе, нищету, увеличивать аграрный пауперизмъ, вызывать появленіе существъ, которымъ лучше не родиться, ибо, по ужасному выраженію Мальтуса, всѣ мѣста уже заняты за столомъ природы. Регулированіе прироста населенія со стороны неразвитаго деревенскаго населенія является дѣломъ большого мужества, выдержки, самообладанія, заслуживающихъ не осужденія, а уваженія. Въ аграрномъ приростѣ населенія мы видимъ уже предвареніе будущаго, когда вопросъ объ этомъ при-

ростѣ будетъ серьезнымъ вопросомъ, отъ котораго нельзя станетъ отдѣлываться фарисейскимъ негодованіемъ, но который потребуетъ къ себѣ честнаго и внимательнаго отношенія, какое онъ уже встрѣчалъ со стороны великихъ умовъ древности, какъ напр. Платона.

Наиболѣе яркую иллюстрацію крестьянскаго прироста населенія даетъ Франція. Мы уже знаемъ, что подъ давленіемъ аграрнаго кризиса (въ соединеніи съ ростомъ потребностей крестьянскаго населенія) сельское населеніе почти не можетъ увеличиваться въ настоящее время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ теперешній темпъ развитія французской промышленности настолько медленъ, что и промышленное, да и все вообще городское населеніе увеличивается очень слабо (выше мы пытались дать объясненіе медленности темпа современнаго промышленнаго развитія Франціи). Въ этомъ отношеніи на долю Франціи достались въ полной мѣрѣ отрицательныя стороны теперешней эпохи супрематіи промышленности, но въ наименьшей степени положительныя,—именно самое развитіе промышленности. Эмиграція изъ Франціи, какъ мы уже знаемъ, весьма незначительна, такъ что не играетъ серьезной роли въ движеніи французскаго населенія. Въ результатѣ совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ,—аграрнаго кризиса, весьма слабо компенсируемаго развитіемъ промышленности, ростъ французскаго населенія замедлился, а по временамъ и совсѣмъ останавливается, и Франція по количеству населенія все болѣе и болѣе теряетъ сравнительно съ остальными великими державами современности. Это явленіе весьма безпокоитъ французское общественное мнѣніе, разжигаемое шовинизмомъ, и, быть можетъ, дѣйствительно оно чревато неблагопріятными послѣдствіями для Франціи въ политическомъ и національномъ отношеніи [1]). Но соціальные результаты такого прироста населенія, избавляющаго Францію отъ лишняго бремени пауперизма, во многихъ отношеніяхъ благодѣтельны. Если мы присмотримся къ характеру движенія французскаго населенія, то прежде всего бросается въ глаза, что это пониженіе его прироста куплено совсѣмъ не цѣной пониженія средней брачности, которая въ общемъ не измѣнилась, и не цѣной повышенія

[1]) Довольно обширная литература по вопросу о „dépopulation", главнымъ образомъ брошюрная, отличается столь полнымъ отсутствіемъ научныхъ достоинствъ, что мы оставляемъ ее совершенно внѣ разсмотрѣнія. Послѣднее время сюда присоединился Зола съ своимъ грубымъ, безвкуснымъ и неубѣдительнымъ восхваленіемъ Fécondité.

смертности, которая чувствительно сократилась, но всецѣло цѣной сокращенія рождаемости. Въ этомъ нельзя не видѣть благопріятнаго соціальнаго симптома. Вотъ статистическія данныя, съ 1801 до 1888 года (по Левассеру [1]). На 1,000 жителей приходилось:

Годы.	Браковъ.	Рожденій.	Смертей.	Избытокъ
1800—1801	7,3	33,1	27,8	5,1
1810	7,9	31,4	24,6	6,8
1820	6,9	31,7	25,4	6,3
1830	8,3	29,8	24,9	4,9
1840	8,3	27,9	23,7	4,2
1850	8,3	26,7	21,4	5,3
1860	7,9	26,2	21,4	4,8
1870	6,0	25,5	28,3	война!
1880	7,4	24,5	22,8	1,7
1888	7,2	23,1	21,9	1,2

Средняя брачность не уменьшается и въ новѣйшее время: брачущихся приходилось на 1,000 жителей въ 1871 году — 14,4, въ 1881 году 15,0, въ 1891 году 14,8, въ 1898—15,0 [2]).

Этимъ благопріятнымъ измѣненіямъ въ характерѣ движенія населенія Франція, прежде всего, обязана разумному регулированію рождаемости со стороны крестьянства [3]), это регули-

[1]) *Levasseur*. La population française II, 6—9. Тамъ приведены цифры за всѣ года съ 1800—1881 по 1888; изъ экономіи мѣста мы приводимъ изъ нихъ только свѣдѣнія чрезъ 10-лѣтніе періоды.

[2]) *Fr. Zahn*. Heirathsstatistik, статья въ Handw. der Staatsw., 2 Aufl. III, 1185.

[3]) Бодрильяръ приводитъ поразительные примѣры расчетливости въ регулированіи прироста населенія: Les populations agricoles de la France, série 3-me Paris 1893, стр. 604; ср также 2-me série, 507). Нельзя спорить, что практика регулированія прироста населенія можетъ принимать отталкивающія формы и вызывать различные пороки и преступленія. Но во-первыхъ, нельзя, утверждать, чтобы эти пороки были вообще съ нею неразрывно связаны, и, во-вторыхъ, нравственность дѣло относительное въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстная порочность представляется нравственнѣе, нежели увеличеніе завѣдомо бѣднаго населенія. Главное же, мы совершенно отстраняемъ отъ себя роль моралиста, наша задача сводится къ выясненію неотвратимой экономической необходимости крестьянскаго прироста населенія, но мы никоимъ образомъ не беремъ на себя гарантію, что требованія экономической необходимости всегда совпадаютъ съ требованіями нравственности.

рованіе оказывается, такимъ образомъ, благодѣтельнымъ для страны [1]).

Неподвижное состояніе крестьянскаго населенія отмѣчается во многихъ земледѣльческихъ районахъ западной Европы. Относительно разныхъ мѣстъ Германіи о немъ свидѣтельствуетъ, напр., и баденская анкета [2]), согласно которой населеніе во многихъ общинахъ не измѣняется, а то и сокращается, и анкета Союза Соціальной политики (Bäuerliche Zustande [3]), и многія другія сочиненія [4]). Однородныя экономическія условія вызываютъ и однородный приростъ населенія.

Итакъ, ростъ населенія постоянно стоитъ на стражѣ сельскохозяйственнаго производства и жестоко наказываетъ малѣйшія превышенія емкости территоріи. Къ развитію этой антитезы (чисто мальтузіанской),—ограниченности средствъ существованія (точнѣе, производства) и неограниченной способности къ размноженію сво-

---

[1]) Настоящія страницы были уже написаны, когда я получилъ новую книгу о французскомъ населеніи: *J. Goldstein* Bevolkerungsprobleme und Berufsgliederung in Frankreich. Berlin. 1900. Авторъ стоитъ, въ общемъ, на иной точкѣ зрѣнія относительно причинъ остановки роста французскаго населенія. Свои послѣдніе выводы онъ формулируетъ такъ: „остановка населенія обозначаетъ противорѣчіе между стремящимся къ новымъ формамъ способомъ производства и хозяйственной и соціальной политикой Франціи, направленной къ сохраненію устарѣлыхъ формъ“ (200). Аргументація Гольдштейна не побудила насъ, однако, отказаться отъ изложенныхъ въ текстѣ мнѣній. Намъ кажется вообще, что методъ Гольдштейна въ обоихъ сочиненіяхъ, какъ объ Англіи такъ и о Франціи, имѣющихъ формальную заслугу постановки весьма важнаго вопроса, сводясь къ грубымъ статистическимъ сопоставленіямъ по принципу post hoc, ergo propter hoc, совершенно лишаетъ возможности разобраться въ сложныхъ явленіяхъ дѣйствительности, имъ долженъ былъ бы необходимо предшествовать общетеоретическій анализъ.

[2]) Erhebungen über die Lage der Landwirtschaft im Grossherzogthum Baden. 1883

[3]) См. напр. томъ II (Винкельманъ о Вестфальскомъ Мюнстерландѣ, Бюрстенбиндеръ о Брауншвейгѣ), томъ III (Бухенбергеръ о Баденѣ) и др.

[4]) Ср. напр. наблюденія *Goldschmidt'a* въ новѣйшей анкетѣ Die Landarbeiter: „въ округѣ Магдебургѣ у крестьянъ обнаруживается стремленіе ограничивать число дѣтей; во всякомъ случаѣ въ среднемъ они имѣютъ меньше дѣтей, чѣмъ сельскіе рабочіе. Смертность дѣтей въ семействахъ послѣднихъ не только абсолютно, но и относительно выше чѣмъ у крестьянъ“ (это подтверждается и цифровыми данными). *Goldschmidt* Die Landarbeiter, I, 116.

дится исторія крестьянскаго хозяйства. Строго говоря, здѣсь даже нѣтъ *исторіи*, если понимать подъ нею развитіе отношеній между людьми,—историческое развитіе отражается тутъ только косвенно, опредѣляя степень емкости территоріи. Здѣсь же происходитъ двойная борьба,—великая борьба съ природой и ея стихіями въ отстаиваньѣ своего существованія, но и не менѣе великая борьба съ собой, съ инстинктомъ размноженія, страшная драма двухъ сильнѣйшихъ чувствъ, борющихся между собою,—голода и любви...

Проблема народонаселенія въ той особенной ея постановкѣ, какую создаютъ условія сельскохозяйственнаго производства, составляетъ, въ моихъ глазахъ, главную трудность, которая лежитъ на пути—въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время — сколько нибудь широкому проведенію принциповъ коллективизма или кооперацiи въ сельскохозяйственномъ предпріятіи, и это является главной причиной, почему отсутствуютъ такіе эксперименты въ заслуживающихъ вниманія размѣрахъ и имѣвшіе болѣе или менѣе продолжительное существованіе. Несмотря на сохранившіеся здѣсь долѣе всего слѣды первобытнаго коммунизма землевладѣнія, сельское хозяйство было и остается по своей природѣ наиболѣе индивидуалистической отраслью производства. Регулированіе движенія населенія—при помощи-ли миграціи или эмиграціи или искусственнаго ограниченія его прироста — можетъ быть при теперешнихъ условіяхъ дѣломъ только индивидуальнымъ, плодомъ хозяйственной самоотвѣтственности, составляющей одну изъ неотъемлемыхъ чертъ новѣйшаго индивидуализма. Борьба интересовъ и хозяйственный учетъ всѣхъ конкретныхъ условій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшаютъ эту проблему различно. Но удаливъ основной нервъ индивидуальнаго соревнованія и борьбы, ослабивъ въ извѣстной мѣрѣ чувство индивидуальной хозяйственной самоотвѣтственности, перенеся часть ее на общество, мы неизбѣжно будемъ имѣть перенаселеніе со всѣми его губительными результатами. Тогда какъ кооперація въ промышленности съ ростомъ числа своихъ членовъ можетъ расширять свое производство или распасться на нѣсколько новыхъ промышленныхъ единицъ, въ земледѣліи этотъ приростъ населенія или вынудитъ новую прикупку земли или же, въ случаѣ невозможности ея, удаленіе излишнихъ членовъ, такъ что неравенство условій, распаденіе группы на привилегированныхъ и отщепенцевъ здѣсь неизбѣжно. Мы увидимъ, что и крестьянское хозяйство *извѣстными сторонами*

оказывается вполнѣ доступно кооперативной организаціи и частичному коллективизму, но это никоимъ образомъ не распространяется на общее веденіе хозяйства и, въ особенности, на совокупное владѣніе землей, какъ основнымъ условіемъ производства. *Индивидуализмъ землевладѣнія* является высшей экономической заповѣдью для сельскаго хозяйства, которая диктуется проблемой населенія [1]). Въ противоположномъ случаѣ ростъ населенія должно было бы регулировать само общество, и мы имѣли бы совершенно античное поглощеніе личности обществомъ съ деспотическимъ вмѣшательствомъ послѣдняго въ супружескія отношенія. Совершенно послѣдовательное развитіе этого принципа въ вопросѣ о населеніи мы находимъ у Платона въ его „Законахъ“. Но такой деспотизмъ не мирится съ современнымъ сознаніемъ, воспитаннымъ въ освободительной атмосферѣ индивидуализма, и для нашего времени суббота существуетъ для человѣка, но не человѣкъ для субботы [2])...

На основаніи сказаннаго о населеніи разрѣшается и вопросъ о значеніи наслѣдственнаго права для крестьянскаго хозяйства. Очевидно, что проблема наслѣдственнаго права есть проблема земледѣльческаго прироста населенія и не имѣетъ ни-

[1]) Вотъ почему главнымъ полемъ экспериментовъ коммунистической организаціи земледѣлія является страна *свободной земли* Американскіе Соединенные Штаты, старыя же страны почти ничего не даютъ въ этомъ отношеніи. (То, что совершалось здѣсь, было или настолько непродолжительно или при столь исключительныхъ условіяхъ, что не заслуживаетъ серьезнаго вниманія). Что же касается Америки, то и здѣсь эти эксперименты носили сектантскій характеръ,—это были скорѣе монастыри, квакерскіе, фурьеристскіе или овенистскіе, чѣмъ хозяйственныя предпріятія. Кромѣ того, они возникали и измѣнялись съ чрезвычайной быстротой, такъ что прочность ни одного изъ нихъ не можетъ считаться доказанной. Внѣшняя исторія ихъ изобилуетъ чрезвычайно интересными подробностями. Она изложена, по преимуществу, въ двухъ сочиненіяхъ *Charles Nordhoff.* The communistic Societies of the United States, from personal visit and observation. London 1875. и *J. H. Noyes.* History of American Socialism Philadelphia. 1870. См. также компилятивную книгу *Semmler.* Die kommunistischen Gesellschaften in Nordamerika.

[2]) Мыслимо, конечно, что какая-либо коренная перемѣна всей народнохозяйственной и государственной организаціи какъ нибудь иначе поставитъ и разрѣшитъ вопросъ о приростѣ населенія вообще и въ земледѣліи въ частности: творчество жизни и исторіи неистощимо. То, что мы говоримъ, относится только къ настоящему времени и къ тому будущему, которое можетъ быть предусматриваемо на основаніи этого настоящаго.

какого самостоятельнаго значенія. Трудности, возникающія при наслѣдственномъ переходѣ земель, состоятъ въ чрезмѣрномъ дробленіи земли, препятствующемъ раціональному веденію хозяйства. Онѣ проистекаютъ, очевидно, отъ чрезмѣрнаго прироста земледѣльческаго населенія, которое не отвлекается въ промышленность или другія занятія. Если движеніе населенія обнаруживаетъ наклонность къ перенаселенію, то никакая организація наслѣдственнаго права не предохранитъ отъ всѣхъ золъ, которыми сопровождается перенаселеніе. Если на основаніи Anerbenrecht [1]) земля достается одному наслѣднику, остальные же получаютъ выдѣлъ деньгами. то выдѣлъ этотъ ляжетъ тяжелымъ долгомъ на земельномъ участкѣ. а обдѣленные, оставшись здѣсь, создадутъ контингентъ покупателей или арендаторовъ земли за голодныя цѣны, превышающія тѣ, которыя могутъ быть предложены разумнымъ хозяиномъ. Неизбѣжная парцелляція наступитъ еще болѣе отяготительнымъ для населенія способомъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ населеніе имѣетъ возможность отливать въ промышленность или тамъ, гдѣ оно искусственно регулируетъ свой приростъ, никакихъ трудностей не можетъ возникнуть и при натуральномъ раздѣлѣ земли, при наслѣдованіи, какъ его опредѣляетъ Code Napoléon. Франція, а также прирейнскія части Германіи, гдѣ онъ господствуетъ, не страдали и не страдаютъ отъ чрезмѣрной парцелляціи, между тѣмъ какъ нерѣдко въ районахъ господства Anerbenrecht замѣчаются не въ той такъ другой формѣ признаки перенаселенія. Организація наслѣдственнаго права никакого существеннаго значенія для сельскаго хозяйства не имѣетъ; его ограниченія могутъ вредить, ставить ненужныя препятствія, но предохранить отъ опасности они не могутъ, это—картонный мечъ, игрушка, которой могутъ забавляться только наивные люди.

Какъ съ приноровленіемъ численности населенія къ емкости территоріи можетъ справиться только само населеніе, такъ и оно лишь можетъ установить наиболѣе подходящій для себя видъ наслѣдственнаго права. Попытки неуклюжаго вмѣшательства государства, которыя дѣлаются иногда послѣднее время въ этомъ

[1]) Въ нашу задачу не входитъ изложеніе законодательства объ Anerbenrecht, которое возникло за послѣдніе годы въ Германіи, а равно и изложеніе существующей практики наслѣдованія. Вопросъ этотъ представляетъ для насъ только принципіальный интересъ, поскольку онъ стоитъ въ связи съ общимъ ученіемъ объ аграрной эволюціи.

направленіи и рекомендуются многими экономистами, вредны, реакціонны, безсмысленны; онѣ только мѣшаютъ населенію самому справляться съ трудностью регулированія прироста населенія. Дѣйствительное регулированіе наслѣдственной передачи земли не могло бы обойтись безъ того вмѣшательства въ супружескія отношенія, о которомъ мы уже говорили и которое явилось бы невыносимымъ государственнымъ деспотизмомъ. Регулированіе населенія и, слѣдовательно, наслѣдственныхъ переходовъ земли есть дѣло среднихъ вѣковъ, когда оно выполнялось помѣщикомъ, но не новаго времени съ его освободительными завоеваніями [1]). Если есть область, гдѣ несмотря на болѣе чѣмъ столѣтнюю давность освободительные завѣты Ад. Смита и физіократовъ сохранились, не утративъ ни на одну іоту своей исторической истинности, это—область регулированія земельныхъ отношеній. Наилучшее, что можетъ здѣсь сдѣлать государство, это—ничего не дѣлать, наилучшая политика—воздержаніе отъ всякой политики. Laissez faire, laissez passer! И въ особенности нужно твердо помнить здѣсь предостереженіе Гурнэ: *pas trop gouverner*!

3. Земельная собственность и ея мобилизація. Общая характеристика крестьянскаго хозяйства.

Основное отличіе земельной собственности въ феодальную и современную эпоху состоитъ въ томъ, что тогда какъ въ феодальную эпоху земельная собственность является связанной и фактически изъятой изъ гражданскаго оборота, въ настоящее время она составляетъ предметъ свободнаго гражданскаго оборота, является

[1]) Брентано, которому принадлежитъ заслуга литературной борьбы съ реакціонными теченіями въ нѣмецкой аграрной политикѣ, говоритъ относительно Anerbenrecht: „оно является наслѣдіемъ несвободнаго состоянія (Ausfluss des Unfreiheistverhaltnisses), оно возникло на той ступени развитія отъ несвободы къ свободѣ, на которой господинъ въ интересахъ лучшаго воздѣлыванія почвы признаетъ наслѣдственное право семейства крѣпостныхъ на занимаемую имъ гуфу, но въ интересахъ управленія помѣстьемъ дѣлаетъ главу этого семейства, обыкновенно старшаго сына, отвѣтственнымъ за приходящіяся ему услуги и платежи; поэтому Anerbenrecht какъ правовой институтъ начинаетъ исчезать вмѣстѣ съ исчезновеніемъ крѣпостного права“. (*Brentano.* Ueber Anerbenrecht und Grundeigenthum. Berlin 1895. Стр. 41).

товаромъ, хотя купля-продажа этого товара обставлена болѣе сложными формальностями нежели другихъ товаровъ. Въ средніе вѣка отношенія населенія къ землѣ строились на ихъ зависимомъ положеніи отъ сеньора: земля принадлежитъ сеньеру (nulle terre sans seigneur!), а населеніе составляетъ принадлежность земли. почему оно и не имѣло права распоряженія какъ собою, такъ и землей или же пользовалось этимъ правомъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые дозволены были сеньеромъ. Освобожденіе земли было тѣсно связано съ освобожденіемъ населенія, это были двѣ струи одного и того же освободительнаго потока, который ведетъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Средніе вѣка отличаетъ отъ новаго времени въ области личныхъ правъ свобода личности, а въ области вещныхъ правъ свобода земельной собственности. Нужно хорошо вникнуть въ эту внутреннюю и глубокую связь, существующую между свободой личности и земельнаго оборота, чтобы съ сознательной критикой отнестись къ реакціоннымъ законодательнымъ проектамъ и актамъ, стремящимся эту свободу умалить. Свобода распоряженія землей вытекаетъ изъ полноты правъ современной личности и составляетъ неотъемлемое завоеваніе новѣйшаго хозяйственнаго индивидуализма (разумѣется, не въ римскомъ смыслѣ— jus utendi et abutendi re sua, но вѣдь и римское право не дозволяло шиканознаго употребленія земельной собственности, а новѣйшее право налагаетъ все больше и больше ограниченій на пользованіе земельной собственностью въ видахъ общественнаго интереса).

Къ сожалѣнію, ограниченія свободы гражданскаго земельнаго оборота обладаютъ удивительной живучестью, и ни одно европейское земельное право, быть можетъ, кромѣ французскаго, отъ нихъ не свободно. Читатель знаетъ уже, напримѣръ, какія чудовищныя средневѣковыя нормы опредѣляютъ земельную собственность самой передовой капиталистической страны—Англіи. Такое же значеніе имѣютъ тѣ сложныя и дорого стоющія формальности, которыя затрудняютъ переходъ земельной собственности.

Въ главѣ о рентѣ мы характеризовали землю какъ фальшивую соціальную цѣнность, а цѣну ея какъ зло, являющееся, въ извѣстномъ смыслѣ, препятствіемъ земледѣлію. Теперь мы должны, напротивъ, показать, что товарная форма земли, ея обращеніе на рынкѣ, какъ товара, является необходимымъ условіемъ современной организаціи сельскаго хозяйства; несмотря на тотъ вредъ.

который проистекаетъ изъ существованія цѣны земли, эта послѣдняя является условіемъ сравнительно высшаго блага, развитія производительности земледѣлія. Общественныя формы, свободныя отъ недостатковъ и обладающія одними достоинствами, можно сочинять изъ головы; въ дѣйствительной же жизни каждая форма имѣетъ своимъ послѣдствіемъ извѣстное смѣшеніе добра и зла, и большій перевѣсъ того или другого и опредѣляетъ относительную пригодность, а также и устойчивость этой формы.

Земельная собственность находится въ постоянномъ движеніи. Различныя формы сельскаго хозяйства взаимно мѣняютъ свою территорію при посредствѣ, прежде всего, мобилизаціи земельной собственности. Измѣняющаяся емкость земледѣльческой территоріи и соотвѣтственное измѣненіе размѣровъ хозяйствъ, приспособленіе населенія къ новой емкости дѣлается также въ значительной мѣрѣ при посредствѣ земельной мобилизаціи. Постоянное высачиваніе деревней избыточнаго населенія, являющееся нормальнымъ отправленіемъ въ жизни деревни, также предполагаетъ земельную мобилизацію: участки малоземельныхъ, бросающихъ землю крестьянъ, присоединяются къ участкамъ остающихся, но въ то же время дробленіе земельной собственности (особый видъ земельной мобилизаціи) готовитъ новыхъ рекрутовъ для промышленности. Какъ тѣ малоземельные, которые оставляютъ землю, такъ и тѣ, которые затѣмъ округляютъ свои участки, одинаково дѣлаютъ это при посредствѣ мобилизаціи земельной собственности.

Такимъ образомъ, мобилизація есть основный нервъ жизни современной деревни, вся экономика крестьянскаго хозяйства немыслима, непонятна, невозможна безъ мобилизаціи земельной собственности, играющей здѣсь роль, по крайней мѣрѣ, передаточнаго механизма въ двигателѣ. Посредствомъ мобилизаціи разрѣшаются самыя трудныя и сложныя задачи экономики земледѣлія, которыя формулированы были ранѣе. Эти задачи, вся сложность которыхъ не можетъ быть усчитана даже въ теоріи, а поддается лишь конкретному опредѣленію, рѣшаются стихійнымъ процесомъ, результатомъ сложныхъ дѣйствій и противодѣйствій различныхъ силъ; такъ вода, разливаясь по поверхности, естественнымъ дѣйствіемъ своего разлива заполняетъ всѣ щели и скважины, которыхъ даже не видитъ человѣческій глазъ.

Намъ приходится по этому поводу еще разъ повторить мысль, только недавно нами выраженную. Всякія попытки законодатель-

ства задержать или „регулировать“ земельную мобилизацію за своей крайней и совершенно неизбѣжной грубостью и неуклюжестью, вредны; это все равно, если кто-либо вздумалъ бы проникнуть въ самое тонкое мѣсто организма для того, чтобы исправлять тамъ какой-либо ненравящійся ему нервъ. Въ современномъ хозяйствѣ, гдѣ день ото дня усиливаются тенденціи государственнаго и муниципальнаго соціализма, крестьянское хозяйство, насколько дѣло касается земельной мобилизаціи, образуетъ какъ бы островъ съ полнымъ господствомъ индивидуализма. Пусть говорятъ, что это господство идивидуализма здѣсь сопровождается большимъ зломъ, что поставленныя задачи разрѣшаются худо,— при данныхъ условіяхъ это единственно возможное и потому наилучшее рѣшеніе вопроса.

Какъ на одно изъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій мобилизаціи крестьянской земли указываютъ на ея задолженность; исключительная и роковая будто бы задолженность крестьянина составила одинъ изъ непреложнѣйшихъ догматовъ въ миѳологіи, создавшейся относительно крестьянскаго хозяйства въ литературѣ. Оставляя въ сторонѣ личный кредитъ, въ которомъ крестьянинъ нуждается какъ и всякій производитель, но который онъ и имѣетъ на весьма выгодныхъ условіяхъ при посредствѣ кредитныхъ ассоціацій [1]), земельная мобилизація сама по себѣ не составляетъ непремѣннаго условія высокой задолженности. Прежде всего, далеко не всѣ и, быть можетъ, даже не большинство переходовъ земельной собственности являются возмездными: такъ отсюда нужно выключить переходы земли по наслѣдству. Да и покупка земли вовсе не всегда совершается въ кредитъ: нужныя на это деньги копятся десятками лѣтъ. Во всякомъ случаѣ опредѣлить задолженность крестьянства по апріорнымъ соображеніямъ невозможно, за этимъ слѣдуетъ обратиться къ статистикѣ. А послѣдняя показываетъ, во-первыхъ, что задолженность крестьянскихъ имѣній

[1]) Относительно этого рода задолженности хорошо говоритъ одинъ изъ авторовъ Bäuerliche Zustände *Stockel*, описавшій состояніе крестьянскаго хозяйства въ Гумбинненѣ: „болѣе сильная задолженность въ общемъ связана съ ростомъ благосостоянія, и долги, налагаемые посредствомъ личнаго или ипотечнаго кредита, въ значительной мѣрѣ служатъ къ улучшенію хозяйства, увеличенію инвентаря и исправленію зданій, и, конечно, всѣ хозяева, имѣющіе въ настоящее время умѣренные долги, значительно состоятельнѣе, нежели ихъ дѣды, которые хозяйничали безъ долговъ“.

относительно ниже, нежели крупныхъ; это показываютъ, напр., уже приводившіяся выше данныя германской статистики. Во-вторыхъ, какъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся у насъ данныя, земельная задолженность крестьянскихъ хозяйствъ абсолютно не особенно значительна (конечно, это не относится къ перенаселеннымъ районамъ съ разоряющимся хозяйствомъ, съ развитіемъ ростовщичества и т. д.). Въ имѣющихся у насъ изслѣдованіяхъ отмѣчается высокая задолженность лишь самаго мелкаго, еще не окрѣпнувшаго владѣнія (Tagelohnerstellen). Такъ общее впечатлѣніе относительно данныхъ обширной баденской анкеты [1]) Шпренгеръ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „въ подавляющемъ большинствѣ изслѣдованныхъ мѣстностей задолженность не достигаетъ размѣра, который часто предполагался. Лишь задолженность участковъ поденщиковъ и мелкокрестьянскія владѣнія въ значительномъ числѣ изслѣдованныхъ мѣстностей является относительно значительной, но и здѣсь въ большинствѣ случаевъ она не достигаетъ возбуждающей опасенія высоты. Въ средне-и крупнокрестьянскихъ хозяйствахъ въ цѣломъ рядѣ округовъ отмѣчается даже поразительно низкая задолженность“ [2]). Вообще какъ правило, большую степень задолженности обнаруживаютъ хозяйства, соединяющія съ земледѣліемъ какой-либо промыселъ, нежели чистые земледѣльцы.

Вюртембергская анкета [3]) обнаружила также небольшую задолженность крестьянскихъ имѣній, какъ это ясно изъ слѣдующаго сопоставленія, (владѣльцы заняты исключительно сельскимъ хозяйствомъ).

Общины	% незадолженныхъ имѣній.	% задолженности къ цѣнности задолженныхъ имѣній.	% задолженности къ цѣнности всѣхъ имѣній.
Willsbach .	60,3	23,11	13,48
Oeschelbronn	52,2	11,5	3,7
Oberkollwang	38,5	8,9	2,3
Wiesenbach .	20	25,2	1,2
Ingerkingen.	58,4	16,1	8,2
Christazhofen	22,9	47,3	10,2

[1]) Erhebungen uber die Lage der Landwirtschaft im Grossherzogthum Baden. 1883. Спеціально вопросъ о задолженности въ Баденѣ былъ изслѣдованъ Бухенбергеромъ.

[2]) *Sprenger.* Die Lage der Landwirtschaft in Baden. Karlsruhe. 1884 Стр. 6.

[3]) Ergebnisse der Erhebungen uber die Lage der bauerlichen Landwirtschaft... des Konigreichs Würtemberg. 1884—5. Stuttgart. 1886. Стр. XLVI.

Детальныя данныя относительно распредѣленія степени задолженности по разнымъ владѣніямъ показываютъ также, что „какъ число задолженныхъ такъ и процентъ задолженности самый высокій въ низшихъ группахъ владѣній (имѣніяхъ поденщиковъ), а затѣмъ быстро убываетъ и въ самыхъ высшихъ группахъ (крупнокрестьянскія владѣнія) незначителенъ“ [1]).

Равнымъ образомъ и въ новѣйшей баварской анкетѣ [2]) кон-

[1]) Ibid., стр LI.

[2]) Untersuchungen der wirtschaftlichen Verhaltnisse in 24 Gemeinden des Kon. Bayern. Munchen. 1895. Вотъ свѣдѣнія о задолженности.

Общины.	Цѣнность всего земельнаго надѣла и построекъ.	Сумма всей задолженности	Отношеніе суммы долговъ къ общей цѣнности земли въ крупномъ хозяйствѣ.	среднемъ хозяйствѣ.	мелкомъ хозяйствѣ
	Марки	Марки.			
Wollomoos	1,169,159	135,589	11,6%	до 10%	до 30%
Eberfing	1,586,655	259,406	10,35	15	40
Polling	1.359,920	906,917	29,92	5	25
Leibfing	1,627,390	643,158	39,52	5	34
Schalldorf	1,453,336	345,024	23,74	5	25
Zell	771,390	276,347	35,82	6,5	17
Hassloch	4,873,470	652,655	13,39	3	15
Trahweiler	328,404	40,183	12,24	4	10
Trulben	700,730	91,765	13,10	3	8
Kondrau	1,382,508	289,316	20,93	8	20
Paulushofen	657,917	261,330	39,72	8	20
Sollbach	212,771	161,801	76,04	4,5	10
Gesses	1,085,053	256,463	23,64	5	15
Monchsambach	777,985	175,181	22,52	6	45
Bobengrin	337,275	123,876	36,73	5	15
Hartershofen . . .	1,053,968	54,935	5,21	5	5
Petersaurach . . .	1,484,164	205,588	13,85	5	14
Vorra	1,287,290	361,687	28,10	3	6
Oberessfeld	573,677	76 364	13,31	7	13
Malberuhem	2,065,814	356,405	17,25	4	10
Rothenbuch	439,553	126,507	28,78	3	5
Nassenbeuren	904,830	338,858	37,45	10	40
Senderklingen . . .	1,164,715	405,092	34,78	7	19
Missen	1,479,200	416,698	28,17	5	20

(Приложеніе I, стр. 571, прил. II, 579).

статируется, что задолженность крестьянскихъ имѣній никоимъ образомъ не можетъ быть признана чрезмѣрной.

Такимъ образомъ, фактическихъ основаній для утвержденій о необычайной задолженности крестьянскаго хозяйства нѣтъ, и во всякомъ случаѣ можно считать доказаннымъ, что она не является необходимымъ спутникомъ крестьянскаго хозяйства, но зависитъ отъ всей совокупности экономическихъ условій его развитія. Слѣдовательно, и мобилизація земельной собственности необходимо за собой задолженности не ведетъ,—потому самое тяжелое обвиненіе противъ нея падаетъ само собою.

Другое зло, — чрезполосица, возникающая при мобилизаціи земли, можетъ быть исправлено только ею же: она могла разсыпать земельные участки однихъ и тѣхъ же хозяевъ въ разныхъ мѣстахъ, она же только и можетъ ихъ снова соединить. Нужно замѣтить, что чрезполосица есть зло не въ наибольшей, а въ наименьшей степени присущая земельной мобилизаціи: страшную чрезполосицу, съ которой пришлось бороться спеціальнымъ размежеваніемъ, намъ оставило крѣпостное право, при которомъ отсутствуетъ земельная мобилизація, а господствуетъ общинное владѣніе землей съ присущимъ ему принудительнымъ сѣвооборотомъ.

Мобилизація земельной собственности составляетъ только одну форму мобилизаціи земли вообще. Постоянныя перемѣны земельныхъ владѣній, которыя составляютъ условіе экономической жизни въ деревнѣ, могутъ совершаться не только посредствомъ обращенія земельной собственности. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить мобилизацію земельныхъ арендъ. Тамъ, гдѣ крестьянская аренда составляетъ основное и общее отношеніе населенія къ землѣ (слѣдовательно, не является переходнымъ состояніемъ на пути къ полному раздробленію собственности), при посредствѣ арендъ разрѣшаются тѣ же самыя проблемы, которыя ставятся экономической жизнью при мелкомъ хозяйствѣ вообще. Конечно, здѣсь эти и безъ того уже весьма сложныя проблемы усложняются еще специфическими чертами, вытекающими изъ формы аренды, но измѣненій въ существо отношеній эти осложненія не вносятъ. Арендуемые участки также, какъ и земельная собственность, постоянно находятся въ движеніи: они раздробляются, консолидируются, увеличиваются, уменьшаются, какъ этого требуетъ при-

способленіе населенія къ данной емкости территоріи [1]). Зоркій взоръ землевладѣльца слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эта задача была разрѣшаема наилучшимъ образомъ, т. е. чтобы рента была при данныхъ условіяхъ наивысшая (конечно, если это не голодная рента, обусловливаемая аграрнымъ перенаселеніемъ).

Та или иная форма землевладѣнія, составляющаго вообще, какъ показываетъ опытъ, самый консервативный и неподвижный элементъ во всей общественной организаціи, придаетъ своеобразное внѣшнее облаченіе основному процессу приспособленія населенія къ емкости территоріи, существенныя черты котораго одинаковы повсюду. Для русскаго особенный интересъ составляетъ, какъ эта проблема разрѣшается при общинномъ землевладѣніи, существующемъ въ Россіи. Удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ можно дать лишь послѣ изученія конкретныхъ формъ, принимаемыхъ этимъ процессомъ и неоднократно описывавшихся статистикой, но такое изученіе выходитъ за границы настоящей работы. Говоря абстрактно, общинное землевладѣніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько спеціальныхъ затрудненій, препятствующихъ свободному теченію указаннаго процесса; они вынуждаютъ обходъ этихъ препятствій не юридическимъ, даже антиправымъ творчествомъ жизни. И несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что ни одна форма землевладѣнія, въ томъ числѣ общинная,

---

[1]) Стремясь per fas et nefas доказать, что въ земледѣліи все обстоитъ благополучно, т. е. совершается мистическій законъ концентраціи, Вандервельде съ большой наивностью квалифицируетъ собственность, сдаваемую въ аренду, какъ propriété capitaliste, и въ ростѣ мелкихъ арендъ усматриваетъ ростъ этой капиталистической собственности. Подобными же натяжками сопровождается его попытка доказать, что въ Бельгіи совершается концентрація земельной собственности. См. *Emile Vandervelde.* L'influence des villes sur les campagnes. Bruxelles. 1899 (4 выпуска: La propriété foncière dans les provinces du Luxembourg, de Namour, de la Flandre Orientale et de la Flandre occidentale; la pr. f. en Brabant de 1884 à 1898; la pr. f. dans les provinces du Hainaut et de Liége de 1834 à 1898; la pr. f. dans les provinces d'Anvers et de Limbourg). Эти выпуски содержатъ свѣдѣнія о движеніи земельной собственности, собранныя съ большой (даже ненужной) подробностью; о „вліяніи городовъ на деревни“ говоритъ почти исключительно одно заглавіе. Научно эти данныя могли бы быть использованы только при сопоставленіи съ данными исторіи общаго экономическаго развитія Бельгіи. За послѣднее время появилось обстоятельное и вполнѣ объективное изслѣдованіе о бельгійскомъ земледѣліи: *Chlapowo-Chlapowski.* Die belgische Landwirtschaft im 19 Jahrhundert. Stuttgart. 1900. Münchener Volkswirtschaftliche Studien, 37.

не устраняетъ трудностей приспособленія населенія къ емкости территоріи: допустить иное можно только предположивъ неизмѣнность и этой емкости, и населенія. т. е. полный хозяйственный застой. При нормальномъ же развитіи въ деревнѣ неизбѣжно развиваются и краткосрочныя, и постоянныя неравенства земельнаго владѣнія, обусловливающія земельную мобилизацію и ею устраняемыя. Въ этомъ смыслѣ общинное землевладѣніе столь же мало способно гарантировать косное равенство между общинниками, какъ и частная собственность, и мелкая аренда и т. д. и еще менѣе устранить возможность появленія аграрнаго пролетаріата. Проблемы народонаселенія общинное землевладѣніе ни въ какой мѣрѣ не уничтожаетъ, какъ не способна ее уничтожить ни вполнѣ индивидуалистическая, ни вполнѣ соціалистическая форма владѣнія.

Если оцѣнивать формы землевладѣнія съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ данной цѣли, именно наиболѣе легкаго и успѣшнаго разрѣшенія проблемъ, ставящихся хозяйственной жизни деревни, нужно признать наилучшей ту форму, которою ставятся тому наименьшія препятствія. Въ этомъ смыслѣ, формой, дающей наибольшую свободу земельной мобилизаціи. наиболѣе отвѣчающей верховному принципу экономической политики въ этой области: laissez faire,— является полная земельная собственность, составляющая предметъ свободнаго гражданскаго оборота, не несущая никакихъ ни феодальныхъ, ни другихъ ограниченій, свободно дѣлимая, отчуждаемая, продаваемая, собственность Code Napoléon. *Идеаломъ землевладѣнія* для мелкаго хозяйства, основаннаго на приложеніи собственнаго труда въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей, является *полная индивидуальная свободная собственность на землю.* Мы еще разъ приходимъ къ выводу, что индивидуализмъ владѣнія землей составляетъ основной постулатъ современнаго народнохозяйственнаго строя [1]).

Земельная мобилизація видоизмѣняетъ, какъ уже было замѣчено,

---

[1]) Этотъ постулатъ можетъ быть ограниченъ развѣ только относительно луговъ, выгоновъ и т. д., которые иногда удобнѣе и выгоднѣе имѣть въ общественной собственности. Конечно, мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы полная индивидуальная собственность на землю была желательна всегда и вездѣ, гдѣ только есть крестьянское хозяйство. Можетъ оказаться рядъ противодѣйствующихъ причинъ, благодаря которымъ указанный принципъ экономической цѣлесообразности можетъ для даннаго случая потерять свое значеніе.

взаимное отношеніе территоріи крупнаго и мелкаго хозяйства (насколько эта территорія является вообще мобилизуемой). Условія расширенія крупнаго хозяйства насчетъ мелкаго намъ уже извѣстны: оно предполагаетъ разореніе мелкаго хозяйства, земли котораго присоединяются къ крупному [1]). Равнымъ образомъ и расширеніе мелкаго хозяйства насчетъ крупнаго наступаетъ тогда, когда послѣднее начинаетъ приходить въ упадокъ. Специфическимъ орудіемъ крестьянскаго хозяйства, которымъ оно разлагаетъ крупное, является, какъ намъ уже извѣстно, крестьянская рента. Разъ собственные устои крупнаго хозяйства начинаютъ колебаться, веденіе хозяйства на собственной землѣ въ крупныхъ размѣрахъ становится просто невыгоднымъ, оно не можетъ дать столь высокой ренты, какую даетъ въ видѣ покупной платы за землю крестьянское хозяйство. Вотъ причина, почему въ мѣстностяхъ крѣпкаго крестьянскаго хозяйства, хотя и существуетъ крупное землевладѣніе, но оно рѣдко сопровождается веденіемъ хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ, обычно же земля сдается въ аренду крестьянамъ По этой причинѣ въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи (Рейнландъ, Вестфалія) такъ развиты мелкія аренды, сравнительно съ другими мѣстностями Германіи. По мѣрѣ того, какъ теряетъ почву крупное хозяйство, мелкая аренда усиливаетси и на прусскомъ востокѣ,—востокъ западнѣетъ; одновременно это сопровождается и расширеніемъ площади крестьянской собственности. Крупные землевладѣльцы, какъ таковые, выигрываютъ при этомъ, ибо рента ихъ повышается; что же касается капитала, то онъ можетъ быть обращенъ въ другую отрасль производства и помимо земледѣлія. Приведемъ нѣсколько иллюстрацій этого процесса.

---

[1]) Территорію крупнаго хозяйства обычно составляетъ крупное землевладѣніе; соединеніе мелкихъ земельныхъ участковъ путемъ аренды въ цѣляхъ веденія крупнаго хозяйства составляетъ рѣдкое исключеніе. Одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ въ этомъ родѣ, попавшихся мнѣ въ литературѣ, описанъ Бодрильяромъ и относится къ департаменту Seine et Oise и Seine et Marne „Фермеръ соединяетъ здѣсь въ одномъ хозяйствѣ отъ 50 до 300 гектаровъ, снимая нѣсколько участковъ отъ 30 до 60 гектаровъ. Здѣсь существуетъ, такимъ образомъ, средняя собственность и крупная культура. Потому довольно часто можно наблюдать, что фермеры богаче земельныхъ собственниковъ, у которыхъ они снимаютъ земли". (Baudrillart, tome II, 547—8). Авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ спеціальныхъ причинъ, обусловливающихъ здѣсь столь своеобразную систему

Аугагенъ въ неоднократно цитированной монографіи замѣчаетъ: „хорошо поступаютъ собственники крупныхъ хозяйствъ югозападной Германіи, въ особенности баденскаго и баварскаго Рейнпфальца, гдѣ дѣлается такое наблюденіе, что ту часть своихъ владѣній, которую они сами не могутъ воздѣлывать, они сдаютъ въ аренду владѣльцамъ болѣе мелкихъ участковъ и получаютъ по 150—200 марокъ за гектаръ аренды. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется много мелкихъ хозяйствъ, владѣльцы болѣе крупныхъ имѣній понимаютъ, что они не могутъ добиться такого дохода, какъ мелкія предпріятія... Собственники, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ заинтересованы въ томъ, чтобы извлечь возможно большую выгоду изъ своей собственности При возвышеніи цѣнъ на землю они станутъ поэтому продавать свою собственность въ раздробь или, если имѣніе должно сохраниться въ данномъ семействѣ, сдавать въ аренду парцеллами. На этомъ основаніи мы наблюдаемъ напр. въ Баденѣ, Баваріи, въ Рейнландѣ въ мѣстностяхъ съ болѣе интенсивнымъ мелкимъ производствомъ уменьшеніе крупныхъ имѣній. Въ баденскомъ и баварскомъ Рейнпфальцѣ, въ богатыхъ окрестностяхъ Бонна я не нашелъ настоящихъ крупныхъ хозяйствъ, а лишь крупныя имѣнія-которыя сдавались своими собственниками въ аренду“ [1]). Приведемъ еще изъ анкеты „Bauerliche Zustande“ свидѣтельство Петерсена относительно Пфальца [2]). „Такъ какъ мелкія владѣнія въ общемъ позволяютъ наиболѣе выгодное использованіе рабочей силы, имѣющейся въ семьѣ, мелкія и среднія владѣнія оказываются съ теченіемъ времени все болѣе доходными и потому даютъ въ общемъ высшую ренту нежели мелкія имѣнія. Вслѣдствіе этой большей доходности и связаннаго съ ней поднятія цѣнъ на землю, происшедшаго за послѣднія 5 десятилѣтій, хозяйственное развитіе ведетъ по преимуществу къ тому, что

[1]) Auhagen l. c 59. Ср. еще у него же . . . „при раздробленіи крупныхъ имѣній на востокѣ Германіи сумма покупныхъ цѣнъ за отдѣльныя парцеллы часто вдвое выше, чѣмъ покупная цѣна всего имѣнія цѣликомъ, хотя при этомъ пропадаютъ или отчасти обезцѣниваются зданія, приспособленныя для крупнаго хозяйства. Не только на востокѣ земля имѣетъ большую цѣнность въ мелкомъ хозяйствѣ, но и во всей Германіи“.

[2]) Bauerliche Zustände, I, 249—50. Петерсенъ обнаруживаетъ въ приведенномъ отрывкѣ полное неразличеніе видовъ ренты и, въ частности, крестьянской ренты (общее съ Аугагеномъ); въ данномъ случаѣ это не имѣетъ, однако, существеннаго значенія

наличныя крупныя имѣнія постепенно отчуждаются и землевладѣніе мало по малу переходитъ въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ, которые въ состояніи извлекать изъ него большій доходъ". (Не забудемъ, что это писано въ началѣ 80-хъ годовъ и въ началѣ кризиса, дѣйствію котораго всецѣло приписываютъ иные усиленіе мелкаго производства). Подобныхъ свидѣтельствъ можно было бы привести очень много [1]).

Такимъ образомъ, непосредственнымъ орудіемъ борьбы крупнаго и мелкаго производства является земельная рента; относительныя техническія и экономическія преимущества той или другой формы производства образуютъ только фонъ этой борьбы. Вездѣ, гдѣ мелкое производство поднимаетъ голову, оно постепенно охватываетъ крупное щупальцами своей высокой ренты. Это составляетъ исключительную особенность борьбы различныхъ формъ хозяйственнаго предпріятія въ земледѣліи, не повторяющуюся въ другихъ отрасляхъ производства.

Тамъ, гдѣ мелкое производство твердо установилось, оно не пускаетъ уже сюда крупнаго производства, но раздробляетъ существующей здѣсь высокой рентою наличныя крупныя имѣнія. Компактное большинство крупныхъ или мелкихъ хозяйствъ взаимно отталкиваютъ другъ друга, ибо они сочетаются съ разными условіями. Господство мелкаго производства сопровождается густымъ населеніемъ, интенсивной культурой и, въ результатѣ, высокою цѣной земли [2]). Крупное же производство, какъ мы уже знаемъ, разрѣжаетъ населеніе, отталкиваетъ отъ себя промышленность, слѣдовательно, свой непосредственный рынокъ, потому хозяйство здѣсь экстенсивно, спросъ на землю слабъ, цѣна земли относительно низка [3]).

---

[1]) Ср. напр. относительно Эйзенаха. (Bauerliche Zustande, I, 35), Меца (III. 314) и т. д.

[2]) Констатированіе этой связи, хотя и безъ всякаго теоретическаго обоснованія, составляетъ заслугу Гери, выставившаго такое положеніе: „чѣмъ гуще сельскохозяйственное населеніе страны, тѣмъ болѣе тамъ распространена мелкая культура и тѣмъ интенсивнѣе ведется хозяйство" (*Guéry.* Mouvements et diminution de population agricole en France. Paris. 1895. Стр. 28).

[3]) Рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила, по которому городскіе и промышленные центры бываютъ окружены мелкой культурой, являются окрестности Парижа, окруженнаго, какъ поясомъ, крупными имѣніями. По свидѣтельству Лаверня, они средневѣковаго, еще феодальнаго происхожденія (*L. de Lavergne.* L'économie rurale, 102 и далѣе).

Иллюстрировать эти теоретическія положенія даетъ возможность германская статистическая перепись 1895 года, гдѣ даны свѣдѣнія о распредѣленіи хозяйствъ разныхъ размѣровъ въ нѣсколькихъ изъ округовъ (въ примѣчаніи [1]) мы приводимъ данныя относительно округовъ съ преобладаніемъ парцеллярнаго и крупнаго хозяйства). Эти данныя, въ связи съ изложенными теоретическими соображеніями, даютъ возможность по достоинству оцѣнить фантазіи Каутскаго, который думалъ уклониться отъ признанія

[1]) Въ Statistik des Deutschen Reichs, B. 112, стр. 13—14, приведены районы съ наибольшимъ распространеніемъ парцеллярнаго, мелкокрестьянскаго, среднекрестьянскаго, крупнокрестьянскаго и крупнаго хозяйства. Всѣ эти сопоставленія чрезвычайно поучительны, но мы изъ экономіи мѣста ограничимся только двумя, крайними, группами, районами съ преобладаніемъ парцеллярнаго и крупнаго хозяйства.

ОБЩИНЫ	Изъ 100 ha сельскохоз площади. Приходится на долю хозяйства.				
	Парцел	Мелкаго	Средняго.	Кр.-кр	Крупн.
Zellerfeld	41,86	27,51	18,39	12,24	—
Neuenburg . . .	41,25	42,41	16,21	1,13	—
Siegen	39,39	38,82	17,15	3,10	1,54
Cannstadt	38,77	39,90	16,43	3,14	1,76
Schorndorf . . .	38,86	45,79	14,75	1,10	—
Gehren	36,06	42,81	20,35	0,78	—
Rastatt	35,68	52,57	10,37	1,38	—
Ettlingen	33,44	53,08	9,30	1,86	2,32
Esslingen	32,97	47,68	12,78	3,04	3,53
Molsheim	31,99	37,89	25,04	3,99	1,09
Baden	31,51	49,80	16,96	1,87	—
Среднее для Имперіи .	5,56	10,11	29,90	30,35	24,08

ОБЩИНЫ.	Изъ 100 ha сельскохоз. площади. Приходится на долю хозяйства.				
	Крупн	Кр.-крупн.	Средн.	Мелкаго.	Парцел.
Greifswald	80,80	10,99	4,68	1,34	2,19
Franzburg	77,59	12,26	5,06	1,95	3,14
Waren	76,76	15 20	4,13	1,00	2,91
Güstrow	75 95	17,43	3,03	0,96	2,63
Kibnitz	74,98	11.62	8,14	2,11	3,15
Rugen	72,56	16.20	6.87	2,35	2 02
Malchin	72,28	16,32	6,00	1,55	3,85
Grimmen	70,99	19,20	6,39	1,49	1,93
Friedland	68,80	22,13	6,16	0,79	2,12
Regenwalde	68,59	15,76	11,26	2.29	2.10
Dirschau.	68,34	24,01	4,23	0.76	2,66
Среднее для Имперіи .	24,08	30,35	29.90	10,11	5,56

факта дѣйствительнаго усиленія крестьянскаго хозяйства ссылкой, будто это увеличиваются хозяйства, поставляющія наемныхъ рабочихъ крупному хозяйству. Не говоря о томъ, что эта жалкая натяжка опровергается цѣлымъ рядомъ положительныхъ фактовъ (прежде всего, увеличеніемъ числа именно среднекрестьянскихъ, самостоятельныхъ хозяйствъ), она совершенно разбивается о тотъ фактъ, что области господства крупнаго хозяйства и значительнаго распространенія мелкаго различны; крупное хозяйство, естественно, сопровождается, крупнокрестьянскимъ, среднекрестьянскимъ хозяйствомъ, вообще болѣе крупными формами хозяйства, мелкое—болѣе мелкими; словомъ, нѣтъ того соединенія крайнихъ типовъ: крупнаго и мелкаго, какъ этого требуетъ сказанное воззрѣніе. Точно также этимъ фактомъ взаимнаго отталкиванія крупнаго и мелкаго хозяйства опровергается и то воззрѣніе, что крупное хозяйство является школой для мелкаго, піонеромъ техническаго прогресса: слишкомъ эта школа отдѣлена отъ своихъ учениковъ, такъ, что въ однихъ районахъ собраны почти одни учителя, въ другихъ почти одни ученики,—едва-ли это соотвѣтствуетъ педагогическимъ задачамъ, приписываемымъ крупному хозяйству. Для общества выгоднѣе отпустить столь дорогого учителя, замѣнивъ его болѣе цѣлесообразнымъ распространеніемъ образцовыхъ фермъ по государственной или муниципальной иниціативѣ.

Обращаясь къ вопросу о развитіи крестьянскаго производства, мы прежде всего должны отвергнуть застарѣлый марксистскій предразсудокъ, будто бы крестьянское хозяйство неспособно къ техническому прогрессу. Никогда не бывъ доказанъ, предразсудокъ этотъ ведетъ свое происхожденіе отъ апріорной теоретической схемы Коммунистическаго Манифеста, гдѣ крестьянство вмѣстѣ съ прочими мелкими производителями объявлено реакціонною массой, силящейся поворотить колесо исторіи. Впечатлѣнія германской дѣйствительности того времени были способны подкрѣпить это положеніе, а постепенно застарѣвая, догматъ этотъ черпалъ свою убѣдительную силу именно въ своей старости, да еще въ сословныхъ предразсудкахъ (именно, въ неумершемъ еще до сихъ поръ мнѣніи, что интересы антиколлективистическаго крестьянскаго сословія и коллективистическаго рабочаго сословія противоположны). Но вынесенный изъ душныхъ подваловъ предубѣжденій, этотъ предразсудокъ разсыпается при первомъ прикосновеніи научной критики. Прогрессъ — техническій и экономическій — крестьянскаго

хозяйства не есть спорная теоретическая проблема, это — *фактъ*, неопровержимо свительствуемый данными новѣйшей статистики и достаточно обнаруженный въ предыдущемъ изложеніи [1]). Его оспаривать можно только или по незнанію или по недоразумѣнію, но нужно дать посильное объясненіе его условій и причинъ.

Мы видѣли, что вчерашній крѣпостной не сразу приспособляется къ рынку, научается считаться съ его требованіями. Онъ крѣпнетъ по мѣрѣ своего приспособленія. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ его психики, измѣняются и его методы производства,—рынокъ даетъ ему новыя орудія, новыя машины (мы уже знаемъ, какъ распространены онѣ между крестьянствомъ). „Капиталъ“ крестьянина увеличивается какъ по качеству, такъ и по количеству, по цѣнности. Капиталъ этотъ передается изъ рукъ въ руки, образуется техническая традиція. Въ зависимости отъ извѣстной степени производительности земли, обусловленной именно приложеніемъ данныхъ орудій производства, опредѣляется уже цѣна земли и ёмкость территоріи относительно населенія; такимъ образомъ, соблюденіе извѣстнаго техническаго minimum'а становится общеобязательнымъ, принудительнымъ условіемъ конкурренціи. Крестьянское хозяйство

[1]) Прогрессъ крестьянскаго хозяйства многократно свидѣтельствуется даже въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для крестьянства эпохъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, когда было произведено изслѣдованіе Bauerliche Zustande (откуда Каутскій, въ своей попыткѣ гальванизировать трупъ устарѣлой догмы, выбралъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о вполнѣ понятной для даннаго момента угнетенности крестьянскаго хозяйства; пусть убѣдятся, что тамъ можно найти свидѣтельства и нѣсколько иного характера). Такъ изъ Эйзенаха, мѣстности, страдающей вообще сильнымъ перенаселеніемъ, свидѣтельствуютъ, что за послѣдніе 20 лѣтъ „употребленіе хорошаго удобренія и пріобрѣтеніе цѣлесообразныхъ орудій, улучшенное скотоводство, введеніе болѣе глубокаго воздѣлыванія почвы и производство лучшихъ сортовъ хлѣба, употребленіе молотилокъ и сѣялокъ, отчасти примѣненіе искусственныхъ удобреній значительно подняли сельскохозяйственное производство“ (I, 72). Относительно Пфальца, констатируется, наряду съ указаніемъ касательно общаго прогресса, большая доходность мелкаго производства сравнительно съ крупнымъ. Проф. Ранке свидѣтельствуетъ техническій прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ окрестностяхъ Мюнхена, типичныхъ, по его словамъ, для всей верхней Баваріи, какъ относительно скотоводства, такъ и лучшей обработки почвы и орудій производства (I, 276). Для Саксоніи то же самое свидѣтельствуется Лангсдорфомъ (II, 222 и сл.), относительно зап. Пруссіи Oetler'омъ, Познани—Натузіусомъ, Бухенбергеромъ относительно Бадена и т. д; относительно Франціи много свидѣтельствъ у Бодрильяра и др.

сохраняетъ при этомъ ему естественно свойственный характеръ трудоинтенсивности сравнительно съ крупнымъ производствомъ, но это не ведетъ въ ущербъ другимъ факторамъ производства, теперь это— привиллегія, преимущество крестьянскаго хозяйства, а не результатъ его слабости, какъ это бываетъ въ начальныя эпохи самостоятельнаго существованія крестьянскаго хозяйства [1]). Крестьянство въ теченіе капиталистической эпохи проходитъ, слѣдовательно, извѣстный циклъ развитія, хотя его не такъ легко уловить, благодаря отсутствію рѣзкихъ внѣшнихъ измѣненій.

Здѣсь нужно особо упомянуть еще одно условіе развитія крестьянскаго хозяйства,—именно извѣстную правовую обезпеченность крестьянства, гарантію правъ личности и собственности, которыхъ оно лишено было при крѣпостномъ правѣ. Отсутствіе этого условія можетъ въ корнѣ убить хозяйственную самодѣятельность. Поэтому всѣ мѣры, которыя стремятся въ той или иной формѣ возстановить или сохранить позорныя узы крѣпостнаго права, усилить полицейскую опеку, лишая населеніе свободы дѣйствій, нужной въ его новой экономической обстановкѣ,—всѣ онѣ заслуживаютъ самаго безусловнаго осужденія экономиста. Экономическій проигрышъ населенія, если лишить его половины его земли или капитала, будетъ меньше, чѣмъ если на одну десятую подвергнутся умаленію его права; и наоборотъ, при отсутствіи этихъ правъ лучше не принимать никакихъ мѣръ для расширенія крестьянскаго землевладѣнія и поднятія крестьянскаго хозяйства, но дать ему то, безъ чего ему не помогутъ никакія мѣры — дать голодному хлѣбъ, а не камень. Безъ этого условія бѣдность въ деревнѣ неискоренима. Перефразируя извѣстное выраженіе Тургенева, что Венера Милосская несомнѣннѣе принциповъ 89 года, можно сказать, что для крестьянства и его хозяйства эти принципы несомнѣннѣе фосфоритныхъ удобреній, плуговъ, элеваторовъ, крестьянскихъ банковъ и т. д.

---

[1]) Вотъ для иллюстраціи одно изъ новѣйшихъ расчисленій, относящееся къ Магдебургскому округу. На 100 гектаровъ приходится постоянныхъ рабочихъ при размѣрахъ хозяйства

не выше 50 ha	24
50—150	15
150—300	13
300—500	13
выше 500	8

(*Goldschmidt.* Die Landarbeiter etc. Tubingen. 1899. Стр. 30).

Одинъ изъ важнѣйшихъ этаповъ на пути развитія крестьянскаго хозяйства составляетъ возникновеніе крестьянскихъ ассоціацій или кооперацій, появленіе частичнаго коллективизма. Возникновеніе крестьянскихъ кооперацій, въ особенности ихъ развитіе есть дѣло новѣйшаго времени, въ извѣстномъ смыслѣ результатъ предшествовавшей эволюціи крестьянскаго хозяйства. Мы знаемъ, какъ безпомощенъ былъ крестьянинъ при первыхъ своихъ шагахъ въ мѣновомъ хозяйствѣ: его хозяйство представляетъ тогда благодарную почву для развитія всякихъ паразитовъ. Его скромныя потребности въ кредитѣ удовлетворяетъ ростовщикъ; въ орудіяхъ производства (иногда выражающихся въ однихъ посѣвныхъ сѣменахъ)—кулакъ; переработку нѣкоторыхъ продуктовъ земледѣлія, напр. молочное хозяйство, беретъ въ свои руки капиталистъ; роль посредника между рынкомъ и производителемъ беретъ на себя еще капиталистъ—*купецъ*. Полунищаго крестьянина окружаетъ, такимъ образомъ, множество паразитовъ, довершающихъ его нищету. Но по мѣрѣ того, какъ крестьянское хозяйство крѣпнетъ и приспособляется къ рынку, оно научается мало-по-малу обходиться безъ помощи этихъ паразитовъ, замѣняя силу капитала силою ассоціаціи. Всѣ тѣ потребности, которымъ отвѣчали прежде паразиты, теперь вызываютъ для своего удовлетворенія крестьянскія ассоціаціи; возникаютъ новыя потребности, которыя удовлетворяются также ассоціаціей [1]).

---

[1]) Современный аграрный кризисъ далъ особенныя толчокъ развитію крестьянскихъ кооперацій Международный конгрессъ кооперацій въ Лондонѣ въ 1895 году единогласно вотировалъ слѣдующую резолюцію: „признавая чрезвычайную тягость аграрнаго кризиса, свирѣпствующаго теперь въ Европѣ, и,сочувствуя испытаніямъ, которымъ подвергаются всѣ классы, зависящіе посредствомъ дохода или заработной платы отъ земледѣлія, рекомендуетъ ихъ общему вниманію усвоеніе методовъ кооперации, какъ практическое средство устраненія настоящаго зла и подготовленія лучшаго будущаго. Конгрессъ въ особенности отмѣчаетъ усилія, увѣнчавшіяся уже успѣхомъ, для учрежденія ассоціацій въ цѣляхъ снабженія земледѣлія нужными продуктами, а также продажи земледѣльческихъ продуктовъ, кооперативныхъ молочныхъ, земледѣльческихъ банковъ, фермъ съ участіемъ рабочаго персонала въ прибыляхъ, кооперативныхъ магазиновъ для рабочихъ и крестьянъ и ассоціацій для учрежденія мелкихъ фермъ“ (allotment societies) (Цитир. у *Rocquigny*. La coopération de production dans l'agriculture, introduction) Международный союзъ кооперации издаетъ весьма удобные для обзора сборники (на трехъ языкахъ) относительно рода и числа кооперацій въ важнѣйшихъ европейскихъ странахъ. Послѣдній бывшій у

Функціи крестьянскихъ ассоціацій касаются прежде всего организаціи сельскаго кредита,—это старѣйшій и наиболѣе распространенный видъ товариществъ, ведущій свое начало отъ Шульце-Делича [1]); далѣе слѣдуютъ товарищества для совмѣстнаго пріобрѣтенія машинъ, закупки удобреній и под.; товарищества для совмѣстной продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ, кооперативныя молочныя, сыроварни и т. д. Конечно, въ этихъ кооперацiяхъ участвуютъ не только крестьяне, но и крупные производители; но для насъ важно установить безспорный фактъ выступленія именно крестьянъ на поприще кооперацiи.

Подробное изложеніе вопроса о сельскохозяйственныхъ кооперацiяхъ потребовало бы цѣлаго изслѣдованія; насъ этотъ вопросъ интересуетъ здѣсь лишь въ связи съ выясненіемъ основныхъ моментовъ развитія крестьянскаго хозяйства. Потому ограничимся самыми основными цифрами.

Въ Прусской Монархіи по отчету Centralgenossenschaftskasse 28 февраля 1897 года было всего 6,958 товариществъ съ 965,160 членами. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ это сельскохозяйственныя товарищества. 2,111 съ 128,115 членами принадлежатъ къ Оффенбаховскому союзу, 1572 съ 110,205 членами къ Нейвидовскому и 1841 съ 398,497 принадлежатъ къ союзу Шульце-Делича. Двѣ первыя группы обнимаютъ исключительно сельскохозяйственныя, послѣдняя по преимуществу промышленныя, городскія. Изъ общаго числа товариществъ приходится на долю

ссудныхъ и кредитныхъ товариществъ.	4,455	съ	645,295	членами
закупки сырья	367	„	29,327	„
организаціи сбыта. . . .	43	„	3,724	„
магазинныхъ	12	„	247	„

меня въ рукахъ сборникъ относится къ 1898 году. Statistics of cooperative societies in various countries. Prepared by the Statistical Committee of the Internationale Cooperative Alliance.

[1]) Благодаря кредитнымъ ассоціаціямъ крестьянинъ нерѣдко имѣетъ кредитъ дешевле нежели крупный хозяинъ. Вотъ, напр, по этому поводу новѣйшее свидѣтельство Karl Klawki, относящееся къ восточной Пруссіи. „Относительно кредита въ нашей мѣстности крупный владѣлецъ не имѣетъ никакихъ выгодъ сравнительно съ мелкимъ“ (*Karl Klawki*, l. c., 481. Ср. также выше о сельскихъ кредитныхъ товариществахъ)

производительныхъ . . .	1,239	„ 68,299	челов.
потребительныхъ	605	„ 183,691	„
устройства жилищъ . . .	134	„ 20,950	„
прочихъ	103	„ 13,527	„
сумма.	6,958	„ 965,160 [1])	„

Во Франціи „сельскохозяйственные синдикаты“ узаконены въ 1884 году и съ этого времени растутъ съ чрезвычайной быстротой. Число ихъ составляло въ 1884 году 5, въ 1890—648, въ 1895—1188, въ 1897—1371. Число членовъ въ 1890 году было 234,234, а въ 1897 году уже 438596 [2]).

Сельскохозяйственныя товарищества растутъ повсюду, гдѣ только существуетъ извѣстная гарантія правъ личности и свобода отъ полицейской опеки государства, необходимыя условія для развитія всякой общественной самодѣятельности. Есть всѣ основанія думать, что развитіе сельскохозяйственныхъ товариществъ находится еще въ самомъ началѣ и имѣетъ предъ собой обширное и блестящее будущее.

Для правильной оцѣнки значенія сельскохозяйственныхъ кооперацій слѣдуетъ замѣтить, что эти послѣднія, являясь извѣстнымъ коллективистическимъ восполненіемъ крестьянскаго хозяйства,

[1]) *v. d. Goltz.* Vorlesungen etc. 181. Было учреждено въ годахъ:

	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Сельскохоз. товарищ.	526	699	623	1036	1185	1909	1716	1185
Въ томъ числѣ сырьевыхъ . . .	78	131	72	119	39	60	83	41
Въ томъ числѣ молочныхъ . . .	118	114	139	93	85	181	182	142

(*Ertl und Licht.* Das landwirtschaftliche Genossenschaftswesen in Deutschland. Handbuch für die genossenschaftliche Praxis Wien. 1899. 105).

[2]) Annuaire statistique de la France. 1898. Стр. 214. Рокиньи уже въ 1893 году писалъ: „въ настоящее время существуютъ сельскохозяйственные синдикаты уже во всѣхъ департаментахъ Франціи и Алжира. Ихъ распредѣленіе весьма неравномѣрно. Въ Indre et Loire ихъ появилось болѣе 60, въ Côte d'Or, Yonne, Drôme, Ain, Charente, Isère, Loire et Cher, Marne, Sarthe и др. насчитываютъ отъ 20 до 30 синдикатовъ и даже болѣе; прочіе департаменты, и болѣе важные, какъ Allier, Ardennes, Calvados, Loire—Inférieure, La Manche, La Mayenne, Nièvre, Nord, Oise и др. имѣютъ только отъ 2 до 3“ (Comte *de Rocquigny.* Les syndicats agricoles et le socialisme agraire. 1893. Paris. Стр. 25). Свѣдѣнія о распространенности синдикатовъ см. также въ позднѣйшемъ его сочиненіи: La coopération dans l'agriculture etc

въ то же время не уничтожаютъ его основного индивидуалистическаго характера. Наоборотъ, онѣ даже предполагаютъ его какъ условіе своего развитія. Строго говоря, мы имѣемъ здѣсь не коллективизмъ, *не общественное веденіе* хозяйства, но простой случай *общности* индивидуальныхъ интересовъ, которые выгоднѣе удовлетворять сообща чѣмъ порознь. Но каждое изъ кооперирующихъ хозяйствъ ведется на индивидуальный страхъ, при условіи личной экономической самоотвѣтственности [1]). Всѣ проблемы, всѣ трудности веденія хозяйства разрѣшаются индивидуально; кооперація, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ касающаяся обыкновенно одной какой-нибудь *стороны* хозяйства (или нѣсколькихъ), неспособна охватить жизнь его въ цѣломъ. Поэтому представляется близорукостью и утопизмомъ видѣть въ развитіи крестьянскихъ кооперацій шагъ впередъ на пути къ соціалистической организаціи производства. Кооперація развиваютъ *общественность* въ крестьянствѣ, расширяютъ индивидуальный кругъ жизни каждаго изъ участниковъ и пріучаютъ ихъ къ отстаиванію своихъ интересовъ сообща,—и въ этомъ лежитъ великое воспитательное значеніе кооперацій. Но это обобществленіе людей, которое постоянно прогрессируетъ съ ростомъ культуры и для котораго больше всего сдѣлала именно хозяйственноиндивидуалистическая эпоха капиталистическаго производства (вспомнимъ одно развитіе путей и средствъ сообщенія и городской жизни), не есть обобществленіе средствъ производства и непосредственно не связано съ нимъ.

Но много дорогъ ведетъ въ Римъ, и хороша всякая дорога, которая приводитъ къ желанной цѣли. Исключительная узость, съ которой до сихъ поръ разсматривались всѣ вопросы, касающіеся устройства быта трудящихся классовъ и устраненія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, заставляла относиться съ предубѣжденіемъ ко всему, что не носило на себѣ оттѣнка коллективизма. Но, очевидно, предпочтеніе именно такихъ формъ хозяйства осно-

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ я расхожусь съ Герцемъ, который видитъ въ кооперацiяхъ способъ распространенія началъ коллективизма и на сельское хозяйство. При всей независимости своихъ выводовъ, Герцъ въ этомъ пунктѣ, повидимому, всетаки остается слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи и, расходясь въ подробностяхъ, не рѣшается разстатся съ общимъ принципомъ Отсюда положительная часть его книги отличается натяжками и вообще слаба. Это не мѣшаетъ тому, что экономическое значеніе крестьянскихъ кооперацій выяснено имъ превосходно.

вывалось, главнымъ образомъ, на томъ представленіи, что этимъ способомъ всего легче и успѣшнѣе могутъ быть ограждены интересы трудящихся классовъ и что въ эту сторону ведетъ естественный ходъ экономическаго развитія. Если данныя научнаго изслѣдованія показываютъ, что для извѣстныхъ сферъ труда такого направленія развитія не существуетъ, и задача обезпеченія части трудящихся классовъ можетъ быть рѣшена другимъ путемъ, то это представленіе должно быть отброшено: средство вообще играетъ подчиненную роль и зависитъ отъ цѣли. Съ этой точки зрѣнія мѣры, укрѣпляющія крестьянское хозяйство и косвенно усиливающія индивидуализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ своемъ родѣ также хороши, какъ мѣры соціальнаго законодательства, принимаемыя въ направленіи роста общественнаго контроля надъ производствомъ. Обобществленіе (конечно, частичное и постепенное) въ одной сферѣ труда, индивидуализмъ (хотя и съ указанными ограниченіями) въ другой,—таковъ долженъ быть лозунгъ демократическаго развитія нашей эпохи.

Въ извѣстныхъ кругахъ до послѣдняго времени стойко держалось мнѣніе, что классъ рабочихъ, пролетаріатъ, отличается и въ нѣкоторомъ смыслѣ противоположенъ классу крестьянъ, собственниковъ. При этомъ упускалось изъ виду, что крестьянская собственность не есть орудіе эксплуатаціи, а условіе приложенія труда и что крестьянинъ такой же рабочій человѣкъ, какъ и „пролетарій“; быть можетъ, разница между ними меньше, чѣмъ между отдѣльными категоріями наемныхъ рабочихъ. Различіе или даже противоположность отдѣльныхъ интересовъ крестьянъ и рабочихъ нельзя отрицать, но развѣ ея не существуетъ и между рабочими отдѣльныхъ профессій? Крестьянство, конечно, не представляетъ однородной массы (это было показано выше), здѣсь происходитъ постоянная борьба теченій дифференцирующихъ и нивеллирующихъ; но развѣ эти различія и даже противоположность отдѣльныхъ интересовъ больше чѣмъ между отдѣльными слоями рабочаго класса, между городскими и сельскими рабочими, между обученнымъ и необученнымъ трудомъ, трэдъ-юніонистами и стоящими внѣ профессіональной организаціи? Вѣдь только полное игнорированіе этихъ различій въ средѣ рабочаго сословія (которыя побуждаютъ иныхъ изслѣдователей отличать отъ четвертаго уже пятое сословіе) и позволяло противопоставлять мнимооднородный рабочій классъ разнородному крестьянству. Рабочіе въ

промышленности, вчерашніе крестьяне, и сегодняшнее крестьянство одинаково являются членами одной демократической семьи. Это сознаніе начинаетъ проникать, повидимому, и въ рабочія партіи, которыя все болѣе теряютъ свойственный имъ прежде крестьянофобствующій оттѣнокъ [1]).

Но между крестьянствомъ и городскими рабочими существуетъ и огромное различіе вытекающее изъ всей разницы въ образѣ жизни и въ экономической обстановкѣ городского и деревенскаго населенія. Въ деревнѣ нѣтъ мѣста для той классовой борьбы, которая для городского рабочаго составляетъ средство къ улучшенію своей участи, здѣсь ее замѣняетъ тяжелая борьба съ природой, которая гораздо труднѣе увѣнчивается успѣхомъ, чѣмъ стачки, законодательныя мѣры и т. д. Въ деревнѣ нѣтъ поэтому и общественно воспитывающаго вліянія этой борьбы (нѣтъ даже, какъ мы видѣли, и для наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ) [2]). Деревенскій житель лишенъ развивающаго вліянія городской жизни, со всѣми ея хорошими и дурными сторонами; конечно, вліянія

---

[1]) Наиболѣе передовой въ смыслѣ свободы отъ сословныхъ предразсудковъ является бельгійская рабочая партія. См. весьма поучительное сочиненіе *Destrée et Vandervelde.* Le socialisme en Belgique. Paris. 1898 *Langerock* Le Socialisme agraire. 1896. Ср. еще новѣйшую работу по тому же вопросу *Hans Freiherr von Steffens—Franweller.* Der Agrarsocialismus in Belgien. Stuttgart. 1900. Munchener Volkswirtschaftliche Studien 36. (Здѣсь хорошо отмѣчены теоретическія неясности въ бельгійской партіи по аграрному вопросу, наряду съ ея практичностью въ политикѣ). Необычнымъ духомъ отличается аграрная программа французской соціалистической партіи 1893 года, гдѣ указывается рядъ мѣръ помощи крестьянству, какъ таковому. Фабіанское общество въ Англіи также поддерживаетъ и Allotments и Small Holdings Act.

[2]) Существующіе или, точнѣе, иногда возникающіе въ деревнѣ классовые антагонизмы не имѣютъ того характера, которымъ отличается классовая борьба въ промышленности. Тамъ это—противоположность интересовъ, проистекающая изъ самыхъ основныхъ условій организаціи производства, а здѣсь лишь спорадически проявляющаяся эксплуатація, обусловленная не столько организаціей производства, сколько разореніемъ отдѣльныхъ хозяйствъ, и возникающая чаще всего на почвѣ задолженности; здѣсь есть индивидуальная эксплуатація, но нѣтъ мѣста классовой борьбѣ, какъ общественному явленію. Еще менѣе мѣста для классовой борьбы оставляетъ кредитная зависимость отъ гипотечныхъ учрежденій, при которой нѣтъ непосредственнаго столкновенія интересовъ болѣе или менѣе обширной группы рабочихъ и предпринимателя и гдѣ отношеніе зависимости имѣетъ поэтому также не классовый, а индивидуальный характеръ.

городской жизни и культуры доходятъ и до него, но гораздо труднѣе и слабѣе, чѣмъ до горожанина. Сравнительно съ горожаниномъ, онъ обладаетъ гораздо меньшими политическими интересами,—кругъ его интересовъ, затрогиваемый общимъ законодательствомъ страны, гораздо уже, чѣмъ другихъ категорій рабочихъ: достаточно указать, что для крестьянъ не имѣетъ значенія вся область соціальнаго законодательства; мѣры, затрогивающія его экономическіе интересы, гораздо больше связаны съ мѣстнымъ управленіемъ, нежели общимъ законодательствомъ, хотя, конечно, расширеніе общегражданскихъ правъ, правъ личности, является одинаково важнымъ какъ для крестьянина, такъ и для рабочаго.

Такимъ образомъ, если прогрессъ городскихъ или вообще промышленныхъ рабочихъ является, въ извѣстной мѣрѣ, автоматическимъ, то въ деревнѣ нѣтъ ни одного изъ условій, вызывающихъ этотъ автоматическій прогрессъ. Каждый шагъ по пути его здѣсь долженъ быть положительнымъ завоеваніемъ; культура входитъ тутъ съ той незамѣтной постепенностью, съ какой протекаютъ естественные процессы въ природѣ. Культурный уровень здѣсь долженъ быть созданъ, а не отвоеванъ въ соціальной борьбѣ: положительные элементы задачи перевѣшиваютъ отрицательные, а извѣстно, насколько труднѣе всякія положительныя задачи, чѣмъ отрицательныя. Если бы былъ поставленъ вопросъ, въ чемъ больше всего нуждается деревня отъ города, то слѣдовало бы отвѣтить не колеблясь: въ знаніи, знаніи и знаніи. Большая культурность, большая сознательность населенія дастъ ему силы для болѣе успѣшнаго разрѣшенія всѣхъ, ставящихся предъ нимъ, задачъ. Устраненіе культурной пропасти между городомъ и деревнею составляетъ одну изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ, которыя XIX вѣкъ оставляетъ XX. Кто скажетъ, въ какой формѣ будетъ разрѣшена эта великая задача...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Судьбы Ирландіи.

1) Періодъ до кризиса 1847 года.

Судьбы Ирландіи представляютъ собою нѣчто исключительное въ исторіи. Другого примѣра столь систематическаго и всесторонняго насилія—экономическаго, политическаго, религіознаго, какое англійскій народъ причинилъ ирландскому народу, кажется, не знаетъ исторія. Это—всемірноисторическое преступленіе, настолько колоссальное, настолько возмутительное, что самые сильные выраженія недостаточны, чтобы заклеймить его. Когда говорятъ объ Ирландіи, языкъ негодованія узнаютъ самые смирные люди. Исторія Ирландіи втеченіе полутысячелѣтія представляетъ сплошной рядъ возстаній, междоусобныхъ войнъ, голодовокъ,—море крови и океанъ слезъ. Едва ли найдется въ исторіи другого народа столько высокотрагическихъ страницъ, на которыхъ огнемъ и мечемъ запечатлѣны самыя страстныя человѣческія чувства,—любви къ несчастной угнетенной отчизнѣ, и ненависти къ британскому вампиру. Эту ненависть сыны Ирландіи уносятъ съ собой и за Атлантическій океанъ, откуда Великобританію настигаетъ месть феніевъ, они скрываютъ ее подъ личиной коварства, чтобы тѣмъ вѣрнѣе подстеречь врага, они даютъ ей исходъ открытыми возстаніями. Гдѣ пролито столько крови и перечувствовано столько ненависти, господство обычной морали прекращается,—тамъ есть только право силы да упоительное чувство мести.

Исторія Ирландіи со стороны наиболѣе драматической, именно политическая и религіозная, остается, конечно, внѣ нашего изложенія. Мы остановимся только на одной сторонѣ ея—экономической. Экономическая исторія Ирландіи совершенно непонятна безъ при-

нятія во вниманіе основного фактора всей ирландской исторіи,— насилія Великобританіи, опредѣляющаго собою все новѣйшее развитіе Ирландіи. Именно благодаря этому обстоятельству изученіе исторіи экономическаго развитія Ирландіи представляетъ необыкновенный теоретическій интересъ. Судьбы Ирландіи представляютъ собой родъ эксперимента, котораго такъ не достаетъ соціальной наукѣ, скажу больше, родъ вивисекціи, подобной тѣмъ, которыя производятся натуралистами у животныхъ, чтобы опредѣлить значеніе того или другого органа. Благодаря этимъ особеннымъ условіямъ Ирландія даетъ рядъ какъ бы спеціальныхъ иллюстрацій теоретическимъ положеніемъ, развитымъ въ предыдущей главѣ.

Въ экономической исторіи Ирландіи до сихъ поръ главный интересъ привлекали къ себѣ специфическія аграрныя отношенія и ихъ развитіе [1]); но, насколько мнѣ извѣстно, не было дано общей картины всего народнохозяйственнаго развитія страны. Мы сдѣлаемъ попытку нарисовать именно эту картину.

Для того, чтобы получить ключъ къ пониманію новѣйшей исторіи Ирландіи, мы должны углубиться въ *XVII* и *XVIII* вѣкъ, эпоху, когда закладывался фундаментъ капиталистическаго хозяйства въ Англіи, и познакомиться съ тѣми мѣрами, которыя Англія принимала для подавленія ирландской промышленности.

Согласно свидѣтельствамъ всѣхъ болѣе или менѣе компетентныхъ авторовъ, писавшихъ объ ирландской промышленности, Ирландія обладаетъ весьма серьезными данными для развитія собственной промышленности; можетъ быть, онѣ и не таковы какъ въ Англіи, но превышаютъ, напр., естественныя данныя Шотландіи, имѣющей, какъ извѣстно, довольно развитую промышленность [2]). Въ особенности благопріятны естественныя условія Ирландіи для торговли: окруженная Атлантическимъ океаномъ, изобилующая прекрасными гаванями, она по естественнымъ условіямъ должна была бы сдѣлаться центромъ міровой торговли, затмивъ свою сосѣдку Великобританію. Тучныя поля и, въ особенности, пастбища, хотя и страдающія отъ чрезмѣрной влажности климата, могли

---

[1]) На русскомъ языкѣ мы имѣемъ обстоятельную монографію по исторіи ирландскаго арендnаго законодательства: *А. Мануиловъ*. Ирландскія аренды. Москва. 1895.

[2]) Ср. напр. *Robert Kane*. The industrial resources of Ireland. 2-nd edition. Dublin. 1845. Ср. также *Mac Nell*. English Interference with Irish Industries. Стр. 16—18.

бы сдѣлать изъ Ирландіи первоклассную и по земледѣлію страну [1]). Однимъ словомъ, Ирландія имѣла всѣ природныя данныя для блестящаго экономическаго развитія. Но то. чѣмъ надѣлила природа, уничтожили люди [2])...

До эпохи Реставраціи надъ ирландской промышленностью не тяготѣло никакихъ запрещеній, но народъ былъ введенъ Кромвелевскими войнами въ страшную нищету. По заключеніи мира толпы кромвелевскихъ солдатъ, составлявшихъ цвѣтъ англійскаго ума и энергіи, были посажены на лучшія ирландскія земли, такъ что промышленные рессурсы страны были, главнымъ образомъ, въ ихъ рукахъ. Страна была по преимуществу пастушескою, а главнымъ источникомъ богатства былъ вывозъ скота въ Англію. Англійскіе землевладѣльцы скоро завопили. что конкурренція Ир-

---

[1]) Безпристрастный Лекки даетъ слѣдующую общую характеристику. „въ Шотландіи со времени Уніи 1807 года была установлена полная свобода торговли съ Англіей и колоніями. и, какъ послѣдствіе этихъ мѣръ, создался могущественный торговый классъ, принося съ своимъ развитіемъ привычки къ порядку, комфорту и роскоши. Естественныя способности Ирландіи для здороваго развитія были, конечно, выше чѣмъ Шотландіи, хотя онѣ часто и преувеличивались Конечно, ни при какихъ условіяхъ Ирландія не можетъ сдѣлаться въ этомъ отношеніи серьезной соперницей Англіи Она почти совершенно лишена тѣхъ обширныхъ залежей каменнаго угля, отъ которыхъ зависитъ болѣе чѣмъ отъ чего-либо другого промышленная супрематія Англіи. Благодаря чрезмѣрнымъ дождямъ, вызываемымъ близостью Атлантическаго океана, значительная доля почвы представляетъ непересыхающее болото; конечно, большая часть этихъ болотъ можетъ быть осушена дренированіемъ.. Съ другой стороны, большая часть Ирландской почвы исключительно плодородна, по мнѣнію лучшихъ судей, принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ частямъ королевства. Хотя и очень неподходящая для производства пшеницы, она превосходна для другихъ хлѣбовъ и образуетъ одну изъ лучшихъ площадей для пастбищъ во всемъ мірѣ. Ирландскій скотъ былъ всегда превосходенъ, а ирландская шерсть за послѣднее столѣтіе считалась лучшей въ Европѣ Ни одна страна въ мірѣ не снабжена столь удивительно естественными гаванями; она не лишена судоходныхъ рѣкъ; она имѣетъ въ большомъ количествѣ водяную силу, а ея положеніе между старымъ и новымъ міромъ предназначаетъ ее быть великимъ центромъ коммерческихъ сношеній“. (*Lecky* A History of England in the eighteenth century. Third ed. Vol. II. London 1883. Стр. 206–7).

[2]) Очеркъ исторіи англійскаго законодательства относительно Ирландіи основывается, главнымъ образомъ, на капитальномъ изслѣдованіи *Lecky*. A History of England in the eighteenth century. См. въ особенности томъ II, IV и VI

ландіи понижаетъ ихъ ренту. Въ результатѣ въ 1665 и 1680 годахъ были изданы законы, абсолютно воспрещавшіе ввозъ всякаго скота, какъ-то: овецъ, свиней, поросятъ, рогатаго скота, даже сыра и масла въ Англію. Главный источникъ благосостоянія Ирландіи былъ уничтоженъ однимъ ударомъ. Но этимъ дѣло еще не кончилось. У Ирландіи были нѣкоторые зачатки флота. По первоначальному Navigation Act 1660 ирландскія суда имѣютъ еще равныя права съ англійскими, но въ исправленномъ актѣ 1663 года Ирландія была опущена, слѣдовательно, она была лишена всей колоніальной торговли. Никакіе европейскіе продукты (за малыми исключеніями) не могли ввозиться въ колоніи иначе какъ изъ Англіи и на англійскихъ корабляхъ, руководимыхъ англійскими матросами; никакіе товары не могутъ быть отправляемы въ колоніи изъ Европы безъ перегрузки въ Англіи. Въ 1670 году выключеніе Ирландіи было подтверждено, а въ 1696 году были приняты еще болѣе строгія мѣры, запрещающія ввозъ всякихъ товаровъ прямо изъ Ирландіи. „Удобства портовъ и гаваней, которыми природа такъ щедро надѣлила Ирландію,—писалъ нѣсколько позже великій печальникъ земли ирландской Джонатанъ Свифтъ [1])—не болѣе полезны для насъ, чѣмъ великолѣпный пейзажъ для человѣка, посаженнаго въ тюрьму“.

Въ Ирландіи въ эпоху между Реставраціей и Революціей начала развиваться шерстяная промышленность. Послѣ запрещенія вывоза скота, въ Ирландіи стали усиленно разводиться овцы для шерсти. Эта отрасль промышленности не стѣснялась, а даже поощрялась законодательствомъ. Хотя вывозъ сырой шерсти былъ воспрещенъ еще при Карлѣ II, но тотъ же запретъ лежалъ и на Англіи Большой невыгодой являлось, конечно, то обстоятельство, что Ирландія была исключена Навигаціоннымъ Актомъ изъ торговли съ колоніями, но за то ей былъ открытъ цѣлый свѣтъ. Страну охватилъ промышленный энтузіазмъ. Въ шерстяной промышленности были заняты тысячи рукъ, она обнаруживала всѣ признаки процвѣтанія.

Алчный взоръ англійскихъ шерстяныхъ промышленниковъ давно уже съ завистью глядѣлъ на успѣхи Ирландіи. Къ королю стали поступать петиціи сначала отъ палаты лордовъ, а затѣмъ и отъ палаты общинъ съ жалобами на грозящую опасность кон-

[1]) A short View on the State of Ireland. 1727.

курренціи Ирландіи. Въ отвѣтъ на эти петиціи сначала были установлены запретительныя пошлины на ввозъ ирландскихъ шерстяныхъ товаровъ въ Англію, а въ 1669 году былъ изданъ законъ, воспрещавшій вообще ввозъ шерстяныхъ мануфактуратовъ въ Англію. Въ результатѣ этого беззаконнаго закона было полное разореніе шерстяной промышленности. „Ирландія—писалъ Свифтъ нѣсколько лѣтъ спустя—есть единственное королевство, о которомъ я слышалъ или читалъ въ древней и новой исторіи, что за нимъ отрицается свобода вывоза ея природныхъ продуктовъ или мануфактуратовъ, кромѣ странъ, находящихся въ войнѣ съ своимъ собственнымъ королемъ и государствомъ. Этихъ правъ мы лишены въ настоящее время на основаніи одного лишь превосходства силы“ [1]).

Правда,—говоритъ Лекки,—„взамѣнъ было обѣщано поощреніе льняной и пеньковой промышленности, но если даже и можетъ когда-либо явиться справедливымъ принципомъ рѣшать силою закона, чтобы нація лишена была одной или двухъ отраслей промышленности, то нѣтъ пропорціональности между тѣмъ, чего лишается страна и что получаетъ взамѣнъ“ [2]). Льняная промышленность, являющаяся, дѣйствительно, одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности Ирландіи, была совершенно уничтожена во время войнъ Революціи. Сверхъ того, хотя шерстяная промышленность была уничтожена еще въ 1699 году, но до 1705 года льняная не получила обѣщаннаго поощренія; лишь по спеціальной просьбѣ, направленной въ англійскій парламентъ ирландцами, былъ дозволенъ вывозъ хотя свѣтлыхъ и темныхъ льняныхъ тканей—но и только всего—въ британскія колоніи, не дозволено было взамѣнъ привозить колоніальныхъ товаровъ. Ирландская льняная промышленность поощрялась даже преміями, но лишь до 1743 года.

Пеньковая промышленность была такъ разорена, что, несмотря на договоръ 1699 года, совершенно прекратилась. Къ тому же ввозъ парусныхъ тканей въ Англію облагался запретительными пошлинами.

Но и льняныя матеріи, пестрыя, полосатыя и крашеныя, были воспрещены къ вывозу въ колоніи, а ввозъ ихъ въ Англію облагался почти запретительной пошлиной въ 30%; Ирландіи не

---

[1]) Ibid., 8.

[2]) Lecky, l. c., II, 211

дозволено было пользоваться премiей, выдаваемой на вывозъ этихъ товаровъ въ чужiя страны. Словомъ, „для всѣхъ разумныхъ людей—говоритъ Лекки,—стало совершенно очевидно, что Англiя имѣетъ силу и желанiе уничтожать всякую отрасль ирландской промышленности, разъ только она становится настолько преуспѣвающей, чтобы конкуррировать въ какомъ бы то ни было отношенiи съ собственными мануфактурами Англiи. Казалось безполезнымъ болѣе сопротивляться, наступило полное коммерческое отчаянiе“ [1]). Пресловутая льняная промышленность, которая должна была замѣнить шерстяную, развивалась плохо; къ тому же вскорѣ оказалось, что и эта мануфактура стоитъ не прямо, а косвенно поперекъ дороги англiйской промышленности. Боялись, что, если ирландское полотно вытѣснитъ изъ Англiи датское, то датчане могутъ не допустить англiйскихъ шерстяныхъ товаровъ въ Данiю. Потому лордъ High Treasurer распорядился, чтобы патенты выдавались лишь на производство низшихъ сортовъ, и только послѣ продолжительной борьбы сдѣланы были небольшiя уступки.

Первая четверть XVIII вѣка отмѣчена поэтому невѣроятной нищетой. „Бѣднякъ—писалъ Шериданъ въ 1728 году—дошелъ до послѣдней степени бѣдности, его домъ — навозная куча, его пища — кровь его скота или полевая трава“ [2]). Памятникомъ тогдашнихъ бѣдствiй на всѣ времена остается „Скромное предложенiе“ [3]) Свифта, которое Тэнъ справедливо называетъсамымъ ужаснымъ произведенiемъ мiровой литературы. Свифтъ совѣтуетъ убивать и зажаривать дѣтей бѣдныхъ къ столу лэндлордовъ и подробно описываетъ способъ приготовленiя различныхъ блюдъ изъ дѣтскаго тѣла. Никогда еще любовь къ людямъ не облекалась въ столь леденящую и отталкивающую форму какъ въ этой сатирѣ.

Малѣйшiй недородъ превращалъ хроническую нужду въ голодъ. За двадцать лѣтъ было 3 или 4 опустошительныхъ голодовки, въ особенности въ 1740 и 1741 годахъ. Упадокъ

---

[1]) Lecky, II, 213.

[2]) Цитир у Lecky, l. c.

[3]) Вотъ полное заглавiе, подъ какимъ оно впервые появилось въ печати: A modest proposal for preventing the children of poor people in Ireland from being a burden to their parents or country, and making them beneficial for the public. 1729. By *J. S.*

экономической жизни хорошо свидѣтельствуется частнымъ письмомъ отъ 1720 года епископа Никольсона, наблюдавшаго собственными глазами разореніе: „наша промышленность такъ пала, что самые выдающіеся наши купцы, которые прежде платили £ 1,000 на предъявителя, теперь въ теченіе многихъ дней не могутъ достать £ 100. Цѣна за веретено нитокъ (нашъ хлѣбъ насущный) упала съ 2 шил. 6 пенсовъ до 15 пенсовъ, и все остальное измѣнилось въ такой же пропорціи. Наше лучшее мясо, такое же какъ тѣ лучшіе сорта, какіе я когда-либо ѣдалъ въ Лондонѣ, продается ниже $^3/_4$ пенса за фунтъ, и все это, конечно, происходитъ не отъ чрезмѣрнаго богатства товарами, но отъ необыкновеннаго недостатка денегъ“ [1]). „Я радъ

[1]) Lecky, 1 c. Даже въ торійскомъ Quaterly Review, вовсе не склонномъ сгущать краски, читаемъ: „даже теперь, вспоминая эти ужасныя событія, которыя произошли между 1665 и 1669 годами, именно уничтоженіе ирландской промышленности, невозможно не чувствовать хотя отчасти того негодованія, которое кипѣло въ Свифтѣ. Въ 1660 году были всѣ основанія ожидать, что Ирландія въ нѣсколько лѣтъ сдѣлается счастливой и благополучной страной. Нигдѣ на британскихъ островахъ не было почвы столь плодородной, какъ ирландскія пастбища, она могла бы быть для новаго міра тѣмъ же, что Аргосъ для древняго. Она не лишена судоходныхъ рѣкъ; порты и гавани, которыми природа обильно снабдила Ирландію, возбуждаютъ зависть всѣхъ мореходныхъ народовъ, а ея географическое положеніе необыкновенно выгодно для коммерческихъ предпріятій. Въ первый разъ въ теченіе всей ея исторіи здѣсь былъ миръ. Аборигены ассимилировались, наконецъ, съ англичанами Трудолюбивые и промышленные колонисты быстро измѣнили лицо земли Ирландіи. Земледѣліе стало процвѣтать. Началась выгодная торговля живымъ скотомъ и разными продуктами фермерскаго хозяйства съ Англіей; еще болѣе, конечно, выгодная торговля шерстяными мануфактуратами обѣщала развиться. Были даже надежды на обширный торговый союзъ съ колоніями. Но эти дни благополучія скоро миновали. Побуждаемая отчасти завистью и отчасти близорукимъ эгоизмомъ, Англія обратилась къ систематическому разрушенію ирландской торговли и промышленности... Непосредственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ жестокихъ мѣръ (кончая закономъ 1699 года) было обращеніе цвѣтущихъ селеній въ пустыню и предоставленіе общественной благотворительности отъ 20 до 30,000 работоспособныхъ и искусныхъ ремесленниковъ Конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ была полнѣйшая парализація промышленной энергіи, эмиграція единственнаго класса, который былъ полезенъ для общества, и начало періода небывалой нищеты и деградаціи. Положеніе Ирландіи въ періодъ 1700—1750 годовъ было таково, что его не отважится описать ни одинъ историкъ, если онъ не приготовился къ своему разсказу, оста-

былъ бы узнать — писалъ Свифтъ въ своемъ изумительномъ памфлетѣ „A short view on the State of Ireland", гдѣ на нѣсколькихъ страницахъ дается поразительно мѣткая характеристика всѣхъ злоключеній Ирландіи,—тотъ таинственный способъ, которымъ мы могли бы сдѣлаться богатымъ и цвѣтущимъ народомъ безъ свободы, безъ торговли, безъ мануфактуръ, безъ денегъ и права чеканки монеты, безъ сельскохозяйственныхъ улучшеній, ежегодно вывозя болѣе половины прибыли и ренты изъ королевства, изъ чего мы не получаемъ назадъ ни гроша" [1]) (Въ послѣднихъ словахъ содержится намекъ на систему абсентеизма и на финансовую эксплуатацію Ирландіи со стороны Англіи).

Такова была политика Англіи относительно ирландской промышленности. Являясь отрицательнымъ восполненіемъ политики меркантилизма, она стремилась насильственно удержать Ирландію на степени земледѣльческаго государства [2]).

внвъ въ сторонѣ отвращеніе и недовѣріе. Во времена мира несчастный островъ испыталъ всѣ бѣдствія, которыя сопровождаютъ войну. Голодъ слѣдовалъ за голодомъ и опустошалъ деревни, сокращая населеніе цѣлыхъ округовъ" (Цит. у *King.* Swift in Ireland. London 1895. Стр. 69—71).

[1]) Судебъ ирландской промышленности касаются еще его „Letters of the drapier" (письма суконщика). Также письмо къ Роб. Вальполю „The present miserable state of Ireland" (1726) См. *I Bowles Daly.* Ireland in the days of dean Swift. London. 1887. Стр 217—18.

[2]) Грѣхъ Англіи передъ Ирландіей, котораго не можетъ отрицать, конечно, ни одинъ историкъ, былъ оффиціально признанъ въ одной изъ рѣчей консервативнымъ министромъ Чаплиномъ (Chaplin). „Дѣйствительно, англійскій парламентъ и англійскій народъ отвѣтственны за то положеніе страны, благодаря которому населеніе устремилось исключительно на землю, чтобы найти средства существованія. Это не всегда было такъ; въ прежнія времена въ Ирландіи существовали другія отрасли промышленнаго труда, которыя процвѣтали и развились уже до значительной степени, пока не были разрушены, благодаря себялюбивому страху и торговой завистн Англіи,—Англіи, которая была обезпечена возможнымъ соперничествомъ и естественными богатствами, а также энергіей Ирландскаго народа". (Hansard's Parliamentary Debates, 261, Third Series, 851. Цит. у *I. G. Swift Mac Nell.* English interference with irish industries, Preface, VI). Подобное же мнѣніе высказывали Гладстонъ и Брайтъ (ib.), даже и Чемберленъ (*Chamberlain.* Home Rule and the Irish Question. London. 1887. Стр. 18 и слл.). „Это печальный, но безспорный фактъ, что англійское правительство, обязанностью котораго было развивать ирландскія мануфактуры и благосостояніе, начиная со дней короля Вильяма III или положительно вредило ему враждебнымъ законодательствомъ или относилось къ нимъ съ холоднымъ равнодушіемъ". (*I. A. Birmingham.* The

Итакъ, населеніе насильственно было обращаемо къ одному земледѣлію. Что же ждало его тамъ? Всѣмъ извѣстны основныя черты такъ называемой ирландской системы. Крупное землевладѣніе ведетъ и здѣсь свое начало изъ эпохи среднихъ вѣковъ. Землевладѣльцы принадлежали большей частью къ представителямъ англосаксонской расы и епископальной церкви, слѣдовательно и по крови, и по вѣрѣ они были чужими католическому племени кельтовъ, составляющему главную основу ирландскаго населенія. Лэндлорды и мелкіе арендаторы — враги, слѣдовательно, не только по противоположности своихъ экономическихъ интересовъ, но и враги политическіе и религіозные. Если относительно этихъ враговъ считались позволенными и тайныя убійства, и грабежи, и поджоги, то и отношеніе лэндлордовъ къ зависимому отъ нихъ нищему населенію мелкихъ арендаторовъ напоминаетъ крѣпостническія или хуже чѣмъ крѣпостническія отношенія. Даже прекраснодушный А. Юнгъ, совершившій путешествіе по Ирландіи въ 1776, 1777 и 1778 годахъ, теряетъ спокойствіе и самообладаніе, когда говоритъ о дикой наглости и надменности ирландскихъ лэндлордовъ. „Собственникъ ирландскаго имѣнія, населяемаго римско-католическимъ населеніемъ, представляетъ собою родъ деспота (a sort of despot), требующаго отъ бѣдныхъ безусловнаго повиновенія, только не закону, а своей волѣ... Ирландскій лэндлордъ едва-ли можетъ изобрѣсти приказаніе, которое осмѣлился бы не исполнить его рабочій или коттеръ. Онъ не удовлетворится ничѣмъ, кромѣ безусловнаго повиновенія. Невниманіе или вообще все, что можетъ быть принято за дерзость, онъ можетъ наказывать ударами палки или хлыста, съ полной увѣренностью въ томъ, что, если бѣднякъ пошевелитъ руку для защиты, ему будутъ переломаны всѣ кости. Сбиванье съ ногъ есть здѣсь настолько

rise and decline of Irish industries. Dublin. 1884 Стр. 10). Анонимный авторъ (Hutchinson) трактата: The commercial restraint of Ireland considered in a series of letters to a noble lord. Dublin. 1779, изображаетъ съ чрезвычайной ясностью значеніе паденія мануфактуръ: „большая нужда, наступившая въ 1728 и 1729 годахъ и часто повторявшаяся и прежде и послѣ этихъ годовъ, есть рѣшительное доказательство тому, что бѣдность этого королевства причинена уничтоженіемъ мануфактуръ; если мануфактуры не доставляютъ достаточнаго заработка, онѣ не могутъ и покупать избыточнаго продукта земледѣлія; фермеры отвращаются отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ, и въ результатѣ является общая бѣдность и нищета“ (45).

обыкновенное явленіе, что это приводитъ въ ужасъ англичанина. Заслуживающіе довѣрія лэндлорды увѣряли меня, что многіе изъ ихъ коттеровъ будутъ чувствовать себя польщенными, если ихъ жены и дочери будутъ позваны спать съ хозяиномъ,—знакъ рабства, показывающій всю степень угнетенія, при которомъ живетъ этотъ народъ“ [1]). Уэкфильдъ, отецъ знаменитаго экономиста и авторъ капитальнаго изслѣдованія о положеніи Ирландіи въ началѣ XIX вѣка, также говоритъ о „страшной распространенности рабства среди фермеровъ, и о тираніи лэндлордовъ... фермеровъ можно считать здѣсь вполнѣ рабами; ихъ положеніе оказывается немногимъ выше положенія крестьянъ въ Россійской Имперіи“ [2]).

Въ Ирландіи было, кромѣ того, обычнымъ явленіемъ, что лэндлорды, чужіе по крови и вѣрѣ, совсѣмъ не жили въ Ирландіи, гдѣ было столько тягостнаго и непріятнаго, а предпочитали жить въ Англіи и на континентѣ на получаемыя ими ренты. Абсентеизмъ ирландскихъ землевладѣльцевъ является вреднымъ въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, благодаря этому ежегодно изъ страны безъ всякаго эквивалента отвлекается большая или меньшая часть ея годового дохода, равнаго поземельной рентѣ отсутствующихъ владѣльцевъ; это во всякомъ случаѣ чистый убытокъ для страны. Во-вторыхъ, земельный собственникъ, въ которомъ иные хотятъ видѣть носителя опредѣленной экономической функціи, здѣсь выступаетъ во всей своей наготѣ, — въ роли паразита. „Въ Ирландіи — говоритъ Уэкфильдъ — лэндлорды никогда не устрояютъ зданій на своей землѣ и не предпринимаютъ никакихъ издержекъ для улучшенія“ [3]).

Абсентеизмъ создаетъ особенно благопріятную почву для развитія паразитизма, посредничества при передачѣ земли, которое вытягиваетъ послѣдніе соки изъ населенія.

Специфическія аграрныя отношенія сдѣлали еще тяжеле, еще мучительнѣй положеніе населенія, насильственно устремленнаго на одно земледѣліе. При убогомъ состояніи земледѣлія,

---

[1]) *Arthur Young* A Tour in Ireland with general observations on the present state of that kingdom: made in the years 1776, 1777 and 1778 and brought down to the end of 1779. London. 1780. Part II, 29.

[2]) *Edward Wakefield.* An Account of Ireland, statistical and political. In two volumes. London. 1812. I. Стр. 507.

[3]) Ibid. 244.

которое не шло назадъ только потому, что идти ему было некуда [1]), повышающійся спросъ на землю, приводившій къ постоянному ея дробленію, вызывалъ новыя и новыя повышенія арендной платы. „Наши растущія ренты, — писалъ Свифтъ, — выжимаются изъ плоти и крови, а одежда и жилища фермеровъ хуже чѣмъ англійскихъ нищихъ... Понятна дороговизна у насъ съѣстныхъ припасовъ, ибо фермеры не въ состояніи платить столь высокія платы за землю (которыя они принуждены однако платить, иначе имъ остается только нищенство), не поднимая цѣну скота и хлѣба, хотя самимъ имъ приходится питаться мякиной“ [2]).

Не трудно понять, почему въ Ирландіи поземельныя отношенія въ XVIII вѣкѣ не сложились на англійскій манеръ и крупное капиталистическое фермерство не вытѣснило мелкое хозяйство. Для этого было только одно благопріятное условіе, именно на-

---

[1]) Болѣе подробную характеристику ирландскаго земледѣлія мы дадимъ относительно первой половины XIX вѣка, не представляющей существенныхъ отличій въ этомъ отношеніи отъ XVIII. Свѣдѣнія о состояніи земледѣлія въ XVIII вѣкѣ мы найдемъ во многихъ сочиненіяхъ изъ 18-го вѣка, напр. въ цитир. путешествіи А. Юнга. Вотъ какъ характеризуетъ его Crumpe (*Samuel Crumpe.* An Essay on the best means of providing employment for the people. London. 1793, стр. 225—7): „одной изъ главныхъ причинъ отсталаго состоянія ирландскаго земледѣлія является *недостатокъ капитала* у непосредственныхъ воздѣлывателей почвы. Этотъ недостатокъ очевиденъ уже самъ собою по нищенской обстановкѣ и жалкому образу ихъ жизни. Взгляните, вотъ идетъ ирландскій крестьянинъ на работу, босой и одѣтый въ лохмотья; взгляните на его разрушившуюся лачугу, построенную изъ глины, поросшую сорной травой, открытую каждому ливню, каждому пронзительному вѣтру; взгляните, какъ послѣ дня тяжелаго труда онъ собираетъ уцѣлѣвшій отъ огня вереск, покрывающій его поле, отыскиваетъ закоптѣлые плоды и выбираетъ заключающееся въ нихъ небольшое количество сухой муки. Посмотрите на его ферму: повозка, положенная бокомъ, замѣняетъ ворота, отдѣляющія зеленя отъ оберегаемаго пастбища, „на которое бросаетъ голодные и отчаянные взоры его тощая лошадь, если таковая имѣется, или корова: его урожай переполненъ сорной травой; его изгороди валятся, словомъ, все, его окружающее, свидѣтельствуетъ объ его крайней бѣдности... Въ Ирландіи нищій крестьянинъ начинаетъ воздѣлывать нѣсколько акровъ безъ шести пенсовъ въ карманѣ, и не примѣняетъ никакихъ средствъ для смягченія и улучшенія твердой почвы кромѣ лопаты, которую онъ несетъ на плечахъ“.

[2]) A short view etc., 13.

личность перенаселенія, многочисленнаго количества свободныхъ рабочихъ рукъ. Но этого мало. Нуженъ еще рынокъ, между тѣмъ внутренній рынокъ, начинавшій складываться вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, былъ разрушенъ вмѣстѣ съ ея разрушеніемъ. Англійскій же рынокъ былъ огражденъ пошлинами, и доступъ на него затрудненъ. Къ этому слѣдуетъ добавить отсутствіе внутренней безопасности, постоянныя смуты и т. д. Хотя и кажется парадоксальнымъ, тѣмъ не менѣе вѣрно, что мелкіе арендаторы при данныхъ условіяхъ являются выгоднѣй крупныхъ, т. е. платятъ высшую ренту, ибо первые оплачиваютъ право на существованіе, вторые же стремятся и къ полученію средней прибыли.

Въ ирландской исторіи 18-го вѣка есть только одна черта, отчасти напоминающая исторію огораживаній въ Англіи. Около половины 18-го вѣка здѣсь усиливается скотоводство на счетъ земледѣлія въ собственномъ смыслѣ. Обращеніе пашенъ въ пастбища продолжалось и въ первые годы царствованія Георга III, даже съ особенной энергіей, потому что въ это время въ Европѣ случился падежъ скота, благодаря чему возвысился спросъ на скотъ. Въ 1758 году позволено было на 5 лѣтъ ввозить скотъ въ Великобританію.

Послѣдствія этой перемѣны для населенія были крайне прискорбны: множество мелкихъ арендаторовъ были изгнаны, чтобы уступить мѣсто скоту [1]); кромѣ того, были захвачены и „огорожены“ въ значительномъ количествѣ общинныя поля, чѣмъ была подорвана основа существованія многихъ бѣдня-

---

[1]) „Бѣдность въ Ирландіи вслѣдствіе этого—читаемъ мы у Лекки—была поразительна. Въ большей части Ирландіи коттеры были изгнаны въ горы, гдѣ они получили маленькіе клочки земли для картофеля, слишкомъ малые однако, чтобы прокармливать ихъ въ теченіе цѣлаго года. Они поддерживали свое существованіе переходя съ мѣста на мѣсто въ теченіе лѣта и осени и отыскивая себѣ работу. Заработная плата была обыкновенно 6 пенсовъ лѣтомъ и 4 пенса зимою, но и за эту плату трудно было найти работу на продолжительный періодъ. Сбереженія были поэтому невозможны, и народъ зависѣлъ во всемъ своемъ существованіи отъ продукта даннаго года. Ихъ дома и одежды были такъ жалки, что пища была ихъ единственнымъ расходомъ, и высчитывали, что 10 ф. ст. будетъ болѣе чѣмъ достаточно на всѣ годовыя издержки ирландскаго семейства. Но первый плохой годъ ставилъ ихъ лицомъ къ лицу съ голодовкой“ (Lecky, l. c. II, 246—7).

ковъ [1]). Это расширеніе скотоводства насчетъ хлѣбопашества было однако, какъ мы скоро увидимъ, непродолжительно и уступило свое мѣсто обратному процессу, при первомъ измѣненіи условій рынка.

Несмотря на голодовки, несмотря на кричащую нищету, „въ этой странѣ, гдѣ бѣдность,—какъ замѣчаетъ Лекки,—была сильнѣе, чѣмъ, можетъ быть, гдѣ бы то ни было въ Европѣ, не было законовъ о бѣдныхъ“ [2]). Англія и въ этомъ осталась себѣ вѣрна.

Описанныя событія Ирландской исторіи составляютъ прологъ къ исторіи XIX вѣка. Но этотъ прологъ отдѣленъ отъ нея еще рядомъ событій, образующихъ какъ бы порогъ въ эту исторію.

Разрушивъ основныя условія развитія благосостоянія несчастной „экспериментальной“ страны, Англія какъ будто хочетъ

---

[1]) Мы находимъ слѣдующую характеристику общаго положенія вещей въ эту эпоху въ коллективномъ трудѣ, изданномъ подъ общей редакціей и снабженномъ введеніемъ Джемсомъ Брайсомъ· Two centuries of Irish History 1691—1870. London. 1888. Part I. From the treaty of Limerick to the establishment of legislative independence. 1691—1782. By Dr. *Sullivan*, стр. 47. „разрушеніе промышленности, ограниченія торговли, сокращеніе воздѣлываемой площади, превращеніе пахатной земли въ пастбища, уходъ изъ страны рентъ и прибылей благодаря абсентеизму и стоимость ввозимыхъ предметовъ роскоши постепенно привели къ тому, что бѣдность въ королевствѣ достигла тревожныхъ размѣровъ. Деревни и фермы, окруженныя воздѣлываемыми полями, были теперь замѣнены длинными полосами безлѣсной, лишенной человѣческихъ жилищъ, равнины, обитаемой овцами и скотомъ, тогда какъ на худшихъ земляхъ нищее, полунагое крестьянство живетъ въ норахъ и лачугахъ и ведетъ убогое хозяйство, выколачивая голодныя аренды (rack-rents), которыя, возросши, устранили всякую возможность улучшенія въ хозяйствѣ или въ жилищѣ или въ одеждѣ крестьянъ. Домами для джентри служатъ большей частью хижины, покрытыя соломой. Крестьянство всегда живетъ подъ страхомъ голода; оно вступило теперь въ періодъ голодовокъ,—5 или 6 въ теченіе 20 лѣтъ, достигшій апогея въ ужасномъ голодѣ и сопровождающей его эпидеміи, или голодной лихорадкѣ (hunger-fever) 1741 года, когда погибло 400,000 человѣкъ. Земля, которая была до сихъ поръ въ общинномъ пользованіи, была теперь огорожена и сдана скотопромышленникамъ (graziers). Огораживаніе этихъ общинныхъ полей, составлявшихъ земли марки старинныхъ трибъ и являвшихся общественнымъ достояніемъ, стало быть, съ незапамятныхъ временъ, повело къ голодовкѣ среди крестьянъ Типперари и Вотерфорда“ (63—4).

[2]) Ibid. 312—13.

еще подчеркнуть значеніе сдѣланнаго: для этого она на короткое время устраняетъ препятствія къ развитію Ирландіи, какъ бы желая показать, чего именно не хватало ей для экономическаго процвѣтанія, чтобы затѣмъ снова ввергнуть ее въ пучину горя. Послѣдняя четверть XVIII вѣка въ исторіи Ирландіи является необыкновенно поучительной для теоретика, экспериментомъ въ экспериментѣ. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, какъ если бы натуралистъ, вырѣзавъ у собаки половину мозга съ цѣлью изученія функцій этого органа, могъ послѣ нѣкотораго времени снова вложить его и оживить, чтобы увидать измѣненія въ дѣятельности организма въ связи съ присутствіемъ или отсутствіемъ этого органа...

Въ третью четверть XVIII вѣка въ Ирландіи снова начинаютъ обнаруживаться признаки прогресса: ростъ городовъ, улучшеніе дорогъ, плантацій, деревень, ростъ населенія [1]), — все это показываетъ на нѣкоторое движеніе впередъ. По разсчетамъ А. Юнга, рента за 25 лѣтъ, предшествовавшихъ его путешествію (1788), почти удвоилась. Но всетаки оставалась значительная часть населенія, которая постоянно находилась въ нуждѣ и положеніе которыхъ ничуть не измѣнилось со временъ Свифта. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ возстаніе т. наз. Whiteboys, относящееся къ этому времени.

Въ 1773—4 году въ Ирландіи нужда снова обострилась, и тогда въ парламентъ посыпались петиціи о поощреніи мануфактуръ,—ирландцы знали, чего имъ недоставало. Эту просьбу парламентъ, конечно, не удовлетворилъ, но имъ была принята мѣра, выгодная для Англіи, но въ то же время благодѣтельная и для Ирландіи, именно установлены пошлины на вывозъ хлѣба. Актъ этотъ, обыкновенно связываемый съ именемъ Фостера, опредѣлилъ пошлину въ 3 ш. 4 п. на баррель вывозимой пшеницы, если внутри страны цѣна не выше 27 ш. за баррель; въ то же время была наложена пошлина на ввозъ хлѣба, если цѣна опускалась ниже 30 ш. Актъ Фостера совпалъ съ переходомъ Англіи въ

---

[1]) Удовлетворительной статистики ирландскаго населенія въ XVIII вѣкѣ, конечно, нѣтъ. По словамъ Лекки, въ первую половину XVIII вѣка населеніе было неподвижно (Lecky, II, 247). Напротивъ, Martin даетъ слѣдующія цифры: 1712—2,099,094, въ 1725—1,456,000, 1754—2,372,634, 1785—2,845,932 (Ireland before and after the Union with Great Britain by *K. M. Martin*. 3-rd ed. London. 1848 Стр. 168).

число странъ, ввозящихъ хлѣбъ, такъ что рынкомъ для ирландскаго хлѣба явилась сама Англія. Благодаря этому акту пастбища снова стали превращаться въ пашни, распахивались новыя земли; повидимому, площадь пахатныхъ земель расширена была болѣе, чѣмъ это желательно, принимая во вниманіе особенности ирландскаго климата и почвы [1]).

Но настоящее благополучіе наступило для Ирландіи тогда, когда она получила въ 1782 году свой парламентъ и, слѣдовательно, на 18 лѣтъ (до 1800 года, когда была заключена Унія) освободилась отъ систематическаго насилія со стороны Англіи; эта эпоха отличается, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшимъ господствомъ свободы торговли Ирландіи [2]).

Дѣйствіе этихъ перемѣнъ было просто магическое. Всѣ историки единогласно свидѣтельствуютъ, что Ирландія въ эту короткую эпоху законодательной самостоятельности обнаружила всѣ признаки необыкновеннаго процвѣтанія. Lord Clare сказалъ въ 1798 году относительно періода 1782—98 гг., что „нѣтъ ни одной націи во всей вселенной, которая обнаруживала бы столь быстрый прогрессъ въ производствѣ и торговлѣ, въ земледѣліи

---

[1]) Актъ этотъ высоко цѣнитъ Ньюенгэмъ (авторъ двухъ крупныхъ сочиненій объ Ирландіи начала XIX вѣка· *Th. Newenham.* A view of the natural, political and commercial circumstances of Ireland. London 1809. *Его же.* A statistical and historical inquiry into the progress and magnitude of the population of Ireland. London. 1805). По его словамъ, съ этого времени острая бѣдность въ Ирландіи прекратилась, вслѣдствіе высокихъ прибылей земледѣлія процвѣла и промышленность и, при быстромъ ростѣ населенія, увеличивается и благосостояніе; ренты удвоились. (A view, 143). Лекки также находитъ, что „невозможно, конечно, сомнѣваться въ значительности тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли вслѣдствіе этого закона. Огромныя пастбища быстро были обращены въ мелкія хлѣбопашескія фермы, было устроено много хлѣбныхъ мельницъ и развилась хлѣбная торговля. Количество хлѣба, мяса и муки, вывезенное въ теченіе 12 лѣтъ послѣ акта, превосходило количество, вывезенное за предыдущіе 84 года... Произошелъ большой подъемъ ренты“ (Lecky, VI, 357).

[2]) По актамъ 1779 и 1780 года Ирландія получила право свободы торговли, внѣшней и колоніальной, какъ относительно ввоза, такъ и вывоза товаровъ. По акту 1793 года Ирландія получила даже право вывозить въ Англію изъ своихъ магазиновъ заграничные и колоніальные товары. Но она не имѣла права свободной торговли на востокѣ, не имѣла, равнымъ образомъ, права ввоза своихъ товаровъ въ англійскіе порты.

и мануфактурахъ“ [1]). Въ 1795 году объ Ирландіи говорилъ въ парламентѣ Mr. Cuffe: „каково состояніе Ирландіи въ настоящее время? Это — состояніе безпримѣрнаго благополучія. Лэндлордъ получаетъ свою ренту часъ въ часъ; фермеръ находитъ деньги для пріобрѣтенія земли, какъ только она появляется на рынкѣ, и мануфактуристъ находитъ достаточное занятіе и вознагражденіе. Ирландія имѣетъ англійскую конституцію безъ ея долговъ“ [2]).

Если откинуть преувеличенный характеръ этихъ отзывовъ— нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы въ 15 лѣтъ могла быть радикально излѣчена такая глубокая и застарѣлая бѣдность—нужно признать всетаки, что промышленные успѣхи Ирландіи за этотъ періодъ были колоссальны, особенно если принять во вниманіе полное отсутствіе промышленной традиціи и выучки въ населеніи. Столь серьезный историкъ, какъ Лекки, указываетъ, что „за отмѣной стѣсненій, долгое время ослаблявшихъ ирландское благосостояніе, сразу послѣдовало быстрое возрастаніе почти всѣхъ отраслей торговли, въ особенности торговли съ Вестъ-Индіей“. Хлѣбная торговля и льняная промышленность быстро развивались. Но ими не исчерпывается ирландская промышленность въ эту эпоху: развивалась шелковая мануфактура, хлопчатобумажная (послѣдняя была введена только послѣ 1780 года, но уже въ 1785 году предполагали, что она занимаетъ около 30,000 человѣкъ); начинало развиваться производство машинъ для хлопчатобумажной промышленности; стеклянная мануфактура, чулочная мануфактура, пивоваренное дѣло, производство портера и эля,—таковы были отрасли народнаго труда, возникавшія въ это время [3]).

---

[1]) Цитировано у *Murphy*. Ireland industrial, political and social. London. 1870. Стр. 366.

[2]) Цитир въ Two centuries of irish history. From the establishment of legislative independence to the act of union. 1782 — 1800. By Dr. *Sigerson*. Стр. 142.

[3]) Lecky, l. c. Сиджерсонъ даетъ также слѣдующую характеристику этого періода: „какъ показываютъ британскіе оффиціальные отчеты, справедливо, что ирландская торговля и мануфактуры привели къ „значительному сокращенію англійской торговли свѣчами и мыломъ въ Сѣверной Америкѣ и Западной Индіи“. „Какимъ причинамъ приписываете вы эту убыль?“ спросили лорды коммиссіи. „Мы приписываемъ это тому, что до сихъ поръ этой торговлей не овладѣвали ирландцы“. Нѣкоторое понятіе

Но всему этому скоро пришелъ конецъ съ утерей Ирландіей законодательной самостоятельности въ Уніи 1800 года. Ирландскій парламентъ началъ вводить систему таможеннаго покровительства ирландской промышленности, что являлось очевидной необходимостью для ея развитія, въ виду сосѣдства столь опаснаго конкуррента какъ Англія. Въ то же время ирландскому парламенту хотѣлось облегчить доступъ ирландскихъ мануфактуратовъ въ Англію, куда онъ оставался по прежнему затрудненъ. „Ирландскій парламентъ — говоритъ О'Коннель [1])—стремился не къ полной свободѣ торговли между Англіей и Ирландіей,—это могло бы, онъ зналъ, послужить причиной разоренія мануфактуръ Ирландіи", онъ стремился къ умѣренному взаимному покровительству. Испробовавъ всѣ средства склонить англійскій парламентъ къ уступкѣ въ сторону пониженія пошлинъ, ирландскій парламентъ вынужденъ былъ обратиться къ системѣ возмездія (retaliation). Мѣры эти „возбудили своекорыстные интересы Англіи и побудили ее оставить политику невмѣшательства. Проектъ Уніи поэтому ре-

---

о прогрессѣ, сдѣланномъ ирландской промышленностью, можно получить, узнавъ, что отъ 1780 до 1783 года включительно общій вывозъ суконъ или тонкихъ сортовъ шерстяныхъ тканей, выросли съ 8,600 ярдовъ до 538,000 ярдовъ въ круглыхъ числахъ, а болѣе грубыхъ суконъ отъ 490 ярдовъ до 40,500 ярдовъ. 1,000 ярдовъ бумазеи было отправлено въ Америку въ первый годъ, тогда какъ въ послѣдній годъ уже 47,000. Прочія ирландскія мануфактуры развивались подобнымъ же образомъ, и нѣкоторые изъ ихъ продуктовъ появлялись на внѣшнихъ рынкахъ. Этотъ прогрессъ былъ осуществленъ, не слѣдуетъ забывать, при полномъ запрещеніи ввоза въ Британію оружія, сыра, шоколата, перчатокъ, азіатскихъ, африканскихъ или американскихъ продуктовъ, переработанныхъ въ Ирландіи, кружевъ, золотыхъ и серебряныхъ позументовъ, шелка, чулокъ (шелковыхъ), бархата, обработанной слоновой кости, китоваго уса и пр." (l. c. 104—5). Уже извѣстный намъ Crumpe также относится благосклонно къ этой эпохѣ. „Духъ промышленности — писалъ онъ о ней — обнаруживаетъ свою возрождающую силу, пустое и безсмысленное отвращеніе къ привычкамъ торговыхъ или другихъ промышленныхъ занятій пропадаетъ, наблюдается все большій подъемъ въ земледѣліи. Низшіе классы становятся промышленнѣе, зажиточнѣе, самостоятельнѣе... Положеніе крестьянъ со времени окончательнаго умиротворенія королевства, а еще больше со введенія конституціи 1772 года съ каждымъ днемъ улучшается". (*Crumpe.* Essay, 189, 201). О политикѣ Англіи относительно Ирландіи см. еще: *Froude.* The English in Ireland in the Eighteenth Century. 3 vols. 1872—4.

[1]) *John O'Connell.* An Argument for Ireland. Dublin. 1844. Стр. 210 и далѣе.

комендуетъ, чтобы Ирландія взамѣнъ предполагаемыхъ и очевидныхъ для нея выгодъ разомъ понизила до весьма незначительнаго и не могущаго имѣть никакого вліянія уровня пошлины, которыя оберегали ея мануфактуры, а позднѣе и совершенно уничтожить эти пошлины... Выгоды отъ допущенія ирландскихъ товаровъ въ англійскіе порты были уничтожены оговоркой, по которой на нихъ налагались „countervailing duties“ (пошлины для равновѣсія), для того, чтобы компенсировать болѣе тяжелый англійскій акцизъ, взимавшійся съ англійскихъ мануфактуратовъ. Съ другой стороны, англійскіе товары, идущіе въ Ирландію, получаютъ дробакъ (возвратъ пошлины), а, входя въ Ирландію, облагаются значительно низшимъ акцизомъ и, слѣдовательно, на нихъ налагается весьма умѣренная „countervailing duty“ [1]). Въ общемъ же 6-ая статья Уніи, которая касалась торговли, вводила свободу торговли во взаимныя отношенія двухъ странъ и формально ихъ (съ указанными ограниченіями) уравнивала. Спикеръ Ирландской палаты общинъ Дж Фостеръ (позднѣе лордъ Оріоль) справедливо указывалъ относительно 6-ой статьи, что она понижаетъ всѣ охранительныя пошлины и отдаетъ юныя мануфактуры Ирландіи на конкурренцію крупнаго капитала и сыздавна изощреннаго промышленнаго искусства англичанъ, что отъ этого должны пострадать не менѣе 70 продуктовъ, и прежде всего продукты хлопчатобумажной промышленности, которая начала было дѣлать успѣхи, а теперь будетъ разорена, что ирландскимъ товарамъ не дано на англійскомъ рынкѣ преимущества сравнительно съ иностранными и т. д. [2]). Но именно всего этого и добивалась Англія. Актомъ

[1]) O'Connell, 213.

[2]) ibid 210. Коммерческую политику Англіи относительно Ирландіи удачно характеризуетъ французскій путешественникъ Бомонъ: „угнетеніе Ирландіи Англіей ни въ чемъ, можетъ быть, не обнаруживается такъ грубо, какъ въ ея торговой политикѣ Англія хотѣла все продавать Ирландіи и ничего у нея не покупать, что является настолько же безумнымъ, сколько и безразсуднымъ, ибо Ирландія могла вести торговлю только съ Англіей, какъ же тѣ, которые ничего не продаютъ, могли бы что-либо покупать“ (*Beaumont.* L'Irlande sociale, politique et religieuse. 7-me ed. Paris. 1863. II 85) Вся несправедливость образа дѣйствій Англіи сознавалась и *лучшими* изъ англичанъ. Такъ напр. извѣстный чартистъ Ловетъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ своей статьи относительно Ирландіи въ своей автобіографіи: .. „смутное положеніе вещей постепенно искоренили торговлю и промышленность въ Ирландіи, почти уничтожили ея торговый и промышленный классъ... Вмѣсто того чтобы развивать тор-

Уніи былъ положенъ конецъ самостоятельному экономическому развитію Ирландіи. Съ тѣхъ поръ она остается—и по настоящее время—лишь земледѣльческимъ округомъ Великобританіи.

Если животное лишить какого-либо важнаго органа, оно истекаетъ кровью, но живетъ иногда долго, хотя эта жизнь скорѣе напоминаетъ агонію. Такую агонію представляетъ собой исторія Ирландіи въ первую половину XIX вѣка, къ ней мы и обратимся теперь.

Ирландія дѣлается въ это время очагомъ почти непрерывныхъ возстаній, аграрныхъ преступленій, голодовокъ (частныя голодовки были каждый годъ, недоѣданіе было нормальнымъ состояніемъ ирландскаго населенія, большія голодовки были въ 1817, 1822, 1831, 1846—47 годахъ), эпидемій и т. д. Одна за другой назначаются парламентскія коммиссіи для изслѣдованія состоянія Ирландіи (а въ статистикѣ Ирландіи была заведена особая рубрика: agrarian outrages); ирландскій вопросъ постоянно стоитъ въ центрѣ общественнаго вниманія [1]). Благодаря этому у насъ имѣется совершенно достаточно матеріала, чтобы поставить діагнозъ народнохозяйственнаго состоянія эпохи.

При этомъ діагнозѣ чрезвычайно важно выдѣлить, что принадлежитъ общему народнохозяйственному состоянію Ирландіи и что можетъ быть отнесено на счетъ особеннаго ея аграрнаго строя какъ причины, въ извѣстномъ смыслѣ, внѣшней и случайной.

Два основныхъ факта должны быть выдвинуты на первый планъ. Прежде всего, останавливаетъ вниманіе *необыкновенный*

говлей и промышленностью естественные рессурсы страны вмѣстѣ съ ростомъ населенія, значительная часть его была снова возвращена къ землѣ" и т. д. (The life and struggles of *W. Lovett* in his pursuit of bread, knowledge and freedom. London. 1876 Стр 353)

[1]) „Ирландскій вопросъ" имѣетъ огромную литературу. Только лѣнивый не придумывалъ какого-нибудь средства умиротворить несчастную Ирландію или уврачевать ея язвы. Благодаря этому скопилось великое множество памфлетовъ, брошюръ, книгъ, посвященныхъ ирландскому вопросу (въ каталогѣ Британскаго Музея лишь анонимная литература объ Ирландіи занимаетъ цѣлый томъ) Насколько мнѣ удалось познакомиться съ экономической частью этой литературы, она, въ общемъ, малоцѣнна и либо сводится къ повтореніямъ, либо относится къ черезчуръ спеціальнымъ вопросамъ. Большая часть этой литературы не можетъ быть использована въ настоящемъ сочиненіи, хотя, вѣроятно, и была бы способна составить предметъ самостоятельной историко-литературной работы.

приростъ населенія въ эту эпоху. Оставляя въ сторонѣ ненадежныя цифры прошлаго столѣтія, съ котораго начался усиленный приростъ населенія [1]), возьмемъ XIX вѣкъ. Въ 1805 году Newenham исчислялъ населеніе въ 5,395,456, а неполный цензъ 1812 года далъ 5,937,356. Въ 1821 году было 6,801.827, въ 1831 году 7,767,401, въ 1841—8,125,124; слѣдовательно, можно увѣренно сказать, что, начиная съ конца 18-го вѣка, населеніе удвоилось за 50 лѣтъ. „Вѣроятно ни одна страна въ въ мірѣ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ существуетъ обширный запасъ невоздѣланныхъ и плодородныхъ земель, не увеличивала своего населенія такъ быстро, какъ Ирландія“ [2]).

Второй основной фактъ экономическаго развитія Ирландіи въ этотъ періодъ является *пониженіе или во всякомъ случаѣ неизмѣнное состояніе емкости территоріи относительно населенія* вслѣдствіе разрушенія Ирландской промышленности и общаго регрессивнаго развитія производительныхъ силъ страны. Разцвѣтъ ирландской промышленности въ концѣ *XVIII* вѣка послужилъ толчкомъ для быстраго прироста населенія; такое же значеніе имѣло и превращеніе пастбищъ въ пашни и чрезвычайное развитіе производства зерновыхъ хлѣбовъ, вызванное необычайно высокимъ (военнымъ) уровнемъ цѣнъ въ началѣ XIX вѣка въ Англіи [3]). Наконецъ, своеобразнымъ исходомъ для населенія являлась военная служба, которая отвлекала населеніе въ началѣ XIX вѣка (извѣстно, что Ирландія поставляетъ въ особенно большомъ количествѣ рекрутовъ для Англіи). Но всѣ эти условія, способствовавшія приросту населенія, исчезли одно за

---

[1]) Montgomery Martin даетъ для 1785 года цифру 2,845,932 (Ireland before and after the Union), а Cairnes даетъ для 1792 года 4,088,000. (*Cairnes.* Political Essays. Fragments on Ireland. London. 1873). Цифра Кэрнса правдоподобнѣе, потому что она болѣе подходитъ къ цифрамъ XIX вѣка.

[2]) Montgomery Martin, l. c. 168.

[3]) Относительно этого „хлѣбнаго“ прироста населенія въ концѣ XVIII вѣка вполнѣ справедливо замѣчаетъ Лекки: „значительный и внезапный приростъ благосостоянія никогда не можетъ считаться прочнымъ благодѣяніемъ для непредусмотрительнаго и невоспитаннаго народа. Хлѣбныя преміи, кажется, въ значительной степени содѣйствовали тому крайнему дробленію фермъ, которое впослѣдствіи оказалось столь гибельнымъ; способы обработки, направленные къ скорому полученію крупныхъ урожаевъ, истощили и обѣднили почву; ростъ населенія превзошелъ всякую мѣру, опредѣляемую рессурсами страны“. (Lecky, l c VI, 358).

другимъ. Промышленность была частью разрушена, частью парализована Уніей. Высокій уровень цѣнъ военнаго времени смѣнился низкимъ, который привелъ къ кризису 20 годовъ (то, что въ Англіи было кризисомъ, въ Ирландіи, естественно, вызвало голодъ 1822 года), война прекратилась, а вмѣстѣ съ ней и усиленный спросъ на рекрутовъ. Приростъ же населенія не только не прекратился, но какъ будто все увеличивался.

Неизбѣжнымъ результатомъ такого направленія развитія должно было явиться *перенаселеніе*, т. е. превышеніе наличнымъ населеніемъ производительныхъ рессурсовъ страны. Непосредственнымъ слѣдствіемъ перенаселенія является, естественно, переполненіе всѣхъ наличныхъ сферъ труда, недостатокъ занятій (want of employment), безработица. Безработица при этомъ проистекаетъ не изъ опредѣленныхъ особенностей данной народнохозяйственной организаціи (напр. капиталистической), но изъ общаго превышенія населеніемъ емкости территоріи, соотвѣтствующей данной ступени развитія производительныхъ силъ.

Перенаселеніе въ указанномъ смыслѣ есть основная болѣзнь Ирландіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Рискуя быть утомительнымъ, я приведу рядъ выдержекъ изъ оффиціальныхъ парламентскихъ отчетовъ, подтверждающихъ это въ высшей степени важное положеніе.

Въ первомъ отчетѣ коммиссіи о болѣзняхъ и общемъ состояніи „трудящихся бѣдныхъ“ въ Ирландіи[1]), относящемся къ 1819

[1]) Поводомъ къ назначенію этой коммиссіи послужили бѣдствія 1817 года, слѣдующимъ образомъ описываемыя историкомъ: „урожай овса въ 1817 году былъ плохъ по качеству и скуденъ. Урожай картофеля былъ хорошъ, мѣстами даже превосходенъ, но вслѣдствіе неблагопріятной погоды его уборка сопровождалась многими трудностями и малыми результатами. А инымъ нечего было и убирать, потому что урожай ихъ былъ конфискованъ за долгъ. Тифъ всегда былъ эндемической болѣзнью въ Ирландіи. Усиливаемый какими-то неуловимыми атмосферными измѣненіями, онъ могъ теперь свирѣпствовать относительно слабыхъ организмовъ, жизненная сила которыхъ доведена до минимума нуждой, вынужденною праздностью, отчаяніемъ. Толпы голодающихъ семействъ были выгнаны изъ своихъ жилищъ на чердаки и въ подвалы ближайшихъ городовъ; но мѣрѣ того какъ надежда найти работу изчезала, и бѣдняки тщетно переходили изъ одного города въ другой, они начинали вести жизнь безцѣльнаго бродяжничества, питаясь дикой рѣпой и крапивой въ случаѣ отсутствія милостыни и умирая отъ этого. Отъ Доннегала до Вэксфорда, отъ Керри до Арма, едва-ли можно было найти хоть одно

году[1]), мы читаемъ: въ Вотерфордѣ „царитъ страшная бѣдность; вслѣдствіе неурожая въ 1816 году недостатокъ былъ такъ значителенъ, что почти вызвалъ голодъ; погода была чрезвычайно дождлива. Вмѣстѣ съ этимъ зломъ, недостатокъ занятій (want of employment), проистекающій изъ перехода отъ войны къ миру, и упадокъ или отсутствіе мануфактуръ содѣйствовали въ высокой степени развитію бѣдности. Производство тканей, прежде довольно обширное, за послѣдніе годы значительно сократилось. Одинъ изъ инспекторовъ коммиссіи о выздоравливающихъ недавно посѣтилъ нѣсколько комнатъ ткачей, и во всѣхъ нихъ нашелъ за работой по одному только веретену“ (12). Въ Керри „топливо рѣдко и дорого; фермеры вообще въ упадкѣ, вслѣдствіе перехода отъ войны къ миру; нищіе бродятъ толпами по странѣ, въ поискахъ пищи; значительный недостатокъ занятій и почти ни одной мануфактуры въ городахъ“ (20). „Общая бѣдность и недостаточность занятій,— читаемъ мы во второмъ отчетѣ той же коммиссіи—настолько замѣтны, что нѣтъ необходимости для коммиссіи обременять приложенія къ отчету (Appendix) спеціальными показаніями для опредѣленія размѣровъ зла“ (95). „Что населеніе, избыточное сравнительно съ размѣрами рынка на трудъ, существуетъ и увеличивается въ Ирландіи, есть фактъ, требующій самаго серьознаго вниманія законодательства; поэтому—осмѣливаются добавить авторы отчета—является не только дѣломъ гуманности, но и государственной политики дать разумное поощреніе промышленности въ этой части имперіи“ (97)[2]).

село, свободное отъ этого. Лихорадка была въ высшей степени заразительна; ею поражались доктора, священники, сидѣлки Тѣхъ, кто пытался найти пріютъ въ хижинѣ, будучи нерѣдко привычнымъ ея обитателемъ, выносили на воздухъ и клали у дороги подъ грубымъ и неудобнымъ навѣсомъ изъ вѣтокъ и соломы надъ головами. Пища подавалась имъ прохожими, суровая погода была для нихъ менѣе гибельна, чѣмъ зараженный воздухъ хижинъ“ (Two centuries of Irish history: From the Union to Catholic Emancipation 1801—1829. By Dr. I. H. Bridges. Стр. 226).

[1]) First Report from the Select Committee on the State of Disease, and Condition of the Labouring Poor in Ireland. 1819. Appendix

[2]) Нѣкоторыя изъ самыхъ интересныхъ свидѣтельскихъ показаній привожу въ примѣчаніи Свид. А. Nimmo относительно Керри: „число бѣдныхъ въ сѣверной части страны такъ велико, а недостатокъ заработка такъ значителенъ, что нѣсколько сотъ человѣкъ нанялись недавно въ сосѣднемъ графствѣ Лимрикѣ рабочими по 4 пенса въ день. Зарабатываютъ-ли они себѣ, такимъ образомъ на харчи? Конечно, нѣтъ Бѣдные,

Голодъ 1822 года вызвалъ новую коммиссію о „занятіяхъ для бѣдныхъ“ въ Ирландіи [1]). По словамъ отчета этой коммиссіи [2]), „дистрикты, пораженные бѣдствіемъ, равны по размѣру половинѣ всей Ирландіи“ (4). Голодъ случился подъ непосредственнымъ вліяніемъ неурожая картофеля и недорода другихъ хлѣбовъ. Однако,—по довольно туманному утвержденію авторовъ отчета, — это произошло не вслѣдствіе абсолютнаго недостатка хлѣба. „Бѣдствіе 1822 года вызвано, можно сказать, не столько недостаткомъ пищи самимъ по себѣ, сколько недостаткомъ доходныхъ занятій. Въ нѣкоторыхъ дистриктахъ, какъ напр. въ Clonekelty (Cork), гдѣ былъ неурожай картофеля, но гдѣ нѣкоторая часть населенія была занята въ обрабатывающей промышленности, ни одно лицо, занятое въ льняномъ производствѣ, не подавало, можно сказать, повода къ зачисленію его въ ряды нуждающихся въ пособіи. Эта особенность въ характерѣ послѣдняго бѣдствія въ Ирландіи, какъ кажется коммиссіи, проистекаетъ изъ общей зависимости крестьянства отъ пищи, производимой ими самими (т. е. отъ натуральнаго характера хозяйства, сказали бы мы теперь). Если продуктъ картофельнаго поля крестьянъ не родится, они не привыкли обращаться къ рынку, а при томъ они рѣдко и располагаютъ средствами для покупки“ (5). „По мнѣнію ком-

---

живущіе въ селеніи Hospital, были такъ раздражены этими условіями найма ихъ въ рабочіе, что напали на хозяевъ и почти совсѣмъ убили нѣсколькихъ изъ нихъ, нѣкоторые же потомъ и умерли“ (101).

[1]) Голодъ 1822 года характеризуется слѣдующими чертами. „Въ апрѣлѣ голодъ, который на годъ прекратился, снова появился съ внезапностью, свойственной странѣ, гдѣ каждый человѣкъ возвращаетъ свою собственную пищу и рыночныя цѣны не даютъ обычныхъ предостерегающихъ указаній. Когда небольшая часть урожая, которую удалось собрать, была съѣдена, цѣна внезапно поднялась отъ полутора пенсовъ до 6 пенсовъ за стону. Въ графствѣ Клэръ, согласно отчетамъ изъ Barony of Clonderalow, 13,000 человѣкъ остаются безъ сѣмянъ на будущую жатву Въ приходѣ Fmloe 7 или 8 человѣкъ умерло отъ голода. По всему Galway, Sligo, Kerry, Cork шли тѣ же самые слухи, съ еще болѣе мрачными варіантами. Люди спрашивали, за какія преступленія полагается заключеніе въ тюрьмѣ, потому что въ тюрьмахъ кормятъ. И также, какъ 4 года тому назадъ, вслѣдъ за голодомъ послѣдовалъ тифозная лихорадка (typhus fever) Четверть милліона людей содержались на частную благотворительность; полмилліона было вотировано парламентомъ“. (Bridges, l. c. 275).

[2]) Report from the Select Committee on the Employment of the Poor in Ireland. 1823

миссіи, существуетъ въ умахъ народа значительная тревога относительно пріисканія заработка (a great anxiety for labour). Крестьянство на сѣверѣ и югѣ въ извѣстное время года бросаетъ свои дома въ поискахъ за занятіями... (6). „Можетъ быть, ближайшею причиной этому является быстрый приростъ населенія... Промышленность не возрасла въ требуемой пропорціи, а спросъ на трудъ значительно уменьшился, если сравнить съ числомъ лицъ, ищущихъ занятій“ (7). Этой коммиссіи было допрошено много свидѣтелей, въ томъ числѣ Робертъ Овэнъ, путешествовавшій по Ирландіи съ цѣлью изученія причинъ ея бѣдствій. На вопросъ: „какимъ причинамъ приписываете вы бѣдность, господствующую въ такихъ размѣрахъ въ Ирландіи?“ великій идеалистъ не обинуясь отвѣтилъ: „недостаточности средствъ, которыя способствовали бы приложенію силъ населенія къ промышленности въ его собственныхъ интересахъ, а также существованію системы, которая постоянно вызываетъ и поддерживаетъ религіозную вражду“ (70) [1]). Овенъ развиваетъ далѣе планъ кооперацій для Ирландіи [2]). Свид. Hyett показалъ, что ближайшую причину бѣдствія онъ видитъ въ неурожаѣ, а общую въ „want of employment“. Свид. Brakenridge: „какъ вы думаете, могло-ли бы приложеніе добавочнаго капитала въ мануфактурахъ улучшить состояніе земледѣлія въ Ирландіи? Да, потому что большее число народа найдетъ занятіе и будетъ, получая заработную плату, которой теперь не получаетъ, тратить эти деньги на покупку пищи и другихъ предметовъ потребленія; большая часть изъ нихъ будетъ чрезъ это отвлечена отъ земли.— Было-ли бъ также благодѣтельно для земледѣльцевъ Ирландіи,

---

[1]) Частичное осуществленіе идей Овена было испытано въ Ралахайнѣ ученикомъ Овена Ванделеромъ (Исторія Ралахайнскаго эксперимента разсказана мною въ статьѣ въ журналѣ „Міръ Божій“, II, 1900). Предпріятіе Ванделера шло въ разрѣзъ съ условіями времени и было всецѣло связано съ личностями его руководителей, оно не представляетъ поэтому интереса въ экономическомъ отношеніи, а любопытно скорѣе, какъ примѣръ того, что̀ можетъ при случаѣ сдѣлать крупная личность даже „противъ теченія“ исторіи.

[2]) Овенъ показалъ, между прочимъ, что онъ „нигдѣ, ни въ какой странѣ не видѣлъ столь большого количества лицъ безъ полезнаго занятія, которыя были бы вмѣстѣ съ тѣмъ столь недостаточно снабжены обыкновенными предметами необходимости для человѣческаго существованія и удобства“ (156).

еслибы спросъ на земледѣльческіе продукты существовалъ, но исходилъ бы изъ Англіи? Не думаю, потому что тогда Ирландія осталась бы обременена значительнымъ количествомъ безработныхъ.—Развѣ представляетъ важность для земледѣльцевъ, исходитъ-ли спросъ отъ промышленнаго населенія своей собственной страны или другихъ странъ? Конечно, и не только для земледѣльца, но и для всякаго члена общества. Земледѣліе и мануфактуры содѣйствуютъ процвѣтанію другъ друга; мануфактуры могутъ съ наибольшимъ успѣхомъ вестись тамъ, гдѣ производится не только пища для промышленнаго населенія, но и сырой матеріалъ въ значительномъ количествѣ; а равно и земледѣліе выигрываетъ отъ спроса, который создается для его продуктовъ со стороны промышленнаго населенія. Такимъ образомъ, при соединеніи земледѣлія съ мануфактурами, разумѣется, такими, которыя соотвѣтствуютъ естественнымъ условіямъ страны, цѣнность продукта, а, слѣдовательно, и возможность найти заработокъ будетъ больше, нежели тамъ, гдѣ населеніе занято только земледѣліемъ или промышленностью. Страна не можетъ находиться въ цвѣтущемъ состояніи, пока ея продукты всѣ одного рода и пока она зависитъ отъ другой страны не только изъ-за сбыта для своего продукта, но также и изъ-за снабженія продуктами обрабатывающей промышленности, насколько они могутъ требоваться“ (156). Это замѣчательное показаніе обнаруживаетъ въ свидѣтелѣ чрезвычайно тонкое пониманіе положенія Ирландіи и ея дѣйствительныхъ нуждъ.

Подобныя же показанія давались предъ коммиссіей, назначенной для изслѣдованія о волненіяхъ въ Ирландіи и засѣдавшей въ 1824 году [1]). Приведемъ нѣкоторыя. Свид. судья Day показалъ, что причиной возстанія является недостатокъ занятій (want of employment). Недостатокъ занятій въ графствѣ Керри происходилъ и происходитъ отъ недостатка мануфактуръ и отъ отсутствія большинства владѣтельныхъ лордовъ“ и т. д. (247) Свид. свящ. M. Collins: „я вижу значительную причину недостатка и нищеты въ томъ, что у насъ не существуетъ ничего, что могло бы отвлечь избыточное населеніе отъ исключительной зависимости въ добываніи средствъ существованія отъ земледѣлія“

[1]) Minutes of evidence taken before the select committee appointed to inquire into the disturbances in Ireland, in the last session of Parliament 13 th May—18 th June 1824 London. 1825.

(362). Подобныя же показанія дѣлались и предъ коммиссіей 1825 года для изслѣдованія состоянія Ирландіи [1]). Такъ напр. свид. Horton заявляетъ: „я разсматриваю, какъ доказанный фактъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи населеніе можетъ считаться избыточнымъ (redundant), въ томъ смыслѣ, что предложеніе труда весьма не соотвѣтствуетъ спросу“ (5).

Уже извѣстная читателю эмиграціонная коммиссія въ своемъ третьемъ отчетѣ (посвященномъ спеціально Ирландіи) говоритъ слѣдующее [2]). „Коммиссія считаетъ необходимымъ остановиться на крайней бѣдности большей части крестьянства во многихъ частяхъ Ирландіи... Каковы бы ни были сложныя причины, ее вызвавшія, неоспоримъ тотъ фактъ, что, вообще говоря, здѣсь существуетъ избытокъ труда по сравненію съ постояннымъ на него спросомъ, который свелъ и продолжаетъ сводить заработки рабочаго до самаго низкаго, какой только возможенъ, уровня необходимыхъ средствъ существованія. Изъ показаній свидѣтелей обнаруживается, что частныя лица часто занимаютъ рабочихъ за эту низкую плату по скорѣе мотивамъ гуманности, чѣмъ изъ-за какого-нибудь интереса“ [3]).

---

[1]) First Report from the select committee on the State of Ireland 1825. London. 1825.

[2]) Third Report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1827.

[3]) Любопытны дальнѣйшія разсужденія коммиссіи по этому вопросу: „Палата знаетъ, что въ Ирландіи въ качествѣ средства улучшить дѣло обыкновенно указывается возможно быстрое привлеченіе въ Ирландію капитала. Но коммиссія желаетъ особенно обратить вниманіе палаты, что зло перенаселенія, порождающее избытокъ спроса надъ предложеніемъ, увеличивается и утяжеляется само собою, и это будетъ продолжаться, пока не будетъ принято мѣръ для его ограниченія, оно можетъ даже предотвратить приложеніе капитала, который своимъ появленіемъ могъ бы уменьшить избытокъ рабочей силы, установивъ большую равномѣрность между предложеніемъ и спросомъ на трудъ. При настоящихъ условіяхъ, мнѣніе относительно необезпеченности собственности въ Ирландіи, проистекающей изъ состоянія населенія, должно препятствовать привлеченію сюда капитала; другими словами, никто не захочетъ основать обширную мануфактуру или произвести значительныя земледѣльческія улучшенія въ странѣ, въ которой было и можетъ снова вспыхнуть возстаніе и въ которой его доходы подвергаются, слѣдовательно, опасности въ случаѣ наступленія такого событія“ (6). Эта коммиссія, въ числѣ другихъ свидѣтелей, вызывала и Роберта Мальтуса, показанія котораго и можно найти въ Minutes of evidence. Интересныя

Подобныя же свѣдѣнія можно почерпнуть и изъ отчета 1830 года коммиссіи о бѣдныхъ въ Ирландіи [1]). Здѣсь читаемъ: „коммиссія съ прискорбіемъ должна констатировать, что весьма значительная доля населенія можетъ считаться неимѣющей занятій. Число такихъ лицъ опредѣляется различно, и Mr. Smith предполагаетъ, что оно составляетъ пятую всего населенія. Mr. Ensor идетъ еще далѣе и опредѣляетъ эту долю равной четвертой части. Отъ этого недостатка спроса на трудъ съ необходимостью проистекаетъ весьма жестокая бѣдность среди рабочихъ классовъ А это, въ соединеніи съ измѣненіями въ системѣ распредѣленія земли, какъ утверждаютъ, вызываетъ„ бѣдность и страданія, которыхъ не можетъ выразить ничей языкъ и которыя необходимо видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить". Эта бѣдность съ наибольшей суровостью свирѣпствуетъ въ предмѣстьяхъ городовъ. Dr. Doyle описываетъ положеніе страдающихъ классовъ весьма сильными и выразительными чертами. Онъ описываетъ случай изгнанія фермеровъ, которые, въ поискахъ убѣжища въ городахъ, послѣ того какъ ихъ скромный капиталъ истощается, становятся въ зависимость отъ благотворительности. Они сдаютъ прежде всего свой домъ, а сами вынуждаются занять не комнату, а то, что они называютъ уголъ (a corner). Четыре такихъ нищенскихъ семейства иногда помѣщаются въ одной небольшой комнатѣ или хижинѣ, а три въ другой. Я самъ не видалъ по семи такихъ семействъ въ одной хижинѣ, но меня увѣряли священники, что встрѣчается много примѣровъ такого рода. Постелью для нихъ служитъ немного соломы, которая разстилается ночью по полу, а днемъ собирается и покрывается одѣяломъ или покрываломъ. Въ этихъ домахъ нищеты болѣзни нерѣдко порождаются крайней бѣдностью; эти болѣзни истощаютъ народъ, потому что они не имѣютъ ни пищи, ни комфорта, чтобы оправиться; они умираютъ въ короткое время" (4) [2]).

для характеристики воззрѣній Мальтуса, они мало даютъ для освѣщенія фактическаго положенія вещей въ Ирландіи. Мальтусъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на опасность, грозящую болѣе культурнымъ англійскимъ рабочимъ отъ конкурренціи дешеваго и некультурнаго ирландскаго рабочаго.

[1]) Report of the select committee on the state of the poor in Ireland. 1830.

[2]) Авторы отчета далѣе хотя и констатируютъ частичныя улучшенія въ положеніи населенія и сельскаго хозяйства, но затѣмъ добавляютъ: „какъ ни утѣшительны подобныя свидѣтельства, было бы ошибочно на

Хотя оффиціальные наши источники кончаются 30-ми годами [1]), но нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ далѣе, тѣмъ зло перенаселенія становилось все чувствительнѣй. Мы уже знаемъ, что населеніе продолжало быстро расти, между тѣмъ какъ производительные рессурсы страны не увеличивались [2]). Ирландская промыш-

этомъ основаніи сомнѣваться въ вѣрности показаній о значительной нищетѣ и бѣдности въ Ирландіи Населеніе и богатство страны могутъ увеличиваться и быстро возрастать; но если первое возрастаетъ въ болѣе быстрой пропорціи, чѣмъ послѣднее, возрастаніе бѣдности можетъ конкуррировать съ ростомъ общественнаго богатства. Положеніе трудящихся классовъ зависитъ отъ пропорціи между количествомъ народа и капитала, который можетъ быть съ выгодою употребленъ на трудъ“ (6) Здѣсь опять выступаетъ теорія фонда заработной платы и, въ примѣненіи къ даннымъ обстоятельствамъ, теорія эта имѣетъ за собою весьма вѣскія основанія.

[1]) Ср. еще интересный отчетъ отъ 15 ноября 1836 года сэра Джорджа Никольса, представленный имъ въ палату общинъ по поводу обсужденія закона о бѣдныхъ (сообщено въ его книгѣ: *G. Nichols.* A History of the Irish poor law in connection with the condition of the people. London. 1856. Стр. 160—186). Здѣсь устанавливается, въ послѣднемъ итогѣ, что „хотя капиталъ страны возросъ, но населеніе возросло еще больше“.

[2]) Зло перенаселенія признается и ирландскимъ историкомъ (Two centuries of Irish history: Lord *Edmond Fitzmaurice* and *James T Thursfield* From the emancipation of catholics to the insurrectionary movement of 1848 Стр. 396—7). „Возможность найти занятіе помимо земледѣлія уменьшалась подъ вліяніемъ уничтоженія премій, которыми въ прошломъ столѣтіи были вызваны искусственно къ жизни нѣсколько ирландскихъ мануфактуръ . За исключеніемъ Ulster'a, гдѣ основалась льняная промышленность, значительныя массы ирландскаго населенія были вслѣдствіе этого возвращены къ землѣ, и большая часть населенія, благодаря непрерывно растущему дѣленію земли, не имѣетъ ничего, кромѣ нѣкотораго количества картофеля, чтобы спастись отъ голодной смерти Извѣстно, что суровыя голодовки были въ 1822, 1831, 1835, 1836 и 1837 годахъ, онѣ были достаточно ужасны сами по себѣ, но кромѣ того чреваты болѣе страшными послѣдствіями. „Увеличеніе ирландскаго населенія“, писалъ sir George Lewis во время послѣдней изъ своихъ поѣздокъ по Ирландіи, провидя новое облако опасности, собиравшееся на горизонтѣ, „идетъ съ постоянно увеличивающейся скоростью. Каждый годъ увеличиваетъ число лицъ, добывающихся картофельныхъ огородовъ и дальнѣйшаго дробленія земли, уменьшается, слѣдовательно, возможность заработка, и такимъ образомъ медленно, но неуклонно приближается наступленіе самой худшей формы междоусобнаго волненія,—войны изъ-за средствъ существованія“. (On local disturbances in Ireland, 338). Было, значитъ, признано, что нерегулярность заработка дѣлала землю необходимой для существованія, что необходима перемѣна, благодаря которой совершился бы переходъ отъ со-

ленность, по прежнему, почти не развивалась, за исключеніемъ отдѣльныхъ вѣтвей, главнымъ образомъ льнянаго производства, сосредоточеннаго по преимуществу въ Ulster'ѣ, гдѣ всего менѣе чувствуется зло перенаселенія со всѣми его сопровождающими бѣдствіями [1]). Общее состояніе Ирландіи, съ ея постоянными смутами и возстаніями, державшими страну на военномъ положеніи [2]), низкое ка-

---

стоянія нищихъ фермеровъ въ независимыхъ работниковъ, что, если спросъ на трудъ какимъ бы то ни было образомъ не будетъ постоянно возрастать, а стремленіе къ дробленію земли не прекратится, или же населеніе не уменьшится значительно эмиграціей либо какимъ-либо инымъ способомъ, то наступленіе соціальнаго бѣдствія невиданныхъ размѣровъ есть только вопросъ времени".

[1]) Лордъ Дюфферинъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу „насколько могущественно содѣйствовало развитіе мануфактуры на сѣверѣ Ирландіи благосостоянію земледѣльческихъ классовъ Ulster'а, давая возможность фермеру обучить своего сына ремеслу, вмѣсто того, чтобы дѣлить свое все уменьшающееся хозяйство, позволяя коттеру восполнить свои земледѣльческіе заработки пряденьемъ на ручномъ веретенѣ, а также и ослабляя общее стремленіе къ землѣ, я не могу разсказать.. Достаточно здѣсь выразить мое глубокое убѣжденіе, что, еслибы Ирландіи было дозволено развивать свои несчислимые промышленные рессурсы по своему распоряженію, какъ она развивала единственную отрасль промышленности, которую ей было позволено, то равновѣсіе между землею и населеніемъ, зависящимъ отъ земли, никогда не было такъ нарушено, а равно и отношенія между лэндлордомъ и фермеромъ не сдѣлались бы предметомъ безпокойства". (Irish emigration and the tenure of land in Ireland. By Lord *Dufferin*. London. 1867. Стр 137—8).

[2]) Въ четвертомъ отчетѣ коммиссіи 1825 года для изслѣдованія состоянія Ирландіи читаемъ... Свид. I Cropper Думаете-ли вы, что въ настоящее время существуетъ извѣстное предубѣжденіе противъ затраты англійскаго капитала въ Ирландіи на сооруженіе фабрикъ и машинъ и развитія промышленности въ широкихъ размѣрахъ? Несомнѣнно, существуетъ извѣстное нерасположеніе къ затратѣ англійскаго капитала въ Ирландіи, скажу больше, даже ирландскій капиталъ уходитъ изъ страны, и я боюсь, что на это есть дѣйствительныя основанія, именно, что собственность въ Ирландіи недостаточно обезпечена при данныхъ условіяхъ.—Но предполагая, что была бы увѣренность въ обезпеченности собственности въ Ирландіи, думаете-ли вы, что капиталъ могъ бы затрачиваться тамъ на устройство мануфактуръ съ большей выгодой въ настоящій моментъ, чѣмъ на расширеніе промышленности въ Великобританіи? Я въ этомъ не сомнѣваюсь. — Думаете-ли вы, что учрежденіе мануфактуръ могло бы дать въ Ирландіи достаточное занятіе для $^2/_3$ населенія, которыя, по вашему предложенію, лишены теперь занятій? Если только мы будемъ имѣть рынокъ для продуктовъ труда; и я не сомнѣ-

чество труда до послѣдней степени деградированныхъ крестьянъ [1]), но самое главное—конкурренція Англіи, въ это время уже окрѣпшей въ первую промышленную и торговую державу міра, незнавшую соперничества. Естественно, для Ирландіи оставались только крохи со стола Англіи, тѣ отрасли промышленности (какъ льняная) относительно которыхъ Англія была заинтересована не какъ производитель, а какъ потребитель. Вотъ для примѣра, какъ

ваюсь, что можетъ быть найденъ рынокъ для продуктовъ всего этого труда, т. е. внѣшній рынокъ для того, что останется для вывоза, но разъ оснуются мануфактуры, большой рынокъ создастся потребностями въ комфортѣ самого народа.—Думаете-ли вы, что значительный внутренній рынокъ можетъ дать сама Ирландія, если ея состояніе улучшится? Безъ сомнѣнія Несмотря на крупную внѣшнюю торговлю въ этой странѣ, можно предположить, что на внутреннее потребленіе уйдетъ половина производства, хотя теперь Ирландія можетъ потребить, конечно, очень мало; но при улучшенномъ состояніи народа она составитъ рынокъ, равный иностранному“ (Fourth Report from the Select Committee on the State of Ireland, 689).

[1]) *Robert Kane* въ монографіи о промышленныхъ ресурсахъ Англіи говоритъ слѣдующее (The industrial resources of Ireland. 2-nd ed. Dublin. 1845, стр 397): „что человѣческій трудъ можетъ быть купленъ въ Ирландіи за болѣе низкую плату, чѣмъ во всякой другой странѣ въ Европѣ, извѣстно слишкомъ хорошо, чтобы нужны были примѣры. Населеніе, для котораго существующіе способы воздѣлыванія не даютъ достаточнаго занятія въ земледѣліи и которое вмѣстѣ съ тѣмъ не отвлекается въ города промышленными занятіями какъ въ Англіи, вынуждено принимать какъ необходимое средство для жизни всякія условія вознагражденія, какія только предлагаются ему за его трудъ. Такимъ образомъ, 8 или 10 пенсовъ въ день считается здѣсь обычной нормой вознагражденія на нѣкоторомъ разстояніи отъ большихъ городовъ и даже при такихъ условіяхъ тысячи людей остаются безъ занятій большую часть года Но эта номинальная дешевизна вовсе не является въ послѣднемъ счетѣ экономной. Нищій, который можетъ заработать своимъ трудомъ лишь 4 или 3 шиллинга въ недѣлю, на которые онъ содержитъ свою семью и платитъ ренту за жилище, долженъ быть настолько болѣзненнымъ, слабымъ, угнетеннымъ, что работать такъ, какъ работаетъ настоящій мужчина, является свыше его силъ. По этому здѣсь часто видѣли за занятіемъ двойное число рукъ, которое требовалось бы для того же самаго дѣла въ Великобританіи Англичане получатъ, по крайней мѣрѣ, вдвое больше, чѣмъ ирландцы, но въ концѣ концовъ не будутъ стоить дороже для предпринимателя. Хотя въ послѣднемъ случаѣ плата была, дѣйствительно, ниже, трудъ не былъ дешевле, напротивъ, нѣсколько дороже, ибо хлопоты надзора за двойнымъ числомъ рабочихъ также требуютъ добавочныхъ издержекъ“.

отозвался одинъ изъ свидѣтелей (Robert Roe) предъ парламентской коммиссіей 1830 года относительно шелковой промышленности [1]). Qu. 5918. „Создаютъ или усиливаютъ бѣдность въ данномъ случаѣ обстоятельства, связанныя съ самымъ характеромъ производства, или конкурренція лучшихъ машинъ, прилагаемыхъ въ производствѣ шелка въ Англіи? Превосходство англійской мануфактуры относительно машинъ и капитала дѣлаетъ соперничество съ нимъ для Дублинской мануфактуры почти невозможнымъ, именно теперь, когда ограниченія торговли между двумя странами совершенно уничтожены. Дублинскія мануфактуры имѣютъ и мало капитала, и не имѣютъ спроса, кромѣ ограниченнаго домашняго рынка“. То же самое можно сказать и относительно другихъ отраслей промышленности. Наконецъ, когда окрѣпшая англійская промышленность могла уже смѣяться надъ конкурренціей другихъ странъ, она перешла къ свободной торговлѣ, но за собою увлекла къ тому же и свою младшую сестру— ирландскую промышленность. Переходъ къ свободной торговлѣ нанесъ послѣдней смертельный ударъ [2]), отъ котораго ей болѣе уже не суждено было оправиться, и она остается по сіе время по преимуществу земледѣльческой страной [3]).

[1]) Third report of evidence from the Select Committee on the State of the Poor in Ireland. 1830. Стр. 534.

[2]) И. И. Янжулъ въ своемъ очеркѣ торговой политики Англіи относительно Ирландіи совершенно справедливо видитъ въ искорененіи Англіей ирландской промышленности одну изъ главныхъ причинъ бѣдствій Ирландіи, а по поводу перехода къ свободной торговлѣ замѣчаетъ: „принятіе Великобританіей политики свободной торговли нанесло Ирландіи двоякій вредъ. Открывши свободный доступъ для хлѣба и сырья въ Англію, оно тѣмъ самымъ ограничило почти единственный предметъ сбыта или понизило его цѣну... Кромѣ того, свободная торговля оказала на Ирландію и другого рода вліяніе... Въ немногихъ изъ своихъ уцѣлѣвшихъ мануфактуръ Ирландія имѣла соперницей до сихъ поръ одну Англію; съ открытіемъ же британскихъ гаваней для всѣхъ народовъ земного шара, эта страна получила огромное число конкуррентовъ, что пагубно дѣйствовало на всю ея промышленность, уменьшивъ еще болѣе ея размѣры“ (*И. И. Янжулъ*. Очерки и изслѣдованія. Т I, Москва 1884. Англійская торговая политика въ Ирландіи, 266—7).

[3]) Характеризуя повѣйшее состояніе Ирландской промышленности, *Rob Dennies* говоритъ (Industrial Ireland. London. 1887, стр. 1): „будетъ не вполнѣ правильно сказать, что здѣсь нѣтъ промышленности, но справедливо, что, за исключеніемъ льняной промышленности, дистиллированія виски, приготовленія портера, нѣтъ ни земледѣльческаго, ни горнаго, ни

Мало помогала и эмиграція въ Англію, совершавшаяся въ весьма значительныхъ размѣрахъ [1]); эта эмиграція была настоящимъ проклятіемъ для Англіи, потому что приносила въ страну самыя низкія отребья человѣчества, сбивавшія заработную плату англійскаго рабочаго какъ въ городахъ, такъ и въ деревнѣ [2]), но она была каплей въ морѣ ирландскаго перенаселенія.

Послѣ всего сказаннаго легко себѣ представить, какими чертами характеризуется ирландское земледѣліе въ эту эпоху. Если существуетъ общее перенаселеніе въ странѣ, лишенной почти всякихъ занятій, кромѣ земледѣлія, то, очевидно, это перенаселеніе прежде всего и непосредственнѣй всего отразится на состояніи земледѣлія, произведя здѣсь всѣ обычныя явленія, которыми аграрное перенаселеніе сопровождается. При данномъ

мануфактурнаго занятія, которое велось бы съ должной энергіей или надлежащей прибыльностью. Говоря вообще, тѣ изъ отраслей ирландской промышленности, которыя не совсѣмъ погибли, находятся въ чахломъ состояніи Нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая была бы дѣйствительно въ здоровомъ состояніи“

[1]) По словамъ Энгельса, до 1845 года въ Англію переселилось уже болѣе милліона ирландцевъ; въ Лондонѣ ихъ было больше 120,000, въ Манчестерѣ 40,000, въ Ливерпулѣ 34,000, Бристолѣ 24,000, Глазго 40,000, Эдинбургѣ 29,000. См. также у Энгельса характеристику низкаго уровня потребностей и образа жизни ирландскихъ иммигрантовъ въ главѣ: Die irische Einwanderung въ Die Lage der arbeitenden Klassen in England.— Цифру эмиграціи въ Англію въ одномъ только 1841 году опредѣляютъ въ 57,651 человѣкъ.

[2]) Карлейль въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ о чартизмѣ въ ланцарномъ стилѣ изображаетъ эту общественную язву „Мы, англичане, платимъ теперь горькою скорбью за рядъ столѣтій несправедливостей, оказанныхъ нашему сосѣду. Несправедливостей, нѣтъ сомнѣнія, было много, иначе Ирландія не была бы въ столь жалкомъ положеніи. Англія виновна относительно Ирландіи и пожинаетъ въ концѣ концовъ полной мѣрой плоды неправды въ теченіе пятнадцати поколѣній. Толпы жалкихъ ирландцевъ наполняютъ всѣ наши города. Дикія мизезійскія (прозвище ирландцевъ) черты съ выраженіемъ лукавства, тревоги, безумства, нищеты и обмана ждутъ васъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. Англійскій кучеръ, проѣзжая мимо, ударяетъ ирландца кнутомъ, поноситъ его своимъ языкомъ, а этотъ снимаетъ шапку и проситъ. Онъ есть самое худшее зло, съ которымъ приходится бороться этой странѣ Въ своихъ лохмотьяхъ съ дикой веселостью берется онъ за всякое дѣло, которое требуетъ силы рукъ и спины, за такую плату, на которую онъ можетъ купить себѣ картофеля. Ему нужна только соль для приправы. Онъ охотно ночуетъ въ первомъ встрѣчномъ свинятникѣ или собачьей конурѣ, селится въ

положеніи вещей, состояніе ирландскаго земледѣлія при *всякихъ* аграрныхъ условіяхъ могло быть только самое плачевное. Бѣдность крестьянства въ Ирландіи и убожество его хозяйства есть результатъ общихъ народнохозяйственныхъ причинъ, а не исключительныхъ аграрныхъ отношеній, имъ принадлежитъ только особенная *форма*, въ которой выразился этотъ неизбѣжный результатъ. Это положеніе имѣетъ первостепенную важность для пониманія экономики земледѣлія въ Ирландіи, хотя многіе впадаютъ во вполнѣ понятную близорукость, видя причину ирландской бѣдности въ уродливостяхъ земельныхъ отношеній [1]). Легко понять, что не круп-

амбарѣ и носитъ такіе лохмотья, что сниманье и надѣванье ихъ составляетъ труднѣйшую операцію, которая совершается только по праздникамъ или особенно торжественнымъ днямъ. Англосаксъ не находитъ работы, если онъ не хочетъ работать при такихъ условіяхъ. Конечно, онъ можетъ быть невѣжественъ, но онъ не опустился отъ культурнаго человѣческаго существованія до грязнаго существованія обезьяны. Мы имѣемъ карантинъ отъ чумы, но это хуже чумы, да и какой здѣсь возможенъ карантинъ?!" (*Carlyle* Chartism, полнаго собр. соч. т. X, Essays V, стр. 348 и д.)

[1]) Въ литературѣ объ Ирландіи рѣзко различаются двѣ основныхъ точки зрѣнія на причины ирландской бѣдности. Одна—мальтузіанская, объясняющая бѣдствія Ирландіи изъ перенаселенія. Эта точка зрѣнія эксплуатировалась нерѣдко въ грубо апологетическихъ цѣляхъ, чтобы свалить причину бѣдности на ирландскій народъ и обѣлить Англію и ирландскій ленд-лордизмъ. Но среди представителей этой точки зрѣнія встрѣчаются и вполнѣ добросовѣстные и серьезные изслѣдователи,—достаточно указать Кэрнса и лорда Дюфферина, перу котораго принадлежитъ одно изъ самыхъ выдающихся сочиненій по ирландскому вопросу. (Марксъ подвергаетъ саркастическому разбору статью Дюфферина объ Ирландіи, но въ разборѣ этомъ сарказмъ идетъ рѣшительно въ ущербъ основательности и справедливости критики. См. Капиталъ, томъ I, 622—3). Вторая точка зрѣнія стремится свести причины ирландской бѣдности (помимо общаго политическаго угнетенія) на специфическія аграрныя отношенія въ Ирландіи. Представители этой точки зрѣнія подъ вліяніемъ публицистическихъ и вполнѣ заслуживающихъ симпатіи тенденцій относятся нерѣдко враждебно къ первому направленію. Изъ числа представителей этого направленія можно назвать *Michael Thomas Sadler* (а не A. Sadler, какъ онъ названъ у Маркса). Ireland, its evils, and their remedies. 2-nd ed. London. 1829. Книга эта, отличающаяся теплымъ сочувствіемъ къ страданіямъ Ирландіи, теоретически не стоитъ много выше средняго уровня. Марксъ, которому измѣняетъ въ данномъ вопросѣ чувство научнаго безпристрастія, называетъ ее „знаменитой". „Здѣсь доказывается, говоритъ онъ, что въ Ирландіи нищета господствуетъ не такъ, какъ этого хотѣлось бы Мальтусу, не пропорціонально

ное землевладѣніе и мелкія аренды создали состояніе общаго перенаселенія. Какъ было выяснено раньше, арендное хозяйство сравнительно съ хозяйствомъ на собственной землѣ лишь нѣсколько уменьшаетъ емкость земледѣльческой территоріи относительно населенія и, слѣдовательно, не вызываетъ, а лишь нѣсколько приближаетъ появленіе перенаселенія, разъ нѣтъ вообще препятствій для его наступленія. Съ другой стороны, оно измѣняетъ внѣшніе симптомы аграрнаго перенаселенія: тамъ, гдѣ при хозяйствѣ на собственной землѣ перенаселеніе выражается въ чрезмѣрной парцелляціи земельныхъ участковъ, въ несообразно высокомъ уровнѣ цѣнъ на землю, присутствіи паразитовъ-спекулянтовъ на землю и ростовщиковъ и низкомъ уровнѣ хозяйства, при ирландской системѣ симптомами перенаселенія является чрезмѣрное дробленіе арендныхъ участковъ, страшно высокая арендная плата, присутствіе посредниковъ при сдачѣ земли (middlemen), также какъ и въ предыдущемъ случаѣ низкій уровень хозяйства плюсъ еще личная зависимость отъ лэндлорда, принимающая иногда, какъ мы уже знаемъ, вполнѣ азіатскія формы. Тѣмъ не менѣе нужно признать, что ирландскій лэндлордизмъ былъ самостоятельнымъ и страшнымъ зломъ, которое давило и безъ того задавленнаго арендатора и въ экономическомъ, и политическомъ, и религіозномъ отношеніи. На долю этой причины должна быть, поэтому, отнесена извѣстная часть ирландскаго горя. Не отрицать это хотимъ мы въ предыдущихъ положеніяхъ, но лишь установить правильную историческую перспективу.

Всѣ перечисленные признаки аграрнаго перенаселенія ярко выступаютъ въ ирландскомъ земледѣліи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, къ знакомству съ послѣднимъ мы сейчасъ и обратимся.

Толчкомъ къ особенному дробленію фермъ, а также размноженію населенія послужило сильное, хотя и краткосрочное, поднятіе цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи въ началѣ XIX вѣка, дѣйствіе котораго было еще усилено закономъ 1805 года, дозволившимъ Ирландіи свободный ввозъ хлѣба въ Англію. Къ этому присоединились еще и политическія соображенія. въ 1793 году право

величинѣ населенія, но въ обратной къ нему пропорціи“ (Капиталъ, I, 617, прим. 193). Предоставляю судить каждому хоть сколько-нибудь знакомому съ воззрѣніями Мальтуса, „хочетъ-ли“ онъ такого вывода и не является-ли онъ съ точки зрѣнія Мальтуса полной безсмыслицей?!

избирательнаго голоса фермеровъ, платившихъ не менѣе 40 шиллинговъ арендной платы, было распространено на римскихъ католиковъ, составлявшихъ большинство мелкихъ фермеровъ и ирландскаго населенія вообще. Этотъ законъ, отмѣненный въ 1829 году („40 sh. franchise“ была повышена до 10 фунтовъ ст.), создавалъ для лэндлордовъ интересъ дробить свои земли для сдачи избирателямъ, которые, конечно, могли подавать свои голоса только въ пользу своего лэндлорда. Тамъ, гдѣ политическія спекуляціи не имѣли мѣста, дробленіе земли совершалось уже во второй или третьей инстанціи, чрезъ посредство мидльменовъ. Вотъ общая характеристика положенія вещей, которую мы находимъ въ отчетѣ о состояніи Ирландіи 1830 года. „У части фермеровъ существовало стремленіе передать ферму или подѣлить между членами своего семейства. Гдѣ предпринимался первый способъ, тамъ создавался классъ мидльменовъ. Эта система абсолютно преграждала всякую возможность содѣйствія фермерамъ, которое могло бы исходить отъ владѣльца имѣнія. Это вело къ уплатѣ или, по крайней мѣрѣ, обѣщанію возможно высокой ренты со стороны арендатора... Практика дѣленія фермъ вела къ подобнымъ же результатамъ. „Тамъ, гдѣ мелкій арендаторъ снималъ 20 или 30 акровъ, замѣчаетъ Dr. Doyle, и гдѣ было позволено подѣлить ихъ между дѣтьми, онъ дѣлалъ это, какъ только они подростали, и въ результатѣ получалось неизбѣжно чрезмѣрное дробленіе. Эти дѣти снова дѣлили между своими дѣтьми, пока фермы въ 40 акровъ не были подѣлены на куски не болѣе 1 акра каждый. Напротивъ, если бы фермеру, снимающему 40 акровъ, не было позволено дѣлить свою землю, то онъ устроилъ бы своихъ дѣтей одного въ армію, другого во флотъ, а третьему оставилъ бы свое хозяйство. Такимъ образомъ, ферма постоянно поддерживалась бы въ первоначальномъ состояніи. Но фермеры, имѣя право дробленія фермъ, пользовались этой привилегіей, а лэндлорды поощряли ихъ къ тому, потому что вмѣсто того, чтобы имѣть одного фригольдера, онъ имѣетъ послѣ раздѣла цѣлыхъ четырехъ“. Положеніе этихъ мелкихъ фермеровъ слѣдующимъ образомъ описываетъ одинъ фермеръ: „бѣдняки, живущіе на такой раздробленной фермѣ, разрушаютъ ее, запуская землю дурнымъ воздѣлываніемъ, не оставляютъ ни куста, ни деревца, но все это вырубаютъ. Хижины, въ которыхъ они живутъ, самыя жалкія и бѣдныя изъ всѣхъ, онѣ могутъ только давать имъ ли-

хорадку и болѣзни, отъ которыхъ они часто страдаютъ". Воздѣлываніе земли самое худое, урожай картофеля становится все ненадежнѣй, возможность нужды наступаетъ чаще, самые корнеплоды становятся менѣе питательными, лихорадка появляется чаще и чаще. Земля также ухудшается со дня на день. „Качество продукта, конечно, ухудшается, а количество уменьшается, ибо земля въ хорошемъ состояніи родитъ больше и хлѣба и картофеля, чѣмъ истощенная; кромѣ этого, самый бѣдный плодъ рѣдко можетъ найти хорошія сѣмена для посадки, и земля, воздѣлываемая изъ года въ годъ безъ передышки, можетъ обратиться въ сарай monstrum. Легкость, съ которой семейство можетъ обзавестись жалкой хижиной, въ родѣ выше упомянутыхъ, и грубость ихъ обычной пищи, состоящей почти исключительно изъ картофеля, вызываютъ ранніе браки среди бѣдныхъ, а эти новыя семьи скудно поддерживаютъ свое существованіе дробленіемъ земли. Это дробленіе есть самое серьезное зло, ибо оно порождаетъ самую ужасную нищету и бѣдность и обременяетъ имѣнія многочисленнымъ и почти нагимъ населеніемъ, вся промышленная дѣятельность котораго выражается только въ томъ, чтобы возрастить достаточное количество картофеля для ежедневной пищи и собрать торфа на топливо. Разъ это обезпечено, они имѣютъ мало побужденій къ дальнѣйшему напряженію своей энергіи, такъ какъ случаи занятій у другихъ очень рѣдки. Не удивительно, что эти семьи представляютъ много доказательствъ, что „праздность есть мать всѣхъ пороковъ" [1]).

Остановимся на деталяхъ и начнемъ съ арендной платы. Подъ вліяніемъ неограниченнаго спроса на землю, она достигла ни съ чѣмъ несообразнаго уровня. „Свобода контракта" при этомъ условіи, конечно, превращается въ полную фикцію [2]). Конкурренція

---

[1]) Report of the select committee on the state of the poor in Ireland. 1830. Стр 6—7. Степень аграрнаго перенаселенія опредѣлить пыталась коммиссія 1834 года для изслѣдованія положенія Ирландіи: „мы находимъ, что на одну и туже площадь въ Ирландіи приходится около 5 сельскохозяйственныхъ рабочихъ на каждыхъ двухъ въ Великобританіи. Далѣе извѣстно, что земледѣльческій продуктъ Великобританіи больше, чѣмъ въ 4 раза превышаетъ (относительно) Ирландскій продуктъ" (Цит. у Dufferin, l. c. 37).

[2]) „Въ странѣ, подобной Ирландіи, земельная монополія является фатальной для „свободы контракта" между лэндлордомъ и фермеромъ. Тамъ, гдѣ міріады отраслей промышленности конкуррируютъ съ землей,

арендаторовъ уподобляется, по удивительно яркому сравненію свидѣтеля Nimmo [1]), соперничеству изъ-за пищи жителей осажденнаго города или пассажировъ корабля въ открытомъ морѣ. Приведемъ нѣсколько показаній. Mr. Franklin Lewis показалъ предъ коммиссіей 1825 года: „въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи, мнѣ представляется, фермеръ платитъ въ качествѣ ренты больше, чѣмъ онъ производитъ на этой землѣ. Въ сѣверныхъ частяхъ Ирландіи, гдѣ существуетъ льняная промышленность, лэндлорду во многихъ случаяхъ поступаетъ больше, чѣмъ производится съ земли. Я думаю, что во многихъ частяхъ Ирландіи, гдѣ земля черезчуръ раздроблена и гдѣ коттеры живутъ отчасти наемнымъ трудомъ, а частью тѣмъ, что они могутъ добыть съ маленькаго клочка земли подъ овсомъ и картофелемъ, платятъ больше, чѣмъ производятъ съ земли. Я получилъ свѣдѣнія что существуютъ въ Коннаутѣ такія мѣста, гдѣ крестьянинъ садитъ въ свое время картофель, а затѣмъ запираетъ свою хижину и отправляется въ Англію на работы, а его жена и дѣти, можетъ быть, нищенствуютъ по улицамъ. И когда онъ возвращается рыть свой картофель, съ заработной платой за свой трудъ въ Англіи въ карманѣ, онъ можетъ уплатить въ видѣ ренты большую сумму, чѣмъ онъ можетъ добыть съ земли“ [2]).

такъ что ея съемка не является безусловной необходимостью для жизни, дѣло обстоитъ иначе“. (*R. Barry O'Brien.* The parliamentary history of the irish land question. *London.* 1880. Стр. 108).

[1]) Спрошенный о причинахъ бѣдности ирландскаго крестьянства A. Nimmo отвѣтилъ слѣдующее: „этотъ вопросъ былъ предметомъ многихъ моихъ размышленій .. безспорно, что великою причиной теперешняго угнетеннаго положенія ирландскаго крестьянства и его волненій являются земельные порядки. Для ирландскаго крестьянина не существуетъ другихъ средствъ заработка, а также нѣтъ увѣренности, что онъ просуществуетъ будущій годъ или даже слѣдующій день, не имѣя въ распоряженіи клочка земли, на которомъ онъ можетъ посадить немного картофеля. А вслѣдствіе прироста населенія, которому, повидимому, совсѣмъ не препятствуетъ бѣдность, конкурренція на землю напоминаетъ нѣсколько соперничество изъ-за пищи жителей осажденнаго города или пассажировъ корабля въ открытомъ морѣ. И такъ какъ нѣтъ границъ спросу на землю со стороны лицъ, способныхъ ее воздѣлывать, цѣны на землю возрасли значительно выше того, что могутъ получить жители отъ земли при ихъ способахъ воздѣлыванія“. (Minutes of evidence коммиссіи о безпорядкахъ въ Ирландіи 1825 года, 131).

[2]) Minutes of evidence, 40.

Свид. Francis Blackborne далъ предъ коммиссіей 1825 года (о причинахъ ирландскаго возстанія) слѣдующее показаніе: „населеніе тѣхъ частей страны, гдѣ были наиболѣе сильны возстанія, въ высшей степени густо. Собственность страшно раздроблена, и положеніе низшихъ классовъ настолько прискорбно, что я не могу его описать. Значительный приростъ населенія, наряду съ другими причинами, настолько возвысилъ здѣсь ренту, что она была прямо колоссальна (exorbitant). Земля въ этой странѣ (рѣчь идетъ о графствѣ Лимрикъ), совершенно лишенной мануфактуръ, стала, если можно такъ выразиться, предметомъ необходимости для жизни. Обычный способъ добывать средства къ жизни здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы снять землю, и, конечно, по мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ, возрастаетъ и спросъ на землю; а это, въ соединеніи съ чрезвычайно высокими цѣнами на всѣ виды земледѣльческаго продукта, подняло цѣну земли далеко выше того, что можно назвать ея внутренней цѣнностью (intrinsic value). Дробленіе земли было вызвано также спекуляціями политическаго характера; въ результатѣ всего этого явилось то, что за землю платилась рента, которую фермеръ никогда не могъ бы платить, если бы ему оставались приличныя средства существованія“ [1])! Интересны показанія свид. George Benett предъ той же коммиссіей: „Стало быть, является необходимостью, чтобы бѣднякъ въ Ирландіи располагалъ маленькимъ клочкомъ земли для добыванія пищи себѣ и своему семейству,—не создается ли этимъ при значительномъ населеніи большой спросъ на землю? Необходимо создается.—Не должно ли это поднимать цѣну земли или поземельную ренту до наивысшей степени, до какой только она можетъ быть поднята? Это поднимаетъ номинальную ренту земли, но не можетъ поднять ея цѣнность.—Не долженъ ли мидльменъ, имѣя дѣло съ такимъ народомъ, для котораго обладаніе землей является необходимостью, терпѣть рискъ при сдачѣ земли? Да.—Не составляетъ ли существенной части ренты, поэтому, оплата этого риска? Конечно, рента опредѣляется выше вслѣдствіе отсутствія вѣроятности получить ее своевременно и сполна.—Думаете ли вы, что мидльмены имѣютъ полную возможность по произволу назначать уровень ренты? Да, т. е. я думаю, что фермеръ скорѣе возьметъ землю почти за всякую ренту, которая можетъ быть назначена, нежели совсѣмъ останется безъ земли.

[1]) Minutes of evidence, 5—6

— Если мидльмены имѣютъ возможность по произволу повышать ренту, почему же они не требуютъ ренты выше той, которая сейчасъ платится? Я думаю, что они требуютъ вообще столько, сколько, по ихъ мнѣнію, фермеры теперь въ состояніи платить. — Не должно ли это съ необходимостью опредѣляться наличнымъ спросомъ на землю? Я думаю, такъ; чѣмъ больше спросъ на землю, тѣмъ выше рента, которую можно требовать за нее.— Не думаете ли вы, что при сдачѣ земли съемщиками предлагается большая рента, чѣмъ стоитъ дѣйствительно земля или чѣмъ они могутъ быть въ состояніи заплатить? Я думаю, что они часто предлагаютъ за землю больше, чѣмъ она дѣйствительно стоитъ; и я увѣренъ, что они дѣлаютъ это изъ-за того, чтобы какъ-нибудь лишь заполучить землю.—Встрѣчали ли вы когда-либо примѣры, что лэндлорды отказывали съемщикамъ, предлагавшимъ высшую ренту, и отдавали за низшую? Много разъ.— Вы считаете подобные случаи многочисленными? По собственному опыту я наблюдалъ много такихъ случаевъ у своихъ друзей, которые предпочитаютъ сдавать землю за умѣренную ренту платежеспособному фермеру, нежели за высшую такому съемщику, отъ котораго нельзя надѣяться ее получить; я зналъ множество примѣровъ такого рода“ [1]).

„Ренты въ Ирландіи—говоритъ Виггинсъ—слишкомъ высоки, по сравненію съ англійскими, т. е. пропорціонально цѣнности продукта страны. Въ Англіи доля продукта, которая при среднихъ условіяхъ (fairly) взимается съ фермера за пахотную землю, составляетъ отъ $^1/_4$ съ почвы средняго качества до $^1/_6$ съ такой почвы, которая приноситъ плохой урожай, трудно воздѣлывается или обременена тяжелыми налогами... Рента за пастбищныя земли составляетъ около $^2/_5$ продукта съ богатыхъ травяныхъ пастбищъ, и около $^1/_3$ съ луговъ и пастбищъ для молочнаго хозяйства. Фермы смѣшаннаго характера, имѣющаго отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ земли подъ пастбищами, что наиболѣе часто встрѣчается въ Англіи, платятъ въ общемъ ренту, превышающую $^1/_4$ цѣнности ихъ валового продукта въ соотвѣтствіи большему или меньшему количеству луга... Между тѣмъ, на югѣ Ирландіи ренты часто поглощаютъ почти *всю* цѣнность главнаго продажнаго продукта“ [2]).

[1]) Minutes of evidence, 35—6.

[2]) *I. Wiggins* The „Monster“ Misery in Ireland. London, 1844. Стр. 53—4.

Тяжесть этихъ непомѣрныхъ рентъ становилась еще значительнѣй для крестьянъ благодаря мидльменамъ, которымъ лендлорды поручали непосредственную эксплуатацію населенія. Роль мидльменовъ, какъ было уже сказано, чисто паразитарная. „Мидльмены, говоритъ Murphy [1]), не выдѣлялись ни промышленными способностями, ни качествомъ характера (men of no industry or exertion), они только выколачивали ренту. Классъ этотъ созданъ былъ неблагопріятными обстоятельствами времени. По господствующему мнѣнію, они управляли крестьянами такъ, какъ вестъ-индскій плантаторъ своими рабами. Праздные, распущенные, дикіе, они для удовлетворенія своихъ потребностей были поставлены въ необходимость выжимать изъ фермерства все, что только было возможно". Экономическую функцію мидльменовъ ирландскій источникъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ [2]). „За исключеніемъ той части земли, которую самъ лэндлордъ или его агентъ раздроблялъ и сдавалъ 40-шиллинговымъ фригольдерамъ въ политическихъ цѣляхъ, земля сдавалась участками отъ 20 до 150 акровъ на различные періоды времени, но чаще всего на 20 или 31 годъ, на одну или болѣе жизней. Земля, сдаваемая такимъ образомъ, иногда была воздѣлываема самимъ съемщикомъ. Но было гораздо болѣе прямымъ путемъ къ богатству—раздробить ее на куски въ 5, 3 и даже одинъ акръ и сдавать на одинъ годъ коттерамъ за высокія ренты иди же сдавать на тотъ же срокъ болѣе обширные участки земли сельскимъ товариществамъ (мы еще познакомимся съ ними). Графства Monaghan and Tyron въ Ulster'ѣ, Roscommon въ Connaught'ѣ представляютъ поразительные примѣры первой системы; Galway, Mayo, Sligo, Cork и Kerry—второй. Ренты, платимыя мидльменами лэндлордамъ, были высоки, а получаемыя мидльменами съ коттеровъ огромны".

Предъ коммиссіей 1825 года (для изслѣдованія состоянія Ирландіи) свид. A. R. Blake, Chief Remembrancer of the Exchequer of Ireland, показалъ [3]): „моя контора (office) въ Ирландіи даетъ мнѣ много свѣдѣній относительно сдачи земли. Я часто наблюдалъ, что между главнымъ лэндлордомъ и арендаторомъ становятся два или три лица; ихъ отдѣляетъ такое раз-

[1]) *Murphy*. Ireland industrial, political, and social. London. 1870. Стр. 336.

[2]) Two centuries of irish history: From the Union to Catholic emancipation by Dr *I H Bridges*, стр. 226.

[3]) Minutes of evidence, 97.

стояніе, что едва ли можно предполагать существованіе между ними какихъ-либо чувствъ, которыхъ естественно было бы ожидать въ томъ случаѣ, еслибы они были въ непосредственномъ соприкосновеніи между собою. Они являются чужими другъ другу. Лица, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ арендаторами, движимы вообще низменной жаждой къ наживѣ".

Зло, проистекающее изъ мидльменства, настолько очевидно, что можно на немъ не останавливаться. Отмѣтимъ только, что мидльменство столь же мало является необходимымъ спутникомъ мелкой аренды, какъ ростовщичество-кулачество спутникомъ крестьянскаго хозяйства. Представляя собой серьезное зло, мидльменство не имѣетъ тѣмъ не менѣе самостоятельнаго значенія, а является скорѣе симптомомъ болѣзненнаго состоянія народнаго хозяйства и въ частности земледѣлія [1]). Мидльменство появляется въ концѣ XVIII вѣка, а особенный расцвѣтъ его относится къ первымъ тремъ десятилѣтіямъ XIX вѣка [2]). Такимъ образомъ, оно сопровождаетъ эпоху перенаселенія и усиленнаго дробленія земельныхъ участковъ. Позднѣе, когда начинается обратный процессъ консолидаціи земельныхъ участковъ, тѣмъ болѣе когда населеніе начинаетъ разрѣжаться, исчезаетъ и мидльменство, словно куда то проваливается. Въ отчетѣ коммиссіи лорда Девона (1845) уже замѣчается: „практика сдачи земли мидльменамъ наблюдается въ наше время рѣдко" [3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что условіемъ,

[1]) Лордъ Дюфферинъ съ обычнымъ своимъ пониманіемъ замѣчаетъ: „мидльменство въ Ирландіи скорѣе является симптомомъ (exponents), чѣмъ причиной народной нищеты, и хотя бы на одного фермера приходилось десятокъ посредниковъ, высокія ренты были бы вызваны ими столь же мало, какъ градусами барометра то атмосферное давленіе, которое они показываютъ". (Lord *Dufferin*. Irish emigration and the tenure of land in Ireland London. 1867. Стр. 113.

[2]) Свид Blake замѣчаетъ (въ 1825 году), что, по его наблюденіямъ, число посредниковъ при сдачѣ земли растетъ.

[3]) Report from Her Majesty's Commissioners of inquiry into the state of the law and practice in respect to the occupation of land in Ireland. Dublin. 1845. Стр 15. Это такъ наз. Devon' Commission, засѣдавшая подъ предсѣдательствомъ лорда Девона и издавшая свои труды въ четырехъ томахъ. Намъ сравнительно мало пришлось пользоваться данными этой коммиссіи, потому что, содержа неоцѣненный матеріалъ спеціально для изученія арендnаго права, они проливаютъ мало новаго свѣта на общій ходъ развитія, который мы стремимся установить.

особенно благопріятствующимъ развитію посредничества, является абсентеизмъ и полное безучастіе лэндлордовъ къ интересамъ населенія.

Лэндлорды были немногимъ лучше мидльменовъ, — то же безучастное отношеніе къ интересамъ производства, то же безсердечное отношеніе къ фермерамъ при взысканіи арендной платы и вдобавокъ ко всему, чисто крѣпостная власть надъ фермерами, напоминающая власть побѣдителей въ завоеванномъ краю. Было упомянуто, что ирландскіе лэндлорды не предпринимали отъ себя никакихъ меліорацій, даже не строили зданій. Въ цитированномъ уже показаніи Francis Lewis читаемъ: „для всякаго, кто знакомъ съ отношеніями между лэндлордомъ и фермерами въ Англіи, не можетъ быть пораженъ, насколько разнятся эти же отношенія въ Ирландіи. Ничто такъ не поражаетъ въ Ирландіи, какъ то, что много тягостей, которыя добровольно несетъ англійскій лэндлордъ, ирландскій считаетъ совершенно ненужнымъ брать на себя. При управленіи фермой въ Англіи всѣ наиболѣе убыточныя затраты капитала, употребляемаго на фермѣ, беретъ на себя лэндлордъ: дома, плотины, ограды и дренажъ. Всѣмъ извѣстно, что въ Ирландіи этого нѣтъ“.

Въ отчетахъ коммиссіи Девона также читаемъ: „число земельныхъ собственниковъ въ Ирландіи незначительно, если сравнить его съ населеніемъ [1]) Это обстоятельство является одною

[1]) Приблизительно половиной острова владѣютъ 750 собственниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ болѣе 5,000 акровъ (*Dun.* Landlords and tenants in Ireland London. 1881. Стр. 1). По Doomsday Book 1876 года земельные собственники въ Ирландіи распредѣлялись такъ:

	Число.	Площадь въ statute acres.
Менѣе 1 акра.	36,144	9,065
1— 10 „	6,892	28,968
10— 50 „	7,746	195,525
50— 100 „	3,179	250,147
100— 500 „	7,989	1,955,536
500— 1,000 „	2,716	1,915,528
1,000— 2,000 „	1,803	2,514,743
2,000— 5,000 „	1,198	3,675 267
5,000— 10,000 „	452	3,154,628
10,000— 20,000 „	185	2,478,493
20,000— 50,000 „	90	2,558,850
50,000—100,000 „	14	1,023,677
выше 100,000 „	3	397,079
Всего	68,711	20,157,511

изъ причинъ, которыми объясняется недостатокъ личнаго вниманія къ положенію фермерства, являющагося и обязанностью и вмѣстѣ личнымъ интересомъ лэндлорда; съ другой стороны, это создастъ препятствія улучшеніямъ, естественно связаннымъ съ хозяйствомъ на собственной землѣ“ [1]).

Функція лэндлорда сводится, поэтому, исключительно къ выколачиванію ренты. „Дѣло конторы управляющаго, говоритъ Уэкфильдъ [2]), очень несложно, оно сводится только къ полученію ренты для землевладѣльца дважды въ годъ, да выдачѣ торфа весной. Для ренты дается вообще шестимѣсячный кредитъ, что называется „the hanging gale“ (непереводимое на русскій языкъ выраженіе). Это является однимъ изъ великихъ рычаговъ угнетенія, который держитъ низшіе классы въ состояніи, напоминающемъ непрерывное рабство, такъ какъ каждое почти семейство арендуетъ нѣкоторое количество земли и несетъ долгъ, равный полугодовой рентѣ, которую лэндлордъ можетъ взыскать каждый моментъ. Этотъ долгъ виситъ надъ ихъ головами и держитъ ихъ въ состояніи непрерывнаго страха и безпокойства. Если рента не уплачена, то скотъ загоняется въ особую ограду, откуда, если не будетъ выкупленъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, бываетъ проданъ. Я много разъ наблюдалъ это даже въ томъ случаѣ, когда фермеръ уже уплачивалъ свою ренту мидльмену, а тотъ почему-либо не платилъ ее главному лэндлорду. Многочисленные примѣры нужды, вызванной такой жестокостью, которую можетъ подтвердить всякій, нѣкоторое время жившій въ Ирландіи, поистинѣ прискорбны. Хотя весьма рѣдко встрѣчаются въ арендномъ контрактѣ условія, по которымъ фермеръ обязуется воздѣлывать землю извѣстнымъ опредѣленнымъ способомъ, но зато попадаются такія, которыя обязываютъ фермера, если онъ будетъ приглашенъ, работать за низшую заработную плату для своего лэндлорда. Обычная цѣна въ такихъ случаяхъ 8 пенсовъ въ день, а иногда и 6. И за то, что требуемыя по этому условію услуги иногда не выполнялись, со двора бѣдняка, какъ я видѣлъ собственными глазами, уводился скотъ, который затѣмъ и угонялся безъ малѣйшаго признака чувства жалости. Если

---

[1]) Report, 12.

[2]) *Edward Wakefield* An Account of Ireland, statistical and political London 1812. I, 244—5.

крестьянинъ соглашается на внесеніе въ арендный контрактъ такого условія и обязуется работать на лэндлорда по первому его требованію, можно ли удивляться, что ирландцевъ упрекаютъ въ лѣности, или что они выполняютъ работу при подобныхъ условіяхъ медленно и небрежно".

Стремленію къ выколачиванію возможно высшей ренты, не считаясь ни съ какими требованіями техническаго прогресса, соотвѣтствовали и формы аренды. Наиболѣе распространенной формой аренды была tenancy-at-will, какъ это было установлено коммиссіей Девона. Эта форма аренды, дававшая всѣ полномочія лэндлорду прекратить арендный договоръ, когда заблагоразсудится, лишаетъ всякихъ гарантій фермера [1]). Поэтому она совершенно исключаетъ возможность техническаго прогресса, потому что всякія усовершенствованія пошли бы немедленно на повышеніе ренты, а болѣе или менѣе прочныя затраты капитала остались бы въ собственность лэндлорду послѣ прекращенія арендаго контракта. Tenancy-at-will соединяетъ въ себѣ оба свойства, которыми характеризуется, по Лоренцу Штейну, естественное развитіе мелкой аренды: краткосрочность и мелкіе размѣры арендъ [2])

[1]) Извѣстный историкъ фонъ-Раумеръ въ своемъ описаніи путешествія въ Англію говоритъ: „какъ перевести tenants-at-will? Wegjagbare? Тяжеловѣсное, неудобное слово Крѣпостные? Но въ старинныя времена крѣпостное право состояло именно въ томъ, что крѣпостныхъ удерживали, а никоимъ образомъ не выгоняли. Прежній крѣпостной есть вольный баринъ (ein Freiherr) по сравненію съ теперешнимъ какъ птица свободнымъ tenant-at-will. Почему не перевести поэтому (по аналогіи съ дичью) jagdbare? Лишь слѣдующее различіе ослабляетъ аналогію для зайцевъ, козъ и оленей существуетъ, по крайней мѣрѣ, время, когда никто не можетъ ихъ трогать, между тѣмъ какъ эти фермеры могутъ быть гоняемы и изгоняются изъ года въ годъ И если бы кто-либо вздумалъ защищать свое жилье (что разрѣшается лисицамъ и барсукамъ), это называется мятежемъ". (*Friedrich con Raumer* England. Zweite, verbesserte und mit einem Bande vermehrte Auflage 2 er Band. Leipzig 1842 Стр 376 - 7).

[2]) Вотъ какъ формулируется „законъ малыхъ арендъ" у Лоренца Штейна: „первое изъ средствъ (повышенія аренды) состоитъ въ томъ, чтобы никогда не дѣлать крупныхъ арендъ, но по возможности мелкія. Ибо лишь при мелкихъ арендахъ можетъ собственникъ въ точности измѣрить валовой и чистый доходъ и не оставить арендатору ни одной частицы его производительнаго труда, отъ которой онъ могъ бы получить для себя барышъ. Далѣе, возможно мелкая аренда привлекаетъ къ себѣ возможно крупное число арендаторовъ, чѣмъ повышается спросъ, позво-

Характерной разновидностью ирландскихъ арендъ эпохи перенаселенія является *конэкръ* (con-acre). Въ отчетѣ коммиссіи Девона о ней сказано слѣдующее: „господствующая въ большей или меньшей степени во всѣхъ частяхъ Ирландіи система сдачи земли на одинъ или болѣе урожаевъ, называется обыкновенно конэкромъ. Земля, сдаваемая такимъ образомъ, во многихъ округахъ называется quarter land или root land. Многое можетъ быть сказано въ осужденіе этой системы. И однако мы убѣждены, что до извѣстной степени ея существованіе является необходимымъ для благосостоянія, даже почти для существованія ирландскаго крестьянства. При обыкновенныхъ условіяхъ, одной его заработной платы недостаточно для покупки пищи и другихъ предметовъ необходимости и для уплаты даже умѣренной ренты. Поэтому является необходимостью прибѣгать къ другимъ способамъ

ляющій собственнику брать возможно высшую арендную плату Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что чѣмъ мелче аренда, тѣмъ больше найдется бѣдныхъ людей, которые удовлетворятся наименьшей долей выручки, такъ какъ они не имѣютъ капитала, чтобы долго ждать лучшаго, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, и самая мелкая выручка представляется каждому тѣмъ большею, чѣмъ меньше онъ имѣетъ. По этому первымъ правиломъ полученія наибольшей земельной ренты является возможно большее *раздробленіе арендныхъ участковъ*. Вторымъ средствомъ является возможное *сокращеніе арендnаго срока* Ибо, во-первыхъ, благодаря этому обезпечивается взносъ платы, потому что каждый мелчайшій арендаторъ всегда можетъ собрать столько, чтобы внести первую и вторую арендную сумму. Но далѣе лишь оно позволяетъ, какъ только собственникъ видитъ остающимся въ рукахъ арендатора нѣкоторый доходъ, при возобновленіи арендnаго договора вытребовать и эту часть въ свою ренту. Наконецъ, такъ какъ при повышеніи арендной платы, какъ хорошо извѣстно владѣльцу, арендаторъ легко разоряется, краткосрочность договора, если арендаторъ потерялъ все, позволяетъ прогнать его, чтобы посадить на его мѣсто новаго, болѣе платежеспособнаго. Съ этой точки зрѣнія является наиболѣе цѣлесообразнымъ не назначать *никакого* арендnаго срока, но заключать условіе, которое можетъ быть прекращено каждый день или каждую недѣлю. Это и есть tenant at will, за котораго какъ за свою ultima ratio и держится ирландская система.. Абсолютное господство личнаго интереса достигаетъ своей цѣли, полученія наивысшей арендной платы, посредствомъ *закона мельчайшихъ арендъ и кратчайшаго арендnаго срока* (*L. v Stein.* Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft. Stuttgart. 1881. Стр. 119). Штейнъ неправъ, приписывая этому закону всеобщее значеніе,—онъ имѣетъ силу лишь для эпохи аграрнаго перенаселенія, характеризующагося усиленнымъ спросомъ на землю во что бы то ни стало.

добыванія средствъ существованія, а они могутъ быть найдены въ съемкѣ клочка земли, который можетъ дать урожай картофеля для пропитанія. Обыкновенно онъ получаетъ его отъ какого-либо фермера по сосѣдству на условіяхъ, которыя весьма различны въ зависимости отъ общаго характера договора относительно вспашки, пастбища, посѣва“ [1]) и т. д.

Хотя подробное изученіе всѣхъ видовъ аренды не входитъ въ нашу задачу, но мы не можемъ обойти молчаніемъ одну ея форму, представляющую высокій соціологическій интересъ, это— съемка земли артелями или товариществами на началахъ круговой поруки, такъ называемую *runrig* или *rundale*. „Общественная аренда называется—говоритъ Лавернь—*rundale* или *runrig*, слово, очевидно, скандинавскаго происхожденія. Болѣе или менѣе обширная площадь земли, напр 50, 100, 200 гектаровъ сдается цѣлой деревнѣ, жители которой солидарно отвѣтственны за арендную плату. Они пользуются сообща тѣмъ, что они не могутъ отдѣльно обрабатывать, а остальное дѣлятъ ежегодно между семьями, а каждая семья еще дѣлитъ свой участокъ по числу лицъ, если считаетъ нужнымъ. Послѣ жатвы вся земля поступаетъ въ общее пользованіе, и на слѣдующій годъ снова передѣляется“ [2]). Это неожиданное проявленіе началъ кооперации на ирландской почвѣ могло быть при данныхъ условіяхъ только плодомъ безпомощности и нищеты народа: далекая отъ того, чтобы имѣть какое бы то ни было сродство съ сознательной солидарностью интересовъ, ради болѣе успѣшнаго отстаиванья которыхъ и заключается союзъ, rundale является симптомомъ убожества крестьянскаго хозяйства въ Ирландіи. Охарактеризуемъ ее словами оффиціальнаго отчета [3]). „Лучшимъ средствомъ обезпеченія уплаты ренты для лэндлордовъ часто является способъ сдачи фермы товариществу нѣсколькихъ лицъ, при чемъ каждый является отвѣтственнымъ за всю ренту. Въ результатѣ этого товарищи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ неизмѣнно ссорятся: одни утверждаютъ, что они работали болѣе дру-

---

[1]) Report, 34—5.

[2]) *L. de Lavergne.* Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande 5-me ed. Стр. 382.

[3]) Report on the present state of the disturbed districts in the South of Ireland: with an Inquiry into the Causes of the distresses of the peasantry and farmers. Dublin. 1822. Стр. 7—8.

гихъ и потому настаиваютъ, чтобы остальные наверстали недостающее количество труда. Очевидно, что подобные товарищи, различающіеся по характеру и наклонностямъ, живущіе въ различныхъ условіяхъ,—одни семьями, другіе одиноко, незнакомые съ методами хозяйства и отчетностью, должны перессориться. Одинъ товарищъ можетъ имѣть корову или лошадь, другой держитъ двухъ или трехъ коровъ, а третій предпочтетъ разводить овецъ, не имѣя ни коровы, ни лошади, и такъ всѣ шесть или восемь товарищей. Чтобы удовлетворительно распредѣлить всякую мелочь такъ, чтобы каждый имѣлъ равную долю въ потребленіи и прибыли, а вмѣстѣ затрачивалъ свою часть времени и труда, требуется большее искусство въ расчетахъ, чѣмъ обладаетъ большинство. Хотя стараются нѣкоторое время вести хозяйство по возможности хорошо, но кончаютъ обыкновенно ссорами и раздѣломъ земель. И послѣ этого раздѣла ихъ согласіе постоянно нарушается непрерывной завистью, часто проистекающей отъ цвѣтущаго вида поля трудолюбиваго крестьянина, между тѣмъ какъ лѣнивый приписываетъ его качеству почвы. Благодаря этому первый теряетъ энергію въ своей работѣ, опасаясь, что плодъ его труда пойдетъ на покрытіе недоимокъ его болѣе лѣниваго сосѣда. Такимъ образомъ, они продолжаютъ мучить другъ друга и задерживать развитіе сельскаго хозяйства“. Столь же отрицательно относятся къ *rundale* всѣ авторы, ее описывавшіе и, хотя и преданные интересамъ народа, но не зараженные коллективистическими предразсудками, заставляющими хвалить все, что пахнетъ хотя бы крѣпостническимъ коллективизмомъ [1]). *Rundale*, происхо-

[1]) Напримѣръ Crumpe говоритъ: „въ Ирландіи нищій крестьянинъ предпринимаетъ хозяйство съ 6 пенсами въ карманѣ и не примѣняетъ никакихъ средствъ для разрыхленія твердой почвы, кромѣ лопаты, которую несетъ на плечѣ. Чтобы справиться со всѣми трудностями, онъ соединяется съ другими, себѣ подобными. Онъ старается возмѣстить капиталъ и разныя орудія земледѣлія, соединяя свой грубый трудъ съ трудомъ другихъ. Отсюда проистекаетъ разорительная система съемки большихъ фермъ товариществами. Эта практика, конечно, является неизбѣжной, пока крестьянинъ такъ ужасно бѣденъ и безпомощенъ, но, конечно, она будетъ исчезать по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ пріобрѣтать капиталъ и необходимыя механическія орудія для земледѣлія. Въ настоящее время обладаніе самымъ необходимымъ изъ всѣхъ этихъ орудій, плугомъ, не считается во многихъ мѣстахъ королевства необходимой принадлежностью фермера именно тамъ, гдѣ ферма снимается товариществами жалкихъ коттеровъ, часто не бываетъ ни одного плуга на всю колонію. Обыкно-

жденіе которой восходитъ къ весьма отдаленнымъ временамъ. въ началѣ XIX вѣка является формой страхованія ренты лэндлорда, не болѣе; въ нашихъ источникахъ нѣтъ свѣдѣній, чтобы она пользовалась распространеніемъ во второй половинѣ XIX вѣка, въ лучшія времена ирландскаго земледѣлія.

Итакъ, формы ирландской аренды, конечно, составляя до извѣстной степени самостоятельное препятствіе къ развитію земледѣлія, являются однако всецѣло результатомъ всего народнохозяйственнаго состоянія Ирландіи, именно состоянія общаго и аграрнаго перенаселенія. Извѣстная сумма уродливостей неизбѣжно сопровождаетъ это состояніе, и отъ нихъ не въ состояніи уберечь никакое арендное законодательство, которое при данномъ положеніи вещей будетъ во всякомъ случаѣ обходиться, а эти обходы сопровождаться новыми уродливостями [1]). Такъ какъ при болѣз-

---

венно они скребутъ поверхность своей пашни заступомъ“ и т. д (*Crumpe.* An Essay etc., 227). Sir Charles Trevelyan также пишетъ: „въ Мэйо и въ другихъ западныхъ графствахъ господствуетъ варварская система старинныхъ ирландскихъ арендъ, называемыхъ *rundale* (шотландская *runrigg*): она препятствуетъ установленію индивидуальной собственности и дѣлаетъ промышленное и трудолюбивое населеніе отвѣтственнымъ за улучшенія лѣнивыхъ и непредусмотрительныхъ и уничтожаетъ побужденіе къ усовершенствованіямъ. Устраненіе этой устарѣлой системы есть необходимое условіе для всякаго прогресса, возможнаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она существуетъ“. (*Trevelyan* The irish crisis being a narrative of the measures for the relief of the distress caused by the great irish famine of 1846—7. London. 1880. Стр. 18—19) Виггинсъ, авторъ анонимнаго памфлета: South of Ireland. Hints to irish landlords on the best means of obtaining and increasing their rents By a land agent. London 1824, стр. 13—14, говоритъ о *rundale*: „тысяча золъ проистекаетъ изъ этой системы. едвали можно вообразить размѣры проистекающихъ отсюда невыгодъ. споровъ и распрей которыя порождаются этой нелѣпой формой аренды. великимъ зломъ, проистекающимъ изъ этой системы, является то, что собственность одного изъ товарищей фермеровъ часто конфискуется за ренту другого, даже въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій взнесъ причитающуюся съ него долю“. *J. E. Bicheno* (Ireland, and its economy. London. 1830, стр. 97) также ставитъ *rundale* въ связь съ бѣдностью фермеровъ и трудностью получить землю въ личную аренду. Ср. еще описаніе нѣмецкаго путешественника *Kohl.* Reisen in Ireland. Erster Theil. 1843. Стр. 42.

[1]) Умный и тонкій наблюдатель, французскій путешественникъ Бомонъ, котораго ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ ирландскимъ лэндлордамъ, говоритъ; „конкурренція земледѣльцевъ. которые желаютъ снять землю, возвышаетъ ренту, быть можетъ, болѣе, чѣмъ жадность собственника и мидльмена. Нельзя себѣ вообразить положенія худ-

ненномъ состояніи всего народнаго хозяйства, обусловленномъ насильственнымъ разрушеніемъ промышленности и общимъ перенаселеніемъ, земледѣліе, все равно, процвѣтать не можетъ, то единственно раціональной системой полученія отъ земли наибольшаго дохода является вышеохарактеризованная хищническая система, при которой землевладѣлецъ сторожитъ каждый пенсъ, попадающій въ руки арендатора, и отбираетъ въ видѣ ренты каждый лишній фартингъ. Какъ ни странно, но нищіе арендаторы были выгоднѣй, давали большій доходъ, нежели капиталистическіе. Вѣдь иначе совершенно нельзя понять, какой смыслъ было мидльменамъ пересдавать землю мелкими участками, когда они могли воздѣлывать ее сами наемнымъ трудомъ, который можно было имѣть въ самомъ неограниченномъ количествѣ и за самую дешевую цѣну? Крестьянская рента, съ ея роковою особенностью безграничнаго движенія вверхъ, оказалась здѣсь выше капиталистической. Лэндлорды практически держались этой теоретической истины, и разъ уже ступивъ на путь извлеченія наибольшаго дохода при посредствѣ крестьянской ренты, совершенно послѣдовательно стремились выжать возможно больше, не заботясь о техническомъ прогрессѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, отрицать за лэндлордами настолько сообразительности, чтобы они не могли видѣть, что нельзя убивать курицу, несущую золотыя яйца, если хочешь имѣть эти послѣднія. Тамъ, гдѣ они могли имѣть наибольшую ренту при условіи сравнительнаго благосостоянія крестьянскаго хозяйства. они держались совсѣмъ иной системы, нежели въ сильно перенаселенныхъ округахъ. Поэтому является не случайностью, что именно въ единственой промышленной и потому наименѣе страдавшей перенаселеніемъ провинціи Ulster ранѣе всего выработалось обычное арендное право, защищавшее права арендатора.

Мы потому останавливаемся на выясненіи подчиненнаго значенія арендnаго права и аграрныхъ отношеній Ирландіи, что имъ придается въ литературѣ обыкновенно чрезмѣрное значеніе.

шаго, нежели всѣхъ этихъ рабочихъ, плодящихся на землѣ и держащихся за землю какъ черви, но лишь увеличивающихъ свою бѣдность сверхчеловѣческими усиліями бороться съ ней. Эта бѣдность увеличивается въ точномъ соотвѣтствіи съ приростомъ населенія, пока не образуются, какъ въ наше время, милліоны бѣдняковъ, т. е. индивидовъ, лишенныхъ земли или имѣющихъ ея слишкомъ мало, чтобы можно было прожить съ нея". (*G. de Beaumont.* L'Irlande sociale, politique et religieuse, I, 245—6).

Это естественно, такъ какъ насилія лэндлордовъ прежде всего бросаются въ глаза изслѣдователю, и нерѣдко возмущенное чувство мѣшаетъ выясненію дѣйствительнаго соотношенія вещей. Мы должны поэтому сказать словами Лаверня: „откуда происходитъ эта огромная, безконечная разница между двумя сосѣдними островами, подчиненными однимъ и тѣмъ же законамъ, причемъ на одномъ изъ нихъ, менѣе плодородномъ, можно покрыть ренты по 75 франковъ за гектаръ, огромные налоги, значительную прибыль, высокую заработную плату и содержать значительно большее населеніе, тогда какъ на другомъ, болѣе плодородномъ, съ меньшимъ населеніемъ, платятся низкія ренты, еще болѣе низкіе налоги и прибыли, недостаточная заработная плата? Причины этой странной аномаліи резюмируются въ одномъ словѣ: угнетеніе Ирландіи“ [1]), конечно, какъ послѣдняя причина и перенаселенія, и отсутствія мануфактуръ и т. д.

Какова же была внутренняя логика охарактеризованнаго процесса развитія? Очевидно, если здѣсь и было какое-либо движеніе, то во всякомъ случаѣ назадъ, а не впередъ. Приростъ населенія, не сопровождающійся соотвѣтствующимъ экономическимъ и сельскохозяйственнымъ прогрессомъ, необходимо ведетъ къ хозяйственному вырожденію и росту пауперизма. Прогрессивно ухудшающаяся обработка почвы и отсутствіе капитала вели къ тому, что обширныя площади земли не подвергались обработкѣ,—нищіе коттеры не могли справиться съ воздѣлываніемъ ихъ, и—странный народнохозяйственный парадоксъ—перенаселеніе, развивавшее страшную жажду къ землѣ, было главной причиной значительнаго количества пустовавшихъ земель [2]) „Mr. Griffits въ своемъ от-

---

[1]) *L de Lavergne*, l. c. 382. „Чтобы понять современный ирландскій вопросъ, нужно посмотрѣть назадъ .. Ирландія и ирландцы нашего времени таковы, какими сдѣлало ихъ англійское правительство“ *Russel* New views on Ireland. London. 1880 Стр. 83).

[2]) Нельзя поэтому согласиться съ г. Мануиловымъ: „по какимъ бы причинамъ однако ни совершался ростъ ирландскаго населенія въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка и закончившійся голодомъ 1846 года, фактъ на лицо: населеніе быстро увеличилось. Но превысило ли оно предъ голодомъ средства питанія, которыя могла доставлять страна? Мы безусловно отрицаемъ это: во 1-хъ, на томъ основаніи, что обширныя пространства земли не подвергались обработкѣ, во 2-хъ, что земледѣлецъ не получалъ отъ земли того количества пищи, которое она могла дать“ (*Мануиловъ* Ирландскія аренды. Москва. 1895 Стр 224).

четѣ о состояніи Ирландіи установилъ, что существуетъ не менѣе 1.300,000 акровъ пустошей, способныхъ быть обращенными подъ пашню, и 2,400,000 акровъ подъ пастбища. Коммиссарами законовъ о бѣдныхъ въ 1836 году было высказано мнѣніе, что производительность земли въ Ирландіи сравнительно съ Англіей составляетъ не болѣе половины по цѣнности, а употребляемое для производства число рабочихъ въ Ирландіи превышаетъ болѣе, чѣмъ вдвое число ихъ въ Англіи“ [1]). По словамъ Murphy, „положеніе коттера въ 1846 году было гораздо хуже чѣмъ во дни Артура Юнга. Въ 1846 году крестьянинъ не имѣлъ молока для своей семьи, которое прежде имѣлъ, повидимому, каждый коттеръ, а съ ростомъ населенія качество картофеля, очень часто возращаемаго на болотѣ или недренированной почвѣ, сильно ухудшилось“ [2]). Картофель вообще является настоящимъ проклятіемъ въ ирландской исторіи: онъ оказался продуктомъ, способнымъ прокормить наибольшее количество народа съ данной площади, поэтому онъ позволилъ перенаселенію дойти до послѣдней возможной степени. Огромное количество арендаторовъ, для которыхъ даже хлѣбъ былъ невѣроятной роскошью, разводили картофель на маленькихъ клочкахъ земли, питались этимъ картофелемъ, болѣли его болѣзнями и умирали, когда картофель не родился. Довести до меньшаго минимума свои потребности, чѣмъ этихъ картофельныхъ коттеровъ, кажется, не удавалось еще низшему классу какого бы то ни было культурнаго народа [3]). Это былъ

[1]) Two centuries of irish history Part IV. By *Lord Edmond Fitzmaurice and James T. Thursfield.* From the emancipation of the catholics to the insurrectionary movement of 1848 Стр. 396. Характеристику способовъ производства см особенно у Wakefield, l. c. I, 244—5, 427—8, 581 и далѣе.

[2]) *Murphy.* Ireland etc, 378

[3]) Яркія описанія жизни ирландскаго крестьянина въ это время читатель найдетъ въ описаніяхъ континентальныхъ путешественниковъ, а также и англичанъ. См. напр. *Fr. von Raumer*, l. c. II 403, *Engels*, l. c. 117—18, *Kohl*, l. c. I, 175—6, 178, *Beaumont*, l. c. I, 220—2, 245—6. *Nichols* l. c 162 *G. L. Smyth.* Ireland. Historical and Statistical. Vol. III. London. 1849. Стр. 34—5. (Отрывки изъ этихъ характеристикъ приведены мною въ статьѣ: Ралахайнскій экспериментъ. Міръ Божій, февраль 1900). Ср. еще объ Ирландіи 30-хъ годовъ сочиненія *A. Atkinson.* Ireland in the nineteenth century. London 1833. *Его же.* England exhibited to Ireland. 1821.

Въ оффиціальномъ отчетѣ 1835 года мы встрѣчаемъ такое заявленіе: „можно считать, что классъ бѣдняковъ въ Ирландіи составляетъ почти все населеніе“ (First Report from His Majesty's Commissioners for inquiring

возвратъ къ натуральному хозяйству въ злѣйшей его формѣ. Сношенія съ рынкомъ, неизбѣжныя въ виду необходимости уплаты ренты, строились на свиньѣ или какомъ-либо другомъ животномъ, которое вскармливалось и продавалось спеціально для этой цѣли. И помимо этого, все производство шло для непосредственнаго потребленія. Населеніе, какъ мы знаемъ, при этомъ страшно быстро росло. Размноженіе этихъ одичалыхъ нищихъ совершенно не отличается отъ размноженія слабыхъ животныхъ, гдѣ ради развитія вида не жалѣютъ индивиды [1]). Мы имѣемъ только общія цифры прироста населенія; какіе ужасы раскрыли бы детальныя данныя о движеніи населенія, какую смертность, въ особенности дѣтскую, и зато какую рождаемость! Многихъ разумныхъ людей, наблюдавшихъ этотъ зоологическій приростъ населенія, охватывалъ ужасъ и тяжелыя предчувствія. Кризисъ 1846 года былъ неоднократно предсказанъ въ литературѣ.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ этому заключительному акту трагедіи Ирландіи, остановимся еще на одной изъ самыхъ мрачныхъ деталей ирландской исторіи, именно на изгнаніяхъ фермеровъ,—evictions.

---

into the condition of the poorer classes in Ireland. 1835. Стр. VII). „До 1846 года картофель игралъ для ирландскаго населенія такую же роль, какую въ настоящее время рисъ для населенія нѣкоторыхъ округовъ Индіи, и неурожай риса сопровождался тѣми же опасностями для живущаго имъ населенія, какъ неурожай картофеля для ирландскаго населенія“ (*Grimshaw.* Facts and figures about Ireland, I, 9).

[1]) Кэрнсъ говоритъ какъ объ одной изъ великихъ причинъ ирландскихъ бѣдствій о „полномъ отсутствіи потребностей въ комфортѣ или приличіи, вообще въ чемъ бы то ни было, кромѣ физически необходимаго для существованія, потребностей, которыя могли бы регулировать приростъ населенія“ (*Cairnes*, l. c 135) Для Кэрнса не подлежитъ сомнѣнію, что „населеніе Ирландіи въ 1846 году было избыточно до самой послѣдней степени, избыточно сравнительно съ наличными рессурсами страны для прокормленія населенія, и эта избыточность превосходитъ всѣ примѣры, представляемые исторіей“ (137) Епископъ Дойль приписываетъ причину быстраго размноженія ирландцевъ, кромѣ экономическихъ стимуловъ, именно поднятія цѣнъ на хлѣбъ и роста производства зерновыхъ хлѣбовъ, „бѣдности и—странно сказать—благочестію ирландцевъ“ (Letters on the state of Ireland, adressed by J K L to a friend in England. Dublin 1825, стр. 189—10). Епископъ Дойль не такъ не правъ, какъ это кажется съ перваго взгляда

Очевидно, если дробленіе арендныхъ участковъ доходитъ до такой степени, что весь сельскохозяйственный продуктъ потребляется самими арендаторами и на долю поземельной ренты остается все меньше и меньше, въ интересахъ землевладѣльца является разрѣженіе населенія, которое можетъ быть выполнено только удаленіемъ извѣстной части арендаторовъ [1]). Это и дѣлается посредствомъ изгнанія части фермеровъ, прекращенія аренднаго контракта со стороны лэндлорда, чтобы затѣмъ консолидировать освободившіеся участки земли въ болѣе крупные. Въ Ирландіи въ эту эпоху раздробленность земли была такова, что консолидація всегда была своевременна. Но въ началѣ XIX вѣка обстоятельства сложились, какъ мы знаемъ, въ смыслѣ, благопріятствующемъ дробленію земли. Такими обстоятельствами явились, во-первыхъ, уже извѣстное намъ превращеніе пастбищъ въ пашни и развитіе производства зерновыхъ хлѣбовъ подъ вліяніемъ поднятія цѣнъ на англійскомъ рынкѣ; когда наступила реакція и обратное превращеніе многочисленныхъ пашенъ въ пастбища, должна была во

---

[1]) Процессъ этотъ хорошо изображаетъ Лоренцъ Штейнъ „если наступаетъ обѣдненіе арендатора, то производство на арендуемомъ участкѣ идетъ назадъ, продукты становятся по качеству хуже и хуже Въ такомъ случаѣ является лишь вопросомъ времени, когда наступитъ такой пунктъ, начиная съ котораго арендаторъ не можетъ уже платить ренты. Въ такомъ случаѣ мыслимы два исхода Или землевладѣлецъ совсѣмъ или отчасти отказывается отъ платы или онъ не желаетъ отказаться отъ нея, тогда онъ найдетъ новаго арендатора на старыхъ условіяхъ лишь въ такомъ случаѣ, если каждый земледѣлецъ увѣренъ, что виноватъ въ неуплатѣ ренты былъ самъ арендаторъ или же если послѣдній не имѣлъ намѣренія платить. Поэтому теперь владѣлецъ принужденъ понижать арендную плату, чтобы вообще получить арендатора. Это значитъ, во-первыхъ, что уменьшается его доходъ, а во-вторыхъ, что его земельный капиталъ уменьшается на капитализированный вычетъ изъ ренты. Эти послѣдствія неизбѣжны. Это значитъ, что онъ ошибся, думая, что возможно мелкія аренды и короткій срокъ, которые, казалось сначала, могли повышать цѣнность земли, послужили къ дѣйствительному повышенію его имущества Напротивъ, несомнѣнно, что арендная плата, которая должна бы быть земельной рентой, начинаетъ уничтожать эту послѣднюю, обѣднѣніе арендатора ведетъ къ обезцѣненію, и тамъ, гдѣ еще можетъ существовать аренда, она не сопровождается благосостояніемъ ни у арендатора, ни у землевладѣльца, если образованію капитала у арендатора препятствуютъ высокая рента и краткосрочность аренды, а его доходъ теряетъ характеръ предпринимательской прибыли (?!) и сводится къ поденной платѣ, нерѣдко къ Existenzminimum'y“ (*L. v. Stein*, l. c. 125—3).

всякомъ случаѣ почувствоваться чрезмѣрная раздробленность земель; во-вторыхъ, до 1829 года существовалъ законъ о сорокашиллинговыхъ фригольдерахъ (40 sh. franchise), которые поощрялъ дробленіе земли изъ политическихъ видовъ; это также задерживало консолидацію [1]). Обѣ эти причины являются случайными и второстепенными. Чрезмѣрное дробленіе земель во всякомъ случаѣ наступило бы подъ вліяніемъ одного прироста населенія, не сопровождавшагося экономическимъ и сельскохозяйственнымъ прогрессомъ.

Въ 1816 году прошелъ такъ. наз. Eviction Act, дававшій лэндлорду право удаленія фермеровъ въ цѣляхъ консолидаціи участковъ („clearances“). „Съ этого времени clearances въ гигантскихъ размѣрахъ сдѣлались общимъ правиломъ. Мелкіе фермеры были толпами изгоняемы изъ домовъ, къ которымъ они были привязаны многочисленными узами старыхъ традицій и привычекъ, которые они разсматривали какъ неотчуждаемую собственность“ [2]). Эти массовыя изгнанія отъ роднаго очага составляютъ одну изъ самыхъ трагическихъ страницъ трагической исторіи Ирландіи. Стоны изгоняемыхъ раздаются на протяженіи болѣе чѣмъ полувѣка ирландской исторіи: они слышатся въ литературѣ того времени, даже въ сухихъ парламентскихъ отчетахъ [3]). Право изгнанія, почти равносильное нерѣдко праву

---

[1]) См. объ этомъ въ отчетѣ Коммиссіи Девона, стр. 7—8. Ср. также Report from the select committee on the employment of the poor in Ireland. 1823 Стр. 7.

[2]) *W F. Montgomerry.* The history of land tenure in Ireland. Cambridge. 1889. Стр. 107.

[3]) Свидѣтель свящ. М Collins показалъ предъ коммиссіей 1824 года назначенной для изслѣдованія причинъ ирландскихъ безпорядковъ, слѣдующее „Послѣднее время земельные собственники держатся такого мнѣнія, что причиной ихъ бѣдности является чрезмѣрная скученность (overstocking) населенія на ихъ землѣ; и такъ какъ аренды падаютъ, то лэндлорды освобождаются отъ излишняго населенія удаляя его совсѣмъ съ земли Эти бѣдняки, не имѣя занятія, или сооружаютъ временныя жилища вродѣ сараевъ на большой дорогѣ, или приходятъ въ города и тѣснятся въ мелкихъ комнаткахъ, можетъ быть, по три или четыре семейства на одномъ чердакѣ или небольшой лачугѣ, безъ платья и постели, безъ пищи. живущихъ надеждой найти работу въ городѣ, которой они не могутъ достать Всего три недѣли или около мѣсяца тому назадъ я видѣлъ одно имѣніе, въ которомъ жили до 40 семействъ. Какъ велико оно? Я думаю, оно около 500 акровъ, включая неудобныя земли, которыхъ много. Эти

жизни и смерти, даетъ лэндлорду страшную деспотическую власть надъ своими фермерами, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ злѣйшую чѣмъ крѣпостное право, ибо послѣднее, какъ правило, исключаетъ возможность изгнанія [1]).

Эти изгнанія, естественно, возбуждаютъ столь сильное негодованіе, что это взволнованное чувство мѣшаетъ правильной

40 семей состояли изъ 200 лицъ. По окончаніи арендnаго срока, лэндлорды, согласно своей теперешней системѣ удалили 28 или 30 семей, состоящихъ изъ 150 лицъ. Имъ было дозволено взять съ собой старую крышу съ ихъ хижинъ, т. е. гнилое дерево и соломy, а затѣмъ они были выгнаны, чтобы строить себѣ шалаши у дороги Мужчины не могли найти занятія, женщины и дѣти не имѣли никакихъ средствъ, кромѣ милостыни, и была, дѣйствительно, раздирающая сцена, когда они брели по дорогѣ, не зная куда идти. Эта система становится господствующей, и я думаю, что причина бѣдствія есть избытокъ населенія въ связи съ отсутствіемъ занятій; и нѣтъ никакихъ постановленій, которыя обезпечивали бы помощь этимъ бѣднякамъ, которые обречены быть обездоленными странниками по всему свѣту" (362—3) Свидѣтель читаетъ далѣе отрывокъ изъ своего письма, которое онъ послалъ въ Лондонскую Tavern Comm: „избыточное населеніе на этомъ островѣ можетъ разсматриваться какъ главная причина уменьшенія цѣнности земли и неспособности фермеровъ платить ренту; поэтому сдѣлалось излюбленнымъ средствомъ у собственниковъ земли разрѣжать населеніе въ своихъ имѣніяхъ, такъ какъ они думаютъ, что черезчуръ многочисленное населеніе потребляетъ весь продуктъ съ земли и ничего не оставляетъ для собственниковъ. Выполненіе этого плана принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. Что же остается населенію? У нихъ нѣтъ средствъ для эмиграціи, и они не могутъ найти землю или другое занятіе дома. Бѣднякъ прогоняется съ своимъ семействомъ изъ дома и съ земли, можетъ быть, съ одной или съ двумя коровами, нѣсколькими овцами или лошадью Все это, не стоющее по существующимъ цѣнамъ и 5 фунтовъ, служитъ имъ, чтобы снять клочекъ земли у какого-нибудь мидльмена, который только что очистилъ свою ферму отъ нѣсколькихъ бѣдняковъ, предварительно ихъ разоривъ, и который согласится принять ихъ въ качествѣ фермеровъ, такъ какъ у нихъ есть лошадь, корова или нѣсколько овецъ. Рента такова, какую захочетъ мидльменъ, арендаторъ обѣщаетъ что угодно, лишь бы не идти въ городъ, гдѣ, онъ знаетъ, нѣтъ занятій, и надѣясь годъ, два просуществовать отъ новой аренды; но къ концу года все, что онъ имѣетъ, конфискуется мидльменомъ, и онъ, въ концѣ концовъ, прогоняется искать убѣжища въ какомъ-нибудь шалашѣ или въ городѣ, ища для своего существованія невѣрнаго поденнаго труда" (362).

[1]) Милль говоритъ: „только въ Ирландіи все земледѣльческое населеніе можетъ быть изгнано по волѣ одного лэндлорда, или по истеченіи срока аренды, или чаще по истеченіи шестимѣсячнаго промежутка для уплаты ренты. Только въ Ирландіи большая часть населенія зависитъ

оцѣнкѣ хозяйственнаго ихъ значенія. Но постараемся, подавивъ это естественное чувство, исполнить обязанность экономиста и опредѣлить ихъ дѣйствительное хозяйственное значеніе. Мы, прежде всего, должны тогда констатировать, что изгнанія сами по себѣ вовсе не есть плодъ порочной воли лэндлордовъ, но что они явились результатомъ жестокой хозяйственной необходимости, которой подлежатъ и лэндлорды (конечно, при этомъ исключается вся та масса ненужныхъ жестокостей, которыя при этомъ совершались и которыя остаются на совѣсти лэндлордовъ). Достаточно указать на то, что обезземеленіе извѣстной части крестьянства при данныхъ условіяхъ неизбѣжно наступило бы, еслибы лэндлордовъ совсѣмъ и не было, а земля находилась бы въ собственности крестьянства. Страшно усиливающееся перенаселеніе сдѣлало бы свое дѣло, доведя дробленіе участковъ до такой степени, что веденіе хозяйства на нихъ было бы абсолютной невозможностью. Паразиты, которые всегда на лицо тамъ, гдѣ есть пожива, выполнили бы то, что дѣлали лэндлорды, быть можетъ, въ нисколько не болѣе мягкой формѣ. Трагизмъ положенія заключался совсѣмъ не въ томъ, что извѣстная часть крестьянъ вынуждена была разстаться съ землей, а въ томъ, что, теряя землю, она теряла единственную возможность заработка, что другихъ занятій въ странѣ не было и оставалось одно только нищенство [1]). И мы уже видѣли, что этотъ

исключительно отъ земли и не можетъ съ увѣренностью располагать ею даже на одинъ годъ“ (*J. St. Mill.* England and Ireland. London. 1868. Стр. 16) „Обстоятельства Ирландіи таковы, что эта власть произвольнаго изгнанія въ рукахъ лэндлордовъ даетъ имъ надъ фермерами такое господство, по сравненію съ которымъ кажется легкимъ самое тяжелое ига феодальной зависимости. Изгнать фермера въ Ирландіи въ 9 случаяхъ изъ 10 значитъ обратить его въ нищаго, лишить его средствъ къ жизни, послать въ работный домъ, изгнать изъ родины. Ферма, которую онъ снимаетъ, есть единственный способъ, которымъ онъ можетъ прилагать свой трудъ и вырабатывать хлѣбъ для себя и своихъ дѣтей. Человѣкъ, который можетъ по своему произволу лишить его этой возможности является его господиномъ болѣе абсолютнымъ, чѣмъ рабовладѣлецъ относительно своихъ рабовъ“ (*Isaac Butt.* The Irish people and the Irish land, Dublin 1867 Стр. 8—9).

[1]) Это ясно было и для многихъ современниковъ. Напр. свид. Cropper предъ коммиссіей для изслѣдованія состоянія Ирландіи, указавъ на широкое распространеніе изгнаній фермеровъ, продолжаетъ: „очевидно, что это и должно было наступить; если населеніе такъ возросло, что

трагизмъ созданъ не лэндлордизмомъ, а братоубійственнымъ своекорыстіемъ Англіи. Лэндлордизму принадлежитъ только *особая форма* этого трагическаго. но тѣмъ не менѣе рокового и неизбѣжнаго процесса обезземеленія. [1]). Въ извѣстномъ смыслѣ evictions являются хозяйственно-прогрессивными, составляя коррективъ естественнаго процесса дробленія земли и устраняя его крайности.

потребляетъ весь продуктъ страны, въ интересахъ лэндлорда является уменьшить ихъ число. Думаете-ли вы, что учрежденіе мануфактуръ въ Ирландіи дозволило бы этимъ земельнымъ собственникамъ произвести эту перемѣну безъ опасности для общества и даже съ увеличеніемъ комфорта для населенія? Несомнѣнно, оно имѣло бы это значеніе". (Fourth report from the select committee on the state of Ireland Minutes of evidence 689—90)

[1]) Экономическая необходимость evictions была ясна для многихъ и въ то время. Вотъ напр показанія свид Foster'a предъ коммиссіей 1827 года объ эмиграціи. 3156. „Извѣстно-ли вамъ, что приростъ населенія ведетъ къ дробленію земли, которое въ послѣднемъ счетѣ можетъ быть признано весьма вреднымъ для интересовъ землевладѣльца? Конечно. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи оно имѣло мѣсто въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что почти весь продуктъ страны шелъ на содержаніе населенія, едва оставляя скудный фондъ для уплаты ренты лэндлорду. 3157. Не думаете-ли вы, что интересы земельныхъ собственниковъ значительно выиграли бы благодаря удаленію съ земли этого излишняго (extra) населенія, а теперешняя система могла бы смѣниться другой, въ которой были бы болѣе благопріятныя условія относительно снабженія фермеровъ капиталомъ? Это было бы въ высшей степени выгодно для земельныхъ собственниковъ; они уже раздѣляютъ это мнѣніе и находятся въ паническомъ страхѣ предъ этимъ приростомъ населенія. Они намѣреваются для улучшенія дѣла прибѣгнуть къ очень суровымъ средствамъ; какъ только кончается арендный срокъ, вошло въ обыкновеніе изгонять избыточное населеніе, какъ единственное средство получать въ будущемъ нѣкоторый приличный доходъ". (Minutes of evid 308). Свид. R Cassidy (земельный агентъ) далъ слѣдующее показаніе предъ коммиссіей 1830—31 года для изслѣдованія состоянія Ирландіи. 6002 „Считаете-ли вы на основаніи своего опыта невозможнымъ улучшить положеніе имѣнія, если оно покрыто мелкими хозяйствами и не является ли лэндлордъ почти вынужденнымъ въ интересахъ улучшенія своего имѣнія для защиты своихъ собственныхъ правъ прибѣгать къ такому образу дѣйствій, который кажется въ высшей степени суровымъ? Я знаю, что при такой степени дробленія земли, какое существуетъ въ Ирландіи, для лэндлорда совершенно невозможно улучшить и хорошо вести хозяйство безъ измѣненій въ системѣ сдачи фермъ". (Report of the select committee on the state of Ireland. 1831—2 Min. of evid.).

Въ первыя десятилѣтія evictions проявляются спорадически: насъ отсутствуетъ ихъ статистика въ эту эпоху. Особенное развитіе они получаютъ въ сороковыхъ годахъ, но изученіе этой эпохи еще впереди. Здѣсь же для насъ важно было отмѣтить только ихъ общее значеніе, ввести ихъ какъ лишній штрихъ въ рисуемую нами картину народнаго хозяйства Ирландіи.

На основаніи всего изложеннаго ясно, что развитіе Ирландіи привело въ тупикъ, идти впередъ было некуда, кризисъ былъ неизбѣженъ и неотвратимъ. Такимъ кризисомъ и явился голодъ 1846 — 7 года, по своей жестокости и опустошительности, вѣроятно, не имѣющій себѣ равнаго въ Европѣ въ теченіе XIX вѣка. Его опустошительность можно опредѣлить, сопоставивъ оффиціально установленныя цифры цензовъ 1841 и 1851 года: въ 1841 году населеніе составляло 8,175,124 человѣкъ (а въ 1845 году, предъ голодомъ, его исчисляютъ равнымъ 8,295,000), въ 1851 году оно было уже 6,552,385, уменьшеніе болѣе чѣмъ на 1,600 тысячъ [1]); около милліона приходится на эмиграцію, слѣдовательно болѣе 600 тысячъ человѣкъ (плюсъ естественный приростъ населенія) вымерло голодною смертью. Ближайшей причиной голода послужила болѣзнь картофеля, главнаго продукта питанія ирландцевъ, но, очевидно, это было только случайнымъ поводомъ, кризисъ былъ подготовленъ всѣмъ предыдущимъ развитіемъ Ирландіи. Очевидцы рисуютъ душераздирающія картины голода. „Народъ умиралъ на улицахъ и умиралъ на поляхъ; онъ умиралъ въ горахъ и умиралъ въ равнинахъ; онъ умиралъ за работой и умиралъ въ своихъ домахъ, такъ что небольшія улицы и села оставались почти безъ одного жителя; и въ концѣ концовъ остающіеся, отчаявшись получить помощь въ деревнѣ, доползали въ городъ и здѣсь умирали у дверей жителей или за городскимъ валомъ. Нѣкоторыхъ хоронили въ землѣ, а нѣкоторые оставались непогребенными въ горахъ, гдѣ и умерли, такъ какъ не было никого, кто былъ бы въ состояніи похоронить ихъ... Описанія, которыя давались

[1]) По компетентной и весьма осторожной оцѣнкѣ Гриншоу, „число смертей въ результатѣ великаго голода 1847 года и болѣзней съ нимъ связанныхъ не превышало 729,033“. (*Grimshaw.* Facts and figures about Ireland. Part I. Dublin 1893, стр. 6). Раньше эта цифра опредѣлялась гораздо выше, въ 1,200,000, но это предположеніе лишено всякихъ серьезныхъ основаній

относительно этихъ сценъ заслуживающими довѣрія очевидцами, заставили бы дрогнуть и жестокія сердца и слишкомъ ужасны, чтобы передавать ихъ. Все это произошло потому, что не нашлось никого, обладающаго соотвѣтственными административными способностями, чтобы привезти во время хлѣбъ и спасти населеніе“ [1]). Англія и здѣсь осталась себѣ вѣрна.

Mr. Horsman 17 мая 1849 года говорилъ въ парламентѣ относительно состоянія Ирландіи слѣдующее. „Все здѣсь пришло въ состояніе хаоса: отношенія класса къ классу, богатыхъ къ бѣднымъ, собственника и арендатора къ землѣ и рабочему.. Ирландія становится обширнымъ лазаретомъ (lazaar house). Имѣли ли мы болѣе полную картину физическаго и моральнаго запустѣнія чѣмъ теперь? Знали-ли мы или читали когда-либо о чемъ-нибудь, что бы превосходило это? Богатое государство христіанскаго вѣка! Одинъ инспекторъ уподобляетъ ее странѣ, опустошенной непріятелемъ; нѣтъ, больше того, какъ будто ангелъ смерти пролетѣлъ надъ ней: поражено все населеніе, воздухъ зачумленъ, поля пустынны, церкви заброшены, пастырь и пасомые вмѣстѣ умираютъ отъ голода, ни свадебъ, ни богослуженій, не записываются даже умершіе, большая дорога превратилась въ склепъ, въ странѣ хаосъ, собственность разрушена, царитъ паническій ужасъ, фермеры прячутся отъ долговъ, земля не обрабатывается, работный домъ представляетъ моральную чуму, смерть, отчаяніе, безнадежность господствуетъ по всей странѣ“ [2]).

Такую пощечину получила Англія вслухъ всего міра въ стѣнахъ своего парламента за свои злодѣянія относительно Ирландіи, между тѣмъ какъ эта послѣдняя истекала кровью и слезами. . . .

2. Отъ кризиса 1847 года до нашихъ дней.

Голодъ 1846—7 года открываетъ новую эру въ ирландской исторіи, является моментомъ перелома въ развитіи. По

[1]) *Trench.* Realities of Irish life, 134 Самое яркое описаніе голода 1847 года см. въ отчетахъ о поѣздкѣ въ Ирландію Sir W. Forster'a и его спутниковъ, изданный подъ общимъ заглавіемъ Distress in Ireland. 1846 (въ каталогѣ Брит Муз 8285, д 6). См. также: *I O'Rourke.* History of the Great Irish Famine of 1847. Dublin. 1875. A tale of the Irish Famine in 1846 and 1847.

[2]) Hansard's Parliamentary Debates, 3-rd series, vol. 105, 608 и сл.

справедливому замѣчанію авторитетнаго ирландскаго статистика Гриммшоу, „ирландскій кризисъ 1847 года произвелъ въ странѣ полную соціальную революцію, настолько глубокую, что каждое важное существующее установленіе, можно считать, возродилось или получило новое развитіе послѣ кризиса [1]).

Кризисъ кладетъ конецъ эпохѣ растущаго перенаселенія; съ этого времени движеніе населенія Ирландіи непрерывно убываетъ, въ общемъ столь же быстро, какъ и расло до кризиса. Эта убыль объясняется необыкновеннымъ развитіемъ эмиграціи, которая превышаетъ (относительно) эмиграцію всѣхъ европейскихъ странъ [2]). Вотъ какъ измѣнялось ирландское населеніе отъ ценза до ценза:

	Населеніе.	Убыль (Абсолютно)	% убыли.
1841	8,175,125	—	—
1851	6,552,385	1,622,739	19.9
1861	5,798,967	753,418	11,5
1871	5,412.377	386,590	6,7
1881	5,174,836	237,541	4,4
1891	4,704,750	470.986	9,1
Отъ 1841 до 1891		3,470,374	42,5

Населеніе за 50 лѣтъ уменьшилось почти вдвое и въ 1891 году достигло уровня, самаго низкаго въ столѣтіи. Эмиграція подвергалась большимъ колебаніямъ, достигая перваго максимума въ 1851 году, когда она составляла 34,4 на 1,000 населенія, затѣмъ постепенно опускаясь и опять достигая минимума въ 7,1% въ 1876 году, затѣмъ снова повышаясь до 21,6% въ 1883 году, а затѣмъ опять постепенно понижаясь (13% въ 1890 году).

---

[1]) *Grimshaw*, l c I, 6

[2]) Вотъ для сравненія среднее число эмигрантовъ въ періодъ 1871—83 годовъ на 100,000 населенія:

изъ Ирландіи. . . .	1,206	изъ Даніи	260
„ Норвегіи. . . .	642	„ Германіи. . . .	198
„ Шотландіи . .	527	„ Швейцаріи . . .	192
„ Англіи. . .	432	„ Италіи.	143
„ Швеціи . . .	360	„ Франціи	13
„ Португаліи . .	306		

(Статья *von Philippovich*. Auswanderung въ Handw. der Staatsw., 2-te Aufl., II, 67).

Намъ предстоитъ теперь изучить причины, значеніе и соціальныя послѣдствія этой безпримѣрной въ исторіи Европы убыли населенія.

Голодъ 1846—7 года, какъ это ни странно, оказался благодѣтеленъ для народнаго хозяйства Ирландіи, потому что облегчилъ ее отъ двухъ слишкомъ милліоновъ избыточнаго населенія, часть котораго вымерла, а часть эмигрировала [1]). Эмиграція послѣ голода приняла такіе гиганскіе размѣры, что въ эту эпоху въ лѣтописяхъ Ирландіи она именуется „великимъ исходомъ“ (great exodus). Благодаря соединенному дѣйствію голода и evictions, которыми лэндлорды пользовались въ это время чрезвычайно широко [2]), количество хозяйствъ менѣе одного акра быстро и рѣзко упало съ 135,314 въ 1841 году до 73,016 въ 1847 году и до 37,728 въ 1851, уменьшилось за десятилѣтіе почти въ 4 раза. Мелкія хозяйства отъ 1 до 5 акровъ

---

[1]) По словамъ ирландскихъ историковъ, „Ирландія жестоко пострадала отъ голода, но голодъ, удаливъ безработное населеніе и расточительныхъ землевладѣльцевъ, послужилъ горькимъ, но дѣйствительнымъ лѣкарствомъ противъ основного зла страны“ (Fitzmaurice und Thursfield, l. c. 409)

[2]) Чтобы устранить теперь же выставляемое иногда утвержденіе, будто эмиграція обусловливалась главнымъ образомъ evictions, приведу сопоставленіе числа изгоняемыхъ лицъ за періодъ 1849—80 г. (заимствуя цифры у *King*. The irish question. London. 1882, стр. 70—71) и числа эмигрантовъ за соотвѣтствующіе годы

	Изгнанные.	Эмигранты.		Изгнанные.	Эмигранты.		Изгнанные	Эмигранты
1849	90,440	214,000	1861	5,288	64,000	1872	2,476	78 000
1850	104,163	209,000	1862	5,617	70,000	1873	3,078	90,000
1851	68,023	224,000	1863	8,695	117,000	1874	3,571	73,000
1852	43,494	190,000	1864	9,201	114,000	1875	3,323	51,000
1853	24.589	173,000	1865	4,513	101.000	1876	2,550	38,000
1854	10,794	141,000	1866	3,571	99,000	1877	2,177	39,000
1855	5,114	92,000	1867	2.489	81,000	1878	4,679	41,000
1856	5,475	91,000	1868	3,002	61,000	1879	6,239	47,000
1857	4,643	64,000	1869	1,741	67.000	1880	10,457	96,000
1859	3,872	81,000	1870	2,616	75.000			
1860	2,985	85,000	1871	2,357	71,000			

Конечно, регистрація evictions далеко не улавливаетъ всѣхъ случаевъ изгнаній. Но тѣмъ не менѣе очевидно, (какъ это было отмѣчено еще Кэрнсомъ, l. c. 192—3) нѣтъ никакихъ статистическихъ основаній утверждать, чтобы эмиграція была результатомъ насильственныхъ изгнаній

также уменьшились съ 310,436 съ 1841 году до 139,041 въ 1851. Въ уменьшеніи числа этихъ картофельныхъ участковъ слѣдуетъ видѣть рѣшительный прогрессъ. Прогресъ этотъ отмѣчался многими наблюдателями ирландской жизни, хотя встрѣчаются, впрочемъ, и противоположныя мнѣнія [1]).

Новѣйшее развитіе Ирландіи характеризуется медленнымъ, но неуклоннымъ прогрессомъ, сопровождающимся и отчасти обусловленнымъ убылью населенія. Убыль населенія какъ причина ирландскаго прогресса,—таковъ тезисъ, который долженъ быть доказанъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

---

[1]) „Годы, слѣдующіе за 1848, принесли много соціальныхъ измѣненій въ Ирландіи, однако безспорно, что наружное благосостояніе въ странѣ возросло въ необычайной степени. Мидльменство исчезло, абсентеизмъ значительно уменьшился“ и т. д. (*W. E. Montgomery*, l. c., 124). Въ 1863 году *W Nelson Hancock* выпустилъ Report on the supposed progressive decline of Irish prosperity. Dublin, въ которомъ доказывалъ ростъ народнаго богатства въ Ирландіи въ связи съ убылью населенія. По этому вопросу на страницахъ журнала Дублинскаго статистическаго общества (Journal of the Dublin Statistical society съ 1855—61, а съ 1862 года Journal of the Statistical and Social Inquiry Society of Ireland, выходящій и по настоящее время) велась интересная полемика. *Инманъ* въ своемъ докладѣ доказывалъ ростъ благосостоянія въ Ирландіи послѣ 1847 года, то же и *Лонгфилдъ*, имъ возражалъ *Heron*, встрѣтившій отвѣтъ *Макдонелля*: мнѣнія о ростѣ благосостоянія Ирландіи держался и *Инграмъ*. Въ настоящее время, когда у насъ имѣется для сравненія болѣе обширный матеріалъ за болѣе продолжительный періодъ, изложеніе и разборъ этой полемики не представляетъ интереса. Заслуживаетъ вниманія аргументація Dr *Lyon Playfair*. On the declining production of human food in Ireland. (Recess Studies ed. by sir Alexander Grant), который пытался доказать, что за періодъ 1856—7 до 1867—8 года Ирландія стала производить меньше пищи чѣмъ прежде. Еслибы даже это и было доказано, то для нашего вопроса это доказательство, какъ говорится, не на тему: возможно, что при абсолютномъ уменьшеніи пищи относительное ея количество на ѣдока возрастаетъ, такъ что убывающее населеніе становится всетаки богаче пищею. Насколько же производство имѣетъ въ виду рынокъ, то, конечно, здѣсь имѣетъ значеніе не химическій учетъ питательныхъ веществъ, получаемыхъ съ почвы, но ихъ цѣна,—продуктъ наиболѣе дорогой есть и наиболѣе питательный.—Извѣстный уже намъ французскій путешественникъ Бомонъ, въ первый разъ посѣтившій страну въ 1835—6 году, а затѣмъ видѣвшій ее послѣ голода, въ изданіи своей книги 1865 года не отмѣчаетъ еще рѣшительной перемѣны къ лучшему, а лишь ея начало. „Благодѣянія эмиграціи, несомнѣнныя для тѣхъ, кто удаляются, меньше и болѣе сомнительны для остающихся. Нельзя отрицать, что число конкуррирующихъ изъ-за работы и фермъ уменьшилось, разъ отъ 2 до 3 милліоновъ ирланд-

Связь между убылью населенія и ростомъ его благосостоянія ясна уже a priori, на основаніи ученія объ емкости земледѣльческой территоріи относительно населенія, развитаго въ предыдущей главѣ. Ирландія была и есть земледѣльческая страна; объ этомъ лучше всего можно судить по ничтожному росту городского населенія, которое вообще незначительно: въ 1841 году число городовъ выше 10,000 жителей было 17 съ 621,003, а въ 1891 г.—18 съ 844,549 жителями; свыше 100 тысячъ жителей имѣлъ только Дублинъ, считавшій въ 1841 году 232,726, а въ 1891 году 245,001. Такимъ образомъ, Ирландія можетъ имѣть только земледѣльческое движеніе населенія (прибыль или убыль). Можно считать стоящимъ внѣ сомнѣнія, что до 1841 года Ирландія была страшно перенаселена. Предполагая всѣ условія производства и рынка неизмѣнными, слѣдуетъ принять, что Ирландія должна была освободиться отъ значительной части своего населенія, чтобы избѣжать чрезмѣрной парцелляціи и вынужденнаго натуральнаго (картофельнаго) хозяйства, которыя парализовали техническій прогрессъ. Очевидно, что въ той мѣрѣ, насколько число населенія приводится въ соотвѣтствіе техническимъ потребностямъ земледѣлія, поднимается какъ благосостояніе трудящихся, такъ и уровень земледѣлія. Самостоятельное значеніе имѣетъ здѣсь и ростъ потребностей земледѣльца, который также понижаетъ емкость территоріи относительно населенія, расширяя площадь производства для рынка (а также и для собственнаго потребленія). Перенаселеніе свело уровень потребностей на такой варварскій мини-

цевъ оставили страну. Однако, хотя количество рукъ такимъ образомъ и уменьшилось, кажется, что предложеніе все-таки больше спроса, потому что заработныя платы все еще недостаточны и нерегулярны. Картофель, по прежнему, составляетъ главную пищу ирландскихъ рабочихъ. Что касается страшно высокой арендной платы, незамѣтно, чтобы она понизилась одновременно съ уменьшеніемъ числа конкуррентовъ; конкурренція, предметомъ которой являются фермы, остается тою же самой; это становится понятно, если вспомнить, что было уничтожено еще большее количество фермъ, нежели выселилось фермеровъ. Правда, теперь меньше бѣдныхъ хижинъ омрачаетъ глазъ путешественника, ихъ снесено было отъ 300,000 до 400,000. Но если жилища нѣкоторыхъ фермеровъ улучшились, то у большаго числа изъ нихъ остаются по прежнему жалкими". (Beaumont l. c. XXVII—VIII). Послѣдній его выводъ остается все-таки, что „не смотря на бѣдствія, которыми Ирландія страдаетъ въ настоящее время..., я осмѣливаюсь утверждать, что Ирландія прогрессируетъ и, повидимому, предъ нею открывается лучшее будущее" (*LII*).

мумъ, что малѣйшее повышеніе потребностей должно было отразиться уменьшеніемъ емкости территоріи.

Итакъ, даже *при прочихъ равныхъ условіяхъ*, болѣе или менѣе значительное уменьшеніе населенія должно было явиться необходимымъ хотя и отрицательнымъ условіемъ прогресса земледѣлія и роста благосостоянія ирландскаго населенія и, въ извѣстныхъ границахъ, этотъ прогрессъ и этотъ ростъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе убыль населенія Съ убылью населенія растетъ и народное благосостояніе. Это положеніе кажется на первый взглядъ чудовищнымъ и нелѣпымъ парадоксомъ, а этотъ способъ прогресса невѣроятнымъ. Нужно знать все печальное прошлое Ирландіи, чтобы понять, что этотъ кажущійся парадоксъ есть непосредственный результатъ англійской политики, которая заставила Ирландію остановиться на предкапиталистическомъ пере населеніи, за которымъ не послѣдовало, однако, развитія промышленнаго капитализма и которому невозможно было поэтому разрѣшиться въ процессѣ органическаго роста страны.

Мы пока предположили объективныя условія, опредѣляющія емкость земледѣльческой территоріи относительно населенія, неизмѣнными, но на самомъ дѣлѣ они не оставались неизмѣнными; они измѣнялись въ направленіи уменьшенія этой емкости, слѣдовательно, доля избыточнаго населенія повышалась. Чтобы сдѣлать это понятнымъ, достаточно напомнить читателю, что съ 70-хъ годовъ начинается аграрный кризисъ, подъ тяжестью котораго раззоряется даже земледѣліе Англіи. Ирландія, которая мало извлекла положительныхъ выгодъ изъ союза съ Англіей, зато всѣ отрицательныя, подпала также дѣйствію аграрнаго кризиса, которое не компенсировалось для нея развитіемъ промышленности, какъ для Англіи. Мы уже знаемъ, что дѣйствіе аграрнаго кризиса для крестьянскаго хозяйства выражается прежде всего въ уменьшеніи емкости территоріи относительно населенія, какъ благодаря измѣненію въ интенсивности хозяйства, такъ и хозяйственныхъ системахъ. И то и другое имѣло мѣсто относительно Ирландіи.

Обращаясь къ изученію судебъ ирландскаго земледѣлія въ разсматриваемій періодъ, мы должны замѣтить, что онъ гораздо скуднѣе свѣдѣніями, нежели предыдущій, когда постоянно назначались парламентскія коммиссіи для изученія положенія Ирландіи то по поводу голодовокъ, то эпидемій, то возста-

ній, то арендныхъ отношеній. Теперь, когда ирландцы изобрѣли самодѣйствующее средство помощи въ видѣ эмиграціи, Англія поспѣшила забыть объ Ирландіи (именно объ ея экономической жизни,—политически Ирландія никогда не давала о себѣ забыть), забыть настолько основательно, что Royal Commission on Agriculture ограничила свое изученіе только Великобританіей, исключивъ изъ него *земледѣльческую* Ирландію. Она осталась едва затронута и въ изслѣдованіяхъ Richmond Commission. Commission on labour ввела въ кругъ своего изученія положеніе сельскохозяйственнаго труда въ Ирландіи. Если сюда прибавить отчеты инспекторовъ о бѣдныхъ 1873 года, то мы исчерпаемъ всю оффиціальную парламентскую литературу объ Ирландіи за вторую половину XIX вѣка. За то эквивалентъ составляетъ прекрасная текущая статистика Ирландіи, изъ которой мы и почерпнемъ цифровую характеристику этого періода. Мы имѣемъ при этомъ возможность опереться на статистическія сопоставленія для періода 1841—90, превосходно выполненныя первокласснымъ ирландскимъ статистикомъ, sir Thomas Wrigley Grimshaw, завѣдующимъ ирландскимъ статистическимъ бюро (Registrar-General for Ireland) и президентомъ Дублинскаго Statistical and Social Inquiry Society [1]). Для новѣйшаго времени его сопоставленія восполнены нами на основаніи данныхъ текущей статистики [2]).

Движеніе цѣнъ на англійскомъ рынкѣ, который является главнымъ рынкомъ для Ирландіи, намъ уже извѣстно. Мы можемъ поэтому прямо обратиться къ тѣмъ измѣненіямъ въ системѣ хозяйства, которыя являются въ значительной степени результатомъ этого движенія цѣнъ.

---

[1]) Мы разумѣемъ уже не разъ цитировавшуюся нами работу Facts and figures about Ireland. Part. I. Comprising a summary and analysis of the principal statistics of Ireland for the fifty years 1841—90. Part II. Comprising statistics of irish counties, with tables of the principal statistics of the counties for each of the six decennial census years, 1841—1891, and a summary and analysis. Dublin. 1893 Къ этой работѣ приложены многочисленныя таблицы, въ которыхъ суммированы (въ 118 столбцахъ) всѣ важнѣйшіе статистическіе признаки за 50 лѣтъ. Въ основу этой работы легли доклады автора Дублинскому Statistical and Social Inquiry Society, напечатанные въ журналѣ общества

[2]) Agricultural statistics of Ireland, with detailed report on agriculture for the year 1898. Dublin. 1899.

Намъ извѣстно, что Ирландія, по своимъ естественнымъ качествамъ представляющая лучшее въ мірѣ пастбище, была подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ начала XIX вѣка искусственно превращена въ пашню; когда исключительно благопріятныя условія для производства зерновыхъ хлѣбовъ миновали, и, послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, рыночныя конъюнктуры стали склоняться все больше и больше въ пользу скотоводства къ невыгодѣ земледѣлія, мы видимъ, что Ирландія мало-по-малу снова возвращается къ пастбищному хозяйству. Вотъ какъ распредѣлялась земельная площадь (въ statute acres), въ тысячахъ:

Годы.	Зерновые хлѣба.	Кормовыя травы.	Луга и клеверъ.	Трава.	Вся земл. площадь	Паръ	Горы, болота, пустоши, дороги и д
1847—50 (безъ 1848)	3,213	1,071	1,160	—	—	—	—
1851—55	2.897	1,402	1,272	9,297	15,001	10	4,806
1856—60	2,723	1,605	1,425	9,438	15,303	45	4,587
1861—65	2,419	1,505	1,589	9,702	15,428	36	4,537
1865—70	2,173	1,468	1,679	10,014	15,564	22	4,412
1871—75	1,993	1,416	1,864	10,323	15.719	15	4 258
1876—80	1,814	1,316	1,915	10,248	15,424	15	4,557
1881—85	1,682	1,238	1,978	10,195	15,204	22	4,773
1885—90	1,555	1,224	2,147	10,066	15,109	14	4,876
1851—60	2,810	1,503	1,349	9,375	15,169	75	4.685
1861—70	2,296	1,486	1,634	9,858	15,496	29	4,475
1871—80	1,903	1,366	1,890	10,285	15,571	15	4,408
1881—90	1,618	1,231	2,063	10 130	16,156	18	4,825
1888—97	1,485	1,177	2,163	10,228	15,138	19	4,861
1898	1,391	1,105	2,174	10,470	15,175	17	4,834

Мы видимъ здѣсь ту же картину расширенія пастбищъ во всѣхъ видахъ насчетъ пахатныхъ земель, какую наблюдаемъ теперь по всей зап. Европѣ какъ результатъ аграрнаго кризиса.

Емкость земледѣльческой территоріи относительно населенія понижается, и средствомъ приспособленія къ кризису должна явить дальнѣйшая эмиграція. Отмѣтимъ здѣсь же, что въ Ирландіи, безъ сомнѣнія, благодаря господству здѣсь мелкаго крестьянскаго хозяйства, не происходитъ того разоренія сельскаго хозяйства, которое мы наблюдаемъ въ Англіи, гдѣ земля выходитъ изъ обработки, площадь сокращается и т. д. Въ Ирландіи, наоборотъ, мы видимъ только перемѣну системы хозяйства, но самое хозяйство развивается, общая культурная площадь растетъ до самаго послѣдняго времени, площадь пара сокращается; также сокращается и площадь неудобныхъ земель, ея увеличеніе съ конца 70-хъ годовъ только кажущееся и должно быть отнесено на долю болѣе точной регистраціи новаго времени[1]). Мы имѣемъ, значитъ, на лицо столь непонятный для многихъ пародоксъ: въ эпоху перенаселенія, когда къ земледѣлію прилагалось наибольшее число рукъ, обрабатываемая площадь сокращалась, а количество пустошей расло; теперь, когда число рабочихъ рукъ убываетъ, земледѣльческая площадь растетъ. Для насъ уже ясны причины этого непонятнаго на первый разъ явленія.

Какое вліяніе на емкость территоріи оказали перемѣны, про-

[1]) Гримшоу говоритъ по этому поводу: „съ 1876 года и до настоящаго времени отчеты показываютъ видимый приростъ пустошей, и изъ этого факта дѣлались плачевные выводы, что Ирландія „постоянно превращается въ болото и пустошь“. Реальныя причины этого таковы. Въ раннюю эпоху собиранія земледѣльческой статистики не считалось необходимымъ входить во всѣ мелочныя детали и потому если травяная ферма у горы имѣетъ со стороны горы полоску каменистой безплодной земли, да съ противоположнаго конца кусокъ болота, то вся эта земля, вѣроятно, обозначалась какъ травяная площадь.. За нѣсколько лѣтъ предъ 1876 годомъ счетчикамъ была рекомендована большая тщательность, и земля, фактически не употребляемая подъ траву или съ другой цѣлью, хотя бы и хорошаго качества, отмѣчалась какъ пустошь. Въ 1877 году, въ соотвѣтствіи требованіямъ большей точности со стороны науки, затребованы еще большія детали, и отъ счетчиковъ требовалось устанавливать по возможности точно количество земли, годной для употребленія, и способъ ея употребленія, а также количество болота, каменистыхъ и гористыхъ мѣстъ и т д., какое было въ данный моментъ на каждой фермѣ. Благодаря этому подсчету мелкихъ клочковъ пустошей всякаго рода и возникло кажущееся уменьшеніе культурной площади Ирландіи“. (*Grimshaw*, l. c, I, 20). Гримшоу предостерегаетъ отъ увлеченія обращеніемъ пустошей подъ культуру, по его мнѣнію, въ Ирландіи до 2 мил. акровъ абсолютно непригодной земли (ib. 21).

ишедшія во внутренней организаціи ирландскаго земледѣлія? Изучимъ эти перемѣны. Свѣдѣнія о количествѣ хозяйствъ различныхъ размѣровъ имѣются относительно Ирландіи въ чрезвычайномъ изобиліи, съ 1841 года они собираются ежегодно, такъ что мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ измѣненія въ распредѣленіи хозяйствъ. Къ сожалѣнію, эти данныя относятся только къ *числу* хозяйствъ, но не къ *площади* ихъ. Отсутствіе послѣднихъ данныхъ въ ирландской статистикѣ дѣлаетъ наши свѣдѣнія о распредѣленіи хозяйствъ весьма недостаточными. Но нужно пользоваться тѣмъ, что есть. Читатель помнитъ, что послѣ голода чрезвычайно сократилось число картофельныхъ клочковъ ниже 1 акра. За послѣднее время количество ихъ опять нѣсколько возрасло, хотя далеко не въ прежнемъ объемѣ, именно съ 40,080 въ 1861 году до 62,994 въ 1898 году. Но теперь хозяйственное значеніе этихъ клочковъ, конечно, иное, чѣмъ было въ эпоху аграрнаго перенаселенія; это либо пригородные огороды, либо картофельные участки сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Прежняго своего значенія они *не могутъ* имѣть при теперешнихъ народнохозяйственныхъ условіяхъ, почему увеличеніе числа ихъ не имѣетъ того зловѣщаго значенія какъ прежде. Оставимъ въ сторонѣ эти участки, какъ не имѣющіе большого сельскохозяйственнаго значенія.

Для знакомства съ перемѣнами, происшедшими въ организаціи хозяйства, обратимся, прежде всего, къ соотвѣтственнымъ статистическимъ даннымъ. (См. стр. 359).

Фактъ, прежде всего бросающійся въ глаза въ этой статистикѣ, есть сокращеніе количества хозяйствъ, консолидація земельныхъ участковъ, въ результатѣ убыли населенія. По расчету Гриншоу, тогда какъ въ 1841 году на душу сельскаго населенія приходилось пашенъ и пастбищъ 1,8 акра, въ 1891 году было уже 3,8 акра.

Сокращеніе числа хозяйствъ въ наибольшей степени приходится на долю очень мелкихъ хозяйствъ отъ 1 до 5 акровъ. число которыхъ круто падаетъ послѣ голода, и затѣмъ замѣтно, но постепенно убываетъ до настоящаго времени. Поскольку эти хозяйства служили опорой аграрнаго пауперизма, ихъ исчезновеніе, стоящее въ очевидной связи съ эмиграціей, можно считать экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ. Значительному сокращенію подверглась и сосѣдняя категорія хозяйствъ отъ 5 до

Годы	Хозяйства отъ 1 до 5 акровъ.	5 —15 акр.	15—30 акр.	Выше 30 акр	Всего выше 1 акра.
1841	310,436	252,799	79 342	48,625	691,202
1851	88,083	191,854	141,311	149,090	570,338
1861	85,469	183,931	141,251	157,833	568,484
1871	74,809	171,383	138,647	159,303	544,142
1881	67,071	164,045	135,793	159,834	526,743
1891	63,464	156,661	133,947	162,940	517,012
1898	61,816	154,441	133,749	164,245	514,241
Разница между 1841 и 1898	— 248,620	— 98,358	+ 54,407	+ 115,620	— 176,951
	— 80,1%	— 38,9%	+ 68,6%	+ 237,8%	— 25,6%

15 акровъ. Эти хозяйства образуютъ настоящія крестьянскія хозяйства, хотя и все еще мелкаго типа. Сокращеніе ихъ числа довольно значительно, но, не располагая данными о площади ихъ, мы не можемъ сказать, означаетъ ли это уменьшеніе ихъ числа сокращеніе и площади этой группы, или же произошла лишь консолидація мелкихъ участковъ въ болѣе крупные, не переходящіе однако границъ этой группы. Послѣднее предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ: повышеніе среднихъ размѣровъ хозяйствъ является прямымъ результатомъ эмиграціи, которая совершалась, конечно, въ наибольшомъ количествѣ именно на счетъ класса самыхъ фермеровъ.

Слѣдующая группа хозяйствъ отъ 15 до 30 акровъ, настоящія крестьянскія хозяйства [1]), страшно увеличивается послѣ

[1]) Бродрикъ писалъ еще въ 1870 году: „типичный ирландскій фермеръ арендуетъ 15—20 акровъ земли, включая сюда нѣсколько акровъ пастбища для коровъ, которыхъ даже самое бѣдное ирландское семейство держитъ одну или двѣ, обладая весьма скромными потребностями въ хлѣбѣ, но потребляя значительное количество молока... Ферма воздѣлывается самимъ фермеромъ, съ помощью его сыновей или племянниковъ ихъ лишь случайной помощью сосѣда, но въ большинствѣ случаевъ безъ всякой помощи наемнаго труда“. (*Brodrick.* The Irish Land Question, въ Recess Studies ed. by Grant. 1870. Стр. 23). Съ тѣхъ поръ средніе размѣры крестьянской

голода, а затѣмъ постепенно, хотя и медленно сокращается, конечно, также, подъ вліяніемъ убыли населенія. Отсутствіе свѣдѣній о площади не даетъ намъ возможности и здѣсь сдѣлать увѣренное сужденіе относительно дѣйствительнаго значенія этихъ цифръ. Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, намъ кажется, что мы имѣемъ и здѣсь дѣло съ повышеніемъ среднихъ размѣровъ хозяйства. Къ этому побуждаетъ не только убыль населенія, но и перемѣна въ системахъ хозяйства, являющаяся въ результатѣ кризиса и заставляющая увеличивать размѣры хозяйства, другими словами, уменьшающаяся емкость территоріи относительно населенія. Нужно замѣтить, что число хозяйствъ вообще колеблется изъ года въ годъ, и послѣдніе годы опять даютъ увеличеніе: такъ съ 1896 года до 1898 количество фермеровъ, занимающихъ хозяйства этихъ размѣровъ (occupiers), увеличилось съ 121,012 до 121,487. Сравнительно съ 1897 годомъ въ 1898 году это была единственная группа хозяйствъ (кромѣ хозяйствъ менѣе 1 акра), которая обнаруживаетъ увеличеніе (на 441), всѣ остальныя показываютъ убыль. Въ общемъ можно сказать, что, несмотря на нѣкоторое уменьшеніе въ числѣ, обусловливаемое, вѣроятно, убылью населенія въ связи съ увеличеніемъ фермъ, эта группа отличается устойчивостью и играетъ весьма видную роль въ сельскомъ хозяйствѣ Ирландіи. Остается, наконецъ, послѣдняя группа, выше 30 акровъ, обнаружившая очень сильный приростъ. Фактъ этотъ даетъ основанія утверждать, что въ Ирландіи развивается капиталистическое хозяйство по типу англійскаго. Что такое направленіе развитія существуетъ, отрицать невозможно, но весьма важно опредѣлить дѣйствительные размѣры этого явленія.

Группа хозяйствъ выше 30 акровъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько категорій: внизу находится группа крупнокрестьянскихъ хозяйствъ отъ 30 до 50 акровъ, далѣе идутъ фермы среднекапиталистическія 50—100 акр., затѣмъ крупнокапиталистическія, примѣрно до 200 акровъ; очень крупныя 200—500 акр. и латифундіи свыше 500. Отсутствіе свѣдѣній о распредѣленіи площади здѣсь чувствительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Для 1898 года мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія относительно распа-

---

фермы должны, конечно, повыситься, съ одной стороны, подъ вліяніемъ убыли населенія, а съ другой, подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса и усиленія пастбищнаго хозяйства насчетъ зернового въ его результатѣ.

денія группы выше 30 акровъ на эти категоріи: 30—50 акр. 67,669 хозяйствъ, 50—100 акр. 53,824, 100—200 акр. 22,617, 200—500 акровъ, 8,915, свыше 500 акровъ 2,256. Мы видимъ, что доля крупнокрестьянскихъ хозяйствъ довольно высока, составляетъ около половины числа хозяйствъ всей группы. Тѣмъ не менѣе остается неоспоримымъ фактъ значительнаго распространенія чисто капиталистическихъ фермъ, происхожденіе которыхъ относится къ новому времени и было результатомъ консолидаціи фермъ послѣ голода. Наслѣдниками эмигрировавшихъ и изгнанныхъ мелкихъ фермеровъ явились, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ среднекрестьянскими хозяйствами капиталистическія фермы.

Для пониманія настоящаго положенія вещей въ высшей степени важно опредѣлить, каковы теперешнія перспективы капиталистическаго земледѣлія въ Ирландіи? Мы знаемъ, что эпоха 50 — 70-хъ годовъ была благопріятна для него, потому что Англія въ это время представляла обезпеченный и растущій рынокъ, съ довольно устойчивыми цѣнами; сравнительно съ англійскимъ фермеромъ ирландскій имѣлъ преимущество дешевой рабочей силы — прелести аграрнаго перенаселенія, долго еще дававшаго себя чувствовать, хотя дешевизна труда отчасти парализовалась его низшей интенсивностью. Напротивъ эпоха аграрнаго кризиса не благопріятствовала развитію капиталистическаго земледѣлія. Ирландія, благодаря своему природному пастушескому характеру, успѣшнѣе Англіи выносила первые годы кризиса, пока не было еще паденія цѣнъ на скотъ и продукты скотоводства. Фермерскій капиталъ опредѣляемый по шедулѣ B [1]), съ 1875 года, когда онъ составлялъ 9,293,035 ф. ст., возросталъ, хотя и медленно, еще до 1887 года, въ которомъ равнялся 9,959,787 ф. Съ этого года начинается обратное движеніе и въ 1896 году капиталъ шедулы B равенъ 9,894,271 ф. Уже это говоритъ о томъ, что капиталистическое земледѣліе въ Ирландіи въ эпоху кризиса не прогрессируетъ, а скорѣе идетъ назадъ. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ имѣющіяся у насъ отрывочныя показанія предъ парламентскими коммиссіями. Такъ напр. предъ

---

[1]) Читатель помнитъ, что эта шедула включаетъ не одинъ фермерскій капиталъ, но и наслѣдства· in respect of the occupation of Land, Tenements, and Hereditaments.

Richmond Commission свид. проф. Балдвинъ показалъ: „Положеніе крупныхъ фермеровъ во многихъ случаяхъ, я боюсь, очень неудовлетворительно“. Свид. майоръ Робертсонъ показалъ: „я думаю, что положеніе крупныхъ фермеровъ также плохо, а во многихъ случаяхъ и хуже, чѣмъ мелкихъ фермеровъ“ [1]).

Въ отчетахъ Commission on labour встрѣчаемъ также отрывочныя показанія, свидѣтельствующія объ упадкѣ капиталистическихъ фермъ. Коммиссаръ Mc Crea, напр., сообщаетъ: „одинъ сѣверный мануфактуристъ, указывая на неспособность фермеровъ давать занятіе труду, благодаря уменьшенію прибылей и превращенію пашенъ въ пастбища, говоритъ: „мелкіе фермеры (крестьяне) скоро будутъ единственными земледѣльцами, такъ какъ они работаютъ сами съ своими семействами“... Я думаю, замѣчаетъ коммиссаръ, что это предсказаніе чурезчуръ мрачно. но будущее во всякомъ случаѣ представляется нерадостнымъ. Многіе фермеры при теперешнихъ условіяхъ находятся въ большомъ затрудненіи; только тѣ, которые имѣютъ очень хорошую землю или особливо благопріятныя условія, процвѣтаютъ, и много земли вообще переходится на одну жатву“ [2]).

Едвали не о томъ же свидѣтельствуетъ измѣненіе въ распредѣленіи крупныхъ хозяйствъ за послѣднее десятилѣтіе. Вотъ свѣдѣнія объ измѣненіи количества хозяевъ разныхъ категорій [3]).

	30—50 акр.	50—100 акр.	100—200 акр.	200—500 акр.	Выше 500 акр.
1887	73,875	56,485	22,871	8,317	1,570
1897.	67,669	53,824	22,617	8,915	2,256

[1]) Minutes of evidence, qu 19,873

[2]) Royal Commission on Labour. The agricultural labourer. Vol. IV. Ireland. Four Parts Part I. Reports by Mc Crea (Assistant Commissioner) upon certain selected districts in counties Antrim, Armagh, Donegal, Down, Termanagh, Leitrim, Londonderry, Longford, Louth Meath, Monaghan, Sligo, Tyrone and Westmenth. 1893. Стр. 11—12.

[2]) Нужно замѣтить, что число хозяевъ (occupiers) менѣе чѣмъ число хозяйствъ (holdings), очевидно, благодаря возможности сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ (особенно мелкихъ) хозяйствъ. Такъ въ 1898 году число хозяйствъ было 577,962, а хозяевъ 535,358. Любопытно, что, тогда какъ число хозяйствъ постоянно сокращается, число хозяевъ уве-

Мы видимъ значительное сокращеніе числа хозяевъ, обладающихъ фермами отъ 30 до 100 акровъ, представляющихъ наиболѣе раціональные размѣры фермы какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи; сокращается также число хозяевъ, обладающихъ крупными фермами отъ 100 до 200 акровъ, все еще не выходящими изъ границъ раціональныхъ размѣровъ фермъ, но зато увеличиваются обладающіе отъ 200 до 500 акровъ, особенно же значительно увеличивается число фермеровъ, хозяйства которыхъ выше 500 акровъ, т. е. представляютъ собою латифундіи. Этотъ послѣдній фактъ, въ сопоставленіи съ фактомъ уменьшенія фермерскаго капитала за этотъ періодъ свидѣтельствуетъ о томъ, что развитіе идетъ здѣсь въ сторону латифундіарнаго вырожденія крупнаго хозяйства; эта своеобразная болѣзнь, постигающая капиталистическое хозяйство подъ давленіемъ кризиса, намъ уже знакома по континенту. Такой характеръ развитія говоритъ скорѣе за то, что шансы крупнаго хозяйства становятся неблагопріятны и что оно не можетъ поддерживаться въ прежнемъ видѣ; такъ какъ путь раздробленія крупнаго въ мелкое хозяйство здѣсь исключенъ, благодаря убыли населенія, уносимаго эмиграціей, то остается обратный путь ликвидаціи, обращеніе въ латифундіи, хозяйственная деградація. Нужно однако оговориться, что это лишь предположенія, отсутствіе достаточныхъ данныхъ не позволяетъ намъ сдѣлать увѣреннаго заключенія.

Такъ или иначе, нельзя отрицать довольно значительной консолидаціи фермъ послѣ голода. Концентрація фермъ не представляла здѣсь никакихъ препятствій и совершалась по манію руки лэндлорда. Нужно скорѣе удивляться, что процессъ этотъ не принялъ болѣе обширныхъ размѣровъ. Какъ было только что замѣчено, разъ вступивъ на путь концентраціи, лэндлорды могли идти только впередъ, а не назадъ, потому что удаляемые фермеры далеко не всѣ оставались на родинѣ, но эмигрировали въ Америку. Поэтому разъ консолидировавъ ферму, лэндлордъ терялъ возможность вновь раздробить ее. Эту особенность, стоящую въ связи съ движеніемъ ирландскаго населенія, нужно непремѣнно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о концентраціи фермъ въ Ирландіи.

личивается: въ 1892 году оно составляло 525,275, противъ 535,358. 1898 года. Признакъ этотъ говоритъ во всякомъ случаѣ не за концентрацію хозяйства.

Образованіе капиталистическихъ фермъ предполагаетъ одно важное условіе,—именно возникновеніе класса наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. До кризиса, да въ значительной степени и послѣ него, потребность въ наемномъ трудѣ удовлетворялась посредствомъ мелкихъ коттеровъ, воздѣлывающихъ самостоятельно мелкіе клочки земли. Колоссальное уменьшеніе въ числѣ мелкихъ хозяевъ послѣ голода, продолжавшееся и далѣе, обратило, безъ сомнѣнія, множество прежнихъ мелкихъ фермеровъ въ безземельныхъ пролетаріевъ, принужденныхъ существовать исключительно продажей своего труда [1]). Но у насъ нѣтъ никакихъ

---

[1]) Въ отчетѣ 1870 года коммиссара о бѣдныхъ Dr King, относящемся къ графствамъ Коркъ, Бандонъ, Клонэкильти, Фермой, Кинсэль, Макрумъ, Маллоу, Митчельстоунъ, Кильмаллокъ, Мидльтонъ и Югталь, читаемъ: „рабочій классъ не можетъ теперь существовать въ такой степени, какъ прежде картофелемъ. Они очень часто имѣли обычай самимъ культивировать это растеніе, но теперь они должны покупать хлѣбъ“ и т. д (Reports from poor law inspectors on the wages of agricultural labourers in Ireland. 1870. Стр 1). Однако обычай сельскохозяйственныхъ рабочихъ снимать клочки земли сохранился и до настоящаго времени. Обильныя свидѣтельства объ этомъ находимъ въ Commission on Labour. Напр. Mc Crea, какъ одно изъ условій найма рабочихъ, указываетъ: „with or without perquisites, consisting of a cottage or potato ground, often a garden“ (особое вознагражденіе, состоящее изъ коттэджа или картофельнаго участка, нерѣдко сада). (Report, 8). Въ анонимномъ сочиненіи „надзиратели надъ бѣдными“, относящемся къ 1892 году, также читаемъ: „ирландскаго рабочаго называли фермеромъ, не получившимъ фермы (farmer who has not got a farm). Это вѣрно только въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ Существуетъ классъ мелкихъ хозяевъ на крайнемъ западѣ Ирландіи, которые являются фермерами на жалкихъ клочкахъ зимою и весною, и рабочими на англійскихъ фермахъ въ теченіе лѣтняго времени. Лица этого класса, не имѣющіе своей собственной фермы, являются, дѣйствительно, фермерами безъ фермъ, но большая часть ирландскихъ жатвенныхъ рабочихъ (harvest man) имѣютъ клочки земли, хоть и маленькіе Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный западный фермеръ можетъ разсматриваться какъ связующее звено между „мелкимъ фермеромъ“ и рабочимъ въ собственномъ смыслѣ слова“. (The Irish peasant. By a Guardian of the poor. London. 1892. Стр. 101) Западныя провинціи являются и по сейчасъ главнымъ источникомъ земледѣльческаго отхода въ Англію: въ 1897 году изъ общаго числа отхожихъ рабочихъ 16.237 болѣе $^4/_5$, именно 13,224 приходилось на Connaught, а изъ этой суммы 8,701, болѣе половины, на Mayo. Весь отходъ въ періодъ 1880—97 гг. колебался отъ 22,900 (въ 1882 году) до 11,723 (въ 1888). Agricultural Statistics, Ireland Report and Tables relating to migratory agricultural labourers. Dublin. 1897.

свѣдѣній о числѣ этихъ пролетаріевъ, объ его измѣненіяхъ, а также и о томъ, въ какой мѣрѣ потребность въ наемномъ трудѣ удовлетворяется мелкими коттерами и въ какой—безземельными пролетаріями. Несомнѣнно лишь, что наемный трудъ въ крупное хозяйство притекаетъ изъ того и другого источника.

Ясно, какое вліяніе на емкость территоріи оказывалъ процессъ консолидаціи хозяйствъ: онъ создавалъ относительный избытокъ населенія, которому оставалось только покинуть свою родину, переселяясь или въ Англію или въ Великобританію.

Итакъ, состояніе перенаселенія въ Ирландіи послѣ голода проистекало изъ трехъ источниковъ: во-первыхъ, изъ абсолютнаго избытка населенія, унаслѣдованнаго отъ предшествовавшаго періода; во-вторыхъ, изъ относительнаго избытка населенія, проистекающаго изъ перехода отъ зернового къ пастбищному хозяйству; въ третьихъ, отъ возникновенія капиталистическихъ фермъ, сопровождавшагося разрѣженіемъ населенія. Однако долженъ здѣсь еще разъ отмѣтить, что двѣ послѣднія причины являются лишь осложнявшими и обострявшими состояніе абсолютнаго перенаселенія, которое имѣло мѣсто и безъ нихъ [1]).

Ирландское населеніе съ честью разрѣшило на этотъ разъ мучительную задачу приспособленія чрезмѣрно густого населенія

---

[1]) Марксъ (Капиталъ, I, 617) объясняетъ избытокъ населенія послѣ 1847 года, конечно, относительнымъ перенаселеніемъ, исключительно въ результатѣ консолидаціи фермъ и перехода къ пастбищному хозяйству. Это вполнѣ естественно, потому что Марксъ оставляетъ совершенно внѣ своего изученія раннія эпохи ирландской исторіи, когда накоплялось абсолютное перенаселеніе. Къ тому же развитіе Ирландіи совершенно не укладывается въ его схему. Но удивительно, что эта страна, основное несчастіе которой заключалось въ невозможности развитія промышленнаго капитализма, способнаго повышеніемъ емкости территоріи излѣчить страну отъ язвы аграрнаго пауперизма, у Маркса фигурируетъ въ качествѣ иллюстраціи золъ капиталистическаго развитія Естественно, что соотвѣтствующій параграфъ представляетъ хаотическую груду цифръ и фактовъ, относящихся къ срединѣ XIX вѣка и подобранныхъ съ цѣлью лишній разъ показать злодѣйства „капитала“ Но здѣсь нѣтъ даже намека на дѣйствительный ходъ развитія страны, и подобный матеріалъ для обличенія капитализма можно извлечь изъ исторіи любого народа, хотя бы папуасовъ, еслибы они имѣли статистику. Странно читать у Маркса этотъ параграфъ, представляющій, несомнѣнно, самыя слабыя страницы I тома Капитала и показывающій, къ какой уродливости способна повести тенденціозность даже у геніальнаго мыслителя

къ извѣстной емкости территоріи, къ тому-же постоянно убывавшей,—разрѣшило непрерывной эмиграціей. И въ результатѣ удачнаго разрѣшенія этой труднѣйшей хозяйственной проблемы, народное благосостояніе, и при убывающемъ населеніи страны, увеличивается, а также прогрессируетъ, насколько позволяютъ, конечно, условія рынка, и сельское хозяйство.

Остановимся сперва на земледѣліи. Мы познакомились уже съ нѣкоторыми признаками (уменьшеніе пара, ростъ культивируемой площади), свидѣтельствующими, что, несмотря на измѣненія въ системахъ хозяйства, именно переходъ отъ земледѣлія къ скотоводству, въ предѣлахъ этихъ измѣненій ирландское земледѣліе идетъ впередъ, а не назадъ. Это же положеніе мы можемъ подтвердить теперь данными относительно общей производительности ирландскаго земледѣлія. Средняя производительность съ акра составляла:

	Пшеница центн.	Овесъ центн.	Ячмень центн	Турнепсъ въ тоннахъ.	Свекла.	Картофель	Сѣно и клеверъ въ тоннахъ.
1847—50	13,6	13 8	17,3	15,8	18,1	5,8	2,0
1851—55	14 0	14,2	18,1	16,1	17.8	5.6	2,0
1856—60	12,8	12,4	14 8	11,5	12,2	3,4	1,9
1861—65	11.4	11,7	14 3	10,5	11,0	3,0	1.8
1866—70	12.2	12,3	15,9	11 7	12,7	3,4	1 8
1871—75	13,0	13,1	16,5	13,2	14.0	3,1	1,9
1876—80	14,4	13,2	15,6	11,8	12,9	2,9	2,1
1881—85	14,4	13,6	15,6	12,4	13,1	3,7	2,0
1885—90	15,0	13,6	15,6	12,2	13,1	3,4	2,1
1851—60	13,4	13,3	16,4	13.8	15,0	4,5	1,9
1861—70	11.8	12,0	15,1	11,1	11 8	3.2	1,8
1871 - 80	13,7	13,1	16,0	12,5	13.4	3,0	2,0
1881—90	14,7	13,6	15,6	12,3	13,1	3,5	2,0
1888—97	15,9	14,7	16,9	14,0	14,6	3,4	—
1898	18,8	16,0	18,9	16,8	18	4,4	—

Важнѣйшіе изъ зерновыхъ хлѣбовъ обнаруживаютъ приростъ средней производительности съ акра. Въ извѣстной степени это объясняется тѣмъ, что съ сокращеніемъ общей площади подъ посѣвами остались лишь наиболѣе плодородныя земли. Но главнымъ образомъ это слѣдуетъ объяснить улучшеннымъ воздѣлываніемъ. (Мы оставили въ сторонѣ второстепенные хлѣба, съ незначительной площадью). Подобный же ростъ производительности мы видимъ и относительно кормовыхъ травъ и сѣна; кромѣ того, здѣсь не приложимо только что изложенное соображеніе объ отборѣ наиболѣе плодородныхъ земель, ибо площадь подъ травами и пастбищами растетъ; слѣдовательно, это повышеніе должно быть всецѣло отнесено на улучшеніе культуры. Что касается картофеля, то, по замѣчанію Гриншоу, „это растеніе, отъ котораго прежде зависѣло столь много жизней, обнаруживаетъ большое непостоянство въ урожайности“ [1]). Пониженіе производительности отмѣчается только относительно немногихъ растеній, которыя не играютъ большой роли (напр. капуста) или производство которыхъ сокращается (напр. ленъ).

Такъ какъ Ирландія все болѣе становится пастушеской страной, то для характеристики состоянія ея сельскаго хозяйства еще важнѣе вышеприведенныхъ свѣдѣнія объ ея скотоводствѣ. Количество различныхъ видовъ скота измѣнялось здѣсь слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ) (См. стр. 368)

Почти всѣ виды скота (а также и птицы) обнаруживаютъ значительное увеличеніе, хотя, разумѣется, съ неизбѣжными колебаніями. Уменьшеніе населенія сопровождается ростомъ скотоводства. Конечно, въ немалой степени это объясняется обращеніемъ пашенъ подъ пастбища. Но мы имѣемъ здѣсь не только абсолютное, но и относительное повышеніе скотоводства, какъ въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія поучительныя сопоставленія Гриншоу [2]), который является виднымъ сторонникомъ того мнѣ-

[1]) *Grimshaw*, I, 29. Любопытно, что съ исчезновеніемъ обширнаго слоя аграрнаго пауперизма, существовавшаго главнымъ образомъ картофелемъ, производство злосчастнаго корнеплода постоянно сокращается, въ чемъ нельзя не видѣть отрицательнаго признака роста народнаго благосостоянія. Наибольшихъ размѣровъ картофельная площадь достигаетъ въ періодъ 1856—60 гг., когда она равна 1,157 тысячъ акровъ, въ 1898 году она составляла уже 665 тысячъ.

[2]) *Grimshaw*, l. c. I, 33. Оставляемъ въ сторонѣ попытку Гриншоу гипотетически опредѣлить площадь пастбищъ 1841 года и всѣ цифры, относящіяся къ 1841 году.

	Лошадей	Муловъ	Ословъ.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Поросятъ.	Козловъ	Птицъ.
1841	576	—	92	1,863	2,106	1,413	—	8,459
1847—50	537	—	122	2,760	1,946	781	183	6.321
1851—55	538	21	147	3,301	3,041	1,165	281	8.261
1856—60	607	19	163	3,660	3,555	1,224	231	9,655
1861—65	581	20	170	3,326	3,476	1,137	175	10,209
1866—70	529	20	171	3,727	4,600	1,229	199	10,758
1871—75	533	21	180	4,084	4,335	1,281	248	11,905
1876—80	556	24	186	4,018	3,934	1,217	271	13,622
1881—85	540	28	191	4,077	3,254	1,290	262	13,590
1886—90	566	30	204	4,155	3,697	1,404	293	14,624
1851—60	572	20	155	3,480	3,298	1,194	256	8,958
1861—70	555	20	170	3,526	4,038	1,183	187	10,483
1871—80	544	22	183	4,051	4,134	1,249	259	12,763
1881—90	553	29	197	4,116	3,475	1,397	277	14,107
1888—97	633		218	4,350	4,197	1,344	315	15,933
1898	620		232	4,487	4,288	1,254	296	17,687

нія, что послѣ голода Ирландія находится на пути медленнаго, но вѣрнаго прогресса:

	1841	1851	1861	1871	1881	1890
Рогатаго скота . .	1,863	2,967	3,472	3,976	3,957	4,240
Считая три овцы за 1 голову рог скота.	702	707	1,185	1,411	1,085	1,441
Всего	2.565	3,674	4,657	5,387	5,042	5,681
Акровъ пастбища . .	7,949	8,749	9,534	10,071	10,075	10,212
Количество акровъ на голову скота . . .	3,1	2,4	2,0	1,9	2,0	1,8

„Такимъ образомъ, заключаетъ Гримшоу, хотя и произошло сокращеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ и приростъ пастбищъ и луговъ, прибыль въ количествѣ скота превзошла всякую пропорцію, которая соотвѣтствовала бы происшедшимъ измѣненіямъ въ хозяйствѣ. Этотъ приростъ въ 2,007,000 штукъ рогатаго скота представляетъ весьма существенное увеличеніе въ цѣнности земледѣльческаго дохода и капитала въ Ирландіи. Этотъ приростъ въ скотѣ и овцахъ не можетъ быть для настоящаго времени оцѣненъ менѣе чѣмъ примѣрно въ 10 милл. ф. ст., компенсирующихъ въ извѣстной мѣрѣ уменьшеніе зерновыхъ хлѣбовъ и по количеству и по цѣнности. На основаніи приведенныхъ цифръ слѣдуетъ вывести, что значительная часть прироста цѣнности капитала, заключеннаго въ живомъ скотѣ, повидимому, должна быть отнесена на счетъ улучшеннаго веденія сельскаго хозяйства“.

Заслуживаетъ особеннаго замѣчанія, что этотъ прогрессъ сельскаго хозяйства не остановленъ и эпохой кризиса, который весьма тяжело легъ и на ирландское хозяйство [1]).

Какая форма хозяйства явилась носителемъ этого прогресса? Прямыхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ. Но нужно предположить, что прогрессъ исходилъ отъ тѣхъ формъ, которыя усиливались въ эту эпоху, т. е. прежде всего отъ крупнокапиталистическаго, а затѣмъ и отъ среднекрестьянскаго хозяйства. Что же касается двухъ послѣднихъ десятилѣтій, когда звѣзда крупнаго хозяйства начинаетъ снова закатываться, можно съ

[1]) Жалобами на разрушительное вліяніе кризиса переполненъ частный отчетъ, основаніемъ которому явился родъ частной анкеты: Agricultural depression in Ireland. The Harvest of 1896 with the reduction in prices and in rents since 1881 Dublin. 1897 (сначало напечатано въ Freeman's Journal). Здѣсь приводятся, между прочимъ, слѣдующія сопоставленія (по оцѣнкѣ Registrar-General):

	1884—88	
Средняя цѣнность урожая . .	35.752,000	ф. ст.
„ „ скота . .	55,827,000	„
Всего . . .	91,579.000	ф. ст.
	1892—3.	
Средняя цѣнность урожая . .	34,643,000	ф. ст.
„ „ скота . . .	54,312,000	„
Всего . . .	88,955.000	ф. ст.
Убыль въ	2,624,000	„

большой вѣроятностью, на основаніи аналогіи съ исторіей другихъ странъ, а также прямыхъ и косвенныхъ указаній о тяжеломъ состояніи крупнаго хозяйства [1]), сказать, что этотъ прогрессъ въ большей степени исходитъ отъ среднекрестьянскаго, чѣмъ отъ крупнаго хозяйства. Быть можетъ, именно благодаря этому, сельское хозяйство Ирландіи не обнаруживаетъ того общаго упадка, какой замѣчается въ Англіи, но идетъ въ этомъ отношеніи путемъ континента съ его крѣпкимъ крестьянствомъ. Повторяемъ однако еще разъ, что это лишь предположеніе, основанное на аналогіи и умозаключеніяхъ, но лишенное твердой фактической опоры.

Слѣдуетъ отмѣтить еще два обстоятельства, которыя являются симптомомъ, а вмѣстѣ и условіемъ прогресса сельскаго хозяйства. Первымъ изъ этихъ обстоятельствъ является новѣйшее развитіе арендnаго права, новѣйшее арендное законодательство. Намъ извѣстно, что tenancy-at-will была главной формой арендъ въ эпоху аграрнаго перенаселенія. По мѣрѣ измѣненія общихъ народнохозяйственныхъ условій, измѣняются и условія аренды. Развитіе это ведетъ къ тому, что безправное положеніе tenant-at-will, лишеннаго всякихъ гарантій и неспособнаго ни къ какому техническому прогрессу, все болѣе и болѣе смѣняется такимъ, при которомъ фермеру гарантируется цѣлость его капитала, и извѣстная продолжительность арендnаго срока. Арендное законодательство, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго явился законъ 1892 г., явилось обработкой и распространеніемъ на всю Ирландію обычнаго права, установившагося въ провинціи Ulster [2]). Очевидна

---

[1]) Въ только что цитированномъ отчетѣ читаемъ между прочимъ: „тогда какъ цѣны на зерновые хлѣба и скотъ, на все, что составляетъ источникъ дохода для фермера, понизились, издержки производства возвысились. За десятилѣтіе, предшествовавшее 1881 году, еженедѣльная заработная плата сельскихъ рабочихъ въ среднемъ составляла 8 ш. 6 п., теперь она равна 11 ш. 6 п. Естественный ходъ вещей ведетъ къ дальнѣйшему ея повышенію. Средній приростъ съ 1881 года равенъ 36%“ (l. c. 18).

[2]) Наилучшее изложеніе это законодательства, подробное изученіе котораго мы считаемъ возможнымъ здѣсь отъ себя отклонить, нашло въ книгѣ г. *Мануилова*: Ирландская аренда Кромѣ того см. *G. Sigerson.* History of the land tenures and land classes of Ireland London. 1871. *W. E. Montgomerry.* The history of land tenure in Ireland Cambridge. 1889. *Ed. Wiss* Das irische Landgesetz vom Jahre 1881. Berlin. 1882. *M. Longfield* The tenure of land in Ireland. 1881 (въ Systems of Land tenures in various

та внутренняя и необходимая связь, которая существуетъ между новымъ арендным законодательствомъ и измѣнившимися условіями сельскаго хозяйства: одно съ необходимостью постулировало другое; вмѣстѣ съ тѣмъ гарантіи, которыми обставляетъ выполненіе арендаго контракта новое законодательство, расчищаютъ почву для дальнѣйшаго развитія сельскаго хозяйства.

Вторымъ обстоятельствомъ является развитіе въ Ирландіи земледѣльческихъ кооперацій. Ихъ возникновеніе и развитіе, сопутствующее, мы знаемъ, здорому и крѣпкому крестьянскому хозяйству, относится къ самому новому времени. Въ 1889 году было всего одно общество, состоящее изъ 50 членовъ, въ 1890 то же самое, въ 1891 году 17 обществъ съ 850 членами, 1892—25 обществъ съ 1,050 членами, въ 1893—30 съ 1,250, въ 1894—33 съ 1,650, въ 1895—67 съ 3,800 членами, въ 1896—110 съ 10,120, въ 1897—148 съ 14,290, въ 1898. послѣднемъ отчетномъ году, 243 общества съ 27,322 членами. Эти послѣднія цифры, конечно, не особенно велики, но замѣчателенъ быстрый и непрерывный ростъ кооперативнаго движенія, составляющаго одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій новѣйшаго развитія Ирландіи. Особенное развитіе получили кооперации въ молочномъ хозяйствѣ, наиболѣе удобномъ для кооперативнаго веденія и сохраняющемъ свою доходность и въ настоящее время. Въ 1898 году изъ общаго числа заведеній для приготовленія молочныхъ продуктовъ (factories) 387 кооперациямъ фермеровъ принадлежало 165. Общее число кооперативныхъ обществъ 1898 года распадалось такъ: молочныя и сельскохозяйственныя (совмѣстныя закупки и продажи) общества—123, вспомогательныя—13, сельскохозяйственныя—77, банки—15, разныя—13, федерацій—2. Развитію кооперацій въ Ирландіи содѣйствуетъ Irish Agricultural Organisation Society, стягивающее въ себя лучшія силы страны и имѣющее президентомъ перваго иниціатора кооперативнаго движенія въ Ирландіи Mr. Horace Plunket [1]). Оно

countries. Ed. by Cobden Club). *James Godkin.* The land-war in Ireland. London 1870. *Shaw Lefevre.* Agrarian tenures. 1893 и др.

[1]) Онъ выпустилъ рядъ памфлетовъ относительно полезности кооперацій: Cooperative Dairying. An Adress to the Farmers of the dairy districts of Ireland. By Hon. *Horace Plunkett,* Chairman of Irish section of Cooperative Union. Manchester. 1890. *Его же.* Cooperation for Ireland. Manchester. *Его же.* Cooperation in Ireland: the best means of promoting both distributive and productive cooperation in the rural districts of Ireland. 1890.

издаетъ ежегодные отчеты [1]), еженедѣльную газету Irish Homestead и много памфлетовъ для пропаганды идей кооперации въ странѣ.

Что кооперации оказываютъ и еще болѣе окажутъ могущественное содѣйствіе прогрессу крестьянскаго хозяйства въ Ирландіи, можетъ считаться безспорнымъ. Не нужно однако забывать, что самое появленіе этого нѣжнаго цвѣтка требуетъ высокаго состоянія экономической культуры,—почва аграрнаго перенаселенія первой половины XIX вѣка не была бы способна произращать это нѣжное растеніе Въ этомъ смыслѣ мы сказали, что земледѣльческія кооперации являются и симптомомъ, и условіемъ прогрессивнаго развитія сельскаго хозяйства.

Уменьшеніе ирландскаго населенія сопровождалось не только подъемомъ сельскаго хозяйства, но и благосостоянія населенія. Въ числѣ признаковъ послѣдняго на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить исчезновеніе голодовокъ. Правда, Ирландія испытала острую продовольственную нужду въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, вслѣдствіе болѣзни картофеля, надолго еще остающагося главнымъ предметомъ народнаго потребленія, а также и общаго неурожая. Недородъ этотъ выразился пониженіемъ нормы брачности, повышеніемъ смертности и эмиграціи, сокращеніемъ потребленія пива и водки, вкладовъ въ кассы и средняго передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ (понятно, что въ Ирландіи, по преимуществу земледѣльческой странѣ, урожай является ключемъ, заводящимъ все народное хозяйство), но не было ничего, напоминающаго ужасы голодовокъ первой половины вѣка: они отошли въ область преданія.

Вторымъ и весьма существеннымъ признакомъ является улучшеніе жилищныхъ условій. Ирландская статистика собираетъ свѣдѣнія о домахъ съ 1841 года, подраздѣляя ихъ на 4 класса.

---

[1]) Послѣдній бывшій у меня отчетъ относится къ 1898 году: fourth annual report for the year, ending 31-st March 1898 Dublin. Въ предисловіи къ этому интересному отчету читаемъ: „ирландскій фермеръ медленно, но вѣрно выбивается на путь улучшенія своего положенія („working out his own salvation“). Успѣхъ обществъ вполнѣ оправдываетъ нашу вѣру, что самъ народъ можетъ сдѣлать для себя больше, нежели всякая посторонняя сила. Мы стремились развить начало самопомощи, и мы успѣли въ этомъ Мы никогда не уменьшали трудностей, которыя встрѣчались при всякой попыткѣ привить неорганизованному народу начало организаціи“ и т. д. (стр. 6).

Къ послѣднему классу относятся дома, имѣющіе одну комнату и построенные изъ глины или другого непрочнаго матеріала. Къ третьему классу причисляются дома, имѣющіе отъ двухъ до четырехъ комнатъ и оконъ; но если въ такихъ домахъ живетъ болѣе одного семейства, то они причисляются къ 4-му классу. Второй классъ составляютъ дома, имѣющіе отъ 5 до 7 комнатъ или оконъ; но если въ такихъ домахъ живетъ болѣе трехъ семействъ, то они причисляются къ четвертому классу, если отъ двухъ до трехъ, то къ третьему. Первый классъ составляютъ всѣ дома, лучшіе, чѣмъ въ предыдущихъ классахъ; но если въ домѣ живетъ отъ двухъ до трехъ семействъ, то онъ причисляется ко второму классу, отъ четырехъ до пяти къ третьему, и болѣе пяти къ четвертому. Статистика обитаемыхъ домовъ, составленная такимъ образомъ, даетъ слѣдующіе результаты. (См. стр. 374).

Эта таблица свидѣтельствуетъ о значительномъ улучшеніи жилищныхъ условій ирландскаго населенія. Сокращеніе числа домовъ, соотвѣтствующее убыли населенія, совершается на счетъ двухъ послѣднихъ классовъ, которые столь же быстро убываютъ, сколь быстро увеличиваются два первые класса. Соотвѣтственно измѣняется и число семействъ, живущихъ въ домахъ каждаго изъ классовъ; количество семействъ, приходящихся на одинъ домъ, въ общемъ уменьшается, что также указываетъ на меньшую скученность населенія въ тѣсныхъ домахъ и хижинахъ [1]). Но самымъ отраднымъ фактомъ, установляемымъ этой статистикой, является колоссальное уничтоженіе, почти полное исчезновеніе грязныхъ хижинъ четвертаго класса, „въ которыхъ прежде жило голодающее крестьянство“ [2]). Отъ этого зла Ирландію освободила, нѣтъ сомнѣнія, эмиграція.

О ростѣ благосостоянія ирландскаго населенія можно судить также на основаніи статистики вкладовъ въ сберегательные банки, куда поступаютъ мелкіе вклады, по преимуществу, отъ трудящагося населенія; существуетъ два рода сберегательныхъ банковъ: Trustees Bank, существующій за весь періодъ съ 1841 года, и почтовосберегательныя кассы (Post Office), функціонирующія съ

[1]) По авторитетному свидѣтельству Гримшоу, „въ 1871 году былъ принятъ нѣсколько отличный отъ прежняго планъ исчисленія, и этимъ объясняется кажущееся увеличеніе числа домовъ четвертаго класса и числа семействъ, живущихъ при этихъ условіяхъ“ (l. c. I, 17).

[2]) *Grimshaw*, l. c. I, 17.

	Первый классъ.			Второй классъ			Третій классъ.			Четвертый классъ.			Общее число домовъ
	Домовъ.	Семействъ.	Среднее на домъ	Число домовъ.	Семей	Среднее.	Число домовъ.	Семей.	Среднее	Число домовъ.	Семей.	Среднее.	
1841	40,080	—	—	264,184	—	—	533,297	—	—	491,278	—	—	1,328,829
1651	50,164	—	—	318,758	—	—	541,712	—	—	135,589	—	—	1,046,223
1861	55,416	93,016	1.68	360,698	425,054	1,8	489,668	516,252	1,05	89,374	93,978	1,05	995,156
1871	60,483	95,526	1,58	381,114	437,798	1,15	363,042	387,827	1,03	156.741	40,149	1,02	961,360
1881	66,727	96,568	1,45	422,241	467,387	1 11	381,475	390,094	1,01	40,665	41,025	1	914,108
1891	70,740	97,317	1,38	466,632	499,033	1,07	312,589	315,034	1,01	20,617	20,729	1,01	870,578

1861 года. Вотъ данныя о количествѣ вкладовъ (въ тысячахъ фунтовъ).

	Post Office.	Trustee Banks	Сумма.	На голову. населенія
1844—45	—	2,543	2.543	0,31
1846—50	—	1 819	1,819	0.24
1851—55	—	1,515	1,515	0.24
1856—60	—	1,890	1,890	0,32
1861—65	152	2.025	2,146	0 38
1866—70	376	1,803	2,179	0,40
1871—75	867	2.076	2,943	0,55
1876—80	1,336	5,142	3,478	0,66
1881—85	2,072	2,052	4,124	0 82
1886—90	3,212	2,019	5,231	1,09
1841—50	—	2,181	2,181	0,27
1851—60	—	1,702	1,702	0.28
1861—70	276	1,914	2,162	0,39
1871—80	1,101	2,109	3,210	0,61
1881—90	2,642	2,035	4,677	0,95

Мы видимъ здѣсь ростъ вкладовъ какъ относительный такъ и абсолютный, его не останавливаетъ даже эпоха аграрнаго кризиса. Благосостояніе, какъ показываетъ эта таблица, широкой волной распространяется среди низшихъ слоевъ населенія. Возросли вклады какъ въ кассы мелкаго кредита, такъ и крупнаго, такъ что весь банковый капиталъ страны составлялъ въ періодъ 1846—50 гг. 4,934 тысячи фунтовъ стерлинговъ, а 1886—90 уже 7,024, а вклады въ акціонерные банки (Joint Stock Banks) возросли за тотъ же періодъ съ 7,008 тыс. ф. ст. до 91,443 или съ 0,85 до 6,54 на голову населенія [1]).

[1]) Вся цѣнность подлежащаго подоходному обложенію имущества измѣнилась въ Ирландіи такъ: шедула A (земли и под.) въ 1867 г.

Конечно, не весь этотъ приростъ какъ крупныхъ такъ и мелкихъ вкладовъ приходится отнести на долю земледѣльческаго населенія. Ирландія покрылась за это время сѣтью желѣзныхъ дорогъ (35 миль въ 1841—45 г. и 3,168 въ 1897), усилилось торговое мореходство (въ 1841—50 всего вошло и вышло груза въ ирландскихъ портахъ 4,250 тыс. тоннъ, въ 1886—90 — 10,172), развивались нѣкоторыя отрасли промышленности (такъ въ льняной промышленности количество веретенъ въ 1841 году было 250 тыс., а въ 1890—827, произведено галлоновъ спирта въ 1841—45 гг. 6,500, а въ 1886—90 — 11,571, въ шерстяной промышленности занято было въ 1874 году 1,506 человѣкъ, а въ 1889—3,443), но все это не было настолько значительно, чтобы измѣнить общій земледѣльческій характеръ страны. Поэтому значительную часть прироста благосостоянія необходимо нужно отнести и на долю земледѣльческаго населенія.

Дальнѣйшими, хотя и второстепенными признаками роста благосостоянія является увеличеніе потребленія спирта [1]), ростъ таможеннаго дохода [2]), ростъ почтовыхъ сношеній (въ 1841—45 г. на жителя 2,9 писемъ, въ 1886—90 г. 10,9, а общее количество писемъ возросло съ 24,000 до 95,252) и т. д. Особенно интереснымъ признакомъ является ростъ народнаго образованія, обнаруживающійся изъ слѣдующихъ цифръ: число школъ въ 1841—45 г. 2,910, въ 1897 г.—8,631, учениковъ 357 тыс. и 1,018 тыс , число умѣющихъ читать и писать въ 1841 году— 1,966 тыс. или 28% населенія, въ 1891 — 2,990 т. или 71%; умѣющихъ только читать въ 1841 — 1,413 тыс. или 19% населенія, въ 1891—467 т. или 11%; число совсѣмъ безграмотныхъ въ 1841 году 3,766 т. или 53% населенія, въ

12,861.281 ф. ст., въ 1897 году 13,999,750; шедула B намъ уже извѣстна (9,969,264 въ 1867 году и 9.894,271 въ 1896); шедула D (промышленный капиталъ)—7,733,219 ф въ 1867 году и 11,524,600 въ 1897 году; относительно шедулъ C и E данныя показаны для всей Великобританіи.

[1]) Въ 1881 году на голову населенія потребленіе спирта составляло 0,969 галлона, въ 1891—1,075.

[2]) „Только приростъ богатства можетъ позволить націи пользоваться предметами роскоши, и употребляя таможенный доходъ съ должными предосторожностями въ качествѣ мѣрила, мы находимъ, что способность ирландскаго народа къ потребленію предметовъ роскоши возрасла“. Въ 1841—50 гг. таможеннаго дохода приходилось 0,28 ф. ст. на голову населенія, а въ 1881—90 г. 0,41. (*Grimshaw*, l. c., I, 48—9).

1891—777 т. или 18%. Такимъ образомъ, грамотность населенія поднялась весьма значительно.

Остановимся еще на судьбахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, о которыхъ у насъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія. Можно предположить уже a priori, что этотъ классъ послѣднимъ почувствовалъ улучшеніе въ своемъ положеніи, потому что онъ занимаетъ самую низшую ступень на соціальной лѣстницѣ Ирландіи. Изъ опыта другихъ странъ намъ извѣстно, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для поднятія положенія сельскохозяйственнаго рабочаго является благопріятное для рабочаго измѣненіе соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, уменьшеніе предложенія. Отсюда слѣдуетъ, что эмиграція должна была оказать вліяніе на улучшеніе положенія ирландскаго рабочаго, и притомъ прямо пропорціонально ея размѣрамъ. Вліяніе эмиграціи парализуется, конечно, измѣненіемъ въ системахъ хозяйства, производящимъ относительный избытокъ населенія; тѣмъ не менѣе, въ общемъ итогѣ, мы можемъ отмѣтить непрерывное, хотя и медленное улучшеніе положенія сельскохозяйственнаго рабочаго.

Въ 1870 году положеніе ирландскаго сельскаго рабочаго было сдѣлано предметомъ изслѣдованія со стороны Poor Law Inspectors [1]). Dr. King въ своемъ отчетѣ [2]) говоритъ: „что касается повышенія заработной платы за послѣдніе 20 лѣтъ, я долженъ сообщить, что заработная плата за этотъ періодъ постепенно поднималась до своей теперешней нормы, которая ровно вдвое выше чѣмъ въ предыдущій періодъ (1849). Причины этого повышенія слѣдуетъ приписать цѣлому ряду условій, но наиболѣе важны изъ нихъ слѣдующія: 1) Эмиграція, которая устранила огромное количество незанятыхъ рабочихъ. Эта причина оказываетъ свое дѣйствіе однако лишь во время жатвы или весной или во время особеннаго скопленія сельскохозяйственныхъ работъ. Въ другія времена года много рабочихъ остаются праздными. 2) (Здѣсь авторъ указываетъ на уменьшеніе количества рабочихъ огородовъ и картофельныхъ участковъ. Это свидѣтельство намъ уже извѣстно). 3) Уменьшившаяся цѣнность денегъ и проистекающее отсюда поднятіе цѣнъ на предметы необходимости“ (1).

[1]) Reports from poor law inspectors on the wages of agricultural labourers in Ireland. Dublin. 1870.

[2]) Отчетъ этотъ относится къ Cork, Bandon, Clonakilty, Fermoy, Kinsale Macroom, Mallow, Mitchelstown, Kilmallock, Midleton, and Youghtal.

Dr. Knox [1]) „считаетъ нужнымъ констатировать, что приростъ заработной платы за отмѣченный періодъ является значительнымъ и всеобщимъ, и можно считать его смѣло равнымъ трети, именно плата увеличилась съ 1 ш. до $1^1/_2$ ш. въ день“ (3).

„Можно считать вѣроятнымъ не безъ достаточныхъ основаній, что тогда какъ заработная плата значительно возрасла за послѣднее 25-лѣтіе, цѣны значительнаго числа предметовъ потребленія рабочихъ остаются умѣренными“ (4).

Dr. Robinson сообщаетъ, что „на основаніи самыхъ надежныхъ свѣдѣній, какія онъ могъ получить, заработная плата возрасла приблизительно на 50%. Въ 1850 году средняя норма заработной платы сельскаго рабочаго въ графствахъ, на которыя простирается мой округъ, составляла около 5 ш. въ недѣлю; отъ 1850 до 1854 она поднялась до 6 ш.; съ этого времени она находится въ постепенномъ, но непрерывномъ ростѣ, и для настоящаго времени она составляетъ около 7 ш. 6 п. въ недѣлю“ (6). Докладчикъ указываетъ далѣе на неудовлетворительность жилищныхъ условій сельскаго рабочаго, но кончаетъ такъ: „хотя, конечно, послѣдовало значительное поднятіе цѣнъ на предметы пищи, но ростъ дороговизны жизни не соотвѣтствуетъ росту заработной платы, и я думаю, что рабочіе какъ классъ теперь болѣе независимы, лучше одѣты, словомъ находятся въ лучшемъ положеніи сравнительно съ ихъ доходами и средствами существованія прежняго времени“ (7).

Mr. O'Brien [2]) сообщаетъ: „подраздѣляя сельскихъ рабочихъ на два класса, „intern и extern“, т. е. такихъ, которые живутъ въ семьѣ у своихъ хозяевъ, со столомъ, квартирой, стиркой и т. д. въ добавокъ къ своей платѣ, и тѣхъ, которые живутъ на сторонѣ, получая плату цѣликомъ деньгами или же лишь отчасти деньгами, а отчасти харчами (diet), — можно, я думаю, счесть общимъ правиломъ, что плата перваго класса удвоилась за послѣдніе 20 лѣтъ, причемъ ихъ содержаніе и общее положеніе

---

[1]) Отчетъ относится къ Antrim и частямъ Armagh, Down, Londonderry, and Tyron.

[2]) Отчетъ относится къ County of Dublin, C. of Wicklow, частямъ County of Carlow, Kildare, Kilkenny, Meath, Queen's County, and Wexford.

[3]) Отчетъ относится къ County of Louth, частямъ Counties of Armagh, Cavan, Down, Dublin, Fermanagh, Meath, Monaghan, and Tyrone.

значительно улучшилось за это время. Что же касается второго класса, отчеты и свѣдѣнія, получаемые мною изъ разныхъ мѣстъ, не вполнѣ согласуются другъ съ другомъ, приростъ заработной платы опредѣляется отъ 20% въ однихъ мѣстахъ до 100% въ другихъ; 50% выражаютъ, я думаю приблизительно среднюю прироста, если возможно ее вывести" (8). Далѣе коммиссаръ также указываетъ на жилищную нужду.

Повышеніе заработной платы констатируетъ и Dr. Hill [1]), опредѣляя его отъ 25% до 50%, а также и авторы остальныхъ отчетовъ (которые прибавляютъ мало новаго). Въ общемъ, хотя коммиссары не закрываютъ мрачныхъ сторонъ положенія рабочаго, но всѣ они констатируютъ начало улучшенія [2]).

---

[1]) Отчетъ его относится къ Counties of Cavan, Dublin, Kildare, King's County, Longford, Meath, Queen's County, Roscommon, and Westmeath.

[2]) Познакомившись въ основныхъ чертахъ съ содержаніемъ этого отчета, читатель будетъ, безъ сомнѣнія, удивленъ, узнавъ, что этотъ же самый отчетъ, точнѣе односторонне подобранныя изъ него цитаты служатъ Марксу для доказательства совершенно обратнаго тезиса, именно объ ухудшеніи положенія рабочаго класса въ третью четверть XIX вѣка. Вотъ примѣры тенденціознаго извращенія дѣйствительности, которое мы вынуждены констатировать здѣсь у Маркса. Читатель видѣлъ, что коммиссары отмѣчаютъ *дѣйствительное* улучшеніе въ положеніи рабочаго класса, а одинъ изъ нихъ прямо указываетъ, что ростъ денежной платы превышаетъ поднятіе цѣнъ на предметы необходимости. Игнорируя эти опредѣленныя заявленія, Марксъ стремится доказать, что „за этимъ кажущимся повышеніемъ (по Марксу отъ 20% до 60%, а на самомъ дѣлѣ до 100%) кроется дѣйствительное пониженіе, такъ какъ оно совершенно не соотвѣтствуетъ повышенію цѣнъ на необходимѣйшіе предметы существованія, которое произошло за это время" (Капиталъ, I, 618). Въ доказательство приводится сопоставленіе средняго еженедѣльнаго расхода на содержаніе одного человѣка въ ирландскихъ рабочихъ домахъ въ 1849 и 1869, причемъ расходъ на одежду оказывается возросшимъ вдвое, а на продовольствіе болѣе чѣмъ вдвое. Что можетъ доказывать этотъ отчетъ, когда мы не знаемъ даже, оставался-ли неизмѣннымъ способъ содержанія или веденія хозяйства въ рабочемъ домѣ? Извѣстно лишь достовѣрно, что цѣны на хлѣбъ и на мясо за это время повысились всего на нѣсколько процентовъ, а не вдвое, одежда же могла только удешевиться, во всякомъ случаѣ ея удорожаніе вдвое является абсурдомъ. Второй примѣръ: цитируя описаніе жилищныхъ условій, которыя были ужасны, но все же лучше, чѣмъ до голода, Марксъ говоритъ: „намъ извѣстно, каково было положеніе ихъ жилья въ 1846 году. Съ тѣхъ поръ оно ухудшилось" (619). За провѣркой даннаго положенія Марксу слѣдовало бы обратиться къ ирландскимъ цензамъ, гдѣ статистика жилищъ (приведенная

Съ этимъ сходятся и свидѣтельства частныхъ лицъ. Напр. Murphy констатируетъ, что „заработныя платы (сельскихъ рабочихъ) въ Ирландіи теперь (1870) конечно, много выше, чѣмъ какіе-нибудь 20 лѣтъ назадъ“ [1]).

Буря, пронесшаяся въ началѣ 80 годовъ въ качествѣ перваго предвѣстника аграрнаго кризиса, не могла не отразиться тяжело на положеніи ирландскаго сельскохозяйственнаго рабочаго, который долженъ былъ вдвойнѣ ее почувствовать, и за Ирландію, и за Англію, гдѣ многіе изъ класса сельскихъ рабочихъ привыкли находить себѣ заработокъ. Въ отчетѣ Richmond' Commission мы читаемъ объ Ирландіи: „хотя сельскохозяйственная депрессія нанесла серьезный вредъ всѣмъ классамъ ирландскаго населенія, она оказала ужасное дѣйствіе на мелкихъ хозяевъ (не забудемъ, только что перенесшихъ чувствительный недородъ конца 70-хъ годовъ, продолжившійся, особенно въ своихъ послѣдствіяхъ, и на начало 80-хъ годовъ), но еще ужаснѣе оно оказалось на многочисленный классъ, существующій частью воздѣлываніемъ мелкихъ клочковъ, а частью наемнымъ трудомъ, рыболовствомъ и под.“ [2]). Опять даетъ себя чувствовать перенаселеніе, быть можетъ, не совсѣмъ исчезнувшее отъ 40-хъ годовъ, но теперь, конечно, усилившееся вліяніемъ депрессіи на систему хозяйства. Жалобы на перенаселеніе повторяются и въ отчетѣ Richmond' Commission [3]). Нѣкоторыя свидѣтельства коммиссіи показываютъ,

---

выше) дала бы ему матеріалъ для сужденія и убѣдила бы его въ ошибочности этого положенія.

[1]) *Murphy*, 1 c, 204—5 (см. также выше) Торнтонъ во 2-мъ изданіи своей A plea for peasant proprietors (въ 1874 году), также отмѣчаетъ улучшеніе въ положеніи ирландскаго населенія сравнительно съ временемъ перваго изданія книги (1848).

[2]) Preliminary Report of the Assistant Commissioners for Ireland. 1881. Стр. 3.

[3]) Въ Preliminary Report from Her Majesty's Commissioners on Agriculture. 1881, читаемъ: „несообразно и несправедливо высокая рента ... составляетъ главное зло въ отношеніяхъ между лэндлордами и фермерами въ Ирландіи, для котораго законодательство еще не изобрѣло дѣйствительнаго средства. Причины этого тяжелаго зла, которое встрѣчается даже въ Ольстерѣ при существованіи узаконеннаго обычнаго фермерскаго права, нетрудно указать. Онѣ лежатъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что ирландскій фермеръ въ большинствѣ случаевъ неспособенъ найти никакого другого занятія или средствъ къ жизни кромѣ земледѣлія“.. (21). Въ Prel. Rep of. As. Com. f. Ir, 1881, читаемъ: „наши изслѣдованія на за-

что старинная бѣдность, уменьшившись количественно, далеко не можетъ считаться окончательно изчезнувшей изъ Ирландіи [1]).

Самыя послѣднія свѣдѣнія о положеніи сельскаго рабочаго даетъ Commission on Labour. Общій итогъ данныхъ этой коммиссіи тотъ, что положеніе рабочаго класса непрерывно улучшалось (съ нѣкоторыми исключеніями), несмотря на кризисъ. что слѣдуетъ, конечно, приписать благодѣтельному дѣйствію эмиграціи. Приведемъ нѣсколько отзывовъ изъ отчетовъ коммиссіи. Коммиссаръ Mc Crea говоритъ [2]): „норма заработной платы регулярныхъ рабочихъ, повидимому, до сихъ поръ не сильно затронута аграрной депрессіей, но почти повсюду существуетъ стремленіе обходиться съ меньшимъ количествомъ рабочихъ нежели прежде; прочныхъ улучшеній почти не дѣлается, больше земли обращается подъ пастбища, и часто не съ прежней тщательностью содержатся дороги, изгороди и под. Эти причины неблагопріятно повліяли. а втеченіе теперешней депрессіи должны еще повліять на заработки непосредственныхъ (casual) рабочихъ, въ особенности въ бѣдныхъ округахъ, и такъ какъ здѣсь мало надежды на улучшеніе, то единственнымъ средствомъ помощи здѣсь является не-

---

падѣ и югѣ, а также въ такихъ частяхъ Ольстера, какъ Донегалъ и южная часть Арма, убѣдили насъ въ весьма большой серьезности и важности слѣдующихъ обстоятельствъ, къ которымъ мы и хотимъ привлечь общественное вниманіе: хотя кое-что и можетъ быть сдѣлано для тѣхъ округовъ, которые обременены перенаселеніемъ, бѣдность и голодовки должны періодически посѣщать эти округа. Эмиграція есть, вѣроятно, средство наиболѣе здѣсь пригодное. Эмиграція или колонизація есть естественный способъ устраненія избыточнаго населенія и предотвращенія чрезмѣрнаго раздробленія земли“ (4).

[1]) „Мы посѣтили сотни фермъ и нашли хозяевъ большинства изъ нихъ въ такомъ плачевномъ положеніи, что мы чувствуемъ неспособность описать его достаточно. Мы опять находили жилища изъ одной только комнаты, гдѣ жила и свинья или рогатый скотъ, а иногда и то, и другое Во многихъ другихъ жилищахъ въ County Mayo мы находили навозъ посреди единственной комнаты. Земля воздѣлывается нищенски. Способы земледѣлія въ отдаленныхъ округахъ и соціальное положеніе народа такъ низко, какъ только можетъ быть“. (Pr. Rep. of. As. Comm f Irel, стр. 3).

[2]) Royal Commission on labour. The agricultural labourer. Vol IV. Ireland. Four Parts. Part I. Reports by R. Mc. Crea (Assistant Commissioner) upon certain selected districts of counties: Antrim, Armagh, Donegal, Down, Fermanagh; Leitrim, Londonderry, Longford, Louth, Meath, Monaghan, Sligo, Tyron, and Westmeath. 1893, стр. 11—15

переселеніе въ городъ или эмиграція". — „Положеніе очень мелкихъ хозяевъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ положенія коттера. Фактически и онъ есть наемный рабочій, но часто находящійся въ столь неблагопріятной мѣстности, что тамъ существуетъ лишь слабый спросъ на его трудъ.. Тамъ, гдѣ занятіи не хватаетъ, молодежь обоего пола переселяется въ лучшіе округа въ качествѣ слугъ, а нѣкоторые изъ мужчинъ періодически отправляются въ Англію или Шотландію за поисками мѣста". Коммиссаръ отмѣчаетъ, однако, незначительное развитіе пауперизма. „Въ общемъ, хотя положеніе сельскихъ рабочихъ въ посѣщенныхъ мною округахъ не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ, оно, конечно, лучше, чѣмъ когда бы то ни было раньше. Норма заработной платы повсемѣстно возрасла, между тѣмъ какъ низкая цѣна хлѣба и платья позволяетъ рабочему жить и одѣваться лучше, онъ имѣетъ безплатное обученіе и медицинскую помощь. При данномъ положеніи вещей общее мнѣніе таково, что въ сѣверныхъ земледѣльческихъ округахъ рабочій получаетъ столько, сколько лишь можетъ платить фермеръ, принимая во вниманіе господствующую депрессію. Съ другой стороны, жилища часто неудовлетворительны, а иногда и очень плохи, и такъ какъ рабочій рѣдко связанъ съ землей, онъ эмигрируетъ съ меньшей неохотой, нежели мелкій фермеръ" [1]). Коммиссаръ O'Brien говоритъ [2]): „въ общемъ итогѣ можно, я думаю, съ нѣкоторою увѣренностью утверждать, что почти во всемъ, что касается положенія всѣхъ частей этого класса безъ различія, произошло замѣтное и существенное улучшеніе за послѣдніе 10—15 лѣтъ. Три главныхъ причины можно указать этому: 1) возросшій спросъ на трудъ вслѣдствіе эмиграціи, 2) чувствительное пониженіе стоимости жизненныхъ средствъ за это время, 3) благодѣянія, оказанныя значительному числу рабочихъ законодательствомъ послѣднихъ лѣтъ относительно устройства домовъ... Тотъ центральный фактъ, что въ послѣдніе годы сравнительно съ предшество-

---

[1]) Коммиссаръ, однако, замѣчаетъ: „при оцѣнкѣ положенія ирландскаго рабочаго нельзя прилагать англійской мѣрки. Ирландскій рабочій не можетъ такъ упорно работать, зато его потребности даже не приближаются къ потребностямъ англійскаго рабочаго" (12 и далѣе).

[2]) Part II. Reports by Mr. W. P. O'Brien (Assistant Commissioner) upon certain selected districts in counties Carlow, Cork, Clare, Kerry, Kilkenny, King's, Limerick, Queen's, Tipperary, Waterford, and Wicklow. 1893. Стр. 19.

вавшими произошло замѣтное улучшеніе, не допускаетъ для меня никакого сомнѣнія".

Общее улучшеніе въ положеніи сельскаго рабочаго отмѣчаетъ и коммиссаръ Fox [1]), лишь коммиссаръ Richards не отмѣчаетъ улучшенія относительно изслѣдуемыхъ имъ округовъ [2]), и рисуетъ положеніе тамъ населенія мрачными и тяжелыми чертами.

Все предыдущее изложеніе, я полагаю, вполнѣ оправдываетъ слѣдующее общее заключеніе, формулированное Гриншоу: „Ирландія въ разсматриваемый періодъ обнаружила прогрессъ въ цивилизаціи и матеріальномъ благосостояніи; сравнялась-ли она въ этомъ съ другими странами, есть особый вопросъ. Можетъ быть, она могла бы обнаружить и еще большій прогрессъ, но если мы вспомнимъ то страшное разореніе, которое имѣло мѣсто съ начала столѣтія и которое произошло во время великаго голода 1846—47 и 1848 годовъ, можетъ оказаться, что Ирландія обнаружила наиболѣе быстрый прогрессъ и оправилась отъ состоянія почти совершенной нищеты полнѣе, нежели могла бы оправиться и когда-либо оправлялась всякая другая страна [3]). Ирландія есть единственная страна, по крайней мѣрѣ, въ новое время, гдѣ абсолютная убыль населенія сопровождается ростомъ общественнаго богатства и благосостоянія.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное относительно вѣроятнаго будущаго экономическаго развитія Ирландіи, оно темно также, какъ и будущее Англіи. Мы склонны думать, что для Ирландіи, послѣ неопредѣленно продолжительнаго періода дальнѣйшей убыли или неподвижнаго состоянія населенія, еще наступятъ свѣтлые дни, когда ея экономическое значеніе поднимется, а населеніе станетъ снова увеличиваться. Это можетъ произойти послѣ окончанія теперешняго аграрнаго кризиса, когда европейское земледѣліе снова займетъ свое мѣсто въ народномъ хозяйствѣ Европы, и земледѣльческія страны, въ томъ числѣ Ирландія, по своей хозяйственной важности изъ послѣднихъ станутъ первыми. Прогрессъ ирландскаго земледѣлія и приростъ населенія совершится, всего вѣроятнѣе, развитіемъ и усиленіемъ крестьянства, являющагося перво-

[1]) Reports by Arthur Wilson Fox upon... Cork, Mayo, Roscommon, and Westmeath (Part IV, 38—42).

[2]) Reports by Roger C. Richards upon... Cavan, Dublin, Galway, and Tipperary (Part III).

[3]) *Grimshaw*, l. c., I, 58.

источникомъ населенія. Иной путь,—приростъ населенія въ формѣ наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, почти невозможенъ, насколько можно судить на основаніи прошлаго опыта исторіи. Что касается, наконецъ, вѣроятнаго будущаго аграрныхъ отношеній, то ждать въ ближайшемъ будущемъ исчезновенія спеціально ирландской системы землевладѣнія и землепользованія и обращенія земли въ собственность непосредственныхъ производителей, въ крестьянскую собственность, не видится никакихъ основаній. Путь, уже намѣтившійся въ исторіи, есть дальнѣйшее развитіе арендnаго права, приближающее содержаніе правъ арендатора къ правамъ собственника по размѣру гарантій его правъ; для Ирландіи, сверхъ того, остается открытымъ путь болѣе или менѣе полной національзаціи земельной ренты посредствомъ высокихъ налоговъ; это предполагаетъ, однако, цѣлый рядъ соціальнополитическихъ условій, въ настоящее время отсутствующихъ.

Итакъ, Ирландія дала намъ поучительную иллюстрацію къ ученію о значеніи населенія и его отношенія къ емкости территоріи въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Исторія Ирландіи до голода 1846—47 гг. дала отрицательную иллюстрацію этого ученія, картину нарушенія правильнаго соотношенія между земельной площадью и населеніемъ, а вся послѣдующая эпоха иллюстрируетъ это же ученіе съ политической стороны, обнаруживая хозяйственное значеніе постепеннаго приспособленія населенія къ дѣйствительной емкости земледѣльческой территоріи.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Экономическія особенности колоніальнаго развитія капитализма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

1) Основныя черты развитія народнаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ.

Развитіе капиталистическаго производства въ Европѣ является, въ извѣстномъ смыслѣ, вынужденнымъ необходимостью дальнѣйшаго уплотненія населенія. Оно порождается оскудѣніемъ свободныхъ и несвободныхъ даровъ природы, законъ убывающаго плодородія почвы, этотъ бичъ человѣчества, а вмѣстѣ и самый надежный его руководитель по пути прогресса, стоитъ у колыбели капитализма, повелительно требуя перехода къ новой, высшей формѣ производства. Нищета и перенаселеніе характеризуютъ общественное состояніе въ началѣ капиталистическаго развитія. Дѣломъ капитализма является уврачевать эту нищету повышеніемъ производительности человѣческаго труда, устранить первоначальное перенаселеніе повышеніемъ емкости территоріи относительно населенія. Мы видѣли, что состояніе населенія (и перенаселенія) задаетъ тонъ всему капиталистическому развитію. Съ нимъ связаны судьбы рабочаго класса, который отъ нищеты перенаселенія поднимается до высокаго культурнаго уровня, причемъ экономія высокой заработной платы заступаетъ мѣсто экономіи низкой. Съ нимъ связаны судьбы земледѣлія, ибо волна перенаселенія, поднимая крупное хозяйство, опускаетъ крестьянское, напротивъ, по миновании состоянія перенаселенія, ослабѣваетъ крупное хозяйство и укрѣпляется мелкое.

Указанное значеніе популяціонистическаго момента въ развитіи

капитализма превосходно выясняется, хотя и чисто отрицательнымъ путемъ, исторіей экономическаго развитія *колоній*, образующихъ относительно Европы какъ бы вогнутую сторону рельефа. Характерную черту колоніальнаго развитія мы будемъ изучать на исторіи величайшей колоніальной страны — Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Прежде всего, что такое колонія? Уэкфильдъ, который остается и по настоящее время непревзойденнымъ въ качествѣ теоретика колоніальнаго развитія, даетъ слѣдующее опредѣленіе колоній [1]): „для существованія колоніи необходимы два условія: во-первыхъ, свободныя земли, т. е. земли, не находящіяся въ собственности частныхъ лицъ, но доступныя каждому при посредствѣ правительства; во-вторыхъ, переселеніе туда, передвиженіе людей съ цѣлью поселенія на новомъ мѣстѣ“.

Колонія имѣетъ, такимъ образомъ, массу свободныхъ земель, здѣсь не только нѣтъ перенаселенія [2]), но недостатокъ населенія,

[1]) *E G. Wakefield.* England and America. A Comparison of the social and political state of both nations. New-York 1834. Стр. 238. Популярное изложеніе взглядовъ, выраженныхъ въ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ сочиненіи, самъ авторъ далъ въ A view on the art of colonization, with present reference to the british empire; in letters between a statesman and a colonist Edited by (one of the writers) *Edward Gibbon Wakefield.* London. 1849. Новѣйшую біографію и характеристику дѣятельности Уэкфильда см. у *R. Garnett* Gdward Gibbon Wakefield. The colonization of South Australia and New Zealand. London 1898. (въ серіи Builders of Great Britain). Марксъ далъ Уэкфильду, по моему мнѣнію, несправедливую и пристрастную оцѣнку, зачисливъ этого сильнаго мыслителя по штату „апологетовъ“. Онъ играетъ словами, особой, ему свойственной, манерой, когда говоритъ: „Wakefield оказалъ большую заслугу не тѣмъ, что открылъ что-нибудь новое относительно колоній, но тѣмъ, что въ колоніяхъ открылъ истину капиталистическихъ отношеній въ Европѣ“ (Кап. I, 669), а въ примѣчаніи говоритъ: „немногія свѣтлыя мѣста, встрѣчающіяся у Уэкфильда о сущности самыхъ колоній, положительно предвосхищены Мирабо отцомъ, физіократами и еще раньше англійскими экономистами, напр. Culperer, Child и другими“ (ib.). Что можно сказать на это общее мѣсто? Изъ приводимыхъ ниже выдержекъ читатель увидитъ, съ какой ясностью понималъ Уэкфильдъ основныя особенности колоніальнаго развитія.

[2]) Эта счастливая особенность развитія Соединенныхъ Штатовъ прекрасно выражена у Mayo-Smith: „немногіе дѣйствительно понимаютъ, какъ изобиліе свободной земли упростило для насъ всѣ соціальные вопросы въ этой странѣ. Мы избѣгли опасности перенаселенія, этого страшилища европейскихъ странъ“. (*R. Mayo-Smith.* Emigration and Immigration. A study

который восполняется иммиграціей изъ старыхъ странъ, ибо собственнаго прироста населенія не хватаетъ. Развитіе населенія колоніальной страны, поэтому, непонятно, если не разсматривать его въ связи съ развитіемъ метрополіи, посылающей населеніе. Только европейская иммиграція могла сдѣлать возможнымъ столь головокружительный ростъ населенія Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе XIX вѣка, неимѣющій себѣ равнаго въ исторіи[1]): тогда какъ населеніе самыхъ передовыхъ европейскихъ странъ удвоилось или утроилось, американское населеніе выросло въ нѣсколько десятковъ разъ. Вотъ цифры общаго роста населенія, причемъ отдѣльно показанъ естественный приростъ (native born) и иммиграція [2]).

Года.	*Населеніе*	*Приростъ* (абсол.)	%	Естеств. приростъ (въ %)	Иммиграція.
1790	3,929,214	—	—	—	—
1800	5,308,483	1,379,269	35,10	—	—
1810	7,239,881	1,931,398	36,38	—	—
1820	9,633,822	2,393,941	33,07	—	—
1830	12,866,020	3,232,198	33,55	—	—
1840	17,069,453	4,203,433	32,67	—	—
1850	23,191,876	6,122,423	35,87	—	—
1860	31,443,321	8,251,445	35,58	77,05	22,95
1870	38,558,371	7,115,050	26,63	82,94	17,06
1880	50,155,783	11,597,412	30,08	89,29	10,76
1890	62,622,250[3])	12,466,467	24,86	79,39	20,61
1900	75,994,575	13,046,861			

m social science. London. 1890 Стр 56). Не удивительно, что всѣ выдающіеся экономисты Америки, начиная съ Кэри и кончая Джорджемъ, являются отъявленными противниками ученія Мальтуса.

[1]) Поэтому ясно, какую грубую ошибку сдѣлалъ Мальтусъ, принявъ нормальнымъ типомъ приростъ населенія въ Соединенныхъ Штатахъ и вычисляя на основаніи его періодъ удвоенія населенія. Дѣйствительный приростъ населенія далеко опередилъ самыя мрачныя предположенія Мальтуса относительно его возможной быстроты.

[2]) Не нужно забывать, что и высокій процентъ собственнаго прироста населенія въ значительной степени обязанъ иммиграціи, которая состоитъ въ огромномъ большинствѣ изъ лицъ брачнаго возраста. На это справедливо указываетъ Mayo-Smith (ib. 58).

[3]) Кажущееся пониженіе прироста населенія за послѣднее десятилѣтіе объясняется болѣе точнымъ подсчетомъ населенія южныхъ штатовъ въ 1880 году сравнительно съ 1870; вслѣдствіе этого, получается черезчуръ большой приростъ въ періодъ 1870—80, и черезчуръ малый въ 1880—90 гг.

Но, если въ колоніяхъ отсутствуетъ первоначальное переселеніе, то отсутствуетъ и первоначальное накопленіе, — точнѣе, процессъ этотъ выполняется въ метрополіи, колоніи же получаютъ уже готовый, накопленный капиталъ изъ метрополіи. Колоніи являются въ нѣкоторомъ смыслѣ Аркадіей, безпечальною страной, которая не знаетъ самыхъ мучительныхъ стадій развитія промышленнаго капитализма,—стадій предкапиталистическаго перенаселенія и первоначальнаго накопленія. Онѣ пользуются плодами этого развитія, муки котораго пережила старая Европа, не зная унаслѣдованной и застарѣлой бѣдности, онѣ сразу вступаютъ въ стадію высокаго развитія производительности труда и народнаго богатства. Вотъ въ чемъ кроется одно изъ самыхъ основныхъ условій изумительнаго роста народнаго богатства въ Соединенныхъ Штатахъ.

Остановимся ближе на отношеніяхъ между колоніей и метрополіей. Первая и наболѣе непосредственная причина, почему высокопромышленная страна заинтересована въ колоніяхъ, есть законъ убывающаго плодородія почвы, благодаря которому является выгоденъ ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ, подъ условіемъ вывоза промышленныхъ. Это было ясно уже Уэкфильду, который писалъ: „для такой страны, какъ Англія, главной цѣлью колонизаціи является получить вѣрные рынки для покупки дешеваго хлѣба, обезпечить постоянное предложеніе хлѣба, которое могло бы увеличиваться въ соотвѣтствіи спросу. Торговля—добавляетъ далѣе Уэкфильдъ,—которую должны вести англичане въ цѣляхъ пріобрѣтенія дешеваго хлѣба изъ колоній, можетъ быть двухъ родовъ: прямая и непрямая Положимъ, что самый дешевый хлѣбъ можетъ быть производимъ въ Канадѣ; англичане могутъ покупать этотъ хлѣбъ мануфактурными продуктами Лидса, Манчестера и Бирмингэма; въ такомъ случаѣ, мы имѣемъ прямую торговлю. Но можетъ легко случиться, что жители Канады произведутъ хлѣба не больше, чѣмъ нужно англичанамъ, но больше, чѣмъ они могутъ купить на мануфактурные продукты. Другими словами, спросъ канадцевъ на англійскіе товары можетъ быть много меньше, чѣмъ спросъ англичанъ на канадскій хлѣбъ. Но жители Канады и помимо англійскихъ товаровъ, нуждаются во многихъ вещахъ, которыя не производятся въ Канадѣ, напр. они нуждаются въ

Сообщенный въ газетахъ предварительный подсчетъ ценза 1900 года опредѣляетъ цифру населенія Соединенныхъ Штатовъ въ 76,2 мил.

серебрѣ и чаѣ. Въ такомъ случаѣ, англичане могутъ купить своими мануфактурными товарами серебро и чай въ Китаѣ, а на этотъ чай и серебро купить хлѣба у жителей Канады“ (246). „Задачей (the object) колоній является покупать мануфактурные продукты на хлѣбъ и сырье, задачей старой страны — покупать хлѣбъ и сырье на мануфактурные товары“ (255—6).

Отношенія колоніальной страны и метрополіи строятся далѣе на возможности выгоднаго приложенія капиталовъ, принадлежащихъ метрополіи, въ колоніяхъ. Извѣстно, что прибыль на капиталъ также, какъ и заработная плата, въ колоніяхъ выше чѣмъ въ метрополіи. До извѣстной степени, этотъ высокій уровень и прибыли, и заработной платы зависитъ отъ одной и той же причины,—отъ слабости конкурренціи въ новыхъ странахъ и отъ изобилія здѣсь естественныхъ богатствъ, благодаря которому общая производительность труда весьма высока. Этотъ высокій уровень производительности труда превращаетъ здѣсь абсолютно-высокую заработную плату въ относительно низкую (чѣмъ и создается основа экономіи высокой заработной платы, этого, прежде всего, американскаго явленія).

Это значеніе колоній было также выяснено Уэкфильдомъ, который писалъ слѣдующее: „въ Америкѣ высоки какъ прибыль, такъ и заработная плата. Въ Америкѣ земля такъ хороша, она приноситъ столь обширный продуктъ труда и капитала, что всѣ, воздѣлывающіе ее, получаютъ очень много. Хорошей земли въ Америкѣ такъ много, что для каждаго нѣтъ никакой необходимости затрачивать свой трудъ и капиталъ менѣе производительно чѣмъ въ земледѣліи. Поэтому весь капиталъ, затрачиваемый въ Америкѣ, даетъ высокую прибыль и высокую заработную плату... Въ Англіи поле производства ограниченно... Это ограниченное поле производства такъ полно капиталистовъ, что они, соперничая между собою, понижаютъ прибыль до весьма низкаго уровня, и такъ полно рабочими, что они, конкуррируя другъ съ другомъ, уменьшаютъ заработную плату до весьма низкаго уровня... Въ Англіи оба класса, и капиталисты, и рабочіе, борются изъ-за мѣста (room). Потому низкая прибыль и низкая заработная плата обязаны своимъ происхожденіемъ ограниченности поля производства для труда и капитала“ [1]).

[1]) l. c. 81—82. Въ другомъ мѣстѣ Уэкфильдъ говоритъ: „Соединенные Штаты, конечно, представляютъ колонію, въ томъ смыслѣ, въ какомъ

Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ, въ какомъ отношеніи между собою находятся обѣ функціи колоній относительно метрополіи: рынка для хлѣба и сырья съ одной стороны, и мѣста для выгоднаго помѣщенія капитала съ другой. Здѣсь же отмѣтимъ, что только обильный приливъ европейскаго капитала въ связи съ богатствомъ производительныхъ силъ могли создать столь колоссальный ростъ народнаго богатства, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ [1]). Усчитать хотя приблизительно количество европейскаго капитала, помѣщеннаго въ предпріятіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, нѣтъ возможности, несомнѣнно однако, что оно огромно [2]). Притомъ значеніе европейскаго капитала для экономическаго развитія Америки превышаетъ въ значительной мѣрѣ то, которое онъ могъ бы имѣть лишь по абсолютнымъ своимъ размѣрамъ, ибо въ такой странѣ, какъ Америка, съ необычайной быстротой совершается дальнѣйшее воспроизводство и накопленіе капитала, такъ что европейскій капиталъ сыгралъ здѣсь роль лишь фермента, возбудившаго броженіе. Я ограничусь косвенной, но весьма выразительной иллюстраціей размѣровъ европейскаго капитала въ

здѣсь это слово употребляется Они получаютъ населеніе изъ старыхъ государствъ, и посылаютъ еще большее количество народа на новыя мѣста. Побудительный мотивъ для иммиграціи капитала и населенія представляется діаметрально противоположнымъ тому, который побуждаетъ къ эмиграціи капиталъ и населеніе изъ старой страны Старая страна нуждается въ расширеніи поля для приложенія труда и капитала, колоніи нуждаются въ большемъ количествѣ труда и капитала для воздѣлыванія необъятнаго поля Приливъ труда и капитала въ Англіи увеличилъ бы конкурренцію и недовольство среди капиталистовъ, и конкурренцію и нищету среди рабочихъ; приливъ труда и капитала въ Америку увеличилъ бы богатство и величіе этой колоніи“ (1 с. 255).

[1]) Весьма поучительныя сопоставленія читатель найдетъ по этому поводу въ добросовѣстной работѣ *Б. Ф Брандта.* Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. С.-Петербургъ 1898. Глава VIII. Сопоставленія, сдѣланныя здѣсь г. Брандтомъ, освобождаютъ меня отъ обязанности статистическаго доказательства значенія иностранныхъ капиталовъ въ Соед. Штатахъ. Ср. еще *И. И. Янжулъ.* Промысловые синдикаты, стр. 274, 278 и далѣе. О задолженности Соединенныхъ Штатовъ предъ Европой см также у *Totis.* Die wirtschaftliche Verhältnisse der Vereinigten Staaten von America in ihrer Rückwirkung auf diejenigen Europa's. Berlin. 1881.

[2]) По оцѣнкѣ 11-го ценза (такъ наз. true valuation), конечно, приблизительной, все богатство Соед. Штатовъ съ 1850 по 1890 выросло съ 7.135,780,228 долл. до 65,037,091,197 долл., на голову населенія съ 308 долл. до 1,036.

Америкѣ. Это данныя внѣшней торговли Соединенныхъ Штатовъ, имѣющихъ активный балансъ, который объясняется, конечно, тѣмъ, что много товаровъ уходитъ въ Европу безъ эквивалента, составляя прибыль на европейскій капиталъ въ Америкѣ. Отчасти это превышеніе вывоза надъ ввозомъ можетъ быть отнесено на уплату „морскому извощику“—Англіи, на корабляхъ которой совершается значительная часть американской торговли. Но этой уплатой не можетъ быть объясненъ активный балансъ, ибо услугами Англіи пользуются многія страны, не имѣющія, однако, изъ-за этого активнаго баланса (цифры морской торговли см. въ примѣчаніи [1]).

Спеціальная торговля (т. е. за исключеніемъ транзита) Соединенныхъ Штатовъ составляла [2]):

	Ввозъ (въ долларахъ)		Вывозъ (въ долларахъ).	
	Товаровъ.	Благор. мет. въ слитк. и мон	Товаровъ.	Благор. мет. въ слитк. и мон.
1871	505,802,000	7,231,000	428,399,000	84,403,000
1881	624,214,000	105,395,000	883,926,000	14,227,000
1891	832,706,000	26,579,000	872,270,000	98,973,000
1898	616,050,054	—	1,200,291.913	—

[1]) О роли Англіи въ міровой торговлѣ даютъ понятіе слѣдующія цифры: изъ общаго количества тоннъ (tonnage) въ 1896 году на долю британскихъ судовъ приходилось 30,289,718 тоннъ, а на долю прочихъ лишь 12,187,741. Вотъ свѣдѣнія о томъ, какая часть торговли велась на собственныхъ судахъ и какая на чужихъ въ важнѣйшихъ государствахъ (въ тоннахъ):

		1885	1890	1895
Соед. Штаты.	Свои	2,808,575	3.390,017	3,615,658
	Чужія	9,687,700	12,039,032	13,407,987
Франція	Свои	4,755,717	4,712,506	4,417,427
	Чужія	8,471,785	9,911,166	9,712,797
Евр. Россія.	Свои	457,914	454,762	597,078
	Чужія	4,913,536	5,553,584	7,527,474
Германія.	Свои	3,497,623	4,657,365	5,138,470
	Чужія	4,497,952	5,929,271	6,893,467
Соед. Кор.	Свои	23,498,591	27,195,157	29,516,644
	Чужія	9,010,631	10,253,000	11,020,639

[2]) См. Statistical abstracts for foreign countries. Тамъ же полная статистика съ 1860 по 1898 годъ.

Проценты на занятый капиталъ Соединенные Штаты платятъ Европѣ по преимуществу хлѣбомъ и сырьемъ, составляющимъ относительно наибольшую долю въ американскомъ экспортѣ, такъ что, можно сказать, торговля ихъ съ Европой до сихъ поръ сохраняетъ колоніальный характеръ, какъ по превышенію вывоза надъ ввозомъ, такъ и по составу вывоза.

Такъ, пищевые продукты составляли во всей сложности американскаго вывоза въ 1886 году 72,8%, въ 1892—78,7%, въ 1895—69,7%, а мануфактураты въ соотвѣтствующіе года 20,5%. 15,6% и 23,2% [1]).

Для Соединенныхъ Штатовъ, какъ колоніальной страны, чрезвычайно характерно, что развитіе капитализма, требующее болѣе или менѣе высокой плотности населенія, оказывалось совершенно невозможнымъ въ ту раннюю эпоху, когда каждый колонистъ находилъ для себя достаточное количество свободной земли. Территорія поглощала все населеніе, и не было того избытка земледѣльческаго населенія, которое оказывается, какъ мы знаемъ, необходимымъ условіемъ развитія капитализма. Франклинъ [2]) писалъ относительно своего времени (конца 18 вѣка): несмотря на большій, чѣмъ въ Европѣ, приростъ населенія, „территорія Сѣверной Америки настолько обширна, что потребуется много вѣковъ, чтобы заселить ее сполна.[3]) А пока она не будетъ сполна заселена, трудъ никогда не будетъ тамъ дешевъ, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не остается

---

[1]) Ibid. Тамъ же подробныя свѣдѣнія о товарахъ, входящихъ въ каждую изъ категорій, и данныя за каждый годъ въ періодъ 1886—95.

[2]) *B. Franklin* Observations concerning the increase of mankind and the peopling of countries (1751) въ Works, II, 313. Франклинъ является въ этомъ трактатѣ однимъ изъ видныхъ предшественниковъ Мальтуса: «нація... подобна полипу, удалите членъ ея и онъ скоро будетъ восполненъ; разсѣките ее на двое, и каждая изъ этихъ частей скоро восполнитъ недостающую половину. Такимъ образомъ, если вы имѣете достаточно мѣста и средствъ существованія, вы можете посредствомъ дѣленія получить десятокъ полиповъ изъ одного, вы можете сдѣлать десять націй изъ одной, и всѣ одинаково многочисленныя и могущественныя, или увеличить одну націю въ десять разъ въ числѣ и силѣ“ (ib. 320). Напротивъ, „если нація лишается какой-либо отрасли промышленности, и для населенія, занятаго въ этой отрасли, не найдется новаго занятія, она скоро лишится соотвѣтственнаго количества населенія“ (ib. 315—16) [Мотто къ исторіи Ирландіи]

[3]) Мы знаемъ уже, какъ преувеличилъ Франклинъ періодъ времени, нужный для заселенія Америки. Увы, такова участь почти всѣхъ соціальныхъ предсказаній!

здѣсь рабочимъ на продолжительное время, но основываетъ свое собственное хозяйство (plantation); никто не захочетъ быть наемникомъ въ промышленности, но отправляется въ мѣста новыхъ поселеній и тамъ основывается". Потому въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣковъ въ сѣверныхъ штатахъ установляется мелкое хозяйство преимущественно натуральнаго характера; торговля была незначительна, въ промышленности господствовало мелкое производство, развитіе городовъ было также слабо (въ 1790 году процентъ городского населенія составлялъ 3,35%, число городовъ—6, въ 1800—3,97% и 6 городовъ, въ 1810—4,93% и 11 городовъ, въ 1820—4,93% и 13 городовъ, въ 1830 - 6,72% и 26 городовъ, въ 1840—8,52% и 44 города). Такой характеръ хозяйства сохранялся еще въ 30-хъ годахъ, во время Уэкфильда, который пишетъ: „ни одна часть американскаго населенія не является исключительно земледѣльческой, кромѣ рабовъ и ихъ предпринимателей. Свободные же американцы, которые воздѣлываютъ почву, имѣютъ много и другихъ занятій. Они часто строятъ сами свои дома и возятъ на рынокъ, какъ бы далекъ онъ ни былъ, свои продукты. Они являются прядильщиками и ткачами, они дѣлаютъ мыло и свѣчи, а равно и во многихъ случаяхъ сапоги и платье для собственнаго употребленія. Въ Америкѣ воздѣлываніе земли часто является второстепеннымъ занятіемъ кузнеца, мельника или лавочника" [1]).

Общее состояніе американской промышленности въ то время можетъ быть охарактеризовано слѣдующими словами Уго Раббено: сравнительно было развито лишь кораблестроеніе, но „въ общемъ американскія мануфактуры обнаруживаютъ мало признаковъ про-

[1]) *Wakefield.* England and America 28. Именно, чтобы пособить этому отсутствію наемныхъ рабочихъ, Уэкфильдъ придумалъ свою „system of colonisation". Если его средства и представляются сомнительными, тѣмъ не менѣе его стремленіе поставить на мѣсто полукультурнаго натурально-хозяйственнаго строя развитое капиталистическое производство, замѣнить низшую форму производства высшею, отнюдь не заслуживаетъ столь рѣшительнаго осужденія, какое оно встрѣтило со стороны Маркса. Марксъ склоненъ даже идеализировать экономическій бытъ фермеровъ, противопоставляя его самымъ тяжелымъ формамъ европейскаго капитализма; вопреки общимъ своимъ воззрѣніямъ, онъ является здѣсь экономическимъ реакціонеромъ. Черта эта вообще замѣтна у него, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы докапиталистическому хозяйству противопоставить капиталистическое и вынести изъ этого сопоставленія новый матеріалъ для обличенія послѣдняго

прессa едва-ли дѣлаютъ какія-либо усилія подняться надъ уровнемъ мѣстнаго производства, достаточнаго лишь для того, чтобы удовлетворять непосредственныя нужды земледѣльца... Попытки прогрессивнаго развитія были весьма немногочисленны и не удавались, и, вообще говоря, движеніе въ направленіи капитализма еще не начиналось... Фабричная система еще не вытѣснила собою системы домашняго или индивидуальнаго труда. Въ процессѣ производства раздѣленія труда не существовало. Ученичество было весьма распространено, и ученики должны были обучаться всему производству, а не только одной какой-либо спеціальности, какъ въ настоящее время; башмачникъ долженъ былъ, напр., учиться всему производству, начиная отъ дубленія кожъ и кончая отдѣлкой башмака. Благодаря этому между мастеромъ и ученикомъ существовали болѣе близкія сношенія, чѣмъ въ наши дни. Отрасли промышленности не составляли удѣла корпорацій. Въ употребленіи были немногія и притомъ грубыя орудія; не было ни умѣнья, ни средствъ строить машины... Въ Соединенныхъ Штатахъ паръ сталъ примѣняться въ промышленности только съ 1800 года; словомъ, почти всѣ промышленныя работы выполнялись руками. Къ этому отсталому состоянію промышленности присоединилось еще самое жалкое состояніе средствъ перевозки и сообщенія. Дороги были очень плохи, каналы, получившіе затѣмъ столь блестящее развитіе до введенія желѣзныхъ дорогъ, находились также въ примитивномъ состояніи, опыты пароходства относятся только къ 1807 году“ [1]).

При недостаткѣ рабочихъ рукъ крупное производство могло существовать только на основѣ несвободнаго труда. Рабство явилось поэтому экономической необходимостью въ колоніяхъ, разъ вообще была почва для крупнаго производства. Эта связь между колоніальнымъ характеромъ страны, изобиліемъ свободной земли и недостаткомъ рабочихъ рукъ — съ одной стороны и рабствомъ — съ другой была ясна еще Франклину [2]) и Уэкфильду [3]). Какъ мѣтко

[1]) *Hugo Rabbeno.* The american commercial policy. Three historical essays. London. 1895. Стр. 128—9. Ср. еще *Taussig.* The Tariff History of the United States. A series of essays. New York and London. Essay II. 1890. Также *Carrol Wright,* The industrial evolution of the United States. 1895

[2]) Franklin, l. c. 315.

[3]) England and America, а также A view etc. Настоящимъ теоретикомъ экономіи рабскаго труда является Кэрнсъ въ своемъ сочиненіи. The slave power. 2-nd ed. 1863, давшій исчерпывающее изложеніе причинъ и условій

замѣчаетъ ученикъ Уэкфильда Меривэль, „если земли много, а населенія мало, возможны только двѣ формы общества,—рабства или феодализма и равенства“ [1]). Наряду съ рабствомъ негровъ, другой формой обезпеченія трудомъ крупнаго предпріятія являлось и временное закабаленіе бѣлыхъ, по преимуществу, за долги [2]).

Промышленность развивается первоначально, естественно, въ штатахъ Новой Англіи, гдѣ образуются первыя уплотненія населенія. „Періодъ отъ 1815 до 1830 годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ К. Райтъ опредѣляетъ какъ періодъ переходнаго состоянія промышленности; онъ начинается введеніемъ фабричной системы и заканчивается болѣе или менѣе полнымъ ея распространеніемъ въ крупной текстильной промышленности; медленно, но неуклонно она начинаетъ преобразовывать и другія отрасли промышленности. Этотъ періодъ для Соединенныхъ Штатовъ былъ періодомъ образованія капиталистической промышленности. Съ 1817 года паръ вошелъ во всеобщее употребленіе на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ и винокуренныхъ заводахъ; въ 1823 году была дана первая концессія на постройку желѣзной дороги въ Пенсильваніи, а въ 1827 году начали строиться первыя желѣзныя дороги“ [3]). Съ тѣхъ поръ капиталистическое производство въ Соединенныхъ штатахъ стало развиваться довольно успѣшно, однако на пути этому развитію стояло рабство въ южныхъ штатахъ, сковывавшее всю промышленную жизнь страны. Естественно, что сѣверные штаты, гдѣ развивалась промышленность, стали во главѣ освободительной войны съ южными рабовладѣльческими штатами. Война кончилась побѣдой Сѣверныхъ Штатовъ,—южные штаты, лишившись своего экономическаго базиса — рабства.

выгодности и необходимости приложенія рабскаго труда на хлопчатобумажныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ южныхъ штатовъ. Изъ новѣйшихъ сочиненій см. особенно *Ern. von Halle.* Baumwollproduction und Pflanzungswirtschaft in den nordamerikanischen Südstaaten. Erster Theil Die Sclavenzeit. Leipzig. 1897 (Schmollers Forschungen Band XV, H. I). стр. 39, 189 и др.

[1]) *H. Merivale.* Lectures on colonization and colonies delivered before the University of Oxford in 1839, 1840 and 1841. New ed. London. 1861. Стр. 613. Ср. характеристику у *A. Tocqueville.* De la democratie en Amerique, 2-me ed. Paris. 1830. I. Стр. 84—5.

[2]) См. превосходную характеристику организаціи труда въ колоніяхъ у *Sartorius von Waltershausen.* Die Arbeitsverfassung der englischen Kolonien in Nordamerika Strassburg. 1884. Стр. 32—5

[3]) Hubo Rabbeno, l. c., 161.

были окончательно сломлены[1]) и едва-едва начинаютъ оправляться отъ своего пораженія только теперь: рабство, хотя и умерло, но напоило своимъ ядомъ почву и надолго убило здѣсь ростки новаго экономическаго развитія. Умирая, оно оставило грядущимъ временамъ одичаніе нравовъ и *негрскій* вопросъ, вопросъ для успѣшнаго гражданскаго развитія Соед. Штатовъ весьма жгучій и серьезный. Но здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ вопросѣ. Послѣ войны промышленность Соед Штатовъ начинаетъ развиваться съ необыкновенной быстротой. Это ясно прежде всего изъ быстроты роста городского населенія, которое составляло въ 1850 году—12,49% (85 городовъ). а въ 1890 уже 29,20% (448 городовъ). Еще болѣе это явствуетъ изъ статистики распредѣленія населенія по профессіямъ; сопоставленіе можетъ быть сдѣлано, къ сожалѣнію, только для 1880 и 1890 годовъ. Промышленное населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	1890 годъ.				1880 годъ			
	Мужчинъ.	%	Женщинъ	%	Мужчинъ.	%	Женщинъ.	%
I Земледѣліе, рыболовство, горное дѣло .	8,333,813	44,28	679,523	17,36	7,409,970	50,25	594,654	22,46
II Профессіональныя услуги (professional service) . . .	632,646	3,36	311,687	7,96	425,947	2,89	177,255	6,70
III. Домашнія и личныя услуги . .	2,692,879	14,31	1,667,698	4,26	2,321,937	15,75	1,181,506	44,63
IV. Мануфактурная и механическая промышленность.	4,064,051	21,59	1,027,242	26,24	2,783,459	18,88	630.890	23,83
V Торговля и транспортъ . .	3,097,701	16,46	228,421	5,84	1,803,629	12,23	62,852	2,38
Всѣ занятія .	18,821,090	100	3,914,571	100	14,744,942	100	2,647,159	100

[1]) См объ этомъ *Claudio Jannet* Les Etats Unis contemporains ou les moeurs, les institutions et les idées depuis la guerre de la sécession. 4-me ed. Paris 1889, t. II, 112. *J. Bryce.* The american commonwealth, 3-rd ed. London 1895. Vol. II, 471

Общій ростъ американской промышленности ясенъ изъ слѣдующихъ сопоставленій [1]). (См. стр. 398).

Изъ этой таблицы явствуетъ не только необычайный ростъ промышленности, но и чрезвычайно быстрый ростъ концентраціи производства: достаточно сравнить движеніе числа заведеній. количества рабочихъ и капитала, чтобы видѣть, что первое увеличивается гораздо медленнѣе второго и средніе размѣры предпріятія, слѣдовательно, растутъ. Эта концентрація производства станетъ еще яснѣе, если мы приведемъ данныя объ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. (См. стр. 399 и 400).

Рѣзко выраженная концентрація производства въ Америкѣ является вполнѣ понятной въ виду того, что характеръ развитія, не связаннаго здѣсь историческими путами всякаго рода, какъ въ Европѣ, опредѣляется болѣе всего требованіями экономической цѣлесообразности [2]). Здѣсь нѣтъ также застарѣлыхъ и устарѣлыхъ мелкихъ формъ производства, которыя мы наблюдаемъ въ Европѣ, нѣтъ, прежде всего, домашней промышленности въ европейскихъ размѣрахъ. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ sweating system начинаетъ развиваться и въ Соединенныхъ Штатахъ (въ Нью-Іоркѣ, въ Чикаго и нѣк. др. большихъ городахъ) именно въ Confections-industrie [3]), — въ производствѣ платья и бѣлья, мы наблюдаемъ

[1]) Report on Manufacturing Industries in the United States ot the Eleventh Census. Part I. Washington. 1895 Стр. 4. Характеристику промышленнаго развитія Соединенныхъ Штатовъ, кромѣ цит. соч. Райта, см. еще у него же: *Carroll D. Wright.* Outline of practical Sociology. New York 1899. Далѣе въ сочиненіяхъ американскаго статистика Аткинсона: The industrial progress of the nation N. Y, 1890 См. его же въ сводномъ сочиненіи, подъ общей редакціей *N. S. Shaler.* The United States. Study of the American Commonwealth. 2 vols. London. 1894. Далѣе см. еще цѣнное сочиненіе *E. Levasseur.* L'ouvrier americain 2 vol. Paris 1898. *D. A Wells.* Recent economic changes. 1890.

[2]) „Американцы охотно соглашаются, что наша европейская концентрація промышленности значительно отстала сравнительно съ американской Правда, концентрація нашла въ С. Шт. исключительно благопріятныя условія, развитіе машиннаго производства, побуждаемое высокой заработной платой, развитіе духа предпріимчивости, вошедшей въ пословицу, наконецъ, новую страну, богатую, неистощенную. Концентрація распространяется здѣсь на нѣкоторыя отрасли промышленности, до сихъ поръ остающіяся въ Европѣ дѣломъ мелкихъ предпріятій“ и т. д. *P. de. Rousiers.* Les industries monopolisées (*Trusts*) aux Etats Unis. Paris. 1898. Стр. 322—3.

[3]) Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о новѣйшемъ развитіи Sweating system въ городахъ С Шт. и о мѣрахъ законодательной борьбы съ нею см. у *Levasseur.* L'ouvrier americain, t. I, ch. VII.

	1850	1860	% прироста	1870	% прироста.	1880	% прироста.	1890	% прироста
Число заведеній .	123,025	140,433	14,15%	252,148	79,55	253,502	0,54	322,638	27,27
Капиталъ (долл) .	533,245,351	1,109,855,715	89,38	1,694,567,015	67,80	2,780,766,895	64,10	6,139,397,785	120,78
Число employés .	957,059	1,311,246	37,01	2,053.996	56,64	2,700,732	31,49	4,476,884	65,77
Общая сумма зараб. платы (въ долл.) .	236,755,464	378,878,966	60,03	620,467,414	63,76	939,462,252	51,41	2,171,750,183	131,17
Стоимость матеріала (въ долл.) . .	555,123,822	1,031,605,092	85,83	1,990,741,749	92,98	3,395,925,153	70,59	5,021,453 326	47,87
Стоимость продукта (въ долл.) . .	1,019,106,616	1,885,861,676	85,05	3.385,860,354	79,54	5,349,191,458	57,99	9,056,764,996	69,31

	Годы.	Число заведеній.	Капиталъ (въ долларахъ).	Среднее количество капит. на завед.	Среднее количество капит. нужное на продуктъ цѣнности въ 100 долл.	Среднее количество служащихъ.	Валовой продуктъ (въ долл.).	Чистый продуктъ (въ долл.).
I. Земледѣльч. орудія .	1880	1,943	62,109,668	31,966	90,49	20	35.327	19,099
	1890	910	145,313,997	195,686	178,80	47	89,310	54,581
II. Сапоги и башмаки (механ. произв.)	1880	1,959	42,494,028	21,947	25,89	57	84,763	32,470
	1890	2,082	95,282,311	45,765	43,18	67	105,980	48,926
III. Кирпичъ и черепица	1880	5,631	27,673,616	4,915	84.28	12	5,831	4,095
	1890	5,828	82,528,566	14,169	121,85	19	11,628	9,460
IV. Сыръ, масло, сгущ. молоко	1880	3,932	9 604,803	2,443	37,31	2	6,547	1,877
	1890	4,712	16,624,163	3.528	26,52	3	13,303	2,403
V. Мужская одежда . .	1880	6,166	79,861,696	12,952	38,11	26	33,985	12,680
	1890	18,658	182,552,938	9,784	48.29	13	20,261	10,644
VI Хлопчато-бум. издѣлія	1880	1,005	219,504,795	218,413	104,06	185	209,901	96,701
	1890	905	354,020,843	391,183	132,11	245	299,112	124,938
VII. Мукомольное дѣло	1880	24,338	177,361,878	7.287	35,11	2	20,757	2,615
	1890	18,470	208,473.500	11,287	40,56	3	27,827	4,322
VIII. Литейное дѣло и произв. машинъ	1880	4,958	154,519,484	31,166	72,08	29	43,239	22,395
	1890	6,475	382,798,337	59,119	92,75	38	63,738	37,306
IX. Стекло	1880	211	19,844,699	94,051	93,81	115	100.259	62,208
	1890	294	40,966,850	139 343	99,80	156	139,629	98,333
X. Вязальные товары .	1880	359	15,579,591	43,397	53,41	80	81,246	38.875
	1890	796	55,607,738	63,578	75,26	77	84,474	39,421

	Годы.	Число заведеній	Капиталъ (въ долларахъ.	Среднее количество капит на завед	Среднее колич. капит нужное на продуктъ цѣнности въ 100 долл	Среднее количество служащихъ.	Валовой продуктъ (въ долл.).	Чистый продуктъ въ долл)
XI. Кора, дубленая и выдѣланная	1880	4,245	67,100,574	12,371	36,33	6	34,052	7,272
	1890	1,596	81,261,696	50,916	58,77	22	86,643	23,914
XII. Очищенные напитки	1880	844	24,247,595	28,729	59,05	8	48.654	15,781
	1890	440	31,006,176	70,469	29,77	12	236,813	202,929
XIII Солодовые напитки	1880	2,191	91,208,224	41,629	90.25	12	46,124	20,183
	1890	1,284	232,471,290	186,275	127,22	28	146,420	95,135
XIV. Бумага	1880	692	46,241,202	66,823	83,91	35	79,639	30,576
	1890	567	82,379,099	145,281	110.85	52	131,057	56,589
XV. Кораблестроеніе . .	1880	2,188	20,979,874	9,589	57,01	10	16,819	7,799
	1890	2,010	53,393,074	52,864	132 35	26	39,943	23,185
XVI. Производство рубашекъ	1880	549	6,841,778	12,462	33,99	47	36,667	16,072
	1890	869	14,273,611	16,425	42,43	38	38,715	20,638
XVII. Производство шелковыхъ товаровъ . .	1880	382	19,125,300	50,006	46,61	82	107,416	48,600
	1890	472	51,007,537	108,067	58,43	108	184,954	76,894
XVIII. Суконные товары	1880	1,990	96,095,464	48,289	59,83	43	80,707	30,031
	1890	1,311	130,989,940	99,916	98,06	61	101,890	39,136
XIX Шерстяные товары	1880	76	20,374,043	268,080	60 73	217	441.447	151,794
	1890	143	68,085,116	476,120	85,97	305	553,809	199,216

и здѣсь тенденцію къ децентрализаціи (см. группы V и XVI). Извѣстно далѣе, какое развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ получили промысловые синдикаты, конечно, усиливающіе тенденцію къ концентраціи. Мы намѣренно привели въ изобиліи цифры, характеризующія этотъ процессъ, чтобы тѣмъ яснѣе были для насъ впослѣдствіи децентрализующія тенденціи въ земледѣліи.

Къ этому же періоду относится развитіе желѣзнодорожной сѣти, имѣвшей огромное значеніе какъ для всего американскаго народнаго хозяйства, такъ и для земледѣлія [1]). Постройка желѣзныхъ дорогъ облегчена была тѣмъ, что земля подъ ними здѣсь ничего не стоила [2]), между тѣмъ какъ въ Европѣ земля составляетъ важную часть издержекъ на постройку желѣзной дороги.

Исторія описаннаго преобразованія народнаго хозяйства [3]) Соединенныхъ Штатовъ будетъ неполна, если мы не коснемся чрезвычайно интересной и важной стороны дѣла,—американскаго протекціонизма.

Развитіе американской промышленности, какъ можно было видѣть изъ вышеприведенныхъ цифръ относительно торговли Соед. Шт., совершалось и совершается по преимуществу на счетъ внутренняго рынка [4]). Для нея является поэтому очень выгодной охрана

[1]) Желѣзныя дороги въ Соед. Шт. развивались такъ: 1830 годъ—29 миль, 1840—2,818 м., 1850—9,021 м., 1860—30,626 м., 1870—52,922 м., 1880—93,296 м., 1885—128,361 м., 1890—166,691 м., 1897—184,603.

[2]) Ср. *A. v. d. Leyen.* Die nordamerikanischen Eisenbahnen in ihren wirtschaftlichen und politischen Beziehungen. Leipzig. 1885. Стр. 3.

[3]) Ср. мѣткую характеристику новѣйшаго промышленнаго развитія Соед. Шт. у *Sartorius von Waltershausen.* Der moderne Socialismus in den Vereinigten Staaten von Amerika. Berlin. 1890. Стр. 9.

[4]) Вотъ яркія, хотя и устарѣлыя цифры, иллюстрирующія значеніе внутренняго рынка для американской промышленности (изъ отчета Милля въ House of Representatives въ 1888 году).

Годы.	Производство націон промышл въ долларахъ.	Вывозъ въ долларахъ.	Ввозъ иностр. мануф. въ долл.	Все потребл мануф. прод въ Соед. Шт въ долл.	Потребл. націон мануф	Потребл. иностр. мануф.	Потребл. націон. мануфактуры	
							дома.	вывозъ.
1850	1,019,106,616	22,903,888	130,838,280	1,171,041,068	88,39%	11,61%	97,75%	2,52%
1860	1,885,861,676	45,658,873	261,264,310	2,101,467,113	87,57	12,43	97,58	2,42%
1870	4,232,325,442	47,921,159	308,363,496	4,492,767,784	93,14	6,86	98,87	1,13%
1880	5,369,579,191	79,510,447	423,699,010	5,713,767,784	92,58	7,40	98,52	1,48%

Господство внутренняго рынка надъ внѣшнимъ нашло свое выраженіе и у теоретиковъ. Такъ напр. *Gunton* (Principles of social economics. N. Y.

этого рынка пошлинами отъ иностранной конкурренціи; протекціонизмъ является въ такой же мѣрѣ способомъ покровительства американской промышленности, существующей внутреннимъ рынкомъ, въ какой свободная торговля способомъ покровительства англійской промышленности, въ своемъ развитіи опирающейся на внѣшній рынокъ. Вопросы тарифнаго законодательства составляютъ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ американской политической жизни и раздѣляютъ между собою двѣ главныя политическія партіи,—республиканцевъ и демократовъ. Первые, представляя интересы промышленности, сосредоточенной по преимуществу на сѣверовостокѣ, являются протекціонистами; они же являются сторонниками золотой валюты, ибо устойчивость денежной единицы соотвѣтствуетъ интересамъ промышленности. Вторые, представляя интересы земледѣлія, для котораго во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе свободная торговля, сосредоточиваются на земледѣльческомъ западѣ и югѣ (хотя точнаго дѣленія здѣсь провести невозможно, — послѣднее время группировка партій еще усложнилась); демократы же, какъ правило, стремятся и къ биметализму, который и въ Европѣ составляетъ боевой кличъ аграріевъ [1]). Группировка партій въ Америкѣ основывается поэтому не столько на интересахъ различныхъ классовъ, сколько различныхъ районовъ территоріи союза и различныхъ отраслей національнаго производства, распредѣленныхъ въ этихъ районахъ. Замѣчательно, что многіе видные американскіе экономисты являются убѣжденными протекціонистами, какъ напр. Гентонъ [2]), Паттенъ [3]) и др., и за ихъ точкой зрѣнія нельзя не

and London. 1892, 328) приводитъ слѣдующія преимущества внутренняго рынка надъ внѣшнимъ 1) внѣшняя торговля разорительна, потому что она стремится увеличить, а не уменьшить разстояніе между сырьемъ и фабрикой; 2) она разрушаетъ общность интересовъ предпринимателя и рабочаго, дѣлая перваго независимымъ отъ рабочихъ какъ потребителей. „Тенденція цивилизаціи такова, чтобы сдѣлать всѣ отрасли промышленности зависимыми отъ внутренняго потребленія. Экономія будущаго должна быть экономіей крупнаго производства, внутренняго рынка и высокой заработной платы“ 3) „внутренній рынокъ способствуетъ большему разнообразію производства и обобществленію предпріятія“.

[1]) См. *M. Prager.* Die Währungsfrage in den Vereinigten Staaten von Nordamerika. Stuttgart. 1897. (Munchener volkswirtschaftliche Studien hrsg. von L. Brentano und W Lotz).

[2]) У Гентона является аргументъ „высокой заработной платы“, намъ уже извѣстный: Gunton, l. c 325

[3]) Чрезвычайно интересна аргументація Паттена: „Англія была первой страной, открывшей міровой рынокъ, и въ результатѣ не только Англія стала цвѣтущей страной, но и всѣ другія націи получили выгоды

признать той относительной правоты, какая вообще только и можетъ существовать въ вопросахъ торговой политики.

Въ исторіи американскаго протекціонизма [1]), въ большей или меньшей степени безсмѣнно господствовавшаго въ американской торговой политикѣ XIX вѣка, можно различить два періода, отвѣчающихъ основнымъ эпохамъ экономическаго развитія страны: періодъ умѣреннаго протекціонизма до освободительной войны и періодъ высокаго протекціонизма послѣ нея и до нашихъ дней.

отъ свободнаго англійскаго рынка. Міръ имѣетъ теперь такой рынокъ Второй рынокъ въ томъ же родѣ не имѣлъ бы такого дѣйствія—развитія промышленности, какое послѣдовало за открытіемъ англійскаго рынка Одна нація можетъ получить большую выгоду отъ соприкосновенія съ другими цивилизаціями и сдѣлаться рынкомъ для ихъ избытковъ; но вторая нація нашла бы все мѣсто уже занятымъ. Самое большее, мы можемъ надѣяться раздѣлить эту торговлю съ Англіей, или можетъ быть, даже перебить у Англіи торговлю (undersell) такъ, чтобы присвоить ее себѣ цѣликомъ. Но замѣна Англіи Америкой, если и можетъ быть выгодна отдѣльнымъ классамъ въ Америкѣ, не даетъ никакой выгоды для всего міра. Міровой прогрессъ зависитъ теперь отъ развитія внутренняго производства, а не внѣшней торговли. Мы нуждаемся въ систематическомъ развитіи всѣхъ отраслей труда, которыя сдѣлала возможными въ нашей странѣ природа Мы должны лучше воспользоваться всѣми своими естественными рессурсами, если только міръ можетъ достигнуть высшаго промышленнаго состоянія. Прогрессъ долженъ исходить отъ развитія обширныхъ континентальныхъ націй, богатыхъ естественными рессурсами". (*Simon N. Patten* The economic basis of protection. Philadelphia. 1890. Стр. 14—15). Аргументація Паттена звучитъ чрезвычайно знакомо для русскаго читателя.

Не менѣе любопытно, какъ аргументируютъ американскіе протекціонисты относительно земледѣлія. „Истиннымъ другомъ американскаго фермера является тотъ, кто поддерживаетъ политику, ведущую къ относительному расширенію неземледѣльческаго населенія потребителей, а не производителей фермерскихъ продуктовъ. Каждая новая фабрика, новая желѣзная дорога, каждый новый городъ или поселокъ содѣйствуютъ этому. Такимъ образомъ ясно, что политика, покровительствующая мануфактурной промышленности, вовсе не оказывается во вредъ земледѣлію, но обезпечиваетъ приростъ неземледѣльческаго населенія. Еслибы была оставлена иллюзія внѣшняго рынка, и не происходило бы новаго увеличенія площади воздѣлыванія, потребовалось бы не много лѣтъ, прежде чѣмъ наше мануфактурное и промышленное населеніе смогло бы потребить весь продуктъ американскихъ фермъ" и т. д. (Gunton's Magazine of American Economics and Political Science, October 1897. Статья Farming and Farm Labour, стр. 286)

[1]) Кромѣ цитир. соч. Раббено и Тауссига (перу послѣдняго принадлежитъ еще статья о тарифѣ 1894 года въ Economic Journal), см. еще

Аргументомъ въ пользу протекціонизма въ первую половину XIX вѣка было дѣтское состояніе промышленности (infant industries), нуждающейся въ охранѣ отъ иноземной конкурренціи, а позднѣе защита американскаго труда, оплачиваемаго высокой платой, отъ конкурренціи дешеваго европейскаго труда (high wages argument [1]). Періодъ 1816—1846 былъ временемъ довольно умѣреннаго, но все же покровительственнаго тарифа, за то съ 1846 года, когда перевѣсъ получили южные демократы, начались фритрэдерскія вѣянія, выразившіяся въ пониженіи тарифа. Война Сѣвера и Юга и побѣда Сѣвера рѣшили вопросъ въ пользу протекціонизма и съ этой поры начинается безсмѣнное, хотя и съ колебаніями, господство протекціонизма (разорительное для Юга). Высокій тарифъ 1861 года, вызванный фискальными потребностями, сдѣлался основаніемъ постояннаго тарифа, подтвержденнаго въ 1883 году. Въ 1890 году прошелъ ультрапротекціонистскій тарифъ Макъ-Кинлея [2]), который, хотя въ 1894 году былъ смягченъ, но составляетъ основу и теперешняго тарифа.

Нѣкоторыхъ особенностей развитія американской промышленности нельзя понять, не остановивъ вниманія на своеобразной постановкѣ рабочаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ уже было выше замѣчено, здѣсь не населеніе опережало ростъ капитала, а капиталъ опережалъ ростъ населенія. Поэтому, если первыя стадіи развитія капитализма въ Европѣ отмѣчены хро-

R. Mayo-Smith and E. R. A. Seligman The Commercial Policy of the United States of America. (въ Schr. d. Ver. f. Soc. Pol B XLIX) Относительно ранняго протекціонизма еще *W. G. Sumner*. Lectures on the history of Protection in the United States. N. Y. 1877. Ср. также *R. Th Ely*. The problems of to—day. N. Y. 1888.

[1]) Любопытно, что аргументъ высокой заработной платы употреблялся въ свою пользу то фритрэдерами, то протекціонистами. Таусснгъ говоритъ: „около 40-хъ годовъ былъ выдвинутъ аргументъ, что американскій трудъ долженъ быть защищенъ отъ конкурренціи менѣе оплачиваемаго иностраннаго труда. Этотъ аргументъ приводился и въ предшествующій періодъ... фритрэдерами, а не протекціонистами. Фритрэдеры привыкли ссылаться на высокую заработную плату какъ непреодолимое препятствіе для успѣшнаго развитія мануфактуръ. Они пользовались аргументомъ высокой заработной платы, чтобы опровергнуть аргументъ юной промышленности, утверждая, что пока заработная плата будетъ стоять на такомъ уровнѣ въ Европѣ, мануфактуры не будутъ въ состояніи держаться въ Америкѣ безъ помощи правительства“ и т. д. (Taussig l. c. 65).

[2]) См. объ этомъ въ цит. соч. Таусснга и Раббено.

ническимъ избыткомъ населенія, то въ Америкѣ наоборотъ, — хроническимъ его недостаткомъ. Уже въ силу этого заработная плата здѣсь должна находиться на высшемъ уровнѣ чѣмъ въ Европѣ. Но есть и другая могущественная причина, гарантирующая рабочему извѣстный, сравнительно высокій уровень заработной платы, — это наличность свободной земли и возможность для каждаго рабочаго бросить промышленность и завести собственное хозяйство. Поэтому капиталистъ долженъ во всякомъ случаѣ такъ обставить рабочаго, чтобы эта перспектива не имѣла для него привлекательности. Значеніе этой причины хорошо отмѣчаетъ Сарторіусъ: „несомнѣнно, богатство дешевой землей является громадной выгодой для соціальноэкономическаго положенія Соед. Шт. Во времена застоя многіе изъ отпущенныхъ или низко оплачиваемыхъ рабочихъ могли бы найти достаточно оплачиваемое занятіе въ качествѣ фермеровъ востока, а чрезъ это облегчили бы положеніе оставшихся. Они могли бы расчитывать на постоянное занятіе и даже при слабомъ повышеніи спроса на значительное повышеніе заработной платы. Образованіе „резервной арміи“ (по выраженію Маркса), которая бы въ лучшія времена, появившись на рынкѣ, противодѣйствовала повышенію заработной платы, становится поэтому невозможнымъ. Но не только въ мрачныя времена кризиса, и въ періоды хозяйственнаго процвѣтанія многіе рабочіе отправляются на западъ. Въ благопріятныя времена они получаютъ хорошій заработокъ, и изъ поденной платы въ 2 доллара неженатый рабочій можетъ сберегать 1 д., и скоро скопить сумму, необходимую для основанія своего хозяйства (homestead). Что фабричные рабочіе дѣлаются сельскими хозяевами, далеко не рѣдкость. Переходъ этотъ не такъ труденъ, какъ можно предполагать, если брать масштабомъ наши условія. Ибо сельское хозяйство въ Америкѣ есть далеко не столь многостороннее производство какъ у насъ, именно здѣсь въ высокой степени развито раздѣленіе труда“ [1]).

[1]) *Sartorius von Waltershausen.* Die nordamerikanischen Gewerkschaften unter dem Einfluss der fortschreitenden Productionstechnik. Berlin. 1886. Стр. 106—7. Ср. сужденіе Шенгофа: „Соед. Шт съ ихъ обширными естественными богатствами, свободными законами, обширной территоріей обладаютъ такимъ обширнымъ полемъ для приложенія труда, какъ ни одна страна, исключая, можетъ быть, австралійскихъ колоній. Обширныя пространства незанятой земли даютъ возможность удовлетворить тому, что есть главное желаніе для человѣка,—завести собственное хозяйство. Ши-

Въ Америкѣ перемѣна профессій (не исключая и земледѣлія [1]) есть самое обычное явленіе, основная черта американской жизни. Американецъ всего больше соотвѣтствуетъ тому отвлеченному „economic man“, отъ представленія о которомъ исходила въ своихъ дедукціяхъ классическая школа. Эта текучесть американской жизни, въ связи съ постояннымъ притокомъ новыхъ эмигрантовъ, придаетъ американской культурѣ печать незаконченности, неоформленности, о которой говоритъ Ратцель. „Всѣ очертанія блѣднѣютъ въ далекой перспективѣ обширнаго еще не занятаго пространства“ [2]).

Итакъ, высокій уровень заработной платы сравнительно съ Европой является фактомъ общепризнаннымъ [3]). Изъ этого факта вытекаетъ нѣсколько важныхъ слѣдствій. Прежде всего, предприниматель, выплачивая высокую заработную плату, требуетъ и напряженнаго труда. Другими словами, Америка является областью полнаго господства экономіи высокой заработной платы, которая нашла здѣсь и видныхъ теоретиковъ (Шенгофъ, Гентонъ и др.). Приведемъ нѣсколько устарѣлое, но за то чрезвычайно выразительное свидѣтельство Дуэ относительно интенсивности американскаго труда: „отъ рабочаго требуется здѣсь вдвое или втрое большее количество труда, чѣмъ въ Европѣ. Машины на

рокое распространеніе земельной собственности является центральнымъ фактомъ и для всѣхъ другихъ профессій. Высокая заработная плата и уровень жизни является такимъ образомъ обезпеченнымъ Пока земля способна поглощать во времена промышленнаго застоя избыточный трудъ въ городахъ, не можетъ держаться низшая норма зараб. платы, чѣмъ та, которая достигнута“. (*Schoenhof.* The economy of high wages. 1892 Стр 32).

[1]) Тѣ, кто усмотрятъ здѣсь опроверженіе сказанному во введеніи относительно малой пригодности городскихъ рабочихъ для земледѣлія, пусть повременятъ съ этимъ возраженіемъ до тѣхъ поръ, пока еще ближе познакомятся съ земледѣліемъ на дальнемъ Западѣ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что европейскіе эмигранты въ огромномъ количествѣ случаевъ являются именно земледѣльцами,—вѣдь главный контингентъ эмиграціи даютъ земледѣльческіе рабочіе и ирландцы

[2]) *Ratzel.* Die Vereinigten Staaten der Nord-Amerika. Zweiter Band. München. 1893 2-te Aufl. Стр. 358—9.

[3]) Самыя новыя и полныя свѣдѣнія о положеніи американскихъ рабочихъ см. въ цит соч. *Levasseur.* L'ouvrier americain. Далѣе см. цит. соч. Сарторіуса, Райта, Ратцеля, Шенгофа, затѣмъ изъ старыхъ *Young.* Labour in Europe and Amerika. Washington. 1876. *Arthur von Studnitz.* Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse. Leipzig. 1879. *F R. L. Gould.* Social condition of labour. Baltimora. 1893

фабрикахъ идутъ почти вдвое скорѣе чѣмъ въ Англіи и втрое скорѣе чѣмъ въ Германіи [1]). При пряденіи хлопка рабочій дѣлаетъ до 20 англійскихъ (4 нѣмецкихъ) миль въ день; ткачъ, который не можетъ присматривать, по крайней мѣрѣ, за двумя станками, едва ли проживетъ своей заработной платой. Каменщикъ, который кладетъ въ день менѣе 2,500—3,000 кирпичей, найдетъ работу только въ случаѣ особой нужды, потому что четырехэтажные дома въ 25 футовъ ширины и 60 вышины должны быть готовы въ 4 мѣсяца. Сельскій рабочій долженъ быть въ состояніи одинъ наблюдать за 40 акрами, и при этомъ его рабочій день даже лѣтомъ продолжается не болѣе 10 часовъ. Здѣсь въ Америкѣ никто не располагаетъ временемъ, чтобы курить во время работы. На фабрикахъ нельзя болтать, пѣть или вообще дѣлать какой-либо перерывъ; это запрещено или же становится запрещеннымъ само собою“ [2]). Естественно, что такая напряженная работа требуетъ и соотвѣтствующаго питанія. „Однимъ картофелемъ, хлѣбомъ и вообще мучнистыми продуктами не можетъ прожить ни одинъ американскій работникъ. Даже итальянцы, словаки и ирландцы, привыкшіе дома къ исключительно растительной пищѣ, скоро усвояютъ привычку получать больше трехъ разъ въ день мясо или вмѣсто него яйца, масло и сыръ, молоко, рыбу и питательные напитки. Растительныя блюда служатъ не больше какъ приправой и употребляются въ маломъ количествѣ» [3]).

Дороговизна рабочей силы составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ причинъ, двигающихъ Америку по пути промышленнаго прогресса и совершенно исключительнаго здѣсь развитія машиннаго произ-

[1]) Въ примѣчаніи авторъ приводитъ слѣдующее интересное сопоставленіе изъ отчета госуд. департамента 1882 года въ Вашингтонѣ: „Соед. Шт., располагая лишь четвертью того количества веретенъ, какимъ располагаетъ Великобританія и лишь 181,000 рабочихъ противъ 500.000 британскихъ, производятъ половинное количество хлопчатобумажныхъ товаровъ или даже выше, сравнительно съ Великобританіей. Каждое американское веретено потребляетъ въ среднемъ въ годъ 66 фунтовъ сырого хлопка, тогда какъ британское лишь 32 фунта. Каждый американскій ткачъ потребляетъ, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вдвое сырья сравнительно съ британскимъ и производитъ цѣнность въ пряжѣ на $1^1/_2$ доллара, тогда какъ британскій на одинъ“.

[2]) *Douai* Die Lage der Lohnarbeiter in Amerika (въ *Tenner's* Amerika. Der heutige Standpunkt der Kultur) Berlin. 1884. Стр. 133.

[3]) ib. 135.

водства. „Естественно, экономія въ средствахъ производства прежде всего направляется на самый дорогой его факторъ, — именно заработную плату. Насколько невозможно ее понизить, стараются по возможности совсѣмъ ее не платить, замѣщая трудъ капиталомъ“ [1]). Отсюда понятно происхожденіе спеціально-американскаго генія, — изобрѣтательности. Имъ Америка обязана колоніальному характеру своего развитія.

Американскому предпринимателю приходится имѣть дѣло не только съ дорогой рабочей силой, но и сравнительно низшаго качества: постоянно прибывающая волна эмиграціи приноситъ далеко не лучшихъ представителей европейскаго труда. Къ тому же указанная текучесть американской жизни, частыя перемѣны профессій мѣшаютъ образованію у широкаго круга рабочихъ той технической выучки, которая составляетъ въ Европѣ отличіе такъ назыв. skilled labour. Этимъ объясняется другая черта американской техники, превосходно выясненная Сарторіусомъ: стремленіе расширить сферу необученнаго труда на счетъ обученнаго, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, требуетъ болѣе сложныхъ и многочисленныхъ машинъ. Эта черта,—также прямой результатъ колоніальнаго характера развитія, — противодѣйствуетъ развитію рабочихъ союзовъ англійскаго типа, — замкнутой организаціи отдѣльныхъ профессій, но требуетъ широкаго, не профессіональнаго, а локальнаго, иногда даже національнаго сплоченія труда (рыцари труда, американская федерація труда). Отсюда понятны огромныя различія въ англійскихъ и американскихъ рабочихъ организаціяхъ.

Вообще говоря, развитіе рабочихъ организацій въ Америкѣ, принимая во вниманіе необыкновенно благопріятныя для него внѣшнія условія, слѣдуетъ признать не особенно значительнымъ. Всѣ, выше отмѣченныя особенности колоніальнаго развитія, противодѣйствуютъ ихъ росту. Вотъ какъ сгруппированы причины этого Сарторіусомъ: „развитію профессіональнаго движенія прежде всего препятствовалъ пестрый составъ рабочаго населенія изъ разныхъ расъ и національностей. Отчасти расовая антипатія, отчасти

---

[1]) Sartorius von Waltershausen, l. c. 123. „Это является извѣстнымъ американскимъ принципомъ, замѣщать машиною рабочія руки, въ которыхъ существуетъ недостатокъ“ (*Reuleaux*. Briefe aus Philadelphia. Braunschweig. 1877 Стр. 19).

чуждость языка препятствовали созданію прочныхъ коалицій. Далѣе, быстрый прогрессъ техники производства, въ особенности промышленнаго раздѣленія труда и непрерывное, иногда внезапно наступающее замѣщеніе обученнаго труда необученнымъ вредило союзамъ, основаннымъ на единствѣ профессіональныхъ интересовъ, такъ какъ постоянно ставило ихъ лицомъ къ лицу съ новыми неожиданными конкуррентами. Также мѣшало различіе законодательства въ отдѣльныхъ штатахъ. Наконецъ, незаконченность американской культуры придаетъ профессіональнымъ союзамъ характеръ чего то измѣнчиваго. Частыя — сравнительно съ Европой — перемѣны профессій и переходъ отъ положенія наемнаго рабочаго въ положеніе мелкаго предпринимателя или политика. отливъ семей изъ промышленнаго востока въ колоніальныя области запада нерѣдко отвлекаетъ отъ союзовъ членовъ, когда они больше всего въ нихъ нуждаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ остающіеся отдаютъ слишкомъ мало вниманія и средствъ учрежденіямъ, которыя, быть можетъ, скоро окажутся имъ безполезны“ [1]).

Слабое развитіе профессіональныхъ союзовъ и прочихъ боевыхъ организацій въ Америкѣ объясняется также и тѣмъ, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ въ нихъ нѣтъ необходимости, — всѣ важнѣйшія функціи ихъ исполняетъ *свободная земля*. Экономическую роль рабочихъ организацій въ капиталистическомъ хозяйствѣ можно выразить такъ, что онѣ содѣйствуютъ, ускоряютъ и вынуждаютъ переходъ отъ экономіи низкой заработной платы, которая господствуетъ во всѣхъ старыхъ странахъ въ начальныя стадіи капиталистическаго развитія, къ экономіи высокой заработной платы. Въ Америкѣ такой задачи не существуетъ: благодаря свободной землѣ развитіе капитализма и началось здѣсь прямо съ экономіи высокой заработной платы. Въ частности, рабочія организаціи стремятся обезпечить своимъ членамъ извѣстный уровень заработной платы,—здѣсь это обезпечиваетъ своей реальной или потенціальной конкурренціей свободная земля, — страховать своихъ членовъ отъ безработицы, — и это дѣлаетъ свободная земля,—гарантировать имъ извѣстную продолжительность рабочаго дня и условія труда, — но это само собой разумѣется при той интенсивности труда, которая вынуждается экономіей высокой заработной платы. Свободная земля— палладіумъ аме-

[1]) *Sartorius von Waltershausen.* Gewerkvereine (Vereinigte Staaten von Amerika) въ Handw. der Staatsw, 2-te Aufl., Band IV, стр. 714—15.

риканскихъ рабочихъ, вѣрнѣе обезпечивающій ихъ интересы, нежели всякія рабочія организаціи [1]).

Генри Джорджъ является поэтому настоящимъ теоретикомъ американскаго народнаго хозяйства, устремляя все вниманіе на земельную собственность и земельную ренту и оставляя сравнительно въ сторонѣ отношенія между трудомъ и капиталомъ, гдѣ онъ удовлетворяется самымъ поверхностнымъ гармонизмомъ. По своему и для Америки Джорджъ правъ, указывая на всю опасность для интересовъ рабочаго класса захвата земель въ частныя руки [2]), но какова путаница мысли у тѣхъ, которые цѣликомъ перенесли американское ученіе Джорджа въ старый свѣтъ, и проповѣдуютъ здѣсь націонализацію земли какъ лѣкарство отъ всѣхъ недуговъ.

На основаніи всего сказаннаго выше о развитіи Соединенныхъ Штатовъ, понятно, почему имѣли столь малый успѣхъ среди американскихъ рабочихъ идеи соціализма, которыя, хотя и импортировались изъ Германіи, но оказывали слабое вліяніе до самаго послѣдняго времени [3]).

Въ какую сторону могутъ измѣниться условія экономическаго развитія Соед. Шт.? Ясно, что только въ одну: въ сторону приближенія ихъ къ европейскимъ условіямъ, утраты отличительныхъ чертъ колоніальнаго развитія. Это должно произойти, прежде всего, благодаря истощенію фонда свободныхъ земель; задолго до того, какъ всѣ свободныя земли будутъ обращены подъ обработку, онѣ

---

[1]) Читатель не долженъ понимать сказаннаго въ томъ смыслѣ, чтобы мы отрицали вообще возможность конфликтовъ труда и капитала или же временной безработицы и т. д. Это значило бы отрицать всѣмъ очевидные и извѣстные факты, спорадическаго появленія которыхъ неспособна отвратить, при капиталистической организаціи производства, никакая свободная земля Мы говоримъ про общія и основныя условія, отличающія развитіе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ развитія Европы.

[2]) Справедливо замѣчаетъ Сарторіусъ: „великое значеніе дешевой земли для развитія сѣвероамериканскаго народа есть ключъ къ пониманію отстаиваемыхъ Г. Джорджемъ идей объ отмѣнѣ частной собственности на землю. Легкая доступность земли, которая годъ отъ году убываетъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ уже исчезла, должна посредствомъ уничтоженія поземельной ренты сдѣлаться постоянной“ и т. д. (*Sartorius von Waltershausen.* Die nordamerikanischen Gewerkschaften, стр. 106, примѣч.).

[3]) Кромѣ сочиненій Сарторіуса, см. еще *R Th. Ely.* The labour movement in America. 1886. *Его же.* Socialism, an Examination of its Nature etc. 1894.

будутъ захвачены въ частную собственность всякаго рода спекулянтами, желѣзнодорожными обществами и т. д.; предостереженіемъ отъ надвинувшейся уже опасности явилась теорія Г. Джорджа. Приближеніе американскихъ условій къ европейскимъ, когда культура вмѣсто того, чтобы расти въ ширь, должна идти въ глубь, создастъ (и отчасти уже создаетъ) почву и для бо̀льшаго успѣха среди американскихъ рабочихъ идей континентальнаго соціализма. Для американскаго рабочаго сословія фондъ свободной земли даже послѣ своего истощенія является благодѣтельнымъ, ибо благодаря ему создался высокій уровень standart of life, который легче отстоять, чѣмъ завоевать вновь. Ростъ потребностей у рабочаго, достигшаго уже извѣстнаго уровня развитія ведетъ къ постепенному поднятію заработной платы и препятствуетъ ея пониженію. Поэтому и въ Америкѣ, вмѣстѣ съ ростомъ народнаго богатства, мы видимъ въ общемъ непрерывное повышеніе заработной платы. Въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи [1]) Карроль Райтъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „общій прогрессъ заработной платы обнаруживается не столько въ нормѣ поденной платы, сколько въ средней годовой. Съ этой цѣлью мы можемъ воспользоваться отчетами ценза, въ которыхъ приводится общая сумма заработной платы и среднее число лицъ, между которыми она дѣлится. Въ 1850 году средній годовой заработокъ лицъ, занятыхъ въ мануфактурномъ и механическомъ производствѣ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ круглыхъ числахъ, равнялся 247 долларовъ, 1860 — 289 д., 1870 — 302 д., 1880—347 д., 1890—445 д. Сопоставляя движеніе заработной платы и цѣнъ (понизившихся), нужно, повидимому, заключить, что заработная плата постоянно расла, съ нѣкоторыми отклоненіями во время торговаго застоя; что средніе заработки поэтому расли, а среднія цѣны далеко не оставались неизмѣнными. Слѣдовательно, экономическое положеніе лицъ, существующихъ на заработную плату, за послѣдніе 50—60 лѣтъ значительно улучшилось“.

Однако, одновременно съ улучшеніемъ занятыхъ рабочихъ, въ американскомъ народномъ хозяйствѣ начинаютъ уже развиваться и противоположныя тенденціи. „Новый свѣтъ — писалъ

---

[1]) *Carroll D. Wright.* Outline of practical sociology. New-York. 1899. Стр. 232—3.

Дуэ еще въ 1884 году — все больше становится старымъ свѣтомъ, и американскія условія сдѣлались весьма подобны европейскимъ. Если въ Соед. Шт. тысячи сдѣлались милліонерами, десятки билліонерами, и сотни тысячъ состоятельными людьми, одновременно выросли, какъ грибы изъ земли, до сихъ поръ неизвѣстные здѣсь классы населенія, нищіе и бродяги, уличные музыканты, масса разнощиковъ, искателей приключеній и преступниковъ“ [1]). Въ городахъ Соед. Шт. появляются тѣ низшіе слои пауперизма, которые характерны для зап. Европы, и различіе между занятыми рабочими (skilled labour), рабочей аристократіей, и не имѣющими постоянныхъ занятій проходитъ все глубже. Появленіе sweating system въ американскихъ городахъ, о которомъ было упомянуто выше, является чрезвычайно характернымъ и тревожнымъ симптомомъ. Можно ожидать большаго или меньшаго вторженія въ американскую жизнь экономіи низкой заработной платы, слѣдующей какъ тѣнь за превышеніемъ предложенія труда надъ спросомъ. Становится чувствительнѣе гнетъ капитала, объединеннаго въ трестахъ и т. д.

Ясно, какое значеніе можетъ при такихъ условіяхъ имѣть непрекращающійся потокъ эмиграціи, приносящій все новыя и новыя рабочія руки, которыя конкуррируютъ на рынкѣ съ американскими рабочими. „Противоположность интересовъ труда и капитала постоянно затрогивается и обостряется иммиграціей, такъ какъ крупные предприниматели находятъ въ ней подходящее средство получать дешевую рабочую силу, а во время стачки набирать изъ ея рядовъ добавочное количество рабочихъ. Они противодѣйствуютъ поэтому всякому ограниченію прилива европейскаго населенія. Осѣдлые же рабочіе видятъ во всѣхъ пришельцахъ, прежде всего, своихъ конкуррентовъ, которые понижаютъ заработную плату и могутъ совершенно парализовать ихъ стремленія къ организаціи“. [2]) Подъ непосредственнымъ вліяніемъ рабочаго класса создано было запретительное законодательство противъ иммиграціи китайцевъ, оказывающихся наиболѣе опасными вслѣдствіе своихъ низкихъ потребностей, а затѣмъ и ограничительные законы противъ европейской иммиграціи (по закону 1891 года

---

[1]) Donat, l. c., 139.

[2]) *Sartorius von Waltershausen.* Einwanderung in die Vereinigten Staaten въ Handw. d. Staatsw., 2-te Aufl., B II, 460.

воспрещается иммиграція слабоумнымъ, сумасшедшимъ, пауперамъ и вообще лицамъ, которыя, по всей вѣроятности, будутъ въ тягость обществу, лицамъ, пораженнымъ заразительными болѣзнями, преступникамъ и полигамистамъ). „Будущее, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, принесетъ еще болѣе суровое законодательство противъ иммиграціи, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше будутъ крѣпнуть рабочіе союзы и чѣмъ чаще будетъ поражаться американское хозяйство кризисами съ наступающей въ результатѣ ихъ безработицей“ [1]). (Очевидно, какое огромное значеніе будетъ это имѣть для странъ, посылающихъ эмиграцію).

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ неотложной хозяйственной необходимости американскій міръ будетъ все болѣе и болѣе замыкаться отъ европейскаго: ультрапротекціонные тарифы исключаютъ конкурренцію европейской промышленности, а запретительные законы объ эмиграціи—конкурренцію европейскаго труда. И все болѣе полное и всестороннее осуществленіе въ американской жизни получаетъ и будетъ получать принципъ: *Америка для американцевъ*.

2. Основныя черты развитія американскаго земледѣлія.

Развитія американскаго земледѣлія, какъ и всего народнаго хозяйства Соед. Шт., нельзя понять, не принимая во вниманіе *колоніальнаго* характера страны. Въ теченіе всего XIX вѣка, или даже прямо можно сказать съ открытія Америки Соед. Шт. представляютъ непрерывно колонизующуюся страну. Поэтому, чтобы дать себѣ отчетъ въ положеніи вещей въ каждую данную минуту, нужно быть въ ясности относительно хода и основныхъ условій колонизаціи. Исторія эта сливается, въ значительной мѣрѣ, съ исторіей политическаго и территоріальнаго роста Соед. Шт., однако изложеніе этой исторіи даже въ основныхъ чертахъ увело бы насъ слишкомъ далеко. и мы ограничимся только указаніемъ самыхъ основныхъ фактовъ, безусловно необходимыхъ для пониманія развитія земледѣлія.

Первоначальнымъ центромъ поселеній въ Америкѣ были сѣверовосточные Штаты, такъ наз. Новая Англія, гдѣ утвердилось крѣпкое и свободное крестьянское населеніе. Оно отстояло поли-

[1]) ib. 461.

тическую независимость Соед. Шт., оно съ топоромъ въ одной рукѣ и съ карабиномъ въ другой, шагъ за шагомъ подвигаясь на западъ, колонизовало дикія области, принадлежавшія индійцамъ. Изъ его рядовъ выходили полусказочные герои Фенимора Купера, Майнъ-Рида, Густава Эмара и др., столь плѣнявшіе нашу фантазію въ дѣтствѣ. Съ другой стороны, наиболѣе колонизованными оказались еще южные штаты, гдѣ свило себѣ гнѣздо, какъ мы уже знаемъ, рабство и гдѣ утвердились сахарныя и хлопчатобумажныя плантаціи.

Вся дальнѣйшая колонизаціонная исторія Соед. Шт. представляетъ непрерывное движеніе съ востока на западъ, сначала въ глубь страны, а затѣмъ и къ Тихому Океану. Эта тяга на западъ не закончилась еще и въ настоящее время. Наглядно движеніе колонизаціи иллюстрируется непрерывнымъ — отъ ценза до ценза—перемѣщеніемъ такъ наз. центра тяжести населенія[1]) съ востока на западъ. Строются новые города, образуются новыя селенія и—что для насъ здѣсь всего интереснѣе—привлекаются къ воздѣлыванію новыя земли. О томъ, въ какихъ размѣрахъ происходитъ такое привлеченіе, дадутъ понятіе слѣдующія общія цифры.. Площадь занятая подъ фермы, составляла (въ акрахъ):

1850	293.560,614
1860	407.212,538
1870	407,735,041
1880	536,081,835
1890	623,218,619

Общая площадь, такимъ образомъ, за 40 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилась (слѣдуетъ еще къ этому добавить, что процентъ некультивированной—unimproved—земли въ составѣ общей сельскохозяйственной площади понизился съ 61,50% въ 1850 году до 42,62% въ 1890 году). Этотъ огромный ростъ земледѣльческой

[1]) Центръ тяжести населенія—понятіе, образованное американскими статистиками для опредѣленія измѣненій въ распредѣленіи населенія. Земная поверхность принимается не имѣющей никакого вѣса, всѣ же люди принимаются единицами, имѣющими совершенно равный вѣсъ, и вычисляется, гдѣ при данномъ распредѣленіи населенія приходится центръ тяжести. Этотъ методъ даетъ, хотя и крайне неточную, но чрезвычайно наглядную картину измѣненій въ территоріальномъ распредѣленіи населенія.

площади объясняется только тѣмъ, что за это время были впервые обращены подъ земледѣліе огромныя пространства центральныхъ и западныхъ штатовъ. На какихъ же условіяхъ обращалась подъ обработку эта огромная земельная площадь? По закону всѣ свободныя земли Соед. Шт. составляютъ государственную собственность, — public land, которою распоряжается федеральное правительство, отчуждающее эту землю частнымъ лицамъ и обществамъ [1]). Въ исторіи этого отчужденія наибольшее значеніе имѣетъ законодательство о гомстэдахъ (Homestead) и политика надѣленія землею желѣзнодорожныхъ компаній.

Законодательство о гомстэдѣ имѣетъ слѣдующее значеніе. „Въ Соед. Шт. у федеральнаго правительства можно пріобрѣсть 160 акровъ (64,8 ha) внѣ границъ желѣзной дороги и 80 акровъ въ этихъ границахъ за общій взносъ только 15—30 долларовъ. если домогающійся земли дастъ присягу, что онъ покупаетъ землю исключительно въ цѣляхъ воздѣлыванія ее для собственныхъ надобностей, такъ что она не будетъ служить ни прямымъ, ни косвеннымъ средствомъ для извлеченія выгодъ отъ другихъ. Пять лѣтъ владѣлецъ этого хозяйства или его законные наслѣдники должны воздѣлывать землю, и за это время онъ не долженъ оставлять ее болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ. Если онъ по истеченіи 5 лѣтъ докажетъ это чрезъ двухъ свидѣтелей, обѣщаетъ повиноваться федеральному правительству и присягнетъ, что за этотъ періодъ онъ не продалъ ни одного клочка изъ своей земли, онъ получаетъ тогда патентъ, который даетъ ему полное право на владѣніе. Въ теченіе перваго 5-лѣтія земля эта свободна отъ налоговъ, и она должна служить объектомъ для взысканія за долги лишь послѣ выдачи патента, и до извѣстныхъ размѣровъ (отъ

[1]) „Всѣ земли, не имѣющія собственника или государственныя (Public lands), исключая Техаса и Индійской территоріи, принадлежатъ союзному правительству (Government), которое и должно согласно существующимъ законамъ продавать ихъ или какъ-нибудь иначе распоряжаться ими. Государственныя земли находятся въ штатахъ Алабамѣ, Флоридѣ, Иллинойсѣ, Индіанѣ, Мичиганѣ, Миссиссипи, Огайо, Висконсинѣ и во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ къ западу отъ Миссиссипи“. (Prof. *M. Wilckens.* Die nordamerikanische Landwirtschaft. Tübingen. 1890. Стр. 14). Подробную исторію колонизаціи см. въ извѣстномъ сочиненіи *M. Sering.* Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerika's in Gegenwart und Zukunft. Landwirtschaft, Kolonisation und Verkehrswesen in den Vereinigten Staaten und in British-Nordamerika. Leipzig. 1887.

40 до 80 акровъ въ различныхъ штатахъ) освобождается отъ принудительной продажи за долги. Также ни одинъ мужъ не можетъ продать или заложить свою землю безъ согласія и письменнаго разрѣшенія жены. Если покупщикъ не хотѣлъ ждать полныхъ 5 лѣтъ до того времени, когда онъ могъ пріобрѣсти эту землю въ собственность, онъ могъ это сдѣлать по истеченіи 6 мѣсяцевъ, если только платилъ опредѣленную правительствомъ покупную цѣну“ [1]).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько имѣютъ вліянія постановленія о неотчуждаемости и т. д., мы должны здѣсь констатировать, что законодательство о homestead имѣло огромное значеніе для колонизаціи страны, и благодаря ему привлечены были милліоны колонистовъ. Наряду съ этимъ возможны, конечно, и прямыя покупки земли у правительства, за установленную имъ цѣну, безъ ограниченія количества земли въ однѣхъ рукахъ. Послѣднее постановленіе закона о homestead'ѣ (о досрочномъ пріобрѣтеніи земли за минимальную цѣну) также открываетъ путь злоупотребленіямъ и спекуляціи.

Однако настоящимъ разсадникомъ земельной спекуляціи явились желѣзнодорожныя компаніи. Въ періодъ наиболѣе лихорадочной стройки желѣзныхъ дорогъ правительство охотно надѣляло землей по обѣ стороны отъ пути желѣзнодорожныя общества, которыя оказались, такимъ образомъ, одними изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ Соед. Шт. Количество земель, отданныхъ обществамъ, въ точности неизвѣстно, тѣмъ не менѣе оно громадно [2]).

---

[1]) Wilckens, l. c. 20. Ср. также Sering, op cit. Кромѣ того *R. Meyer* Heimstatten und andere Wirtschaftsgesetzé. Berlin. 1883. *Его же.* Ursachen der amerikanischen Konkurrenz. Ergebnisse einer Studienreise durch die Ver. St. Berlin. 1883.

Paul Buret. Le homestead ou l'insaisissibilite de la petite propriété foncière Préface de E. Levasseur. Paris. 1895.

[2]) „Общее количество земель, розданныхъ до сихъ поръ ж. дор. обществамъ, не можетъ быть точно опредѣлено, потому что обширныя пространства этой земли еще не измѣрены и на нихъ не взятъ патентъ. По оцѣнкѣ общаго земельнаго управленія за періодъ 1850—71 (послѣ этого времени не было новыхъ раздачъ) не менѣе 57 милл. акровъ было отдано для этой цѣли отдѣльнымъ штатамъ и 141 милл. акровъ прямо крупнымъ ж. дор. линіямъ и вдоль берега Тихаго Океана; включая раздачи земли до 1850 года, это составитъ болѣе 200 милл. акровъ или 809,000 кв. килом. Отсюда часть возвращена благодаря конкурсу или промедленіямъ въ постройкѣ жел. дорогъ, и по новой оцѣнкѣ земельнаго департамента остается

Благодаря этому желѣзныя дороги сыграли большую роль въ американской колонизаціи. „Въ надеждѣ въ скоромъ времени продать эти земли и привлечь сюда поселенцевъ, жел. дор. общества строили пути чрезъ безлюдныя доселе мѣстности и становились, такимъ образомъ, носителями культуры, руководителями цивилизаціи; куда они проводили свои линіи и строили станціи, тамъ возникали города, торговыя мѣстечки, фермы. Ж. дор. компаніи всѣми способами шли навстрѣчу потребностямъ поселенцевъ, раздавая дешевые билеты ищущимъ земли, облегчая доставку сѣмянъ на новыя фермы, продавая подаренную имъ правительствомъ землю на удобныхъ условіяхъ уплаты, сооружая или помогая сооруженію элеваторовъ при станціяхъ“ [1]).

Исторія колонизаціи центра и запада Соед. Шт. и привлеченія къ обработкѣ дикихъ и пустынныхъ мѣстностей съ расчетомъ на западный или даже на европейскій рынокъ была бы совершенно непонятна и невозможна, еслибы желѣзныя дороги не уничтожили разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ этихъ рынковъ. Эта колонизація потребовала бы, быть можетъ, вѣка, а не десятилѣтія. Развитіе американской желѣзнодорожной сѣти является, поэтому, моментомъ чрезвычайно большой важности въ исторіи не только американскаго, но и европейскаго народнаго хозяйства, въ исторіи мірового развитія капитализма.

Наряду съ желѣзными дорогами, въ качествѣ великой колонизаціонной силы долженъ быть поставленъ *кредитъ*. Если Европа выполнила первоначальное накопленіе капитала для американской промышленности, то восточные штаты (быть можетъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ Европой) оказали ту же услугу относительно западныхъ штатовъ и ихъ земледѣлія. Задолженность запада предъ востокомъ — общеизвѣстный фактъ. Въ 11-мъ цензѣ было произведено обслѣдованіе ипотечной задолженности Гольмесомъ [2]). Хотя сред-

187 милл. акровъ или 757,000 кв кил окончательно розданныхъ, площадь въ полтора раза превышающая Германскую Имперію“ (Sering, l. c. 133). Клаудъ опредѣлялъ эту же площадь свыше 200 милл. акровъ (*B. C. Cloud* Monopolies and the people 4-th ed. Davenport. Iova. 1873. Стр. 12)

[1]) Sering, l. c. 71. Отдѣльные примѣры такого вліянія см. напр. въ Indiana Agriculture. Agricultural Recources and Development of the State. The struggles of pioneer life compared with present condition. Indianopolis. 1893. Стр. 14.

[2]) Кромѣ ценза, ср. еще *Holmes*. Investigations of Mortgages and arm and Home Proprietorship in the United States (Journal of the R. Stat. Soc 1893, 443—481)

ній уровень этой задолженности (35,55% къ цѣнности) не можетъ считаться высокимъ, но характерно распредѣленіе этой задолженности: самое большое количество фермъ, обремененныхъ гипотекой, оказывается, конечно, во вновь колонизованной North Central Division [1])—42,52%; рядомъ стоитъ Western Division [2])—23,09%; South Atlantic Division [3]) имѣетъ всего 7,43% заложенныхъ фермъ, South Central Division [4]) всего 4,59%; высокій процентъ задолженности фермъ штатовъ Новой Англіи — North Atlantic Division [5])—34,22%, не можетъ быть объясненъ колонизаціей, значеніе его будетъ указано ниже.

Роль кредита для американскаго земледѣлія хорошо выражена въ слѣдующихъ словахъ Левассера: „земледѣлецъ, который купилъ землю безъ денегъ въ карманѣ, налагаетъ гипотеку на эту землю. Тотъ же самый земледѣлецъ, начиная воздѣлываніе своей фермы, покупаетъ въ кредитъ скотъ, машины, матеріалы для постройки дома, и еще разъ налагаетъ гипотеку на свою землю. Американскій фермеръ также, какъ мануфактуристъ и рабочій, отличается болѣе предпріимчивостью, чѣмъ экономіей. Онъ не боится новинокъ, и, стремясь получить большую выгоду, онъ знаетъ, что хорошія орудія есть условіе успѣха. Онъ легко поддается увѣщаніямъ комми-вояжеровъ, которые хвалятъ свои машины или скотъ, обѣщая продать въ кредитъ. Въ случаѣ нужды онъ дѣлаетъ заемъ у банкировъ, которые прибываютъ съ востока, гдѣ капиталъ относительно изобиленъ, чтобы открывать свои конторы на западѣ... Гипотека была и долгое время будетъ однимъ изъ необходимыхъ условій прогресса цивилизаціи и культуры въ Америкѣ, кредитъ явился, такъ сказать, мостомъ, по которому земледѣлецъ переходитъ изъ пролетаріата въ разрядъ собственниковъ. Гольмесъ справедливо говоритъ, что въ общемъ кредитъ является признакомъ благополучія, хотя въ неблагопріятныя времена, при пониженіи цѣнъ, онъ можетъ ока-

[1]) Ohio, Indiana, Illinois, Michigan, Iova, Missouri, North Dakota, South Dakota, Nebraska, Kansas.

[2]) Montana, Wyoming, Colorado, New Mexico, Arizona, Utah, Nevada Idaho, California. Washington, Oregon

[3]) Delaware, Maryland, Distr. of Columbia, Virginia, West Virginia, North Carolina, South Carolina, Georgia, Florida.

[4]) Kentucky, Tennessee Alabama, Mississipi, Louiziana, Texas, Arkansas.

[5]) Maine, New Hampshire, Vermont, Massachusetts, Rhode Island, Connecticut, New Jork, New Jersey, Pennsylvania

заться опаснымъ для слишкомъ задолженныхъ фермеровъ. Соединенные Штаты обязаны ему (а также закону о Homestead) быстрымъ заселеніемъ и прогрессомъ культуры далекаго запада („Far West"), безъ него потребовались бы, вѣроятно, вѣка, а не годы для возникновенія здѣсь фермъ" [1]). Широкое пользованіе кредитомъ, конечно, предполагаетъ болѣе предпріимчивый и спекулятивный духъ у американскаго фермера нежели у его европейскаго собрата. „Большая разница между ними лежитъ въ томъ, что оба они предъявляютъ совсѣмъ разныя требованія къ продукту своего труда. Американскій фермеръ хочетъ не только поддерживать свое существованіе, но и идти впередъ. Каждый американецъ хочетъ зарабатывать деньги, фермеръ также не такъ идиллически настроенъ, чтобы хотѣлъ погасить въ себѣ этотъ оживляющій духъ ради спокойной и удобной жизни. Если не удается традиціонное воздѣлываніе маиса и пшеницы, онъ пытается производить еще что-нибудь, — отсюда частыя измѣненія въ площади различныхъ культуръ. На этотъ случай у него не бываетъ недостатка предпріимчивости или стремленія къ новизнѣ" [1]). Отсюда и образъ жизни американскаго фермера, его

[1]) *Levasseur* L'agriculture aux États-Unis, 523 — 4. Ср его же предисловіе къ книгѣ *Buret.* Le homestead, стр 216 О значеніи задолженности см еще у *Arthur F. Bentley* The condition of the western Farmer as illustrated by the economic history of a Nebraska township Baltimore. 1893 (John Hopkins University Studies, VII—VIII, Eleventh series), стр. 76—7. Также *Ratzel.* Die Vereinigte Staaten von Amerika, 515. Естественно, что во многихъ случаяхъ эти долги ведутъ къ эксплуатаціи и закабаленію фермеровъ со стороны кредиторовъ „Покупатели съ легкостью получаютъ деньги въ долгъ изъ 12%, такъ какъ существуетъ, по крайней мѣрѣ, съ дюжину капиталистическихъ компаній, имѣющихъ большую выгоду отъ того, что они даютъ деньги подъ земли и фермы на западѣ. Этотъ ростовщическій процентъ въ концѣ концовъ разоряетъ крестьянина, и вотъ кредиторы соединяютъ землю, подвергнутую должникомъ первоначальной разработкѣ, въ большіе участки. Крестьянинъ въ теченіе ряда лѣтъ работалъ даромъ, и долженъ теперь изъ собственника становиться арендаторомъ, изъ арендатора наемнымъ рабочимъ". (Douai, l. c. 151).

[2]) Ratzel, l. c 425 Ср. также Sering, l c 180 Въ связи съ коммерческимъ духомъ фермеровъ и возможностью проводить на новыхъ мѣстахъ принципы рациональности, не стѣсняясь наслѣдіемъ старины, стоитъ квадратная форма земельныхъ участковъ, допускающая наиболѣе цѣлесообразное пользованіе полемъ. Oetken указываетъ, что благодаря квадратной формѣ оказывается болѣе удобнымъ расположеніе усадьбы, болѣе выгодное раздѣленіе полей на клинья, примѣненіе большаго числа машинъ,

standart of life, несравненно выше, чѣмъ европейскаго крестьянина. Новѣйшій американскій авторъ пишетъ о потребностяхъ теперешняго американскаго фермера слѣдующее: „хотя цѣны упали, но уровень жизни поднялся. Многое изъ того, что составляетъ въ настоящее время предметъ удобства и комфорта, 40—50 лѣтъ тому назадъ являлось роскошью, доступной только богатымъ людямъ. Напримѣръ, въ Сѣв. Каролинѣ средній фермеръ имѣлъ сахаръ въ кофе только по воскресеньямъ. Онъ самъ дѣлалъ свои плуги, бороны, ручки, люльки и спицы, строилъ свой домъ и сарай. Его жена шила не только платье для всего семейства, но и матрацы, подушки, одѣяла и т. д. Теперь фермеры строятъ лучшие дома, покупаютъ столы, шкапы, скатерти, чулки, занавѣски, картины, піанино, органы, часы и т. д. Они покупаютъ больше и лучшаго качества платье, шляпы и обувь. Они ѣдятъ лучше приготовленную пищу, покупаютъ больше рыбы, мяса, сахара, кофе и риса“ [1]).

На долю американской энергіи и предпріимчивости должны быть отчасти отнесены успѣхи американскаго земледѣлія. Но не эти качества, какъ они не цѣнны, обусловили ту всепобѣждающую силу американскаго земледѣлія, отъ которой рушится и стонетъ земледѣліе европейское. Успѣхи эти стоятъ въ связи съ колоніальнымъ характеромъ американскаго земледѣлія, съ обращеніемъ подъ обработку новыхъ земель; благодаря этому экстенсивному, а не интенсивному повышенію производства, росла производительность американскаго земледѣлія: производство зерновыхъ хлѣбовъ съ 1839 по 1889 годъ выросло съ 615,625,312 буш. до 3,518,816,904 буш., а въ частности пшеницы съ 84,823,272 до 486,373,968 буш. [2]). Причины американской конкурренціи лежатъ не въ какихъ-либо преимуществахъ американскаго земледѣлія, какъ такового, преимущества эти не играютъ никакой существенной роли,—поселите въ Америку русскаго мужика и онъ

надзоръ за полемъ. (*Fr. Oetken.* Die Landwirtschaft in den Vereinigten Staaten von Nordamerika. Berlin. 1893. Стр. 98—101).

[1]) *Jerome Dowd.* Natural Causes of Agricultural Depression въ Guntons' Magazine of American Economics and Political Science Januar 1897, стр. 54.

[2]) Report on the Statistics of agriculture in the United States at the Eleventh Census. Washington. 1895. Стр. 6. Результаты 11-го ценза съ рѣдкой роскошью и наглядностью представлены въ Statistical Atlas of the United States. Eleventh Census. By Henry Gannet. 1898. Washington.

будетъ почти столь же опаснымъ конкуррентомъ европейскому земледѣлію, какъ и теперешній американскій фермеръ.

Причина эта въ томъ, что благодаря изобилію свободной земли здѣсь временно не чувствуется законъ убывающаго плодородія почвы; преимущества Америки въ данномъ случаѣ не въ культурѣ, а въ некультурности. Такъ какъ рента и цѣна земли являются функціей закона убывающаго плодородія почвы, результатомъ ограниченности производительныхъ силъ земли, то здѣсь нѣтъ или почти нѣтъ и ренты и цѣны земли. Это было съ классической простотой и ясностью отмѣчено еще Уэкфильдомъ: „Американская теорія ренты такова. Рента состоитъ въ ежегодныхъ платежахъ за пользованіе землей. Но много земли, которая можетъ быть обращена для пользованія въ цѣляхъ человѣка, не даетъ ренты. Напр. земля на южномъ берегу Новой Голландіи или дальняго запада Миссисипи, которая совсѣмъ не заселена, не даетъ ренты, и никогда не будетъ ее давать, пока не будетъ людей, которые пожелали бы ее взять. Такимъ образомъ, никто не будетъ платить за пользованіе землей, пользоваться которой не находится другихъ желающихъ лицъ. Поэтому рента проистекаетъ изъ-за соперничества въ пользованіе землей“ [1]).

Мѣстомъ, откуда идетъ разрушительная американская конкурренція, являются новые штаты центра и запада. Согласно отзывамъ всѣхъ путешественниковъ, земледѣліе стоитъ здѣсь крайне низко. Проф. Вольтманъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ хозяйство на гигантскихъ фермахъ Дакоты: „всѣ эти фермы отличаются безгранично хищническимъ характеромъ земледѣлія. Изъ зерновыхъ хлѣбовъ воздѣлываются, главнымъ образомъ, яровая пшеница, въ гораздо меньшей степени овесъ и ячмень. Дальнѣйшей отличительной чертой является то, что хозяйство здѣсь не имѣетъ скота, исключая необходимаго упряжнаго скота и нѣсколькихъ свиней и овецъ, и возможно широко примѣняются машины“ [2]). Левассеръ говоритъ: „американцы употребляютъ мало удобренія. Земля въ большинствѣ штатовъ еще не имѣетъ достаточно высокой цѣнности для того, чтобы воздѣлыватель рѣшился увеличивать ея производительность, затрачивая лишній капиталъ. До сихъ поръ дѣло больше сводилось къ воздѣлыванію новыхъ

[1]) *Wakefield*, l. c. 136.

[2]) *F. Wohltmann*. Landwirtschaftliche Reisestudien uber Chicago und Nord-America Breslau. 1894. Стр. 19.

земель, а не мелiорированью старыхъ“ [1]). Сюда же относится и односторонній характеръ американскаго земледѣлія, который является результатомъ стремленія извлечь наибольшій доходъ изъ земли съ наименьшими издержками. Этого рода раздѣленіе труда или, точнѣе, специализація производства, не только не имѣетъ ничего общаго съ раздѣленіемъ труда въ промышленности, но является также одной изъ формъ хищническаго хозяйства, при которомъ менѣе всего заботятся о наиболѣе производительномъ (и, слѣдовательно, многостороннемъ) пользованіи землею. Вотъ какъ характеризуетъ эту особенность американскаго хозяйства Землеръ: „хотя въ наибольшей степени раздѣленіе труда проводится въ гигантскихъ фермахъ, но имъ слѣдуетъ въ этомъ, насколько можетъ, и мелкій фермеръ. Концентрировать всю энергію на одной отрасли хозяйства, таковъ всеобщій девизъ... Фермеръ со своимъ семействомъ живетъ въ легкихъ досчатыхъ строеніяхъ и обрабатываетъ совсѣмъ одинъ свою землю, состоящую изъ 100—300 акровъ, онъ находитъ даже время работать нѣсколько мѣсяцевъ на другихъ. Только въ теченіе посѣва онъ приглашаетъ одного рабочаго на 14 дней, да во время жатвы 12—15 рабочихъ на 3 - 4 дня. Ему нечего жать, кромѣ пшеницы, иногда еще ячменя или

---

[1]) *Levasseur.* L'agriculture aux États Unis, 288. Ср. также Ратцель благодаря стремленію всячески экономить на издержкахъ производства и на рабочей силѣ „потеря на хлѣбѣ, котораго употребляется при посѣвѣ благодаря недостатку рабочихъ слишкомъ много, оцѣнивается не менѣе 3 милл. долл. въ годъ Вреднымъ послѣдствіемъ поверхностнаго вспахиванья является масса сорныхъ травъ. Неурожаи пшеницы въ сухіе года въ такихъ областяхъ, какъ Канзасъ, Небраска, Дакота не были бы никогда столь велики, еслибы поверхностное вспахиванье земли не дозволяло ей высыхать до самаго зерна. Наконецъ, потеря удобренія, а не рѣдко и соломы, которую часто прямо жгутъ, сводится къ тѣмъ же причинамъ. Низкая цѣна земли и высокая цѣна труда объясняютъ достаточно многія отличительныя особенности американскаго земледѣлія, предпочтеніе, которое оказываютъ они машинамъ, также эстетическіе недостатки въ домахъ и въ садахъ, которые чувствительны многимъ европейцамъ. Тщательное воздѣлываніе и чистота европейскихъ имѣній не встрѣчается на западѣ, чаще на востокѣ... Съ тѣхъ поръ какъ крупный капиталъ овладѣлъ обширными площадями, чтобы подвергнуть ихъ быстрой эксплуатаціи, это хищническое земледѣліе создастъ большую опасность для будущихъ поколѣній“ (Ratzel, l. c. 420—1—2) (Въ русской литературѣ имѣется не мало описаній хищническаго хозяйства зап. штатовъ, такъ что мы можемъ ограничиться сказаннымъ).

маиса, ибо картофель, овощи и предметы прочихъ потребностей онъ покупаетъ. Нѣсколько куръ снабжаютъ его яйцами, три или четыре коровы, которыя, насколько позволяетъ погода, пасутся на лугу вмѣстѣ съ четырьмя, служащими для упряжныхъ работъ, доставляютъ ему молоко и масло (однако случается, что фермеръ покупаетъ и яйца и масло, примѣры см. у Сарторіуса). Сказанное относительно раздѣленія труда на мелкихъ фермахъ имѣетъ силу, впрочемъ, болѣе относительно запада нежели востока Сѣв. Америки (весьма характерное различіе!), такъ какъ на востокѣ фермеръ болѣе или менѣе заботится о томъ, чтобы наряду съ своими рыночными продуктами, производить и для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ напр., въ Германіи. Впрочемъ, къ такому односторонпему воздѣлыванію земли прибѣгаютъ не одни фермеры, производящіе пшеницу. Существуютъ фермеры, которые водятъ только свиней или рогатый скотъ, или овецъ, тогда какъ другіе занимаются лишь пчеловодствомъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ встрѣчаются даже такія фермы, которыя посвящены исключительно производству фруктовъ, притомъ не производству фруктовъ вообще, а лишь опредѣленнаго вида. Въ Пенсильваніи, Делаварѣ и Ньюджерсеѣ господствовали „персиковыя фермы“, въ Флоридѣ и южной Калифорніи „апельсиновыя фермы“, въ Орегонѣ „сливяныя“ фермы, въ средней Калифорніи „вишневыя“, „грушевыя“, „земляничныя“, „малиновыя“ фермы. Весьма рѣдко на одной фермѣ производятся всѣ сорта фруктовъ, которые дозволяютъ климатъ и свойства почвы. На „курныхъ фермахъ“ держатся только куры, рѣдко еще нѣсколько утокъ и индюшекъ. Для послѣднихъ есть „индюшечныя фермы“. На югѣ, несмотря на отмѣну рабства, хозяйство мало измѣнилось, и мы находимъ теперь какъ и прежде плантаціи, которыя посвящены лишь воздѣлыванію хлопка, риса и табаку. Особенно значительное раздѣленіе труда имѣло мѣсто въ скотоводствѣ. Владѣлецъ стадъ, которыя онъ вскармливаетъ на пастбищахъ, никогда не доитъ своихъ коровъ, а тамъ, гдѣ введено стойловое содержаніе скота, занимаются доеньемъ, но больше ничѣмъ. Молочныя хозяйства дѣлятся на такія, которыя продаютъ молоко, превращаютъ его въ масло или дѣлаютъ сыръ“ и т. д. [1]).

[1]) *H Semler.* Die wahre Bedeutung und die wirkliche Ursachen der nordamerikanischen Konkurrenz in der landwirtschaftlichen Produktion Wismar.

Таковъ типъ хозяйства, выработавшагося подъ вліяніемъ своеобразныхъ американскихъ условій, въ ряду которыхъ наибольшую важность имѣетъ дешевизна земли. Слѣдующее сопоставленіе дастъ наглядное, можно сказать, цифровое выраженіе тѣмъ причинамъ, которыя дѣлаютъ американскую конкурренцію столь опасной и разрушительной для европейскаго земледѣлія. Возьмемъ расчетъ издержекъ производства въ Англіи, относящійся къ концу 70-хъ годовъ и представленный парламентской коммиссіи 80-хъ годовъ (этотъ расчетъ приводился уже выше [1]), затѣмъ расчетъ издержекъ въ Германіи въ концѣ 80-хъ годовъ, составленный проф. Дрекслеромъ [2]), и, наконецъ, расчетъ издержекъ производства въ началѣ 80-хъ годовъ на гигантской фермѣ Дарлимпля [3]). (Такъ какъ это сопоставленіе преслѣдуетъ только цѣли иллюстраціи, то различіе времени, къ которому относятся эти данныя, здѣсь не имѣетъ значенія).

Англія	%	Германія.	Марокъ.	Америка; издержки съ акра въ долларахъ и центахъ.	
Рента, налоги и десятина . .	28,91	Рента (% на зем. капиталъ)	26	Рента (% на зем. капиталъ)	72 цента
Трудъ	20,32	Страхов. и налоги	5,90	Налоги	10 „
Скотъ и кормъ	22,08	Трудъ	27,48	% на капиталъ (зданія, строенія, машины) . . .	10 „
Удобреніе . .	2,74	Удобреніе .	29,80	Вспашка	3 дол
Разное	16,05	Общія изд. . .	13	Посѣвъ	1½ „
Всего издерж.	90,10	% на капиталъ	3	Жатва и обмолотъ	3 „
Прибыли . . .	9,90	Всего . .	106,18	Всего	8 дол 42 ц

1881. Стр. 60—61. Ср. также отзыв. Сарторіуса: „раздѣленіе труда въ американскомъ земледѣліи поддерживается дешевизной почвы. Непрерывное, одностороннее воздѣлываніе почвы въ цѣляхъ производства однихъ и тѣхъ же продуктовъ означаетъ ея истощеніе. Такъ какъ земля была дешева, и всегда можно было купить новую, никогда не воздѣлывавшуюся до сихъ поръ землю, можно было рисковать на воздѣлываніе этихъ новыхъ земель и проводить раздѣленіе труда“ (Die nordamerikanischen Gewerkschaften, 128).

[1]) См. т. I, стр. 277, прим.

[2]) *Drechsler.* Die Productionskosten der Hauptgetreidearten въ сборникѣ Festgaben fur G Hanssen. Tubingen 1889.

[3]) *Finlay Dun.* American farming and food. London. 1881.

Мы видимъ, что и въ Англіи, и въ Германіи издержки на земельную ренту составляютъ почти столько, сколько и на трудъ; наряду съ этимъ высокая статья расходовъ—удобреніе (въ Германіи), скотъ (въ Англіи); наконецъ пропорціонально высоки и общія издержки. Въ Америкѣ же расходы на ренту и на капиталъ вмѣстѣ составляютъ менѣе $^1/_8$ издержекъ производства, которыя состоятъ почти исключительно изъ заработной платы. Поэтому, „для Европы имѣетъ чрезвычайно большую важность тотъ фактъ, что цѣна земли на западѣ составляетъ отъ 10 до 15 долл. за акръ, почти десятую часть той цѣны, какую имѣетъ пшеничная земля въ Средней Европѣ. А цѣны на земли, естественно, стоятъ въ тѣсной связи съ количествомъ населенія“ [1]).

Но и въ предѣлахъ Америки различаются районы разной плотности населенія,—востокъ, составляющій центръ промышленности и торговли, рѣзко отличается отъ запада, во многомъ представляя уже европейскія условія [2]). И для пониманія условій американской конкурренціи и американскаго развитія является поучительнымъ тотъ аграрный кризисъ, который западно-американское земледѣліе производитъ не въ Европѣ, но у себя дома, тотъ жесточайшій кризисъ, въ которомъ находятся теперь штаты промышленнаго востока. Кл. Жанэ дастъ слѣдующую характеристику кризиса: „поля Новой Англіи и даже части штатовъ Нью-Іорка и Пенсильваніи угнетены земледѣльческимъ кризисомъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ кризисъ въ восточной Европѣ. Цѣлые округа обезлюживаются, повсюду продаются фермы за цѣну, которая не покрываетъ даже цѣнности построекъ, такъ что земля отдается даромъ и тѣмъ не менѣе не находитъ покупщика. Въ Вермонтѣ, который, правда, очень гористъ, продаются 30,000 акровъ по крайней мѣрѣ по 5 долл. за акръ; въ Нью-Гампшайрѣ 20,000 акровъ продаются въ среднемъ по 10 долл. 86 ц. за акръ. Въ Нью-Іоркѣ можно купить очень хорошую землю по 30 д. за акръ, что составляетъ пониженіе цѣны отъ 50 до 100%, сравнительно съ цѣной 50 лѣтъ тому назадъ. Во всей части Соед. Шт. между Атлантическимъ океаномъ и Аллеганами, до Мэриленда, земля потеряла, по крайней мѣрѣ, четвертую

[1]) Ratzel, l. c. 433.

[2]) Тогда какъ средняя плотность населенія напр. въ Rhode Island составляетъ 106, а Массачусетсѣ 104 на кв. километръ, Idaho и Montana имѣютъ 0,3, Arizona, Wyoming и Nevada лишь 0,1 жителя на кв километръ

часть своей цѣнности". Такого паденія цѣнности земли не знаетъ еще ни одна европейская страна. „Нѣкоторое число фермеровъ Вермонта и Нью Гампшапра — продолжаетъ Жанэ — отправляются на дальній западъ, чтобы взять тамъ болѣе обширный и плодородный участокъ земли; но если хотите знать, куда идутъ они массами, слѣдуетъ открыть цензы сосѣднихъ промышленныхъ штатовъ. Въ одномъ Массачусетсѣ въ 1885 году было до 130,000 лицъ, родившихся въ Мэнѣ, 100,000 лицъ, родившихся въ Нью-Гампшайрѣ, болѣе 60,000, родившихся въ Вермонтѣ. Вотъ какимъ образомъ обезлюживаются чисто земледѣльческіе штаты. Въ Коннектикутѣ города и промышленныя округа продолжаютъ расти, между тѣмъ какъ промышленные графства теряютъ часть своего населенія" [1]). Въ восточныхъ штатахъ происходитъ, слѣдовательно, то же относительное поглощеніе городомъ деревни, что и въ Европѣ Подобными же чертами характеризуетъ кризисъ и Левассеръ: „забрасыванье фермъ на востокѣ сдѣлалось однимъ изъ классическихъ сюжетовъ американской политической экономіи, и нѣтъ путешественника, который, находясь въ этой странѣ, не слыхалъ бы этой короткой фразы, имѣющей въ устахъ американца значеніе безусловно обвинительнаго приговора: Farming does not pay in the East, сельское хозяйство не окупается на востокѣ. Не пускаясь въ изслѣдованіе причинъ, впрочемъ, вполнѣ ясныхъ, достаточно установить здѣсь фактъ полнаго разоренія земледѣлія на востокѣ, оно настолько очевидно, что не нужно даже его доказывать... Повсюду, гдѣ только фабрики не собираютъ вокругъ себя болѣе или менѣе густого населенія, поля обезлюживаются, а фермеры удаляются на востокъ заниматься прежней своей профессіей, которая можетъ „оплачиваться" теперь только тамъ" [2]). Существованіе кризиса можетъ быть уста-

[1]) *Claudio Jannet* Le capital, la speculation et la finance au XIX siècle. Paris. 1892 Стр. 128, 130.

[2]) *Levasseur*. Préface къ книгѣ *Buret*, le Homestead, 1895, стр 239—240. Ср. также по-американски тенденціозную книгу *W. A Peffer*. The farmer's side. His troubles and their remedy. New-York 1891 „Въ Новой Англіи фермы не только заложены, но многія изъ нихъ заброшены ихъ собственниками. Коммиссаръ земледѣлія въ Вермонтѣ въ 1889 году сообщалъ о широкораспространенномъ фактѣ забрасыванія фермъ въ этомъ штатѣ" (34). Эти явленія отмѣчаются уже съ начала 80-хъ годовъ. Такъ напр. Дуэ пишетъ, что восточные штаты давно уже получаютъ свой хлѣбъ изъ западныхъ. „Дѣти фермеровъ или эмигрируютъ на западъ или

новлено не только на основаніи отзывовъ и впечатлѣній отдѣльныхъ лицъ, но и статистическихъ данныхъ. О немъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, высокій процентъ ипотечной задолженности въ North Atlantic Division, который здѣсь не можетъ быть объясненъ колоніальнымъ характеромъ развитія, какъ задолженность западныхъ штатовъ [1]). Но въ особенности критическое состояніе земледѣлія въ промышленныхъ Штатахъ (North Atlantic Division) уясняется сопоставленіемъ данныхъ сельскохозяйственной статистики. Прежде всего, при общемъ ростѣ сельскохозяйственной (Farmland) и культивируемой (improved) площади, въ N. A. D. наблюдается обратное: за десятилѣтіе 1880—1890 гг. число фермъ уменьшилось здѣсь съ 696,179 до 658,560, площадь уменьшилась съ 67,985,640 акровъ до 62,743,525, а, кромѣ того, процентъ невоздѣлываемой земли въ составѣ этой площади увеличился въ 31,77% до 32,52% (во всѣхъ другихъ частяхъ С.-Шт. этотъ процентъ уменьшился). По оцѣнкѣ (насколько, конечно, можно довѣрять приблизительному характеру этихъ оцѣнокъ) общая цѣнность сельскохозяйственнаго производства, непрерывно возрастающая во всѣхъ divisions, въ North Atlantic сокращалась отъ десятилѣтія къ десятилѣтію въ періодъ 1870—1880—1890 такъ: 3,684,322,312 дол,, 3,196,567,477 и 2,969,971,293. Въ частности цѣнность земель и построекъ: 3,159,030,197 д., 2,803,443,402 д., 2,539,220,537; цѣнность продуктовъ фермъ: 634,223,687 д., 440,780,498 д, 418,302,066 д. Производство пшеницы въ періодъ 1880—1890 сократилось по площади съ 2,410,758 акровъ до 1,917,709, а по числу бушелей съ 34,178,947 до 32,012,544, также сократилась площадь ячменя (хотя производство даже нѣсколько увеличилось), маиса, гречихи, зато площадь пастбищъ увеличилась съ 12,026,364 акровъ до

еще чаще въ города, чтобы тамъ при болѣе легкой работѣ скорѣе разбогатѣть или же также и обѣднѣть. Въ штатахъ Новой Англіи продается почти всякая мелкая ферма, лишь бы только найти покупателя, что при господствѣ эмиграціи весьма затруднительно“ (Donai, l. c. 151) Dun также свидѣтельствуетъ: „фермеры восточныхъ штатовъ подобно своимъ собратьямъ Великобританіи, нѣсколько лѣтъ страдали отъ западной конкурренціи“ и т д. (Dun, l. c. 8—9) Кризисъ въ восточныхъ штатахъ съ полной ясностью былъ констатированъ во время путешествія Зерингомъ: цит. соч.

[1]) На высокую задолженность указываетъ, съ особенной настойчивостью Peffer, op. cit

13,205,321, количество же сѣна въ тоннахъ съ 12,665,694 до 16,234,045,—характерная черта, значеніе которой мы уже достаточно изучили въ старомъ свѣтѣ [1]).

На долю N. Atl. D. остается лишь молочное хозяйство, которое имѣетъ обширный рынокъ въ многочисленныхъ городахъ (производство молока здѣсь составляло въ 1870 году 186,605,146 галлоновъ, въ 1880—345,749,869, въ 1890—1,435,739,255, но уже въ производствѣ масла и сыра чувствуется и здѣсь конкурренція, такъ что количество производимаго масла сократилось съ 266,226,019 въ 1880 году до 246,788,544 фунтовъ въ 1890 году, а сыра съ 35,144,853 въ 1870 году до 6,693,681,—сокращеніе колоссальное). Многочисленное городское населеніе, далѣе, образуетъ обширный рынокъ для фруктовъ и овощей, такъ называемое market gardening, но и здѣсь мѣстному производству является конкурренція со стороны truck farming [2]).

---

[1]) Всѣ данныя заимствованы изъ 11-го цензa Таблицу относительно измѣненій производства разныхъ хлѣбовъ и цѣнности производства въ разныхъ Divisions не приводимъ здѣсь изъ экономіи мѣста.

[2]) Вотъ какъ опредѣляется въ 11-мъ цензѣ разница между этими двумя видами хозяйства: „производство фруктовъ и овощей для рынка съ большимъ успѣхомъ велось раньше какъ отрасль общаго сельскаго хозяйства, а позднѣе какъ спеціальность, извѣстная подъ названіемъ market gardening. Это производство обыкновенно ведется на нѣсколькихъ обильно удобренныхъ и хорошо воздѣланныхъ акрахъ земли, съ такимъ чередованіемъ растеній, чтобы возможно было ежедневно распродавать всѣ, производимыя сегодня, растенія, и чтобы возможно было ежедневное снабженіе втеченіе большей части года Фермы эти обыкновенно помѣщались на довольно значительномъ разстояніи отъ городовъ и имѣли дѣло обыкновенно съ зеленщикомъ и лишь въ небольшихъ городахъ прямо съ потребителемъ Truck farming, хотя и состоитъ также въ производствѣ зелени для рынка, отличается отъ market gardening тѣмъ, что, тогда какъ market gardener живетъ вблизи рынка и сбываетъ продукты самъ, обыкновенно производя весьма разнообразныя растенія, truck farmer живетъ вдали отъ рынка, зависитъ отъ транспортныхъ компаній и коммиссіонеровъ въ сбытѣ своихъ продуктовъ, и посвящаетъ себя обыкновенно тѣмъ спеціальностямъ, которыя являются болѣе всего подходящими къ почвѣ и климату. До 1860 года truck farming было неизвѣстно, исключая весьма ограниченной области вдоль жел. дорогъ и параходныхъ путей, въ растояніи примѣрно 50 миль отъ большихъ городовъ сѣвера. Лонгъ-Айлэндъ, Делаваръ и южный Иллинойсъ, повидимому, были въ это время главными центрами truck въ странѣ Быстрый ростъ городовъ и спросъ на большее количество болѣе разнообразныхъ овощей втеченіе цѣлаго года, измѣнив-

Подъ давленіемъ конкурренціи новыхъ земель, приростъ площади зерновыхъ хлѣбовъ распредѣляется въ Соед. Шт. далеко не равномѣрно; здѣсь наблюдается извѣстное территоріальное раздѣленіе производства, опредѣляемое не столько естественными преимуществами, сколько большей или меньшей возможностью вести хищническую культуру на дѣвственныхъ поляхъ. За послѣднее отчетное десятилѣтіе „N. A. D. показываетъ убыль площади зерновыхъ хлѣбовъ 1,044,489 или 10,54%; S. A. D. убыль 733,320 акровъ или 4,75%; N. C. D. занимающая значительную часть великой центральной равнины и, слѣдовательно, включающая всѣ важнѣйшіе производящіе зерно штаты Союза, обнаруживаетъ приростъ въ 20,429,272 акра или 29.12%; S. C. D — приростъ въ 832,348 акра или 4,31%, West. D приростъ 2,101,865 акровъ или 55,15%“ [1]). Эти данныя показываютъ наглядно, откуда идетъ конкурренція дешеваго хлѣба.

Итакъ, если опасность конкурренціи западныхъ штатовъ съ восточными, а также съ Европой проистекаетъ именно изъ обилія свободныхъ земель, то, очевидно, эта конкурренція будетъ ослабѣвать, по мѣрѣ того какъ площадь свободныхъ земель будетъ истощаться. Необходимость перехода къ болѣе интенсивной обработкѣ будетъ сопровождаться поднятіемъ цѣнъ и постепеннымъ установленіемъ европейскихъ условій земледѣлія. Насколько Соед. Шт. уже близки къ этому состоянію? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ. Есть вполнѣ авторитетные голоса, высказывающіеся въ томъ смыслѣ, что моментъ истощенія свободныхъ

шееся положеніе юга послѣ конца войны, расширеніе ж. дор. сѣти—все соединилось для развитія этого производства, такъ что значительная часть зелени, потреблявшейся въ городахъ, стали производиться въ 500—1,500 миляхъ отъ мѣста потребленія“ и т. д. (Rep. on Agr. at the 11-th Census).

[1]) Report on the statistics of agriculture in the Un. St. at the Eleventh Census. Washington 1895, стр. 6. „Централизація производства пшеницы наиболѣе отмѣчается въ N. C. D., въ которой пшеничная площадь, занимая 25,07% всей территоріи, составляетъ 67,25% пшеничной площади Соед. Шт. Единственная другая группа, въ которой площадь пшеницы относительно всей площади превосходитъ эту группу, есть N. A. D, благодаря обширному производству пшеницы въ штатахъ Пью-Іоркъ и Пенсильваніи Эта группа составляетъ 5,46% всей ея площади и 5,71% всей пшеничной площади страны. S. A. D. содержитъ 9,04% своей площади и 7,95% всей пшеничной площади, S. C. D. 20,55% и 6,89%, West. D. имѣетъ подъ пшеницей 39,58% своей площади и 12,20% всей пшеничной площади страны, главнымъ образомъ, въ Калифорніи, Орегонѣ и Вашингтонѣ“ (15).

земель уже близокъ. Такъ думаетъ, напр., Ратцель. „Огромный оптимизмъ относительно дальняго запада, который поддерживался чужестранными посѣтителями, быстро исчезаетъ“. Контенентальный климатъ, недостатокъ влаги дѣлаютъ необходимымъ тамъ искусственное орошеніе. „Вопросъ о восполненіи недостаточнаго количества дождевой влаги остается для запада Соед. Шт. важнѣйшей изъ всѣхъ проблемъ. Чѣмъ болѣе населеніе двигается на западъ, тѣмъ болѣе жгучимъ становится вопросъ объ искусственномъ орошеніи“ [1]). Между тѣмъ, по даннымъ ценза 1890 г., орошаемая площадь нигдѣ не составляла болѣе $^1/_2\,^0/_0$ земельной площади [2]). „Прекрасная пѣсенка объ uncle Sam, который каждому можетъ подарить ферму, должна смолкнуть предъ лицомъ пустынь запада“,—таковъ выводъ Ратцеля [3]).

Чтобы исчерпать основныя колоніальныя осебенности американскаго земледѣлія, мы должны еще коснуться „вопроса о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, который ставится здѣсь несравненно острѣе, чѣмъ въ Европѣ. Недостатокъ рабочихъ, естественно, составляетъ основную особенность американскаго земледѣлія; если онъ чувствуется здѣсь и въ промышленности, тѣмъ болѣе онъ долженъ чувствоваться въ земледѣліи. И этотъ недостатокъ налагаетъ свою печать на всю физіономію сельскаго хозяйства въ Америкѣ. Американскій хозяинъ долженъ прежде всего и во всемъ экономить трудъ. Въ связи съ этимъ стоитъ чрезвычайно низкая работоинтенсивность хозяйства, существующаго наемнымъ трудомъ, а также и его односторонность, позволяющая большее

---

[1]) Ratzel l c. 393.

[2]) Вопросъ объ орошеніи былъ впервые подвергнутъ обслѣдованію въ цензѣ 1890 года: *F. H. Newell.* Report on Agriculture by irrigation in the western part of the Un. St at the Eleventh Census. Washington 1894.

[3]) Ratzel l. c 433 Мнѣніе о скоромъ истощеніи свободныхъ земель и, слѣдовательно, прекращеніи аграрной конкурренціи выражаютъ и нѣкоторые другіе авторы, напр. *Annecke.* Die Lage der Landwirtschaft in den Vereinigten Staaten von Nordamerika (въ Schmoller's Jahrbuch, 1891), также *Weber.* The growth of cities, 226 и др. Ср. также *E. V. Smalley.* Has farm machinery destroyed farm life? (The Forum, 1884): „западный читатель, безъ сомнѣнія воспитанъ въ тѣхъ представленіяхъ, что обширныя бѣлыя мѣста на картѣ запада представляютъ земли, пригодныя для воздѣлыванія, между тѣмъ это не такъ: они относятся къ обширному сухому поясу. Фермеры уже пробовали вторгнуться въ этотъ поясъ, но принуждены были отступить“ (246—7).

сбереженіе труда. „Благодаря необходимости экономить трудъ, остаются невыполненными многія работы, которыя въ Европѣ служатъ къ украшенію и содержанію въ чистотѣ имѣнія и усадьбы. Столь аккуратно и чисто содержимыхъ дворовъ, столь опрятнаго содержанія поля, столь хорошо вычищеннаго скота, какъ все это часто встрѣчается въ имѣніяхъ Германіи и Австріи, я почти не видалъ въ Америкѣ", пишетъ проф. Вилькенсъ [1])

Недостатокъ рабочей силы, естественно, ведетъ здѣсь къ повышенію уровня заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ; высота ея общеизвѣстна [2]). Благодаря общему недостатку рабочей силы въ Америкѣ сельскохозяйственные рабочіе не являются такими паріями рабочаго сословія, какъ въ Европѣ,—они предъявляютъ совершенно такія же требованія, какъ и промышленные рабочіе.

Стремленіе экономить на заработной платѣ приводитъ, прежде всего, къ тому, что предприниматели стремятся нанимать рабочаго не на весь годъ, а на опредѣленный срокъ, на то время, когда въ наибольшей степени сосредоточиваются сельскохозяйственныя работы. Это вызвало своеобразное явленіе американской жизни,—странствованія земледѣльческихъ рабочихъ, составляющія условіе существованія пустынныхъ фермъ дальняго запада. Какъ писалъ еще Дуэ, „ежегодно странствуютъ по странѣ толпы, состоящія изъ десятковъ тысячъ земледѣльческихъ рабочихъ. Въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ въ Техасѣ и Луизіанѣ приходится время посѣва; въ Арканзасѣ и южномъ Канзасѣ это время падаетъ на февраль и мартъ, въ сѣверномъ Канзасѣ и Миссури—на мартъ и апрѣль, въ Небраскѣ и Айовѣ—на май, въ Дакотѣ на конецъ мая. Въ то же время на югѣ уже начинается жатва: въ Техасѣ и Луизіанѣ въ апрѣлѣ и маѣ, въ Арканзасѣ и южномъ Канзасѣ въ іюнѣ; далѣе на сѣверѣ она начинается въ іюлѣ, въ Дакотѣ въ августѣ. Такъ переѣзжаютъ полки холостыхъ рабо-

[1]) Wilckens, l c., 69.

[2]) Дуэ дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе зараб платы для 1879: сельскохозяйственный рабочій получалъ въ недѣлю во Франціи 13,65 марокъ, Германіи—12,50 мар, Италіи—15,20 м., Англіи—13,95—18,50, въ Соед. Шт. въ Нью-Іоркѣ 22,5—24, Чикаго 24—26 (l. c. 163). Сопоставленія зар платы 70-хъ годовъ см. также у *Studnitz*, l c, 108. Ср также Sering, op. cit Бытовыя картинки изъ жизни американскихъ рабочихъ см у *Walter A. Wykoff.* The workers. An Experiment in Reality. The East. London. 1898, и The West. London. 1899

чихъ съ сѣвера на югъ и наоборотъ, чтобы выполнять посѣвъ или жатву, или по очереди то и другое на крупныхъ фермахъ“ [1]).

Вторымъ слѣдствіемъ недостатка рабочей силы и высокой заработной платы является широкое распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ, стремленіе усилить капиталоинтенсивность хозяйства на счетъ трудоинтенсивности. Условіемъ, облегчающамъ широкое примѣненіе машинъ, является крайне экстенсивный а вмѣстѣ однообразный характеръ сельскохозяйственнаго производства въ Америкѣ. Мы уже знаемъ (см. введеніе), что машина находитъ тѣмъ большій доступъ въ сельское хозяйство, чѣмъ оно экстенсивнѣе и проще, односторонніе; степень участія машинъ въ производствѣ должна уменьшиться, послѣ того какъ американское земледѣліе станетъ интенсивнѣе. Обширныя дѣвственныя степи, ровныя и свободныя отъ камней, представляютъ особенно благопріятное поле для паровой обработки въ обширныхъ хозяйственныхъ комплексахъ.

Машинная обработка почвы облегчается и тѣмъ, что здѣсь машина сама идетъ къ фермеру. „Большая часть машинныхъ фабрикантовъ и торговцевъ имѣютъ агентовъ, которые разъѣзжаютъ по странѣ и, не щадя краснорѣчія, нахваливаютъ сельскимъ хозяевамъ свои машины, которыя отдаютъ и въ кредитъ. Этотъ кредитъ, конечно, весьма дорогъ, онъ обходится иногда въ 40%, но въ большинствѣ случаевъ машина очень необходима, чтобы замѣнять дорогую заработную плату“ [2]). „Если фермеръ не можетъ по размѣру своего имѣнія или средствъ самъ купить подходящую машину, то онъ соединяется съ однимъ или нѣсколькими сосѣдями въ маленькое товарищество, и машина пріобрѣтается сообща; или же, что также нерѣдко бываетъ, онъ совсѣмъ отказывается отъ покупки нужной машины и нанимаетъ ее у другого

---

[1]) Donat, l c 149 Очевидно, какое вліяніе должно имѣть это непостоянство въ занятіяхъ на рабочія организаціи. „Къ земледѣльческимъ рабочимъ примѣнимо то же, что и къ другимъ видамъ необученнаго труда, именно что организація (combination) не можетъ оказать вліянія на повышеніе цѣнъ. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что они разбросаны на обширныхъ пространствахъ и что значительная часть ихъ лишена постоянныхъ занятій. Во многихъ частяхъ страны сельскохозяйственный рабочій не является „hang“, или „employé“ или „servant“, но наемный человѣкъ („a hired man“)... Едва ли можно ожидать организаціи въ подобныхъ занятіяхъ“. (*Baker*. Monopolies and the people New York and London 1889. Стр. 129—30).

[2]) Wilckens, l c. 92.

сельскаго хозяина или предпринимателя за соотвѣтствующую плату... Во многихъ мѣстахъ установился такой обычай, что фермеръ за деньги отдаетъ косить хлѣбъ особымъ предпринимателямъ, которые ѣздятъ съ своими машинами отъ фермы къ фермѣ. По мѣстамъ и при особыхъ обстоятельствахъ владѣльцы поручаютъ другимъ даже пахать свою землю, въ томъ случаѣ, если требуется необыкновенно глубокая вспашка, для чего употребляется, большей частью, паровой плугъ, или же если впервые запахивается прерія или пастбище.“ [1])

Машинное производство сдѣлало мыслимымъ воздѣлываніе пустынныхъ областей запада, которое было бы невозможно иначе въ силу недостатка рабочей силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно повысило въ нѣсколько разъ производительность рабочаго, точнѣе, ту земельную площадь, которую онъ можетъ обработать [2]). Машина до извѣстной степени регулируетъ и должную интенсивность труда, благодаря чему относительно удешевляется рабочая сила [3]). Всѣ путешественники свидѣтельствуютъ о высокомъ качествѣ американскаго сельскохозяйственнаго рабочаго и интенсивности его труда.

У насъ создалась настоящая миѳологія относительно машиннаго земледѣлія Соед. Шт., на почвѣ поверхностнаго и неправомѣрнаго отожествленія роли машинъ въ промышленности и земледѣліи. Иные видѣли здѣсь даже причины американской конкурренціи [4]). Не стоитъ опровергать эту наивность. Машины яви-

[1]) Oetken, l. c. 466.

[2]) „У насъ (въ зап. Европѣ) приходится въ пять разъ большее число лицъ на ту же площадь, чѣмъ въ Америкѣ. Въ общемъ я думаю не ошибиться, сказавъ, что благодаря усовершенствованнымъ машинамъ сельскохозяйственный трудъ тамъ по крайней мѣрѣ въ 3—4 раза производительнѣе чѣмъ у насъ“ (*Rud. Meyer*. Das Sinken der Grundrente und dessen mogliche sociale und politische Folgen. Wien und Leipzig. 1894. Стр 99). „По очень умѣренной оцѣнкѣ, фермеры нашихъ дней съ помощью машинъ развиваютъ производительную силу, въ три раза большую, чѣмъ ихъ дѣды“ (*E. V. Smalley* Has farm machinery destroyed farm life, въ The Forum, 1884, стр. 244).

[3]) „Американецъ имѣетъ самовяжущую косилку. Одинъ человѣкъ и три лошади управляются съ 5—6 ha въ день. Если рабочій не справляется, по крайней мѣрѣ, съ 5 ha, я его отпускаю, потому что время въ жатву дорого. Онъ можетъ справиться съ 5 ha, а если понатужится, то и съ 6. Въ Европѣ на это нужно было бы 16—17 человѣкъ“ (Meyer l. c., 99).

[4]) Ср. напр. Мейеръ (l. c. 100): „столь дурно обставленное инструментами земледѣліе какъ европейское не можетъ надолго успѣшно конкур-

лись не слѣдствіемъ какихъ-либо преимуществъ американскаго земледѣлія, но его слабости,—недостатка рабочей силы, который онѣ и должны были возмѣстить. Основнымъ фономъ развитія и здѣсь является *свободная земля*, обиліе обширныхъ и незаселенныхъ пространствъ земли, которыя выгодно подвергать хотя бы поверхностной обработкѣ. Настоящіе успѣхи машиннаго производства есть чистѣйшій продуктъ колоніальныхъ особенностей развитія Соед Шт., и просто смѣшно, когда вполнѣ серьезные люди рекомендуютъ это какъ образецъ для подражанія европейскому земледѣлію.

Теперь познакомимся съ распредѣленіемъ фермъ разныхъ размѣровъ въ Соед. Шт. и измѣненіями въ немъ. Приведемъ данныя, имѣющіяся по этому вопросу въ американскихъ цензахъ. (См. стр. 435—436).

Постараемся отдать себѣ отчетъ въ содержаніи этой таблицы. Прежде всего, бросается въ глаза, что средній размѣръ американскихъ фермъ значительно выше чѣмъ въ Европѣ (даже въ капиталистической Англіи онъ составляетъ около 65 акровъ, т. е. вдвое меньше чѣмъ въ Соед. Шт.). Это объясняется, конечно, болѣе экстенсивнымъ и одностороннимъ характеромъ американскаго земледѣлія. Площадь, доступная единоличной обработкѣ, во много разъ превышаетъ здѣсь европейскую; это можно уже видѣть изъ обычныхъ размѣровъ гомстэда. Эти средніе размѣры еще болѣе повышаются благодаря развитію машинъ, позволяющихъ подвергать экстенсивной и однообразной обработкѣ болѣе обширную площадь [1]). Машины

рировать съ американскимъ, столь хорошо обставленнымъ; это также невозможно, какъ если бы ручной силезскій ткачъ сталъ конкуррировать съ крупными фабрикантами Бремена или Золингена". Подобная же точка зрѣнія выражена и въ Эрфуртской Программѣ: Erfurter Programm, стр. 22, прим.

[1]) На усиленіе тенденціи фермъ къ консолидаціи благодаря машинамъ указываетъ въ цит. статьѣ *Smalley*. „Теперь никто не станетъ обрабатывать въ преріи ферму, менѣе чѣмъ „quarter section of land", т. е. 160 акровъ. Всякій толковый фермеръ, воздѣлывающій одну секцію, норовитъ прикупить другую. Выгоднѣе воздѣлывать 320 акровъ, чѣмъ 160,— будутъ болѣе полно использованы машины" (244) Въ 1881 году F. Dun писалъ: „возникаетъ практическій вопросъ· какого размѣра фермы даютъ наилучшій доходъ?... Безъ сомнѣнія, его получаютъ предпріимчивые фермеры, имѣющіе отъ 80 до 160 акровъ Большую часть работъ они дѣлаютъ сами лишь съ помощью семейства" (1 с 49).

	Годы.	Общее число фермъ.	Общая площадь въ акрахъ.	Среднiе размѣры фермъ	Число фермъ ниже 10 акровъ	Число фермъ 10 — 20 акровъ.	Число фермъ 20 — 50 акровъ	Число фермъ 50—100 акровъ.	Число фермъ 100—500 акровъ.	Число фермъ 500 — 1000 акровъ.	Число фермъ выше 1000 акровъ	Плотность населенiя на кв. километръ
Соединенные Штаты.	1890	4,564,641	623,218,619	137	150,194	265,550	907,777	1,121,485	2,008,694	84,395	31,546	21,31
	1880	4,008,907	536,081,835	134	139,241	254,749	781,574	1,032,810	1,695,983	75,972	28,578	17,29
	1870	2,659,985	407,735,041	153								
	1860	2,044,077	407,212,538	199								
	1850	1,449,073	293,560,614	203								
North Atlantic Division	1890	658,569	62,743,525	95	38,425	49,036	117 214	195,364	254,510	3 287	733	107 37
	1880	696,139	67,985,640	98	42,221	52,578	125,836	203,168	267,218	4,156	964	89,52
	1870	601,595	62,744,384	104								
	1860	564,935	61,081,545	108								
	1850	489,754	55,162 835	113								
South Atlantic Division	1890	749,600	100,157,573	134	38,821	63,727	189,431	151,889	275,966	21,736	8,030	32,98
	1880	644,429	101,419,563	157	32,570	53,977	140,921	124,583	257,620	25,037	9,718	28,28
	1870	374,102	90.213,055	241								
	1860	301,940	106,520,771	353								
	1850	248,196	92.461 (10	376								

	Годы.	Общее число фермъ	Общая площадь въ акрахъ.	Средние размѣры фермъ.	Число фермъ ниже 10 акровъ.	Число фермъ 10 — 20 акровъ.	Число фермъ 20 — 50 акровъ.	Число фермъ 50—100 акровъ.	Число фермъ 100—500 акровъ.	Число фермъ 500 — 1000 акровъ	Число фермъ выше 1000 акровъ	Плотность населенія на кв. милю.
North	1890	1,923,822	256,586,994	133	36,269	51,984	297,511	526,935	983,218	23,437	4,468	29,68
Central	1880	1,697,968	206,982,157	122	33,661	53,551	295,486	209,160	787,512	15,601	2,990	23,04
	1870	1,125,078	139 215,269	124								
Division . .	1860	772,165	107,899,590	140								
	1850	437,597	62,686,490	143								
South	1890	1,086,772	156,448,294	144	31,235	93,818	282,933	232,497	107,328	26,666	12,295	18,94
Central . . .	1880	886,648	133,500,223	151	27,110	90 322	209,596	185,727	336,362	25,872	11,659	16,51
	1870	510,998	99,843 247	194								
Division . . .	1860	370,373	118,992,965	321								
	1850	266,816	77,645,466	291								
Western . . .	1890	145,878	47,282.233	324	5,444	6,985	15,688	14,800	87,672	9,269	6,020	2,58
	1880	83,723	26,194 252	313	3,679	4,321	9,734	10,172	47,271	5,299	3,247	1,50
	1870	48,212	16,219,086	336								
Division . . .	1860	34,664	12,717,667	367								
	1850	6,712	4,664,213	695								

создали также возможность существованія тѣхъ гигантскихъ фермъ на западѣ Соед. Шт., которыя извѣстны подъ именемъ bonanza-farms.

Естественная тенденція измѣненія фермъ, вмѣстѣ съ ростомъ населенія и растущей интенсивностью воздѣлыванія земли, состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи среднихъ размѣровъ фермы. Несмотря на паденіе цѣнъ, которое, совершенно естественно, задерживаетъ интенсификацію земледѣлія и связанное съ нимъ сокращеніе средняго размѣра фермъ, процессъ этотъ происходитъ и въ Америкѣ хотя не одинаково въ разныхъ районахъ [1]). Совершенно явственно онъ выраженъ въ наиболѣе густонаселенной и промышленной части Соед. Шт.—North Atlantic Division. Какъ мы уже знаемъ, подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса здѣсь происходитъ общее сокращеніе какъ сельскохозяйственной площади, такъ и числа фермъ, причемъ послѣднее сокращается во всѣхъ категоріяхъ фермъ Однако, очевидно, наименѣе устойчивымъ въ эпоху кризиса оказывается, какъ и въ Европѣ, крупное хозяйство: оно подалось въ наибольшей степени, какъ объ этомъ нужно заключить по косвенному признаку сокращенія среднихъ размѣровъ фермъ (къ сожалѣнію, въ цензѣ свѣдѣнія о числѣ фермъ данныхъ размѣровъ не восполняются свѣдѣніями объ ихъ площади, такъ что един-

---

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ американскій авторъ естественный ходъ развитія земледѣлія въ Соед. Шт.: „земледѣліе въ Америкѣ подвергается тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и во всѣхъ густо населенныхъ странахъ По мѣрѣ того какъ населеніе страны растетъ, крупное земледѣліе вблизи обширныхъ центровъ должно уступить мѣсто мелкому хозяйству или truck farming. При обширности площадей дешевой дѣвственной почвы фермеры могутъ получать хорошую прибыль, воздѣлывая обширныя пространства подъ пшеницей, зерномъ, хлопкомъ, вмѣстѣ содержа извѣстное количество скота. Но по мѣрѣ того, какъ почва истощается, издержки производства увеличиваются, а цѣнность земли растетъ вслѣдствіе роста населенія, налоги на землю также растутъ, почти поглощая всю прибыль. Скоро становится болѣе выгоднымъ обрабатывать земельные участки меньшихъ размѣровъ и извлекать изъ земли большее количество продукта. Съ теченіемъ времени, хотя примѣняются и улучшенные методы производства, даже и эта интенсивная система, по крайней мѣрѣ, относительно рыночныхъ продуктовъ, становится все менѣе доходной благодаря растущей стоимости труда, производства, земли“ и т. д (*Jerome Dowd.* Natural causes of Agricultural Depression въ Gunton's Magazine. Jan. 1897, стр. 53) Ср. новѣйшій отзывъ Зеринга: *M. Sering.* Die Agrarfrage und der Socialismus (Schmoller's Jahrbuch, 1899, IV, 1523).

ственнымъ показателемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ распредѣленіи площади, является средній размѣръ фермъ). Процессъ децентрализаціи хозяйства опредѣленно выраженъ въ South Atlantic Division, гдѣ постепенно ликвидируются дѣла крупнаго землевладѣнія, имѣвшаго своимъ экономическимъ базисомъ рабство; здѣсь при сокращеніи среднихъ размѣровъ фермъ, увеличилось число фермъ всѣхъ категорій, кромѣ двухъ категорій,—самыхъ крупныхъ фермъ отъ 500 до 1,000 и выше 1,000 акровъ. Сѣвернымъ и южнымъ Атлантическимъ отдѣломъ кончается площадь старыхъ поселеній въ Соед. Шт. Мы вступаемъ теперь въ область, колонизація которой еще не закончена, а продолжается и въ настоящее время; общая площадь воздѣлываемой земли здѣсь растетъ. Не взирая на это въ одномъ изъ этихъ отдѣловъ—South Central Division, гдѣ площадь воздѣлыванія расширяется медленнѣе чѣмъ въ остальныхъ, происходитъ тоже уменьшеніе среднихъ размѣровъ фермъ: число фермъ всѣхъ категорій здѣсь растетъ, но площадь мелкаго хозяйства, очевидно, усиливается быстрѣе нежели крупнаго. За то иное имѣемъ мы въ North Central и Western Division (изъ которыхъ идетъ пшеничная конкурренція). Средніе размѣры фермъ здѣсь за послѣднее десятилѣтіе чувствительно повысились. Я прошу, однако, обрадованныхъ марксистовъ обратить вниманіе, что концентраціи, столь любезной ихъ сердцу, все-таки не происходитъ: здѣсь растутъ по численности фермы всѣхъ категорій (кромѣ только фермъ 10—20 акровъ въ N. C. Д.,—деталь, не мѣняющая картины) и ростъ среднихъ размѣровъ фермъ, слѣдовательно, долженъ быть всецѣло отнесенъ на счетъ вновь колонизуемыхъ и привлекаемыхъ къ обработкѣ земель. Очевидно, привлеченіе къ воздѣлыванію новыхъ земель происходитъ въ формѣ крупныхъ и очень крупныхъ фермъ,—здѣсь главный центръ извѣстныхъ Bonanza-farms, пшеничныхъ фабрикъ, фермъ Дарлимпля, однимъ словомъ, Эльдорадо марксистовъ [1]).

---

[1]) Можно даже детально, для нѣкоторыхъ штатовъ, установить по даннымъ ценза эту связь между воздѣлываніемъ новыхъ земель и ростомъ среднихъ размѣровъ фермъ.

	Средній размѣръ фермъ.		Земледѣльческая площадь.	
	1880	1890	1880	1890
Висконсинъ . . .	114	115	15,353,118	16,787,988
Миннесота. . .	145	160	13,403,019	18,663,645

Не трудно понять почему первоначальный захватъ земель происходитъ именно въ формѣ крупнаго хозяйства.

Происхожденіе этихъ крупныхъ фермъ стоитъ въ связи съ тѣмъ надѣленіямъ землей желѣзнодорожныхъ компаній (Land-grants), о которомъ было сказано выше, а также и нѣкоторыми другими надѣленіями. „Калифорнскія фермы произошли изъ старинныхъ испанскихъ надѣленій землей, а фермы Миннезоты и Дакоты изъ желѣзнодорожныхъ надѣленій. Исторія сѣверозападныхъ крупныхъ фермъ (big farms) такова: земля продавалась желѣзнодорожными компаніями первоначально около доллара за акръ. Прочія земли, въ тѣхъ частяхъ, которыя не были подарены желѣзнымъ дорорамъ, покупались на основаніи preemption law повѣренными крупныхъ фермъ“ [1]). Возникновеніе крупныхъ фермъ есть поэтому не результатъ концентраціи мелкихъ, но расхищенія общественныхъ земель за безцѣнокъ. Эти земли, доставшіяся ни за что, стремились подвергать самой поверхностной обработкѣ, но въ огромномъ количествѣ (до нѣсколькихъ тысячъ акровъ). Возможность воздѣлыванія такихъ обширныхъ земель стоитъ въ связи, съ одной стороны, съ ровнымъ характеромъ мѣстности, облегчавшемъ машинную обработку, а съ другой съ новѣйшими машинами, позволявшими сводить затраты труда къ минимуму и подвергать поверхностной обработкѣ огромную площадь [2]). Экономическимъ нервомъ всего этого явились, конечно, желѣзныя дороги, сближавшія пустыни Америки съ самыми населенными центрами земного шара. Понятно, что машинное производство—въ интересахъ наибольшаго использованія дорого стою-

Айова	134	151	24,752,700	30,491,541
С. Дакота	218	277	3,800,656	7,660,333
Небраска	157	190	9,944,826	21,593,444
Канзасъ	155	181	21,417,468	30,214,456
Техасъ	208	225	36,292,219	51,406,937

Благодаря этимъ-то штатамъ повышается и средній размѣръ фермъ для всего государства, и это подаетъ поводъ тѣмъ, кто себя всего привольнѣй чувствуетъ среди такихъ ничего не говорящихъ среднихъ, выведенныхъ изъ столь огромной территоріи, съ столь различными условіями, лишь констатировать, что въ Соед. Шт. благополучно происходитъ желанная концентрація.

[1]) Smalley, l. c. 245.

[2]) „Крупныя фермы были бы невозможны безъ новѣйшихъ машинъ“ (Smalley, ibid).

щихъ машинъ—было выгоднѣе въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. тѣмъ болѣе, что при этомъ достигалась экономія общихъ издержекъ производства [1]). (Несомнѣнно, однако, что размѣры фермъ превышали во многихъ случаяхъ технически возможные и желательные размѣры, въ такомъ случаѣ крупныя фермы представляли просто соединеніе нѣсколькихъ фермъ въ одной администраціи). Паденіе цѣнъ на хлѣбъ, вызванное прежде всего воздѣлываніемъ новыхъ земель, вело, естественно, также къ повышенію размѣровъ фермъ, какъ основанныхъ на собственномъ трудѣ, такъ и наемномъ, чтобы поддерживать прежній уровень дохода. Однако, съ извѣстнаго момента пониженіе цѣнъ становится вреднымъ для крупнаго хозяйства, дѣлая его мало доходнымъ [2]).

Огромныя площади земли, попавшіяся въ руки земельнымъ спекулянтамъ, воздѣлывались хищническимъ образомъ; всѣ серьезные европейскіе изслѣдователи относятся съ единогласнымъ осужденіемъ къ этому способу веденія хозяйства, который вызоветъ, вѣроятно, не одно проклятіе у будущихъ поколѣній [3]).

Условіемъ существованія этихъ гигантскихъ фермъ является, очевидно, изобиліе свободныхъ земель, не имѣющихъ цѣны въ виду рѣдкости населенія. Онѣ представляютъ собою, поэтому, явленіе переходнаго характера, какъ въ этомъ соглашаются всѣ изслѣдователи [4]), отмѣчаютъ извѣстную фазу колонизаціи Соед. Шт.

---

[1]) Wells приводитъ, напр., расчетъ, по которому стоимость производства 100 фунтовъ пшеницы варьируетъ такъ: при размѣрахъ фермы въ 1000 акровъ средняя стоимость опредѣляется въ $92^1/_2$ цента, при 2000 акровъ—85 ц., при 6000—75 ц., при 15000—60 ц., при 30,000—50 ц. и при 50000—40 ц (*Wells*. Recent economic changes etc. London. 1890 стр. 99)

[2]) „Низкія цѣны пшеницы и повышающаяся цѣна земли измѣнили всѣ шансы крупнаго хозяйства. Оно даетъ теперь только умѣренный процентъ на капиталъ“ и т. д. (Smalley l. c 245—6).

[3]) „На фермѣ Дарлимпля большая часть полей воздѣлывается уже 15 лѣтъ безъ всякаго удобренія, также точно и на другихъ фермахъ. Хозяйство на этихъ огромныхъ пшеничныхъ фермахъ также просто, какъ и грубо. Оно соотвѣтствуетъ беззастѣнчивой погонѣ за долларомъ, которая характеризуетъ хозяйственную жизнь американцевъ“ (Wohltmann' l. c. 23). Ср *v Mendel*. Die landwirtschaftliche Production in den Ver. St. von Nordamerika etc. 1881, стр. 8.

[4]) Ср Smalley, Douai, v. Mendel, Ratzel, Sering, Claudio Jannet. „крупная, собственность должна сыграть въ Соед. Шт. только переходную роль Она раздробляется сама собой, по мѣрѣ того какъ растетъ населеніе“ и т. д. (l c. 127).

Вмѣстѣ съ уплотненіемъ населенія и переходомъ къ интенсивному земледѣлію онѣ уступятъ мѣсто болѣе мелкому хозяйству.

Вообще можно сказать, что по мѣрѣ утраты Соед. Шт. своего колоніальнаго характера, происходитъ и европеизація условій земледѣлія. Развитіе земледѣлія и здѣсь связано съ постепеннымъ уменьшеніемъ среднихъ размѣровъ фермъ и ведетъ къ усиленію самостоятельныхъ крѣпкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, для развитія которыхъ свободныя учрежденія Соед. Шт., вмѣстѣ съ американской предпріимчивостью, представляетъ исключительно благопріятныя условія. Крупное же хозяйство имѣетъ здѣсь еще меньше шансовъ чѣмъ въ Европѣ, ибо основной камень преткновенія,—рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ.—въ Америкѣ ставится острѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Заключеніе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Основныя особенности современнаго момента развитія капитализма.

Капиталическое производство никогда не являлось, строго говоря, *народнымъ* хозяйствомъ, уже его первые шаги отмѣчены интернаціональнымъ характеромъ. Въ настоящее же время, въ своемъ цѣломъ, капитализмъ представляетъ собою, несомнѣнно, явленіе *мірового* хозяйства, которое можетъ быть понято только какъ таковое. Въ особенности же судьбы развитія сельскаго хозяйства находятся въ исключительной зависимости отъ мірового рынка. Поэтому, чтобы подвести окончательные итоги всего нашего изученія, намъ слѣдуетъ еще выяснить современныя особенности мірового рынка.

Капиталистическія и некапиталистическія страны, составляющія въ своей совокупности цѣлое мірового хозяйства, связаны между собою нѣсколькими цѣпями, различнаго матеріала и различной прочности. Всѣ эти различія погашаются въ понятіи *внѣшней торговли*, которая представляетъ собою общій итогъ зависимости странъ между собою; но они должны быть особо выдѣлены въ теоретическомъ анализѣ.

Первая цѣпь, связующая между собою всѣ культурныя страны, есть международная торговля въ собственномъ смыслѣ, какъ результатъ международнаго раздѣленія труда. Эта цѣпь, выкованная изъ прочнаго металла, становится все прочнѣе съ развитіемъ культуры. Въ основѣ этой формы раздѣленія труда лежатъ есте-

ственныя различія въ условіяхъ производства, позволяющія производить данный товаръ при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ (въ силу какихъ бы то ни было причинъ) или вообще создающихъ возможность производства даннаго товара (напр. опредѣленный климатъ). Особенность этого раздѣленія труда состоитъ въ томъ, что всѣ мѣняющіяся страны выигрываютъ отъ такого обмѣна, онъ предполагаетъ, поэтому, отношенія равенства и отсутствіе эксплуатаціи одной страны другой. Это раздѣленіе труда является естественнымъ послѣдствіемъ роста и утонченія потребностей, которому не въ силахъ удовлетворить даже разносторонне развитое внутреннее производство. По справедливому замѣчанію Зомбарта, эта форма внѣшней торговли растетъ и будетъ расти вмѣстѣ съ культурой [1]). Именно ростомъ этого рода внѣшней торговли объясняется тотъ фактъ, что наибольшая доля торговли самыхъ культурныхъ странъ падаетъ на обмѣнъ ихъ между собою; „рынокъ“ въ наибольшей степени создаютъ другъ для друга капиталистическія страны. Такъ, въ 1897 году изъ общей цѣнности вывоза британскихъ товаровъ въ 234,219,708 ф. ст. на долю Германіи приходилось 21,602,426, слѣдов., около 10%, на долю Франціи 13,818,812; на долю Соед. Шт. 20,994,631, Бельгіи— 8,231,686; слѣдов., около четверти всего британскаго вывоза, который состоитъ, какъ извѣстно, исключительно изъ продуктовъ промышленности, направляется въ наиболѣе промышленныя страны. Ту же особенность мы замѣчаемъ и относительно ввоза, составлявшаго въ 1897 году цѣнность въ 451,028,960 ф. ст.: изъ Германіи было ввезено на 26,189,469 ф., изъ Франціи 53,346,883 ф., изъ Бельгіи 20,885,812 ф., Голландіи 28,971,316, Соед. Шт. 113,041,627 (отсюда надо, впрочемъ, выключить цѣнность продуктовъ земледѣлія) и т. д. [2]). Подобнымъ же образомъ распредѣляется торговля и другихъ капиталистическихъ странъ. Приведемъ для примѣра еще Германію. Въ общемъ составѣ

---

[1]) *W. Sombart.* Export und Kultur (Sociale Praxis, 1899 № 31).

[2]) Гобсонъ въ весьма интересной статьѣ: Foreign competition and its influence on home industries by *J. A. Hobson* (въ The Cooperative Wholesale Societies limited, England and Scotland, Annual for 1899, стр. 197—223) приводитъ слѣдующую таблицу относительно британской торговли съ чужеземными странами и британскими владѣніями, составляющими въ глазахъ британскихъ имперіалистовъ настоящій „рынокъ“ для Англіи. Ежегодная средняя въ процентахъ къ общей цѣнности товаровъ: (см. стр. 444).

германскаго ввоза[1]) приходилось на долю Великобританіи 13,6%, Соед. Шт. 13,5% (сюда входятъ и продукты земледѣлія), изъ Австро-Венгріи 12,3%, Франціи 5,1%, Бельгіи 3,8%, Нидерландовъ 3,8%, Швейцаріи3, 8%, Италіи 3,1%; такимъ образомъ большая часть ввоза направляется изъ европейскихъ или культурныхъ странъ. Въ нихъ же идетъ и большая часть вывоза: въ Великобританію—18,5%, Австро-Венгрію 11,5%, Соед. Шт. 10,5%, Нидерланды—7%, Швейцарію—6,7%, Францію—5%, Бельгію—5%, Данію 2,8%, Швецію 2,5% и т. д. Приведенныя цифры показываютъ, насколько значителенъ въ настоящее время обмѣнъ капиталистическихъ странъ между собою; преимуществъ международнаго раздѣленія труда не въ состояніи парализовать даже таможенная охрана, препятствующая развитію международнаго обмѣна въ большинствѣ государствъ

Вторая цѣпь, связующая между собою страны въ международномъ обмѣнѣ, сдѣлана совсѣмъ изъ другого металла чѣмъ первая. Это—зависимость однихъ странъ отъ другихъ какъ отъ *своего рынка*. Въ другомъ мѣстѣ[2]) я показалъ, что ни одна страна

Годы.	Ввозъ изъ		Вывозъ въ	
	чуж. стр.	брит. влад.	чуж. стр.	брит. влад
1855—9	76,5	23,5	68,5	31,5
1860—4	71,2	28,8	66,6	33,4
1865—9	76,0	24,0	72,4	27,6
1870—4	78,0	22,0	74,4	25,6
1875—9	77,9	22,1	66,9	33,1
1880—4	76,5	23,5	65,5	34,5
1885—9	77,1	22,9	65,0	35,0
1890—4	77,1	22,9	67,6	34,4
1895—7	78,4	21,6	70,1	29,9

[1]) Здѣсь берутся цифры такъ наз. спеціальной торговли. Въ статистикѣ различается генеральная торговля, включающая и транзитъ, и спеціальная торговля, состоящая исключительно изъ вывоза товаровъ собственнаго производства и ввоза товаровъ, предназначенныхъ для собственнаго потребленія. Потому вліяніе транзитной торговли, затемняющее истинный характеръ товарнаго обращенія, здѣсь устранено.

[2]) Ср. нашу работу: О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Москва. 1897. Въ этой работѣ я подвергнулъ разсмотрѣнію одну только проблему относительно развитія капиталистической торговли: существуетъ-

и ни одна отрасль производства не обладаютъ волшебной привиллегіей быть всепоглощающимъ и ничего невозвращающимъ рынкомъ, что рынкомъ являются разныя отрасли производства другъ для друга; тамъ же былъ разъясненъ элементарный механизмъ этого обмѣна. Развитое капиталистическое производство представляетъ собою самодовлѣющій рынокъ, способный къ автоматическому расширенію какъ путемъ дальнѣйшаго раздѣленія общественнаго труда или экстенсивнаго развитія капитализма, такъ и роста уже существующихъ отраслей, или интенсивнаго развитія капитализма. Необходимость *внѣшняго* рынка, т. е. рынка расположеннаго *внѣ* страны (разсматриваемой какъ политическая и таможенная единица), обусловлена тѣмъ, что часть этого автоматически расширяющагося кольца находится заграницей. При этомъ часть эта можетъ быть и очень мала и очень велика. (Мы абстрагируемъ ту часть внѣшней торговли, которая обусловлена международнымъ раздѣленіемъ труда въ строгомъ смыслѣ, какъ оно было только что охарактеризовано выше).

Легко понять, почему внѣшній рынокъ игралъ такую роль

ни необходимость внѣшняго рынка, имманентная капиталистической формѣ производства, какъ таковой и вытекающая изъ невозможности помѣстить на внутреннемъ рынкѣ прибавочную цѣнность На этотъ вопросъ былъ данъ мною отрицательный отвѣтъ, и довольно обширная журнальная полемика, возникшая у насъ по вопросу о теоріи рынковъ, не побудила меня ни въ чемъ измѣнить эту общую точку зрѣнія. Многія возраженія основываются на томъ недоразумѣніи, будто предметомъ моего изслѣдованія была не эта только проблема, всѣ элементы которой я и долженъ былъ ввести въ ея постановку, за то выключивъ всѣ посторонніе элементы.—а фактическая исторія капитализма. (Только этимъ недоразумѣніемъ я могу напр. объяснить, что на мое методологическое предположеніе о распространеніи капиталистической организаціи на всѣ отрасли производства мнѣ возражали ссылкой на значеніе некапиталистической деревни какъ источника населенія). Долженъ сознаться, что я и самъ перешелъ границы своей компетенціи, высказывая мнѣніе о вѣроятномъ развитіи отдѣльныхъ капиталистическихъ странъ, но это я дѣлалъ лишь по соображеніи полученныхъ теоретическихъ выводовъ съ несомнѣнными данными историческаго опыта, извѣстными безъ помощи спеціальнаго изслѣдованія. Я не сожалѣю даже о черезчуръ ортодоксальной внѣшней формѣ изложенія, ибо проблема о рынкахъ лучше всего ставится именно строгой логикой самого Маркса. Теперь я устранилъ бы въ „Рынкахъ“, по преимуществу, мѣста, навѣянныя Zusammenbruchtheorie, которую я тогда (1896) если не раздѣлялъ, то и не отрицалъ, принимая ее какъ неотъемлемую часть міровоззрѣнія марксизма.

въ начальныя стадіи развитія капитализма. Капиталистическое производство только зачиналось, въ странѣ господствовало натуральное хозяйство, сложнаго и многосторонняго капиталистическаго производства, которое само себѣ составляло бы рынокъ, еще не было и его предстояло создать.

Первыя отрасли капиталистическаго производства въ старыхъ странахъ (хлопчато-бумажная, шерстяная) являются неизбѣжно экспортирующими; составляя верхи народнаго хозяйства, остающагося еще натуральнымъ, онѣ находятъ сбытъ на такихъ же верхахъ другихъ, тоже преимущественно натуральныхъ хозяйствъ Тѣмъ не менѣе, въ противоположность первому случаю разсматриваемый случай характеризуется неравенствомъ въ положеніи обмѣнивающихся странъ. Одна страна должна быть при этомъ, необходимо, выше, культурнѣй, чѣмъ другая, существованіе капиталистическаго производства въ одной странѣ въ данномъ случаѣ обусловливается отсутствіемъ его въ другой. Абсолютные размѣры такого экспортирующаго капиталистическаго производства неизбѣжно ничтожны. Преобладаніе экспорта мануфактуратовъ, при незначительности общихъ размѣровъ производства, мы наблюдаемъ въ первыя стадіи капиталистическаго производства и въ Англіи, и въ Германіи.

Но по мѣрѣ его роста — и вширь, и въ глубь — создается внутренній рынокъ, и центръ тяжести все больше и больше переносится вовнутрь страны. Этому содѣйствуетъ и то, что вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма поднимается и заработная плата, по мѣрѣ того какъ, съ устраненіемъ первоначальнаго перенаселенія, экономія низкой заработной платы уступаетъ мѣсто экономіи высокой заработной платы. Увеличивается и абсолютно и относительно число лицъ, прямо или косвенно существующихъ на прибавочную цѣнность и соразмѣрно ее потребляющихъ. Норма накопленія относительно замедляется, а съ ней замедляется и темпъ расширенія производства [1]).

Эта перемѣна весьма осязательно обнаруживается данными статистики внѣшней торговли. Несмотря на ея расширеніе, выте-

---

[1]) Мое пониманіе хода капиталистическаго развитія въ этомъ пунктѣ сходится съ воззрѣніемъ Зомбарта, по которому за періодомъ „Internationalisierung des gewerblichen Kapitalismus“ „seit einigen Jahrzehnten die Periode der Nationalisierung gefolgt ist“ (*W. Sombart.* Entwickeln wir uns zum „Exportindustriestaate“? въ Sociale Praxis, 1899. № 24)

кающее изъ роста международнаго раздѣленія труда, абсолютные размѣры европейскаго экспорта въ послѣднее время въ общемъ неподвижны. Вотъ данныя относительно англійскаго, германскаго и французскаго вывоза (по цѣнности). (Относительно Англіи приведены данныя о вывозѣ британскихъ товаровъ; относительно Франціи и Германіи данныя, касающіяся только спеціальной торговли [1]). Вмѣстѣ приводятся данныя и о ввозѣ.

Годы	Англія (въ ф. ст.).				Германія (въ марк.).		Франція.	
	Вывозъ абсол.	На голову насел.	Ввозъ абсол.	На голову насел.	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ (въ млн. и 100.000 фр.)	Ввозъ.
1883	239,799,473	6 15 4	426,891,579	12 0 10	3 324,351	3.248,351	3,451,9	4,804,3
1884	233,025,242	6 10 6	390,018,569	10 18 4	3,255,939	3.260,999	3,232 5	4,343,5
1885	213,115,114	5 18 4	370,967,955	10 6 0	2,911,458	2,975,167	3,088,1	4,088,4
1886	212,725,200	5 17 2	349,863,472	9 12 8	3,041,714	2,940,772	3,248,8	4,208,1
1887	221,913,910	6 1 3	362.227,564	9 17 11	3,193,023	3,186,388	3,246,5	4.026,0
1888	234,534,912	6 7 2	387,634,743	10 10 3	3.356,429	3,429,403	3,246.7	4.107,0
1889	248.935,195	6 13 11	427,637,595	11 10 1	3,256,421	4,087,060	3,704,0	4,316,8
1890	263,530,585	7 0 7	420,691,997	11 4 6	3,409,584	4,272,910	3,753,4	4,436,9
1891	247.235,150	6 10 10	435,441,264	11 10 5	3,339,700	4 403,4	3,570,0	4,767,8
1892	227,216,399	5 19 3	423,793,882	11 2 5	3,150,100	4,227,000	3,460,7	4,188,0
1893	218,259,718	5 13 7	404,688,178	10 10 7	3,244,600	4,134,100	3,236,4	3,853,7
1894	216,005,637	5 11 5	408,344,810	10 10 7	3,051,500	4,285,500	3,078,1	3,850,4
1895	226,128,246	5 15 8	416,689,658	10 13 1	3,424,100	4,246,100	3,373,8	3,719,9
1896	240,145,551	6 1 8	441,808,904	11 3 11	3,753,800	4,558,000	3.400,9	3,798,6
1897	234,219,708	5 17 7	451,028,960	11 6 6	3,786,200	4,864,600	3,598,0	3,956,0

[1]) Данныя объ Англіи по Statistical Abstract,—Германіи въ Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich. 1899,—Франціи въ Tableau général du commerce et de la navigation Année 1897. Paris. 1898 Ср. также сопоставленія въ статьяхъ Handelsbilanz (v. Scheel) и Handelsstatistik (его же) въ Handw. d. Staatsw. (а также въ Schr. d. V. f. S P. B. 49). 2 te Aufl. B. IV. Гобсонъ въ цитиров. статьѣ употребляетъ при сравненіи данныхъ

Читатель, который дастъ себѣ трудъ вникнуть въ эту высокопоучительную таблицу, убѣдится изъ нея, прежде всего, въ томъ, что англійскій вывозъ по цѣнности за послѣдніе 15 лѣтъ не растетъ; относительно же, на голову населенія, онъ сокращается. Этотъ застой станетъ еще очевиднѣе, если мы припомнимъ какъ быстро росъ вывозъ въ старыя времена, въ эпоху англійской супрематіи: въ 1845 году онъ составлялъ цѣнность въ 60,000,000 ф. ст., а въ 1875 году уже 281,612,323—слѣдовательно возросъ въ 30 лѣтъ болѣе чѣмъ въ $4^1/_2$ раза; и даже еще въ періодъ 1875—1882 вывозъ британскихъ товаровъ увеличился съ 223 м. до 241 м. Въ то же время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что промышленность въ Англіи все это время непрерывно развивалась; это доказывается хотя бы непрерывно растущей—и абсолютно, и относительно—цифрой промышленнаго населенія; ростъ этотъ станетъ еще многозначительнѣй, если мы припомнимъ, что производительность труда все это время также непрерывно возрастала благодаря техническому прогрессу. Сопоставляя эти факты, мы необходимо должны заключить, что ростъ англійской промышленности съ 80-хъ годовъ XIX вѣка объясняется исключительно растущей ёмкостью внутренняго рынка. Представленіе объ Англіи, какъ экспортирующей странѣ par excellence, должно уже отойти въ исторію [1]).

Не такъ очевидно это для Германіи, вывозъ которой обнаруживаетъ тенденцію къ росту, хотя и неустойчивую. Нетрудно, однако показать, что ростъ этотъ отстаетъ отъ роста населенія: тогда какъ послѣднее (erwerbsthätige) выросло за періодъ между двумя промышленными переписями 1882—95 на 39,9%, вывозъ возросъ по вѣсу на 38,4%, а по цѣнности всего на 4,4%. Кромѣ этого общаго сравненія, данныя переписи 1895 года

внѣшней торговли пріемъ приведенія цѣнности товаровъ къ цѣнности 70 годовъ (съ которыхъ онъ начинаетъ сравненіе). Я считаю такой пріемъ неправомѣрнымъ и затемняющимъ, а не выясняющимъ дѣйствительный ходъ развитія внѣшней торговли.

[1]) Сказанное въ текстѣ можно было бы подтвердить данными о перераспредѣленіи вѣтвей англійскаго производства подъ давленіемъ измѣнившихся условій рынка. Такъ напр. хлопчатобумажное производство, составлявшее главную изъ экспортирующихъ отраслей англійской промышленности, постѣднее время не растетъ, напротивъ, производство желѣза и желѣзныхъ издѣлій растетъ и т. д.

позволяютъ произвести болѣе детальныя сопоставленія относительно 72 важнѣйшихъ отраслей экспортирующей промышленности [1]). Производить это сопоставленіе было бы черезчуръ обременительно, къ тому же оно было уже сдѣлано однажды Зомбартомъ, по подсчету котораго промышленный экспортъ за послѣднія два десятилѣтія, по крайней мѣрѣ, на 50% отстаетъ отъ расширенія производства, и послѣднее, по крайней мѣрѣ, на 50% приходится, слѣдовательно, на долю растущаго внутренняго рынка [2]). Цифры эти, конечно, спорны и приблизительны, но общій фактъ растущаго преобладанія внутренняго рынка и для Германіи не подлежитъ никакому сомнѣнію [3]).

Никакихъ сомнѣній не возбуждается, наконецъ, относительно того, что и во Франціи развитіе характеризуется тѣми же чертами. Въ общемъ, мы имѣемъ здѣсь такое же неподвижное состояніе вывоза какъ и въ Англіи; въ то же время и во Франціи промышленное населеніе (а также и производство) хотя и медленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, но растетъ, не сопровождаясь ростомъ вывоза; слѣдовательно, и здѣсь этотъ ростъ приходится на долю внутренняго рынка. Читатель видитъ, какъ смѣется новѣйшая статистика надъ старымъ догматомъ о необходимости внѣшняго рынка для капиталистическаго производства.

Теоретиковъ внѣшняго рынка quand même должна поставить втупикъ еще слѣдующая, въ высшей степени замѣчательная, особенность, которую можно подмѣтить на приведенной таблицѣ: это — хроническое превышеніе ввоза надъ вывозомъ [4]). Оказы-

[1]) См. Vierteljareshefte zur Statistik des Deutschen Reichs. Jahrgang 1898. Ergänzung zum Ersten Heft. Hauptergebnisse der gewerblichen Betriebszählung vom I4 Iuni 1895. Berlin. 1898. Стр. 46—49 (Gewerbekraft und Ausfuhr)

[2]) *W. Sombart*, l. c

[3]) Нѣкоторое представленіе о ростѣ внутренняго рынка даютъ тѣ данныя относительно средняго (на голову) потребленія нѣкоторыхъ продуктовъ, которыя приводятся въ Statistisches Jahrbûch fur das Deutsche Reich, гл. X. Эти данныя показываютъ рѣшительный и непрерывный ростъ средняго потребленія.

[4]) Нужно замѣтить, что свѣдѣнія о движеніи товаровъ должны быть восполнены свѣдѣніями о международномъ движеніи денегъ и благородныхъ металловъ. Не загромождая изложенія новыми цифрами, замѣчу здѣсь, что всѣ страны, имѣющія перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ по цѣнности товаровъ, имѣютъ и перевѣсъ ввоза денегъ и благородныхъ металловъ. Поэтому движеніе ихъ не парализуетъ, а только усиливаетъ указанную особенность внѣшней торговли.

вается, что внѣшняя торговля не только не облегчаетъ рынокъ отъ товаровъ, но, наоборотъ, обременяетъ его, ибо ежегодно приноситъ на рынокъ извѣстное количество цѣнностей сверхъ производимыхъ внутри страны. Чтобы дать наглядное выраженіе этому факту, приведемъ здѣсь слѣдующее сопоставленіе [1]).

Спеціальная торговля въ милл. марокъ (включая и движеніе металловъ).

	Годы.	Ввозъ	Вывозъ.	Перевѣсъ		Считая ввозъ равнымъ 100 вывозъ составляетъ
				ввоза	вывоза.	
Соед Шт. . .	1899	3,604,8	5,677,3	—	2,072,5	1,75
Австро Венгрія	1899	1,375,7	1.638,8	—	263.1	1,19
Россія	1897	1,517,6	1,595,8	—	77,6	1,05
Франція	1899	3,825,9	3,467,1	358,8	—	0,91
Бельгія	1898	1,716,0	1,514,8	202,2	—	0,88
Германія	1899	5,783,6	4,368,4	1,415,2	—	0,76
Великобританія	1899	9,506,4	6,374,3	3,374,3	—	0,65

Фактъ этотъ,—упорное и систематическое превышеніе вывоза надъ ввозомъ у главныхъ капиталистическихъ странъ, есть явленіе новое, наблюдаемое всего какую нибудь четверть вѣка (на таблицѣ можно видѣть, что въ Германіи вывозъ превышаетъ ввозъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ [2]); притомъ, повидимому, оно все болѣе усиливается. Что это значитъ? Нужно, прежде всего, устранить спеціальныя причины, имѣющія мѣсто лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, чтобы затѣмъ выдѣлить общія. Перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ Англіи въ значительной степени долженъ быть отнесенъ на долю заработковъ Англіи въ качествѣ „морского извощика“. Хотя при

[1]) Ст. Handelsbilanz (Handw. d. Staatsw, 2-te Aufl, IV, 982) О бельгійской торговлѣ см. монографію *Ernest Mahaim* La politique commerciale de la Belgique (въ Schr. d. V. f. S. P. B 49).

[2]) Только для Англіи этотъ перевѣсъ начинается раньше, но здѣсь къ тому есть спеціальныя причины (мореходство). Тѣмъ не менѣе, по подсчету Гиффена, избытокъ этотъ составлялъ въ 1854—6 гг. всего 11,2% общей торговли, а въ 1898 году уже 20,9%, т. е. относительно выросъ почти вдвое.

этомъ не производится никакого матеріальнаго продукта, тѣмъ не менѣе англійское торговое мореходство слѣдуетъ разсматривать какъ экспортирующую промышленность, занимающую, притомъ, весьма значительное количество англійскаго труда и капитала. Затѣмъ перевѣсъ этотъ отчасти слагается изъ даней, налоговъ, посылокъ и под., которыя Англія (отчасти и другія страны) получаютъ изъ своихъ колоній. Отчасти онъ долженъ быть, наконецъ, отнесенъ на долю формальностатистическихъ причинъ,— особенностей регистраціи.[1]) И тѣмъ не менѣе явленіе остается необъясненнымъ въ своемъ полномъ объемѣ, ему нужно дать объясненіе изъ общихъ экономическихъ причинъ. Причиной этой является, несомнѣнно, растущій вывозъ европейскаго капитала, проценты на который и составляютъ избытокъ ввоза надъ вывозомъ. Хотя затруднительно дать точное статистическое выраженіе этому факту[2]), однако несомнѣнно, что экспортъ капитала растетъ. Подъ вліяніемъ трудности конкурренціи на міровомъ товарномъ рынкѣ, низкаго процента въ Европѣ, таможенной охранѣ новыхъ странъ капиталъ предпочитаетъ эмигрировать самъ, вмѣсто того, чтобы вывозить товары. Такимъ образомъ, различіе странъ капиталисти-

[1]) На эти обѣ причины указываетъ какъ Гобсонъ въ цитир. статьѣ такъ и Гиффенъ въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи: *R. Giffen.* The Excess of Imports (Journal of the Royal Statist. Soc. March. 1899). Эта работа непосредственно примыкаетъ къ болѣе ранней работѣ на ту же тему (помѣщена въ Financial Essays, I) Гиффенъ отмѣчаетъ любопытную особенность статистики торговли, именно, что вся сумма мірового ввоза превышаетъ всю сумму мірового вывоза. Причина этого статистическаго курьеза состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что цѣнность вывоза обыкновенно исчисляется по цѣнности его въ моментъ отправленія, а ввоза—по цѣнности въ моментъ прибытія, слѣдов., къ ней присчитываются издержки транспорта.

[2]) Гобсонъ (l. c.) опредѣляетъ количество англійскаго капитала, помѣщеннаго въ иностранныхъ предпріятіяхъ, отъ 2 до 3 милліардовъ фунтовъ. По вычисленіямъ Börsen-Enquête-Commission Германія въ періодъ 1883—93 помѣстила въ иностранныхъ цѣнностяхъ около 5 милліардовъ марокъ, да до 1883 года, по оцѣнкѣ Шмоллера, еще столько же (*Брандтъ*, цит. соч., I, 41). Франціей, по вычисленіямъ Жоржа Леви, помѣщено заграницей до 26 милліардовъ франковъ (ib. 43). Изслѣдованіе г. Брандта принадлежитъ къ немногимъ сочиненіямъ, гдѣ обращено должное вниманіе на экспортъ капитала, это важнѣйшее явленіе новѣйшей капиталистической эволюціи. Г. Брандтъ обратилъ также вниманіе на особенности современнаго торговаго баланса капиталистическихъ странъ (стр. 50—51).

ческихъ, экспортирующихъ товары, и странъ некапиталистическихъ, ихъ импортирующихъ, все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто различію странъ, экспортирующихъ капиталъ (и имѣющихъ пассивный балансъ), и импортирующихъ капиталъ (и имѣющихъ активный балансъ, какъ Соед. Шт., Россія и др.) Эта замѣна товарнаго экспорта экспортомъ капитала есть фактъ необыкновенной исторической важности, открывающій новую эру въ исторіи мірового капитализма. Экспортъ капитала, очевидно, чрезвычайно ускоряетъ экономическое развитіе странъ, его импортирующихъ; капитализмъ становится величайшей культурной силой, насаждающей матеріальную цивилизацію во вчера еще дикихъ странахъ [1]). Въ то же время экспортъ капитала наноситъ товарному экспорту болѣе вѣрный и серьезный вредъ, нежели какая бы то ни было таможенная стѣна. Политика экспорта капитала и товарнаго экспорта, такимъ образомъ, взаимно противорѣчивы. Можно сказать, что уже и въ настоящее время товарный экспортъ, составлявшій ранѣе жизненное условіе развитія напр. англійскаго капитализма, находится при послѣднемъ издыханіи [2]). Міръ обстраивается заново и въ немъ нѣтъ мѣста старымъ отношеніямъ.

---

[1]) Излишне даже говорить, какое огромное значеніе притокъ иностранныхъ капиталовъ имѣетъ для нашего отечества. Значеніе иностраннаго капитала для судебъ нашей каменноугольной и металлургической промышленности прекрасно показано во II томѣ цит. соч. г Брандта.

[2]) Чрезвычайно характерно, что, несмотря на общее неподвижное состояніе англійскаго экспорта и на неподвижное состояніе вывоза желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, количество вывозимыхъ какъ изъ Англіи такъ и изъ Германіи машинъ растетъ. Вотъ поучительныя сопоставленія Гобсона: экспортъ стальныхъ и желѣзныхъ товаровъ въ миллионахъ тоннъ и машинъ (цѣнность въ фунтахъ стерлинговъ) составлялъ.

Жел и ст. издѣлій.	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Изъ Германіи . . .			0,8	0,7	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6	0,8	0,8	0,8	0,9		
» Бельгіи . .			0,4	0,3	0,3	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4		
» Соед. Корол. . . .			3,5	3,1	3,4	4,1	4,0	4,2	4,0	3,2	2,7	2,9	2,6		
Машины.															
Соед. Корол.	11,9	13,5	13,2	11,2	10,2	11,1	12,0	25,3	16,4	15,7	13,9	13,8	14,2	15,0	17,0
Германія	3,1	3,3	2,8	2,5	2,4	2,6	2,8	3 1	3 3	3,3	3,1	3,2	3,9	4,0	4,2

Напротивъ, въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, эпоху разцвѣта товарнаго экспорта, вывозъ машинъ изъ Англіи былъ, какъ извѣстно, запрещенъ.

Возвращаясь къ нашему исходному вопросу,—о роли внѣшняго и внутренняго рынка, мы можемъ только усилить сказанное до сихъ поръ о растущей роли внутренняго рынка сравнительно съ внѣшнимъ. Во-первыхъ, въ виду того, что экспортъ товаровъ вытѣсняется экспортомъ капитала, внутреннее развитіе производства мы еще менѣе можемъ объяснить производствомъ на внѣшній рынокъ. Во-вторыхъ, оказывается, емкость внутренняго рынка такъ велика, что онъ поглощаетъ не только собственное производство страны (какъ въ подлинномъ видѣ, такъ и въ трансформированномъ путемъ международнаго обмѣна), но и часть производства другихъ странъ, получаемую въ видѣ процентовъ на затраченный въ нихъ капиталъ и составляющую перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ торговомъ балансѣ. Этотъ излишекъ, какъ показываютъ детальныя данныя статистики торговли, лишь въ небольшой своей части состоитъ изъ денегъ, а въ большей изъ товаровъ, находящихъ сбытъ на внутреннемъ рынкѣ страны (безразлично въ данномъ случаѣ, кто является потребителями, и какъ,—производительно, т. е. съ цѣлью накопленія и расширенія производства, или непроизводительно они потребляются). Слѣдовательно, выгодная затрата капитала заграницей возможна только при условіи растущей емкости внутренняго рынка.

Третья цѣпь, связывающая страны въ международномъ обмѣнѣ, отлита изъ совсѣмъ иного металла, чѣмъ двѣ предыдущія. Она обязана своимъ существованіемъ закону убывающаго плодородія почвы и связываетъ между собою страны, вывозящія продукты земледѣлія, и ихъ ввозящія. Эта зависимость странъ ввозящихъ отъ странъ вывозящихъ характеризуетъ собою, мы знаемъ, развитіе мірового капитализма какъ явленія популяціонистическаго и находится въ зависимости отъ особаго способа поднятія емкости территоріи относительно населенія въ капиталистическомъ обществѣ. Стоимость ввозимыхъ предметовъ пищи играетъ въ теперешнихъ капиталистическихъ странахъ немалую роль въ общемъ составѣ импорта: такъ въ Англіи она составляла въ 1896 году (по подсчету Гобсона) цѣнность въ 154,315,000 ф. ст. при общей цѣнности ввоза въ 441,808,904 ф., слѣдовательно болѣе $^1/_3$ цѣнности; въ Германіи въ 1899 году ввозъ предметовъ пищи (включая скотъ) составлялъ 1,724,4 милл. мар. изъ общей цѣнности ввоза въ 5,783,6 милл. мар. или также около $^1/_3$; во Франціи въ 1897 году ввозъ предметовъ

пищи составлялъ 1,028,6 милл. фр. при общей цѣнности ввоза въ 3,956,0 милл. фр. слѣдовательно, болѣе $^1/_4$ всего ввоза [1]). Однако, значеніе импорта продуктовъ земледѣлія нужно мѣрить не фактическими размѣрами ввозимой цѣнности (эта цѣнность за послѣднюю четверть вѣка къ тому же относительно понижается благодаря пониженію цѣнъ на продукты земледѣлія), но его историческимъ значеніемъ для импортирующихъ странъ, которыя освобождаются благодаря этому ввозу отъ ига убывающаго плодородія почвы. Капиталистическая цивилизація въ теперешнемъ масштабѣ едвали была бы возможна безъ этого условія, оно имѣетъ хотя отрицательное, но колоссальное значеніе. Городская цивилизація и промышленность, быть можетъ, уперлись бы въ барьеръ убывающаго плодородія почвы, выражающагося въ ростѣ цѣнъ на продукты земледѣлія, какъ онъ начался было въ первую половину капиталистическаго развитія, и зачахли бы недоразвившись.

Очевидно, что, хотя производительныя способности странъ, вывозящихъ продукты земледѣлія, еще не исчерпаны, но всетаки этому направленію развитія приходитъ конецъ, до котораго еще доживетъ, можетъ быть, наше поколѣніе. Та стадія развитія мірового населенія, которую представляетъ собою капитализмъ съ его чрезвычайными уплотненіями населенія въ однихъ мѣстахъ, сопровождаемыми рѣдкимъ населеніемъ и обиліемъ свободныхъ земель въ другихъ, почти уже пройдена. Незримый, но могучій факторъ соціальнаго развитія, ростъ мірового населенія, своей стихійной силой подкашиваетъ прежніе устои существованія общества и требуетъ созданія новыхъ. И не стремятся ли, конечно, безсознательно къ ускоренію этого процесса тѣ самыя страны, которыя всего болѣе заинтересованы въ поддержаніи status quo, путемъ эмиграціи въ новыя страны и своего населенія и, что еще важнѣе, своего капитала. Благодаря послѣдней необыкновенно быстро создаются здѣсь свои промышленные центры, растетъ неземледѣльческое населеніе, образующее мѣстный рынокъ для земледѣлія. Начиная съ опредѣленнаго момента, вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ не можетъ не начать сокращаться, а цѣны на нихъ расти, что сдѣлаетъ привозъ этихъ продуктовъ изъ отдаленныхъ странъ невыгоднымъ. Страны принуждены бу-

[1]) Правда, изъ этихъ цифръ нужно сдѣлать еще вычетъ цѣнности вывоза предметовъ пищи; но онъ вездѣ въ нѣсколько разъ ниже ввоза.

дутъ обратиться къ своему собственному земледѣлію,—наступитъ новая стадія въ развитіи мірового населенія.

Такимъ образомъ, взаимная зависимость странъ другъ отъ друга на почвѣ ввоза и вывоза земледѣльческихъ продуктовъ есть также временное явленіе, связанное съ совершенно опредѣленнымъ моментомъ развитія мірового населенія Съ постепеннымъ его прекращеніемъ, страны и относительно продуктовъ земледѣлія принуждены будутъ обратиться къ внутреннему рынку. Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ соціальный,—вопросъ производства, а не распредѣленія. Какъ справится цивилизація будущаго съ этимъ вопросомъ, мы не можемъ угадать. Съумѣетъ-ли будущее человѣчество техническими изобрѣтеніями отклонить отъ себя тяжелое иго закона убывающаго плодородія или обратится къ регулированію прироста населенія, какъ единственному исходу, кто знаетъ. Исторія дѣлаетъ здѣсь поворотъ, и, находясь еще за угломъ, какъ можемъ видѣть мы, что̀ предстоитъ человѣчеству на его дальнѣйшемъ пути!

Какіе же могутъ быть сдѣланы выводы относительно капиталистическаго развитія въ его цѣломъ? Единственный, заслуживающій вниманія, діагнозъ и прогнозъ относительно капиталическаго хозяйства принадлежитъ Марксу и сдѣланъ 33 года тому назадъ (строго говоря, прогнозъ этотъ полностью имѣется уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ, въ 1847 году; по этому счету онъ имѣетъ болѣе чѣмъ полувѣковой возрастъ). По ученію Маркса, естественная концентрація производства неизбѣжно ведетъ къ обращенію средствъ производства изъ частныхъ въ общественныя и установленію соціалистическаго хозяйства. Насколько можно признать справедливымъ ученіе Маркса для настоящаго времени? Никто не споритъ, что Марксъ черезчуръ упростилъ и схематизировалъ ходъ развитія промышленности, въ которомъ тенденція къ концентраціи производства есть только одна изъ многочисленныхъ тенденцій, какъ централизующихъ, такъ децентрализующихъ. Равнодѣйствующая этихъ тенденцій выражается, дѣйствительно, въ общей, хотя и слабо выраженной, концентраціи производства, но эта концентрація ни по характеру, ни по темпу, ни по значенію не является такой, какой представлялъ ее Марксъ. Тѣмъ не менѣе для обрабатывающей промышленности за діагнозомъ Маркса нельзя отрицать извѣстной отно-

сительной правоты. Но онъ совершенно неправъ касательно земледѣлія. Въ земледѣліи не только никакой концентраціи не происходитъ, но съ чрезвычайной силой выступаютъ децентрализующія тенденціи. Тотъ, для кого лучшее будущее неразрывно связано съ представленіемъ о концентраціи, долженъ махнуть рукой на земледѣліе, какъ область совершенно безнадежную.

Но разъ земледѣліе и промышленность (а также и торговля) характеризуются если не противоположнымъ, то, по крайней мѣрѣ, различнымъ ходомъ развитія, можно-ли развитіе капиталистическаго хозяйства опредѣлить какой-нибудь одной господствующей тенденціей, какъ попытался слѣлать это Маркъ? *Очевидно, нельзя.* Формула, по которой этотъ ходъ развитія опредѣлялся бы въ сторону концентраціи или наоборотъ, была бы невѣрна, потому что не учитывала бы всей фактической сложности развитія. Поэтому общее воззрѣніе Маркса о развитіи капитализма, съ неотвратимой необходимостью ведущемъ къ коллективизму, также невѣрно.

Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, хотя и разными способами: въ промышленности концентрируя производство и подвергая его все болѣе общественному контролю, въ земледѣліи—уничтожая крупное предпріятіе и ставя на его мѣсто крѣпкое крестьянское. Оба эти теченія объединяются въ мощномъ демократическомъ потокѣ, который—можно сказать съ чувствомъ удовлетворенія—приноситъ новыя, лучшія, болѣе удовлетворяющія требованіямъ соціальной справедливости общественныя формы.

Но если діагнозъ и прогнозъ Маркса уже потеряли свое значеніе въ примѣненіи къ развитію формъ капиталистическаго предпріятія, то еще больше они утратили цѣну въ примѣненіи къ развитію капиталистическаго хозяйства въ его цѣломъ. Они основываются на наблюденіяхъ надъ развитіемъ англійскаго капитализма 40—50 хъ и, пожалуй, начала 60 годовъ, — эпохи англійской супрематіи, момента высшаго развитія товарнаго экспорта. Капиталистическое развитіе всѣхъ прочихъ странъ и связанныя съ нимъ измѣненія въ міровомъ рынкѣ—все это пришло позже. Связанность странъ во взаимномъ обмѣнѣ на почвѣ международнаго раздѣленія труда тогда только еще устанавливалась. Про-

блемы, которую ставитъ будущему законъ убывающаго плодородія почвы, совсѣмъ не существовало для Маркса (хотя эту проблему въ общетеоретической постановкѣ онъ и могъ видѣть). Прогнозъ Маркса относится, поэтому, къ капиталистическому *plusquamperfectum*. Ибо теперь, когда ни одна страна не можетъ, строго говоря, жить безъ другой, по крайней мѣрѣ, не терпя болѣе или менѣе существеннаго ущерба, когда народное хозяйство во многихъ отрасляхъ стало и все болѣе становится міровымъ, спрашивается, какую область примѣненія долженъ имѣть законъ концентраціи? Хозяйство какой-либо отдѣльной страны? Но здѣсь онъ не имѣетъ рѣшающаго значенія, ибо затрогиваетъ только тѣ отрасли ея производства, которыя находятся въ предѣлахъ этой страны, а не гдѣ-нибудь за океаномъ. Міровое хозяйство? Но оно состоитъ изъ странъ и народовъ, находящихся на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія, и нельзя, не рискуя возбудить подозрѣнія въ своей вмѣняемости, мечтать объ объединеніи въ соціалистическомъ государствѣ русскихъ мужиковъ, англичанъ, негровъ и зулусовъ. Прогнозъ Маркса, имѣвшій опредѣленное значеніе для своего времени (хотя и тогда онъ незаконно игнорировалъ зависимость Англіи отъ другихъ странъ), для настоящаго времени не невѣренъ, а просто неприложимъ, ибо лишенъ всякаго содержанія. Онъ принадлежитъ къ числу такихъ же, осмѣянныхъ исторіей, близорукостей, какими были старинныя попытки заглянуть въ будущее, напр. Фурье и под. [1]). Этой устарѣлости Марксова ученія не хотятъ замѣчать только его слѣпые послѣдователи, которые, по прежнему, кичливо опираютъ на этотъ прогнозъ свое зданіе „научнаго“ соціализма.

Ошибка Маркса да послужитъ намъ предостереженіемъ. Она объясняется не тѣмъ, что ему не хватало ума,—умъ онъ имѣлъ геніальный,—и не тѣмъ, что ему не хватало знаній,—онъ принадлежитъ къ самымъ ученымъ экономистамъ не только своего, но и всѣхъ временъ, — она объясняется общими соціально-философскими воззрѣніями Маркса, его переоцѣнкой дѣйствительныхъ способностей и значенія соціальной науки, границъ соціальнаго познанія. Онъ считалъ возможнымъ мѣрить и предопредѣлять будущее по прошлому и настоящему, между тѣмъ каждая

[1]) Конечно, этимъ я не уничтожаю научной пропасти между Фурье и Марксомъ.

эпоха приноситъ новые факты и новыя силы историческаго развитія,—творчество исторіи не оскудѣваетъ. Поэтому всякій прогнозъ относительно будущаго, основанный на данныхъ настоящаго, неизбѣжно является ошибочнымъ. Строгій ученый беретъ здѣсь на себя роль пророка или прорицателя, оставляя твердую почву фактовъ [1]).

Поэтому, что касается предсказаній на будущее, то честное *ignoramus* мы предпочитаемъ соціальному знахарству или шарлатанству. Завѣса будущаго непроницаема. Наше нынѣшнее солнце освѣщаетъ лишь настоящее, бросая косвенный отблескъ на прошлое. Этого достаточно для насъ, для нашей жизни, для злобъ нашего дня и его интересовъ. Но мы тщетно вперяемъ свои взоры въ горизонтъ, за который опускается наше заходящее солнце, зажигая тамъ новую зарю грядущему, невѣдомому дню.

---

[1]) Общее философское обоснованіе этого воззрѣнія, составляющаго основное убѣжденіе автора, можетъ быть дано только въ спеціальномъ соціально-философскомъ изслѣдованіи, къ которому авторъ вскорѣ надѣется обратиться.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

Крупное производство въ земледѣліи (*Продолженіе*).

Стр

Глава IV. Исторія германскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. 1—148

1) *Развитіе земледѣлія въ Пруссіи въ XIX вѣкѣ до эпохи теперешняго аграрнаго кризиса (до 70-хъ годовъ)*. Вступительныя замѣчанія 1—4. Экономическій характеръ Пруссіи начала XIX вѣка 5—78. Состояніе земледѣлія 9—13. Паденіе крѣпостного права 14—20. Характеристика народнаго хозяйства Пруссіи до 1849 года 21. Характеръ роста населенія 22—28 промышленности 29—32. Условія прироста населенія 33—5. Данныя Шуберта 36 — 39 Ленгерке 39—41. Состояніе остальныхъ частей Германіи 42—3. Характеръ прусскаго земледѣлія въ этотъ періодъ 44—7. Кризисъ 20-хъ годовъ 48—49. Отношеніе крупнаго и мелкаго хозяйства въ эту эпоху, условія развитія крупнаго и мелкаго хозяйства 50—59. Второстепенные признаки преобладанія крупнаго хозяйства 59—64. Кредитный кризисъ 60-хъ годовъ 64—67. Статистика прироста населенія и распредѣленія его по профессіямъ въ третью четверть XIX вѣка 68—72. Характеръ эмиграціи 72—73. Характеристика прусскаго земледѣлія въ этотъ періодъ 73—77. Положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго въ этотъ періодъ 77—80. 2) *Эпоха аграрнаго кризиса въ Германіи*. Статистика населенія въ новѣйшее время 81—5. Промысловая статистика 86—8. Характеристика земледѣлія 88—89. Значеніе кризиса для крупныхъ хозяевъ. Задолженность 90—95— рабочій вопросъ 95—102. Новѣйшія измѣненія въ организаціи труда въ земледѣліи 102—110. Недостатокъ рабочихъ въ

Стр.

земледѣліи 111—115. Критическое состояніе крупнаго хозяйства 116—120 Статистика распредѣленія хозяйствъ въ 1882—1895 годахъ 120—127. Новѣйшія измѣненія въ производительности хозяйства 128—132 Какъ совмѣщается ростъ производительности сельскаго хозяйства съ убылью сельскохозяйственнаго населенія? 132—135. Экономическія условія новѣйшаго роста хозяйства 135—136. Два вопроса соціальной политики: объ отношеніи соціалдемократіи къ сельскимъ рабочимъ 137—140 о хлѣбныхъ пошлинахъ 141—145 Общій обзоръ 145—148.

Глава V. Исторія французскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. 149—215

Вступительныя замѣчанія 149—151 Характеръ народнаго хозяйства въ до-революціонной Франціи 151—4. Характеръ сельскаго хозяйства 154—7. Перенаселеніе 157—8. Несостоятельность крестьянскаго хозяйства 159—160 Крупное хозяйство и вопросъ о сельскихъ рабочихъ 160—162. Голодовки и бѣдность 163—5 Значеніе революціи 165—6. Статистика населенія 167—9. Судьбы земледѣлія въ первую половину XIX вѣка 169—71 Отношеніе между крупнымъ и мелкимъ хозяйствомъ 171—4. Вопросъ о капиталистическихъ земледѣльцахъ 174—5—о наемныхъ рабочихъ 175—6—о перенаселеніи 177—8. Значеніе для Франціи слабаго развитія перенаселенія 179—81 Причины прогресса французскаго земледѣлія 181. Условія наступленія аграрнаго кризиса 182 f. Его цифровая характеристика 183—6 Измѣненія въ количествѣ земледѣльческаго населенія 186—7 —въ распредѣленіи хозяйствъ 188—192—въ количествѣ хозяевъ 192—5. Сокращеніе числа сельскихъ рабочихъ 196—7 Вліяніе кризиса на ренту и капиталъ въ земледѣліи 197—9. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ: поднятіе заработной платы 199—202. Роль здѣсь синдикатовъ 202—3. Недостатокъ рабочихъ рукъ 203—4. Причины уменьшенія числа сельскихъ рабочихъ 204—207. Условія прогресса земледѣлія въ эпоху паденія цѣнъ 208—212. Соціальнополитическіе выводы 213—14. Общій обзоръ 214—215.

Стр

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мелкое производство въ земледѣліи.

Глава VI. Условія развитія крестьянскаго хозяйства. . 216—290

1) *Общая характеристика капитализма какъ явленія популяціонистическаго.* Проблема населенія 216—220. Понятіе перенаселенія 220—224. Повышеніе емкости территоріи въ капиталистическомъ хозяйствѣ 224—227. Перенаселеніе какъ условіе происхожденія и первоначальнаго развитія капитализма 227—231. Предкапиталистическое и капиталистическое перенаселеніе 231—33. Деревенское перенаселеніе, какъ форма капиталистическаго перенаселенія 234—37. Особенный способъ уплотненія населенія въ капиталистическомъ хозяйствѣ 238—9 2) *Емкость территоріи относительно земледѣльческаго населенія.* Емкость территоріи относительно земледѣльческаго населенія въ натуральномъ хозяйствѣ 239—242—въ мѣновомъ хозяйствѣ 242—245 Примѣры 246—7. Значеніе аграрнаго кризиса для крестьянскаго хозяйства 247—248 Значеніе формъ землевладѣнія для емкости населенія 249. Результаты перенаселенія 249—251. Кустарная промышленность 251—254 Землевладѣніе промышленныхъ рабочихъ 254—5. Отходъ земледѣльческій и промышленный 255—6. Состояніе крестьянскаго хозяйства въ эпоху предкапиталистическаго перенаселенія 257—260. Крестьянскій приростъ населенія, примѣры 261—264. Индивидуализмъ землевладѣнія какъ условіе приспособленія населенія къ емкости территоріи 265—66. Значеніе наслѣдственнаго права и его организаціи 266—8 3) *Земельная собственность и ея мобилизація. Общая характеристика крестьянскаго хозяйства.* Значеніе земельной мобилизаціи 268—271. Задолженность крестьянскаго землевладѣнія вслѣдствіе мобилизаціи 271—274. Другія формы мобилизаціи земли 274—6. Раздробленіе крупнаго хозяйства въ мелкое 277—9. Территоріальное распредѣленіе крупнаго и мелкаго хозяйства 279—81. Условія развитія крестьянскаго производства 281—3. Сельскохозяйственные кооперації 284—87. Крестьянство и рабочее сословіе 288—290.

Стр.

Глава VII. Судьбы Ирландіи . . . . . 291—384

1) *Періодъ до кризиса 1847 года* Общій характеръ ирландской исторіи 291—2. Мѣры, принимавшіяся Англіей для уничтоженія ирландской торговли и промышленности 292—98. Аграрныя отношенія и положеніе земледѣлія въ XVIII вѣкѣ 299—303. Періодъ ирландской автономіи 304—6. Унія и ея значеніе 307—309. Основные факты экономическаго развитія Ирландіи въ первой половинѣ XIX вѣка 309—11. Свидѣтельства о перенаселеніи парламентскихъ отчетовъ 311—18. Дальнѣйшія доказательства существованія перенаселенія 318—22. Характеръ ирландскаго земледѣлія 322—24 Чрезмѣрное дробленіе фермъ 224—26. Чрезмѣрно высокій уровень арендной платы 326—29. Мидльмены 330—31. Лэндлорды, ихъ роль въ производствѣ 332—4. Формы аренды, tenancy-at-will 334, конэкръ 335, rundale 336—38. Общее народнохозяйственное состояніе Ирландіи какъ основная причина описаннаго характера ирландскихъ арендъ 338—40. Естественное развитіе ирландскаго земледѣлія въ эту эпоху 340—2 Evictions, ихъ причины и значеніе 343—8. Голодъ 1846—7 года 348—9. 2) *Отъ кризиса 1847 года до нашихъ дней.* Значеніе голода 1846—7 года 349—350. Движеніе населенія послѣ голода 350—2. Связь между убылью населенія и ростомъ народнаго благосостоянія 253—4. Измѣненія въ ирландскомъ земледѣліи подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса 355—7. Измѣненія во внутренней организаціи ирландскаго населенія 358—61. Судьбы крупнокапиталистическаго земледѣлія 361—3. Наемные рабочіе въ земледѣліи 364—5. Прогрессъ ирландскаго земледѣлія 366—370. Развитіе арендnаго законодательства 370—1. Развитіе сельскохозяйственныхъ кооперацій 371—2. Различные признаки подъема народнаго благосостоянія 372—376. Судьбы сельскохозяйттвенныхъ рабочихъ: по отчетамъ 1870 года 377—379.—По новѣйшимъ отчетамъ 380—3. Итоги 383—4.

Стр

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Экономическія особенности колоніальнаго развитія капитализма.

Глава VIII. Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты . . 385—441

1) *Основныя черты развитія народнаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ.* Понятіе колоніи 385—6. Ростъ населенія въ С Штатахъ 387. Отношенія между колоніей и метрополіей 388—392. Ходъ развитія американскаго капитализма 392—401. Американскій протекціонизмъ 401—4. Рабочій вопросъ въ Соед. Штат. и особенности его постановки 404—10. Возможныя измѣненія въ развитіи Соед. Штат. 410—13. 2) *Основныя черты развитія американскаго земледѣлія.* Основныя черты исторіи колонизаціи Соед. Штат. 414—17. Главныя причины американской конкуренціи 420—1. Характеръ американскаго земледѣлія 422—4. Кризисъ въ восточныхъ Штатахъ 425—8. Территоріальное распредѣленіе вѣтвей американскаго земледѣлія 429—30. Рабочій вопросъ въ американскомъ земледѣліи 430—2. Машины въ сельскомъ хозяйствѣ Соед. Штат. 432—4. Измѣненія въ распредѣленіи фермъ 434—41.

Заключеніе.

Глава IX. Основныя особенности современнаго момента развитія капитализма. . . . . 442—458

Условія взаимной связанности странъ въ международномъ обмѣнѣ: международное раздѣленіе труда 442—4. Внѣшніе рынки 445—53. Законъ убывающаго плодородія почвы 453—5. Теорія концентраціи Маркса 455—7. Заключеніе 457—8.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ, искажающія смыслъ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Надо читать:*
81 (таблица)	3-ій столбецъ, 3-ья строка	4,7%	44,7%
87 (таблица)	2-ой столбецъ (слѣва) 4 строка (сверху)	98,3%	93,3%
87 (таблица)	3-ій столбецъ (справа) 4-ая строка (сверху)	5,9	59
206 (таблица)	5 строка (справа)	10,70	40
224	7 стр. сверху	его	ею
240	7 стр. сверху	переселеніе	перенаселеніе
275	2 стр. снизу (въ текстѣ)	антиправымъ	антиправовымъ